5-74
30444р

ТРУДЫ ТОМСКАГО О-ВА ИЗУЧЕНІЯ СИБИРИ.
Томъ I.

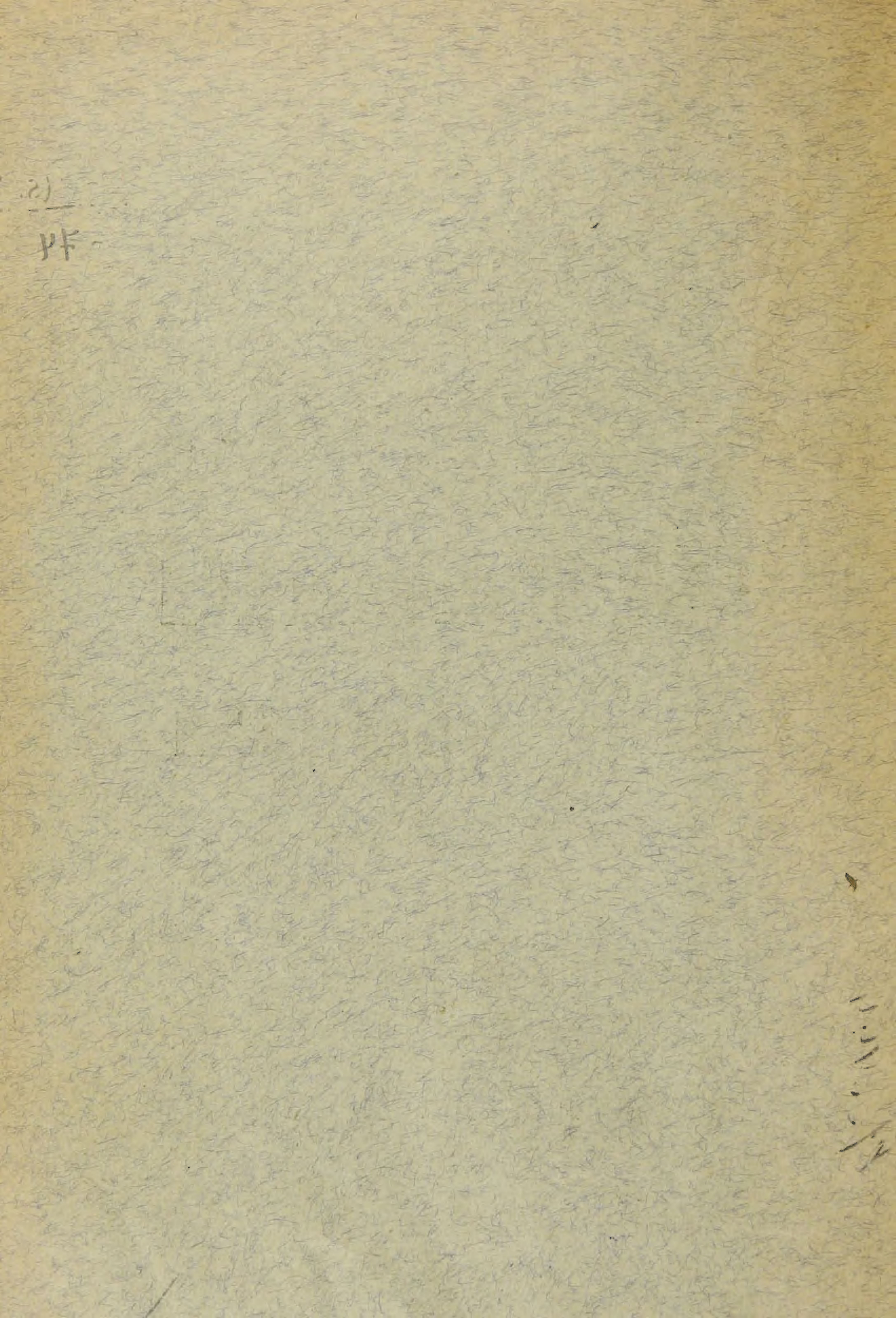
М. И. Боголѣповъ и М. Н. Соболевъ,
профессора Томскаго Университета.

3

Очерки Русско-Монгольской торговли.

Съ приложеніемъ 22 фотографій и торговой карты Монголіи.

ЭКСПЕДИЦІЯ ВЪ МОНГОЛІЮ
1910 года.



Многоуважаемому Петру Михайловичу Головачеву от М. Собол

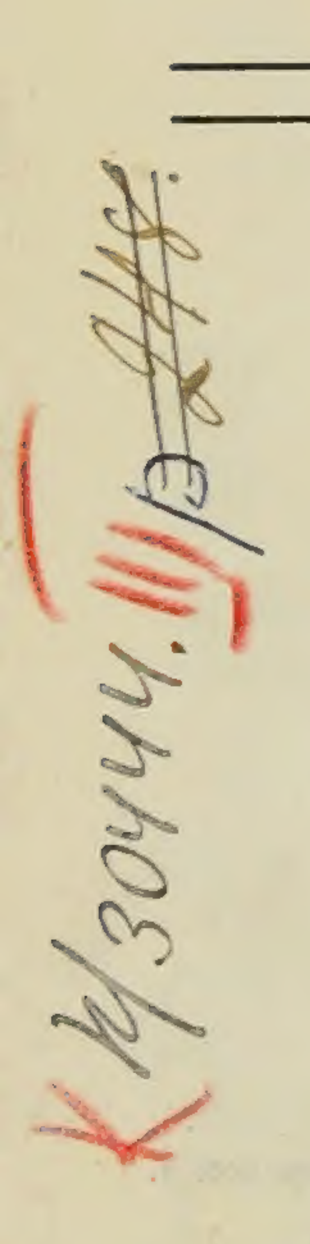
ТРУДЫ ТОМСКАГО О-ВА ИЗУЧЕНІЯ СИБИРИ.
Томъ I.

М. И. Боголѣповъ и М. Н. Соболевъ
профессора Томскаго Университета.

Очерки Русско-Монгольской торговли.

Съ приложеніемъ 22 фотографій и торговой карты Монголіи.

Экспедиція въ Монголію 1910 года.



ТОМСКЪ.

Типо-литографія Сибирскаго Т—ва Печатнаго Дѣла, уг. Дворянск. ул. и Ямск. пер. соб. д.

1911.

СОДЕРЖАНІЕ.

Глава II.

Глава III.

Русская торговля въ Монголіи.

Глава IV.

Стр.

Глава VII.

Глава VIII.

Мѣропріятія для развитія русской торговли въ Монголіи.

ПЕРЕЧЕНЬ ФОТОГРАФІЙ.

Введеніе.

Изученіе русско-монгольской торговли должно было отвѣтить давно назрѣвшей потребности. Давно нужно было поближе и повнимательнѣе присмотрѣться къ огромной Китайской провинціи, непосредственно и на большомъ разстояніи примыкающей къ нашей азіатской границѣ. Съ давнихъ поръ Сибирь связана съ Монголіей живыми интересами. Десятилѣтіями въ Монголіи создавалось русское дѣло, ковались торговыя и культурныя связи двухъ народовъ, зарождались, крѣпли и усложнялись взаимные интересы. Начало непосредственному знакомству съ Монголіей и созданнымъ тамъ русскимъ интересамъ было положено сибирскимъ торговымъ капиталомъ. Торговый капиталъ въ Сибири постепенно захватывалъ новыя территоріи, изъ средней Сибири онъ шелъ на югъ, завязывая торговыя сношенія съ кочевниками, обитавшими по Южному Алтаю. Торговой артеріей послужила рѣка Чуя, которая и привела русскихъ торговцевъ къ предѣламъ Монголіи. Долгое время русскіе купцы не имѣли права въѣзда въ Монголію и были вынуждены вести торгъ съ монгольскими караулами и монголами на границѣ. На мѣстѣ обычнаго торговаго съѣзда выростаетъ урочище Кошъ-Агачъ, которое на картахъ и до сихъ поръ называется „Лавками русскихъ купцовъ". До недавняго времени въ Монголіи еще обращались документы относительно кредитныхъ сдѣлокъ русскихъ купцовъ и монгольскихъ карауловъ той эпохи, когда русскіе еще не въѣзжали въ предѣлы Монголіи. Караулъ забиралъ у русскихъ нужные товары, оставлялъ долговыя расписки, по которымъ деньги выплачивались другимъ карауломъ, приходившимъ на смѣну первому.

Болѣе стариннымъ торговымъ путемъ, приводившимъ русскихъ въ Монголію, былъ знаменитый чайный караванный путь черезъ Кяхту. Въ былое время эта часть Монголіи пропускала черезъ себя огромныя количества китайскаго чая и монголы зарабатывали деньги на перевозкѣ транзитнаго товара. Чайная торговля привела русскихъ въ монгольскій городъ Ургу, гдѣ и сейчасъ имѣется самая значительная въ Монголіи русская колонія и издавна находится русское генеральное консульство. Съ теченіемъ времени чай-

ная торговля съ Китаемъ находитъ другіе пути, значеніе Кяхты и торговаго тракта Кяхта—Урга—Калганъ падаетъ. Но за послѣднее время Кяхта и Троицкосавскъ снова начинаютъ играть роль въ качествѣ перевалочнаго пункта монгольскихъ и русскихъ товаровъ, питающихъ русско-монгольскую торговлю. Пароходство по Селенгѣ, проектируемое соединеніе Кяхты съ Сибирской магистралью, желѣзнодорожные планы китайцевъ въ предѣлахъ Монголіи, все это сулитъ Кяхтинскому району значительныя перспективы.

Русское населеніе обширнаго Забайкалья издавна связано своими экономическими и религіозными интересами съ Монголіей. Здѣсь есть много проходовъ къ сосѣдямъ, здѣсь пролегаютъ крупные скотопрогонные тракты, здѣсь будничная жизнь пограничныхъ жителей тѣсно связана съ Монголіей. Наличность стоверстной полосы вдоль всей границы создавала возможность свободнаго общенія двухъ народовъ.

Наконецъ, верховья Енисея, подобно Чуѣ, служили широкими воротами для входа въ Монголію. Минусинскій край издавна имѣлъ живыя связи съ Монголіей, или—вѣрнѣе—съ землей Сойотовъ или Урянховъ, которая до сихъ поръ считается спорной землей: или это русскій край, захваченный торговцами и охотниками, или это китайская провинція, захваченная по нерадивой охранѣ русскихъ границъ. Но во всякомъ случаѣ, Сойотія въ данное время является ареной живой дѣятельности русскаго торговаго и промысловаго капитала, дающей не мало жизненныхъ соковъ Минусинскому краю.

Русское дѣло въ Монголіи создано исключительными усиліями сибирскихъ купцовъ, предки которыхъ часто были выходцами изъ промысловой и предпріимчивой Владимірской губерніи. Ихъ не остановилъ суровый и непроходимый Алтай, они подвигались къ Монголіи Чуйской тропой, доступной въ былое время только для смѣлыхъ и бывалыхъ людей. Въ одной изъ записокъ купцовъ читаемъ: „несмотря на почти невѣроятныя трудности доставки русскихъ товаровъ по Чуйскому пути отъ Онгудая до Кошъ-Агача, когда при перевалахъ черезъ горные хребты и утесы приходилось буквально на рукахъ переносить вьюки съ товарами и поддерживать веревками вьючныхъ животныхъ,—русская торговля въ Монголіи значительно прогрессировала“. Эта торговая артерія и сейчасъ усѣяна костями павшихъ лошадей и верблюдовъ.

Въ настоящее время русскіе уже прочно внѣдрились въ Монголіи. Ихъ торговля охватила Кобдо, Улясутай, Ургу и обширныя округи этихъ монгольскихъ городовъ; русскіе товары идутъ далеко на Западъ отъ Кобдо и на Востокъ отъ Урги; русскіе проникли въ

Баркуль, Хами, Гученъ и дальше. Товары, привезенные въ Монголію, достигали великой Китайской стѣны и ввозились во внутренній Китай.

Долгое время только одни купцы знали Монголію и ею интересовались. Правда, есть указанія, что въ Россіи еще въ 18-мъ вѣкѣ проявлялся интересъ къ Монголіи (см. предисловіе къ „Монгольской христоматіи“ А. Попова, изданной въ Казани въ 1836 году), но это былъ интересъ случайный и мимолетный. И въ настоящее время Монголію и Россію связываютъ только торговыя дѣла сибирскихъ купцовъ. Эти торговыя связи далеко не использованы въ полной мѣрѣ, но Сибирь вообще бѣдна капиталами, и торговый капиталъ въ самой Сибири находитъ достаточно широкое поле дѣятельности.

Теперь уже ясно для всѣхъ, что внѣшняя политика дѣлается купцами, что дипломатическія сношенія только тогда приносятъ пользу странѣ, когда они опираются на живые и реальные интересы. Русскіе интересы въ Монголіи долгое время оставались безъ всякаго призора. Это приводило съ одной стороны, къ тому, что въ торговыхъ сношеніяхъ съ туземцами русскіе легко становились на путь вымогательствъ, самоуправства и порою возмутительнаго обирательства. Они соблазнялись примѣрами китайцевъ, которые ведутъ въ Монголіи политику истребленія и истощенія монголовъ. Съ другой стороны, безпризорность русской торговли въ Монголіи приводила къ тому, что до сихъ поръ оставались безъ всякаго вниманія и удовлетворенія самыя неотложныя нужды русско-монгольскаго купечества и вслѣдствіе этого въ торговлѣ получились такіе изъяны, которые придется лечить долго и безъ надежной увѣренности въ излеченіи застарѣвшихъ недуговъ.

Со стороны Россіи по отношенію къ Монголіи совершенно отсутствовалъ политическій интересъ, который главнымъ образомъ и вдохновлялъ нашу русскую дипломатію въ ея дѣятельности. Такого интереса было настолько мало, что до сихъ поръ мы не имѣемъ твердой границы съ Монголіей. До сихъ поръ имѣются огромныя полосы „спорныхъ земель“. Тѣ трактаты, которые своимъ содержаніемъ охватывали и Монголію, мало интересовали нашу дипломатію, пріучившую этимъ китайцевъ къ легкому отношенію къ договорнымъ правамъ и обязанностямъ. Вслѣдствіе этого нашей дипломатіи пришлось выступить на путь неожиданныхъ ультиматумовъ и угрозъ, а этотъ путь наноситъ торговымъ интересамъ большіе ущербы, такъ какъ торговля идетъ не съ пекинскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, а съ китайскими подданными.

Насъ больше всего тянуло въ Манчжурію, къ Тихому Океану. Преслѣдуя тамъ дѣйствительныя и эфемерныя задачи русской политики, мы прозѣвали политическій интересъ къ Россіи со стороны Монголіи, которая съ надеждой и вѣрой смотрѣла „на сѣверъ". Не нужно было, конечно, выступать въ Монголіи съ политической авантюрой, но воспользоваться политическими симпатіями населенія для укрѣпленія торговыхъ и культурныхъ связей во всякомъ случаѣ слѣдовало бы. Было бы весьма полезно имѣть друзей въ сосѣдней странѣ, прилегающей на огромныхъ пространствахъ къ Россіи, на пространствахъ, не имѣющихъ границы и охраны. Нужно сказать правду: сибирскіе купцы создали русское дѣло въ Монголіи, но въ то же время не мало посодѣйствовали и тому, что политическія симпатіи монгольскаго народа значительно порастаяли. А секретныя порученія неискуснымъ чинамъ по провѣркѣ границъ и по объѣздамъ „спорныхъ земель" только разбудили подозрительность китайскихъ властей и ухудшили положеніе русской торговли.

Живой интересъ къ Монголіи проявила русская наука, представители которой произвели въ разное время рядъ весьма цѣнныхъ изслѣдованій и наблюденій. Видное участіе въ этихъ изслѣдованіяхъ приняли томскіе профессоры, напр., В. А. Обручевъ, В. В. Сапожниковъ. Съ Монголіей связаны научныя имена Г. Н. Потанина, проф. А. М. Позднѣева, Г. Е. Грумъ-Гржимайло, Д. А. Клеменца и мног. др. Но этотъ интересъ до сихъ поръ проявлялся въ области географіи, этнографіи и естественныхъ наукъ. Экономически, т. е. въ той области, гдѣ русскіе интересы были особенно значительны, Монголія оставалась на положеніи terra incognita. Только за самое послѣднее время вдругъ съ разныхъ сторонъ заговорили о Монголіи, какъ экономической величинѣ, имѣющей близкое отношеніе къ Россіи. На первый планъ выдвинуты были интересы русскаго экспорта, монгольскаго ввоза, возникъ вопросъ о возобновленіи русско-китайскаго договора, на страницахъ котораго есть нормы, коренньмъ образомъ опредѣляющія существо русско-монгольской торговли. Заговорили сибирскіе интересы, интересы Бійска, Минусинска, русскаго Алтая, и проснулись московскіе фабриканты.

Потребовались свѣдѣнія о Монголіи, какъ рынкѣ, и такихъ свѣдѣній, какъ это часто бываетъ въ Россіи, не оказалось. Изъ Москвы была снаряжена лѣтомъ 1910 года торговая экспедиція, которая должна была охватить Монголію, начиная съ Урги, во всѣ стороны. Другая экспедиція для изученія русско-монгольской торговли была снаряжена Томскимъ Обществомъ изученія Сибири.

Экспедиція Общества изученія Сибири не стояла въ непосредственной связи съ временнымъ оживленіемъ торговаго и политическаго интереса къ Монголіи. Идея этой экспедиціи была дана еще весной 1909 года извѣстнымъ ученымъ и публицистомъ Г. Н. Потанинымъ. Г. Н. Потанинъ еще въ 1903 году въ оффиціальномъ совѣщаніи по вопросу объ экономическомъ обслѣдованіи районовъ Сибирской желѣзной дороги возбудилъ вопросъ о необходимости изученія торговли съ Монголіей подъ угломъ зрѣнія интересовъ желѣзной дороги. Но плодотворная мысль не получила осуществленія и маститый монголистъ воспользовался учрежденіемъ Общества изученія Сибири для того, чтобы провести свою любимую мысль.

Мысль Г. Н. Потанина была въ принципѣ принята, и тогда Г. Н., въ бытность свою лѣтомъ 1909 года въ Бійскѣ, получаетъ согласіе трехъ крупныхъ фирмъ, ведущихъ торговлю въ Монголіи, именно, Ассанова, Бодунова и Васенева, на оказаніе субсидіи проектируемой экспедиціи по 500 руб. отъ каждой.

Обезпечивъ матеріальную возможность изслѣдованія, совѣтъ Общества изученія Сибири предложилъ авторамъ данной книги осуществить путешествіе въ Монголію и при ихъ участіи приступилъ въ сентябрѣ 1909 г. къ разработкѣ плана и программы экспедиціи. Въ тоже время совѣтъ обратился въ министерство торговли и промышленности съ ходатайствомъ о субсидіи для того, чтобы поставить изслѣдованіе достаточно широко. Министерство отнеслось къ предложенію Общества весьма сочувственно и ассигновало сначала 1500 руб., а затѣмъ послѣ дополнительнаго ходатайства общества еще 1500 руб. Наконецъ, купцы города Минусинска, торгующіе съ Сойотіей, пришли на помощь обществу, прислави ему на его научное предпріятіе 500 руб.

Программа изслѣдованія была выработана въ слѣдующемъ видѣ:

1. Характеристика ввозной, вывозной и транзитной торговли русскихъ съ Монголіей.

2. Торговые центры и факторіи; распредѣлительные торговые центры.

3. Торговые пути: а) пути изъ Россіи, б) пути изъ Китая.

4. Важнѣйшія торговыя фирмы—русскія и иностранныя.

5. Предметы торговли.

6. Условія торговли: цѣны, кредитъ, способы расплаты, способы собиранія долговъ, транспортъ товаровъ и его стоимость; торговые періоды, торговые агенты

7. Иностранная конкурренція.

8. Характеристика спроса и предложенія товаровъ на монгольскихъ рынкахъ.

9. Характеристика экономическаго быта Монголіи и Джунгаріи, какъ фактора торговли.

10. Вопросъ объ упадкѣ русской торговли въ Монголіи и причинахъ этого явленія.

11. Защита русскихъ интересовъ въ Монголіи и отношеніе китайскихъ властей.

12. Русскія и китайскія таможни.

13. Значеніе русско-китайскаго договора.

14. Роль банковъ и векселей въ торговлѣ русскихъ съ Монголіей.

15. Перспективы русской торговли въ Монголіи.

Первоначальный проектъ маршрута экспедиціи былъ таковъ: отъ Семипалатинска на Чугучакъ, Зайсанскъ, Булунъ-тохой, Сарасюмбе, Кобдо. Изъ Кобдо предполагалось сдѣлать поѣздку въ Кошъ-Агачъ и обратно, затѣмъ изъ Кобдо двинуться въ Улясутай, а оттуда на сѣверъ въ Сойотію и въ Усинскій край.

Позднѣе планъ былъ расширенъ въ томъ смыслѣ, чтобы захватить районъ отъ Бійска до Кошъ-Агача и восточную Монголію отъ Улясутая на Ургу и Кяхту. Сначала проектировалось, что члены экспедиціи, проф. М. И. Боголѣповъ и проф. М. Н. Соболевъ, выѣдутъ изъ Россіи раздѣльно: одинъ отъ Семипалатинска на Чугучакъ и Кобдо, а другой отъ Бійска на Кошъ-Агачъ и Кобдо. Соединившись въ Кобдо, они должны были, по первоначальному плану, подняться на сѣверъ въ Сойотію, пройти ее на востокъ, затѣмъ спуститься на Улясутай и двинуться на Ургу и Кяхту.

Однако проектъ раздѣльнаго начала путешествія былъ въ концѣ концовъ оставленъ въ силу того соображенія, что была признана необходимой въ началѣ путешествія совмѣстная работа обоихъ участниковъ для выработки одинаковыхъ пріемовъ изученія, для окончательнаго установленія программы и для полученія нѣкоторыхъ общихъ точекъ зрѣнія на изучаемыя явленія. Поэтому оба участника экспедиціи выѣхали совмѣстно изъ Томска на Бійскъ и оттуда по Чуйскому тракту на Кошъ-Агачъ и на Кобдо.

Вслѣдствіе этого измѣненія маршрута районъ отъ Зайсанска на Булунъ-Тохой и Кобдо былъ оставленъ.

Экспедиція выѣхала изъ Томска 18 мая, позже предположеннаго на 10 дней вслѣдствіе задержки въ оборудованіи экспедиціи. 26 мая она выѣхала изъ Бійска, 1 іюня изъ Онгудая, 7 іюня прибыла въ Кошъ-Агачъ, гдѣ должна была остановиться на 3 дня

для отдыха лошадей. Выѣхавъ изъ Кошъ-Агача 10 іюня, экспедиція прибыла въ Кобдо только 20 іюня.

Пройденный путь убѣдилъ членовъ экспедиціи въ томъ, что разсчеты скорости движенія (по 50 верстъ въ день), положенныя въ основаніе плана всего путешествія, оказались преувеличенными, такъ какъ болѣе 30—35 верстъ не удавалось дѣлать. При такомъ положеніи вещей было немыслимо пройти весь намѣченный путь до начала сентября, когда члены экспедиціи должны были вернуться уже въ Томскъ. Вслѣдствіе этого возникла альтернатива: или пожертвовать частью маршрута, или раздѣлиться и выполнить двумя партіями весь путь. На послѣднемъ рѣшеніи и остановились. Одинъ изъ участниковъ, проф. Соболевъ, получилъ на свою долю по жребію путь на Уланкомъ въ Сойотію и въ Усинскій край, откуда онъ долженъ былъ выйти на Минусинскъ, а другой участникъ, проф. Боголѣповъ, получилъ районъ отъ Кобдо на Улясутай, Ургу и Кяхту. Осуществленіе этого плана давало возможность охватить весь намѣченный районъ изслѣдованія за исключеніемъ несущественнаго пути отъ Булука на Верхнемъ Енисеѣ до Улясутая.

* * *

Нѣсколько словъ слѣдуетъ сказать о пріемахъ изслѣдованія, примѣненныхъ участниками экспедиціи. Экспедиція была связана прежде всего тѣмъ, что въ ея распоряженіи было очень короткое время для производства такого обслѣдованія, которое не имѣло опорныхъ пунктовъ въ существующей литературѣ о Монголіи и ея бытѣ. Въ три—четыре мѣсяца нужно было объѣхать страну, живущую въ особыхъ условіяхъ, рѣзко отличающихъ ее отъ другихъ странъ, нужно было при первобытныхъ способахъ переѣздовъ сдѣлать огромные маршруты, часто по такимъ районамъ, гдѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней пути нельзя было встрѣтить живого человѣка. Торговля разбросана, жители, скотоводы—кочевники, на лѣто забираются далеко въ горы, торговый сезонъ начинается въ послѣдніе лѣтніе мѣсяцъ и захватываетъ осень, какихъ-либо точныхъ свѣдѣній о количествѣ жителей, скота, ввозимыхъ съ разныхъ сторонъ товаровъ. торговыхъ резиденціяхъ, фирмахъ, въ распоряженіи экспедиціи не имѣлось. Другое затрудненіе, съ которымъ приходилось считаться, это было незнаніе языка, вынуждавшее прибѣгать къ услугамъ неподготовленныхъ переводчиковъ.

Задачей поѣздки было ознакомленіе на мѣстѣ съ положеніемъ русской торговли въ Монголіи и Сойотіи, съ ея условіями, выгодными и невыгодными, для того, чтобы сдѣлать посильное заключеніе о перспективахъ русской торговли на будущее время.

Прежде всего, въ рукахъ членовъ экспедиціи была печатная литература о Монголіи и Сойотіи, не особенно богатая, преимущественно географическаго, описательнаго характера. Въ этой литературѣ имѣются нѣкоторыя данныя о положеніи русской торговли, особенно для первыхъ десятилѣтій ея. Таковы матеріалы проф. Позднѣева, Потанина, Адріанова (для Сойотіи), Ладыгина, Пѣвцова и др.

Недостаткомъ этихъ матеріаловъ является ихъ разрозненность, случайность, несистематизированность и отсутствіе въ нихъ обобщеній.

Далѣе былъ использованъ статистическій матеріалъ „Обзоровъ внѣшней торговли Россіи" за время отъ 1891 года. Здѣсь существенную помощь оказалъ намъ экономическій кружокъ при Томскомъ университетѣ, сдѣлавшій выборки данныхъ для Кошъ-Агачской и Зайсанской таможенъ.

Монголія находится въ такихъ условіяхъ, когда методы обслѣдованія ея въ торговомъ отношеніи невольно должны главнымъ образомъ воскрешать пріемы Юлія Цезаря, узнававшаго нужныя ему свѣдѣнія о новыхъ краяхъ изъ разспросовъ купцовъ. Купцы проникаютъ всюду, все видятъ и все примѣчаютъ. Другой путь, путь продолжительнаго знакомства съ страной, вызываетъ необходимость долговременнаго проживанія въ предѣлахъ Монголіи, — этотъ путь, наиболѣе надежный, былъ совершенно недоступенъ для членовъ экспедиціи. Поэтому главнымъ матеріаломъ явились опросы членами экспедиціи лицъ, живущихъ въ Монголіи и Сойотіи: русскихъ купцовъ, ихъ приказчиковъ, китайскихъ купцовъ, монголовъ, сойотовъ и представителей русскихъ властей. Показанія всѣхъ этихъ лицъ собирались по напередъ выработанной программѣ, но обычно въ формѣ непринужденной бесѣды, чтобы оффиціальный характеръ опроса и записыванія не оттолкнулъ собесѣдника и не вызвалъ въ немъ какихъ-либо опасеній. Собранныя такими опросами свѣдѣнія носили совершенно индивидуальный характеръ и нерѣдко оказывались несогласными между собой. Это и понятно въ виду того, что каждое показаніе преломляется сквозь призму личныхъ интересовъ и отношеній. Для выясненія противорѣчивыхъ данныхъ приходилось производить возможный контроль показаній, хотя бы путемъ, такъ сказать, заочнаго „перекрестнаго допроса". Въ концѣ концовъ, при бесѣдахъ по одному и тому же вопросу спорный пунктъ выяснялся достаточно точно.

Наиболѣе охотно дѣлились съ экспедиціей своими свѣдѣніями и богатымъ опытомъ представители крупныхъ фирмъ, которые понимали важность точныхъ матеріаловъ для работы экспедиціи

и помимо личныхъ показаній открывали доступъ къ своимъ торговымъ книгамъ. Вообще, отношеніе русскихъ къ экспедиціи въ дѣлѣ собиранія свѣдѣній было весьма благопріятнымъ. Менѣе искренними въ показаніяхъ были китайскіе купцы. Китайцы вообще относятся съ недовѣріемъ къ русскимъ, тѣмъ болѣе къ пріѣзжимъ, и потому обычно при разговорахъ и разспросахъ они были весьма сдержаны, а иногда давали и явно невѣрныя показанія, что можно было провѣрить на сообщеніяхъ русскихъ или монголовъ. Что касается монголовъ и сойотовъ, то они вообще охотно разсказывали о своихъ дѣлахъ и своемъ бытѣ. Монголы всегда проявляли къ экспедиціи живой интересъ, охотно вели разговоры на интересовавшія насъ темы. Туземцы были посѣщаемы членами экспедиціи въ ихъ юртахъ. Они же всегда приходили къ членамъ экспедиціи во время остановокъ, получая, по обычаямъ страны, угощеніе въ видѣ чая или обѣда. Они часто подъѣзжали къ экспедиціи во время ея переходовъ. Очень часто верховой монголъ или сойотъ, подъѣхавъ къ экспедиціи, продолжалъ съ ней совмѣстный путь на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Всѣ эти разговоры пришлось вести, конечно, черезъ переводчиковъ, изъ которыхъ удачнымъ оказался одинъ, С. С. Брызгинъ, приглашенный при посредствѣ Бійскихъ купцовъ изъ среды приказчиковъ, торговавшихъ нѣсколько лѣтъ въ Монголіи. Онъ зналъ великолѣпно монгольскій языкъ, въ томъ числѣ,—что было особенно важно,—торговый, былъ прекрасно знакомъ со всѣми обычаями Монголіи, имѣлъ прикладныя полезныя знанія (напр., по леченію животныхъ, по ковкѣ лошадей и пр.) и, благодаря этимъ качествамъ, оказался неоцѣнимымъ сотрудникомъ въ тяжелыхъ подчасъ условіяхъ путешествія.

Кромѣ указанныхъ источниковъ полученныхъ свѣдѣній, слѣдуетъ отмѣтить разные оффиціальные матеріалы, съ которыми членамъ экспедиціи пришлось познакомиться въ архивахъ Усинскаго пограничнаго начальника, Улясутайскаго консульства и Кяхтинскаго пограничнаго комиссара. Кромѣ того, какъ уже упоминалось, члены экспедиціи могли извлечь весьма цѣнный матеріалъ изъ торговыхъ книгъ нѣкоторыхъ фирмъ. Особенно важными явились здѣсь данныя объ цѣнахъ, по которымъ продавались монголамъ въ кредитъ русскіе товары.

ГЛАВА I.

Изъ дневниковъ путешествія.

I. Отъ Бійска до Кобдо.

26 мая 1910 г. экспедиція выѣхала изъ Бійска на почтовыхъ лошадяхъ, перекладывая свой грузъ на каждой станціи. Ночевали въ земскихъ квартирахъ. Между прочимъ, насъ поразила такса, вывѣшенная на земскихъ квартирахъ: самоваръ 5 коп., супъ изъ курицы 20 коп., супъ или щи изъ мяса 10 коп., 10 штукъ яицъ 10 к., 2 котлеты или 1 фунтъ мяса, жареные въ маслѣ, 15 к., кринка молока 5 коп., стаканъ молока 1 коп., стаканъ сливокъ 10 коп. Какъ видно, жизнь еще „дешева" въ Бійскомъ уѣздѣ! По этой причинѣ, вѣроятно, на этихъ квартирахъ ничего, кромѣ яицъ и молока, и не достанешь. Было бы полезно, въ интересахъ проѣзжающихъ, пересмотрѣть эту таксу, повысить цѣны и тѣмъ самымъ обезпечить путникамъ болѣе удовлетворительное питаніе.

Трактъ отъ Бійска на Онгудай и Кошъ-Агачъ есть одинъ изъ путей, которыми пользуются русскіе купцы въ своихъ сношеніяхъ съ Монголіей. До села Онгудай онъ представляетъ собой обычный типъ грунтовой почтовой дороги [1]), нѣсколько гористаго характера; только кое-гдѣ существуютъ незначительные подъемы. Отъ Онгудая дорога пріобрѣтаетъ вполнѣ горный характеръ [2]). Только верстъ за 25 не доѣзжая до Кошъ-Агача, горная природа мѣняется и пріобрѣтаетъ степной характеръ.

На почтовыхъ лошадяхъ мы доѣхали до села Черги, одного изъ дачныхъ мѣстъ Алтая, гдѣ не такъ давно жила масса пріѣзжихъ, но за послѣдніе годы число дачниковъ сильно упало. Отсюда мы должны были ѣхать „на долгихъ"—на лошадяхъ, нанятыхъ непосредственно до Кобдо. Было нанято 5 двухколесныхъ таратаекъ для груза экспедиціи (составлявшаго въ общей массѣ до 50 пудовъ)

---

[1]) Почтовыя станціи слѣдующія: Бійскъ, Катунская, Смоленская, Бѣлокуриха, Алтайское, Комарская, Черга, Мыюта, Шабалино, Тапучал, Песчаная, Теньга, Туехта.

[2]) Почтовыя станціи слѣдующія: Онгудай, Хабаровка, Керкучи, Иня, Едра, Айгулакъ, Чибитъ, Курай, Куехтынаръ, Кошъ-Агачъ.

и 1 таратайка для двухъ служителей. Двумъ членамъ экспедиціи былъ приготовленъ коробокъ съ парой лошадей, а два переводчика имѣли по верховой лошади. Кромѣ того, ямщики заняли своимъ личнымъ грузомъ и овсомъ для лошадей двѣ таратайки.

29-го мая экспедиція выѣхала изъ Черги и перешла на положеніе медленнаго обознаго движенія. Больше 35 верстъ въ день не удавалось проходить. Обычно день начинался около 5 часовъ утра. Члены экспедиціи вставали, завтракали, затѣмъ увязывали грузъ, снятый для текущихъ надобностей съ таратаекъ, что занимало до часу и болѣе времени, и двигались въ путь обычно около 6½—7 часовъ. Ѣхали до 12—1 часу дня, когда дѣлалась полдневка часа на 2½—3. Въ это время обычно варился обѣдъ. Послѣ полдневки шли до 5—6 часовъ вечера, иногда и позже. Подыскивалось удобное мѣсто для ночлега, гдѣ былъ кормъ для лошадей и вода. Ни въ томъ, ни въ другомъ отношеніи затрудненій по Чуйскому тракту мы не испытывали.

Погода на Алтаѣ намъ благопріятствовала. Дождей перепадало мало; только по ночамъ иногда бывало свѣжо. На одномъ ночлегѣ за станціей Едрой къ утру температура упала до 2° холода, и мы видѣли, какъ всѣ окрестныя горы покрылись снѣгомъ. Несмотря на низкую температуру, участники экспедиціи чувствовали себя превосходно и въ теченіе всего путешествія не подвергались никакимъ болѣзнямъ.

Около села Шебалиной мы видѣли большой маральникъ купца Попова—огороженное заборомъ большое пространство, гдѣ пасутся на свободѣ маралы. Мараловодство начинаетъ развиваться на Алтаѣ, давая большой доходъ.

До 1904 года русскимъ торговцамъ приходилось пользоваться вьючной тропой, которая шла черезъ Алтайскія горы. Эта тропа вилась по крутизнамъ и скаламъ надъ рѣками Катунью, Біей и Чуей, по тяжелымъ и крутымъ переваламъ черезъ высокія горы. Экспедиція во многихъ мѣстахъ видѣла этотъ нынѣ заброшенный путь, который вился узкой лентой надъ пропастями. Товары вьючились на лошадей и верблюдовъ, которые даже при благопріятной погодѣ проходили эту дорогу только съ величайшими усиліями. Въ снѣгъ или при гололедицѣ эта тропа становилась прямо опасной для жизни. Достаточно было животному оступиться, чтобы полетѣть въ пропасть вмѣстѣ съ товарами или съ сѣдокомъ. Бывалые люди разсказывали, какъ на опасныхъ и узкихъ переходахъ по скаламъ они разстилали кошму для того, чтобы животныя не поскользнулись, какъ они подпирали ихъ своими тѣлами или протянутыми жердями. На такъ называемомъ „Бѣломъ бомѣ“ по почти отвѣсной ска-

лѣ были наложены бревна и засыпаны землей. Два человѣка подталкивали вьючныхъ животныхъ сзади и одинъ подтаскивалъ ихъ спереди. Вьючный путь былъ настолько труденъ для животныхъ, что дорога усѣивалась порядочнымъ количествомъ труповъ павшихъ животныхъ. Надо замѣтить, что павшія животныя встрѣчаются и теперь по Чуйскому тракту, хотя и въ несравненно меньшемъ числѣ. И въ тѣ времена дѣлались попытки проѣзжать по этой тропѣ въ легкихъ экипажахъ (двухколесныхъ таратайкахъ). Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти таратайки однимъ колесомъ висѣли надъ бездной и подпирались жердями или поддерживались руками во избѣжаніе паденія.

Ясно, какимъ благодѣяніемъ для путешественниковъ явилось проложеніе такъ называемаго „Чуйскаго тракта", т. е. незначительное техническое улучшеніе этой естественной вьючной тропы. Правда, затраты на улучшеніе этой дороги составили ничтожную сумму въ 70.000 руб., но тѣмъ болѣе приходится удивляться улучшеніямъ, какія на нихъ удалось сдѣлать.

Прежде всего, полотно дороги было во всѣхъ опасныхъ мѣстахъ, на всѣхъ скалистыхъ крутизнахъ расширено настолько, что теперь экипажъ можетъ вездѣ проѣхать совершенно свободно. Въ однихъ случаяхъ для этого были сдѣланы насыпи, въ другихъ—произведены взрывныя работы, создавшія дорогу по скалѣ (такъ называемые „бома"). Были поставлены деревянные столбики и каменные барьеры, ограждавшіе дорогу со стороны обрыва. Кое-гдѣ земляныя работы уменьшили крутизну подъемовъ. Въ особенности были важны эти работы на перевалахъ. Раньше перевалы представляли собой переходы черезъ горы въ ихъ естественномъ видѣ. Теперь эти подъемы были превращены въ зигзагообразную линію дороги, медленно поднимающуюся по горѣ и опускающуюся по ея другой сторонѣ. Хотя протяженіе дороги и увеличивалось, за то трудность подъема значительно сокращалась. Было устроено нѣсколько мостовъ черезъ небольшія рѣчки. Черезъ Катунь были устроены перевозы.

Въ результатѣ въ настоящее время проѣздъ по Чуйскому тракту въ экипажѣ не представляетъ тѣхъ серьезныхъ опасностей, какія существовали раньше, а стоимость транспорта значительно удешевилась.

Однако Чуйскій трактъ со времени его проведенія не подвергался никакому ремонту и поддержкѣ. Многія его сооруженія пришли въ упадокъ. Въ частности въ безлѣсныхъ частяхъ тракта повырублены почти всѣ деревянные столбики, служившіе барьеромъ на опасныхъ мѣстахъ. Обычно проѣзжіе, нуждаясь въ топливѣ на

своихъ полдневкахъ и ночлегахъ, безъ стѣсненія срубали столбы для костровъ. Необходимъ постоянный текущій ремонтъ тракта съ одной стороны и нужны нѣкоторыя дополнительныя капитальныя его улучшенія съ другой. Особенно существенный вопросъ на Чуйскомъ трактѣ—облегченіе подъемовъ. Нѣкоторые изъ нихъ чрезвычайно трудны и утомительны. Чикэ-таманъ, напр., имѣетъ высоту отъ долины чуть не въ 2 версты и является настолько труднымъ переваломъ, что возчики обычно посвящаютъ ему цѣлый день. Обычно ямщики ночуютъ у его подножья и послѣ перевала останавливаются опять на ночь. Весьма труденъ перевалъ черезъ Оршанную гору (въ просторѣчіи Ржаная гора), общее протяжені котораго не менѣе 15 верстъ. Вершина этой горы есть самый высокій пунктъ по Чуйскому тракту. Зимой черезъ него даже не ѣздятъ изъ-за глубокаго снѣга.

Не доѣзжая до Онгудая, наша экспедиція случайно встрѣтила первыхъ ласточекъ Монголіи, одного ламу по имени Джам-бы, состоящаго докторомъ при Талай-ханѣ, одномъ изъ монгольскихъ князей въ Западной Монголіи, сопровождаемаго монгольскимъ урядникомъ (дзапгы). Оба монгола возвращались изъ Бійска, куда лама ѣздилъ для операціи—удаленія опухоли во рту. Лама былъ упитанный мужчина лѣтъ 50, безъ бороды и усовъ. Онъ выражалъ свое удовольствіе по поводу удачнаго исполненія операціи и вообще своего пребыванія въ Россіи. Онъ жаловался только на ямщика, который былъ нанятъ въ Кошъ-Агачѣ, взялъ дорого и велъ себя настолько дерзко, что пришлось съ нимъ разстаться на полъ-дорогѣ.

Мы остановились на полдневкѣ вмѣстѣ съ ламой, получили отъ него по „хадаку“ (шелковая лента, подносимая въ монгольскомъ быту въ знакъ расположенія), угостили его русскими припасами и получили приглашеніе побывать въ Талайханъ-хурэ.

Село Онгудай представляетъ собой на Алтаѣ главный перевалочный пунктъ для товаровъ, двигающихся между Россіей и Монголіей. Значительная часть грузовъ идетъ изъ Бійска до Онгудая и съ другой стороны изъ Кобдо и Улясутая до Онгудая и здѣсь перегружается для дальнѣйшаго слѣдованія. Одной изъ причинъ, создавшихъ перевалочный пунктъ въ Онгудаѣ, было существованіе въ немъ въ теченіе долгаго времени таможни. Товаръ довозился до таможни, въ ней досматривался и затѣмъ перегружался на новыхъ ямщиковъ. Обычно монголы и киргизы везутъ клади на вьючныхъ верблюдахъ только до Онгудая.

Въ Онгудаѣ существуетъ два крупныхъ комиссіонера, которые принимаютъ на себя за извѣстное вознагражденіе всѣ хлопоты по перегрузкѣ и переотправкѣ товаровъ и зарабатываютъ на этомъ весьма хорошій доходъ.

Кромѣ того въ Онгудаѣ имѣется нѣсколько лавокъ, торгующихъ съ алтайскими инородцами, большей частью въ кредитъ, получая въ уплату за забранные товары шерстью и скотомъ (лавки Варвинскаго, Бодунова, Тобокова и др.).

Въ полуверстѣ отъ села расположены зданія бывшей таможни, окруженныя крѣпкимъ и высокимъ заборомъ. Эти свободныя помѣщенія занимаетъ теперь Онгудайскій полицейскій приставъ. По близости отъ этихъ зданій устроена ограда для перевалочнаго склада товаровъ, идущихъ изъ Монголіи.

Чуйскій трактъ отличается отсутствіемъ казенныхъ винныхъ лавокъ. Повидимому, причиной этого служитъ соображеніе о томъ, что не слѣдуетъ поощрять пьянство ямщиковъ, возчиковъ и окрестныхъ инородцевъ. Однако отсутствіе открытой продажи вина замѣняется шинкарствомъ. Какъ въ Онгудаѣ, такъ и въ Кошъ-Агачѣ во многихъ домахъ торгуютъ водкой, которая только продается въ полтора и болѣе разъ дороже казенной цѣны. Всякій желающій можетъ получить вина, сколько хочетъ. Казна свое выручаетъ, а потребитель безъ всякой надобности переплачиваетъ значительныя суммы тайнымъ продавцамъ.

Яркой иллюстраціей этого ненормальнаго положенія явилась наша вторичная встрѣча съ монгольскимъ ламой. Несмотря на полное незнаніе русскаго языка, онъ съумѣлъ объяснить свое желаніе добыть водки и предсталъ передъ нами въ „большомъ градусѣ". Онъ сталъ изъяснять свои обиды на ямщика изъ Кошъ-Агача, кланялся въ землю и просилъ замолвить слово передъ мѣстными властями по поводу возврата отъ ямщика взятыхъ впередъ 60 рублей за провозъ. Съ трудомъ удалось намъ освободиться отъ пьянаго ламы. Кстати сказать, въ Онгудаѣ мы встрѣтились съ мировымъ судьей, вѣдающимъ данный округъ. Мы заговорили о дѣлѣ нашего знакомца—ламы. Оказалось, что судья уже получилъ сообщеніе о его жалобѣ на Кошъ-Агачскаго ямщика. Предстояло очень сложное и, надо признаться, весьма неудобное судебное разбирательство. Судья предполагалъ назначить дѣло къ разбирательству въ Кошъ Агачѣ, куда долженъ былъ быть вызванъ и лама изъ своего монастыря. При большихъ разстояніяхъ трудно было ожидать, чтобы и вызовъ ламы въ судъ достигъ его своевременно и чтобы онъ самъ явился въ Кошъ-Агачъ. Можно быть увѣреннымъ, что въ случаѣ явки онъ понесъ бы такіе расходы по путешествію, которые едва-ли были бы возмѣщены присужденіемъ иска въ 60 руб.

Здѣсь слѣдуетъ отмѣтить интересный фактъ разработки Чуйскаго тракта около бома Куйташъ силами 4 семействъ во главѣ съ крестьяниномъ Черновымъ. Первоначально трактъ былъ прове-

денъ черезъ высокій и очень трудный перевалъ Елкопъ, занимавшій по 8 и болѣе часовъ времени и черезъ бома Айры-ташъ и Кынграръ. Черновъ вмѣстѣ со своей семьей и компаньонами провелъ дорогу по скалѣ Куйташъ и сократилъ въ этомъ мѣстѣ трактъ съ 40 верстъ до 25. Правда, вмѣсто того приходится переѣзжать два раза рѣку Катунь на паромахъ, устроенныхъ тѣмъ же Черновымъ, который снималъ эти переправы въ аренду отъ Кабинета по 25 р. въ годъ за каждый и такимъ образомъ возмѣстилъ свои расходы по проведенію новаго пути.

Третья переправа черезъ Катунь имѣется при впаденіи рѣчки Ини и содержится другимъ арендаторомъ.

Перевозы устроены такимъ образомъ: черезъ рѣку протянутъ стальной канатъ, къ которому на блокѣ прикрѣпленъ паромъ. Послѣдній двигается по канату силой теченія при помощи руля. Бывали случаи обрыва каната, представляющіе большую опасность благодаря камнямъ и порогамъ рѣки.

Иня—послѣднее алтайское село по Чуйскому тракту. Но какое село! Нѣсколько жалкихъ лачужекъ инородцевъ, домъ священника, снаружи довольно приличный, но давно не ремонтированный и потому чрезвычайно холодный, и небольшой домъ для причетника. Эти два дома принадлежатъ Алтайской миссіи, которая ведетъ свои хозяйственныя дѣла довольно халатно. Что касается церкви, то, признаемся, мы никогда не видали болѣе убогаго и бѣднаго храма. Вся церковь состояла изъ небольшой деревянной избы, въ которой могло помѣститься человѣкъ 15—20. Иконостасъ представляетъ перегородку съ набитымъ коленкоромъ, иконы на жести. Въ моментъ нашего посѣщенія священника не было, а въ селѣ жилъ только діаконъ на жалованьи псаломщика изъ калмыковъ, получившій образованіе въ Бійскомъ катехизаторскомъ училищѣ. Состоя кромѣ того учителемъ мѣстной миссіонерской школы, онъ получаетъ 200 руб. жалованья въ годъ. И это при страшной дороговизнѣ жизни! Едва ли можно имѣть успѣхъ въ религіозной проповѣди, располагая такими малообразованными силами!

Начиная отъ села Ини, трактъ проходитъ по почти безлюднымъ мѣстамъ, такъ какъ этотъ районъ Алтая населенъ только немногочисленными кочующими алтайцами. Даже почтовыя станціи состоятъ изъ одного домика ямщика, сплошь и рядомъ некрещенаго инородца. Для проѣзжающихъ такое безлюдье сущее несчастіе. Нельзя достать почти никакой пищи. Въ лучшемъ случаѣ можно получить на станціи молоко и хлѣбъ. Наша экспедиція ѣхала въ теченіе нѣсколькихъ дней безъ мясной пищи, не имѣя возможности купить барана, такъ какъ инородцы изрѣдка попадавшихся аиловъ

упорно отказывались продавать своихъ барановъ. Непонятные намъ сначала отказы, какъ потомъ выяснилось, были вызваны обманами со стороны проѣзжихъ. Эти послѣдніе забирали барановъ, но денегъ не платили, а на требованія инородцевъ отвѣчали бранью и даже побоями.

Весь транспортъ по Чуйскому тракту находится въ зависимости отъ состоянія естественнаго корма по дорогѣ. Когда „корма" въ изобиліи, транспортъ не представляетъ затрудненій и дешевѣетъ. Когда же зеленаго корма нѣтъ или его мало, напр., зимой и весной, то проѣзжимъ приходится брать съ собой овесъ и сѣно, увеличивая грузъ лошадей.

Отъ Онгудая проѣзжіе затруднены имѣть пріютъ въ домахъ, благодаря рѣдкости селеній, а отъ Ини и полному ихъ отсутствію. Единственный пріютъ—рѣдкіе дома ямщиковъ почтовыхъ станцій.

Вслѣдствіе рѣдкости станцій и большому разгону лошадей при усилившихся проѣздахъ различныхъ чиновниковъ почтовая гоньба отъ станціи Ини находится въ печальномъ состояніи: лошади загнаны, заморены и съ большимъ трудомъ несутъ свои обязанности. Мы видѣли почтаря, шедшаго рядомъ съ телѣгой, такъ какъ лошадь была не въ состояніи его везти.

Намъ казалось бы, что умѣренное заселеніе Чуйскаго тракта земледѣльцами, заселеніе, считающееся съ интересами кочевыхъ инородцевъ, могло бы обезпечить проѣзжающимъ путешественникамъ и ямщикамъ кормъ для лошадей и пріютъ въ домахъ въ случаѣ непогоды или мороза, что особенно важно поздней осенью и зимой.

Вообще лѣса Алтая въ районѣ Чуйскаго тракта поражаютъ путешественника своимъ богатствомъ и грандіозностью. Но они остаются неиспользованными для нуждъ человѣка. Взрослый лѣсъ гніетъ, падаетъ и пропадаетъ. Казалось бы, что возможна нѣкоторая утилизація лѣсныхъ богатствъ края путемъ насажденія промышленныхъ предпріятій, которыя использовали бы лѣсъ или въ качествѣ сырого матеріала, или въ качествѣ топлива.

По Чуйскому тракту мы встрѣчали сравнительно немного проѣзжихъ. Раза три повстрѣчались намъ небольшіе караваны съ шерстью. Это были первые случайные транспорты, главная масса которыхъ приходится на осень. Чаще встрѣчались гурты овецъ, которые гнались изъ Монголіи въ Бійскій уѣздъ или Бійскъ. Встрѣчались гурты по 1—2 тысячи головъ. Въ одномъ мѣстѣ мы перегнали обозъ фирмы Асеанова съ сахаромъ, который фирма стала въ послѣднее время ввозить въ Монголію.

Кромѣ рѣдкихъ встрѣчъ проѣзжихъ и попадающихся алтайскихъ инородцевъ трактъ представлялъ въ данное время года пустынный видъ, такъ что иногда экспедиція шла по цѣлымъ днямъ, не встрѣчая ни одной живой души.

Пограничнымъ перевалочнымъ пунктомъ служитъ селеніе Кошъ-Агачъ, куда въ настоящее время перевезли изъ Онгудая и таможню, въ виду большей близости къ границѣ. Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что и Кошъ-Агачъ находится не на самой границѣ, а приблизительно въ 40 верстахъ отъ нея, такъ что приходится на самой границѣ содержать особый пограничный постъ съ стражниками. Несмотря на распросы мѣстныхъ жителей, мы не могли получить вполнѣ точныхъ указаній пограничной линіи. Это вопросъ заслуживаетъ особаго вниманія и спеціальныхъ работъ.

Кошъ-Агачъ—незначительное селеніе съ тремя десятками домовъ и 5—6 лавками русскихъ купцовъ (Калгаманова, Игнатьева, Копылова и др.). Калгамановъ, имѣя свой домъ въ Кошъ-Агачѣ, торгуетъ по Западной Монголіи, въ томъ числѣ и въ Кобдо, въ компаніи съ Бійскимъ крупнымъ мануфактурнымъ купцомъ Хакимымъ. Послѣдній даетъ ему оборотный капиталъ, а Калгамановъ предоставляетъ свой личный трудъ и 15 человѣкъ служащихъ. Барыши дѣлятся пополамъ. Калгамановъ скупаетъ шерсть и сурка, главнымъ образомъ, на наличныя русскія деньги и на серебро; по хошунамъ онъ выдаетъ нѣкоторое количество денегъ въ кредитъ. Въ 1910 г. имъ было скуплено до 5.000 пуд. шерсти. Другія лавки ведутъ торговыя операціи преимущественно съ окрестными киргизами.

Часть монгольскаго сырья идетъ на верблюдахъ до Кошъ-Агача, гдѣ возчики обыкновенно получаютъ обратный грузъ русскими товарами.

Кошъ-Агачемъ оканчивается телеграфная проволока. Передача извѣстій дальше въ Монголію поддерживалась до 1910 года самимъ купечествомъ въ видѣ періодической посылки особыхъ верховыхъ почтарей, оффиціальная же почта по адресу русскаго консульства въ Улясутаѣ возилась казенными монгольскими ямщиками (урте). Съ 1910 года была введена русская почта между Кошъ-Агачемъ и Улясутаемъ съ заѣздомъ въ Кобдо, для которой были наняты Улясутайскимъ консуломъ ямщики-монголы.

Кошъ-Агачская таможня не имѣетъ большихъ оборотовъ. Весь ввозъ, за исключеніемъ чая, до настоящаго времени свободенъ отъ таможенныхъ пошлинъ. При вывозѣ русскихъ товаровъ наиболѣе точно регистрируются товары, по которымъ производится возвратъ пошлинъ и акцизовъ.

Въ Кошъ-Агачѣ же живетъ ветеринарный врачъ, обязанность котораго заключается въ санитарномъ надзорѣ за прогоняемымъ изъ Монголіи скотомъ и ввозимымъ оттуда сырьемъ. Для осмотра гуртовъ врачъ или фельдшеръ выѣзжаютъ періодически къ границѣ, дезинфекція же и осмотръ сырья производится въ самомъ Кошъ-Агачѣ.

На самой границѣ Россіи и Монголіи, какъ мы уже говорили, находится пограничный постъ въ видѣ маленькаго домика, въ которомъ въ моментъ нашего проѣзда жилъ одинъ стражникъ съ женой. Онъ спрашиваетъ паспорта и отмѣчаетъ ихъ въ книгѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ русскаго поста уже на территоріи Монголіи находится китайскій постъ. При нашемъ проѣздѣ изъ юрты вышли 3 грязныхъ босыхъ дербетца въ шубахъ, которые оказались солдатами. Мы предъявили наши Пекинскіе паспорта, написанные на китайскомъ языкѣ. Солдаты только повертѣли ихъ въ рукахъ, очевидно, не умѣя читать, и вернули ихъ намъ обратно.

Мы въѣхали въ Монголію черезъ перевалъ Ташанту. Съ переходомъ въ Западную Монголію мы надолго должны были примириться съ однообразно-тоскливой и унылой картиной природы. Голыя горы и долины, по временамъ ровная степь, не имѣющія ни деревца, ни кустика и покрытыя скудной травой—вотъ тотъ ландшафтъ, въ рамкахъ котораго приходилось двигаться экспедиціи до Кобдо и дальше на сѣверъ до хребта Танъуолы.

Эта безжизненная картина немного оживляется вблизи рѣкъ, по берегамъ которыхъ растетъ тальникъ и имѣется болѣе густая травяная растительность.

Въ Западной Монголіи много затрудненій приходится испытывать путешественникамъ въ виду недостатка воды. Вода встрѣчается въ сравнительно немногочисленныхъ рѣкахъ и рѣчкахъ этого района, въ попадающихся родникахъ или же въ вырытыхъ колодцахъ. Въ послѣднихъ вода часто имѣетъ специфическій вкусъ или грязный видъ. Были случаи, когда эту воду не пили даже лошади. Въ нѣкоторыхъ колодцахъ попадались мертвыя животныя. Въ такихъ случаяхъ приходилось либо вычерпывать имѣющуюся воду до дна и ждать, пока набѣжитъ свѣжая, либо отказываться отъ пользованія колодцемъ.

Истекшій 1910 годъ отличался въ Западной Монголіи вообще необычайной засухой, вслѣдствіе которой пересохли многія, обычно обильныя, рѣчки и изсякли колодцы. Нерѣдко экспедиція была вынуждена останавливаться для полдневки и даже на ночлегъ, не имѣя источника воды. Въ такихъ случаяхъ люди пользовались водой, запасенной въ боченкѣ, а скотъ оставался непоенымъ и получалъ воду, когда до нея доходили.

Здѣсь экспедиціи пришлось перейти на своеобразное степное топливо—аргылъ. Такъ называется высохшій пометъ животныхъ, который служитъ вмѣсто дровъ и вполнѣ удовлетворительно выполняетъ свою задачу варить пищу.

Уже въ 50 верстахъ отъ русской границы мы встрѣтили по дорогѣ первыя лавки: около небольшой рѣчки расположились двѣ русскія и двѣ китайскія лавки. Въ русскихъ лавкахъ торговали приказчики на отчетѣ у хозяина. Всѣ лавки были въ юртахъ обычнаго монгольскаго типа, довольно грязныя внутри, съ незатѣйливой обстановкой, указывающей на временность пребыванія хозяина. Въ юртѣ у одной стѣны стояла кровать, по срединѣ былъ очагъ, а по стѣнамъ находились товары—матеріи, кожи, металлическія издѣлія. Противъ стѣны съ кроватью было постлано нѣсколько кошмъ и простыхъ ковровъ для сидѣнья гостей. Какъ въ лавкахъ этихъ двухъ приказчиковъ, такъ и вообще вездѣ въ русскихъ домахъ и юртахъ членовъ экспедиціи принимали съ полнымъ довѣріемъ.

Въ районѣ озера Толбо-нуръ въ Западной Монголіи въ хошунѣ Урянхай-Да экспедиція посѣтила лавку русскаго торговца Попова. Въ ней имѣлся мануфактурный товаръ, въ томъ числѣ ситцы, покупаемые киргизами, а также крупчатка 4-го сорта. Лавка Попова представляетъ изъ себя одно изъ отдѣленій торговли богатаго алтайскаго торговца. Въ хошунѣ торговля только что открылась, и потому дѣла лавки налаживались туго: знакомыхъ монголовъ почти не было, кредитныхъ связей завязано мало; и монголы, и самъ торговецъ присматриваются другъ къ другу. Товарами лавка снабжена еще слабо, товары должны были въ скоромъ времени придти изъ с. Шебалиной. Судя по планамъ молодого торговца, лавка должна будетъ сбывать довольно значительное количество товаровъ, привозимыхъ изъ Россіи. Лавка Попова принадлежитъ къ числу тѣхъ мелкихъ предпріятій, усиліями и дѣятельностью которыхъ въ настоящее время только и поддерживается сбытъ русскихъ товаровъ въ Монголіи.

14 іюня экспедиція доѣхала до рѣки Кобдо, широкой и многоводной. Здѣсь приходилось переѣзжать на паромѣ. Такая переправа—чистое наказаніе въ Монголіи, такъ какъ требуетъ массы времени. Паромъ имѣетъ совершенно первобытное устройство. Взято 5 выдолбленныхъ деревьевъ, кое-какъ связанныхъ между собой и покрытыхъ нѣсколькими досками, даже не прикрѣпленными къ колодамъ. Два монгола подвигаются вдоль одного берега на шестахъ, стоя на кормѣ и упираясь въ дно рѣки шестами. Никакихъ приспособленій для въѣзда экипажей на паромъ, конечно, не существуетъ, и приходится втаскивать экипажи прямо съ берега на паромъ.

На рѣкѣ Кобдо паромъ былъ еще довольно большой, такъ какъ на немъ помѣщались двѣ таратайки. Наша переправа 8 таратаекъ и одного коробка продолжалась болѣе трехъ часовъ. Лошадей перегнали вплавь. Данный перевозъ содержится монголами. Они откупаютъ перевозъ отъ мѣстной почтовой станціи (урте) и берутъ съ проѣзжающихъ по своему произволу. Обычная плата съ таратайки около 1 руб., такъ что одна переправа ложится на провозимый грузъ уже тяжестью отъ 5 до 10 коп. на пудъ. Съ переѣзжавшаго съ нами верхового монгола взяли за перевозъ 50 коп.

Вечеромъ того же дня экспедиція достигла озера Шаръ-нуръ. Въ озерѣ вода была плохая, но въ ключахъ, питающихъ озеро, отличалась чистотой и хорошимъ вкусомъ. Около озера оказалось до 20 юртъ. Вечеромъ, когда были пригнаны всѣ стада сарлыковъ, барановъ, коровъ и верблюдовъ, картина имѣла библейскій характеръ. Многіе монголы въ знакъ гостепріимства прислали намъ подарки, кто араки въ глиняныхъ бутылочкахъ, кто сырчиковъ, кто лепешекъ. Арака имѣла отвратительный вкусъ и запахъ, сырчики были весьма грязны, но этикетъ требовалъ хотя бы отвѣдать подарковъ.

На другой день мы достигли озера Толбо-нуръ, вдоль котораго было расположено нѣсколько юртъ. На слѣдующій день 16 іюня пришлось сдѣлать тяжелый перевалъ черезъ гору Буратъ. 17 іюня мы подъѣхали къ почтовой станціи Хонгерленъ. Въ степи стояло три юрты, изъ которыхъ въ двухъ жили ямщики, а одна была предназначена для проѣзжихъ. Тутъ же неподалеку паслись лошади и верблюды, употребляемые для перевозки.

18 іюня мы заѣзжали около рѣчки Хон-ге въ двѣ русскія факторіи, гдѣ торговали приказчики на отчетѣ. Одинъ изъ приказчиковъ жилъ съ женой и ребенкомъ. Интересно отмѣтить, что присутствіе женщины въ юртѣ такой передвижной факторіи создаетъ бóльшую чистоту и уютность обстановки. Здѣсь замѣтна заботливая женская рука. Тамъ, гдѣ русскіе жили на холостомъ положеніи, юрта имѣла всегда болѣе грязный и оброшенный видъ, даже у состоятельныхъ торговцевъ. Наша полдневка въ этотъ день была на берегу живописной горной рѣчки Тархи-нурукъ. На другомъ ея берегу остановился какой то богатый монголъ, оказавшійся потомъ ламой, братомъ Дербетскаго вана; онъ подъѣхалъ къ намъ и поинтересовался тѣмъ, кто мы такіе и куда ѣдемъ. Оказалось, что наша цѣль общая—Кобдо. Этотъ лама занятъ въ настоящее время постройкой монастыря, возводимаго на счетъ его брата. Въ Кобдо онъ ѣхалъ хлопотать передъ китайскими властями о томъ, чтобы его брата не посылали въ Пекинъ въ законодательное собраніе. Это желаніе объясняется сознательно отрицательнымъ отношеніемъ мон-

головъ къ китайцамъ—манчжурамъ и къ ихъ управленію. Кромѣ того лама долженъ былъ сдѣлать закупки для монастырскихъ построекъ. Въ Кобдо мы его потомъ встрѣтили въ домѣ Ассанова, гдѣ онъ выбиралъ себѣ хорошій полевой бинокль. Монголы большіе любители сильныхъ подзорныхъ трубъ и биноклей и даютъ за нихъ большія деньги. Нашъ лама провелъ въ лавкѣ Ассанова нѣсколько часовъ за выборомъ себѣ подходящаго бинокля. Однако онъ не купилъ себѣ ни одного, объяснивъ, что попроситъ брата подарить ему выбранный экземпляръ. Этотъ лама, получившій образованіе въ Тибетѣ, производилъ впечатлѣніе культурнаго человѣка. Его одѣяніе было несравненно чище и богаче одежды обыкновенныхъ монголовъ.

Вообще за время движенія экспедиціи къ Кобдо она встрѣчала мало путниковъ по своей дорогѣ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что въ это время года торговое движеніе незначительно, отчасти же тѣмъ, что всѣ монголы переносятъ свои кочевья изъ долинъ, гдѣ ихъ одолѣваютъ комары, оводы и другія насѣкомыя, въ горы внѣ торговыхъ трактовъ. Нѣсколько разъ мы встрѣчали большіе караваны верблюдовъ, предназначенные для амбыня вновь учрежденнаго Алтайскаго округа; на казенной монгольской почтѣ перевозилось оружіе и разные припасы.

Впервые увидѣли мы здѣсь въ монгольской степи миражъ или марево. Вдалекѣ передъ вами вдругъ вырисовывается полоса воды или озеро, вполнѣ отчетливо, такъ что, кажется, достаточно проѣхать три—четыре версты и вы достигнете этого желаннаго пункта. Но проходятъ версты, вы ѣдете часы, и казавшаяся столь близко вода куда-то исчезаетъ безслѣдно.

Интересенъ ритуалъ встрѣчи съ какимъ нибудь монголомъ. Вы двигаетесь по степи. Вотъ на горизонтѣ показался всадникъ. Завидѣвъ караванъ, онъ обычно направляется къ нему, желая удовлетворить свое любопытство. „Сайнъ-байна" —здравствуй. Ему отвѣчаютъ: „Сайнъ", или „Амырхан-сайнъ".

Сейчасъ же монголъ либо вытаскиваетъ кисетъ съ табакомъ и предлагаетъ вамъ свою трубку, либо вынимаетъ табакерку и предлагаетъ понюхать табаку. У каждаго монгола имѣется табакерка большей или меньшей цѣнности. Обычно это небольшой стеклянный пузырекъ, въ горлышко котораго вставлена пробка изъ коралла, особенно цѣнимаго монголами. Къ пробкѣ придѣлана костяная ложечка, которая захватываетъ немного нюхательнаго табаку. Вы должны обтереть пальцами эту ложечку и понюхать табакъ. Въ крайнемъ случаѣ, если вы брезгуете, то должны подержать табакерку въ рукахъ въ знакъ пріязни. Съ своей

стороны и вы предлагаете монголу табаку покурить или понюхать. Обычно вы даже обмѣниваетесь съ монголомъ своими трубками. Нашъ переводчикъ, который служилъ раньше въ Монголіи приказчикомъ, съ большимъ удовольствіемъ выполнялъ всѣ эти церемоніи и безъ брезгливости засовывалъ въ ротъ грязную и замусоленную трубку монгола.

Первымъ городомъ въ Монголіи, посѣщеннымъ экспедиціей, былъ Кобдо.

Кобдо представляется чуднымъ оазисомъ на фонѣ скудной и безжизненной природы Западной Монголіи. Когда экспедиція достигла конца горнаго хребта, съ котораго нужно было спускаться въ долину рѣки Буянту, то глазъ пріятно отдыхалъ на шапкѣ зеленыхъ деревьевъ, обнимающихъ городъ. Въ Кобдо главная улица (въ отличіе отъ обыкновенныхъ китайскихъ городовъ весьма широкая) обсажена деревьями. Кромѣ того масса деревьевъ имѣется въ паркѣ крѣпости и въ частныхъ садахъ.

Въ двухъ верстахъ отъ Кобдо протекаетъ рѣка Буянту, отъ которой идутъ многочисленныя канавы, орошающія городъ и дающія влагу городской растительности. Эти же канавы служатъ канализаціоннымъ цѣлямъ и поддерживаютъ исключительную чистоту даннаго города. Однако, названная рѣка создаетъ и неудобства для торговцевъ. При отсутствіи моста приходится переходить рѣку вбродъ. Между тѣмъ ея уровень колеблется даже по часамъ дня: утромъ онъ ниже, а къ вечеру онъ поднимается въ зависимости отъ таянія снѣговъ на близкихъ горахъ. Сплошь и рядомъ груженыя телѣги и таратайки не могутъ пройти рѣку безъ порчи товара, такъ что приходится ждать спада воды.

Въ Кобдо есть одна большая, главная улица, по которой расположены всѣ крупнѣйшія торговыя фирмы, и одна боковая, ей параллельная, съ двумя—тремя переулками. Рядомъ съ городомъ расположена крѣпость, въ которой живетъ амбынь Кобдинскаго округа, всѣ китайскіе чиновники и китайскіе солдаты Кобдинскаго гарнизона. Въ городѣ существуютъ три кумирни, въ одной изъ которыхъ сохраняются гроба умершихъ до перевозки ихъ въ Китай, въ крѣпости же находится кумирня Гессэръ.

Численность самаго города опредѣляется около 1.000 человѣкъ, китайцевъ и русскихъ, хотя эта цифра только приблизительная. Число русскихъ здѣсь не болѣе 40—50 человѣкъ. Вокругъ Кобдо живутъ монголы, привлекаемые заработками и селящіеся въ раскинутыхъ юртахъ. Въ моментъ посѣщенія Кобдо экспедиціей такихъ поселенцевъ было очень мало. Но мѣстные жители говорили, что бываютъ періоды, когда вокругъ города все чернѣетъ отъ массы

поставленныхъ юртъ, число которыхъ достигаетъ нѣсколько сотъ. Эти пригородные обитатели занимаются собираніемъ аргыла, который они продаютъ городскимъ жителямъ; нѣкоторые работаютъ на русскихъ мойкахъ, иные живутъ подаяніемъ, есть монголки, занимающіяся проституціей.

Въ Кобдо существуютъ огороды, на которыхъ китайцами разводится для своего хозяйства и на продажу редиска, капуста и нѣкоторыя другія овощи.

Что касается ремеслъ, то они встрѣчаются, какъ рѣдкое исключеніе: мы съ трудомъ нашли въ городѣ сапожника (да и то сарта) для починки обуви.

Въ Кобдо имѣются въ настоящее время 6 русскихъ фирмъ, 2 представителя нѣмецкихъ фирмъ и до 20 крупныхъ китайскихъ фирмъ, не считая мелочныхъ китайскихъ торговцевъ, которыхъ можно насчитать до 30.

Среди русскихъ фирмъ на первомъ мѣстѣ стоитъ торговля Бійскаго купца Н. И. Ассанова, подъ управленіемъ довѣреннаго Д. А. Ермолина. До сихъ поръ вслѣдствіе отсутствія въ Кобдо русскаго консульства, русскіе не имѣютъ права пріобрѣтать и строить собственныя зданія. Русскіе торговцы живутъ въ наемныхъ китайскихъ домахъ. Одни живутъ въ нихъ въ томъ видѣ, какъ они построены. Другіе нѣсколько приспособляютъ дома къ русскимъ вкусамъ. Такъ сдѣлалъ и Ассановъ, приведшій снятый домъ въ болѣе благообразный и уютный видъ. Оборотъ фирмы Ассанова въ Монголіи можно опредѣлить до 300.000 р. Главная ея операція—скупка шерсти, сурка, скота, причемъ для обезпеченія поставки сырья производится кредитованіе монголовъ серебромъ и отчасти товаромъ. У фирмы есть 4 отдѣленія по хошунамъ: 1) въ Кобдинскомъ округѣ съ оборотомъ на 30.000 р., 2) въ хошунѣ Мани-Гуне съ оборотомъ на 50—60 тысячъ, 3) въ Халхѣ, въ Джалшинъ-Беси—на 20.000 р., 4) въ хошунѣ Хатучи-Беси за Улясутаемъ съ оборотомъ на 20.000 руб. Кромѣ торговыхъ операцій съ монголами фирма Ассанова покупаетъ монгольское сырье крупными партіями, кредитуя китайскихъ и русскихъ купцовъ.

Скупленная шерсть сбывается фирмой Ассанова преимущественно Стукену, обычно въ Бійскѣ, куда пріѣзжаетъ довѣренный Стукена. Года три тому назадъ дѣлалась попытка непосредственнаго сбыта шерсти въ Америку, однако этотъ планъ особаго успѣха не имѣлъ. Часть шерсти продается въ Россіи, напр., ордынская шерсть и вся цвѣтная продается на суконную фабрику Злоказовыхъ. Точно также въ Россію отправляется верблюжья шерсть. Сурка фирма Ассанова скупаетъ въ годъ до 50—60 тысячъ шкурокъ, главнымъ образомъ въ Улясутайскомъ округѣ.

Весьма достопримѣчательно, какимъ путемъ довѣренный фирмы Ассанова снискалъ широкую популярность и довѣріе монгольскаго населенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Монголіи стала свирѣпствовать натуральная оспа. Населеніе было совершенно беспомощно въ борьбѣ съ эпидеміей, а одинъ изъ мѣстныхъ ламъ, занимавшійся врачеваніемъ и слыхавшій что то о прививкѣ, предложилъ жителямъ чудовищный способъ лѣченія: онъ снималъ оспенный гной съ больного и прививалъ его здоровымъ. Ермолинъ привезъ съ собой изъ Россіи оспенный детритъ и предложилъ желающимъ испытать его прививку, предупреждая впередъ лицъ, пользовавшихся услугами ламы, что отъ такого лѣченія они умрутъ, а что своимъ лѣченіемъ онъ гарантируетъ здоровье. Нѣсколько смѣльчаковъ рѣшились подвергнуться его лѣченію. Проходитъ нѣсколько дней, паціенты ламы заболѣваютъ оспой и вскорѣ умираютъ, а паціенты Ермолина остаются здравы и невредимы. Въ короткое время слава о новомъ докторѣ разнеслась по громадной округѣ, и къ Ермолину потянулись тысячи монголовъ для прививки. Цѣлые дни проводилъ онъ въ производствѣ прививокъ, принимая сотни людей въ день. Всѣ паціенты приносили ему хадаки и денежные подарки, но помимо этого они разносили по странѣ его извѣстность и закрѣпляли самую прочную его популярность. Въ результатѣ удачной мысли довѣренный Ассанова—одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ людей въ Кобдинскомъ округѣ.

Слѣдующая Кобдинская фирма—Р. И. Кузнецова, который точно также занимается скупкой всякаго рода монгольскаго сырья, преимущественно на серебро, выдаваемое въ кредитъ монголамъ. Далѣе можно назвать фирмы Кузьмина, Королькова и Хакина, торгующаго черезъ своего компаніона Калгаманова.

Интересна въ Кобдо недавно открытая торговля Грѣхова. Въ этомъ небольшомъ дѣлѣ главное вниманіе сосредоточивается на сбытѣ русскихъ товаровъ, подборъ которыхъ, хотя и въ небольшомъ масштабѣ, довольно разнообразенъ и стремится къ удовлетворенію вкусамъ монголовъ. Всѣхъ русскихъ товаровъ имѣется въ этой торговлѣ на 16.000 руб., въ томъ числѣ мануфактурныхъ товаровъ на 8.000 руб., желѣзныхъ и скобяныхъ товаровъ на 7.600 р., галантереи на 400 руб. Изъ тканей наиболѣе ходкимъ является плисъ разныхъ цвѣтовъ (Шибаева и Морозова), цвѣтной молескинъ, сбываемый китайцамъ, солдатское сукно (№ 2 и 3) синяго и бордоваго цвѣта, нанбукъ и ластикъ краснаго, бордоваго, желтаго и синяго цвѣтовъ, китайская талямба, ситцы, сбываемые киргизамъ, которые съѣзжаются въ Кобдо съ 20 іюня по 20 іюля. Среди металлическихъ издѣлій лавки Грѣхова можно назвать листовое желѣзо, идущее

на устройство печекъ въ юртахъ, капканы для ловли звѣрей, гвозди, употребляемые при деревянныхъ постройкахъ монастырей, косы-литовки, употребляемыя монголами для кошенья травы, круглыя металлическія пуговицы, сбытъ которыхъ оказался очень удачнымъ. Въ небольшой лавчокѣ Грѣхова, когда мы ее посѣщали, все время толпились покупатели, шли оживленные разговоры и заключались сдѣлки.

Во время нашего пребыванія въ Кобдо русскій Улясутайскій консулъ созвалъ совѣщаніе Кобдинскихъ купцовъ для обсужденія нѣкоторыхъ торговыхъ и мѣстныхъ общественныхъ вопросовъ, напр., для выбора купеческаго старшины, для обсужденія одной бумаги Пекинскаго русскаго посланника и др. Собралось всего какихъ нибудь 12—15 человѣкъ. Были приглашены и мы двое. Во время этого собранія, на которомъ присутствовала вся русская колонія, мы были поражены недружелюбіемъ, установившимся между отдѣльными членами этой колоніи. Казалось бы, что горсточкѣ русскихъ, заброшенныхъ въ глубину Монголіи, естественно сплотиться и держаться дружно. Оказывается, нѣтъ. Взаимныя распри, борьба мелкаго самолюбія, интрига и здѣсь составляютъ достояніе русскаго общества. Одни наговаривали на другихъ, тѣ разсказывали про первыхъ разныя исторіи, и вы чувствовали атмосферу какой-то взаимной враждебности.

Двѣ нѣмецкія фирмы, имѣющія цѣлью скупку пушнины и отчасти шерсти, работаютъ черезъ своихъ русскихъ довѣренныхъ: Гутбецаль черезъ Степанова и Бидерманъ черезъ Калмыкина. Фирма Гутбецаль закупаетъ массу сурка, лисицы и бѣлки, а также рыси, волка, куницы и хорьковъ; оборотъ ея былъ въ 1910 г. около 25.000 рублей.

Среди китайскихъ фирмъ на первомъ мѣстѣ находятся Пекинскія фирмы, занимающіяся сбытомъ китайскихъ товаровъ и скупкой монгольскаго сырья. Таковы Юн-Дзюй-Ченъ, Те-И-Ченъ, Юн-Шин-Хинъ, Сан-Хэ-И, Мен-Ги-Ту. Мы посѣтили нѣкоторыя изъ этихъ фирмъ. Обычно на улицу выходитъ лавка съ деревянными створами, въ которой находится товаръ. На первомъ мѣстѣ обычно фигурируетъ мануфактура—талямба, цуямба, чесуча и шелковыя ткани разныхъ цвѣтовъ. Далѣе имѣются издѣлія китайской промышленности—металлическіе предметы домашняго обихода, кожаная обувь, принадлежности для верховой ѣзды, головныя украшенія, предметы религіознаго культа, чай, табакъ и пр.

Рядомъ съ лавкой всегда имѣется комната въ родѣ пріемной, куда приглашаются болѣе или менѣе значительные покупатели. Имъ предлагается сейчасъ же чай и трубка съ табакомъ. На дво-

рѣ постройки обычно расположены въ видѣ буквы П. Здѣсь находятся склады товаровъ, амбары для собираемаго сырья и жилыя помѣщенія торгующихъ.

Большіе обороты дѣлаютъ Пекинскія же банкирскія фирмы, ссужающія хошуны серебромъ и получающіе уплату долговъ главнымъ образомъ въ видѣ скота: Да-Шен-Ку, На-Су-Тай, Тянь-И-Дэ и Юань-Шен-Дэ. Благодаря полученію платежей скотомъ, эти фирмы вынуждены вести значительное скотоводство. Члены экспедиціи были, между прочимъ, въ отдѣленіи первыхъ двухъ фирмъ. Вы входите съ улицы воротами въ большой дворъ необыкновенной чистоты, вокругъ котораго находятся постройки. Направо расположены квартиры служащихъ, налѣво большія кладовыя. Обозрѣвая послѣднія, мы были поражены большими запасами мануфактурныхъ товаровъ, видѣли и курьезные товары: старинныя кремневыя ружья, древнія статуэтки Будды и т. п. рѣдкости. На дворѣ выставлена масса цвѣтовъ. Китайцы—любители разводить ихъ и посвящаютъ свое свободное время какъ комнатному, такъ и садовому цвѣтоводству. Позади зданій мы видѣли цѣлый садъ, содержимый съ большимъ вниманіемъ.

По словамъ довѣреннаго Да-Шен-Ку въ Кобдо, его фирма, имѣющая 5 отдѣленій и центръ торговли въ Улясутаѣ, собираетъ въ общемъ до 30.000 барановъ и болѣе 1.000 лошадей, а Кобдинское отдѣленіе—до 12.000 барановъ и 500 лошадей, но эти цифры представляются намъ, судя по общимъ отзывамъ, преуменьшенными.

Далѣе назовемъ Калганскія фирмы: старыя—Ю-Шин-Ху, Шин-Лон-Ху и новыя: Хын-Лун-Го, Син-Тай-Лун, Сан-Шин-Де, Фу-Шин-Де. Изъ Кукухотоскихъ фирмъ работаетъ въ Кобдо Юн-Дэ-Куй. Кромѣ того, есть торговля дунганъ Кон-Ши-Лун, имѣющая первобытно устроенную мельницу въ Кобдо съ коннымъ приводомъ, уксусное производство и хлѣбопекарное дѣло. Послѣдняя фирма помѣщается точно также въ рядѣ зданій, окружающихъ небольшой дворъ. Съ одной стороны въ особомъ зданіи находится мельница, гдѣ работаетъ одинъ рабочій. На дворѣ производится мойка подлежащаго размолу зерна съ казенныхъ пашенъ и его сушка на крышахъ зданій. Сухое зерно въ корзинѣ переносится на мельницу. Въ другомъ углу двора дѣлается уксусъ, непріятный запахъ отъ котораго проникаетъ повсюду. У Кон-Ши-Лун много грязнѣе по сравненію съ китайцами.

Интересной бытовой картинкой было наше посѣщеніе Кобдинскаго губернатора—амбыня. Мы послали одного изъ нашихъ переводчиковъ въ крѣпость, гдѣ живетъ амбынь, узнать, когда можетъ насъ принять этотъ крупный китайскій чиновникъ края.

Розничный китайскій магазинъ въ Кобдо.

Отдѣленіе китайской фирмы Да-Шен-Куй въ Кобдо.

Аудіенція была назначена на другой день въ 2 часа дня. Мы отправились въ указанный часъ въ сопровожденіи обоихъ переводчиковъ. Войдя въ крѣпость, мы послали одного изъ переводчиковъ въ управленіе, а сами остались ждать. Черезъ нѣсколько минутъ явился переводчикъ амбыня и повелъ насъ въ дворецъ амбыня. Этотъ дворецъ представлялъ собой рядъ одноэтажныхъ низенькихъ зданій, расположенныхъ четырехугольникомъ и образующихъ внутренній дворъ. На дворѣ, кстати сказать, была развѣшана масса лисьихъ шкуръ, очевидно, собранныхъ амбынемъ съ хошуновъ.

Насъ ввели въ небольшую комнату обычнаго китайскаго типа, съ каномъ, гдѣ, по традиціи, сейчасъ же былъ поданъ чай. Не успѣли мы выпить поданныя чашки чая, какъ намъ сообщили, что амбынь готовъ насъ принять. Мы вышли на внутренній дворъ и на другой сторонѣ его увидѣли два ряда чиновниковъ съ конусообразными бѣлыми шляпами; въ глубинѣ стоялъ амбынь, тоже въ оффиціальной формѣ съ такой же бѣлой шляпой, имѣвшей синій шарикъ наверху. Губернаторъ привѣтствовалъ насъ рукопожатіемъ и пригласилъ внутрь дома. Здѣсь опять былъ предложенъ чай и поданы московскія печенья Альбертъ и русскія карамельки. На канѣ по сторонамъ маленькаго столика, служащаго подставкой для стакановъ, были посажены мы двое, переводчики встали около насъ, а амбынь сѣлъ на кресло наискосокъ. Начался оффиціальный и довольно нудный разговоръ. Его пришлось вести довольно сложнымъ путемъ: рѣчь губернатора передавалась его переводчикомъ съ манчжурскаго на монгольскій языкъ, тотъ сообщалъ ее по монгольски нашему переводчику, а нашъ переводчикъ уже передавалъ намъ. Такимъ образомъ разговоръ шелъ весьма медленно. Къ тому же нашъ собесѣдникъ не былъ особенно находчивъ и иногда подолгу думалъ прежде, чѣмъ произнести какую-нибудь фразу. Амбынь спрашивалъ насъ, благополучно ли мы ѣхали, все ли счастливо въ нашей странѣ какъ намъ понравилось въ Монголіи. Мы въ свою очередь освѣдомлялись о благополучіи Китайскаго государства и выражали свои чувства по поводу радушнаго и доброжелательнаго отношенія населенія къ намъ. Между прочимъ мы спрашивали о томъ, довольны ли мѣстныя власти и населеніе русскими торговцами и нѣтъ ли какихъ либо претензій въ этой области. Амбынь отвѣтилъ лестнымъ отзывомъ о русскихъ въ Монголіи. Поговоривъ такимъ образомъ съ четверть часа, мы встали и раскланялись, попросивъ разрѣшенія осмотрѣть крѣпость. Разрѣшеніе было дано и нѣсколько мелкихъ чиновниковъ повели насъ сначала по прекрасному парку при дворцѣ амбыня. Здѣсь было много деревьевъ, цвѣтовъ, нѣсколько бесѣдокъ. По парку протека-

ли ручьи для орошенія, черезъ которые были переброшены мостики. Передъ однимъ зданіемъ насъ остановили, сообщивъ, что здѣсь живетъ супруга амбыня. Намъ предложили войти. Мы вошли, думая, что, согласно этикету, намъ предстоитъ быть представленными и супругѣ. Оказалось, что не совсѣмъ такъ. Мы посидѣли на канѣ, выпили предложенный чай и тѣмъ какъ бы сдѣлали визитъ, но жена амбыня не показалась лично. Судя по шуму въ сосѣдней комнатѣ, она, повидимому, ограничилась обозрѣніемъ насъ изъ маленькаго дверного отверстія.

Обойдя паркъ, мы направились еще съ визитомъ къ дзургану, исправнику Кобдинскаго округа, такъ какъ намъ указали на необходимость его посѣщенія. Здѣсь обстановка была немного попроще и комната поменьше. Тѣ же безсодержательные офиціальные разговоры, взаимный обмѣнъ любезностей и неизбѣжный чай.

Послѣ этого визита мы направились осмотрѣть Кобдинскую тюрьму. Въ одномъ изъ угловъ крѣпости тюрьма была ограждена заборомъ. При входѣ насъ встрѣтило какое-то отвратительное полуголое существо, которое стало кланяться въ землю. Оно оказалось тюремщикомъ—типомъ въ духѣ средневѣковья. Тюремщикъ—китаецъ повелъ насъ показывать тюрьму. Она въ это время ремонтировалась и потому въ ней не было заключенныхъ, а то, пожалуй, нервы не выдержали бы возмутительнаго и тяжелаго зрѣлища.

Намъ пришлось спуститься въ подземелье, состоявшее изъ нѣсколькихъ корридоровъ. Каждый корридоръ былъ раздѣленъ рѣшетчатой загородкой на двѣ части, изъ которыхъ одна—меньшая составляла проходъ, а другая была мѣстомъ заключенія арестантовъ. Для каждаго было устроено ложе такимъ образомъ, что съ одной стороны была доска съ отверстіемъ, въ которое вкладывалась голова, а съ другой стороны—доска, въ которую вставлялись ноги, въ результатѣ чего арестантъ былъ лишенъ возможности даже шевелиться. Болѣе тяжкіе преступники кромѣ того приковывались цѣпями. Легко себѣ представить ужасъ положенія человѣка, вынужденнаго находиться въ такихъ условіяхъ по нѣскольку мѣсяцевъ. Свѣтъ въ этомъ узилищѣ падаетъ сверху, изъ небольшихъ отверстій надъ землей. Полъ земляной.

До сихъ поръ въ Монголіи существуютъ настоящія пытки, какъ законное средство уголовнаго судопроизводства; тамъ до сихъ поръ въ ходу наказанія похожія на пытки и квалифицированные виды смертной казни. Плети и прошитые кожаной веревкой ремни пускаются въ дѣло при каждомъ случаѣ обращенія къ правосудію въ уголовныхъ дѣлахъ. Жестоки въ этихъ дѣлахъ китайцы, но и монгольскія власти не отличаются особымъ мягкосердіемъ, практикуя

въ хошунныхъ дѣлахъ пыточныя наказанія. Въ такихъ уголовныхъ дѣлахъ, какъ коно-и скотокрадство, заподозрѣнный подвергается цѣлой системѣ пытокъ, которыя легко заканчиваются смертью „непытуемаго“. Въ „испытуемаго“ обращается не только заподозрѣнный, но часто его мѣсто занимаетъ обвинитель и свидѣтель. Поэтому всѣ китайскія оффиціальныя присутствія въ монгольскихъ городахъ и монгольскія присутствія въ хошунныхъ резиденціяхъ больше всего смахиваютъ на застѣнки.

У воротъ участковъ (очевидно, въ назиданіе обывателей) стоятъ деревянныя клѣтки нѣсколько ниже роста человѣка съ круглымъ отверстіемъ сверху. Въ эти клѣтки ставятъ провинившихся такъ, что голова выдается наружу черезъ указанное отверстіе, но туловище должно оставаться въ полусогнутомъ состояніи. Несчастные не могутъ ни сѣсть, ни выпрямиться и испытываютъ ужасныя мученья.

Съ такой-то потрясающей душу системой уголовныхъ репрессій сталкиваются изо дня въ день всѣ иностранцы, которыхъ судьба заноситъ въ предѣлы Китайской имперіи!. Какъ долженъ надламываться душевный строй чуткаго человѣка при видѣ всѣхъ этихъ звѣрствъ, какъ должна развращаться душа недостаточно стойкихъ въ моральномъ отношеніи людей! Недаромъ замѣчается среди русскихъ такое же пренебреженіе къ монголамъ, какъ и со стороны китайцевъ. Нерѣдки также случаи жестокаго обращенія русскихъ купцовъ и приказчиковъ съ туземцами.

Въ 1910 г. въ печати сообщалось, что китайское правительство рѣшило покончить съ примѣненіемъ пытокъ и сдѣлало соотвѣтствующее распоряженіе мѣстнымъ властямъ. Однако при дезорганизованности имперіи и при своевластіи мѣстныхъ чиновниковъ даже при отмѣнѣ пытокъ изъ центра онѣ еще долго могутъ оставаться орудіемъ устрашенія въ рукахъ мѣстныхъ властей.

Въ Кобдо намъ удалось присутствовать на монгольскомъ народномъ праздникѣ „Баиръ“. Онъ собралъ до 200 монголовъ. Праздникъ начался освященіемъ одного ключа ламами. Затѣмъ начались скачки, въ которыхъ по обыкновенію принимали участіе подростки обоего пола въ качествѣ жокеевъ. Публика расположилась на одной горѣ близъ Кобдо, а состязавшіеся должны были скакать отъ назначеннаго пункта въ 10—12 верстахъ отъ этой горы. Въ толпѣ царило большое оживленіе, увеличивавшееся по мѣрѣ того, какъ скачущіе приближались къ мѣсту назначенія. Страсти разгорались, происходили споры о томъ, кто побѣдитъ и, наконецъ, первый наѣздникъ достигаетъ цѣли. Побѣдителемъ оказывается дѣвочка—подростокъ, удалая наѣздница, уже нѣсколько разъ получавшая первый призъ.

Послѣ скачекъ наступилъ перерывъ, во время котораго публикѣ было предложено угощеніе.. Всѣ разсѣлись на травѣ и получали отъ распорядителей по чашкѣ—другой араки (водки изъ молока) и по куску вареной баранины. На почетныхъ мѣстахъ возсѣдали ламы и монгольскіе чиновники. Наша группа, наблюдавшая праздникъ со стороны, была точно также приглашена къ участію въ трапезѣ.

Послѣ ѣды собственники лошадей, участвовавшихъ въ скачкахъ, выводили ихъ передъ публикой, славословили ихъ качества и призывали благословеніе добрыхъ духовъ. Въ заключеніе главный лама произнесъ молитву богу о ниспосланіи счастія и благополучія всѣмъ присутствующимъ.

Въ заключеніе началась борьба—одинъ изъ любимыхъ видовъ спорта въ Монголіи. Существуютъ твердо установленныя правила борьбы. Въ однихъ мѣстностяхъ требуется, чтобы побѣдитель положилъ противника на обѣ лопатки, въ другихъ—считаютъ достаточнымъ, если побѣжденный такъ или иначе коснется земли. Борющіеся выступили почти обнаженные, съ небольшимъ поясомъ на бедрахъ. Двѣ противныхъ стороны вызывали желающихъ бороться и подзадоривали одна другую разными замѣчаніями. Начало борьбы было сдѣлано подростками, затѣмъ стали выступать взрослые. Каждый борющійся имѣлъ своего представителя, который подбадривалъ и поддразнивалъ его, ударяя рукой по спинѣ или ногѣ. Вся публика, стоявшая вокругъ, принимала самое оживленное участіе въ борьбѣ своими замѣчаніями и оцѣнками. Рѣшеніе вопроса о томъ, кто является побѣдителемъ, принадлежало ламамъ и свѣтскимъ чиновникамъ, возсѣдавшимъ по обѣ стороны борющихся. Побѣдитель съ поклонами подходилъ къ тѣмъ или другимъ и получалъ отъ нихъ обычно горсть сырчиковъ, часть которыхъ онъ подбрасывалъ кверху въ жертву духамъ. Иногда побѣдителю давались пояски.

По мѣрѣ того, какъ шла борьба, страсти разгорались. Побѣжденные выходили изъ строя, а побѣдители должны были вступать между собой въ дальнѣйшее единоборство, пока въ концѣ концовъ не остался послѣдній побѣдитель, одолѣвшій всѣхъ. Участники борьбы постепенно ожесточались и приходили въ азартъ. Во время схватки одной пары былъ замѣченъ неправильный пріемъ съ одной стороны. Наблюдатель замѣтилъ это и вывелъ виновника изъ строя. Но тотъ возбужденный не хотѣлъ согласиться съ такимъ рѣшеніемъ и далъ пощечину наблюдателю. Однако вмѣшательство другихъ начальствующихъ лицъ привело взбудоражившуюся было толпу въ равновѣсіе. Послѣдній побѣдитель надъ всѣми борцами

получилъ подарокъ, чѣмъ праздникъ и закончился. Толпа постепенно стала расходиться.

Слѣдуетъ упомянуть еще о другомъ случаѣ скопленія народа, вызванномъ отъѣздомъ русскаго консула, В. Ф. Люба, изъ Кобдо въ Улясутай. Во время нашего пребыванія въ Кобдо прибылъ изъ Россіи нашъ консулъ, которому было отведено властями помѣщеніе въ одной изъ кумиренъ. Пробывъ нѣсколько дней и разобравъ рядъ дѣлъ между русскими, консулъ выѣхалъ къ мѣсту своей службы. Его отъѣздъ былъ цѣлой церемоніей. За городомъ былъ сооруженъ синій шатеръ, къ которому въ назначенное время прибылъ амбынь. Консулъ подъѣхалъ къ амбыню и вмѣстѣ съ нимъ вошелъ въ шатеръ, гдѣ онъ выпилъ предложенную чашку чая. Вокругъ шатра размѣстились чиновники амбыня въ праздничныхъ одеждахъ и бѣлыхъ шляпахъ съ черными кистями, а съ другой стороны столпилась масса народа, пришедшая поглазѣть на зрѣлище. Въ сторонѣ находились члены немногочисленной русской колоніи, пріѣхавшіе проводить консула. Простясь съ амбынемъ и русскими, консулъ сѣлъ въ свой тарантасъ, верховые монголы подхватили на сѣдла привязанный къ тарантасу шестъ и понеслись сломя голову. За ними поѣхало нѣсколько русскихъ верхами проводить за нѣсколько верстъ, какъ это принято въ Монголіи.

II. Отъ Кобдо въ Сойотію.

28 іюня мы выѣхали изъ Кобдо.

Послѣ переправы черезъ рѣку Кобдо экспедиція раздѣлилась. Одна часть съ профессоромъ М. И. Соболевымъ двинулась на сѣверъ къ Уланкому. Въ распоряженіи этой части экспедиціи было три вьючныхъ верблюда и четыре верховыхъ лошади. Грузъ экспедиціи вьючился на верблюдовъ слѣдующимъ образомъ: на спину животнаго накладывалась кочма, затѣмъ по обѣ стороны прикрѣплялись по двѣ палки, соединенныя между собой короткими брусками, и на это накладывался грузъ, въ количествѣ до 10 пуд. Грузъ тщательно уравновѣшивался по обѣ стороны и привязывался крѣпко веревками изъ верблюжьей шерсти, пропускаемыми подъ брюхо животнаго. На первомъ верблюдѣ, имѣвшемъ меньшій грузъ, возсѣдалъ вожатый—старый лама, собственникъ нанятыхъ верблюдовъ. Въ рукѣ его находился поводъ, конецъ котораго былъ привязанъ за палочку, проткнутую черезъ ноздри верблюда. Слѣдующіе верблюды точно также были привязаны одинъ къ другому поводами, прикрѣпленными къ палочкамъ въ ноздряхъ. Когда нужно было вьючить или развьючивать верблюда, его заставляли стано-

виться на колѣни, что онъ обычно дѣлалъ съ большимъ неудовольствіемъ и съ непріятнымъ пронзительнымъ крикомъ. Процессъ навьючиванія нашихъ 3 верблюдовъ продолжался каждое утро и каждое послѣ-обѣда около часу. Иначе вьючится лошадь. Въ Монголіи нашей партіи не пришлось пользоваться вьючными лошадьми, но мы пользовались ими на дорогѣ между с. Усинскимъ и Григорьевкой. Лошадь вьючится нѣсколько иначе. На ея спину прикрѣпляется особое маленькое сѣдло (именуемое „ангарчакъ“), на которое уже и накладывается вьюкъ въ видѣ 2 равныхъ грузовъ по обѣ стороны сѣдла. Грузъ крѣпко привязывается къ лошади, такъ какъ при ея движеніи, особенно трусцой, вьюкъ легко сбивается и требуетъ поправки. Въ этомъ отношеніи верблюдъ представляетъ преимущества, такъ какъ онъ идетъ шагомъ, ровнѣе и потому требуетъ болѣе рѣдкаго перевьючиванія.

Кромѣ переводчика и служителя въ распоряженіи нашей половины экспедиціи былъ упомянутый лама—монголъ, старикъ лѣтъ 70, добродушный и довольно молчаливый. Одѣтъ онъ былъ въ халатъ краснаго сукна и въ какое то подобіе шапки. Нечистоплотности онъ былъ чрезвычайной. Другой монголъ, нанятый въ качествѣ работника, былъ молодой, веселый и продувной малый. Какъ потомъ оказалось изъ разговоровъ, онъ не разъ занимался кражами и другими сомнительными дѣлами. Нашъ переводчикъ однажды серьезно поговорилъ съ нимъ на ту тему, что мы надѣемся на его добросовѣстность. И надо сказать, что ни разу мы не могли пожаловаться на нашего монгола. Онъ исполнялъ всякую нужную работу, вьючилъ верблюдовъ, сѣдлалъ лошадей, искалъ аргалъ, ѣздилъ за баранами, кололъ ихъ и т. д. Временами онъ запѣвалъ монгольскія пѣсни, то заунывныя, то веселыя.

Отъ рѣки Кобдо пришлось сразу подниматься на дикій и мрачный перевалъ, хотя и не особенно высокій.

30 іюня къ полудню мы дошли до стѣнъ покинутой жителями хурэ Мынгытъ. Она представляла собой множество глинобитныхъ построекъ, окруженныхъ общей стѣной. Около покинутаго монастыря ютилось нѣсколько монгольскихъ юртъ. У монастыря мы нашли хорошій ключъ. Надо замѣтить, что дальше экспедиціи пришлось часто бѣдствовать съ водой. По большей части приходилось пользоваться водой изъ колодцевъ и родниковъ. Нерѣдко вода въ колодцахъ была мутная и невкусная. Приходилось процѣживать ее черезъ тряпку.

Было интересно заѣхать на становище купца Рогалева; поэтому пришлось отклониться немного на западъ и перевалить горный кряжъ. Мы шли цѣлый день, но тѣмъ не менѣе не успѣли дойти

до Рогалева и были вынуждены заночевать въ попавшейся долинѣ, гдѣ было нѣсколько монгольскихъ юртъ и имѣлась вода въ колодцѣ. Правда, вода была очень мутна, но, по крайней мѣрѣ, не имѣла неприятнаго привкуса. Вскорѣ послѣ того, какъ раскинули палатку, къ намъ подошла монголка изъ ближайшей юрты и принесла кувшинъ молока. Кувшинъ былъ до нельзя грязенъ, но радушіе, съ которымъ было предложено угощеніе, заставило насъ пренебречь чистотой и использовать приношеніе. Въ свою очередь мы подарили сухарей и горсть конфектъ, спеціально для такихъ случаевъ купленныхъ.

На этой стоянкѣ насъ особенно энергично аттаковали собаки. Надо замѣтить, что каждая юрта имѣетъ по нѣскольку собакъ, охраняющихъ своихъ хозяевъ и ихъ скотъ. Эти собаки при проѣздѣ путниковъ обычно бросаются на нихъ и долго провожаютъ лаемъ.

Неоднократно намъ приходилось справляться у встрѣчныхъ монголовъ о дорогѣ къ Рогалеву, такъ какъ наши вожатые этой дороги не знали. Любопытно отмѣтить, между прочимъ, роль монголовъ въ качествѣ живой газеты. Когда мы подъѣхали къ упомянутой выше хурэ Мынгытъ, жившіе тамъ монголы сообщили намъ, что о нашемъ караванѣ они слышали уже наканунѣ отъ проѣзжавшаго дзанги (по нашему урядника). Когда мы прибыли къ Рогалеву, оказалось, что онъ зналъ о нашемъ намѣреніи посѣтить его уже за два дня. Такъ быстро передаются извѣстія между монголами. Пожалуй, для первобытнаго обихода монгола другого телеграфа и не нужно.

На другой день 1 іюля мы были у Рогалева. Около маленькой рѣчки находились три юрты, принадлежавшія Рогалеву. Неподалеку были раскинуты юрты монголовъ, которые служили у Рогалева въ качествѣ рабочихъ и пастуховъ. Рогалевъ имѣетъ торговлю средняго размѣра, причемъ его мѣстопребываніе мѣняется: весной онъ живетъ на рѣкѣ Кобдо, верстахъ въ 40 отъ города Кобдо, а лѣтомъ, съ появленіемъ у рѣки оводовъ и комара, переселяется въ горы. Кромѣ того, у него имѣется 3 отдѣленія по хошунамъ. Рогалевъ ведетъ непосредственныя сношенія съ монголами, продавая имъ товары и закупая въ кредитъ и на наличныя сырье, главнымъ образомъ шерсть (до 2—3 тысячъ пуд. въ годъ) и скотъ. Шерсть получается отъ монголовъ за данныя впередъ деньги и товары и скупается небольшими партіями по 100—200 пуд. отъ китайскихъ торговцевъ, а сдается по преимуществу Ассанову. Большую часть остального сырья онъ сдаетъ крупнымъ русскимъ фирмамъ. Интересной особенностью этой торговли является попытка ея организовать собственное скотоводство, хотя и въ небольшихъ

размѣрахъ. Незавидной представляется жизнь въ юртѣ. Несмотря на состоятельность хозяина, юрта имѣетъ довольно непрезентабельный видъ. Полъ земляной и только кое-гдѣ покрытъ кочмой или коврикими. Обстановки почти никакой, за исключеніемъ кровати и нѣсколькихъ сундучковъ.

Покинувъ Рогалева, мы двинулись дальше и къ вечеру прошли хурэ Мывгытовъ, въ которой живетъ перевоплощенный богъ. Эта хурэ имѣла богатый видъ, хорошія постройки, въ особенности помѣщеніе самого святого. При монастырѣ есть двѣ китайскія лавки. Передъ остановкой на ночь мы миновали группу монгольскихъ юртъ въ долинѣ и, поднявшись на плоскогорье, заночевали въ виду озера Хара-Усу.

На другой день мы подошли къ хурэ Намюръ—небольшому монастырю у рѣчки Намюръ, впадающей въ Хара-Усу. Около монастыря были расположены три китайскія лавки въ юртахъ, которыя мы посѣтили. Это были небольшія отдѣленія Пекинскихъ фирмъ, торговавшія съ пріѣзжими богомольцами и съ окрестными жителями. Перейдя въ бродъ рѣчку Намюръ, мы двинулись по небольшой долинѣ,, въ концѣ которой находился горный хребетъ, подлежавшій перевалу. Здѣсь уже наступили большія жары. Днемъ температура достигала 42—45 градусовъ по Реомюру. Ѣхать верхомъ было очень тягостно. Лошади и верблюды изнемогали и мы стали удлинять полдневки съ тѣмъ, чтобы идти нѣсколько дольше вечеромъ, когда спадалъ жаръ. Къ часу дня экспедиція достигла подножья горъ, гдѣ протекала вода по искусственно проведенной канавѣ. Эта вода шла на орошеніе небольшихъ пашенъ, которыя видиѣлись раньше около озераХара-Усу.

Черезъ два дня начался нашъ спускъ въ долину Уланкома. Издалека видиѣлась эта долина и по ея срединѣ небольшая сопка, за которой былъ расположенъ монастырь. По долинѣ видиѣлись рѣчки и арыки, окаймленныя зеленью, и зеленѣющія пашни. 4-го іюля мы спустились въ долину и шли весь день по оставленнымъ пашнямъ, изрѣзаннымъ множествомъ оросительныхъ канавъ и рядомъ небольшихъ рѣчекъ, которыя приходилось проходить бродомъ. Сопка все время обманчиво казалась совсѣмъ близкой, но мы шли и шли, а она почти не приближалась. Такъ къ вечеру и не удалось дойти до нея, и пришлось заночевать среди долины. Неожиданно поднялся сильный вихрь и дождь, такъ что мы были вынуждены употребить большія усилія для постановки палатки. Утромъ мы двинулись дальше и часамъ къ 11 миновали сопку и достигли, наконецъ, Уланкомскаго монастыря и русскихъ факторій.

Уланкомъ—большой монастырь, въ которомъ живетъ до 1.500 ламъ. Въ то же время онъ является довольно значительнымъ торговымъ центромъ. Это—цѣлый городокъ, обнесенный стѣной съ массой узенькихъ и вонючихъ улицъ. На большой площади стоитъ грандіозный храмъ, недавно построенный на пожертвованныя деньги, отличающійся богатствомъ внутренняго убранства. Въ храмѣ имѣются хоры, нѣсколько большихъ и масса мелкихъ статуй Будды, а по бокамъ на полкахъ стоитъ безчисленное множество мелкихъ статуэтокъ, пожертвованныхъ богомольцами. Въ центрѣ храма передъ большими статуями расположено нѣсколько креселъ, въ которыхъ возсѣдаютъ настоятель монастыря и другія начальствующія лица во время богослуженій. Отъ креселъ тянутся черезъ середину храма четыре ряда скамеекъ для ламъ. Съ потолка свѣшиваются священныя ленты и хоругви.

Около храма стоитъ нѣсколько круглыхъ витринъ съ написанными молитвами. Проходящіе монголы вертятъ эти витрины согласно обычаю, думая, что тѣмъ самымъ они какъ бы прочитываютъ всѣ написанные на нихъ молитвы. Иные усердные богомольцы подолгу вертятъ витрины въ надеждѣ снискать этимъ благоволеніе божества. Кромѣ главнаго храма въ монастырѣ есть еще нѣсколько небольшихъ храмовъ. По улицамъ этого монастыря расположены небольшіе домики ламъ. Къ сожалѣнію, намъ не удалось осмотрѣть ихъ жилищъ, такъ какъ на наши просьбы, обращенныя къ нѣкольнимъ ламамъ, послѣдніе отвѣтили отказомъ, ссылаясь на то, что настоятель монастыря въ отъѣздѣ и они не смѣютъ безъ него дать какое либо разрѣшеніе.

Отдѣльно отъ монастыря въ другой оградѣ находятся помѣщенія мѣстнаго Чин-вана и его чиновниковъ. Затѣмъ идутъ отдѣльными отгороженными владѣніями торговыя фирмы китайцевъ и уже на разстояніи 1½ верстъ расположены усадьбы русскихъ купцовъ.

Въ Уланкомѣ существуетъ три русскія фирмы. Первой по оборотамъ является большая Иркутская фирма Мокина, занимающаяся скупкой шерсти, отправляемой въ Бійскъ, и скота, выгоняемаго на Иркутскъ. Обычно хозяинъ встрѣчаетъ отправленные гурты скота на границѣ Иркутской губерніи и тамъ же въ ближайшихъ селахъ продаетъ ихъ съѣхавшимся покупателямъ. Оборотъ этого предпріятія равенъ приблизительно 200.000 р., изъ которыхъ 120.000 р. приходится на скотъ и 80.000 р. на шерсть. Шерсти собирается въ годъ обычно до 8.000 пуд., но въ 1910 г. ея было собрано всего 7.000 пуд. вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій содержанія скота. Закупки производятся въ настоящее время главнымъ образомъ на серебро и

на русскія бумажныя деньги, которыя пошли въ ходъ за послѣднее время. Факторія Мокина расположена на берегу небольшой рѣченки, гдѣ устроена шерстомойка. Во время нашего пребыванія въ Уланкомѣ усиленно производилась мойка шерсти, ея сортировка и упаковка при помощи рабочихъ монголовъ и монголокъ.

Другая русская фирма въ Уланкомѣ—Лебедева и Кутергина—принадлежитъ къ числу мелкихъ и оперируетъ товарами, полученными въ кредитъ по высокой цѣнѣ отъ Бійскихъ купцовъ; она же беретъ въ кредитъ серебро, которымъ покупаетъ монгольское сырье. Благодаря тяжелымъ условіямъ кредита эта торговля испытываетъ большія затрудненія въ сбытѣ искусственно поднятыхъ въ цѣнѣ товаровъ и въ реализаціи дорогого серебра.

Третья фирма—Баранчукова—ликвидировала въ 1910 г. свои дѣла и продала постройки Минусинскому купцу Вильнеру, который торгуетъ въ Сойотіи и хочетъ расширить дѣло учрежденіемъ отдѣленія въ Уланкомѣ.

Что касается китайцевъ, то число ихъ торговыхъ предпріятій въ Уланкомѣ достигаетъ 30, хотя они отличаются сравнительно небольшими размѣрами оборотовъ. Китайцы торгуютъ, подобно русскимъ, среди ламъ Уланкомскаго монастыря, среди пріѣзжающихъ богомольцевъ и окрестныхъ монголовъ. Насколько значителенъ съѣздъ богомольцевъ, показываетъ тотъ фактъ, что на годовой праздникъ прибываютъ свыше 1.000 человѣкъ.

Въ Уланкомѣ пришлось лѣчить верблюдовъ. Какъ это ни странно, старый проводникъ—лама не умѣлъ обходиться съ своими животными и, вопреки замѣчаніямъ нашего переводчика, поилъ ихъ среди дня водой. Нашъ переводчикъ указывалъ, что отъ этого у верблюдовъ прошаркиваются подошвы, и настаивалъ на томъ, чтобы животныя поились только утромъ. Дѣйствительно, прибывъ въ Уланкомъ, мы съ огорченіемъ констатировали предположенные результаты. Нашъ переводчикъ оказался мастеръ на всѣ руки. Онъ досталъ пороху, развелъ его въ водѣ и далъ эту смѣсь пить верблюдамъ. Черезъ два дня они были здоровы.

Изъ Уланкома экспедиція двинулась 6 іюля на сѣверъ черезъ долину. Это былъ одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ переходовъ. Когда мы еще подъѣзжали къ Уланкому, насъ пугали огромнымъ количествомъ комаровъ, оводовъ и прочаго гнуса, которымъ кишитъ обычно долина Уланкома и отъ котораго жители спасаются лѣтомъ отъѣздомъ въ горы. Однако къ нашему удивленію у самаго монастыря гнуса почти не было. Мѣстные старожилы отмѣчали исключительность этого явленія и объясняли его засушливымъ лѣтомъ. Спокойно двинулись мы дальше. Между прочимъ мы не запасли въ бочен-

кахъ воды, потому что русскіе торговцы увѣрили насъ, что мы встрѣтимъ рѣчку черезъ два—три часа пути. И по картамъ значилось двѣ рѣчки на нашей дальнѣйшей дорогѣ. Однако мы прошли два часа, три часа, но нигдѣ не было и слѣдовъ рѣчки. Только въ одномъ мѣстѣ мы прошли какую то полувысохшую топь. Послѣ выяснилось, что это и была рѣчка, о которой намъ говорили, но въ этомъ году при засухѣ вода была вся использована на оросительныя канавы, такъ что въ руслѣ не осталось ничего. Дальше мы вошли въ мелкій кустарникъ съ безчисленнымъ множествомъ оводовъ, слѣпней и комаровъ. Нигдѣ ни раньше, ни потомъ мы не встрѣчали этихъ насѣкомыхъ въ такомъ количествѣ. Верблюды и лошади были усыпаны ими. Въ особенности страшно было смотрѣть на верблюдовъ, бока которыхъ сочились кровью. Животныя совершенно изнемогали, да и люди приходили въ неистовство. Чтобы избавиться отъ гнуса, мы свернули немного въ сторону и поднялись на болѣе гористую часть долину, гдѣ дулъ вѣтерокъ и уже гнуса почти не было. Не найдя воды, мы рѣшили идти дальше, пока не доберемся до какого нибудь источника. Уже стемнѣло, но желанной воды не было. Тогда монголъ, нанятый въ качествѣ работника, поѣхалъ искать воду, которая, по его словамъ, должна была быть по близости. Въ темнотѣ двигался по степи караванъ. Передняго верблюда не было видно, съ сѣдла лошади едва различалась дорога. Прошло часа полтора, когда къ всеобщей радости мы услыхали голосъ монгола. Вода была найдена и караванъ въ 11 час. вечера остановился. На другой день 7 іюля мы утромъ дошли до двухъ китайскихъ лавокъ во временныхъ юртахъ. Побесѣдовавъ съ приказчиками, мы запасли изъ колодца грязной воды въ боченокъ и двинулись дальше. И на этотъ день воды нигдѣ не было. Шли все время по пустынной степи, лишенной какой либо растительности. Полдневку пришлось сдѣлать на пригоркѣ безъ воды и корма для скота. Люди вынуждены были довольствоваться мутной водой, взятой изъ китайскаго колодца.

Къ вечеру караванъ дошелъ до подножья хребта Тануола, виднѣвшагося еще изъ Уланкома. Изъ долины, прорѣзывающей хребетъ, вытекала на югъ рѣчка Боршу, на красивыхъ берегахъ которой мы и заночевали.

Здѣсь природа сразу измѣнила свой характеръ. По долинамъ, прорѣзывавшимъ хребетъ, вытекали съ горъ рѣчки, вокругъ которыхъ росли красивые лѣса и имѣлись тучныя пастбища. Глазъ послѣ печальныхъ и тусклыхъ видовъ Монголіи отдыхалъ на яркихъ краскахъ зелени деревьевъ и травъ. Животныя экспедиціи—верблюды и лошади—оживились при видѣ богатаго корма.

Однако пришлось пройти цѣлый день по извивающимся доламъ Танyола, то карабкаться на крутые горные уступы, то вновь спускаться въ долины рѣчекъ; днемъ мы миновали группу монгольскихъ юртъ, гдѣ народъ веселился на какомъ то празднествѣ. Къ вечеру 8 іюля экспедиція достигла китайскаго караула у границы Монголіи съ Сойотіей. Здѣсь предстоялъ перевалъ Боргосутай (или Борицу). Караульные дзанги не хотѣли пропускать насъ черезъ границу, ссылаясь на распоряженіе пограничнаго офицера о не допущеніи пропуска кого либо черезъ этотъ караулъ. Они указывали между прочимъ, что нѣсколько дней передъ нашимъ пріѣздомъ были задержаны одинъ русскій торговецъ и цѣлая русская семья, которые должны были пропутешествовать къ мѣсту жительства офицера, чтобы получить право на пропускъ. При этомъ купецъ долженъ былъ заплатить за прописку паспорта 15 р. На караулѣ не было его начальника и мы рѣшили заночевать тутъ же. На другое утро начальникъ все еще не пріѣхалъ и мы стали настаивать на пропускѣ, ссылаясь на нашъ Пекинскій паспортъ. Дзанги отвѣтили, что они не смѣютъ задерживать русскаго чиновника, но и не даютъ разрѣшенія, оставляя переходъ черезъ границу на нашу отвѣтственность. Тогда мы собрались и двинулись дальше. Этотъ случай показываетъ, какія стѣсненія чинятся чинами китайскихъ карауловъ въ отношеніи русскихъ, преимущественно въ цѣляхъ полученія незаконныхъ поборовъ. И люди даютъ взятки, чтобы только не быть задержанными на нѣсколько дней на границѣ. Замѣтимъ, что караулъ Боргосутай значится въ русско-китайскомъ договорѣ, какъ пунктъ дозволеннаго для русскихъ перехода черезъ границу.

Перевалъ черезъ Танyолу не былъ особенно труденъ. Сначала караванъ шелъ вдоль рѣчки Борицу, затѣмъ перешелъ въ долину рѣчки Берке, наконецъ, въ долину рѣчки Монголъ-Холъ. Отъ нея былъ небольшой перевалъ, миновавъ который мы попали въ чудесную долину, поросшую лѣсомъ и травой. По этой долинѣ пришлось идти нѣсколько часовъ. Дорога была очень плоха: все время приходилось перебираться по кручамъ, узкимъ проходамъ, и болотамъ. Перевалъ Боргосутай считается самымъ легкимъ и удобнымъ, а дорога называется даже колесной. Въ этомъ районѣ дорога едва проходима, хотя слабые слѣды колесъ мы кое-гдѣ видѣли. По окончаніи пути черезъ долину пришлось подниматься на большой перевалъ Кокчолу, довольно высокій и отличающійся плохой дорогой: вся гора представляетъ собой топь, склонъ наполненную камнями, такъ что спускъ былъ даже хуже подъема. Перевалъ мы миновали въ 2 часа, послѣ котораго спустились въ долину, уже относящуюся

къ Сойотской землѣ (или по китайски, Уряхайской землѣ). Здѣсь природа была еще богаче и живописнѣе. Долина и всѣ окрестныя горы были покрыты кедромъ, елью, густой травой. По мѣрѣ того, какъ мы двигались дальше вглубь Сойотіи, долина все расширялась. Мы заночевали на рѣчкѣ Контыргынъ. Намъ приходилось много слышать о воровскихъ наклонностяхъ сойотовъ, направленныхъ въ особенности на чужихъ лошадей. Поэтому здѣсь мы уже не пустили на ночь лошадей стреноженными, а привязали каждую на длинную веревку. Кромѣ того вставали нѣсколько разъ въ теченіе ночи, чтобы поглядѣть, въ цѣлости-ли животныя. Однако слѣдуетъ сказать, что всѣ наши опасенія за время путешествія по Сойотіи оказались напрасными. Не беремся сказать, въ чемъ здѣсь причина —простая ли случайность, или слухи, распространившіеся среди сойотовъ о томъ, что ѣдетъ русскій „чиновникъ".

На слѣдующій день мы продолжали идти вдоль рѣчки Контыргынъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще встрѣчались юрты сойотовъ. Общій складъ жизни сойотовъ мало отличается отъ жизни монголовъ. У нихъ такія же круглыя юрты изъ кочмы, которую они обычно дѣлаютъ сами. На второй полдневкѣ намъ удалось видѣть на полянѣ сойота, который каталъ палку съ кочмой при помощи рослаго и красиваго быка. Только въ нѣкоторыхъ частяхъ Сойотіи (напр., на сѣверо-востокѣ) встрѣчаются коническія юрты изъ бересты на подобіе юртъ нашихъ алтайцевъ. Внѣшній обликъ сойотовъ отличается отъ монголовъ. У нихъ болѣе красивыя, хотя и скуластыя лица. Молодежь встрѣчается положительно красивая. Одежда сойотовъ шьется изъ той же бязи и талямбы, какъ и одежда монголовъ; только покрой и оторочка ея нѣсколько иная. Красивы сойотскія шапки съ мѣховой оторочкой. Дѣти и даже подростки лѣтъ до 15—16 ходятъ лѣтомъ голые съ однимъ пояскомъ на бедрахъ.

Мущины проводятъ значительную часть времени въ праздности, посѣщая гостей или бездѣльничая дома. Сильно грѣшатъ сойоты злоупотребленіемъ спиртныхъ напитковъ. Въ нѣкоторыхъ хошунахъ, какъ намъ разсказывали, сойоты дошли до обнищанія благодаря потребленію китайской водки-ханьшина. Лѣтомъ нерѣдко сойотъ пьетъ съ утра свою „араку".

Во время полдневки на рѣчкѣ Контыргынъ насъ окружила цѣлая семья сойотовъ, начиная отъ маленькихъ дѣтей и подростковъ и кончая стариками. Молодежь была почти безъ одежды. Всѣ они курили табакъ, причемъ подростки курили изъ самодѣльныхъ деревянныхъ трубочекъ. Нашъ переводчикъ соблазнился произведеніемъ сойотчатъ и купилъ у нихъ одну трубку за небольшой хадакъ.

Рогатый скотъ у сойотовъ крупный, напр., средній быкъ вѣситъ 25 пудовъ. Коровы отличаются молочностью. Онѣ даютъ въ среднемъ (при обычныхъ 3 удояхъ въ день) до 1 ведра молока. Можно сказать, что одна корова пропитываетъ цѣлую сойотскую семью въ 6 человѣкъ.

Что касается лошадей, то у сойотовъ они мелкой породы, но отличаются выносливостью и плодовитостью. Круглый годъ скотъ находится на подножномъ корму. Лѣтомъ онъ питается вволю по естественнымъ пастбищамъ, а зимой долженъ искать себѣ пищу подъ снѣгомъ, который выпадаетъ обычно не выше ¼ аршина, а иногда и совсѣмъ отсутствуетъ.

Къ вечеру мы дошли до мѣста, гдѣ была масса юртъ. Здѣсь мы заночевали въ разсчетѣ на слѣдующій день дойти до рѣки Кемчика и до заимки купца Бякова. По пути экспедиція неоднократно осаждалась сойотами съ просьбами дать табаку. На полдневкахъ и ночевкахъ намъ была возможность бесѣдовать съ сойотами, которые сбѣгались изъ окрестностей, чтобы поглазѣть на проѣзжихъ и попользоваться угощеніемъ чаемъ или супомъ.

Слѣдующій день мы шли по долинѣ рѣки Джадана, гдѣ между прочимъ находится станъ сойотскаго гегэна. Въ одной юртѣ находится его жилище, другая юрта заключаетъ въ себѣ изображенія божества и другіе священные предметы. Прочія юрты населены свитой гегэна.

Въ Сойотіи имѣется рядъ монастырей, въ которыхъ живутъ ламы, отправляющіе богослуженіе и занимающіеся врачеваніемъ. Главный и самый старинный монастырь расположенъ на лѣвомъ берегу Теса за хребтомъ Тануолой—Сойонъ-хурэ. Въ немъ имѣется библіотека. На берегу рѣчки Самгалдай находится другой монастырь—Ойнъ-хурэ. По южному склону Тануолы находится киргизская хурэ. Наконецъ, имѣются монастыри на рѣкѣ Джаданѣ, въ Сальджакскомъ, Маджинскомъ и др. хошунахъ. Религія сойотовъ представляетъ смѣсь ламаизма съ шаманствомъ.

Къ вечеру мы достигли заимки Бякова, до которой были наняты верблюды и лошади монголовъ. Данная заимка представляетъ собой огороженный прочнымъ деревяннымъ заборомъ дворъ, въ которомъ находится нѣсколько избъ. Одна побольше, съ 4 комнатами, является жилищемъ хозяина. Рядомъ помѣщается кухня, подальше баня (учрежденіе которое имѣется во всякой русской заимкѣ въ Монголіи и Сойотіи), по другую сторону двора расположены амбары и кладовыя, одна изъ которыхъ даже кирпичная. Кстати замѣтить, разрѣшеніе на возведеніе такого каменнаго строенія было получено Бяковымъ послѣ долгихъ переговоровъ съ сойотскими

властями, которыя разрѣшили, наконецъ, стройку съ тѣмъ условіемъ, чтобы по окончаніи торговли Бяковымъ онъ передалъ эту постройку въ распоряженіе сойотовъ. Кромѣ того имѣются избы для прислуги и работниковъ, юрта для пріѣзжающихъ сойотовъ. Имѣется порядочный огородъ, мѣсто для косьбы травы, лѣтникъ для телятъ.

Надо замѣтить, что русскіе въ Сойотіи сразу съ перваго своего появленія въ краѣ стали селиться основательно и прочно, не такъ, какъ русскіе въ Монголіи. Поселенія русскихъ въ Сойотіи носятъ характеръ сибирскихъ заимокъ: прочные деревянные дома, службы, основательные заборы, участки земли для сѣнокошенія и пастьбы скота и т. д. Отсюда и болѣе прочный характеръ внѣдрѣнія русскихъ въ этомъ краѣ.

Въ Сойотіи насчитывается до 70 русскихъ торговыхъ заведеній, по свѣденіямъ Усинскаго пограничнаго начальника. Общій оборотъ торговли русскихъ съ сойотами равняется приблизительно 1 мил. руб.

По рѣкѣ Кемчику расположенъ цѣлый рядъ заимокъ русскихъ купцовъ. Выше другихъ по теченію находится „заведеніе" Брюханова, Монастыршина и татарина Тагира, затѣмъ слѣдуетъ татаринъ Галѣй-Валѣевъ, занимающійся какъ торговлей такъ и самостоятельнымъ скотоводствомъ, Леоновъ на Джаргакѣ (въ прежней заимкѣ Сафьянова), далѣе татаринъ Захаръ Ивановъ, Тухотуллинъ, Михаилъ Булгаковъ и К°, по другую сторону Кемчика—два брата Никулина, торговавшіе раньше вмѣстѣ, а теперь раздѣлившіеся, Яковлевъ, Мясинъ, Широковъ, татаринъ Сабитовъ, Бяковъ.

Изъ всѣхъ этихъ купцовъ Бяковъ—самая старинная фирма, работающая въ Сойотіи свыше 35-ти лѣтъ. Эта фирма раньше вела широкую торговлю русскими товарами, но въ настоящее время все болѣе сокращаетъ продажу товаровъ и занимается покупкой мѣстнаго сырья на русскія деньги. Бяковъ скупаетъ шерсть, скотъ, пушнину (бѣлку, соболь, лису), шкуры, кожи, козьи рога, рябчиковъ, масло. Значительная часть закупокъ дѣлается отъ китайскихъ торговцевъ, сдающихъ товаръ большими или меньшими партіями. Такъ, напр., въ 1909 г. отъ китайцевъ Бяковъ получилъ 600 пуд. шерсти, а самъ собралъ отъ сойотовъ всего 300 пуд. Въ 1910 г. Бяковъ отправилъ въ Иркутскъ до 500 головъ рогатаго скота и 120 лошадей. На сѣверъ отъ Кемчика, на Урѣ, уже въ русскихъ границахъ, Бяковъ имѣетъ свое скотоводческое хозяйство и держитъ до 300 головъ рогатаго скота. На Кемчикѣ около своей заимки Бяковъ содержитъ также небольшую водяную мельницу и вырабатываетъ сливочное масло отъ 20 коровъ при помощи сепа-

ратора. Въ прежніе года онъ имѣлъ тутъ же кожевенный заводъ, но вынужденъ былъ его закрыть вслѣдствіе затрудненій по обезпеченію завода рабочими руками.

По Кемчику русскія торговыя предпріятія имѣютъ такимъ образомъ разсѣянный характеръ.

Что касается китайцевъ, то въ Сойотіи насчитывается 6 китайскихъ фирмъ, имѣющихъ до 30 отдѣленій. Около 10 отдѣленій расположено по рѣкѣ Кемчику (въ томъ числѣ 5 на притокѣ его—Джаланѣ), нѣсколько лавокъ существуютъ около ставки Амбынь-Нойона

Съ заимки Бякова на Кемчикѣ мы сдѣлали нѣсколько экскурсій въ ближайшія русскія и китайскія факторіи, расположенныя по Кемчику. Одни изъ нихъ имѣютъ болѣе солидный внѣшній видъ, другія построены кое-какъ, но всѣ имѣютъ деревянныя бревенчатыя избы. Только крыши по большей части на этихъ избахъ отсутствуютъ. На нашъ вопросъ о причинѣ этого страннаго явленія намъ объяснили, что многіе просто не находятъ нужнымъ устраивать крышу для временныхъ помѣщеній.

Отправляясь съ заимки Бякова въ Чжакуль, мы подрядили ямщика-сойота наканунѣ, но утромъ въ день отъѣзда ямщикъ вдругъ дѣлаетъ несуразное заявленіе, что онъ предоставитъ лошадей только въ томъ случаѣ, если мы примемъ на себя отвѣтственность за нихъ во время пути Такое неслыханное требованіе, какъ потомъ оказалось, имѣло цѣлью сорвать лишнюю плату за провозъ. Однако мы возмутились такой оговоркой, сдѣланной послѣ того, какъ условіе было заключено и ямщикъ получилъ даже задатокъ. Мы потребовали либо исполненія условія, либо отказа отъ него и возвращенія задатка. Послѣ долгихъ разговоровъ сойотъ сталъ просить „прибавки хотя бы рубля" и въ заключеніе повезъ насъ безъ возраженій.

Путь отъ Кемчика на Чжакуль—прекрасный колесный трактъ. Онъ идетъ все время гористыми мѣстами, но безъ особо крутыхъ переваловъ. Наиболѣе значительный перевалъ находится на серединѣ пути. Мы достигли его поздно вечеромъ и, переваливъ гору, заночевали у маленькаго ручья. На другой день 14 іюля въ срединѣ дня караванъ дошелъ до горы, съ которой открывался видъ на Чжакуль. На горизонтѣ шла цѣпь горъ (Саяны), ближе тянулась лента Енисея, окаймленная лѣсомъ, а справа виднѣлся притокъ Енисея Чжакуль или Дзяголъ, точно также съ зеленѣющими берегами. Въ эти дни экспедиція точно также изнемогала отъ жары, достигавшей днемъ 45 градусовъ по Реомюру. Переждавъ жару, мы двинулись въ путь въ 4 часа и къ вечеру были уже въ Чжакулѣ. Здѣсь

мы остановились въ заимкѣ Медвѣдева, представляющей хорошую усадьбу съ домомъ, надворными постройками и амбарами.

Чжакуль можетъ считаться торговымъ центромъ Сойотіи. Первоначально здѣсь были заимки только двухъ Усинскихъ купцовъ— Медвѣдева и Вавилина, принадлежащихъ къ числу піонеровъ русской торговли въ Сойотіи. Затѣмъ постепенно къ нимъ стали пристраиваться другіе русскіе, потомъ татары, а въ послѣднее время и китайцы. Въ настоящее время Чжакуль представляетъ изъ себя небольшое селеніе, въ которомъ рядъ домовъ расположенъ по двумъ улицамъ. Существуетъ кузнецъ, имѣются тайные кабачки, въ которыхъ пируютъ русскіе и татары, продавшіе свои товары.

Предпріятія Медвѣдева и Вавилина существуютъ съ 80-хъ годовъ. Сначала эти фирмы продавали сойотамъ въ кредитъ русскую мануфактуру, чугунныя, желѣзныя и мѣдныя издѣлія и кожи. Дѣло было начато въ небольшихъ размѣрахъ. Такъ, Медвѣдевъ началъ торговать всего съ 3.000 р. и только въ одномъ мѣстѣ—на Чжакулѣ. Въ началѣ покупался главнымъ образомъ скотъ. Теперь продажныя операціи этихъ фирмъ значительно сократились, въ особенности кредитныя, но за то увеличились закупки за наличныя деньги скота, шерсти, пушнины и топленнаго масла. Кромѣ отдѣленія въ Чжакулѣ у Медвѣдева есть торговля на рѣкѣ Уюкѣ, въ сѣверной части Сойотіи; оборотъ обоихъ отдѣленій составляетъ до 35.000 р., общій же оборотъ Медвѣдевскаго дѣла въ Сойотіи превышаетъ 100.000 руб. Главный предметъ скупки—скотъ, отправляемый въ Иркутскъ. Изъ товаровъ, продаваемыхъ Медвѣдевымъ въ Сойотіи, можно назвать маральи рога, покупаемые китайцами для вывоза во внутренній Китай, юфть, крупчатку и незначительное количество мануфактуры. Торговля въ кредитъ съ каждымъ годомъ сокращается въ виду трудности взысканія долговъ. Въ настоящее время изъ 35.000 руб. по двумъ отдѣленіямъ отпущено въ кредитъ всего на 7.000 руб. Кромѣ того у Медвѣдева имѣется собственное скотоводство на рѣкѣ Уюкѣ, гдѣ у него пасется до 1.500 лошадей и до 1.000 штукъ рогатаго скота.

Торговля Вавилина нѣсколько больше Медвѣдевской. Его обороты можно опредѣлить до 200.000 руб. Вавилинъ тоже скупаетъ скотъ, шерсть, пушнину и ведетъ собственное скотоводство въ Сойотіи по рѣкѣ Уюку.

Далѣе слѣдуетъ въ Чжакулѣ фирма Пѣстунова, покупающая у сойотовъ путемъ наличныхъ мѣновыхъ сдѣлокъ. Она продаетъ бязь, коленкоръ, плисы, сукна фабрики Козлова, металлическія издѣлія, скупаетъ скотъ, кожи, бѣлку, лису (мѣха исключительно на деньги), шерсть, масло. Оборотъ фирмы около 40 тысячъ. Пѣс-

туновъ имѣетъ въ 25 верстахъ отъ Чжакуля вверхъ по Енисею заимку для скота.

Кромѣ указанныхъ лицъ въ Чжакулѣ торгуетъ Вильнеръ, появившаяся лѣтъ 6 тому назадъ фирма Минусинскаго купца, и отдѣленіе торговли Галѣя-Валѣева. Вильнеръ скупаетъ сырье почти исключительно на деньги и имѣетъ свою заимку въ 25 верстахъ отъ Чжакуля для содержанія скота.

Въ Чжакулѣ существуютъ отдѣленія 6 китайскихъ фирмъ, продающія свои товары сойотамъ по преимуществу въ кредитъ. Они кредитуютъ также хошуны для уплаты налоговъ и чрезвычайныхъ поборовъ. Этой операціей занимается, напр., фирма Бон-Ян- Бо. Долги собираются съ сойотовъ мѣстнымъ сырьемъ, которое затѣмъ перепродается партіями крупнымъ русскимъ купцамъ, какъ Вавилину, Медвѣдеву, Вильнеру и др. Главный товаръ, отправляемый китайскими фирмами въ Китай, маральи рога.

Въ Чжакулѣ наша экспедиція повстрѣчалась съ англійской экспедиціей, которая прибыла съ сѣверо-востока. Понятна радость увидѣть послѣ долгихъ блужданій по пустынямъ культурныхъ людей. Оказалось, что англійская экспедиція состояла изъ трехъ лицъ —Прайса, Карруѳерса и Миллера. Экспедиція имѣла цѣлью собираніе ботаническихъ и зоологическихъ коллекцій и провела болѣе трехъ мѣсяцевъ въ Саянскихъ горахъ; послѣ Чжакуля она предполагала пройти по Таргуолу и затѣмъ выйти на западъ къ Туркестану. Бесѣда съ англичанами затянулась до поздняго вечера, и мы разстались, обмѣнявшись визитными карточками.

Пробывъ въ Чжакулѣ три дня, наша экспедиція двинулась дальше на востокъ по рѣкѣ Улукему. И здѣсь мы имѣли возможность ѣхать въ двухколесныхъ таратайкахъ, правда, не особенно удобныхъ, но все же менѣе утомительныхъ, чѣмъ верховая лошадь. Неподалеку отъ Чжакуля мы встрѣтили поручика Августуса съ группой казаковъ, который ѣхалъ съ порученіемъ по изслѣдованію границы Усинскаго края.

Улукемъ въ этихъ мѣстахъ представляетъ полноводную красивую рѣку, протекающую въ ущельѣ между горъ, то расширяющемся, то съуживающемся. По берегамъ рѣки ростетъ богатый лѣсъ, имѣются прекрасныя пастбища. Дорога то приближается къ Улукему, то отъ него отдаляется. Въ полдень мы были около Шагапара, гдѣ живетъ русскій торговецъ Тарховъ, 2 другихъ мелкихъ русскихъ торговца и 4 китайскихъ фирмы. Встрѣчается рядъ заимокъ и выше по теченію Енисея, напр., Черкашина.

18 іюля нашъ караванъ долженъ былъ подняться на горы и идти высотами, то спускаясь, то поднимаясь на горы. Здѣсь насъ

застала сильная гроза съ проливнымъ дождемъ, отъ котораго всѣ промокли до нитки. Заночевали поздно вечеромъ, спустившись съ горъ въ долину Енисея.

19 іюля мы были на заимкѣ Сафьянова на Салданѣ. Эта заимка раньше была средоточіемъ всѣхъ торговыхъ дѣлъ Г. П. Сафьянова, но теперь, когда главная его резиденція перенесена на рѣчку Тапсу, здѣсь живетъ только довѣренный и содержится зимой скотъ. Заимка имѣетъ прочную ограду, въ которой находится хорошій двухъ-этажный домъ и рядъ службъ. Въ моментъ нашего проѣзда около заимки собирался съѣздъ сойотскихъ и русскихъ властей для разбора дѣлъ между русскими и сойотами. Недалеко отъ заимки были раскинуты юрты для сойотскихъ чиновниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже пріѣхали, но поджидали другихъ, а равно представителя отъ Усинскаго пограничнаго начальника. Наше намѣреніе присутствовать при разборѣ дѣлъ не могло осуществиться, такъ какъ, по сообщенію довѣреннаго Сафьянова, съѣздъ чиновниковъ продолжается недѣли и засѣданій пришлось бы ждать очень долго.

Черезъ день мы доѣхали до поселка Булука, миновавъ двѣ китайскихъ торговли около Улухема. Это—пока небольшой торговый центръ, но съ будущимъ, благодаря положенію на трактѣ изъ Сойотіи въ Монголію на Улясутай. Въ Булукѣ имѣется 9 дворовъ русскихъ. Большинство занимается рыболовствомъ, перевозомъ черезъ Енисей, ямщиной и случайными заработками, другіе ведутъ торговлю въ небольшихъ размѣрахъ. Наиболѣе крупные обороты дѣлаетъ татаринъ Урзубай, занимающійся не только торговлей, но и самостоятельнымъ скотоводствомъ. У него имѣется до 300 штукъ рогатаго скота, 60 лошадей, 200 барановъ. За Булукомъ на Маломъ Енисеѣ (Ха-кемъ) есть 3—4 китайскихъ лавки, заимки Черневича, Вавилина, Ведерникова и Шепелина. Рядъ торговыхъ заимокъ существуетъ и въ верхнемъ теченіи Большого Енисея.

Въ Булукѣ экспедиція переплавилась на другой берегъ Улухема и двинулась къ главной заимкѣ Сафьянова, расположенной при впаденіи рѣчки Тапсы въ Енисей. Дорога туда пригодна для экипажей, но идетъ черезъ рядъ горъ.

Заимка видна издалека съ другого берега Улухема. Она состоитъ изъ цѣлаго ряда строеній: большого жилого дома, построекъ для служащихъ и рабочихъ, кухни, бани, амбаровъ и надворныхъ построекъ. Около заимки имѣется пашня. Отъ заимки идетъ дорога на Тапсинскіе золотые пріиски, сначала колесная, а затѣмъ верховая.

Въ верстѣ отъ Сафьянова находятся отдѣленіе двухъ китайскихъ фирмъ.

Фирма Г. П. Сафьянова играетъ въ Сойотіи большую роль.

Правда, товарная торговля фирмы сократилась; тѣмъ не менѣе и теперь она производитъ значительную скупку скота-лошадей, рогатаго скота и барановъ-преимущественно за наличныя деньги, отчасти же въ обмѣнъ на товары. Зимой у г. Сафьянова скопляется много скота, который содержится на заимкѣ на Салданѣ; въ среднемъ собирается до 500 штукъ рогатаго скота, до 1.200—1.300 своихъ лошадей и до 800 своихъ барановъ.

Г. П. Сафьяновъ сыгралъ большую роль въ исторіи русскихъ сношеній съ Сойотіей, какъ одинъ изъ піонеровъ торговаго дѣла, чрезвычайно энергичный, не отступавшій передъ трудностями торговли въ некультурной странѣ и даже передъ враждебными дѣйствіями сойотовъ въ 70-ыхъ и 80-ыхъ годахъ прошлаго вѣка.

Съ другой стороны, особое значеніе этой фирмы заключается въ томъ, что она стала развивать самостоятельную промышленную дѣятельность въ Сойотіи. Сафьяновъ давно занимался розысками золота въ Сойотіи и затратилъ на развѣдки свыше 100.000 руб. Наконецъ, въ 1905 г. его усилія увѣнчались успѣхомъ и онъ открылъ золотые пріиски на рѣкѣ Тапсѣ, которые теперь даютъ уже до 5 пудовъ золота. Далѣе Сафьяновъ открылъ кожевенный заводъ, который былъ временно пріостановленъ вслѣдствіе затрудненій по пріисканію рабочихъ, но теперь вновь возобновленъ; сейчасъ предполагается обрабатывать до 500 кожъ, а затѣмъ постепенно расширить производство. Кромѣ того Сафьяновъ имѣетъ водяную мельницу. Въ своемъ скотоводческомъ хозяйствѣ Сафьяновъ стремится улучшать мѣстныя породы скота; между прочимъ онъ получилъ отъ государственнаго коннозаводства кровныхъ жеребцовъ во временное пользованіе. Есть у Сафьянова и своя небольшая запашка до 20 десятинъ; сѣется овесъ, пшеница и просо.

Братъ Г. П. Сафьянова, Андрей, имѣлъ большую заимку на рѣкѣ Уюкѣ, на которой ведется большое коневодческое хозяйство (до 4.000 головъ), имѣется значительный маральникъ (до 150 маралов) и собственная запашка около 35 десятинъ. Къ сожалѣнію предпріимчивый А. П. Сафьяновъ умеръ въ началѣ 1910 г. и его дѣлу грозитъ упадокъ.

Кромѣ того скотоводствомъ въ Сойотіи занимаются почти всѣ Усинскіе крестьяне, нѣкоторые крестьяне поселковъ въ Сойотіи-Турана и Уюка, по рѣкѣ Уюку-купцы: Ведерниковъ, Медвѣдевъ, Вавилинъ, Блиновъ, Хабаровъ и Сельдимешевъ.

Когда экспедиція двинулась отъ рѣки Бейкема на западъ, направляясь къ русскому селенію Усинскому, то вступила въ сферу всецѣло русскаго вліянія. Рѣки Уюкъ и Туранъ представляютъ

районъ русскихъ поселенiй съ русскими деревнями и крестьянами. Сойоты здѣсь являются преимущественно наемными работниками у русскихъ. Туранъ имѣетъ видъ совсѣмъ русскаго села, гдѣ есть церковь, школа, волостное управленiе.

Вполнѣ русскiе поселки въ сѣверной части Сойотiи: Туранъ, Уюкъ, Себинскiй, Караганъ, Отрываловка. Русскiе занимаются здѣсь земледѣлiемъ (начиная съ половины 90-ыхъ годовъ). Сначала земля захватывалась подъ обработку безъ всякаго порядка, но съ увеличенiемъ населенiя пришлось обратиться къ нѣкоторому регулированiю правъ на землепользованiе. Осѣвшiе крестьяне относятся весьма недружелюбно къ новымъ пришельцамъ, видя въ нихъ лишнихъ претендентовъ на землю. Между жителями русскихъ деревень въ Сойотiи происходятъ нерѣдко большiе недоразумѣнiя по поводу земли и порядка пользованiя орошенiемъ, кончающiяся иногда даже драками.

Вся обрабатываемая земля подвергается по мѣстнымъ обычаямъ искусственному орошенiю. Отъ имѣющихся рѣкъ и ручьевъ проводятся канавы на пашни, которыя и питаютъ землю водой въ теченiе лѣта.

Верстъ 60 отъ устья Малаго Енисея (Ха-кема) находится нѣсколько начинающихся русскихъ земледѣльческихъ поселковъ-Медвѣдева, Шерпневка. Въ послѣдней свыше 30 домовъ. Жители Шерпневки получили право обработки земли за отдачу сойотамъ по одной полосѣ хлѣба съ каждой десятины.

Отъ Булука на Енисеѣ къ сѣверу идутъ хорошiя колесныя дороги. Онѣ тянутся то степью, то вьются вдоль рѣчекъ по горнымъ долинамъ.

По мѣрѣ того, какъ мы приближались къ селу Усинскому, все чаще попадались намъ такъ называемые маральники, т. е. большiя огороженныя пространства луговой земли, въ которыхъ на свободѣ паслись маралы. Обычно при маральникѣ имѣется и домикъ для сторожа. Здѣсь маралы уже нѣсколько одомашнены. Ежегодно съ нихъ снимаются посредствомъ довольно мучительной операцiи рога, которые и сбываются китайскимъ купцамъ. Многiе Усинцы имѣютъ въ Усинскомъ краѣ такiе маральники, отъ которыхъ они получаютъ хорошiй доходъ благодаря высокой цѣнности роговъ (по 100 рублей съ марала въ годъ).

По мѣрѣ приближенiя къ селу Усинскому, мы въѣзжали въ все болѣе съуживавшуюся долину, по сторонамъ которой громоздились высокiя горы. Усинское представляетъ любопытное русское селенiе, развившееся независимо отъ влiянiя Россiи.

Сюда пріѣзжали предпріимчивые люди и встрѣчали богатѣйшіе естественные дары природы, утилизація которыхъ, наряду съ торговлей въ Сойотіи, создала большую зажиточность населенія. Усинское поражаетъ посѣтителя своей состоятельностью. Въ Усинскомъ находится мѣстопребываніе крупныхъ торговцевъ съ Сойотіей—Вавилина и Медвѣдева.

Изъ Усинскаго экспедиція имѣла возможность выѣхать внутрь Россіи двоякимъ путемъ: или на плотѣ внизъ по Енисею, или вьючной („Усинской") тропой черезъ Саянскій хребетъ. Однако плотъ проѣхалъ съ верховьевъ Енисея какъ разъ передъ прибытіемъ экспедиціи въ Усинское, и слѣдующаго плота приходилось ждать неопредѣленное время. Поэтому мы рѣшили двинуться черезъ горы. Насъ поразила дороговизна вьючныхъ лошадей за сравнительно небольшой перегонъ въ 180 верстъ. Когда однако мы двинулись въ путь, то нашли, что цѣна ямщика была совсѣмъ умѣренной: такъ невѣроятно плоха была дорога.

Усинская тропа представляетъ собой узкую дорожку, проходящую по камнямъ, горамъ и топямъ. Обычно тропа усѣяна мелкими и крупными камнями, между которыми лошадь ухитряется кое-какъ ставить свои ноги. Если нѣтъ на дорогѣ камней, то приходится бродить по топи и прямо по болоту. Никакихъ работъ по улучшенію тропы не предпринималось, кромѣ нѣкоторой очистки ея отъ повалившихся деревьевъ и настилки бревенчатыхъ мостковъ въ самыхъ топкихъ и опасныхъ мѣстахъ. Кромѣ того на бурныхъ и большихъ горныхъ рѣчкахъ сдѣланы незамысловатые мостки изъ бревенъ.

Когда мы двинулись изъ села Усинскаго, погода была ясная и мы надѣялись, что она будетъ намъ благопріятствовать въ теченіе всего перехода черезъ Саяны. Такъ перевалили мы первый хребетъ—Мірской. Характерно, какъ говорятъ Усинцы: „Мы ѣдемъ въ міръ", разумѣя подъ этимъ поѣздку въ Россію.

Затѣмъ слѣдуютъ перевалы черезъ высокій и крутой Араданъ, черезъ Марковъ хребетъ, далѣе черезъ Большой Ойскій и Малый Ойскій хребты, наконецъ, черезъ Кулумысъ. Послѣ Арадана погода испортилась и мы вынуждены были идти все время подъ проливнымъ дождемъ. Подъ дождемъ приходилось останавливаться на ночевку въ лужахъ воды, подъ дождемъ подниматься въ путь утромъ. Особенно труденъ былъ при этихъ условіяхъ переходъ черезъ Кулумысъ, по которому тропа была наполнена жидкой грязью. Къ тому же спускъ оказался чрезвычайно крутымъ, чуть не въ 45 градусовъ, такъ что пришлось слѣзть съ лошади и идти пѣшкомъ въ грязи, каждую минуту скользя и спотыкаясь. Окон-

чивъ перевалы, мы должны были идти по безконечнымъ топямъ и болотамъ, въ которыхъ лошадь уходила ногами на $\frac{1}{2}$ аршина и съ трудомъ могла ихъ вытаскивать. Слѣдуетъ прибавить, что за этотъ короткій путь пришлось перейти до 80 бродовъ. Когда черезъ 4 дня усиленныхъ переходовъ мы, наконецъ, спустились къ селенію Григорьевкѣ, то мы вздохнули съ облегченіемъ.

Отъ Григорьевки можно было ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ, и мы въ одинъ день домчались до Минусинска.

Нѣсколько дней экспедиція провела въ Минусинскѣ въ бесѣдахъ съ мѣстными коммерсантами, имѣющими дѣла съ Сойотіей. Затѣмъ на пароходѣ мы спустились по Енисею и отъ Красноярска уже двинулись по желѣзной дорогѣ въ Томскъ.

III. Кобдо-Улясутай.

Путь, пройденный отъ Томска до Кобдо, наглядно убѣдилъ экспедицію въ томъ, что маршрутные проекты, набросанные въ Томскѣ съ циркулемъ въ рукахъ по имѣвшимся картамъ Монголіи, совершенно не отвѣчаютъ дѣйствительнымъ условіямъ путешествія по Монголіи. Въ Монголіи версты никѣмъ не мѣрены и не считаны; передвиженіе съ караваномъ подвержено многимъ случайностямъ: приходится, напр., вечеромъ останавливаться не тамъ, гдѣ это нужно было бы по времени, а тамъ, гдѣ есть вода и трава. Лѣто 1910 года въ Западной Монголіи, какъ было уже упомянуто, было засушливое, травы и воды было очень мало, зной истощалъ лошадей, поэтому передвиженіе происходило весьма медленнымъ темпомъ. Если бы и отъ Кобдо экспедиція въ полномъ составѣ выполняла намѣченный маршрутъ, то осуществленіе всей программы захватило бы глубокую осень. Въ Кобдо участникамъ экспедиціи пришлось раздѣлиться. М. Н. Соболеву по жребію пришлось изъ Кобдо направиться къ сѣверу, а М. И. Боголѣпову на востокъ, по направленію къ Улясутаю и Ургѣ.

До Кобдо экспедиція съ грѣхомъ пополамъ добралась на крестьянскихъ лошадяхъ, нанятыхъ въ алтайскомъ селѣ Черга. Чергинскіе лошади и возчики должны были отправиться домой. Нашимъ возчикамъ очень хотѣлось заручиться какимъ-нибудь обратнымъ грузомъ. Но іюнь мѣсяцъ—самое глухое время въ русско-монгольской торговлѣ: монгольскихъ товаровъ, назначенныхъ къ ввозу въ Россію, еще нѣтъ. Русское купечество сидитъ въ Монголіи почти безъ всякаго дѣла въ ожиданіи предстоящаго сбора и мойки шерсти Возчики наши, разсчитывавшіе на обратный грузъ, поѣхали домой въ самомъ уныломъ настроеніи.

Въ самомъ Кобдо и его ближайшихъ окрестностяхъ нѣтъ никакой возможности раздобыться колеснымъ экипажемъ для дальняго путешествія. Наемныхъ возчиковъ тамъ нѣтъ. У купечества имѣются экипажи только для своихъ нуждъ. Монголы могутъ предложить только лошадей и верблюдовъ. Но и монголовъ въ первые лѣтніе мѣсяцы трудно уговорить подрядиться на перевозку каравана. Условія торговли въ современной Монголіи таковы, что товарное движеніе падаетъ главнымъ образомъ на осенніе и зимніе мѣсяцы; поэтому наемъ верблюдовъ и лошадей въ лѣтнее время представляется крайне затруднительнымъ. Караваннаго „пассажирскаго" движенія Монголія не знаетъ, такъ какъ тамъ совершенно отсутствуютъ всякіе пассажиры. Чиновники же и всякія власти для своихъ передвиженій пользуются натуральной повинностью въ видѣ широко организованныхъ почтовыхъ станцій. Частныя лица изъ пришельцевъ или пользуются за взятки и подарки этой же натуральной повинностью, или покупаетъ себѣ лошадей въ собственность. Монголы обычно имѣютъ своихъ лошадей и на одной—двухъ лошадяхъ совершаютъ огромные переѣзды. Выѣзжаютъ они совсѣмъ налегкѣ, съ одной деревянной чашкой за пазухой и вездѣ по разбросаннымъ юртамъ находятъ пріютъ и скромное пропитаніе. Не разъ приходилось встрѣчать такихъ путниковъ, усталыхъ и часто голодныхъ, и предлагать имъ свое угощеніе у костра.

Монголъ, имѣющій лошадей и верблюдовъ, никогда не прочь заработать отдачей ихъ въ наемъ, но условія монгольскаго скотоводства таковы, что монголы вынуждены избѣгать этого заработка въ лѣтніе мѣсяцы. Монголъ ведетъ экстенсивное скотоводство: для правильнаго ухода за скотомъ у него не хватитъ рабочихъ рукъ. Поэтому скотъ предоставленъ самому себѣ. Безкормица, засухи, особенно зимніе мѣсяцы тяжело отзываются на состояніи скота. Монгольскій скотъ только лѣтомъ набирается соковъ для осенней работы и зимняго подвижническаго существованія. Поэтому отдать лошадей на лѣтнюю работу это значитъ навѣрняка ослабить ихъ работоспособность на осень и ухудшить условія тяжелой зимней поры.

Съ большимъ трудомъ и послѣ долгихъ переговоровъ удалось въ Кобдо найти за очень высокія цѣны верблюдовъ и лошадей подъ нашъ караванъ. Купеческая фирма, одна изъ самыхъ богатыхъ въ Западной Монголіи, использовала для этого найма все свое вліяніе и знакомство. Въ назначенный срокъ монголы не явились, пришлось посылать къ нимъ нарочныхъ и торопить ихъ прибытіе. Когда монголы пришли съ своими верблюдами на русскій дворъ,

то и намъ, никогда не имѣвшимъ дѣла съ верблюдами, стало совершенно яснымъ, что животныя еле живы. Лошади выглядѣли гораздо лучше. Верблюды назначались подъ багажъ, лошади подъ сѣдло. Выбирать было не изъ чего, пришлось, скрѣпя сердце, брать то, что даютъ. На трехъ верблюдовъ, назначенныхъ въ Улясутай, нагрузили пудовъ 30—35 багажа, главную массу котораго составляли сухари, осѣдлали лошадей, при чемъ оказалось, что казацкія сѣдла, взятыя нами изъ Томска, слишкомъ велики для небольшихъ монгольскихъ лошадей; поэтому пришлось подъ сѣдло въ большомъ количествѣ подложить кочму. Съ караваномъ выѣхали два монгола, одинъ изъ нихъ лама. Два монгола въ качествѣ проводниковъ были необходимы потому, что нагрузка и разгрузка верблюда требуетъ двухъ опытныхъ лицъ. Впослѣдствіи мои помощники—переводчикъ и служитель—постигли это несложное искусство и оказывали монголамъ-проводникамъ, часто весьма слабосильнымъ и всегда медлительнымъ, большія услуги.

Изъ Кобдо оба каравана, М. И. Боголѣпова и М. И. Соболева, выѣхали вмѣстѣ по одной дорогѣ, хотя одному нужно было ѣхать на востокъ, другому—на сѣверъ. Въ Монголіи такія неожиданности возможны. Тому и другому каравану нужно было пересѣчь рѣку Кобдо. Кобдо въ лѣтніе мѣсяцы—довольно многоводная рѣка, бродомъ съ груженнымъ караваномъ ея не перейти, поэтому нужно было направиться на перевозъ. Перевозъ на огромный районъ только одинъ, вотъ почему отправляющіеся на сѣверъ и востокъ изъ одного и того же пункта цѣлый день ѣдутъ вмѣстѣ на одинъ и тотъ же перевозъ.

Изъ Кобдо оба каравана выѣхали гораздо позднѣе полудня, въ ясный сверкающій день. Правда, монголы пришли съ своими верблюдами рано, но много времени отняла нагрузка. Монголы вѣшали и перевѣшивали багажъ, перекладывали его съ верблюда на верблюда, безконечно долго пили чай, то и дѣло присаживались покурить свои длинныя металлическія трубочки, посылали ковать лошадей; верблюды кричали и нервничали. Все-таки, наконецъ, выѣхали: шесть верблюдовъ, связанныхъ за палочки, продѣтыя въ ноздри животнаго; впереди на лошади верхомъ поводырь, который держитъ въ своихъ рукахъ веревку изъ верблюжьихъ волосъ, привязанную за эту ужасную палочку. Отдѣльно ѣхала наша людная кавалькада. Ѣхали почти всегда шагомъ, такъ какъ спѣшить было некуда: дальше верблюдовъ не уѣдешь. Да, кромѣ того, нѣкоторые наѣздники сѣли на лошадей чуть-ли не въ первый разъ въ жизни.

Въ первый день отъѣхали, вѣроятно, не больше 15 верстъ, сдѣлавъ небольшой перевалъ черезъ горы у самаго Кобдо. Высокіе каменные массивы горъ, тѣснящихся къ рѣкѣ Буянту, на которой расположенъ Кобдо, издали кажутся красивыми коричневыми скалами. Для общей панорамы Кобдо они создаютъ величавый и художественный фонъ. Вблизи эти горы оказываются состоящими изъ красивыхъ по окраскѣ коричневыхъ камней: точно исполины сложили здѣсь вавилонскія башни. Сразу за горами разстилается длинная долина, на которой, незадолго до нашего отъѣзда изъ Кобдо, монголы устраивали праздничные бѣга своихъ скакуновъ. Подвигаясь по долинѣ, невольно чувствуешь приближеніе большой рѣки: въ огромныхъ количествахъ появляются комары.

Съ рѣкой Кобдо и ея комарами мы уже разъ встрѣчались по дорогѣ изъ Кошъ-Агача въ городъ Кобдо. Наученные горькимъ опытомъ, мы рѣшились переночевать, не доѣзжая до рѣки, чтобы обезопасить и себя, и лошадей съ верблюдами отъ укусовъ насѣкомыхъ. Хотя солнце стояло и высоко, но караванъ остановился на берегу небольшого ручья. Кругомъ была густая невысокая травка.

Раннимъ утромъ снова тронулись въ путь по широкой равнинѣ. Кругомъ было совершенно безлюдно: ни одной юрты, ни одного всадника. Только казенныя пашни, попавшіяся на дорогѣ, свидѣтельствовали о томъ, что здѣсь, недалеко отъ города, временами живутъ люди. Кругомъ, куда ни взглянешь, песокъ, галька и кусты высокой грубой зелени; самой дороги почти не видно, только кое-гдѣ попадаются обрывки тропы. Съ каждымъ шагомъ количество комаровъ, оводовъ и строкъ увеличивалось. Кто обертывалъ себѣ голову платкомъ, кто надѣвалъ сѣтку, такъ или иначе спасаясь отъ мучительныхъ укусовъ. Но верблюды и лошади стояли передъ этимъ несносымъ врагомъ совсѣмъ безоружными. Лошади усиленно мотали головами, защищая свои морды, приходили въ нервное настроеніе, бились и дергали, угрожая благополучію сѣдоковъ, которымъ приходилось въ одно и то же время вести борьбу за существованіе съ насѣкомыми и смотрѣть за лошадью. Одинъ изъ насъ этой роли не выдержалъ и недалеко отъ рѣки полетѣлъ черезъ голову измученной лошади, изрядно напугавъ своего спутника. Но все обошлось благополучно и мы скоро подошли къ рѣкѣ. Верблюды шли молча, обливаясь кровью. Лѣтомъ верблюдъ теряетъ свою шерсть, а поэтому въ какой-нибудь часъ онъ весь оказывается искусаннымъ и истекающимъ кровью. Картина тяжелая для человѣка съ самыми здоровыми нервами. Наши верблюды, уже и въ г. Кобдо производившіе впечатлѣніе

выходцевъ съ того свѣта, вели себя, какъ и слѣдовало ожидать: ложились среди дороги, кричали, еле поднимались, и каждую минуту готовы были упасть подъ своимъ грузомъ, хотя этотъ грузъ былъ даже меньше нормальнаго груза для верблюда. Для насъ стало совершенно яснымъ, что на такихъ корабляхъ пустыни до Улясутая не добраться. Положеніе нашего каравана было бы, пожалуй, совершенно безвыходнымъ: на дорогѣ негдѣ искать верблюдовъ, но въ Кобдо намъ дали записку къ русскому торговцу на Дзабхынѣ, къ Н. Н. Киселеву; въ этой запискѣ просили оказать намъ возможную помощь. Этотъ Дзабхынъ казался намъ землей обѣтованной. Но до него было далеко.

Въ Западной Монголіи большая рѣка представляетъ изъ себя счастливый оазисъ. Въ этой Монголіи воды очень мало, трава — рѣдкость, ни дерева, ни куста. И только вдоль большой рѣки разстилается зеленый коверъ, берега обросли тальникомъ, но человѣкъ и звѣрь бѣгутъ отъ этихъ оазисовъ въ горы, такъ какъ миріады насѣкомыхъ на всѣ лѣтніе мѣсяцы дѣлаютъ совершенно необитаемыми берега и долины рѣки. Отъ насѣкомыхъ гибнутъ не только слабыя овцы, но даже лошади. Комары забиваются лошади въ ноздри, проникаютъ въ легкія и лошадь околѣваетъ. Къ осени исчезаютъ комары и монголы появляются на рѣкѣ. Нужно только удивляться тѣмъ монголамъ, которые держатъ перевозъ: день и ночь они обречены на сплошное мученіе.

Сплошнымъ мученіемъ является для проѣзжающихъ и самъ перевозъ: нужно разгрузить верблюдовъ, разсѣдлать лошадей. Вещи и люди перевозятся на выдолбленныхъ колодахъ, лошадей и верблюдовъ гонятъ вплавь. Лошади не идутъ въ воду, ихъ бьютъ, кидаютъ въ нихъ камнями и комьями земли, а когда, наконецъ, лошади пойдутъ и поплывутъ, сбиваемыя теченіемъ, то всѣ съ замираніемъ сердца смотрятъ, не потонетъ ли какая-нибудь слабосильная. Еще хуже обстоитъ дѣло съ верблюдами. Верблюдъ не любитъ воды, онъ и пьетъ-то ее далеко не каждый день. А принявъ холодную ванну во время переправы, чувствуетъ себя больнымъ и ослабѣвшимъ. Заставить верблюда пойти въ воду очень трудно. Его нельзя пустить одного въ глубокую воду, такъ какъ каждую минуту ему можетъ потребоваться помощь. Монголы садятся на свои корыта, держатъ въ поводу верблюда и начинаютъ отчаливать; стоящіе на берегу кричатъ, бьютъ несчастныхъ животныхъ, кидаютъ въ нихъ камнями, верблюды дико кричатъ, упрямятся. Съ шумомъ и гамомъ отчаливаетъ плотъ и опять трепетное ожиданіе, чтобы все это поскорѣе кончилось благополучно. Верблюды плывутъ за плотомъ, широко раздувая свои ноздри. А на другомъ

берегу ловятъ лошадей, уже переплывшихъ рѣку и почуявшихъ свободу. Лошади жадно набрасываются на траву, не даются въ руки, монголы ползкомъ и съ боку стараются захватить коня, вспоминающаго приволье табунной жизни. А кругомъ палящій зной и комары, комары безъ конца.

Мы переѣхали рѣку Кобдо 29 іюня въ полдень. Здѣсь Кобдо шире и глубже, чѣмъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы ее уже разъ пересѣкли по дорогѣ изъ Кошъ-Агача. Этотъ перевозъ находится недалеко отъ впаденія Кобдо въ огромное озеро Хара-Усу, что значитъ—черная глубокая вода. Намъ предстояло обогнуть это озеро съ сѣверо-запада, а второй караванъ долженъ былъ удалиться отъ Хара-Усу къ сѣверу.

Два небольшихъ перегона, которые были сдѣланы нами отъ города Кобдо, совершенно оправдали наши опасенія относительно слабосильныхъ верблюдовъ. Такъ какъ впереди, по словамъ монголовъ-проводниковъ и перевозчиковъ, на много верстъ не было никакой возможности нанять лишняго верблюда или лошадь, то приходилось или обратно ѣхать въ Кобдо, гдѣ усиленные поиски верблюдовъ дали намъ такой жалкій результатъ, или сидѣть на берегу въ почти безнадежномъ положеніи. Случайно нашли маленькій выходъ: наши возчики сторговали за 16 лановъ лошадь у перевозчиковъ. На эту лошадь переложили часть груза съ верблюдовъ. Лошадь поднимаетъ вьюкъ пудовъ въ 5—6, но и это для истощенныхъ верблюдовъ было благодѣяніемъ.

Послѣ переправы нашъ караванъ долженъ былъ раздѣлиться. Съ грустью простились участники экспедиціи, караванъ раздѣлился на двѣ части и направился въ разныя стороны. Много оригинальнаго было въ этой картинѣ: груженые качающіеся верблюды, всадники-монголы въ цвѣтныхъ костюмахъ, всадники-европейцы, привязанные боченки для воды, туши барановъ и кругомъ безконечныя горы, долины, перевалы и совершенное безлюдье...

Изъ г. Кобдо въ Улясутай имѣется два основныхъ тракта или—вѣрнѣе—направленія. Есть почтовый трактъ, по которому вытянута линія монгольскихъ общественныхъ почтовыхъ станцій, такъ называемыхъ „уртэ“, или уртоновъ. Этотъ путь лежитъ южнѣе 48-ой параллели; отправляющіеся изъ Кобдо по этому пути огибаютъ озеро Хара-Усу съ юга. По этому пути въ свое время проѣхалъ проф. Позднѣевъ. Уртонная дорога беретъ кратчайшее разстояніе между Кобдо и Улясутаемъ, а потому въ этомъ отношеніи является самымъ выгоднымъ направленіемъ. Но русскіе купцы въ Кобдо не рекомендовали намъ этотъ путь и совѣтовали отправиться сѣвернѣе его, предлагая обогнуть озеро съ сѣвера и выбраться тамъ

на торговый путь. Между Кобдо и Улясутаемъ нѣтъ сколько-нибудь оживленнаго товарнаго движенія, такъ какъ торговая артерія изъ Кобдо идетъ къ Кошъ-Агачу и изъ Улясутая прямой торговый путь идетъ къ тому же Кошъ-Агачу, и Кобдо остается къ югу отъ этой дороги. Намъ и предстояло выбраться изъ Кобдо на этотъ путь, соединяющій Улясутай съ Кошъ-Агачемъ и нанесенный на имѣющіяся русскія карты Монголіи. Въ лѣтніе мѣсяцы на этомъ торговомъ трактѣ нѣтъ никакого движенія, мѣстами дороги совершенно не видно, тропа заростаетъ травою и засыпается пескомъ. Мы могли выбраться на этотъ трактъ около небольшого озера Дзеринъ-нуръ. Въ поискахъ направленія за отсутствіемъ дороги и слѣдовъ тропы приходилось, конечно, прежде всего полагаться на монголовъ-проводниковъ. Это, конечно, не спеціальные проводники, а самые рядовые монголы, которые иногда всего только разъ проѣхали когда нибудь по выбранному направленію. Точныхъ свѣдѣній о пути у нихъ не имѣется, память сохраняетъ кое какія свѣдѣнія, пополняемыя разспросами встрѣчныхъ монголовъ. Показанія этихъ монголовъ часто грѣшатъ противъ истины и вводятъ путешественниковъ въ большія и малыя непріятности. Всего труднѣе получить свѣдѣнія о разстояніи отъ одного пункта до другого. Обыкновенно, монголы говорятъ, что это недалеко. Быть можетъ, такъ поступать заставляетъ ихъ особая деликатность, мѣшающая имъ сказать горькую правду, что впереди лежитъ еще очень большой путь. Но за все время путешествія по Монголіи мы рѣдко получали правильныя указанія относительно разстояній. Обыкновенно, показанія монголовъ расходились съ нашимъ опытомъ. Цѣннѣе свѣдѣній относительно разстоянія указанія о водѣ и травѣ. Вода и трава въ Монголіи для караванныхъ передвиженій значатъ то же самое, что рельсы и уголь для паровозовъ.

Русскія карты Монголіи помогали намъ при передвиженіи еще меньше монголовъ. Когда монголъ говорилъ намъ, что до такого-то мѣста недалеко, то намъ совѣтывали смотрѣть на его указательный палецъ: если палецъ направлялся кверху, мы знали, что ѣхать еще очень далеко, а если палецъ глядѣлъ книзу, то мы имѣли основаніе немного вѣрить авторитетнымъ указаніямъ туземца. Но на карты смотрѣть часто было совсѣмъ безполезно. Эти карты, составленныя военными топографами въ 40-верстномъ масштабѣ, далеко не удовлетворяютъ своему назначенію. Для передвиженія по Монголіи, покрытой сплошь горами, хребтами, выдающееся значеніе получаютъ указанія относительно воды и удобныхъ переваловъ. Въ этомъ отношеніи существующія карты Монголіи стоятъ ниже всякой критики. Не говоримъ уже о томъ, что часто въ

картахъ монгольскія названія исковерканы такимъ образомъ, что при дорожныхъ разспросахъ встрѣчные монголы совсѣмъ не могутъ догадаться, о чемъ ихъ спрашиваютъ. На картахъ не нанесены значительныя горы, рѣки и ручьи, перевалы, колодцы, большіе монастыри, резиденціи князей, давнишнія ставки купцовъ, пропущены озера, перепутаны названія, совершенно отсутствуютъ границы монгольскихъ хошуновъ, что имѣетъ существенное значеніе для русскихъ интересовъ. Словомъ, существующія карты Монголіи—плохой спутникъ по этой странѣ... Карты страдаютъ всевозможными дефектами не только въ какой нибудь глуши Монголіи, но даже на торговыхъ путяхъ, гдѣ каждый годъ совершается усиленная циркуляція русскихъ.

Отъ перевоза на рѣкѣ Кобдо мы направились по такому мѣсту, которое на нашей картѣ выглядѣло бѣлымъ пятномъ. Мы ѣхали къ озеру Хара-Усу, которое выглядѣло чуть ли не моремъ. На этомъ озерѣ есть огромный островъ, прорѣзанный горами. Берега озера и острова покрыты густымъ камышомъ. Дикіе утки и гуси въ изобиліи покрывали воду. Говорятъ, что въ камышахъ водятся страшные кабаны, за которыми охотятся зимой по льду. У монголовъ за поясомъ заткнуто огниво, небольшой кожанный кошелекъ съ бѣлой металлической оправой. Въ этомъ кошелькѣ лежитъ кремень, который ввозится изъ Россіи, и китайскій бумажный трутъ. Кошелекъ привязанъ къ цѣпочкѣ, которая протыкается подъ поясъ. Чтобы не потерять огнива, монголъ къ концу цѣпочки привязываетъ какой-нибудь круглый предметъ, напр., у богатаго монгола привязанъ слитокъ серебра; но иногда вмѣсто металла мы видѣли страшные клыки кабановъ, результатъ чьихъ-либо охотничьихъ подвиговъ. Передавали, что охота на кабановъ принадлежитъ къ числу самыхъ опасныхъ. Иногда мѣстныя власти собираютъ съ хошуновъ повинность въ видѣ опредѣленнаго количества убитыхъ кабановъ, которые будто-бы отправляются въ качествѣ подарковъ къ Пекинскому двору.

Но прежде чѣмъ добраться до Хара-Усу, намъ пришлось ночевать у высохшаго колодца и пользоваться водой, захваченной благоразумно изъ р. Кобдо. Кругомъ разстилалась пустынная мѣстность съ бѣднымъ травянымъ покровомъ. Въ большомъ изобиліи попадались только кусты хараганы,—колючаго растенія, любимаго корма голодныхъ верблюдовъ. Дорога идетъ въ общемъ удобная, вполнѣ пригодная для колеснаго движенія, только мѣстами попадаются пески. Наши лошади время отъ времени находятъ островки травы. У озера Хара-Усу намъ пришлось полдневать и затѣмъ мы съ нимъ разстались, но еще долго оно было единственнымъ укра-

шеніемъ разстилавшагося передъ нами пустыннаго ландшафта. Отъ Хара-Усу мы поднялись удобнымъ и легкимъ переваломъ на возвышенность и перевалили въ широчайшую долину, обрамленную и перерѣзанную небольшими хребтами, цѣлою цѣпью холмовъ. Мы подвигались къ озеру Дзеринъ-нуръ, но такъ какъ это озеро соленое, то монголы говорили, что на ночь мы встанемъ, не доѣзжая озера, у колодца. Подъѣхали къ колодцу и нашли въ немъ совершенно испорченную воду. Съ собой воды не было, слишкомъ мы вѣрили въ этотъ колодезь и пришлось двинуться, не смотря на позднее время, дальше. Монголъ строилъ предположеніе относительно ключа прѣсной воды около самаго соленаго озера. Дзеринъ-нуръ издали показался намъ въ видѣ сверкающаго пятна въ ярко-зеленой рамкѣ. Казалось, до него рукой подать, но это былъ жестокій оптическій обманъ. Наши усталые и изможденные верблюды еле двигались. Да и всадникамъ съ непривычки давно уже хотѣлось отдыха. Часы текли, а озеро было и далеко, и близко. Сгущавшіеся сумерки приносили съ собой новую угрозу: легко можно было въ темнотѣ остаться безъ аргыла, т. е. топлива изъ помета животныхъ, и безъ воды, такъ какъ берега соленаго озера были покрыты сплошными солончаковыми болотами, среди которыхъ трудно было искать ключей прѣсной воды. Оставивъ караванъ сзади, всадники направились рысцой къ озеру, чтобы заблаговременно найти аргылъ и прѣсную воду.

Пріѣхавъ засвѣтло, мы нашли и то, и другое. Прѣсная вода шла изъ ключа совсѣмъ рядомъ съ соленымъ озеромъ; ключъ билъ въ большой впадинѣ, такъ что образовался маленькій прудъ прѣсной воды. Весною озеро разливается и покрываетъ прѣсный источникъ; вотъ почему и въ іюлѣ прѣсная вода отзывала немного сосѣдствомъ соленаго озера. Но въ Монголіи такой привкусъ считается пустяками. Поджидая обозъ, мы разложили костеръ, чтобы нашъ отставшій караванъ храбрѣе и вѣрнѣе шелъ на огонекъ. Уже очень поздно подошли наши верблюды. Всѣ устали и торопливо готовились къ ночлегу. Лошадей обыкновенно на ночь стреноживали, верблюдовъ привязывали къ веревкѣ. Второпяхъ, при разгрузкѣ верблюдовъ, одну лошадь привязали къ мѣшку съ сухарями. Не обращая вниманія ни на что, лошадь жадно рвала сочную траву и когда объѣла ее кругомъ брошеннаго мѣшка, то двинулась дальше. Мѣшокъ зашевелился, лошадь страшно испугалась неожиданнаго движенія шуршащаго мѣшка съ сухарями и рванула; крѣпко привязанный къ поводу мѣшокъ энергично и съ шумомъ подпрыгнулъ и еще болѣе напугалъ не только привязанную къ нему лошадь, но и сосѣднихъ лошадей, которыя ходили

кругомъ совсѣмъ безъ привязи. Лошади шарахнулись и побѣжали въ паническомъ страхѣ, такъ какъ мѣшокъ побѣжалъ вмѣстѣ съ ними, наводя на нихъ еще большій страхъ своимъ шумомъ. По счастію двѣ лошади изъ шести были стреножены и далеко не упрыгали. А остальныя мчались отъ озера во весь опоръ. Мѣшокъ оторвался верстахъ въ двухъ отъ остановки. На нашъ переполохъ проводники монголы отозвались довольно равнодушно, замѣтивъ, что лошади страшно устали и голодны: пробѣгутъ немного, успокоятся и будутъ ѣсть, а тогда ихъ и поймаютъ. Люди страшно устали, хотѣли ѣсть, и предположенія монголовъ отсрочили преслѣдованіе бѣглянокъ. Скоро всѣ завалились спать. Раннимъ утромъ узнаемъ, что лошадей нѣтъ, а кромѣ того, ушли и верблюды, тѣ самые верблюды, которые наканунѣ еле передвигали ноги. Въ нашемъ распоряженіи остались только двѣ лошади. Положеніе создалось самое печальное. Молодой монголъ поѣхалъ на поиски. Эти поиски продолжались полтора дня: были найдены верблюды, неоднократно и потомъ пытавшіеся уйти отъ насъ. Но лошадей не находили, только измучили въ безплодныхъ поискахъ оставшихся двухъ лошадей. Проѣзжавшіе монголы говорили, что они видѣли убѣгавшихъ лошадей Наши проводники спокойно рѣшили, что лошади убѣжали домой и что безполезно продолжать дальнѣйшія преслѣдованія бѣглянокъ, поставившихъ насъ въ невозможное положеніе.

Въ то время, какъ одинъ изъ монголовъ разъѣзжалъ по округѣ въ поискахъ лошадей, мы должны были сидѣть на берегу Дзеринъ-нура. Западная Монголія очень богата отложеніями солей. Солончаки то и дѣло выступаютъ на поверхность. Во многихъ озеркахъ вода соленая. Озеро Дзеринъ-Нуръ принадлежитъ къ числу озеръ, особенно богатыхъ солью. Оно занимаетъ впадину огромной равнины, имѣющей характеръ степи. Средина озера занята чистымъ воднымъ пространствомъ, а берега густо заросли камышомъ и осокою и окружены широкимъ поясомъ болотъ, чрезвычайно топкихъ. И земля, и вода въ этихъ болотахъ сплошь покрыта солью. Вмѣсто воды въ болотахъ имѣется какая-то соляная каша. Мѣстами эта каша покрыта прочными отложеніями замѣчательно чистой соли, вполнѣ пригодной для пищи. Говорили, что соль этого озера развозится монголами на дальнюю округу. Но очевидно, монголы собираютъ только поверхностный слой соли съ многочисленныхъ болотъ, окружающихъ озеро, и слѣдовъ мало-мальски правильной эксплоатаціи соли въ этомъ озерѣ не видно.

Впослѣдствіи, когда въ Монголіи разовьется рыболовство, имѣющее тамъ значительныя перспективы, такія озера, какъ Дзеринъ-Нуръ сыграютъ свою роль въ качествѣ богатыхъ резервуаровъ

хорошей соли. А въ настоящее время кругомъ озера разстилается пустынная равнина. Говорятъ, что озеро у монголовъ считается священнымъ и поэтому охота у озера запрещена. Можетъ быть, этимъ запрещеніемъ объясняется тотъ фактъ, что на озерѣ масса утокъ, гусей, варнавокъ, крупныхъ и красивыхъ куликовъ. А кругомъ озера мы встрѣчали цѣлыя стада ланей и дикихъ лошадей. Дикія лошади подходили къ нашему стану на близкое разстояніе, позволявшее разсматривать этихъ красивыхъ и сильныхъ животныхъ. Передавали, что не такъ давно одинъ русскій торговый домъ въ Кобдо поставилъ нѣсколько штукъ такихъ лошадей за границу въ зоологическіе сады. Монголы разсказывали, что иногда дикія лошади гуляютъ вмѣстѣ съ табунами домашнихъ лошадей. Монголы на своихъ скакунахъ, вооружившись ургой, т. е. короткимъ арканомъ на длинномъ шестѣ, догоняютъ этихъ дикихъ красавцевъ и лакомятся ихъ мясомъ. Въ другихъ мѣстахъ Монголіи намъ уже не приводилось встрѣчать дикихъ лошадей.

Два дня на пустынныхъ берегахъ Дзеринъ-Нура съ тревожными ожиданіями убѣжавшихъ лошадей прошли у насъ въ охотѣ за дичью и опасныхъ путешествіяхъ по болотамъ озера. Про эти болота наши монголы говорили, что они не имѣютъ дна и попавшій туда рискуетъ погибнуть. За два дня мы не видѣли ни одного человѣка во всей обширной степи, хотя здѣсь у береговъ Дзеринъ-Нура мы вышли на торговый трактъ, соединяющій Кошъ-Агачъ съ Улясутаемъ.

Когда достаточно опредѣленно выяснилось, что мы остались безъ лошадей, то пришлось рѣшиться на крайнюю мѣру, которая была единственною въ нашемъ распоряженіи: отправить багажъ на верблюдахъ дальше, а каравану пуститься впередъ пѣшкомъ. Цѣлью этого тяжелаго перехода была рѣка Дзабхынъ, на берегу которой живетъ русскій купецъ Н. И. Киселевъ.

Если бы мы могли точно разсчитывать версты отъ озера до Киселева, то, конечно, наше настроеніе было бы бодрѣе, но картѣ, не разъ обманувшей наше довѣріе, мы вѣрили плохо. Путь до Дзабхына былъ пройденъ нашимъ страннымъ караваномъ въ четыре часа. Но идти пришлось подъемомъ, раздѣлявшимъ впадину Дзеринъ-Нура и долину Дзабхына; подъ ногами была сплошная мелкая галька. Торговый „трактъ" кое-гдѣ намѣчался обрывками тропы. Крутымъ спускомъ сошли мы въ долину Дзабхына, раздѣляющагося на много рукавовъ. Долина вся засыпана пескомъ съ рѣдкими островками травы. Кое-гдѣ виднѣются монгольскія юрты. Правильными рядами насыпаны конусообразные песчаные холмы, придающіе всей долинѣ унылый и скучный видъ. Встрѣчный мон-

голъ показалъ намъ виднѣвшуюся вдали торговлю Киселева и далъ самый лучшій отзывъ объ этомъ торговцѣ. Переѣзжая одинъ изъ бродовъ Дзабхына, мы убили великолѣпнаго гуся, который своею тяжестью еще болѣе ухудшилъ положеніе истомившихся жарою пѣшеходовъ.

Лавка Киселева имѣетъ весьма оригинальный видъ. Она стоитъ на высокомъ пригоркѣ на самомъ берегу рѣчки. Такъ какъ русскіе въ этой части Монголіи не имѣютъ права построекъ, то торговцы живутъ въ юртахъ. У Киселева три юрты—тѣсно прижавшіяся другъ къ другу. Всѣ эти юрты обнесены заборомъ изъ тонкихъ прутьевъ. Въ этомъ же загонѣ находятся и товарные „склады". Обстановка болѣе, чѣмъ скромная и мало удобная. Въ юрту приходится пролѣзать, согнувшись въ три погибели, тамъ нужно садиться на полъ, покрытый слоемъ кочмы; вмѣсто стола маленькая скамейка. Русскія особенности такой юрты сказывались только въ чистотѣ и порядкѣ и въ наличности русской кровати; въ одной изъ юртъ была сложена печь, или, вѣрнѣе, очагъ съ котломъ. Въ остальномъ все было на монгольскій ладъ. Темно, въ знойные дни слишкомъ жарко, въ холодъ и вѣтеръ — холодно. Торговый характеръ юрты обозначался тѣмъ, что въ одномъ углу было нѣсколько новыхъ эмалированныхъ чайниковъ. Хозяинъ давно уже прекратилъ торговлю русскими товарами, ограничиваясь скупкой сырья изъ рукъ многочисленныхъ китайскихъ торговцевъ, захватившихъ въ свои руки всю мелочную торговлю данной округи. Между Киселевымъ и китайцами—самыя оживленныя торговыя сношенія.

Торговля Киселева стоитъ на Дзабхынѣ 18 лѣтъ и въ своемъ развитіи пережила всѣ фазы общей эволюціи русско-монгольской торговли. Сначала здѣсь сбывали русскіе товары и понемногу втягивались въ скупку монгольскаго сырья.Затѣмъ сбытъ товаровъ шелъ все хуже и хуже, торговецъ сталъ задавать монголамъ подъ шерсть; но эта скупка сырья требуетъ большой физической выносливости и хозяйской энергіи. Цѣлые дни и недѣли приходится проводить на сѣдлѣ, дѣлая огромные разъѣзды по округу въ сборѣ розданныхъ долговъ. Возвратъ долговъ дѣлался все туже и туже, съ годами приходила усталость, и Киселевъ перестаетъ „задавать" монголамъ подъ шерсть, ограничиваясь кредитованіемъ окрестныхъ китайскихъ торговцевъ. Когда мы посѣтили Киселева, онъ уже рѣшилъ окончательно ликвидировать свое монгольское предпріятіе и переселиться въ Бійскъ. Киселевъ съ грустью смотритъ на развалъ русской торговли въ Монголіи, во многомъ винитъ самихъ торговцевъ, не желающихъ увѣровать въ принципъ Кисе-

лева, что „въ Монголіи и чистенькое дѣло можетъ хорошо прокормить“.

Дзабхынъ раздѣляетъ монголовъ-дербетцевъ отъ монголовъ-халхасцевъ и, пожалуй, въ экономическомъ отношеніи можетъ служить границей округовъ кобдинскаго и улясутайскаго. По словамъ Киселева, монголы въ этихъ мѣстахъ въ былое время жили куда лучше, нежели теперь. Теперь они разорены и подавлены „албой“, т. е. различными сборами въ пользу властей. Бѣдность растетъ съ каждымъ годомъ; богатые въ три года превращаются въ нищихъ. Кругомъ торговли Киселева есть много монгольскихъ юртъ, населенныхъ такими бѣдняками, которымъ приходится довольствоваться только однимъ пустымъ чаемъ съ солью. Многіе изъ монголовъ ничего не имѣютъ изъ скота, живутъ тѣмъ, что случайно приработаютъ, и все заработанное проѣдаютъ. Ѣсть прилично, до сыта, приходится крайне рѣдко. Одна монголка занемогла отъ хроническаго недоѣданія и со слезами благодарила добрую жену Киселева за бараньи кишки, посланныя ей въ жалкую юрту. У нѣкоторыхъ монголовъ нѣтъ даже юрты, а имѣется обохой, т. е. кое-какъ прикрытый войлокомъ маленькій шалашъ. Всѣ тѣ монголы и монголки, которые приходили посмотрѣть на пріѣхавшихъ русскихъ, имѣли ужасно печальный видъ: одежда ихъ была грязна до невозможныхъ предѣловъ, тѣло—грязнѣе одежды. На дѣтяхъ было жалкое подобіе рубашки или не было совсѣмъ ничего. Дѣти обыкновенно возмутительно грязны, съ жадными голодными глазами. Монголы или просили у насъ что нибудь, или такъ смотрѣли, что рука невольно тянулась къ мѣшку съ сухарями. А это были халхасцы изъ очень хорошаго хошуна, но нынѣ въ конецъ разореннаго албой и торговлей. Взятые нами здѣсь два монгола въ качествѣ проводниковъ до Улясутая были типичными представителями здѣшней бѣдноты. Одинъ—старичокъ лама, съ больными ногами, ласковый и милый, но старый и безсильный. Одѣтъ онъ былъ кое-какъ и только желтый цвѣтъ его изношенной одежды и отсутствіе косы давали понять, что это—лама. Другой монголъ—молодой парень Шаръ-Буха, веселый и безпечный, съ большимъ запасомъ степной лѣни. Шаръ-Буха отправился въ путешествіе совсѣмъ налегкѣ; на головѣ его не было ни обычной монгольской шапки, ни даже неизбѣжнаго платка, которымъ монголы, за отсутствіемъ шапки, покрываютъ свою голову. У молодого монгола не было сапогъ и онъ голыми ногами опирался на широкія монгольскія желѣзныя стремена, бѣгалъ по камнямъ и колючей травѣ. На немъ былъ синій изношенный монгольскій халатъ изъ тонкой дабы. Мы долго сомнѣвались, есть ли у нашего Шаръ Бухи

еще что нибудь кромѣ халата, открывавшаго его загорѣлую грудь. Оказалось ,что рубашки нѣтъ, но есть нѣчто въ родѣ весьма короткихъ штановъ. Таковъ былъ этотъ монголъ, собравшійся въ далекое путешествіе. Встрѣчные монголы въ значительной мѣрѣ приближались къ типу Шаръ-Бухи. Всѣ грязные, оборванные, голодные, все время чешущіеся отъ укусовъ насѣкомыхъ.

Верблюдовъ и монголовъ, взятыхъ нами въ Кобдо, отсюда мы отпустили домой. Благодаря Н. Н. Киселеву удалось подрядить новыхъ верблюдовъ и новыхъ лошадей. Какъ въ Кобдо, такъ и на Дзабхынѣ въ лѣтніе мѣсяцы весьма трудно находить лошадей и верблюдовъ, даже за повышенныя цѣны. Подряженные монголы потребовали день на сборы въ дорогу. Наша палатка была раскинута на холмѣ около хашана Киселева. Въ одну изъ ночей поднялся такой сильный вѣтеръ, что палатку, укрѣпленную камнями, желѣзными колышками и багажомъ, чуть-чуть не сорвало. Этотъ вѣтеръ объяснилъ наличность тѣхъ правильныхъ песчаныхъ конусовъ, которые въ обиліи разсыпаны по долинѣ Дзабхына. Дзабхынъ течетъ по песчаной долинѣ, все время мѣняя свое русло. Сегодня Дзабхынъ течетъ здѣсь, а завтра онъ уже значительно откатился въ сторону. Утромъ, проходя по берегу рѣки, можно было видѣть мѣсто, гдѣ рѣка была часа два тому назадъ. Вслѣдствіе такой измѣнчивости теченія рѣки въ ней каждый день мѣняются и броды. Въ лѣтніе мѣсяцы эти перемѣны бродовъ не составляютъ еще большого горя, такъ какъ рѣка свободно разливается по ровной долинѣ, но весною, когда бійцы ѣдутъ изъ Кошъ-Агача въ Улясутай, здѣсь они встрѣчаются съ очень серьезнымъ препятствіемъ. Правда, мѣстные монголы хорошо знаютъ свой Дзабхынъ, хорошо знаютъ его измѣнчивый характеръ и могутъ быть надежными проводниками. Монголы даже съ вечера могутъ предсказать, гдѣ завтра будетъ бродъ. Но всетаки весенняя переправа въ этомъ мѣстѣ сопряжена съ большими затрудненіями и нѣкоторые купцы рисковали здѣсь своею жизнью и имуществомъ. Какихъ нибудь перевозовъ здѣсь и въ поминѣ нѣтъ.

Съ Киселевымъ мы разстались самымъ дружескимъ образомъ: онъ оказлъ намъ существенную услугу наймомъ верблюдовъ и лошадей, а еще болѣе своими разсказами о житьѣ-бытьѣ русскихъ въ Монголіи и о монголахъ. Пріятно было кругомъ отъ монголовъ слышать отзывы о „Николаѣ“,—въ Монголіи всѣхъ русскихъ зовутъ только по имени,—какъ о ихъ лучшемъ другѣ; всѣ съ грустью говорили о томъ, что имъ жалко разставаться съ русскимъ торговцемъ, навсегда покидающимъ Монголію. Ни до, ни послѣ, ни объ одномъ русскомъ мы не слышали такихъ хорошихъ и почетныхъ отзывовъ.

Съ Дзабхына нашъ путь лежалъ къ рѣкѣ Кунгую или Хунгую. Съ горки Николая Ивановича открывался широкій видъ на поднимающуюся долину, на горизонтѣ окруженную высокими горами. За этими горами и протекалъ Хунгуй. Хунгуй и Дзабхынъ впадаютъ въ озеро Айрикъ-Нуръ. Такъ какъ отъ Киселева мы выѣхали въ девять утра, то приходилось ѣхать цѣлый день до вечера безъ остановки. Верблюды весело шагали, лошади шли спокойно, погода была прекрасная. Треволненія недавней дороги были позабыты. Дорога идетъ широкими долинами, съ небольшими перевалами. Попадаются слѣды телѣжнаго пути. Пески уступаютъ мѣсто гальке или островкамъ, покрытымъ небогатой травой. Засушливое лѣто вездѣ положило свой отпечатокъ. Весь перегонъ отъ Дзабхына до Хунгуя пустыненъ: ни одной юрты, ни одного встрѣчнаго монгола. Отъ непривычки дѣлать подъ палящимъ солнцемъ длинные перегоны на сѣдлѣ, отъ скуки, которая покрываетъ весь унылый и однообразный ландшафтъ, къ которому глаза уже достаточно присмотрѣлись, очень хочется остановиться пораньше: но нѣтъ воды,— ни ключа, ни ручейка, ни колодца; вотъ почему огромная долина остается необитаемой. Къ вечеру вдали около горъ, показалось небольшое озеро, съ свѣжей зеленью по берегамъ. Видъ воды дѣйствуетъ на глазъ самымъ пріятнымъ образомъ. Подъѣхали къ водѣ, попробовали—вода горько-соленая. Полное разочарованіе, необходимо тащиться дальше. Убили на ужинъ молодую варнавку и тронулись въ гору. Съ горы уже издали заблестѣлъ узкими лентами Хунгуй, подобно Дзабхыну разсыпавшійся по песчаной долинѣ. Подъ ногами песокъ, кусты хараганы, къ которымъ жадно пригибаются пріуставшіе верблюды, кое-гдѣ подъ защитою кустовъ хараганы трава, ожидающая нашихъ оголодавшихъ коней. А главное —прѣсная вода, правда, мутная, такъ какъ довольно быстрое и мелкое теченіе рѣки несетъ съ собою массу песку. На песчаныхъ берегахъ растутъ длинные стебли „дикаго хлѣба". Старичокъ лама, еле разгибающій спину и волочащій ноги, ищетъ аргылъ для костра и всетаки съ улыбкой около ласковыхъ глазъ разсказываетъ, что недавно встрѣченное соленое озеро, не нанесенное на карту, зовутъ Усты-Дзавыкъ, что иногда монголы собираютъ зерна дикаго хлѣба и готовятъ изъ нихъ муку. Въ Монголіи можно видѣть дикій „хлѣбъ", дикую коноплю, дикій ленъ, дикихъ пѣтуховъ, лошадей, индѣекъ, и вся она до сихъ поръ, по выраженію Канкрина, „пребываетъ въ состояніи дикости", такъ далека она отъ всего того, что мы привыкли видѣть у себя дома, не замѣчая. Одинъ встрѣчный монголъ-торговецъ, въ общемъ рѣдкая птица въ Монголіи, долго-долго щупалъ клеенку на нашемъ столѣ, долго

смотрѣлъ на нее, отходилъ и снова возвращался. И вообще всѣ мы съ своими вещами были предметомъ самыхъ внимательныхъ ощупываній и руками, и глазами. Такъ все это чуждо Монголіи. Но современный монголъ далеко не дикарь и часто оставляетъ впечатлѣніе болѣе развитаго, нежели „рассейскій" заскорузлый мужичекъ изъ какой-нибудь деревни Нѣловой-Неурожайки-тожъ Но типъ развитія Монголіи, ея кочевой бытъ, ея пастушеское хозяйство и, главное, гнетъ торговаго капитала и китайская система выжиманія монголовъ, все это кладетъ на Монголію самыя безотрадныя краски. Библейскія картины кочевого быта, красивыя пастушескія панорамы, жизнь на лонѣ природы, все это зачастую оказывается декораціей, прикрывающей ужасную дѣйствительность, созданную столкновеніемъ разныхъ культуръ, наличностью порабощенія и экономическаго гнета и истощенія...

Хунгуй течетъ то по долинамъ, сильно засыпаннымъ пескомъ и галькой, то прокладываетъ себѣ дорогу въ ущельяхъ сдвинувшихся холмовъ, при чемъ дорога жмется по ребрамъ осыпающихся горокъ, по такъ называемымъ въ Алтаѣ бомамъ. Но вездѣ есть полная возможность проложить колесный путь. Мѣстами на горизонтахъ вырисовываются отдѣльныя массивныя горы, носящія особое названіе хаирхановъ. Эти одинокія горы немного оживляютъ въ общемъ унылый пейзажъ. Самъ Хунгуй мелокъ, теряется въ пескахъ, вездѣ доступенъ броду. Противоположный берегъ Хунгуя сплошь засыпанъ песками, которые тянутся нескончаемой полосой. Иногда эти мертвые пески, изъ которыхъ вытекаютъ ключи, питающіе Хунгуй, сдвигаются въ цѣлую цѣпь невысокихъ холмовъ, напоминая приморскія дюны. По берегамъ рѣки и въ долинѣ встрѣчаются много монгольскихъ аиловъ, бродятъ стада, виднѣются всадники. Вообще вся эта долина Хунгуя кажется густо населенной. Попадаются огромная стада верблюдовъ, странно и дико разнообразящія весь пейзажъ. Но главнымъ образомъ пасутся стада овецъ и козъ. Лошадей встрѣчается немного, еще меньше рогатаго скота. Уже это одно заставляетъ думать, что населеніе Хунгуя не можетъ похвалиться своимъ богатствомъ. Верблюды обыкновенно находятся въ рукахъ отдѣльныхъ богачей; масса ими не располагаетъ. Отсутствіе рогатаго скота говоритъ за то, что рядовые жители не очень богаты; имъ приходится довольствоваться только мелкимъ скотомъ. На томъ же Хунгуѣ довелось видѣть большой табунъ лошадей, покидавшій долину. Это угоняли „албу", т. е. съ жителей собрали повинность въ формѣ скота. Вспоминались разсказы Н. И. Киселева о томъ, что бѣдныхъ монголовъ эта алба прижимаетъ годъ отъ году крѣпче и сильнѣе. Бѣднота на

Хунгуѣ тѣснитъ наблюдателя со всѣхъ сторонъ. Къ каравану то и дѣло выходятъ бѣдныя монгольскія женщины съ жалкими лицами, съ жалкими словами о помощи. Изнуренныя тѣла лучше словъ говорятъ о томъ, что здѣсь, дѣйствительно, нужда свила себѣ прочное гнѣздо. Вмѣстѣ съ женщинами и старухами выходятъ голодныя дѣти, совершенно голыя, грязныя, съ протянутыми руками. Вспоминается одна дѣвочка, которая вышла на дорогу и ручонками заслонила дорогу лошади... Быть можетъ, какъ говорили намъ русскіе, въ этихъ выходахъ на дорогу сказывается придорожная нищенская привычка, но видъ аиловъ, видъ жителей, дѣтей, наконецъ, разговоры съ тѣми монголами, которые обязательно наносили намъ визиты при каждой нашей остановкѣ, все это убѣждало, что путь нашъ пролегаетъ по разоренному краю. Здѣсь торгуютъ китайцы. Какъ то вечеромъ мы проѣзжали около синей палатки, изъ которой вышли два китайца и пригласили насъ попить чайку. Китайцы оказались приказчиками крупной фирмы и пріѣхали сюда для сбора долговъ. И они жаловались на бѣдноту мѣстнаго населенія, препятствующую имъ легко собирать долговыя суммы, приводящія всю почти Монголію къ хозяйственному краху.

Хунгуй утомительно однообразенъ; удобенъ онъ для трактовой дороги тѣмъ, что всегда есть свѣжая проточная вода и по берегамъ рѣки даже въ засушливое лѣто можно найти кормъ для лошадей и верблюдовъ. Верблюды наши шли хорошо, хотя всѣ почти расхворались и пришлось ихъ лѣчить взятыми еще изъ Томска лѣкарствами. Кругомъ на сотню верстъ не было видно ни одного дерева, ни одного куста. Это безлѣсье на новаго человѣка дѣйствуетъ удручающе. На обнаженномъ днѣ Хунгуя мѣстами попадались въ большихъ размѣрахъ пни, которые мы принимали за дикихъ гусей. Эти пни свидѣтельствовали о томъ, что и на Хунгуѣ когда-то, вѣроятно, былъ лѣсъ, а теперь съ того берега на всю долину надвигаются ужасные пески. Только въ томъ мѣстѣ, гдѣ трактъ разстается съ Хунгуемъ, вдругъ показались рѣдкія, но высокія березы. Это были первыя деревья послѣ кобдинскихъ тополей. Оставивъ караванъ на ночевкѣ, мы поспѣшили впередъ и около этихъ деревьевъ подъѣхали къ русской торговой ставкѣ Минина.

Минину, основателю этой торговой резиденціи, теперь уже умершему бійскому купцу, повезло: вмѣсто того, чтобы жить, какъ русскіе торговцы во всѣхъ западно-монгольскихъ хошунахъ, въ неудобныхъ и жалкихъ юртахъ, Мининъ, благодаря своимъ связямъ съ туземными властями, выстроилъ себѣ обширный домъ,

прочные товарные склады. Во время нашего пріѣзда монголы-плотники, научившіеся этому искусству отъ китайцевъ, съ грѣхомъ пополамъ строили еще и баню. Жилище это имѣло уже совершенно культурный видъ. Да и все окружающее было для глаза пріятно и ново. Самого хозяина мы не застали, онъ былъ въ Улясутаѣ. Торговля Минина занимаетъ довольно большую площадь земли, обнесенную изгородью. Кругомъ яркая зелень, березы, на которыхъ свиты гнѣзда дикихъ гусей, около дома посѣвы овса, цвѣтники, посажены кусты ивы, за домомъ виднѣются нехитрыя сооруженія шерстомойни. Такъ какъ въ срединѣ іюля шерсть еще не поступила, то мойка бездѣйствовала. Шерсть только-что начинали привозить. То и дѣло къ дому подъѣзжали верховые монголы, около сѣдла болтались тючки шерсти. Приказчикъ взвѣшивалъ привезенную шерсть на монгольскомъ безмѣнѣ или на русскихъ вѣсахъ. Монголы, сдавъ привезенную шерсть, усаживались въ холодокъ, закуривали свои трубки или принимались за безконечное чаепитіе изъ своихъ деревянныхъ чашечекъ. На дворѣ вертѣлся маленькій монгольскій мальчикъ, помогалъ приказчикамъ и бѣгло, совершенно свободно говорилъ по-русски. Это—сирота, прижившійся у русскихъ и выучившійся не только говорить, но и читать по-русски. Вообще же монголовъ, говорящихъ по-русски, мы ни разу не встрѣчали, да и вопросъ, есть ли такіе монголы. Но въ Кобдо, въ Улясутаѣ и Ургѣ и, конечно, въ Кяхтинскихъ маймаченѣ есть китайскіе купцы, которые съ грѣхомъ пополамъ говорятъ на русскомъ языкѣ. Правда, говорятъ они съ ужаснымъ выговоромъ, къ которому нужно привыкнуть для того, чтобы что-нибудь понимать изъ этой „русской рѣчи". Въ ургинскомъ китайскомъ банкѣ одинъ изъ „говорящихъ" по-русски китайцевъ не смогъ передавать на нашемъ языкѣ самыхъ простыхъ вещей.

Русскіе же, по ихъ признаніямъ, выучиваются довольно быстро говорить по-монгольски. Не только купцы, но и ихъ жены, обыкновенно, съ большей или меньшей свободой разговариваютъ на монгольскомъ языкѣ. Письменность же монгольскую мало кто старался постичь. Бійскія купчихи у себя дома, въ Бійскѣ, въ былое время употребляли монгольскій языкъ, вмѣсто французскаго, для разговоровъ въ обществѣ. Среди русскаго купечества мало въ комъ просыпался серьезный интересъ къ монгольскому языку и монгольской письменной культурѣ. Пріятно было увидѣть на Хунгуѣ въ домѣ Мининыхъ рукописный словарь монгольскаго языка, составленный покойнымъ купцомъ Мининымъ. Не беремся судить о достоинствахъ этого словаря, но было въ высшей степени отрадно видѣть первые проблески болѣе глубокаго отношенія къ стра-

нѣ, въ которой русскіе живутъ такъ уже давно. Въ домѣ Мининыхъ можно было видѣть много книгъ, имѣющихъ уже прямое отношеніе къ Монголіи и ея языку; эти рѣдкія явленія въ домѣ русско-монгольскаго купца объясняются тѣмъ, что настоящій хозяинъ старой фирмы—студентъ восточнаго факультета петербургскаго университета.

Фирма Мининыхъ ведетъ довольно большія дѣла въ Монголіи и по своимъ торговымъ отношеніямъ цѣликомъ примыкаетъ къ Улясутаю, который отъ этого мѣста находится уже недалеко. Здѣсь шерсть еще остается преобладающимъ товаромъ; сбытъ русскихъ товаровъ совершенно прекращенъ; передавали, что у монголовъ эта фирма пользуется уваженіемъ за ея корректные торговые и кредитные пріемы. Управляющій Мининыхъ, г. Кудашевъ, оказался очень освѣдомленнымъ лицомъ въ текущихъ дѣлахъ русскаго купечества въ Монголіи, подѣлился съ нами своими цѣнными наблюденіями и сообщилъ много интересныхъ фактовъ.

Нашъ переѣздъ отъ Кобдо къ Улясутаю, съ точки зрѣнія бывалыхъ русскихъ, оказался очень долгимъ. Мы шли черепашьимъ шагомъ, но виною этому были верблюды, дѣлавшіе за дневной перегонъ вѣроятно не больше 35—40 верстъ. У Минина намъ предсказывали очень близкій въѣздъ въ Улясутай, но при всѣхъ нашихъ стараніяхъ, мы этотъ переѣздъ сдѣлали только въ 4 съ половиною дня. Разставшись съ Хунгуемъ, мы очутились опять въ сомнительномъ положеніи относительно питьевой воды. Приходилось разсчитывать на колодцы и на случайно попадавшіеся ручейки. Мѣстность, видимо, поднималась. Горы становились выше, отдѣльные „хаирханы" исчезали и стали вырисовываться цѣлыя цѣпи горъ съ высокими перевалами. Чѣмъ ближе къ Улясутаю, тѣмъ горный пейзажъ становится красивѣе и величественнѣе, но и путь поэтому затрудняется: съ перевала на перевалъ. На картѣ былъ обозначенъ одинъ колодезь „Яренъ-худукъ". Объ этомъ колодцѣ говорили намъ всѣ встрѣчные монголы. Наконецъ, нашъ караванъ добрался до этого источника послѣ переходовъ по красивымъ горнымъ долинамъ. Яренъ-худукъ оказался самымъ непривлекательнымъ монгольскимъ колодцемъ: не глубокій, кое-какъ обложенный внутри неотесанными камнями, съ канавкой для водопоя. Когда мы подъѣзжали къ этому колодцу, отъ него отходило цѣлое стадо только-что напившихся верблюдовъ. Невдалекѣ стоялъ на отдыхѣ туземный караванъ. Вода въ колодцѣ была неважнаго качества, кругомъ грязь и навозъ. Но при всемъ томъ, Яренъ-худукъ имѣетъ всѣ права на то, чтобы быть занесеннымъ на карту: этотъ колодезь на большое пространство является монополистомъ по

снабженію водой. Въ Монголіи, несмотря на всю ея бѣдность проточной водой, колодцевъ очень мало. Монголы говорили, что существующіе колодцы чудеснаго происхожденія и что рыть землю для новыхъ колодцевъ грѣшно. Поэтому многія одѣтыя хорошей травой долины остаются необитаемыми вплоть до самой зимы, когда тамъ выпадетъ снѣгъ, изъ котораго кочующіе монголы готовятъ себѣ воду. Быть можетъ, отсутствіе колодцевъ является плодомъ благоразумнаго разсчета кочующихъ монголовъ, приберегающихъ себѣ безводныя долины для зимнихъ кочевокъ. Такъ какъ монгольскій скотъ стоитъ на подножномъ корму круглый годъ, то, конечно, важно, чтобы и зимой были мѣста съ нетронутой лѣтомъ травой. Но изъ этихъ распорядковъ необходимо было бы сдѣлать исключеніе для торговыхъ трактовъ и въ достаточной мѣрѣ снабдить ихъ колодцами тѣмъ болѣе, что часто вырыть такой колодезь не составляетъ никакого труда. Существующіе колодцы всѣ удивительно мелкіе.

Отъ Яренъ-худука до Улясутая довольно большое пространство, но на картѣ оно нанесено такимъ образомъ, что совершенно не удалось установить, гдѣ пролегалъ нашъ путь. Данныя карты совершенно не совпадали съ показаніями монголовъ.

Чѣмъ ближе къ Улясутаю, тѣмъ характеръ мѣстности мѣнялся рѣзче и передъ нами вырисовывались уже высокія горы, покрытыя лѣсомъ. Правда, это былъ лѣсъ, уцѣлѣвшій только на высокихъ ребрахъ почти неприступныхъ горъ. Мелкой щеткой казались снизу лиственницы, обрамлявшія высокія горы. Это былъ первый настоящій лѣсъ, встрѣченный нами въ Монголіи. Съ послѣднимъ лѣсомъ мы простились на Алтаѣ и съ тѣхъ поръ путь лежалъ по совершенно безлѣснымъ пространствамъ. Высокія горы, лѣсъ, высокіе подъемы—все это было началомъ царства сурка. О суркѣ начались уже разговоры у Минина, о суркѣ говорили встрѣчные монголы, въ Улясутаѣ же, къ которому мы подъѣзжали, отъ сурка чуть не сходили съ ума.

Вечеромъ 12 іюля мы подъѣзжали къ Улясутаю. Улясутай—главный административный центръ сѣверной Монголіи, здѣсь живетъ дзянь-дзюнь, нѣчто въ родѣ генералъ-губернатора Монголіи, здѣсь военная крѣпость, русское консульство, маклерскія китайскія конторы, китайскій банкъ, недавно существовало отдѣленіе русско-китайскаго банка и значительное количество китайскихъ лавокъ. Здѣсь же издавна живутъ и русскіе цѣлой колоніей. Съ большимъ интересомъ подъѣзжали мы къ этому городу. Съ дороги Улясутай дѣлается виднымъ только тогда, когда къ нему подъѣдешь чуть ли не вплотную. Кругомъ онъ осѣненъ высокими гор-

ными громадами съ узкими проходами. Раздвинувшіяся горы образовали большую долину, на которой и расположенъ Улясутай. Самъ Улясутай настолько маленькій городокъ, что онъ занимаетъ только небольшую частичку этой долины. По долинѣ течетъ рѣчка Богдынъ-голъ, естественными и искусственными рукавами разбитая на множество протокъ. Мы въѣзжали въ Улясутай послѣ обильнаго дождя, такъ что всѣ эти протоки были полны водой. Пришлось перебрести, пожалуй, не менѣе 20 отдѣльныхъ протокъ. Наши лошади, взятыя изъ той части Монголіи, гдѣ воды мало, косились на шумящіе ручьи и вмѣсто того, чтобы спокойно перебрести воду, пытались перепрыгивать ее скачками. Верблюды точно также безъ малѣйшаго удовольствія лѣзли въ неглубокую воду. Кругомъ была яркая зелень, паслись лошади и коровы. Городъ издали виднѣлся желтымъ пятномъ, совершенно не имѣвшимъ очертанія современнаго города. Въ противоположность Кобдо, Улясутай не имѣетъ ни одного дерева, хотя кругомъ Улясутая—настоящіе лѣса. Остатки этихъ лѣсовъ видны на высокихъ вершинахъ горъ, окружающихъ Улясутай. Кобдо съ его тѣнистыми тополями расположенъ въ совершенно безлѣсной мѣстности. По странной ироніи, Улясутай значитъ—тополевый.

Наши проводники-монголы, подъѣзжая къ Улясутаю, испытывали странное безпокойство. Они просили не задержать ихъ разсчетомъ, чтобы завтра же безъ отдыха рано утромъ пуститься въ обратный путь. На вопросъ о причинахъ такой торопливости, наши монголы отвѣчали, что управленіе улясутайской китайской крѣпости имѣетъ привычку забирать пріѣхавшихъ монголовъ, ихъ лошадей и верблюдовъ на работы въ крѣпости и для крѣпости. Разумѣется, эти работы производятся безъ всякаго вознагражденія и работающимъ не даютъ даже пищи: кормитесь, какъ хотите. Утромъ мы хотѣли нашимъ симпатичнымъ проводникамъ подарить по два лана серебра и по тюнѣзѣ табаку, но они убѣжали съ своими лошадями и верблюдами еще до свѣта. Бѣгство монголовъ имѣло основанія: въ тотъ же день во время нашего визита къ русскому торговому старшинѣ прибѣжали встревоженные приказчики другого русскаго купца и жаловались старшинѣ, что крѣпостные чиновники захватили порожній русскій обозъ для работъ въ крѣпости. Старшинѣ пришлось идти въ мѣстное полицейское управленіе выхлопатывать незаконно-взятыхъ лошадей и рабочихъ монголовъ. Передавали, что въ Улясутаѣ такіе захваты—обыкновенная исторія. Въ окрестностяхъ Улясутая часто можно видѣть обозы съ красными флачками, что должно означать, что это казенный обозъ или обозъ, работающій на казну, а поэтому не подлежитъ никакому захвату со стороны крѣпости.

Улясутай на первый взглядъ можетъ показаться городомъ китайскихъ огородниковъ, такъ какъ площадь огородовъ здѣсь больше площади самого города. Прежде чѣмъ подъѣхать къ Улясутаю, вы проѣзжаете узкой дорогой между длинными огородами, охватывающими городъ съ трехъ сторонъ. Огороды окружены высокими заборами—тынами изъ молодыхъ лиственницъ. Въ этихъ огородахъ, имѣющихъ искусственное орошеніе при помощи каналовъ (арыковъ), по большей части посѣяна пшеница; овощи занимаютъ скромное мѣсто. Изъ овощей видное мѣсто занимаютъ не свертывающаяся въ качанъ капуста, длинная редиска и пахучая трава въ родѣ укропа съ какимъ-то особымъ и непріятнымъ для европейца привкусомъ. Хлѣбъ въ огородной культурѣ и при системѣ искусственнаго орошенія поражаетъ своимъ великолѣпнымъ видомъ. Всѣ эти огороды принадлежатъ китайцамъ. На ихъ устройство явно затрачена масса труда, прорыты длинные каналы, мѣстами виднѣются хорошо построенныя маленькія невысокія дамбы. Къ городу мы подъѣзжали вечеромъ, часовъ въ 8 и весь городъ почти спалъ, не было слышно обычныхъ городскихъ звуковъ и только на какомъ-то огородѣ жалобно кричалъ оселъ...

Въ Улясутаѣ одна длинная и кривая улица, узкая настолько, что, вѣроятно, шепотомъ можно переговариваться съ одной стороны на другую. Воздухъ на этой улицѣ душный, спертый, по бокамъ кое-какіе узенькіе тротуары, вѣроятно, для того, чтобы какъ-нибудь спастись отъ грязи въ дождливые дни. Около заборовъ и тыновъ коновязи, такъ какъ въ городъ всѣ пріѣзжаютъ на лошадяхъ. Пѣшеходовъ мало. Жилые дома и окна спрятаны во дворъ. На улицу выходятъ только высокіе заборы, обмазанные глиной или сдѣланные изъ глины. На улицу выходятъ также нѣкоторыя лавки, имѣющія растворы, на ночь забирающіеся досками. Если же на улицу выходитъ какое-либо окно, то около него обязательно стоитъ рѣдкій тынъ: отъ любопытныхъ. Кромѣ длинной улицы, сплошь занятой торговлей, въ Улясутаѣ есть два—три переулочка, гдѣ тѣ же китайскія фанзы и въ пустыхъ дворахъ монгольскія юрты. Монгольскіе города населены по преимуществу китайцами, монголы здѣсь случайные жители, занятые черной работой и живущіе въ услуженіи. Кобдо производитъ по сравненію съ Улясутаемъ гораздо лучшее впечатлѣніе. Кобдо чище, наряднѣе отъ высокихъ тополей, уютнѣе. Въ Кобдо, меньшемъ по площади, все-таки есть городскія черты: тріумфальныя арки, обсаженные деревьями тротуары, Кобдо съ одной стороны упирается въ довольно большую кумирню, а съ другой—въ крѣпость. А Улясутай уходитъ съ трехъ сторонъ въ огороды, а съ четвертой—въ грязное пред-

мѣстье и голую гору. Крѣпость находится въ двухъ—трехъ верстахъ и отъ города загорожена горою. Кругомъ города раскинуто около сотни юртъ, населенныхъ монголами, занятыми мелочнымъ торгомъ, услуженіемъ, работами на русскихъ шерстомойняхъ и проститутками. Китайское населеніе монгольскихъ городовъ состоитъ только изъ мужчинъ; китайцы не ввозятъ своихъ женщинъ въ Монголію и это обстоятельство порождаетъ монгольскую проституцію въ ужасныхъ размѣрахъ. По улицамъ расхаживаютъ и толпятся молодыя монголки, одѣтыя довольно нарядно, съ серебряными украшеніями на головѣ, часто въ шелковыхъ халатахъ. Кругомъ флиртуютъ китайцы. Свой развратъ китайцы разносятъ по всей Монголіи, прививая легкіе нравы въ монгольскую народную среду и безъ того, кажется, очень податливую во многихъ отношеніяхъ. Съ одной стороны безбрачные китайцы, подолгу живущіе въ Монголіи, съ другой—монгольскіе монахи (ламы), число которыхъ громадно. Ламы портятъ и развращаютъ не только монгольскихъ женщинъ, но и мальчиковъ, которыхъ съ малыхъ лѣтъ отдаютъ въ монастыри на выучку.

Улясутай трудно назвать городомъ въ обычномъ смыслѣ этого слова: слишкомъ онъ малъ и по числу жителей, и по количеству жилыхъ построекъ. Онъ больше походитъ на грязную деревню. Но то, что собрало въ эту грязную деревню жителей, безусловно носитъ городской характеръ. Это—торговля, розничная и оптовая, со складами, конторами и иными принадлежностями крупной торговли. Улясутай по своимъ торговымъ оборотамъ, по отзывамъ всѣхъ, крупнѣе Кобдо. Въ административномъ отношеніи это—центръ Монголіи. Тонъ городу и городской торговлѣ даютъ китайцы. Русскихъ по сравненію съ китайцами—горсточка, которую сразу трудно даже примѣтить. Неожиданно вдругъ на улицѣ вы можете увидѣть человѣка, одѣтаго въ русскую одежду или мальчика въ русской рубахѣ безъ пояса и въ картузѣ. А кругомъ блѣднолицые китайцы и загорѣлые монголы. Русскіе живутъ въ наемныхъ китайскихъ фанзахъ, даже русское консульство помѣщается въ фанзѣ и только высоко развѣвающійся русскій флагъ подскажетъ, что это—консульство. До сихъ поръ русскіе не оставили въ Улясутаѣ ни одного отпечатка своего пребыванія. Только внутри дворовъ, издавна занятыхъ русскими, можно увидѣть русскіе слѣды: наряду съ узорчатымъ заклеенным китайскимъ окномъ русское окно со стеклами и рамами, привезенными изъ Бійска.

Лавки, орудующія на крупныя суммы, мало чѣмъ отличаются отъ небольшихъ лавченокъ, торгующихъ на гроши. Зачастую лавка совсѣмъ отсутствуетъ, но есть нѣчто въ родѣ конторы и скла-

довъ. Въ лавкахъ, раскрытыхъ на улицу, въ большинствѣ случаевъ прилавокъ устроенъ такимъ образомъ, что покупатель остается на улицѣ и съ улицы разсматриваетъ выложенный или поданный товаръ. Уважаемыхъ покупателей просятъ зайти за прилавокъ и оттуда въ комнату, сосѣднюю съ лавкой, гдѣ половина комнаты занята „каномъ“, сплошными низкими нарами, застланными кочмою и краснымъ сукномъ. Тутъ неизбѣжно слѣдуетъ угощеніе чаемъ, съ китайскимъ сахаромъ-леденцомъ, по своему виду и растворимости весьма напоминающимъ полупрозрачную рѣчную гальку. Тутъ же лежатъ китайскія сласти: сухія печенья, мучнистыя, пересыпанныя какими-то зернами. Хозяинъ подвигаетъ коробку съ табакомъ, пропитаннымъ какимъ-то масломъ, трубки и зажженую бумажную свѣчку. Чай пьютъ изъ небольшихъ фарфоровыхъ или фаянсовыхъ чашекъ, напоминающихъ наши полоскательницы. Чистота вездѣ самая подозрительная. Хозяинъ уступаетъ мѣсто гостю на канѣ, самъ садится сбоку, кругомъ стоятъ мальчики-китайцы, все время подливающіе изъ русскихъ мѣдныхъ чайниковъ или китайскихъ мѣдныхъ же кувшиновъ чай. Они же торопливо бѣгаютъ съ трубками. Часто на канѣ можно видѣть китайскія книги, съ рисунками, полными каррикатуръ на европейцевъ. Пожалуй, можно сказать, что въ китайскихъ лавкахъ книга—болѣе частое явленіе, нежели въ русскихъ. У китайцевъ вездѣ видны толстыя торговыя книги, гдѣ бухгалтерія ведется съ самыми точными записями, какъ въ хорошей аптекѣ. Обыкновенно, во главѣ лавки стоитъ довѣренный фирмы, имѣющей свою резиденцію въ Пекинѣ, Калганѣ; довѣренный самъ прямой участникъ въ дѣлѣ, часть служащихъ точно также или участники въ дѣлѣ, или намѣревающіеся въ скоромъ времени вступить въ дѣло. Поэтому все дѣло на строгомъ отчетѣ, все на записи. Русскіе говорили, что можно только удивляться мелочной точности китайской записи. Многіе, кромѣ того, ведутъ дневники, куда записываютъ все, что видѣли и слышали; многіе пишутъ стихи и потомъ гнусятъ ихъ во время своихъ прогулокъ. Съ однимъ изъ такихъ поэтовъ мы вели любопытный разговоръ. Оказалось, что стихъ иногда состоитъ изъ двухъ—трехъ словъ, имѣющихъ прямое отношеніе къ женѣ поэта, оставленной въ далекомъ Китаѣ.

Съ улицы въ лавкѣ видны развѣшенные и разставленные товары. На виду находятся такіе товары, которые отнюдь не могутъ быть названы ходовыми. Это обыкновенно вещи, ненужныя въ простомъ обиходѣ монгола, но манящія глазъ кочевника. Обычно, выставленные товары относятся къ категоріи убогой роскоши и неудобнаго комфорта.

Въ лавкѣ виднѣются сѣдла, палки для нагаекъ изъ бамбука, трубки съ некрасивыми, но очень дорогими камнями, табакерки, стоющія безумныхъ денегъ, украшенныя жалкими кораллами. Въ трубочкахъ стоитъ шелкъ, цвѣтной, съ нелѣпыми рисунками или рѣдко гладкій, безъ рисунковъ. Каждый торговецъ считаетъ долгомъ спросить высокую цѣну, а потомъ начинается торгъ, долгій, упорный. Китаецъ внимательно смотритъ въ толстую торговую книгу, быстро щелкаетъ на своеобразныхъ китайскихъ счетахъ и затѣмъ говоритъ вамъ крайнюю цѣну, которая не исключаетъ дальнѣйшихъ скидокъ и дальнѣйшаго щелканья на счетахъ.

Основные товары—чай, даба, далемба, все это подъ прилавкомъ и въ огромныхъ амбарахъ во дворѣ.

Вотъ подходитъ монголъ съ шкуркой домашняго козла. Китаецъ съ миной небрежности осматриваетъ шкуру, бросаетъ ее на полъ и спрашиваетъ, что надо? Оказывается, надо двѣ пачки табаку. Китаецъ предлагаетъ одну пачку, монголъ стоитъ на своемъ, но, очевидно, монголъ съ своей шкуркой уже не у перваго китайца, ему приходится уступить, онъ соглашается на одну пачку. Китаецъ выбираетъ пачку съ разорваннымъ краемъ, откуда сыплется опилко-подобный табакъ. Монголъ протестуетъ, но китаецъ его больше не слушаетъ... Шкурка козла ушла за половину своей рыночной стоимости.

Вспоминается другой случай. Мы сидѣли за обѣдомъ у русскаго хошуннаго купца. Въ гостяхъ былъ еще одинъ русскій купецъ. Пріѣзжаетъ монголъ и привозитъ съ собою шкурку дѣтеныша-сурка. Въ это время въ наличной покупкѣ такая шкурка стоила полтинникъ, за нее смѣло можно было дать двѣ пачки табаку. Купецъ-хозяинъ пошелъ черезъ дворъ въ лавченку, а мы загадали, сколько онъ дастъ монголу за привезеннаго сурка. Пріѣзжіе давали двѣ тюньзы табаку, а гость-купецъ съ улыбкой предполагалъ одну пачку и онъ былъ правъ: шкурка пошла и въ наличномъ разсчетѣ со скидкой по меньшей мѣрѣ 50 процентовъ. Правда, рядомъ были китайскія лавки, но и тамъ не дали бы больше... Настоящій торгъ, съ рыночными цѣнами, идетъ только между русскими и китайцами, между отдѣльными китайцами.

Съ внѣшней стороны улясутайская городская жизнь совсѣмъ не даетъ впечатлѣнія крупныхъ торговыхъ оборотовъ. Все это совершается внутри загадочно-грязныхъ фанзъ, часто при участіи пронырливыхъ китайскихъ маклеровъ. Огромныя фирмы не имѣютъ лавокъ, ограничиваясь конторами и складами и иногда лавками не въ городѣ, а въ хошунахъ. Въ Улясутаѣ есть пять—шесть крупныхъ русскихъ фирмъ и три представителя экспортныхъ

фирмъ на заграницу. Всѣ эти фирмы заняты главнымъ образомъ скупкой монгольскаго сырья. О сбытѣ русскихъ товаровъ мало кто думаетъ. Русскихъ лавокъ съ товарами, привезенными изъ Россіи, есть только двѣ. Одна лавка принадлежитъ бійскому купцу І. Г. Игнатьеву, недавно умершему. Игнатьевъ былъ послѣднимъ изъ чуйскихъ могиканъ, пришедшихъ въ Монголію съ цѣлью сбыта русскихъ товаровъ. Всѣ позднѣйшіе пришельцы смотрѣли на Игнатьева, какъ на отживающій типъ, такъ какъ до конца дней своихъ Игнатьевъ думалъ, что сила русской позиціи въ Монголіи не въ скупкѣ сырья, а въ сбытѣ товаровъ. Игнатьевъ держалъ въ Улясутаѣ большую лавку съ русскими товарами, каждый годъ посылалъ своихъ приказчиковъ съ товарами въ хошуны и упорно не соглашался съ тѣми сосѣдями, которые доказывали ему малую выгодность товарной торговли и преимущества скупки. Игнатьевъ, конечно, не могъ не видѣть преимущества въ скупкѣ сырья, но онъ, по нашему мнѣнію, хорошо сознавалъ, что русская торговля въ Монголіи, пока она своимъ фундаментомъ имѣетъ скупку сырья, не имѣетъ твердаго базиса и что будущее торговли тѣсно связано съ сбытомъ русскихъ товаровъ. Когда мы разговаривали съ нимъ о будущемъ русской торговли въ Монголіи, то онъ прежде всего указывалъ на необходимость облегченія ввоза русскихъ товаровъ въ Монголію; наоборотъ,—товарищи Игнатьева, помоложе и годами, и опытомъ, больше всего мечтали о развитіи русской скупки.

Другая лавка съ русскими товарами принадлежитъ бійскому Торговому Дому Бодуновыхъ. Основатель этой фирмы, финансировавшій, между прочимъ, и нашу экспедицію, Григорій Бодуновъ, какъ и Игнатьевъ, принадлежалъ къ числу тѣхъ бійцевъ, которые заложили первые прочные камни въ фундаментъ русско-монгольской торговли. Григорій Бодуновъ точно также умеръ недавно. Во главѣ крупнаго дѣла сталъ его сынъ, А. Г. Бодуновъ, человѣкъ съ широкою инициативою и планами. Торговый домъ Бодуновыхъ держитъ лавку въ Улясутаѣ, но больше, кажется, по привычкѣ, такъ какъ лавка эта, какъ и всѣ русскія лавки въ Монголіи, торгуетъ тихо. Если прежде торговали на 200 руб. въ день, то теперь и 50 руб. въ день считается хорошей выручкой. Лавка Бодунова обставлена хорошо: въ ней есть товары и для монголовъ, и для китайцевъ, и для русскихъ. На ряду съ предметами первой необходимости въ лавкѣ вы можете купить и предметы комфорта. Тутъ хорошій подборъ металлическихъ издѣлій, причемъ эти издѣлія, хотя они и получены изъ Москвы, но всѣ почти нѣмецкаго происхожденія. Въ лавкѣ имѣются всевозможныя фотографическія при-

надлежности, компасы, подзорныя трубы, фонари, московское печенье, какао, варенье, бумага, словомъ, это монгольскій универсальный магазинъ. Всѣ эти предметы находятъ свой сбытъ. Напр., очень дорогія и хорошія подзорныя трубы, которыя имѣются въ лавкѣ кобдинскаго купца Н. П. Ассанова, находятъ себѣ сбытъ среди богатыхъ монголовъ. Монголамъ эти трубы полезны и для отыскиванія ихъ скота, и для охоты. И богатый монголъ не затрудняется отдать 100 рублей за трубу. Но все это—случайный сбытъ и крайне ограниченный. Выписанный товаръ вынужденъ весьма долго вылеживаться въ лавкахъ, дожидаясь случайнаго покупателя. Вслѣдствіе этого товаръ по необходимости расцѣнивается высоко, и мало у кого есть охоты держать такія вещи для продажи. Фирма Бодуновыхъ охотно шла навстрѣчу такому случайному спросу и по заказамъ монголовъ и китайскихъ купцовъ привозила изъ Россіи разныя вещи. Но это не торговля! Если основать въ Монголіи магазинъ съ разсчетомъ на такой спросъ, то, значитъ, имѣть покупателя совершенно случайнаго и рѣдкаго,—все равно, что открыть въ небольшомъ русскомъ городѣ магазинъ съ художественными антикварными вещами: быть можетъ, и найдутся покупатели, но торговецъ навѣрняка вылетитъ въ трубу. Основные товары, дающіе тонъ торговлѣ въ Монголіи, или въ рукахъ китайцевъ, или въ рукахъ русскихъ, но торгующихъ въ Монголіи товарами, купленными у китайцевъ тутъ же, въ Монголіи. Когда русскій сбытъ сталъ сходить на нѣтъ, то старые чуйцы съ трудомъ мирились съ такимъ положеніемъ и предприняли попытку бороться за пошатнувшіяся позиціи. Такіе піонеры торговли съ Монголіей, какъ Бодуновъ, Игнатьевъ, Васеневъ, основали „русско монгольское товарищество", которое дѣлало совмѣстныя закупки чая на югѣ Китая, русскихъ товаровъ изъ первыхъ рукъ и широко повело дѣло. Товарищество скоро распалось, но причины распаденія были скорѣе случайнаго характера, ихъ, вѣроятно, можно было бы избѣжать. Среди улясутайскихъ купцовъ и теперь пользуется успѣхомъ мысль о созданіи новыхъ союзовъ русскихъ торговцевъ по образцу бывшаго товарищества.

Хотя русскіе проживаютъ въ Улясутаѣ и давно, но они до сихъ поръ тамъ совершенно не устроились. Со времени основанія въ Улясутаѣ консульства русскіе могли бы получить право построекъ, но этотъ вопросъ возникалъ, обсуждался и тѣмъ не менѣе до сихъ поръ не получилъ своего разрѣшенія. Острая конкурренція на рынкѣ изъ за скупки сырья наложила свой отпечатокъ на взаимныя отношенія русской колоніи. „Общественность" здѣсь въ загонѣ, живутъ недружно, раньше были попытки образовать нѣчто

въ родѣ коммерческаго клуба, была кое-какая библіотека, а теперь все это отодвинуто въ сторону; остатки библіотеки отданы въ консульство, гдѣ они и покоятся безъ пользы. Газетъ никто не выписываетъ; не получаютъ даже такой газеты, которая могла бы служить для купечества источникомъ коммерческой информаціи. Правда, почта въ Улясутаі ходитъ крайне нерегулярно и въ періодъ нашего пребыванія въ этомъ городѣ какъ разъ шелъ вопросъ объ организаціи регулярной почты. Ни фельдшера, ни какой-либо аптечки въ Улясутаѣ нѣтъ. Словомъ, кругомъ такъ все не уютно и не устроено, что городъ оставляетъ тяжелое впечатлѣніе. Консульство обставлено жалко и мизерно и не можетъ съ своей стороны сдѣлать что-нибудь для упорядоченія и улучшенія жизненныхъ условій русской колоніи.

Въ Улясутаѣ пришлось встрѣтиться съ частью торговой экспедиціи, организованной московскимъ купечествомъ. Въ Улясутай прибыла при насъ часть экспедиціи во главѣ съ полковникомъ В. Л. Поповымъ. Эта экспедиція шла изъ Кяхты по направленію къ Кобдо, т. е. мы должны были сдѣлать ихъ маршрутъ на Ургу, а они—нашъ на Кобдо. Не смотря на кратковременность встрѣчи и несмотря на то, что впечатлѣнія обѣими экспедиціями были собраны изъ разныхъ мѣстъ, обмѣнъ мнѣній показалъ, что въ общемъ впечатлѣнія отъ современнаго положенія вещей въ Монголіи у обѣихъ экспедицій довольно однородны. Картины болѣзненнаго положенія русско-монгольской торговли наблюдались и въ той Монголіи, куда надо было направиться изъ Улясутая. Мнѣнія расходились по вопросу о причинахъ развала русской торговли и о мѣрахъ борьбы съ этимъ развaломъ.

IV. Улясутай-Урга-Кяхта.

Изъ Улясутая въ Ургу можно попасть двумя, если не больше, дорогами. Первый путь—казенная дорога, т. е. тѣ уртоны, которые обслуживаютъ монгольскую администрацію. Этотъ путь насчитываетъ отъ 900 до 1.000 верстъ. Другой путь кривѣе уртоннаго и тянется на 1.500 верстъ. Конечно, всѣ эти подсчеты слишкомъ проблематичны, такъ какъ никто этихъ верстъ не мѣрялъ, а только „прикидывали“ по разсчету на верховую ѣзду. Въ Улясутаѣ легко было воспользоваться уртонными станціями, но по многимъ соображеніямъ этотъ выходъ былъ нами забракованъ. Стали искать лошадей и верблюдовъ до Урги, но, не смотря на нашу готовность дать повышенную плату, охотниковъ подрядиться не находилось. И въ 20-хъ числахъ іюля не было еще сезона для перевозокъ багажа

и людей. Въ сезонъ возчики обыкновенно разсчитываютъ на обратный грузъ, а въ данное время такіе разсчеты висѣли на воздухѣ. Изъ затруднительнаго положенія насъ вывелъ А. Г. Бодуновъ, любезнымъ гостепріимствомъ котораго мы пользовались въ Улясутаѣ. Г. Бодуновъ долженъ былъ выѣхать на озеро Косоголъ для продажи принадлежащихъ ему гуртовъ скота, находившихся въ районѣ этого озера. Г. Бодуновъ предложилъ намъ выѣхать съ нимъ вмѣстѣ и добраться до рѣки Мурина, гдѣ онъ надѣялся найти верблюдовъ до Урги.

Благодаря счастливой случайности мы были избавлены отъ печальной необходимости ѣхать тысячу верстъ на сѣдлѣ и отправились въ удобномъ возкѣ бійской работы. Багажъ до рѣки Эдера поѣхалъ на монгольскихъ сарлыкахъ, запряженныхъ въ первобытную двуколку на колесахъ, сложенныхъ изъ толстыхъ обрубковъ. Двуколка устроена такимъ образомъ, что колеса укрѣплены неподвижно къ оси и ось вертится, какъ подъ вагономъ. Разница между вагономъ и этой двуколкой заключается въ томъ, что ось двуколки никогда не смазывается и поэтому скрипитъ на разные лады. Версты за двѣ по дорогѣ можно слышать невидимый обозъ такихъ двуколокъ.

Выѣхавъ такимъ случайнымъ цугомъ изъ Улясутая, пришлось уже разстаться съ какою-либо „дорогою" въ Ургу, а направляться отъ случая къ случаю, имѣя въ виду далекую Ургу. Первымъ этапомъ была крупная торговля Бодуновыхъ на рѣкѣ Эдерѣ. Направляясь къ этой рѣкѣ, мы въѣхали въ интересную Монголію. Кругомъ зелень, горы, очень высокія, сплошь до верхушекъ онѣ покрыты зеленью, кругомъ масса лиственничнаго лѣса, ручьи, рѣчушки, ключи; долины поражаютъ обиліемъ цвѣтовъ, птицъ. Въ лѣсахъ, прилегающихъ къ Улясутаю, идетъ рубка дровъ для города. Обозы съ дровами то и дѣло попадаются по дорогѣ. Собственно говоря, и здѣсь дороги въ точномъ смыслѣ этого слова нѣтъ: ѣдемъ тамъ, гдѣ можетъ проѣхать громоздкая прочная телѣга, запряженная тройкой. Иногда телѣга въѣзжаетъ въ полосу прибрежныхъ камней, кочекъ, въ каменистое дно рѣчушекъ, тогда невольно вспоминаешь слова улясутайскаго консула, что въ Монголіи для телѣгъ „адова дорога"... Но за то по долинамъ, покрытымъ травой, можно ѣхать въ легкомъ автомобилѣ. Не смотря на то, что и здѣсь естественныя условія края несравненно лучше, чѣмъ въ западной Монголіи, населеніе все таки крайне рѣдко. Рѣдко-рѣдко попадались двѣ—три юрты. Но видъ скота и жителей показывалъ, что здѣсь человѣку и звѣрю легче жить, чѣмъ въ пустыняхъ западной Монголіи. Не смотря на то, что кругомъ масса лѣсу, монголы

и здѣсь живутъ въ войлочныхъ юртахъ, такъ какъ и здѣсь они прежде всего кочевники. Но въ этой Монголіи есть интересная особенность. Въ западной Монголіи мѣста зимовокъ обозначены черными пятнами навоза,—и только. Въ этой же Монголіи чаще и чаще попадаются нѣкоторыя сооруженія, обозначающія зимовье. Обыкновенно зимовье состоитъ изъ загона для скота, устроеннаго изъ лиственницы, рядомъ стоитъ небольшой срубъ въ родѣ кладовой или маленькаго амбарчика и кругомъ кучи овечьяго помета, на которыхъ на зиму и водружается юрта. Навозный фундаментъ даетъ тепло. Зимовье обычно приткнуто отъ вѣтровъ къ горѣ. На зиму бока юрты заваливаются опять-таки навозомъ, чтобы не поддувало вѣтромъ. Зимовье часто расположено далеко отъ рѣки и колодцевъ, здѣсь воду готовятъ изъ снѣга. Маленькія рѣчки промерзаютъ до дна и у монголовъ имѣются небольшіе ломы, которыми они и выламываютъ куски льда. Русскіе ввозили ломы русскаго образца, въ видѣ желѣзной палки, но эти ломы не привились въ Монголіи. Для монгола много значитъ дешевизна предмета, а затѣмъ и портативность. Нашъ ломъ изъ цѣльнаго желѣза дорогъ и тяжелъ для перевозки и работы. Монголы употребляютъ ломъ китайскій: небольшой лопатообразный наконечникъ изъ желѣза, насаживаемый на деревянную палку. За послѣднее время въ Бійскѣ были сдѣланы такія подѣлки по привезеннымъ образцамъ.

На рѣкѣ Эдеръ мы заѣхали въ отдѣленіе фирмы Бодуновыхъ. Отдѣленіе ведетъ крупное дѣло, съ оборотомъ тысячъ на 40 рублей. Товарный сбытъ этого отдѣленія тысячъ на 15, изъ которыхъ тысячъ на 8 приходится русскихъ товаровъ, считая въ томъ числѣ и иностранныя металлическія издѣлія, вывезенныя изъ Москвы. Главной задачей отдѣленія является сборка шерсти, подъ которую задаютъ осенью и зимою. Приказчикъ живетъ здѣсь круглый годъ. Безвыѣздно онъ прожилъ на Эдерѣ пять лѣтъ, здѣсь у него родились три мальчика, которые до лѣта 1910 года оставались некрещенными и лучше говорили по монгольски, вслѣдъ за своей нянькой-монголкой, нежели по русски. Жилье было только что выстроено. Оно состояло изъ своеобразнаго дома, устроеннаго изъ стоймя поставленныхъ лиственницъ, внутри обшитыхъ кочмою. Темно, тѣсно, но всетаки домъ, а не юрта. Хорошія отношенія съ мѣстнымъ княземъ позволили построить такое жилище. Рѣка Эдеръ довольно глубокая, заросшая кустами, цѣлымъ лѣсомъ ивъ и высокаго стройнаго лозняка. Мѣстами она распадается на рукава, мѣстами образуетъ зеленые острова, что, вмѣстѣ съ тѣснящимися къ рѣкѣ пригорками и горами, даетъ красивый ландшафтъ. Долина рѣки обрамлена высокими горами. На рѣкѣ масса дичи,

въ рѣкѣ—рыбы. У приказчика оказался неводъ и двѣ—три тони по одному изъ рукавовъ Эдера дали рыбы болѣе, чѣмъ достаточно на большую артель, а хозяинъ лавки въ часъ настрѣлялъ связку дикихъ гусей.

Въ одинъ изъ вечеровъ, проведенныхъ на Эдерѣ, мы вздумали небольшой компаніей пройтись по равнинѣ къ высокой горѣ, запиравшей долину. Былъ прекрасный безоблачный вечеръ. Но черезъ часъ, когда мы сидѣли у подножія горы, загремѣлъ громъ, показалась небольшая тучка. Нужно было спѣшить въ свою палатку. Когда мы торопливо шагали домой по длинной долинѣ, то издали послышался страшный шумъ, какъ будто въ долину ринулся огромный потокъ воды. Надъ нами еще не было дождя, но шумъ усиливался, какъ усиливается шумъ приближающагося поѣзда. Скоро появилась и разгадка этого шума: хлынулъ и надъ нами ливень. Ливень въ Монголіи для всѣхъ существъ означаетъ не только холодный, въ секунду пронизывающій душъ, но и большую опасность. Съ горъ текутъ такія рѣки, которыя уносятъ все на своемъ пути. Проѣзжая около горъ, можно видѣть, цѣлыя русла какъ бы высохшихъ рѣкъ. Но это не рѣки, а слѣды того ливня, который выпадаетъ на горахъ. Юрты, люди, крупный скотъ, все уносится натискомъ бѣгущей воды. Вотъ почему монголы на лѣто выбираютъ себѣ такія мѣста, гдѣ они гарантированы отъ подобныхъ бѣдъ. Конечно, самымъ опаснымъ мѣстомъ будутъ низины долинъ. Наиболѣе безопасно прижиматься къ крутымъ пригоркамъ, на сравнительно высокое мѣсто, на „прилавокъ", какъ говорятъ на Алтаѣ... Такой сильный дождь, какъ на Эдерѣ, уже будетъ особенностью этой зеленой и цвѣтущей Монголіи. Позднѣе мы встрѣтились съ такимъ же ливнемъ въ дорогѣ. Громъ, казалось, раскалывалъ небеса, молніи засыпали землю. Лошади пугались, при ударахъ спотыкались, монголы ѣхали и бормотали молитвы, складывая около лица руки. Въ этихъ мѣстахъ жители часто разсказывали о несчастьяхъ отъ грозы съ людьми и скотомъ. Обиліе дождя ясно сказывалось на ростѣ могучей травы.

На Эдерѣ у Бодуновыхъ крупная шерстомойня, поэтому около отдѣленія стояли и юрты и синія китайскаго образца палатки, и обохои, въ которыхъ жили рабочіе монголы. На дворѣ работалъ плотникъ монголъ, налаживавшій ручки для пресса, которымъ сжимаютъ шерсть передъ упаковкой ея въ тюки. Многолъ-плотникъ обращалъ на себя вниманіе своей рукой: вмѣсто кисти у него была страшная культя. На вопросы о томъ, гдѣ онъ потерялъ кисть, онъ разсказалъ, что это—слѣдъ жестокаго наказанія за воровство. Пойманнаго на кражѣ наказываютъ лѣтомъ тѣмъ, что на

кисть руки льютъ расплавленный свинецъ, пока кисть не отвалится, а зимою выставляютъ руку вора изъ юрты на улицу и поливаютъ водой, пока кисть не замерзнетъ и тогда простымъ ударомъ палки ее отшибаютъ...

Лохматые сарлыки съ ихъ первобытными повозками, привезшіе на Эдеръ наши пожитки, нагрузились верблюжьей шерстью и отправились обратно въ Улясутай, и ихъ замѣнили ворблюдами, рослыми и сильными; этихъ верблюдовъ взяли у туземнаго князя, отдавшаго ихъ въ видѣ любезности, такъ какъ иначе нельзя было добыть верблюдовъ ни за какія деньги. Съ Эдера мы направились къ сѣверу, на рѣку Муринъ. Хотя это было и уклоненіемъ съ пути на Ургу, но выбирать приходилось не дорогу, а такое мѣсто, гдѣ можно найти возчиковъ.

Дорога опять шла благословенными мѣстами. Не даромъ здѣсь пролегаетъ главный скотопрогонный трактъ къ Косоголу и на Иркутскъ: здѣсь можно поправить самый заморенный скотъ. Трава густая, сочная, масса наиболѣе питательныхъ кормовыхъ травъ, много лѣсу, воды. По пути лежала ставка хошуннаго властителя Далай-гуна и его хурэ, т. е. буддійскій монастырь. Когда нашъ караванъ приблизился къ хурэ, то были слышны какіе-то странные звуки, повторявшіеся съ извѣстнымъ ритмомъ. Хурэ имѣетъ видъ небольшого поселенія, раздѣленнаго на небольшіе квадраты, эти квадраты обнесены высокими заборами, скрывающими жилые дома монаховъ. Посреди группы квадратовъ находится большая площадь, на которой вытянуты въ линію храмы. Храмы—невысокія постройки изъ дерева, отштукатуренныя и окрашенныя въ бѣлую краску. Постройка сдѣлана въ два свѣта, нижній этажъ имѣетъ очень мало оконъ, да немного ихъ и въ верхнемъ этажѣ, такъ что въ храмѣ довольно темно. На уровнѣ перваго этажа постройка окружена крышею-навѣсомъ, верхній этажъ покрытъ высокой крышей, бока которой по китайскому обычаю вогнуты. Посрединѣ крыши возвышается небольшая вызолоченная главка. Въ каждомъ хурэ такихъ храмовъ нѣсколько. Въ томъ хурэ, куда мы пріѣхали, такихъ храмовъ было много, они были вытянуты въ два порядка. Передъ главнымъ храмомъ была довольно большая площадь, обнесенная простою загородкою.

Звуки, шедшіе изъ хурэ, и привели насъ къ этой главной площади, которая была полна народа. Посрединѣ площади ламы въ обычной своей одеждѣ танцовали всевозможные танцы подъ звуки барабана и исполинскихъ трубъ. Старые ламы сидѣли въ порталѣ храма, кругомъ толпился народъ, въ большинствѣ случаевъ ученики ламъ, часто очень маленькіе мальчики, напр., лѣтъ пяти, если

не меньше. Маленькіе монахи весело бѣгали, дрались между собою и время отъ времени получали подзатыльники отъ взрослыхъ.

Изъ разспросовъ мы узнали, что на площадкѣ происходитъ репетиція завтрашняго торжественнаго праздника „Цамъ", что танцы, которые исполнялись на площади, завтра будутъ происходить въ маскахъ и костюмахъ. Конечно, мы рѣшили остаться на завтрашній день. Предстояло любопытное зрѣлище. Около Кобдо намъ уже представился случай видѣть монгольскій народный праздникъ со скачками, общимъ обѣдомъ, борьбой. Въ Улясутаѣ пришлось побывать на китайскомъ праздникѣ „Си" или, какъ выговаривали другіе, „Ши". Китайскій „Си" происходитъ въ порталѣ китайскихъ кумиренъ, въ общемъ построенныхъ также, какъ и монгольскіе храмы. Только въ кумирняхъ больше вкуса, тоньше работа, по карнизамъ и дверямъ много тонкой ажурной рѣзьбы, хорошо раскрашенной въ веселыя краски, съ изящнымъ рисункомъ. „Си" совершается вечеромъ при тускломъ свѣтѣ огромныхъ фонарей изъ полупрозрачной бумаги. Китайцы-участники въ Си сидятъ на длинныхъ скамьяхъ, разставленныхъ въ порталѣ, кругомъ ничѣмъ непокрытаго деревяннаго стола, на которомъ стоитъ неизбѣжный чай и китайскія пирожныя. Кругомъ кумирни толпится масса китайцевъ, среди которыхъ виднѣются монголы, русскіе. Дверь въ кумирню отворена, тамъ мерцаютъ огоньки передъ страшными истуканами, туда время отъ времени входятъ китайцы и совершаютъ молитву. Си обычно совершается съ большими церемоніями и въ костюмахъ и маскахъ. Но лѣтомъ 1910 г., по случаю траура въ Пекинѣ, Си было проведено по домашнему, въ родѣ генеральной репетиціи безъ костюмовъ и безъ масокъ. За версту можно узнать, что въ кумирнѣ разыгрываютъ Си. Слышится въ высшей степени нестройная музыка, бой въ барабаны; раздаются неестественные звуки. Участники Си сидятъ около стола. „Си", очевидно, представленіе какихъ нибудь старинныхъ пьесъ, пьесъ той эпохи, когда театръ тѣсно связанъ съ культомъ и храмомъ. Китаецъ-лицедѣй встаетъ и неестественной фистулой что-то выкрикиваетъ, произноситъ монологъ, часто очень длинный, и все это продѣлывается тончайшимъ голосомъ, который раздираетъ барабанную перепонку слушателей. Толпа внимательно слушаетъ, такъ какъ слова то и дѣло прерываются смѣхомъ. Одного лицедѣя смѣняетъ другой, часто дѣйствіе сопровождается оживленнымъ разговоромъ, и опять-таки неестественными голосами. Время отъ времени слова лицедѣя сопровождаются музыкой на своеобразныхъ инструментахъ и барабанѣ, музыка усиливается, усиливаются голоса лицедѣевъ, переходя въ вопли. Лица ихъ краснѣютъ отъ натуги, на лбу потъ стру-

нгся каплями, и все это при мерцающемъ свѣтѣ китайскихъ фонарей принимаетъ какія то странныя очертанія, а звуки выростаютъ въ чудовищную какофонію и такъ продолжается нѣсколько часовъ. Иногда дѣйствіе сопровождается ружейными выстрѣлами, нѣлымъ залпомъ. Китайцы очень любятъ свои „Си", и часто на прогулкахъ вы слышите тонкій голосъ пожилого китайца, повторяющаго какой нибудь отрывокъ изъ Си. Въ китайскихъ лавкахъ намъ приходилось встрѣчать граммофоны, и на этихъ граммофонахъ любезные купцы ставятъ все тѣ-же гнусаво-крикливыя мелодіи „Си" на пластинкахъ, приготовленныхъ въ Америкѣ.

Античная легенда о персидскомъ царѣ Мидасѣ разсказываетъ, что этотъ царь, слушая музыку шумнаго бога Пана и божественную игру Аполлона, одобрилъ Пана, за что и получилъ ослиныя уши. Этой легендой классическій міръ выразилъ свое отношеніе къ „музыкѣ" Востока. Прошли тысячелѣтія, а Востокъ и понынѣ является поклонникомъ Пана, разыгрывая такія „мелодіи", для наслажденія которыми нужно, дѣйствительно, имѣть украшеніе царя Мидаса...

Монгольскій народный праздникъ, который мы видѣли въ Кобдо, и китайское Си носятъ совершенно своеобразныя черты. У монголовъ—простота, просторъ; у нихъ —радость и силѣ мускуловъ, и быстрому бѣгу коней, и общая трапеза, объединяющая и богатыхъ и бѣдныхъ. У китайцевъ „Си" —уже результатъ осѣдлой жизни, праздникъ носитъ городской характеръ, участники строго отграничены отъ зрителей, которые остаются совершенно пассивными наблюдателями, какъ въ нашихъ театрахъ. Общности настроенія нѣтъ, переживанія индивидуальны: одинъ сидитъ, высоко откинувъ голову, и видно, что онъ всей душой съ героями пьесы, весь ушелъ въ ту исторію, которую раскрываютъ артисты. Другой сидитъ и ведетъ съ сосѣдомъ тихую бесѣду, третій скучаетъ. Уходятъ, приходятъ.

Интересно было посмотрѣть на „Цамъ" въ монгольскомъ монастырѣ. Цамъ—не монгольскій праздникъ, онъ привезенъ изъ Тибета, этого монгольскаго Рима, оттуда же и маски боговъ, оттуда костюмы, изображенія боговъ, оттуда и тѣ молитвы, которыя читаютъ и поютъ монгольскіе ламы на тибетскомъ языкѣ. Ни ламы, за рѣдкими исключеніями, ни тѣмъ болѣе сами богомольцы, не разумѣютъ чужого языка, на которомъ для нихъ совершаютъ богослуженіе. Богослуженіе полно различныхъ обрядовъ, смыслъ которыхъ, судя по случайнымъ разспросамъ, непонятенъ простому монголу, да и ламы не всегда могли дать соотвѣтствующее объясненіе.

На цамъ ожидали много народа. Мы боялись, что изъ за толпы не придется увидѣть праздника во всѣхъ его подробностяхъ. Но со-

вѣту русскихъ купцовъ, торгующихъ около хурэ, рѣшили обратиться къ мѣстному хошунному князю, къ далай гуну, съ просьбой о содѣйствіи и о разрѣшеніи снять аппаратомъ нѣкоторые моменты праздника.

По монгольскому обычаю къ князю нельзя итти съ пустыми руками, нужно послать сначала почетный подарокъ „хадакъ", голубую шелковую ленту, какъ символъ мирныхъ намѣреній и уваженія. Хадаки имѣются на разныя цѣны, въ зависимости отъ ширины, а, главное, отъ длины ленты. Рѣшили послать князю самый длинный хадакъ. Нашли хорошую ленту у кого то изъ монаховъ, за которую съ насъ взяли пять рублей. Переводчикъ направился въ квартиру князя, который выѣхалъ на цамъ изъ своей степной ставки и занялъ одинъ изъ домовъ хурэ. Князь охотно разрѣшилъ сдѣлать фотографическіе снимки и обѣщалъ устроить во время праздника на хорошемъ мѣстѣ такъ, чтобы все было видно. Пока переводчикъ ходилъ къ князю, мы съ А. Г. Бодуновымъ бродили по монастырю, заходили въ храмы, гдѣ повсюду шло богослуженіе, служило множество ламъ, пѣли, играли на трубахъ, барабанахъ, которые на веревкахъ спускаются съ потолка. Вездѣ много было народу, одѣтаго въ новые халаты. Повсюду бродили ламы, одѣтые въ красные халаты, съ перекинутой черезъ плечо широкой лентой. На головахъ были шапки или въ видѣ католической митры, или въ видѣ круглой шапочки, густо обшитой желтой шерстью. Монголки пестрѣли своими расшитыми нарядами, серебромъ на своихъ странныхъ прическахъ. Масса всадниковъ, толпами и кавалькадами, покрывала площадь, переулки. Тамъ и здѣсь попадались русскіе, иногда одѣтые по-монгольски.

Во время осмотра къ намъ подошелъ монголъ, хорошо одѣтый, видимо запыхавшійся отъ быстрой ходьбы и сообщилъ, что онъ отъ гуна съ отвѣтнымъ привѣтомъ. Мы начали тутъ же благодарить посла и его князя за ихъ любезность, но посолъ, оказавшійся приближеннымъ князя, заявилъ, что онъ долженъ русскаго „нойна" (господина) привѣтствовать въ жилищѣ нойна. Наши уговоры монгола, что можно ограничиться привѣтомъ здѣсь, въ хурэ, ни къ чему не привели. Пришлось отправиться на берегъ рѣчки, гдѣ виднѣлась наша палатка. Мы подошли туда своей группой, посолъ вскочилъ на коня и ѣхалъ въ отдаленіи. Мы уже сидѣли въ палаткѣ, но посолъ все кружилъ на своемъ конѣ. Очевидно, этикетъ предписывалъ особую церемонію. Наконецъ, монголъ подъѣхалъ, вошелъ въ палатку и, ставъ на одно колѣно, сдѣлалъ поклонъ и привѣтственный жестъ руками и на протянутыхъ рукахъ подалъ длинный хадакъ отъ князя съ словами привѣта, хорошихъ пожеланій, пере-

далъ приглашеніе на праздникъ, сообщилъ, что князь желаетъ личнаго знакомства послѣ праздника и что первое знакомство должно состояться передъ началомъ богослуженія. Посла напоили чаемъ, передали коробку конфектъ маленькимъ дѣтямъ князя и стали собираться къ празднику. Князь прислалъ очень большой хадакъ: хорошую шелковую ленту шириною въ 12 вершковъ и длиною въ 5 аршинъ. Скоро прискакалъ посолъ отъ князя съ увѣдомленіемъ, что сейчасъ начнется праздникъ. Мы по возможности парадно отправились на праздникъ и передъ входомъ въ огороженную площадь передъ храмомъ встрѣтили князя съ его свитой. Далай гунъ— молодой человѣкъ, недавно вступившій, послѣ смерти отца, въ управленіе хошуномъ. Одѣтъ онъ былъ, какъ и всѣ монголы, по матерія его халата отличалась высокою добротностью, князь весь былъ въ шелку. За княземъ въ отдаленіи шла его жена въ сопровожденіи приближенныхъ дамъ, княгиня была въ великолѣпномъ пестромъ шелковомъ китайскомъ халатѣ, съ дорогимъ серебрянымъ головнымъ уборомъ. На щекахъ у нея нарисованы два красныхъ пятна, какъ отмѣтка ея княжескаго достоинства. Народъ, тѣсно обступавшій хурэ, низко кланялся, часто въ ноги, князю и княгинѣ. Намъ въ отгороженномъ пространствѣ князь распорядился поставить синюю палатку, что было очень полезно, такъ какъ солнце жгло немилосердно. На этой же площадкѣ стояли еще двѣ палатки, для князя и его друзей.

Въ храмѣ шло богослуженіе, оттуда все время доносились звуки трубъ и человѣческихъ голосовъ; посрединѣ площадки была установлена палатка, состоящая изъ крыши на круглыхъ подпоркахъ; крыша этой сѣни была ярко расписана фигурными изображеніями; на каждомъ полотнищѣ крыши былъ изображенъ человѣческій черепъ. Кругомъ палатки стояли хоругви, увѣнчанные трезубцемъ и хорошо сдѣланными черепами. Внутри палатки стояла сдѣланная изъ полотна на рамкѣ остроконечная пирамида, вся обвѣшанная голубыми лентами; кругомъ пирамиды сидѣло нѣсколько ламъ. По окончаніи богослуженія въ храмѣ начался „цамъ". Духовенство, принимавшее участіе въ цамѣ, отчасти находилось въ храмѣ, а главные ламы вышли и сѣли на паперти.

Народъ тѣснился къ изгородкѣ, входилъ на площадку, откуда выгоняли полицейскіе длинными палками. Полицейскіе князя ударили, между прочимъ, одного ламу. Это сразу такъ взволновало монаховъ, что они разъяренной толпой набросились на княжескаго чиновника и вытолкали его съ площадки, награждая тумаками на глазахъ князя. Усерднаго чиновника такъ и не пустили потомъ на площадку. Толпа все время напирала на площадку, слышались

удары палкой, а когда „боги“ вышли на площадку, то обязанности полицейскихъ взяли на себя тѣ ламы, которые изображали что-то въ родѣ ангеловъ. Они были одѣты въ странные костюмы, напоминавшіе костюмы водолазовъ. Ламы были обтянуты въ бѣлую матерію, на головѣ у нихъ были огромныя маски, изображавшія черепа, къ пальцамъ перчатокъ пришиты костяшки, издававшія сухой трескъ. Въ рукахъ у этихъ масокъ были длинныя палки, которыми щедро награждались зазѣвавшіеся монголы. Эти ламы поднимали бѣготню, гоняя монголовъ съ мѣста на мѣсто.

Праздникъ состоялъ въ томъ, что ламы надѣвали изображеніе масокъ боговъ и выходили на площадку, все время танцуя и выдѣлывая странныя па, въ которыхъ для посторонняго глаза было болѣе комическаго, нежели торжественнаго. О граціи, конечно, говорить не приходится. Да и самы монголы время отъ времени раскатывались дружнымъ смѣхомъ, когда какая нибудь маска дѣлала особенно выдающійся прыжокъ. Массовыя сцены, какъ напр., выходъ и танцы ламъ, изображавшихъ „богинь“, были болѣе удачны. А на паперти старички ламы, въ полномъ облаченіи, все время гудѣли себѣ подъ носъ, играла музыка, скрипѣли трубы, нѣкоторыя трубы достигали размѣра трехъ—четырехъ аршинъ и солидно октавили. Били въ барабанъ. Главный лама трещалъ на особой трещоткѣ, сдѣланной изъ огрѣзковъ человѣческаго черепа и обтянутаго кожей. Этотъ трескъ разгонялъ нечистыхъ духовъ. Маски главныхъ боговъ имѣютъ крайне уродливый видъ коровьей головы съ огромными рогами и страшными глазами. Маски человѣческаго типа всѣ наподборъ крайне уродливы и передаютъ по большей части идею свирѣпаго, гнѣвнаго бога. Большую роль играли двѣ маски: старикъ съ огромной лысой головой, въ бѣломъ хитонѣ, черты лица старика были пощажены отъ общей тенденціи дать впечатлѣніе страшной уродливости. Другая маска, составленная довольно искусно изъ двухъ монаховъ, изображала льва, который все время ходилъ по площадкѣ и лягалъ зрителей. На долю этихъ масокъ выпала самая тяжелая работа. Боги выходили на арену по порядку старшинства, по одиночкѣ и группами. Можно было понять, что и здѣсь, какъ на китайскомъ „Си“, разыгрывается какая то религіозная мистерія, или драма. Но окружающіе монголы не могли намъ помочь въ объясненіи происходившаго. Бывшій у насъ на другой день да-лама, въ родѣ игумена, точно также давалъ крайне путанныя объясненія. Тибетская обрядность плохо усвоена монголами. Впрочемъ, и у насъ, въ Россіи, простонародье воспринимаетъ сложные символическіе церковные обряды не лучше, чѣмъ монголы. Тамъ тибетскій языкъ, у насъ славянскій, мало доступный для народной массы.

Во время цама князь присылалъ намъ съ своимъ братомъ табакерку съ нюхательнымъ табакомъ, мы отвѣчали папиросами. Во время праздника всѣ курили. Князь посылалъ провѣдать насъ своихъ чиновниковъ; чиновники весело болтали и гнали монголовъ, тѣснившихся около палатки и аппаратовъ. Затѣмъ принесли отъ князя ведро кумыса въ очень грязномъ металлическомъ ведрѣ, съ очень грязной чашкой, самъ кумысъ былъ покрытъ соромъ, но вкусъ его былъ превосходенъ. Мы пили съ жаждой вкусный кумысъ, и подъ нашей фирмой все ведро было выпито окружавшими насъ монголами. Около храма виднѣлись цѣлыя бочки этого напитка. Лама съ маской большого старика послѣ длинныхъ танцевъ, кривляний, послѣ того какъ онъ умеръ и воскресъ, неожиданно пришелъ съ своими ангелами къ намъ въ палатку и принесъ свои поздравленія со счастливымъ прибытіемъ въ ихъ землю. Въ отвѣтъ старикъ получилъ рубль и хадакъ. Раньше ламы приставали съ просьбой дать что либо на построеніе новаго храма, сообщая, что у нихъ есть примѣта, если положить въ фундаментъ иностранныя деньги, то зданіе выйдетъ особенно удачнымъ. Взяли денегъ и для того, чтобы завязать ихъ въ одну изъ лентъ на пирамидальной фигурѣ, стоявшей посрединѣ площадки.

Цамъ тянулся больше трехъ часовъ, послѣ чего ламы и боги взяли палатку и пирамидку и пошли торжественнымъ шествіемъ вокругъ хурэ и всего поселка. Затѣмъ остановились на полѣ и послѣ богослуженія сожгли фигуру, какъ символъ нечистой силы и обиталища грѣховъ. Такъ разсказывали монголы...

Рано утромъ на другой день къ намъ въ палатку пришли высшіе ламы монастыря и поднесли, по обычаю, хадаки, заявивъ, что въ отвѣтъ они хотѣли бы имѣть не ленты, а деньги для бѣдныхъ больныхъ. Ламы живо интересовались различными вопросами. Спрашивали о Далай-Ламѣ, о постройкѣ въ Петербургѣ буддійскаго монастыря, о жизни сибирскихъ буддистовъ, о желѣзной дорогѣ, о томъ, какъ отсюда проѣхать въ Тибетъ по желѣзной дорогѣ; сколько для этого нужно денегъ, какъ обходится безъ знанія чужого языка. О русскихъ торговцахъ да-лама отозвался не очень лестно: называя фамиліи, онъ говорилъ, что русскіе „не лучше китайцевъ".

Простившись съ да-ламой и его спутниками, мы отправились къ далай-гуну въ его лѣтнюю ставку. Князь занимаетъ три юрты обычнаго типа: для отличія княжескихъ юртъ онѣ обшиты голубыми широкими лентами по крышѣ и по карнизу. Около юртъ стоялъ огромный табунъ лошадей; какъ предполагали, князь хотѣлъ показать намъ свое главное богатство. Внутренность юрты имѣетъ, въ общемъ, печальный видъ. Посрединѣ костеръ, на которомъ кипитъ

чай, сваренный съ кобыльимъ молокомъ въ чугунномъ котлѣ, вѣроятно, привезенномъ изъ Иркутска, икона Будды и мѣдныя лампадки въ большомъ числѣ. Нѣсколько сундуковъ, на полу олбоки—кочма, обшитая краснымъ сукномъ, все чисто и въ этомъ коренное отличіе княжеской юрты. Правда, кухня князя помѣщается въ отдѣльной юртѣ и поэтому его жилая юрта можетъ быть чистой. Князь и княгиня въ будничныхъ одеждахъ, костюмъ княгини страшно засаленъ. Говорятъ, что богатыя монголки сами доятъ кобылицъ и коровъ и вытираютъ руки о грудь: чѣмъ маслянѣе костюмъ, тѣмъ, значитъ, виднѣе всѣмъ, что у хозяйки много скота..

Сначала гости были вынуждены пить чай, вызывавшій представленіе о рвотномъ. Къ чаю были поданы китайскія пирожныя и русскія конфекты. За чаемъ слѣдовалъ прекрасный кумысъ. Разговорчивымъ князя трудно назвать. Разговоръ шелъ о дорогѣ, о травахъ, о скотѣ, о цамѣ, о дальнѣйшемъ нашемъ маршрутѣ, о томъ, гдѣ до сихъ поръ были, кого видѣли. О торговлѣ князь, задолженный мѣстному русскому купцу, не хотѣлъ распространяться. Князь и княгиня, съ двумя мальчиками сыновьями, одѣтыми въ простые халатики, босыми и грязными, снялись нѣсколько разъ. Затѣмъ внимательно осматривали нашу бійскую колымагу и признались, что никогда еще не ѣздили въ телѣгѣ. Съ удовольствіемъ они влѣзли въ возокъ и нашъ величественный и живописный кучеръ Емельяновъ прокатилъ князей по лугу. Вернулись они, раскраснѣвшіеся отъ полученнаго удовольствія, попросили снять ихъ въ телегѣ аппаратомъ, снова осматривали телѣгу, прицѣнивались, нашли, что дорого для нихъ сто рублей за такой экипажъ. Намъ нужно было поторапливаться и, дружески распростившись съ княземъ, поблагодаривъ его за его любезное гостепріимство, мы разстались съ далай-гуномъ. Гуну, видимо, понравилось наше замѣчаніе, что его хошунъ произвелъ на насъ самое хорошее впечатлѣніе: „народъ сытый, скотъ сытый, трава хорошая, вода вкусная и князь любезный".

И, дѣйствительно, мы ѣхали благословенными мѣстами, съ очень красивыми видами. Дороги, конечно не было, но колеса катились быстро по тропѣ или прямо цѣлиною. Намъ нужно было попасть въ долину рѣки Тель-гиръ-Мурина (или Морина) къ русскому купцу Бусыгину. Мы поднимались по направленію къ русской границѣ. На пути былъ огромный перевалъ Тюмиртинскій. Переваловъ было довольно много и всѣ они были трудны для телѣги. Приходилось мѣнять лошадей, которыхъ съ нами шелъ цѣлый табунъ. Но послѣдній перевалъ къ рѣкѣ Мурину былъ особенно высокъ: пришлось и подняться, и спуститься пѣшкомъ, такъ какъ тройка еле-еле тащила пустую телѣгу. Виды были поразительно красивы,

они напоминали лучшіе уголки Алтая. На вершинѣ горы, сплошь покрытой прекраснымъ лѣсомъ, открывалась чудная панорама цѣлой цѣпи горъ, сплошь занятыхъ лѣсомъ. Спускаться пришлось берегомъ горнаго ручья. На вершинѣ были болота, камни и все это заросло высокой травой. Лѣсъ весь изрытъ кабанами, множество грибовъ, цвѣтовъ. Сдѣлавъ этотъ тяжелый для телѣги перевалъ, мы вошли въ долину рѣки. Открылась огромная степь, совершенно необитаемая, посрединѣ пролегала хорошо накатанная дорога въ одну изъ хурэ, расположенныхъ на Эдерѣ. Степь и здѣсь была покрыта хорошей травой. Но ни одного монгола, ни одной лошади или барана!

Эдеръ принадлежитъ къ числу второстепенныхъ рѣкъ Монголіи, но всетаки это большая и глубокая рѣка, такъ что далеко не вездѣ можно пройти ее бродомъ. Какъ и всѣ почти рѣки Монголіи, она разбивается на рукава, образуя красивые острова. Цѣлыми мѣсяцами Эдеръ бываетъ недоступенъ для брода, и русскій торговецъ на этой рѣкѣ вынужденъ для своихъ нуждъ держать перевозъ. Мы перебрались бродомъ, воспользовавшись отмелями. И здѣсь русскіе не имѣютъ права возводить собственныя постройки. Но, благодаря связямъ съ хошунными властями, здѣшній русскій торговецъ живетъ въ нѣкоторомъ подобіи зданія, окруженнаго надворными службами и постройками. Купецъ пріобрѣлъ у хошуннаго чиновника оригинальную постройку, напоминающую своимъ видомъ большой вагонъ: выгнутый потолокъ, масса оконъ изъ большихъ стеколъ, безъ переплета ихъ рамою, стѣнки дома сложены изъ тонкихъ, рамокъ, оклеенныхъ матеріей. Рядомъ кухня, амбары, маленькая лавка, баня, хорошо устроенная шерстомойня, огородъ, въ которомъ растутъ огурцы, горохъ, дыни, другія овощи. На огромную округу площадь прекрасной земли, гдѣ трава доходитъ до пояса, обнесена изгородью; отгорожено цѣлое имѣніе. На окружающихъ лугахъ пасутся стада и табуны лошадей, принадлежащихъ торговцу, тутъ же ходятъ его верблюды. Словомъ, торговецъ устроился, какъ нельзя лучше, и все это, конечно, было результатомъ его личныхъ отношеній съ хошуннымъ княземъ. Хорошія личныя отношенія были результатомъ кредитныхъ отношеній: князь былъ задолженъ купцу. Мы застали купца на Эдерѣ въ такое время, когда онъ окончательно ликвидировалъ свое дѣло и возвращался навсегда въ Сибирь. Мойка не работала, собранная шерсть въ грязномъ видѣ была продана другимъ, приказчики купца были заняты сборкой долговъ съ окрестныхъ монголовъ. Причиной, побудившей торговца закрыть дѣло въ Монголіи, было желаніе уйти отъ труднаго дѣла на старости лѣтъ, зажить припѣваючи въ Бійскѣ и меж-

ду дѣломъ и бездѣльемъ заняться скотопромышленнымъ дѣломъ на Алтаѣ. Торговля въ Монголіи дала купцу хорошее обезпеченіе, обогативъ его въ нѣсколько лѣтъ, самое большее въ 10 лѣтъ. Для характеристики русско-монгольской торговли слѣдуетъ замѣтить, что ликвидація торговли въ концѣ концовъ сводится къ ликвидаціи долговыхъ отношеній монголовъ: прежде чѣмъ уѣхать изъ Монголіи, надо собрать розданные монголамъ задатки и ссуды. На это при торговомъ оборотѣ тысячъ въ 40 требуется больше двухъ лѣтъ: сначала собираютъ наиболѣе сомнительные долги, а подъ конецъ берутъ съ тѣхъ, у кого есть, что взять. Конечно, дѣло не обходится безъ обращенія за содѣйствіемъ къ консулу, къ хошуннымъ властямъ и безъ проявленія собственной „энергіи" и настойчивости. Работы по торговлѣ у даннаго купца не было никакой, мойка бездѣйствовала, товары не продавались, а весь довольно многочисленный штатъ служащихъ былъ налицо. Приказчики нужны были для разъѣздовъ по округѣ.

Въ Монголіи, какъ и вездѣ, торговая фирма стоитъ денегъ и при ликвидаціи торговли фирму продаютъ. Продавалась фирма на Дзабханѣ, продавалась и на Эдерѣ. Населеніе привыкаетъ къ данной торговлѣ, а потому и при перемѣнѣ хозяина кліентела въ значительной части остается вѣрной старому мѣсту. Продается оборудованіе данной фирмы: зданіе, юрты, лавка, мойка. Все это очень небольшія цѣнности, но все это вызываетъ массу труда по оборудованію, по приспособленію, обо всемъ приходится сговариваться съ властями. Поэтому выгоднѣе купить заведенное дѣло, нежели налаживать новое. При налаживаніи новаго дѣла приходится дѣлать довольно цѣнные подарки властямъ и потомъ долгое время окружающіе монголы будутъ только присматриваться къ новому торговцу. Передавали, что если стоятъ рядомъ нѣсколько лавокъ, то монголъ, привыкшій заходить въ опредѣленную лавку, непремѣнно будетъ ходить только въ нее, хотя бы сосѣдній торговецъ предлагалъ болѣе выгодныя условія. И только случайности и какія нибудь особыя обстоятельства переводятъ кліентелу изъ одной лавки въ другую. А при общей системѣ торговли въ кредитъ, когда каждый монголъ имѣетъ въ лавкѣ долги, кліентела данной лавки становится особенно прочной. Часто фирма, подлежащая ликвидаціи, продается вмѣстѣ съ долгами, т. е. съ тѣми книгами, въ которыхъ записаны за монголами долги по лавкѣ. Эти записи могутъ быть названы личными счетами, такъ какъ каждому кліенту въ книгѣ отведено по страницѣ. При продажѣ долговъ дисконтируется степень вѣроятія получки розданныхъ, часто старыхъ долговъ, поэтому долги иногда продаются съ большой скидкой, и поэтому же каждый

торговецъ при ликвидаціи своего дѣла старается очистить свои счета отъ всѣхъ долговъ. Долги монголовъ продаются послѣ смерти какого нибудь торговца; обычно, покупателемъ такихъ купцовъ является сосѣдній торговецъ. Всѣ эти проданные долги обыкновенно вызываютъ массу недоразумѣній: монголы склонны оспаривать записи, русскіе, заплативъ за долги наличныя деньги, стараются нажить на нихъ побольше, толкуя буквально каждую запись и не принимая въ разсчетъ тѣ устныя условія, которыя были выговорены при заключеніи сдѣлки старымъ торговцемъ.

На Эдерѣ, какъ и вездѣ въ Монголіи, русская фирма окружена тѣснымъ кольцомъ китайскихъ лавокъ. Верстахъ въ 15 отъ русской торговли имѣется довольно большая хурэ, около которой расположенъ цѣлый рядъ китайскихъ торговыхъ фанзъ. Китайцы-торговцы и въ глуши Монголіи устраиваются такъ же, какъ и въ монгольскихъ городахъ. На Эдерѣ кругомъ масса строевого лѣса, поэтому китайскія фанзы совсѣмъ не похожи на „вагонъ", въ которомъ живетъ богатый русскій торговецъ. Фанза выстроена правильнымъ срубомъ изъ хорошаго лѣса, домъ распланированъ покоемъ, цѣлый рядъ просторныхъ комнатъ, часть которыхъ занята жилыми помѣщеніями, а часть отведена подъ торговлю. Здѣсь сразу видно, что главная задача купца сбыть товаровъ, которые въ порядкѣ разложены на чистыхъ полкахъ и развѣшаны по стѣнамъ. Одна изъ фанзъ была только что построена и производила самое пріятное впечатлѣніе. Дворъ поражаетъ своею хозяйственностью. Рядомъ обширный огородъ съ овощами, которые искусно маринуются на цѣлую зиму. Во дворѣ подъ окнами цвѣты, надъ сѣнями на солнышкѣ висятъ для просушки маральи рога. Тутъ же просушиваютъ скупленные мѣха. Въ этомъ районѣ много бьютъ сурка и лисицъ. Въ лавкѣ есть такіе товары, которые свидѣтельствуютъ о наличности въ районѣ состоятельныхъ покупателей. Висятъ хорошо и красиво сдѣланные китайскіе шелковые халаты, одинъ изъ которыхъ смѣло могъ плѣнить своимъ рисункомъ и европейскую даму. Такой халатъ мы видѣли на одной монгольской княгинѣ. Китайцы и русскіе здѣсь находятся въ дружескихъ отношеніяхъ: здѣсь царитъ „раздѣленіе труда", такъ какъ русскіе перестали продавать товары, а скупаютъ только сырье, которое прежде всего стягивается въ руки китайцевъ. Не даромъ поэтому почтенный лама изъ одного хурэ сказалъ, что онъ не видитъ разницы между русскими и китайскими торговцами... Нравы здѣсь господствуютъ самые простые или даже упрощенные. Какъ вездѣ въ Монголіи, отношеніе къ монголамъ отмѣчено значительной дозой презрѣнія. Обычное названіе монголовъ „монголишки", „ламишки", близко монголовъ къ себѣ не

пускають, когда всѣ сидять на стульяхъ, монголу предлагають сѣсть на полъ, для монголовъ особый чай, особыя чашки. Все это прежде всего порождается тѣмъ, что монголы, какъ правило, страшно нечистоплотны. Когда монгольскій князь праздновалъ рожденіе сына, то онъ пригласилъ къ себѣ окрестныхъ русскихъ и китайскихъ купцовъ и наиболѣе богатыхъ монгольскихъ „дворянъ“, которые, въ общемъ, отъ остальныхъ монголовъ отличаются тѣмъ, что на маковкѣ ихъ шапокъ имѣется особый шарикъ, сдѣланный изъ желтой матеріи. Собравшись, это изысканное общество приступило къ обильному столу, во время котораго значительную роль играли китайскія водки. Русскій торговецъ не захотѣлъ ѣхать къ князю и послалъ вмѣсто себя своихъ „ребятъ“, т. е. парней-приказчиковъ. Во время пира раздавались тревожные голоса: не давайте русскимъ много водки, они сильно драчливы. Пиръ шелъ своимъ чередомъ, чуть ли не первый свалился хозяинъ-князь, за нимъ слѣдовали другіе. Княжеская юрта кругомъ была устлана тѣлами пировавшихся китайцевъ и монголовъ, русскіе вдобавокъ къ этому учинили дебошъ, побивъ и мужчинъ, и женщинъ. Словомъ, все было такъ, какъ это происходитъ на всѣхъ деревенскихъ праздникахъ въ Россіи и Сибири.

Долина рѣки Эдера безусловно годна для хлѣбопашества, но до сихъ поръ скотоводческая культура и здѣсь стоитъ почти незыблемо. Сдѣланныя попытки завести пашни показали, что хлѣбъ родится хорошій и обильный. Но все занято пастбищами. Передавали, что одна монгольская семья занялась было посѣвомъ хлѣба и опытъ вышелъ удачнымъ. Но въ это время захворала мать мѣстнаго хошуннаго князя, женщина, которая не пользовалась большимъ уваженіемъ со стороны окружающихъ. Про нее говорили, что она сумѣла испортить даже испорченныхъ ламъ... Захворавъ, княгиня позвала къ себѣ, по монгольскому обычаю, монаховъ. Монахи лѣчатъ душевныя и тѣлесныя болѣзни. Средства ихъ—молитвы, за которыя они получаютъ обильныя приношенія, обрывки тибетской медицины и обычное знахарство. Больной княгинѣ они сказали, что болѣзнь ея приключилась оттого, что монгольская семья поднимаетъ подъ пашню землю и поэтому оскорбляетъ духовъ, покровителей здѣшнихъ мѣстъ. Конечно, на другой же день вышелъ строгій приказъ, запрещавшій пашни. Такъ и погибла затѣя предпріимчивой монгольской семьи. Трудно сказать, какими соображеніями руководились монахи и княгиня при запрещеніи пашенъ. Быть можетъ, это было простымъ проявленіемъ обычнаго консерватизма инертной среды: какъ ни какъ, слабыя попытки завести пашню наносили серьезную угрозу сложившимся

экономическимъ и бытовымъ отношеніямъ. Пашня была предвѣстницей захвата въ частную собственность земли, находящейся въ общемъ пользованіи. Быть можетъ, ламы явились выразителями воззрѣній и интересовъ китайцевъ, которые считаютъ себя монополистами по поставкѣ муки въ Монголію и пашни которыхъ на монгольской землѣ не будутъ обрадованы появленіемъ монгольскихъ запашекъ. Дѣло въ томъ, что мука постепенно внѣдряется въ ежедневный обиходъ монгола и дѣлается предметомъ первой необходимости, вслѣдствіе чего въ торговомъ оборотѣ создается новое средство прочной и выгодной кабалы. Китайцы же издавна стараются всяческими путями, главнымъ же образомъ путемъ политическаго разврата, проводить свои требованія и желанія черезъ монгольскую знать, черезъ князей и монаховъ. Но, судя по всему, долина Эдера и прилегающіе районы въ будущемъ сыграютъ роль очаговъ сельскохозяйственной культуры и поэтому явятся мѣстами китайской колонизаціи. Сейчасъ же въ этихъ одаренныхъ природой мѣстахъ процвѣтаетъ скотоводство и не только монгольское, но и торговое. Въ этихъ мѣстахъ закупаютъ и держатъ на выпасѣ для дальнѣйшаго прогона скотъ, адресованный въ Россію. Неподалеку озеро Косоголъ, въ округѣ котораго торговые гурты скота выдерживаются долгое время. Отсутствіе запашекъ въ монгольскомъ хозяйствѣ ухудшаетъ питаніе, такъ какъ одно кислое молоко и сырчики, подобные камню, не могутъ напитать взрослаго человѣка, приходится такую пищу доливать жидкимъ чаемъ. Баранина далеко не у каждаго монгола на столѣ и не каждый день. Баранъ—теперь поставщикъ дорогой шерсти, да и количество ихъ сильно сокращается отъ казенныхъ и торговыхъ поборовъ. Районъ рѣки Эдера изобилуетъ и рыбой. Но монголамъ эти богатства не приносятъ пользы. Передавали, что монголы по религіознымъ воззрѣніямъ не трогаютъ дичи и рыбы. Но это какія-то странныя религіозныя воззрѣнія! Монголы—большіе и хорошіе охотники. Они бьютъ сурка, мясо котораго употребляютъ въ пищу. Появленіе на рынкѣ шкурокъ молодого сурка въ значительной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что монголы любятъ лакомиться его мясомъ. Монголы бьютъ кабановъ, волковъ, лисицъ, барсуковъ, ланей, буновъ, горныхъ козловъ, рысей и т. д., и т. д. Но не бьютъ птицъ и не ловятъ рыбы. А, между тѣмъ, всѣ озера, рѣки богаты дичью и полны рыбой. На одномъ изъ рукавовъ Эдера мы устроили рыбную ловлю. Сначала ловили на удочку. То и дѣло попадались большіе харіусы, одна изъ вкуснѣйшихъ рыбъ горныхъ рѣчекъ и озеръ, любители приравниваютъ ее къ форели. Затѣмъ въ одну изъ заводей, осѣненныхъ густымъ шатромъ высокихъ, аршинъ

шесть въ вышину, ивъ и лозъ, закинули небольшой неводъ и первая же тоня дала евангельскій чудесный уловъ: масса харіусовъ, ускучей, налимовъ. Передавали, что иногда попадаются и тальмени. Изъ этого огромнаго улова выбрасывали обратно „мелочь“ въ 5—6 вершковъ... И въ это же время кругомъ на отмеляхъ огромными стадами ходили жирные дикіе гуси. Утромъ спящіе въ палаткѣ невольно просыпались отъ криковъ пролетавшей надъ рѣкой дичи . По долинамъ вездѣ было множество дрофъ, достигавшихъ 30 фунтовъ вѣса. Русскіе въ значительно мѣрѣ разнообразятъ свой столъ и дичью и рыбой, что въ Монголіи очень полезно и пріятно, такъ какъ основнымъ кушаніемъ является повсюду баранина во всѣхъ ея видахъ.

А. Г. Бодунову, нашему спутнику отъ Улясутая, съ Мурина нужно было отправляться къ озеру Косоголу, гдѣ его ждали торговыя дѣла. А поэтому передъ нами снова всталъ вопросъ о лошадяхъ и верблюдахъ. И здѣсь найти скотъ было такъ же трудно, какъ и раньше. Здѣсь мы могли на опытѣ провѣрить, что значитъ отдать лѣтомъ монгольскій скотъ на работу. Около нашей палатки бродили верблюды русскаго купца и лошади, только что сдѣлавшіе большой перегонъ съ Мурина въ предѣлы Россіи, по направленію къ Иркутску. И лошади, и верблюды почти не годились для дальнѣйшей работы и нуждались въ продолжительномъ отдыхѣ, при чемъ лѣтняя работа вліяла такимъ образомъ, что богатый подножный кормъ не шелъ на пользу уставшимъ животнымъ: они поправлялись слишкомъ медленно. Огромную услугу экспедиціи оказалъ А. Г. Бодуновъ: онъ купилъ за свой счетъ у русскаго торговца телѣжку, двѣ одноколки и семь лошадей и предоставилъ ихъ въ наше пользованіе съ условіемъ сдать весь этотъ караванъ въ Ургѣ его комиссіонеру. Нужно было найти людей въ качествѣ провожатыхъ. Одинъ торговецъ былъ такъ любезенъ, что далъ своего кучера, а кромѣ того наняли молодого монгола Зегву, который когда-то давно сдѣлалъ путь съ Мурина до Урги. Въ этихъ мѣстахъ найти монгола не такъ-то легко. Здѣсь народъ кормится охотой на сурка и поэтому въ тѣхъ юртахъ, гдѣ имѣется ружье и капканы, на счету каждый рабочій человѣкъ.

Въ первыхъ числахъ августа мы выѣхали съ Мурина, сердечно распростившись съ А. Г. Бодуновымъ, оказавшимъ намъ не только цѣнныя услуги по передвиженію по Монголіи, но и помогшимъ разобраться въ очень многихъ вопросахъ русско-монгольской торговли. Съ Мурина нашъ путь лежалъ на востокъ, съ небольшимъ уклономъ къ югу. Отъ Мурина существуютъ дороги для товарнаго движенія на Кяхту и къ Тункѣ (въ предѣлахъ Россіи). И такъ

какъ торговый оборотъ съ монгольскимъ сырьемъ привязываетъ русскихъ торговцевъ къ перевалочнымъ пунктамъ, то здѣсь наибольшей популярностью пользуется путь на Кяхту. На нашъ вопросъ, какъ же мы проѣдемъ отсюда на далекую Ургу, намъ отвѣчали: „спросите по дорогѣ". Точнаго пути, какой-либо дороги, конечно, не было.

Районъ Монголіи между рѣкой Тель-гиръ-Муриномъ и Ургой въ изобиліи изборожденъ большими рѣками. Самъ Муринъ впадаетъ въ Селенгу, въ ту Селенгу, которая въ предѣлахъ Россіи, отъ Усть-Кяхты, дѣлается уже судоходной рѣкой. На эту Селенгу, на одинъ изъ рѣдкихъ перевозовъ, и лежалъ нашъ путь.

Пейзажъ и дальше былъ все въ томъ же родѣ, какъ и до Мурина: горные хребты, холмистыя гряды, долины, часто поражавшія своей длиной, по горамъ хорошій лѣсъ, масса хорошей травы. По ребрамъ горъ можно было видѣть сурковъ, съ любопытствомъ оглядывавшихъ проѣзжавшихъ. Встрѣчались перевалы, вынуждавшіе всѣхъ слѣзать съ экипажей и помогать лошадямъ взбираться въ гору. Особенно тяжелы были такіе перевалы въ дождливую пору, когда ноги лошадей скользили по грязи и телѣги своей тяжестью тянули внизъ. Приходилось двигаться въ гору маленькими порціями: десять шаговъ и стоянка на пять минутъ. Послѣ такихъ подъемовъ лошади всегда сильно приставали. Наши лошади первую недѣлю бѣжали хорошо, —вѣроятно, иногда удавалось дѣлать по 50 и болѣе верстъ. Но затѣмъ лошади какъ то сразу сдали, и мы должны были устраивать дневки только для отдыха лошадямъ и всячески экономить ихъ силами. Это въ значительной мѣрѣ замедлило нашъ путь. Лѣто проходило. Хотя въ здѣшнихъ мѣстахъ и въ августѣ выпадали хорошіе сверкающіе дни, но все чаще и чаще приходилось надѣвать даже въ солнечные дни теплую одежду, пока, наконецъ, не перешли на мѣховыя поддевки. Недѣли три пришлось ѣхать подъ сплошнымъ дождемъ, превратившимъ путешествіе въ каторгу. Холодно, сыро, мокро сверху и снизу, палатка мокрая, брезенты мокрые, мокрый лѣсъ, такъ что собранные дрова загораются не сразу, вѣтеръ и холодъ, и, наконецъ, по ночамъ, температура стала падать ниже нуля, трава покрывалась инеемъ. Наша палатка изъ англійской бязи держала по ночамъ температуру на три градуса выше наружной. Каждымъ часомъ, въ теченіе котораго выходило изъ-за облаковъ солнце, мы пользовались для того, чтобы высушить свои пожитки и одежду, развернувъ все это по лугу.

Въ западной Монголіи пришлось проѣхать въ сильную засуху, а здѣсь попали въ періодъ особенно сильныхъ дождей, вызывав-

шихъ наводненія. По разсказамъ монголовъ, передъ нашимъ пріѣздомъ было уже два наводненія, унесшихъ много человѣческихъ жертвъ и много скота. И теперь монголы съ тревогой повторяли пророчество Ургинскаго хутухты (воплощенія Будды), что скоро будетъ „третья вода" и новыя жертвы. Если бы не лѣса, то положеніе и монголовъ, и путешественниковъ было бы удручающимъ въ смыслѣ обезпеченія дровами, такъ какъ аргылъ расплывается подъ дѣйствіемъ упорныхъ дождей. Когда дорога пролегала вдали отъ лѣса, или лѣсъ оказывался расположеннымъ на почти недоступныхъ утесахъ, или когда нашъ караванъ въѣзжалъ въ полосу молодого лѣса изъ осинъ и мелкихъ березъ, то приходилось или везти топливо вмѣстѣ съ собой, увеличивая грузъ лошадей, или прибѣгать къ любезности монголовъ, вымѣнивая у нихъ сухари, какія-нибудь другія вещи на сухіе обрубки дерева. Чѣмъ ближе къ Ургѣ, тѣмъ лѣса становятся болѣе рѣдкими, ухудшается качество лѣса и, наконецъ, широкими долинами мы въѣзжаемъ въ совершенно почти безлѣсную мѣстность степного характера. Здѣсь дрова для костра приходилось уже покупать на серебро и то съ большими затрудненіями, такъ какъ ни у одной юрты, встрѣченной по пути, мы не встрѣчали запасенныхъ дровъ. Обыкновенно, весь запасъ топлива сводился къ двумъ—тремъ обрубкамъ дерева. Въ этомъ мѣстѣ стали попадаться китайскіе обозы, нагруженные связками коротко нарубленнаго хвороста, сложеннаго такъ аккуратно, что можно было подумать, что везутъ не хворостъ, а какіе-нибудь лекарственные коренья или растенія. Кругомъ Урги лѣса сильно повырублены, и только одна огромная гора сплошь покрыта прекраснымъ лѣсомъ. Эта красивая гора, расположенная около города, считается священной: здѣсь запрещена и рубка лѣса, и охота, и говорятъ, что эта гора напоминаетъ настоящій звѣринецъ. Такъ много тамъ привольно живущей всякой дичи и звѣря.

Отъ Тель-гиръ-Мурина до Селенги переѣздъ мы сдѣлали въ три—четыре дня. Сначала дорога шла невдалекѣ отъ Мурина, затѣмъ отъ него мы отдѣлились высокимъ хребтомъ и скоро перевалили въ долину Селенги. Селенга образуется изъ сліянія нѣсколькихъ рѣкъ: Эдера, Мурина, Чилоту, такъ что сразу она дѣлается многоводной рѣкой. А такъ какъ мы проѣзжали здѣсь въ періодъ упорныхъ дождей, то Селенга предстала предъ нами большой, полноводной красивой рѣкой съ сильнымъ теченіемъ. Перевалъ къ Селенгѣ настолько длиненъ, что сверкающую ленту рѣки мы увидѣли за 30 верстъ и ночевали, не добравшись до ея береговъ. На другой день спустились къ ея берегамъ широкой степной долиной и

скоро увидѣли, что на всемъ пространствѣ,какое только можно окинуть взглядомъ, Селенга обросла толстыми ветлами, придававшими мѣстности видъ уголка изъ средней Россіи. Дороги къ рѣкѣ не было видно,а намъ нуженъ былъ перевозъ. Рѣшили поѣхать къ юртамъ, которыя въ изобиліи стояли вдоль берега. Рѣка сильно разлилась, наполнила всѣ старыя протоки, ямы, низины, кругомъ была вода, красиво обрамленная травой, отовсюду вылетали стаи утокъ и крохалей. На луговинкахъ расхаживали въ огромныхъ количествахъ журавли; они совершенно не стѣснялись проходившихъ и проѣзжающихъ людей. Около одной изъ юртъ монгольская семья была занята выдѣлкой кочмы: одинъ монголъ каталъ валъ, которымъ уплотняется разостланная шерсть, а остальные члены семьи—и старые, и малые,—завтракали на свѣжемъ воздухѣ. На нашъ вопросъ о перевозѣ, монголы дали намъ безусловно ложныя свѣдѣнія, пославъ насъ къ такому мѣсту рѣки, гдѣ на берегу валялись двѣ старыя выдолбленныя колоды, а внизу бурлила и шумѣла мутная Селенга. За Селенгой шли еще двѣ широкія протоки. Монголы брались доставить насъ на своихъ колодахъ только до перваго берега, покрытаго лѣскомъ, а тамъ мы должны были брести еще двѣ рѣки, при чемъ монголы сомнѣвались, удастся ли намъ тамъ перейти разгулявшуюся воду. Положеніе наше было не изъ завидныхъ. На нашъ вопросъ, какъ же другіе переправляются черезъ такую рѣку, мы получили отвѣтъ, что вотъ уже двѣ недѣли, какъ никто здѣсь не проѣзжалъ. Нечего было и думать пускаться въ опасное плаваніе, почти на вѣрную гибель. Выхода пока не предвидѣлось, мы стали готовить обѣдъ, убили крохаля на жаркое, а въ это время верхомъ на одномъ конѣ подъѣхали два молодыхъ и здоровыхъ ламы съ своими привѣтами, любопытствомъ и хорошимъ аппетитомъ. Получивъ отъ насъ угощеніе, ламы сообщили, что верстахъ въ трехъ имѣется настоящій перевозъ, туда и надо ѣхать. Ламы оказались перевозчиками. Съ ними вмѣстѣ мы поѣхали на настоящій перевозъ, въ то мѣсто рѣки, гдѣ она подходила къ огромному и красивому утесу. Ламы были правы: имѣлся настоящій перевозъ, т. е. на берегу валялись четыре хорошихъ тополевыхъ колоды, которыя можно было связать въ видѣ небольшого плота, что мы и сдѣлали, пустивъ въ ходъ наши веревки. На одномъ берегу, рядомъ съ полосой голыхъ камней, развертывался чудный видъ на тополевую рощу, а на другой сторонѣ виднѣлся утесъ и крутой подъемъ. Переѣхали съ большими хлопотами и съ огромной потерей времени, заплативъ перевозчикамъ пять рублей за три телѣги. Въ то время, когда съ мучительной медленностью происходилъ перевозъ по очень глубокой и быстрой рѣкѣ, на бе-

регу очутился какой-то монголъ съ музыкальнымъ инструментомъ и сталъ славить добродѣтель проѣзжающаго русскаго „нойна“, за что, конечно, получилъ соотвѣтствующій гонорарь. Лошадей и здѣсь пускали вплавь, но въ виду быстроты теченія ихъ пришлось переплавлять на привязи рядомъ съ колодой, причемъ монголы и наши спутники поддерживали лошадей за узду, чтобы онѣ не захлебнулись. А въ томъ мѣстѣ рѣки, гдѣ шесты, которыми монголы упирались въ дно рѣки, не доставали земли, монголъ выбиралъ лошадь посильнѣе, отпускалъ ее впередъ, а самъ схватывался за ея хвостъ и лошадь, толкаемая инстинктомъ самосохраненія, тащила нашу утлую ладью къ берегу. Обыкновенно, плотъ относился на полверсты внизъ по водѣ.

Въ то время, когда мы были на Селенгѣ, эта рѣка безусловно была судоходной, доступной для небольшихъ пароходовъ и баржъ. Но въ данномъ случаѣ въ наличности были чрезвычайныя условія: дожди шли недѣлями. Монголы говорили, что рѣка порою сильно мелѣетъ. Тѣ же монголы разсказывали, что они не такъ давно видѣли на Селенгѣ настоящій пароходъ. Сначала мы приняли это сообщеніе за плодъ фантазіи, но потомъ оказалось, что, дѣйствительно, владѣльцы троицкосавскаго пароходства по русской Селенгѣ—фирма Коковина и Басова—сдѣлала попытку пробраться съ маленькимъ пароходикомъ по монгольской Селенгѣ. Не знаемъ, къ чему приведутъ эти попытки, но было бы очень полезно установить это водное сообщеніе, такъ какъ оно способно замѣнить дорогой сухопутный трактъ изъ этихъ богатыхъ районовъ на Кяхту - Троицкосавскъ.

Съ Селенги нашъ путь лежалъ къ рѣкѣ Орхону. Сліяніе монгольской Селенги и Орхона даетъ въ предѣлахъ Россіи Большую Селенгу. По пути къ Орхону, намъ пришлось пересѣчь нѣсколько притоковъ Селенги, одинъ изъ которыхъ, Хануй-голъ, надолго останется въ памяти. Хануй составляется изъ ряда маленькихъ рѣчекъ и представляетъ третьестепенную рѣку, переправа черезъ которую въ нормальныхъ условіяхъ не составляетъ никакого труда. Но осенью 1910 года и небольшія рѣки сдѣлались большими. Разсказывали, что одинъ большой китайскій обозъ простоялъ на Хануѣ около мѣсяца. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы должны были пересѣчь Хануй, онъ течетъ среди каменныхъ утесовъ, какъ въ трубѣ, такъ что всякая прибыль воды приводитъ къ тому, что рѣка вздувается и дѣлается бурной и быстрой. Спуски страшно крутые, дно покрыто огромными камнями. Къ Хануе мы подъѣхали 10 августа подъ вечеръ, и по дорогѣ отъ монголовъ слышали, что эта рѣчка способна причинить намъ большія непріятности. Перевоза на Хануѣ нѣтъ, такъ какъ обычно рѣка вполнѣ доступна броду.

Хануй увидишь только тогда, когда подъѣдешь къ нему вплотную, когда встанешь на вершинѣ окружающихъ его утесовъ. На берегу стоятъ юрты. Травы почти нѣтъ даже въ дождливое лѣто. Луга покрыты, какъ это часто бываетъ въ Монголіи, рѣдкой травкой, густо перемѣшанной съ полынью. Мы наняли двухъ верховыхъ монголовъ, чтобы они испробовали бродъ. Монголъ, снявъ сапоги, поѣхалъ на своей лошади по обычному броду и скоро былъ снесенъ съ сѣдла, несчастный еле-еле успѣлъ схватиться за хвостъ лошади, которая и вынесла его на берегъ. Ясно было, что съ телѣгами въ этомъ мѣстѣ не проѣдешь. Попробовали другое мѣсто, но и здѣсь положеніе было немногимъ лучше. Такъ какъ было уже поздно, то рѣшили, что утро вечера мудренѣе. Спустились съ косогора къ самой рѣкѣ, гдѣ по берегу была кое-какая трава и встали на ночь. Замѣтили воду. Утромъ, выспавшись подъ шумъ быстрой воды, съ тревогой замѣтили, что вода еще прибыла вершка на два, хотя дождя не было и порою выглядывало солнце. Нужно было или ждать спада воды, или рискнуть. Рѣшили рискнуть. Опять обратились къ монголамъ, велѣли имъ взять побольше палокъ. Этими палками устлали телѣги по грядкамъ, такъ, чтобы вода не хватала верха, разостлали на палки брезенты, на брезенты положили поклажу, а на поклажѣ размѣстились сами. За грядку телѣги привязали веревки, которыя передали верховымъ монголамъ: монголы должны были поддерживать телѣги, чтобы ихъ не опрокинуло напоромъ теченія,—и тронулись въ опасный путь. Достаточно было того, чтобы подъ верхнее колесо попалъ большой камень, и телѣга неминуемо перековырнулась бы и все „сооруженіе" съ живымъ грузомъ завертѣлось бы въ волнахъ. Прибой теченія шелъ къ неприступному утесу. Но намъ повезло, въ концѣ концовъ мы попали на другой берегъ. На другомъ берегу новыя заботы: нужно было распречь лошадей, вывести ихъ на верхъ, затѣмъ по крутому подъему вывезти на себѣ телѣги и перенести вещи. Все это заняло много времени: съ утра до обѣда, который и былъ съѣденъ съ компаніей монголовъ, помогавшихъ и словомъ, и дѣломъ.

Въ это время на противоположномъ берегу Хануя показалась живописная группа туземцевъ, кто на лошади, кто на верблюдахъ. Рядомъ гнали табунъ лошадей и отару овецъ. Очевидно, путешественники точно также слышали о трудностяхъ переправы, а поэтому они стали кричать на нашу сторону, справляясь о результатахъ нашей попытки. Получивъ успокоительные отвѣты или,—вѣрнѣе, жесты,—верхомъ переправляться было гораздо легче,—путешественники тронулись по нашимъ стопамъ. Сначала перебрелъ

овцы, которыя въ общемъ прекрасно плаваютъ, только во время брода ихъ относитъ очень далеко. Затѣмъ перегнали табунъ лошадей и, наконецъ, пустили въ воду груженныхъ верблюдовъ. Высокимъ верблюдамъ было не трудно перебрести Хануй. Во время переправы изъ верблюжьяго груза раздался дѣтскій плачъ; оказалось, что по бокамъ верблюдовъ висятъ рѣдко сплетенныя корзины, въ которыхъ у насъ возятъ на базаръ куръ. Въ этихъ корзинахъ сидѣли маленькія дѣти,—году, двухъ лѣтъ отъ роду. За верблюдами пошли осѣдланныя лошади. На лошадяхъ были люди разнаго возраста и пола: старые и молодые, бабы, дѣвушки, ребята разнаго возраста. Нѣкоторые путешественники были такъ малы, что къ своимъ сѣдламъ они были привязаны кушаками. Насъ заинтересовалъ этотъ огромный караванъ. Но вопросы, обращенные къ первымъ переѣхавшимъ мужчинамъ, остались безъ отвѣта, по той простой причинѣ, что переѣхавшіе не понимали монгольскаго языка. На привѣтъ „сайнъ байна“ (будь здоровъ), они отвѣтили тѣмъ же привѣтомъ—и дальше показывали пальцами на монгола, который въ это время былъ еще въ рѣкѣ. Этотъ монголъ объяснилъ, что путешественники—урянхайцы или сойоты, ѣдутъ они въ Ургу на богомолье, а онъ, монголъ, является ихъ проводникомъ и переводчикомъ. Взялся онъ за это дѣло охотно потому, что онъ—торговецъ и у него есть въ Ургѣ дѣла. Прибрежные монголы подозрительно смотрѣли на урянхайцевъ, а тѣ на монголовъ. Затѣмъ нѣсколько дней намъ пришлось ѣхать вмѣстѣ съ урянхайцами, такъ какъ цѣль поѣздки у насъ и у нихъ была одна и та же—Урга. Но затѣмъ мы рѣшили обогнать этотъ караванъ, такъ какъ по дорогѣ воды попадалось все меньше и меньше, и стоило только около какого нибудь ключа встать на ночь, какъ моментально воду или вычерпывали, или мутили такъ сильно, что ее нельзя было пить.

Урянхайцы ѣхали изъ своей земли уже мѣсяца два, съ ними шелъ табунъ лошадей, изъ котораго то и дѣло смѣняли лошадей, бывшихъ подъ сѣдломъ; пищей служили бараны, взятые изъ дома. Часть табуна и отары предназначалась на жертвы въ Ургѣ.

Воды по дорогѣ было такъ мало, что разъ пришлось искать ее при помощи раскопокъ въ оврагѣ. Часто приходилось довольствоваться водою изъ простыхъ лужъ, при чемъ вода была до того грязна, что пили ее съ грѣхомъ пополамъ, но умываться такой водой не рѣшались. Около юртъ иногда были колодцы, но монголы во время дождей довольствуются водой изъ лужъ, а вода въ колодцѣ загниваетъ. Не разъ приходилось видѣть, какъ монголка начерпываетъ ковшомъ воду изъ глубокой лужи, и эта вода грязна до невозможныхъ предѣловъ, такъ какъ лужа находится на дорогѣ. Мы стара-

лись находить лужу подальше отъ дороги. Но прозрачной воды не приходилось видѣть очень долгое время. Попадались озера и пруды молочнаго цвѣта, съ красивыми перламутровыми переливами. За то лошади время отъ времени находили прекрасный кормъ.

Въ области Орхона, на его притокѣ Ачіуту, мы заѣхали въ огромную хурэ Дайчинъ-вана. Эта хурэ у монголовъ считается второй послѣ колоссальнаго Ургинскаго монастыря. Къ хурэ пришлось спуститься чрезвычайно высокимъ переваломъ, на вершинѣ котораго, по монгольскому обычаю, стоитъ обо, т. е. холмъ камней, сложенный благочестивыми путешественниками-монголами. Около Улясутая, на перевалѣ отъ города въ сторону крѣпости, такое обо выше человѣческаго роста, на вершинѣ устроено нѣчто въ родѣ часовеньки, всюду навѣшаны ленточки съ молитвами. На обо около хурэ Дайчинъ-вана къ бокамъ насыпи привалены большія каменныя плиты съ красиво написанными словами молитвы. Иногда на ровныхъ мѣстахъ можно встрѣтить другое сооруженіе, напоминающее проѣзжающему о Богѣ. Ставятъ двѣ палки съ перекладиной, на этой перекладинѣ въ видѣ широкой доски пишутъ слова молитвы. Монголъ, поравнявшись съ этими дорожными сооруженіями, творитъ обычно молитву. Монголъ, поднимающійся въ гору, беретъ съ дороги камень и несетъ его до обо, гдѣ и присоединяетъ поднятый камень къ насыпанному холму.

Общій видъ хурэ Дайчинъ-вана не бросается въ глаза своими красками, но кругомъ хурэ съ разныхъ сторонъ виднѣются бѣлыя часовеньки, рѣзко выдѣляющіяся на общемъ тускломъ фонѣ. Это — сувруки, сложенные изъ глины и ярко выкрашенные въ бѣлую краску. Монголы изъ хошуна Дайчинъ-вана гордятся своимъ суврукомъ, который недавно отстроили. Монголы говорили о томъ, какъ долго строился этотъ памятникъ-часовня, какъ высокъ онъ, при чемъ опредѣляли его высоту завѣдомо неправильно, увеличивая размѣры памятника по меньшей мѣрѣ вдвое. Для Монголіи, привыкшей къ низенькимъ юртамъ, къ одноэтажнымъ фанзамъ, къ очень невысокимъ храмамъ, всякое зданіе, немного выходящее за предѣлы обычнаго размѣра, кажется, конечно, въ высшей степени замѣчательнымъ и очень высокимъ. Тѣ монголы, которые бывали въ Бійскѣ, говорили, что такое великолѣпіе имъ и во снѣ не снилось. Монголы, заходившіе въ русскую церковь въ томъ же Бійскѣ, во время богослуженія, умилялись до восторженныхъ слезъ...

Хурэ Дайчинъ-вана плотнымъ кольцомъ окружено китайскими постройками, среди которыхъ теряются три русскихъ фирмы. Такъ какъ монахи живутъ въ небольшихъ домахъ, то при огромномъ числѣ ламъ, большая хурэ имѣетъ обыкновенно видъ широко раски-

пувшагося посада. Всюду снуютъ ламы, ихъ сразу узнаешь потому, что у ламы нѣтъ обычной косы, украшающей и мужчинъ, и дѣвушекъ (женщины носятъ особыя прически). Хуре Дайчинъ-вана является довольно значительнымъ торговымъ центромъ китайской торговли. Русскихъ фирмъ здѣсь три: Шергина изъ Троицкосавска (торгуетъ въ компаніи съ китайской фирмой), Могильникова и отдѣленіе фирмы Коковина и Басова. Время отъ времени сюда наѣзжаютъ представители иностранныхъ экспортныхъ фирмъ. Русскіе, какъ и вездѣ, свою задачу сводятъ, главнымъ образомъ, къ закупкѣ сырья, шерсти и сурка. Правда, у одной фирмы есть небольшая лавка съ товарами изъ Россіи и съ товарами, купленными у китайцевъ. На рѣкѣ Ачіугу стоятъ три мойки. Какъ и вездѣ, русскіе и здѣсь не имѣютъ права постройки, и въ томъ домѣ, гдѣ жилъ русскій торговецъ, къ которому мы заѣхали, отношенія собственности и владѣнія на недвижимое имущество сложились слѣдующимъ образомъ: торговецъ выстроилъ хорошую фанзу на имя мѣстнаго князя. Эта постройка обошлась въ 1½ тысячи рублей. Когда торговецъ задумаетъ уѣхать изъ хошуна, то домъ остается безъ всякаго вознагражденія въ рукахъ князя.

Чѣмъ ближе къ Ургѣ, тѣмъ русскихъ встрѣчаешь все меньше, и меньше. Объясняется это явленіе тѣмъ, что русскіе, издавна осѣвшіе въ Ургѣ, долгое время вели тамъ только городскую торговлю, не выѣзжая въ хошуны, какъ это съ давнихъ поръ дѣлали бійцы въ районахъ Кобдо и Улясутая. Бійцы говорили, что это они растолкали ургинцевъ и заставили ихъ выѣзжать въ хошуны. Крупныя фирмы изъ Кобдо и Улясутая имѣютъ своихъ комиссіонеровъ въ Ургѣ, такимъ образомъ, Ургинскій районъ находится въ довольно тѣсной связи съ интересами русской торговли Кобдинскаго и Улясутайскаго округовъ. Эта связь поддерживается не только въ силу стремленія захватить въ руки побольше сырья, но и потому, что монгольскій рынокъ характеризуется крайнимъ разнообразіемъ цѣнъ, и купецъ, хорошо понимающій дѣло и имѣющій свободныя оборотныя средства, стремится закупать сырье по пестрымъ цѣнамъ: въ одномъ мѣстѣ подороже, въ другомъ—подешевле. Такими разнообразными закупками онъ отчасти страхуетъ свои окончательные результаты, которые находятся въ зависимости отъ ликвидаціонныхъ зимнихъ цѣнъ на ирбитской ярмаркѣ или въ томъ же Бійскѣ и Кяхтѣ, куда пріѣдутъ скупщики для заграницы. При хаотическомъ состояніи монгольскаго рынка сырья купецъ вынуждается вставать въ позицію иностраннаго рантье, покупающаго различныя категоріи процентныхъ бумагъ для того, чтобы обезопасить себя отъ возможныхъ потерь на бумагѣ ка-

кой-либо одной категоріи. По направленію къ Ургѣ сырье дорожаетъ, но за то дешевѣетъ чай и серебро. Тутъ уже вполнѣ возможны различныя спекуляціи и комбинаціи.

Отъ Дайчинъ-вана хурэ до Орхона нѣсколько часовъ ѣзды по высокому перевалу. Въ долинѣ Орхона встрѣчаются посѣвы хлѣбовъ, радующіе глазъ своимъ прекраснымъ видомъ. Нашъ кучеръ изъ хлѣбородной части бійскаго уѣзда говорилъ ,что такихъ хлѣбовъ у нихъ нѣтъ. На большія пространства разстилались поля съ золотистой пшеницей. Поля тѣсно подходятъ къ самой рѣкѣ, которую мы и переѣхали, застигнутые на ней ливнемъ съ градомъ и вѣтромъ, на обычныхъ колодахъ. Здѣсь перевозъ держится отъ имени хошуна и мѣстные жители, монголы, китайцы и русскіе, переѣзжаютъ къ рѣкѣ безплатно. Орхонъ—большая и красивая рѣка.

Отъ Орхона мы уже спустились внизъ къ той дорогѣ, которая соединяетъ Улясутай и Ургу. Здѣсь русское вліяніе почти совершенно отсутствуетъ, это—мѣсто, спѣшно занимаемое китайцами. Неожиданно въ глуши какой-нибудь огромной долины выростаетъ передъ нами китайская фанза, окруженная, какъ крѣпость, высокимъ частоколомъ; то и дѣло попадаются пашни, обработанныя на славу, около пашни опять китайская заимка. По дорогѣ можно встрѣтить нескончаемый обозъ китайскихъ товаровъ. Товары нагружены на двуколки самой примитивной формы, двуколки запряжены быкомъ или сарлыкомъ, чаще всего огромнымъ тяжелымъ быкомъ. Одна изъ телѣгъ устроена въ видѣ крытой повозки, тамъ сидитъ китаецъ—начальникъ каравана. На перевозахъ сталкиваешься съ китайцами, всадники, которые попадаются по дорогѣ, тоже часто оказываются китайцами. И это неудивительно, если принять во вниманіе, какая масса китайцевъ живетъ въ Ургѣ, въ Ургинскомъ маймаченѣ, въ Кяхтинскомъ маймаченѣ, и сколько ихъ въ фанзахъ, разбросанныхъ между Ургой и Кяхтой и по всему Ургинскому району. Изрѣдка попадались по дорогѣ китайскія власти. Одна картина возбудила въ нашемъ караванѣ живѣйшій интересъ: какой то китайскій чиновникъ ѣхалъ въ двуколкахъ, запряженныхъ верблюдами, маленькая двуколка и огромный верблюдъ производили самое странное впечатлѣніе. Оригинальный караванъ подъѣхалъ къ высокому обрыву и остановился въ раздумьѣ, что́ дальше дѣлать; постоявъ, верблюды поворотили вдоль обрыва.

На одномъ изъ переѣздовъ мы встрѣтили маленькій монгольскій монастырь, напомнившій намъ русскую пустыньку, затерянную въ глуши лѣсовъ и луговъ. Въ полномъ одиночествѣ, вдали

Видъ въ Зап. Монголіи (озеро Шаръ-Нуръ близъ Кобдо).

Перевозъ черезъ рѣку Орхонъ.

отъ юртъ и китайскихъ фанзъ, чернѣлись небольшія постройки, старательно обнесенныя частоколомъ. Монголы говорили, что здѣсь у нихъ устроенъ храмъ на мѣстѣ чудеснаго явленія нерукотвореннаго бурхана Будды. Такъ какъ кругомъ миніатюрнаго хурэ не было обычныхъ торговыхъ помѣщеній, то хурэ производило самое пріятное впечатлѣніе. Мы рѣшили зайти туда. Послали переводчика поднести начальнику хурэ хадакъ и тотъ-часъ же получилы доступъ въ монастырь. Это—самый маленькій изъ видѣнныхъ нами монгольскихъ монастырей. Прежде всего старшій лама провелъ насъ къ себѣ въ жилище, гдѣ и поднесъ отвѣтный хадакъ. Жилище стараго ламы отличалось большой чистотой. Это была просторная, довольно свѣтлая комната, по стѣнамъ стояли широкія скамьи, устланныя кочмою. Убранство комнаты было совершенно скромное, въ ней почти не было вещей. Молодой лама принесъ мѣдный кувшинъ съ чаемъ, монгольскихъ сыровъ, при чемъ сыръ былъ свѣжій, мягкій и довольно вкусный. Это былъ овечій сыръ. Послѣ чая пошли въ храмъ, гдѣ въ глубокой нишѣ въ полной почти темнотѣ стоялъ большой бурханъ, высѣченный изъ камня. Работа была довольно неискусная. Кругомъ бурхана, обвѣшаннаго шелковыми лентами, было такъ темно, что пришлось, по предложенію ламы, зажечь спички, чтобы разсмотрѣть изображеніе Будды. Послѣ осмотра небольшого и весьма опрятно содержимаго храма снова вернулись въ жилище ламы, распростились съ нимъ: старикъ, не смотря на то, что на дворѣ лилъ осенній дождь, вышелъ за ворота обители, чтобы проводить своихъ гостей.

Съ уставшими лошадями, подъ вѣчнымъ дождемъ, подвигались мы къ Ургѣ. Лѣса становились рѣже, все чаще и чаще открывались громадныя долины, по которымъ въ изобиліи расхаживали журавли и красивыя дрофы. Съ водой по прежнему бѣдствовали.

И здѣсь Монголія заселена крайне рѣдко, по крайней мѣрѣ, въ той полосѣ, которая была доступна нашему наблюденію. Жители, къ которымъ намъ все время приходилось обращаться за дровами и за баранами, были, какъ и вездѣ, привѣтливы. При остановкахъ на ночь, знакомства съ юртами, гдѣ нашимъ путникамъ приходилось сушить насквозь промокшую одежду и обувь, кончались тѣмъ, что монголы часто звали пріѣзжать еще разъ и не забывать старой дружбы. Эту дружбу подогрѣвали маленькіе подарки изъ тѣхъ вещей, ничего часто не стоющихъ, которыя становились ненужными экспедиціи. Та Монголія, которая производила на насъ пріятное впечатлѣніе, Монголія въ области рѣкъ Мурина, Эдера, Селенги и Орхона, отходила здѣсь въ область преданій. Ясно было, что мы снова въѣхали въ раззоренные хошуны, и нужно отдать спра-

ведливость Ургинскому монастырю, что это обнищаніе произошло не безъ его участія. Русскихъ торговцевъ здѣсь по дорогѣ мы не встрѣтили ни одного. Здѣсь хозяйничають ламы и китайцы.

Незадолго передъ въѣздомъ въ Ургу пришлось переѣхать рѣку Тола, которая подъ дѣйствіемъ дождей превратилась въ очень большую и глубокую рѣку. Здѣсь былъ обычный монгольскій перевозъ съ крайне нелюбезными перевозчиками. На перевозчикахъ, которые были, кажется, ламами, ясно сказывалось пригородное вліяніе. Вообще ламы, какъ типъ, менѣе привлекательны, чѣмъ простые монголы, особенно ламы, живущіе въ монастыряхъ. Перевозчики сначала сказали, что у нихъ сломались шесты, которые необходимы для отталкиванія плота, затѣмъ стали тянуть съ перевозомъ, предлагали купить у нихъ барана по несуразной цѣнѣ и т. д. И только послѣ того, какъ имъ показали нашъ китайскій паспортъ и заявили, что ихъ дѣйствія толкаютъ насъ на жалобу, ламы пришли къ перевозу, стали смиренно кланяться въ ноги и немедленно перевезли насъ на другую сторону. Эти гнущіяся спины, полныя глупаго задора, произвели самое отталкивающее впечатлѣніе.

Плотъ подошелъ къ какому-то островку, а далѣе нужно было ѣхать чуть-ли не версту по водѣ, разлившейся, правда, не очень глубоко, по долинѣ. И все это подъ такимъ сильнымъ дождемъ, что мы не могли сварить даже чаю: дождь гасилъ огонь. Спаслись тѣмъ, что подъ ливнемъ поставили палатку и нагрѣли воду на спиртѣ. Въ палаткѣ набралась масса монголовъ, мокрыхъ и грязныхъ, но на улицѣ было такъ плохо, что пришлось терпѣливо перенести это непріятное положеніе.

Дождь на Толѣ былъ послѣднимъ испытаніемъ нашего терпѣнія, потянуло на ведро и къ Ургѣ мы подъѣзжали въ хорошій день. Это былъ первый солнечный день послѣ долгаго ненастья.

Урга, или, какъ ее называютъ сами монголы, Да-хурэ, Богдо-Хурэ, т. е. высокая хурэ,—одинъ изъ крупнѣйшихъ монгольскихъ городовъ. Урга отличается отъ Кобдо и Улясутая въ томъ отношеніи, что она —всецѣло монгольское созданіе; центромъ Урги являются ея знаменитые монастыри, душою Урги является богдо-гыгенъ, перевоплощеніе высшаго существа. Урга долгое время отталкивала отъ себя насѣдавшихъ на нее китайцевъ, которые основали и населили и Кобдо, и Улясутай. Урга съ ея святынями, живыми и мертвыми, съ ея несомнѣннымъ политическимъ значеніемъ, была символомъ монгольскаго единства, воплощеніемъ надеждъ на возстановленіе утраченной независимости. Но все это —въ прошломъ. Теперь Урга —крупный торговый центръ Монголіи. Монастыри

обросли лавками китайцевъ и русскихъ, подъ самыми стѣнами монастырей раскинуты огромные базары. Улясутай и Кобдо возникли для оптовой крупной торговли, отсюда товары и приказчики направляются по всѣмъ хошунамъ, сюда изъ хошуновъ стягивается монгольское сырье. Урга съ давнихъ поръ стягиваетъ не сырье, а живой потокъ людей, которые приходятъ за благословеніемъ къ хутухтѣ или богдо-гыгену. Вслѣдствіе этого торговля Урги получила своеобразный характеръ: здѣсь доминируетъ розничная торговля. Сотни тысячъ народа, которыя стекаются въ Ургу на богомолье, являются хорошими покупателями различныхъ товаровъ. Паломники приходятъ не съ пустыми руками, имъ нужны подарки для хутухты, имъ нужно отвезти что нибудь домой. И къ ихъ услугамъ огромное количество самыхъ разнообразныхъ лавокъ съ пестрымъ выборомъ товаровъ русскаго, китайскаго, американскаго, японскаго и нѣмецкаго издѣлія.

Собственно говоря, торговый городъ находится далеко отъ ургинскихъ монастырей, съ ихъ позлащенными главами, съ башнями, съ тріумфальными арками. Отъ монастырей нужно проѣхать три—четыре версты, чтобы добраться до китайскаго торговаго города, который слыветъ подъ именемъ маймачена. Мѣстность же около монастырей, вся занятая лавками и базарами, носитъ характеръ торговаго посада, а не города. Здѣсь ясно и рѣзко обозначается доминирующее положеніе монастыря съ его огромнымъ монашескимъ населеніемъ.

Мы подъѣхали къ Ургѣ съ западной стороны и попали въ предмѣстье, гдѣ было много монгольскихъ юртъ, утопавшихъ въ грязи. Рѣка Тоола, на которой стоитъ Урга, бушевала здѣсь сильно: снесла мостки, заливала дорогу, размыла берегъ, такъ что нѣкоторые деревянные дома повисли краемъ надъ водой. Такой грязи, какая была на всѣхъ улицахъ Урги, мы до сихъ поръ нигдѣ не видали. Колеса вязли, лошади еле вытаскивали ноги. Грязь пропитана навозомъ, человѣческими экскрементами, отовсюду идетъ вонь. На улицахъ ѣдетъ и идетъ множество людей, перемѣшивая всю эту вонючую грязь. Въ смыслѣ построекъ Урга представляетъ самую разнообразную смѣсь: здѣсь и китайскія фанзы, и русскіе дома, нѣкоторые изъ нихъ сдѣланы очень хорошо и имѣютъ видъ хорошихъ городскихъ домовъ; здѣсь же и монгольскія юрты. Отдѣльныя юрты страннымъ образомъ воспринимаютъ въ себя элементы городской осѣдлости: вмѣсто распахивающейся двери изъ войлока устроена деревянная дверь на косякахъ и къ ней устроено нѣчто въ родѣ параднаго крыльца. Всѣ эти постройки перемѣшаны. Рядомъ съ фанзой русскій дворъ, а въ русскомъ дворѣ стоятъ мон-

гольскія юрты. Если въ Кобдо и Улясутаѣ характернымъ является полное преобладаніе въ предѣлахъ города китайцевъ, то здѣсь, въ Ургѣ, тонъ всему даютъ монголы. Монголы вездѣ, куда ни взглянешь, и среди нихъ вкраплены китайцы и русскіе. Въ одинъ изъ вечеровъ надъ Ургой зашла огромная туча и разразилась гроза съ страшными раскатами грома. Было темно, какъ ночью. Фонарей въ огромномъ городѣ нѣтъ. И каждый ударъ грома сопровождается крикомъ „а-а-а!!",—это монголы выражаютъ свой страхъ передъ грозой. Судя по этому крику въ Ургѣ было великое множество монголовъ. Но никто не знаетъ, сколько въ Ургѣ жителей, сколько домовъ, сколько русскихъ. На эти вопросы мѣстные жители даютъ самые противорѣчивые отвѣты.

Русскіе въ Ургѣ живутъ съ давнихъ временъ. Такъ какъ въ Ургѣ давно уже существуетъ россійское генеральное консульство, то и русскіе торговцы получили здѣсь право постройки. Поэтому Урга пестритъ русскими домами, сохраняющими русскій стиль. Русскіе не имѣютъ особаго квартала, хотя размѣщены приблизительно кучкой, недалеко отъ монастырей. Русскіе издавна живутъ въ Ургѣ, но, присматриваясь къ ихъ жизни, вы не можете отдѣлаться отъ страннаго впечатлѣнія, будто всѣ они только вчера пріѣхали въ Ургу и только начинаютъ устраиваться. Такъ, въ общемъ, ничтожно здѣсь ихъ вліяніе, такъ плохо они устроились. Русскіе въ остальной Монголіи, не имѣя правъ осѣдлости и построекъ, развили широкую дѣятельность, разбрелись по всѣмъ хошунамъ, а здѣсь они сидятъ въ своихъ домахъ, утопающихъ въ навозѣ. Особыя условія ургинскаго быта наложили свой отпечатокъ: русскіе въ Ургѣ имѣютъ въ большинствѣ случаевъ только городскія лавки. Немногіе изъ нихъ за послѣднее время стали выѣзжать въ хошуны, нѣкоторые, въ виду общаго упадка русской торговли, позакрывали свои лавки. Нѣкоторые сдѣлались комиссіонерами русскихъ изъ Западной Монголіи. Такъ какъ русскихъ въ Ургѣ довольно много, то среди нихъ должны были возникнуть потребности взаимнаго общенія. Но попытки устроить русскій клубъ закончились неудачей. А вѣдь въ Ургѣ русскіе живутъ круглый годъ, совсѣмъ почти не выѣзжая въ Россію, такъ какъ у многихъ есть свои дома, семьи, хозяйства. Есть русскіе, которые родились въ Ургѣ и ни разу не были въ Россіи, хотя прожили не одинъ десятокъ лѣтъ на свѣтѣ. Центромъ русской сплоченности могло бы быть русское консульство. Это консульство обставлено сравнительно прилично. Оно находится на полъ-дорогѣ между Ургой и Маймаченомъ. Оно занимаетъ большой каменный домъ, тутъ-же, рядомъ помѣщается почтово-телеграфная контора, казармы для ко-

судьской казачьей сотни, тутъ же школа русско-монгольскихъ переводчиковъ. По сравненію съ Уліясутайскимъ консульствомъ Ургинское можетъ показаться великолѣпнымъ, какъ въ смыслѣ внѣшней обстановки, такъ и въ смыслѣ организаціи: кромѣ генеральнаго консула имѣется секретарь, драгоманъ, офицеръ, врачъ, церковь, духовенство, казаки, среди которыхъ много различныхъ ремесленниковъ. Это—настоящій русскій уголокъ, отгороженный отъ остального міра изорванными проволочными загражденіями и . оффиціальностью, что особенно мѣшаетъ консульству быть фактическимъ сосредоточіемъ русской колоніи. Въ концѣ концовъ получается, что русское консульство живетъ своей жизнью, поддерживая только личныя знакомства, а колонія остается сама по себѣ. И всѣ жалуются на отсутствіе сплоченности, поддержки, на неустройство и неуютъ жизни.

Какъ и въ другихъ монгольскихъ городахъ, въ Ургѣ русское купечество считается оффиціально сорганизованнымъ и имѣетъ торговаго старшину. Но эта организація не особенно удачна въ виду неполноты правъ ея самой и ея представителя. Въ остальныхъ городахъ, вдали отъ консула, купеческое общество и старшина все-же имѣютъ нѣкоторое значеніе и играютъ нѣкоторую роль, а здѣсь вся эта организація поглощена авторитетомъ консульства, которое совершенно напрасно не развивало самодѣятельности и иниціативы купечества.

Торговыя предпріятія русскихъ въ Ургѣ можно раздѣлить на нѣсколько категорій. Типичной лавкой будетъ торговля, оставшаяся отъ стараго времени, когда торговое дѣло заводилось въ разсчетѣ на сбытъ товаровъ въ монастырь и паломникамъ. Такая лавка помѣщается рядомъ съ домомъ, въ которомъ живетъ хозяинъ и имѣетъ совершенно городской характеръ. Лавка открывается утромъ и торгуетъ до вечера въ разсчетѣ на случайно заходящаго покупателя. Эта лавка по подбору товаровъ должна быть универсальной: въ ней странный подборъ товара, разсчитанный на капризный спросъ смѣшаннаго покупателя: здѣсь товары для русскихъ, для китайцевъ и для монголовъ. Въ такой лавкѣ вы можете встрѣтить нѣкоторые раритеты, разсчитанные на совершенно случайный спросъ. Этотъ случайный спросъ имѣетъ тѣсную связь съ пребываніемъ въ Ургѣ хутухты и съ обычаемъ подносить „живому богу“ подарки. А кромѣ того, и самъ хутухта является покупателемъ рѣдкихъ вещей, рѣдкихъ въ томъ отношеніи, что онѣ или совсѣмъ не пригодны для обихода, или впервые ввезены въ Монголію. Разсказывали, что хутухта, въ молодости не отличавшійся скромнымъ образомъ жизни, любилъ заѣзжать въ русскія лав-

ли . ць ему предлагали угощеніе. Хутухта, не торгуясь и ни о чемъ не думая, забиралъ массу товаровъ, аккуратно оплачивая длинные счета. Говорятъ, что двѣ—три русскихъ фирмы встали на ноги благодаря расточительности хутухты, не знавшаго счета деньгамъ, поступавшимъ къ подарокъ отъ благочестивыхъ поклонниковъ. Русскіе сами имѣли дѣла съ хутухтой, и, представляясь ему по дѣламъ, имѣли обычай дарить что-либо въ подарокъ. Въ лавкахъ и сейчасъ можно видѣть вещи, разсчитанныя на такой случайный спросъ. Но въ общемъ эти городскія лавки торгуютъ, конечно, на массового потребителя: здѣсь есть и русская, и иностранная мануфактура, занимающая двѣ—три полки, здѣсь есть кожа и ремни, гвозди, мѣдная и эмалированная посуда, стѣнные и карманные часы, чай, сахаръ, сигары изъ Манилы, шампанское изъ Америки или Франціи. Въ огромной лавкѣ троицкосавской фирмы Коковина и Басова есть полный подборъ галантереи, всевозможной бакалеи, мануфактуры, табаковъ, сигаръ, словомъ, лавка, которая обслуживаетъ прежде всего русскую колонію и представляетъ изъ себя маленькій универсальный магазинъ, столь типичный для оживленныхъ городовъ Россіи. Продавая товары, эта лавка не прочь скупить сырье, перепродать его и снова купить. Торгуя бакалеей и мануфактурой, лавка время отъ времени отходитъ у хозяина на задній планъ, потому что хозяинъ превращается въ прасола-скупщика. Во всѣхъ этихъ лавкахъ жалуются на „тихій ходъ" и съ грустью вспоминаютъ прошлыя времена. Этимъ „тихимъ ходомъ" въ значительной мѣрѣ и объясняется тотъ фактъ, что каждый лавочникъ неминуемо дѣлается скупщикомъ, иначе ему придется оставаться безъ дѣлъ; кругомъ такая огромная конкурренція китайскихъ лавокъ съ самымъ разнообразнымъ товаромъ, что можно еще удивляться, какъ эту конкурренцію выдерживаютъ русскіе торговцы. Но эти городскія лавки далеко не утратили своего смысла: у нихъ есть покупатели, но врядъ-ли небольшая лавка можетъ развиться въ большую; для этого нѣтъ соотвѣтствующихъ условій, развѣ только одна какая-нибудь лавка поглотитъ рядъ однородныхъ. Для сбыта товаровъ въ Монголіи наиболѣе подходитъ, именно, мелочная розничная лавка, имѣющая дѣло съ мелкимъ покупателемъ. Товары этихъ лавокъ можно встрѣтить по мелочамъ на монгольскомъ базарѣ.

Подвидомъ этой городской лавки будетъ такая же русская лавка, но проявляющая болѣе интереса къ сбыту товаровъ. Эта лавка не дожидается случайно заходящаго покупателя, которымъ и она, конечно, не брезгуетъ, но сама идетъ на базаръ и тамъ развертываетъ свои товары въ ларькахъ, вытянутыхъ въ рядъ: здѣсь китай-

цы, монголы, русскіе перемѣшались. Въ этихъ лавкахъ товаръ попроще, онъ разсчитанъ на демократическіе вкусы. Вообще, русской лавкѣ въ Монголіи нужно много еще „обмонголиться", приноровиться къ монгольскому вкусу и карману, дать товаръ дешевый и прочный, отвѣчающій въ то же время монгольскимъ эстетическимъ привычкамъ и вкусамъ. Русскія же лавки грѣшатъ въ противоположную сторону: онѣ пріучаютъ монгола къ русскому вкусу. Задача почтенная, но она должна быть побочной. Конечно, въ данномъ отношеніи менѣе всего повинны русскіе торговцы, которые даютъ монголамъ то, что они сами получаютъ отъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

Въ Ургѣ есть попытки производства товаровъ на мѣстѣ для мѣстнаго же сбыта. Пока-что это производство началось съ русской водки. Имѣется небольшой заводъ, перерабатывающій русскій безакцизный спиртъ, привезенный изъ Манчжуріи. Это производство, конкурирующее съ привозной русской водкой, русскимъ виноградньмъ виномъ и пивомъ и съ китайскими гоночными водками, главнымъ образомъ, обслуживаетъ русскихъ. Въ одномъ небольшомъ домикѣ съ большой вывѣской пріютилось производство искусственныхъ минеральныхъ водъ. Этимъ и ограничивается здѣсь русское производство, если не считать стоящаго въ сторонѣ отъ Урги кирпичнаго завода. Но указанныя попытки заслуживаютъ полнаго вниманія. Онѣ даютъ намекъ на то, что тѣ товары, которые выдѣлываются изъ туземнаго сырья или изъ русскихъ полуфабрикатовъ и отвѣчаютъ монгольскому спросу, могли бы съ успѣхомъ производиться здѣсь на мѣстѣ. Въ данное время монгольская кожа идетъ въ Кяхту, тамъ обдѣлывается и снова возвращается въ Ургу, гдѣ изъ нея приготовляютъ китайскими руками сапоги для монголовъ, сѣдла и т. д. Русскіе постепенно прививаютъ монголамъ вкусъ къ русскимъ валенымъ сапогамъ. Это кустарное производство съ успѣхомъ могло бы привиться и въ Монголіи, этой странѣ шерсти. Выдѣлка овчинъ, салотопенные заводы, маслодѣльни, все это такія отрасли промышленности, которыя имѣютъ много шансовъ на развитіе въ самой Монголіи. Не говоримъ о производствѣ жестяномъ, бочарномъ, телѣжномъ и т. д. Ремесленникъ, тѣмъ болѣе искусный, большая рѣдкость въ современной Монголіи, и ремесло имѣетъ тамъ опредѣленный спросъ, удовлетворяемый кое-какъ и въ три-дорога. Въ этомъ отношеніи ничего почти не сдѣлано даже въ Ургѣ, несмотря на близость къ Россіи и несмотря на то, что русскіе въ Ургѣ живутъ цѣлый вѣкъ.

Особнякомъ стоятъ тѣ русскіе торговцы, которые сами ничего не продаютъ, а ограничиваютъ свою дѣятельность одной лишь скупкой монгольскаго сырья. Обыкновенно это—агенты русскихъ фирмъ, а за послѣднее время къ нимъ примыкаютъ представители иностранныхъ фирмъ, имѣющія въ Ургѣ большія конторы, шерстомойни и посылающія своихъ довѣренныхъ и приказчиковъ по хошунамъ. Сюда же нужно присоединить группу торговцевъ, ведущихъ оптовую торговлю, какъ по скупкѣ сырья, такъ и по продажѣ фабрикатовъ. Часть торговцевъ, имѣющихъ городскія лавки, является въ то же время комиссіонной агентурой для русскихъ купцовъ изъ другихъ районовъ Монголіи. Нѣкоторые купцы ограничиваются только одной этой агентурой.

Словомъ, составъ ургинскаго русскаго торговаго класса довольно разнообразенъ и многочисленъ. Но и здѣсь русскіе тонутъ въ массѣ китайскаго торгующаго класса. Урга сама по себѣ представляетъ значительный рынокъ. По даннымъ китайской таможенной статистики общій торговый оборотъ Урги за послѣднее время составляетъ около 25 милліоновъ рублей. Ургинскіе монастыри ежегодно привлекаютъ огромныя массы богомольцевъ. Такіе покупатели всегда будутъ обращаться къ базарному и мелочному торгу. Слѣдовательно, усилія русскихъ по завоеванію ургинскаго рынка неминуемо должны считаться съ этимъ фактомъ. И тѣмъ не менѣе въ этомъ отношеніи въ Ургѣ русскіе не завоевываютъ, а наоборотъ—сдаютъ свои позиціи, сокращая число лавокъ и почти совсѣмъ не участвуя въ базарномъ торгѣ. Правда, за послѣднее время русскіе ургинцы стали направляться въ хошуны, но это стремленіе не оправдываетъ тѣхъ потерь, которыя безусловно русскіе потерпѣли на ургинскомъ рынкѣ. Ургинскій рынокъ, цѣнный самъ по себѣ въ количественномъ отношеніи, въ смыслѣ его внушительной емкости, цѣненъ, кромѣ того, и въ другомъ направленіи: здѣсь удобнѣе, нежели въ хошунахъ, пріучать монголовъ къ русскимъ товарамъ, приспособленнымъ къ монгольскимъ вкусамъ и потребностямъ, а, съ другой стороны, пріучать ихъ къ такимъ товарамъ, которые могли бы быть полезны и пригодны въ монгольскомъ быту. Здѣсь проходятъ монголы со всего края, здѣсь они осматриваютъ все, что попадаетъ на глаза, сюда паломники приходятъ съ деньгами и съ намѣреніемъ что-либо купить для дома. Здѣсь было бы весьма полезно устроить нѣчто въ родѣ постоянной выставки русскихъ товаровъ, русскихъ образцовъ и такимъ образомъ знакомить монголовъ съ нашими товарами. Огромная масса монголовъ никогда не видала русскихъ товаровъ, такъ какъ торговля, въ общемъ, почти вся находится въ рукахъ китайскихъ

купцовъ. Торговая экспедиція московскихъ купцовъ устроила выставку русскихъ товаровъ въ Ургѣ въ 1910 году, но эта выставка была устроена въ такомъ мѣстѣ, гдѣ ее не скоро найдешь и при томъ она была разсчитана на оптоваго покупателя. Передавали, что этой выставкой остались недовольны и русскіе, и китайцы. Непосредственно монголовъ эта выставка врядъ-ли имѣла въ виду.

Что значитъ умѣло подойти къ монгольскому рынку, показываетъ слѣдующій примѣръ. Въ отношеніи врачебной помощи Монголія находится въ самомъ печальномъ положеніи. Ни врачей, ни лекарствъ тамъ нѣтъ. Кое-что дѣлаютъ ламы и знахари, лекарства ввозятся китайцами и русскими, но это—самыя элементарныя лекарства, напр., сѣра, табарговая струя, рѣдко у кого-нибудь изъ русскихъ найдется еще что-нибудь. Монголы говорили намъ, что часто скотъ пропадаетъ у нихъ изъ-за того, что они не знаютъ, чѣмъ и какъ его полечить. О людяхъ и говорить нечего. И вотъ въ Ургѣ, гдѣ есть представители тибетской медицины и гдѣ при консульствѣ имѣется врачъ, фирма Коковина и Басова открыла недавно настоящую русскую аптеку, помѣщающуюся на видномъ и бойкомъ мѣстѣ. Кромѣ того, чтобы обезпечить хорошій сбытъ лекарствъ изъ этой аптеки, та же фирма организовала амбулаторный пунктъ, гдѣ каждый день больныхъ принимаетъ фельдшеръ. И дѣло сразу наладилось: въ аптеку и къ фельдшеру идутъ и монголы, и китайцы, и, конечно, русскіе. Аптека дѣлаетъ хорошія дѣла, несмотря на то, что цѣны тамъ сверхъ-аптекарскія. За флаконъ глицерина въ 20 коп. тамъ взяли съ насъ 60 коп. Подобные пункты съ аптечками было бы полезно основать въ монгольскихъ городахъ и крупныхъ хурэ. Здѣсь можно было бы подавать помощь и медицинскую, и ветеринарную. Кромѣ простой выгоды и пользы для самихъ же русскихъ, это дѣло было бы проявленіемъ того культурнаго вліянія, которое должна же оказать страна съ болѣе высокой и развитой цивилизаціей.

Китайцы изъ Урги сдѣлали себѣ хорошую резиденцію. Они рядомъ съ Ургой населили цѣлый городъ-Маймаченъ, около котораго можно видѣть колоссальныя количества одноколокъ, что говоритъ объ усиленномъ транспортѣ китайскихъ товаровъ въ Ургу и изъ Урги. Кромѣ Маймачена китайцы облѣпили своими магазинами и лавками ургинскіе монастыри и ургинскіе базары. Маймаченъ имѣетъ цѣлый рядъ улицъ съ обычными китайскими лавками. Тамъ есть китайскія кумирни съ красивыми арками и кругомъ многочисленныя лавки, имѣющія растворы и на улицу, и на дворъ. Въ Маймаченѣ находится и китайскій эмиссіонный банкъ, бумажки котораго быстро вытѣснили въ Ургѣ русскія деньги и сдѣлались

хорошимъ знакомъ. Мы были въ гостяхъ у этихъ банкировъ. Въ другой лавкѣ, помѣщающейся около самой кумирни, хозяева-китайцы были очень любезны, охотно разсказывали о своихъ дѣлахъ и горько жаловались на Россію, которая ввела пошлины на китайскіе товары, убивъ, между прочимъ, много торговыхъ фирмъ, занимавшихся ввозомъ шелковой матеріи. Видно было, что китаецъ съ трудомъ скрывалъ крѣпкую непріязнь къ „Россіи“ за это мѣропріятіе, нанесшее вредъ и его дѣлу. Ургинскій Маймаченъ производитъ болѣе пріятное впечатлѣніе, нежели Кяхтинскій: здѣсь и чище, и просторнѣе. Лавки имѣютъ опрятный видъ, много красивыхъ дворовъ. Есть намеки на площади и проспектъ, по которому двигались китайцы большой гурьбой, такъ какъ во время нашего посѣщенія изъ одной кумирни раздавались звуки китайскаго „Си“.

Ламы, населяющіе во множествѣ ургинскіе монастыри, долгое время противились тому, чтобы китайцы открывали свои лавки около самыхъ монастырскихъ стѣнъ. Но сейчасъ трудно сказать, что придаетъ колоритъ Ургѣ, ея ли монастыри, или торговая посадская жизнь. Эта торговая жизнь наполняетъ всю Ургу: торгуютъ въ постоянныхъ лавкахъ и магазинахъ, торгуютъ на огромныхъ базарахъ, подъ открытымъ небомъ, торгуютъ въ передвижныхъ будкахъ, установленныхъ на колесахъ. Тутъ же на улицѣ расположились многочисленныя китайскія кузницы, тутъ-же харчевни, сапожники, мѣховщики и т. д. Ургинскіе китайскіе магазины превосходятъ во всѣхъ отношеніяхъ китайскіе магазины Кобдо и Улясутая. Здѣсь подборъ товаровъ сдѣланъ на широкую ногу и въ разсчетѣ на самыхъ разнообразныхъ покупателей. Кромѣ основныхъ товаровъ, которые можно встрѣтить по всей Монголіи, здѣсь въ изобиліи встрѣчаются товары, неразрывно связанные съ Ургой. Такъ, напр., имѣются большія лавки, въ которыхъ продаются монгольскіе бурханы, рѣзные и литые изъ мѣди, въ большинствѣ случаевъ тибетской работы. При насъ въ одной изъ такихъ лавокъ раскрывали огромные короба, наполненные деревянными „аяками“ (чашками для чая) и мѣдными бурханами. Въ другихъ солидныхъ китайскихъ лавкахъ обычно устроено три отдѣленія: въ первомъ торгуютъ ходовыми монгольскими товарами, напр., дабой, далембой, чаемъ; во второмъ отдѣленіи уже имѣются болѣе благородные товары, предметы комфорта и нехитрой роскоши, особенно много шелковыхъ матерій и разныхъ товаровъ, которые безусловно разсчитаны на случайный спросъ. Здѣсь масса предметовъ высокаго комфорта и роскоши. На ряду съ китайскими издѣліями изъ шелка и мѣди и другихъ металловъ, здѣсь въ изобиліи лежатъ издѣлія изъ Германіи и Японіи. Это та bijouterie, та галантерея, которая

разсчитана на публику средняго достатка даже въ Россіи, а не только въ Монголіи. Нѣкоторые предметы этой категоріи мозолятъ глаза прохожимъ въ витринахъ Берлина, Петербурга, и совершенно не встрѣчаются въ русскихъ провинціальныхъ городахъ. Здѣсь можно видѣть искусныя поддѣлки японцевъ подъ нѣмецкіе образцы. Различныя статуетки, рамки, будильники, издѣлія изъ кожи, картинки, масса мелочей изъ дешевыхъ металловъ и т. п., все это наполняетъ большія комнаты лавокъ. У одного и того же купца есть иногда двѣ и три лавки въ различныхъ мѣстахъ города. На ряду съ большими лавками помѣщаются мелочныя торговли, товары которыхъ пришли изъ сосѣднихъ оптовыхъ. Тѣ же большія торговли питаютъ своими товарными запасами огромные базары, расположенные на большихъ площадяхъ между монастырями и лавками. Здѣсь можно замѣтить нѣкоторую спеціализацію торговли: въ одномъ мѣстѣ продаютъ жизненные припасы, напр., мясо, овощи, вареное пшено и т. п., въ другомъ мѣстѣ протянулись столы и будки съ галантереей, рядомъ желѣзный рядъ, дальше вытянулся рядъ съ мѣхами и т. д. Здѣсь на ряду съ китайцами торгуютъ въ большихъ количествахъ и монголы. Кругомъ бродятъ толпы народа, слышится шумный торгъ, все это тонетъ въ ужасающей грязи, которая въ сухую погоду превращается въ облака пыли. Ни уборки, ни очистки базаровъ не дѣлаютъ, а потому отъ земли идетъ тяжелый запахъ. Мѣстами видны дерущіеся китайцы, мѣстами въ грязи валяются пьяные русскіе. Проходятъ верблюды, упряжь которыхъ выгодно отличается отъ монгольскихъ упряжекъ; это верблюды изъ Калгана; дальше видны лошади, запряженныя въ русскія и китайскія повозки, ослы, мулы и вездѣ въ несмѣтномъ количествѣ страшныя монгольскія тупорылыя собаки.

Урга—огромный городъ, съ большою торговлей. Въ нашемъ распоряженіи было слишкомъ мало времени для того, чтобы ближе поприсмотрѣться къ этому во всѣхъ отношеніяхъ интересному центру монгольскаго міра. Нужно было спѣшить въ Россію. Урга и ея окрестности могутъ составить самостоятельный объектъ продолжительнаго обслѣдованія, которое безусловно можетъ дать массу цѣннаго и интереснаго матеріала. Но сюда нужно ѣхать съ знаніемъ монгольскаго и китайскаго языковъ. Только при этихъ условіяхъ можно разсчитывать на то, что біеніе пульса здѣшней сложной жизни будетъ понятно наблюдателю.

Изъ Урги въ Кяхту пришлось выѣхать на уртонахъ, т. е. при помощи монгольскихъ почтовыхъ станцій, которыя въ полномъ порядкѣ нанесены на русскую карту Монголіи. Съ одной стороны, въ моментъ нашего отъѣзда не было въ Ургѣ ямщиковъ, которые

могли бы доставить насъ въ Кяхту, а съ другой—хотѣлось испробовать и этотъ способъ передвиженія. Уртонныхъ лошадей подали съ опозданіемъ на два почти дня. Въ нашемъ распоряженіи была легкая телѣжка русской работы. Для того, чтобы ѣхать на этой телѣжкѣ при помощи монгольскихъ уртэ, нужно было пріобрѣсти огромную оглоблю арш. въ 8 длины и такой же длинный ремень. Эта оглобля—„давнуръ",—привязывалась къ концамъ оглобель телѣжки. Монголы подъѣзжали на сѣдлахъ и брали концы давнура себѣ на колѣна и отправлялись въ путь. Обычно для телѣжки снаряжалось шесть верховыхъ, которые по очереди, по двое, везли ее галопомъ или рысью. При такой ѣздѣ на дорогу не обращаютъ никакого вниманія, ѣдутъ прямо, берутъ приступомъ горки и овраги, мчатся по болотамъ и по рѣчкамъ и сѣдоку нужно попривыкнуть къ этой быстрой ѣздѣ, чтобы спокойно смотрѣть въ будущее. Багажъ везутъ на монгольскихъ таратайкахъ, и онъ не отстаетъ отъ верховыхъ и телѣжки. На каждой станціи ставятъ для проѣзжающаго юрту, обшитую голубыми погонами, часто юрта внутри обтянута краснымъ сукномъ. Въ юртѣ, чистой и опрятной, горитъ костеръ, стоятъ невысокіе „диваны" для спанья, разостланы олбоки. При помощи уртэ можно спокойно дѣлать по сто верстъ въ день. За каждую станцію мы платили улачинамъ (подводчикамъ) по 4 рубля, что имъ было очень пріятно, такъ какъ документъ, по которому мы ѣхали, давалъ право на безплатный проѣздъ.

Станція (уртэ) имѣетъ видъ обычнаго монгольскаго поселенія: стоятъ группой нѣсколько юртъ, около которыхъ протянута коновязь, и только какая нибудь тряпка на длинномъ шестѣ показывала, что здѣсь имѣется станція. На каждой станціи живетъ чиновникъ-монголъ, который смотритъ документъ, снаряжаетъ лошадей, и иногда самъ впрягается въ давнуръ. Везти давнуръ не особенно легкое занятіе. Только на ровномъ мѣстѣ телѣжка катится безъ особыхъ затрудненій для улачиновъ, а въ гору, или по болоту, или по камнямъ, длинная оглобля бьетъ монгола по ногамъ или ударяетъ въ пахъ настолько сильно, что улачинъ летитъ съ сѣдла и часто корчится отъ боли. Правда, это исключенія, но они отравили намъ дорогу. Недалеко отъ Урги поздно вечеромъ мы спѣшили къ станціи, чтобы переночевать на ней, и вдругъ телѣжка врѣзалась колесомъ въ болото. Монголка, которая везла телѣжку съ лѣвой стороны, была сшиблена съ сѣдла и со стономъ полетѣла въ грязь. Начались попытки вытаскиванія застрявшей телѣжки, но она не поддавалась ни взадъ, ни впередъ. Люди всѣ перепачкались въ грязи и измокли. Ночью нашли въ сосѣднихъ юртахъ упряжнаго вола, но и онъ не могъ вытащить телѣги. Пришлось заночевать на

мѣстѣ происшествія. Люди разбрелись по сосѣднимъ юртамъ, а намъ пришлось лечь спать подъ открытымъ небомъ, закутавшись во все, что было въ телѣгѣ. Утромъ все кругомъ было покрыто густымъ инеемъ, иней крѣпко облѣпилъ и сапоги, и волосы на головѣ. Опять занялись операціей вытаскиванія телѣги. Наняли двухъ воловъ, которые, наконецъ, и извлекли несчастную телѣгу. Ушибленная женщина, исполняя свою тяжелую повинность, снова принялась было налаживаться подъ давшуръ, но мы ее отослали домой, нанявъ другого улачина.

Очень часто на станціяхъ съ нами выѣзжали дѣвушки подростки. Нужно сказать, что всѣ онѣ прекрасно справлялись со своей задачей. Нѣкоторыя же дѣвушки выказывали недюжинную силу и ловкость въ опасномъ наѣздничествѣ.

Дорога отъ Урги до Кяхты не разъ была описана въ русской литературѣ. Скажемъ только, что это очень красивый путь и, благодаря наличности станцій, удобный для проѣзжающихъ. По тракту вьется проволока телеграфа, кругомъ масса китайскихъ поселеній, пашенъ, монгольскихъ покосовъ, чудный лѣсъ, но сама дорога, какъ полотно, не смотря на то, что здѣсь издавна совершалось оживленное движеніе, находится большею частью въ первобытномъ состояніи. Есть такіе перегоны, когда сердобольные монголы брали лишнюю верховую лошадь и рекомендовали вылѣзти изъ телеги и садиться на коня. Уртонами добрались до самой Кяхты, куда и въѣхали вечеромъ въ началѣ сентября. Кяхта въ хорошую осеннюю погоду, послѣ огромной шумливой и грязной Урги, производитъ впечатлѣніе пріятнаго и уютнаго уголка. Здѣсь пришлось познакомиться со многими интересными лицами, освѣдомленными въ монгольскихъ дѣлахъ. Здѣсь удалось видѣть хозяина золотыхъ пріисковъ въ Монголіи, на рѣчкѣ Иро, М. А. Лушникова, довѣреннаго фирмы Лушниковыхъ, М. А. Бардашева, десятки лѣтъ проживающаго въ Кяхтѣ въ оживленныхъ дѣлахъ съ Китаемъ и Монголіей. Въ Кяхтѣ продолжительныя и оживленныя бесѣды вели съ пограничнымъ комиссаромъ, полковникомъ Д. А. Хитрово, который является въ оффиціальномъ мірѣ, соприкасающемся съ Монголіей, человѣкомъ рѣдкой освѣдомленности и живого интереса къ сосѣднему краю.

Изъ Кяхты на пароходѣ по Селенгѣ, въ то время полноводной и красиво обрамленной въ багрянецъ и золото одѣтыми лѣсами, выѣхали на Верхнеудинскъ, унося съ собой цѣлый міръ новыхъ впечатлѣній и ощущеній и пріятныя воспоминанія о многихъ лицахъ, съ которыми пришлось встрѣтиться за время затянувшагося путешествія.

ГЛАВА II.

Монголія, какъ рынокъ.

Для правильной оцѣнки русско-монгольской торговли, для возможнаго учета ближайшихъ перспективъ торговыхъ отношеній въ Монголіи, живущей въ особыхъ, оригинальныхъ условіяхъ, отличныхъ отъ уклада жизни Россіи, полезно обратиться къ экономической характеристикѣ Монголіи. Общія условія хозяйственнаго быта страны опредѣляющимъ образомъ вліяютъ на характеръ и объемъ того рынка, который является ареной дѣятельности русскаго торговаго капитала. Правда, современная Монголія живетъ въ такихъ условіяхъ, которыя выдвигаютъ на передній планъ и другіе факторы, въ значительной мѣрѣ опредѣляющіе физіономію монгольскаго рынка и его ближайшія перспективы. Объемъ монгольскаго рынка для русскихъ опредѣляется, напр., наличностью въ этомъ краѣ китайской торговли, которая давно уже встала по отношенію къ русскому торговому капиталу въ условія острой, если не совсѣмъ враждебной, конкурренціи. Съ другой стороны, Монголія—китайская провинція, и это обстоятельство наложило на экономическія отношенія Монголіи рѣзкіе отпечатки. Эти и другіе факторы дѣйствуютъ такимъ образомъ, что основныя теченія народно-хозяйственной жизни Монголіи часто проявляются въ искаженныхъ и изуродованныхъ формахъ. Стоитъ указать на такой характерный фактъ: оживленіе экономической жизни Монголіи, явившееся результатомъ прилива въ эту страну русскаго и китайскаго торговаго капитала, при современныхъ условіяхъ, приводитъ обширные районы Монголіи къ прогрессирующему обѣдненію. Развитіе дѣятельности торговаго капитала и оживленіе хозяйственной жизни Монголіи при наличности такихъ условій окутываютъ туманомъ ближайшія перспективы русско-монгольской торговли.

Но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что экономическая структура Монголіи, основные устои ея хозяйственнаго быта даютъ самую твердую основу для развитія тамъ торговой дѣятельности. Поэтому весьма полезно въ общихъ чертахъ охарактеризовать эти устои, не забывая и того, что народно-хозяйственная жизнь современной Монголіи раз

вилась и подъ давленіемъ дѣятельности торговаго капитала, въ значительной мѣрѣ повліявшаго на бытъ Монголіи. Монголіи усиліями этого капитала прививались такіе вкусы и такіе товары, которые были чужды ей по природѣ ея экономическихъ отношеній. Въ теченіе долгихъ десятилѣтій происходило упорное взаимодѣйствіе двухъ факторовъ развитія Монголіи: бытовыхъ и торговыхъ. Сюда примѣшивались и тѣ соціально-политическія силы, которыя, главнымъ образомъ, поддерживали дѣятельность торговаго капитала и въ немъ получали свою опору. Это—гнетъ китайскаго управленія, напоръ китайской колонизаціи и крѣпостническій строй внутримонгольскихъ отношеній. Въ такой разнообразной средѣ слагались элементы монгольскаго рынка и ея экономическая жизнь.

Экономическая жизнь Монголіи интересуетъ насъ съ одной стороны: поскольку она опредѣляетъ ходъ и развитіе русско-монгольской торговли. Было бы крайне заманчиво нарисовать общую картину экономическаго быта Монголіи, потому что такая картина дала бы отраженіе интересныхъ процессовъ столкновенія разныхъ культуръ, разныхъ цивилизацій, она показала бы условія развитія скотоводческой страны, населенной въ XX вѣкѣ кочевниками, при наличности въ этихъ примитивныхъ условіяхъ торговаго капитала, работающаго на рынокъ, построенный на совершенно иныхъ основаніяхъ. Дѣятельностью торговаго капитала, работающаго въ Монголіи, эта страна связана съ рынками Лондона, съ Америкой. Цѣны на шерсть въ Монголіи опредѣляются перспективами міроваго рынка; курсъ серебра стоитъ въ тѣсной зависимости отъ курсовъ лондонской биржи... Но для такой характеристики нѣтъ соотвѣтствующаго матеріала. Лицо восточныхъ народовъ до сихъ поръ покрыто таинственнымъ покровомъ. Восточныя страны до сихъ поръ живутъ въ такихъ условіяхъ, которыя исключаютъ возможность регулярной статистики: нѣтъ достовѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ жителей, нѣтъ данныхъ о количествахъ скота, ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ. Тѣ свѣдѣнія, которыми располагаютъ правительства такихъ странъ, тамъ по старой традиціи ревниво прячутъ отъ постороннихъ глазъ. Китайское правительство издавна присматривается къ Монголіи, какъ къ будущему колонизаціонному фонду, который обезпечитъ землею населеніе внутренняго Китая. Въ цѣляхъ опредѣленія колонизаціонной емкости Монголіи китайское правительство не такъ давно произвело своеобразный кадастръ монгольскихъ хошуновъ: оно при помощи своихъ агентовъ подвергло описанію каждый монгольскій хошунъ по опредѣленной коротенькой программѣ. Опредѣляли количество жителей, скота,

характеръ земельной площади и т. д. Съ точки зрѣнія правильной статистики, быть можетъ, такой кадастръ вызоветъ только однѣ улыбки, но для китайскихъ цѣлей онъ, конечно, пригоденъ. Онъ дешевъ, скоръ и даетъ общее впечатлѣніе отъ всей страны. Кромѣ того, въ каждомъ хошунѣ то и дѣло разверстываютъ различные общественно-принудительные сборы. Эти разверстки совершаются на принципахъ поимущественнаго обложенія и, слѣдовательно, въ рукахъ монгольскихъ хошунныхъ управленій должны имѣться точныя свѣдѣнія объ имущественномъ положеніи всѣхъ жителей даннаго хошуна. Но китайскіе кадастры, и хошунныя росписи все это для пришлаго наблюдателя—книга за семью печатями. Намъ пришлось познакомиться съ отрывками китайской переписи Монголіи. На основаніи этихъ нѣсколькихъ листковъ можно судить, что, еслибы весь этотъ кадастръ былъ доступенъ для изученія, то картина экономическаго быта Монголіи была бы обрисована въ общихъ и приблизительныхъ чертахъ. Но этихъ свѣдѣній нѣтъ въ нашихъ рукахъ. Наши консульства съ трудомъ добываютъ такіе пустяшные документы, какъ названія хошуновъ, и совершенно были чужды заботамъ о полученіи болѣе интересныхъ свѣдѣній.

Въ существующей, крайне скудной, литературѣ о Монголіи, имѣются свѣдѣнія о хозяйственномъ бытѣ Монголіи, но эти свѣдѣнія отрывочны и случайны. Матеріалъ, добытый томской экспедиціей, характеризуетъ только узкую полосу Монголіи, ту полосу, по которой лежали наши маршруты. Время, которое было въ распоряженіи экспедиціи, было слишкомъ коротко для того, чтобы наряду съ основной задачей—изученіемъ торговли— поставить такую большую и сложную задачу, какъ изученіе быта Монголіи, въ его цѣломъ. Поэтому приходилось довольствоваться только тѣмъ матеріаломъ, который получался въ результатѣ наблюденій надъ торговою жизнью въ современной Монголіи. Постепенно, конечно, будетъ накапливаться матеріалъ, необходимый для созданія общей картины быта Монголіи и, можно думать, что эта картина будетъ интересна во многихъ отношеніяхъ.

Въ существующей литературѣ о Монголіи, по преимуществу географическаго характера, обширный монгольскій край дѣлятъ, обыкновенно, по географическимъ признакамъ на слѣдующія части: 1) южную Монголію, 2) Алашанскую Монголію или округъ Нинся, 3) Кукунорскую Монголію, 4) Кукухотосскую Монголію, 5) Чахарскую Монголію, 6) Илійскій край, 7) сѣверную Монголію или Халху и 8) Кобдосскій округъ.

Особнякомъ стоитъ Сойотія или Уряпхайскій край.

Съ точки зрѣнія интересовъ русско-монгольской торговли особое значеніе пріобрѣтаютъ тѣ округа Монголіи, которые непосред-

ственно примыкают къ Россіи, потому что русскіе торговцы начали съ торговли на границахъ Монголіи и затѣмъ постепенно внѣдрялись въ глубь страны. Незначительное количество лицъ, заинтересованныхъ въ торговлѣ съ Монголіей, бѣдность оборотными средствами, а также натискъ съ юга и востока китайцевъ ограничили зону русскаго торговаго вліянія въ Монголіи ея сѣверной полосой, съ крайне изломанной линіей на югѣ и востокѣ. Сфера русскаго вліянія въ современной Монголіи распадается на нѣсколько торговыхъ районовъ въ зависимости отъ входовъ изъ Россіи въ Монголію и отъ путей сообщенія, а также отъ сложившихся центровъ монгольской торговли. Эти районы можно опредѣлить приблизительно слѣдующимъ образомъ: 1) Илійскій край, тяготѣющій къ Семипалатинску и Омску, 2) Кобдосскій округъ, связанный съ Россіей чуйскимъ трактомъ и поэтому тяготѣющій къ Бійску и Ново-Николаевску, 3) Улясутайскій округъ, западной своей частью тяготѣющій къ Бійску, больше потому, что русская торговля въ Улясутайскомъ районѣ представлена бійскими купцами; но этотъ же округъ связанъ съ Иркутскомъ и вся его восточная половина интересами транспорта привязана уже къ Кяхтѣ-Троицкосавску-Верхнеудинску, 4) Ургинскій край съ тяготѣніемъ къ Кяхтѣ и Иркутску, 5) Сойотія и сѣверная полоса Улясутайскаго округа—съ тяготѣніемъ и связями съ Усинскимъ краемъ и Минусинскомъ и, наконецъ, 6) крайне-восточная Монголія съ ея тяготѣніемъ къ русскому дальневосточному рынку.

Русскій капиталъ медленно нащупывалъ почву подъ ногами въ малоизвѣстной Монголіи; пути сообщенія до сихъ поръ повсюду остаются въ первобытномъ состояніи, а поэтому опредѣлившіеся районы русскаго торговаго вліянія до сихъ поръ скорѣе обозначаютъ историческіе этапы внѣдренія русскихъ въ Монголію, и въ будущемъ, при неизбѣжномъ улучшеніи условій транспорта, въ распредѣленіи этихъ районовъ неизбѣжно произойдутъ существенныя измѣненія. Стоитъ, напр., провести китайцамъ желѣзную дорогу Урга-Калганъ и ургинскій районъ потеряетъ свою старую связь съ Кяхтой и часть сырья изъ Улясутайскаго округа пойдетъ по иному пути.

Монголія находится подъ властью Китая, поэтому высшее управленіе краемъ сосредоточено въ рукахъ китайскихъ сановниковъ. Для нуждъ китайскаго управленія Монголія раздѣлена на административные районы, при чемъ китайцы искусно воспользовались въ своихъ интересахъ существующими монгольскими организаціями, подчинивъ ихъ надзору своихъ генералъ-губернаторовъ и губернаторовъ.

Главные представители Китайскаго правительства въ Монголіи —два дзянь-дзюня (генералъ-губернаторы и командующіе войсками)—въ Куку-Хото и Улясутаѣ. Помощниками ихъ являются хебей-амбыни, для перваго въ Калганѣ, Куку-Хото и Сининѣ, для второго—въ Улясутаѣ и Кобдо. Въ самое послѣднее время китайское правительство учредило генералъ-губернаторство еще и въ Сара-Сюмэ (въ сѣверо-западной Монголіи).

Новое генералъ-губернаторство, извѣстное подъ именемъ Алтайскаго, имѣетъ чисто политическое значеніе. Оно смотритъ за Россіей и за русскими. Эта новая китайская резиденція только что организуется, и лѣтомъ 1910 года можно было видѣть цѣлый рядъ большихъ каравановъ, которые везли вещи для новаго генералъ-губернаторства. Съ караванами ѣхали на мѣсто службы и китайскіе чиновники, которые при разпросахъ именовали себя по меньшей мѣрѣ полицеймейстерами. Монголы таинственно шептали, что на верблюдахъ везутъ оружіе и порохъ.

Урга, какъ резиденція Хутухты, подчинена прежде всего шабинскому вѣдомству (духовнымъ властямъ), но китайцы издавна, для почета, а—вѣрнѣе—для надзора за хутухтой, поставили тамъ и свѣтскую власть. Въ Ургѣ имѣется китайскій амбынь, монгольскій амбынь и др. власти. Въ августѣ 1910 года монгольскій амбынь отбылъ изъ Урги въ Пекинъ, такъ какъ онъ былъ назначенъ депутатомъ на общенародный сеймъ. Передавали, что монгольскій амбынь—самый молчаливый человѣкъ во всей Монголіи.

Для торговыхъ интересовъ въ Монголіи ея административное дѣленіе имѣетъ довольно видное значеніе. Современная торговля въ Монголіи построена цѣликомъ на кредитныхъ сдѣлкахъ, что постоянно приводитъ къ всевозможнымъ конфликтамъ между кредиторами и должниками. Эти конфликты вызываютъ необходимость въ судебныхъ рѣшеніяхъ, а еще чаще въ простыхъ административныхъ приказахъ и содѣйствіи. Основаніе новой фирмы опять таки вынуждаетъ обращаться къ администраціи соотвѣтствующаго округа, подсудности и подвѣдомственности. Администрація охотно ввязывается въ торговыя дѣла, такъ какъ это, во-первыхъ, всегда даетъ чиновникамъ матеріальныя выгоды, а, кромѣ того, административная практика оказываетъ значительное вліяніе на ходъ и развитіе торговой жизни и, между прочимъ, позиція китайскаго торговаго капитала усиливается, именно, тѣмъ, что судъ и расправа въ современной Монголіи находятся въ китайскихъ рукахъ.

Административное дѣленіе Монголіи имѣетъ въ своемъ основаніи военный характеръ. Раньше Халха состояла изъ 4 группъ

(сеймовъ) удѣльныхъ княжествъ (аймаковъ) *). Китайское правительство, уничтоживъ самостоятельность власти прежнихъ князей, оставило дѣленіе на 4 аймака или корпуса: Тушету, Сайнъ-Нойенъ, Цэцэнъ и Цзасакту.

Каждый аймакъ въ свою очередь дѣлится на хошуны или дивизіи (прежнія княжества или удѣлы), начальниками которыхъ являются родовые или, рѣже, выборные князья. Впрочемъ, иногда встрѣчаются настолько разоренные и опустошенные хошуны, что въ нихъ никто не желаетъ быть княземъ и таковые совсѣмъ отсутствуютъ. Тушету состоитъ изъ 20 хошуновъ, Цэцэнъ—изъ 23 хошуновъ, Сайнъ-Нойенъ—изъ 24 и Цзасакту—изъ 19 хошуновъ. Въ каждомъ аймакѣ разъ въ годъ созывается сеймъ изъ всѣхъ хошунныхъ князей. Хошунные князья являются правителями своего хошуна, власть которыхъ передается изъ рода въ родъ. При каждомъ князѣ имѣется хошунное управленіе (чжаса или тамага).

Хошуны дѣлятся на сумоны (эскадроны), состоящіе изъ 150 ратниковъ, которые въ случаѣ мобилизаціи должны отправляться на войну, каждый съ 4 лошадьми и съ полнымъ вооруженіемъ. Шесть сумоновъ составляютъ полкъ.

Кромѣ монголовъ, подчиненныхъ власти свѣтскихъ князей, существуетъ особая категорія ихъ, такъ называемые шабинцы, т. е. крѣпостные монгольскаго духовенства. Нерѣдко монголъ посвящается богу (напр., послѣ тяжкой болѣзни) и тогда онъ становится въ крѣпостныя отношенія къ тому или другому монастырю. Шабинцы разсѣяны по всей Монголіи, такъ какъ монгольскія семьи имѣютъ обыкновеніе одного изъ сыновей обрекать на монашество. Вотъ почему въ Монголіи ламы встрѣчаются не только въ монастыряхъ, но и повсюду. Посвященные мальчики проходятъ въ хурэ коротенькій курсъ ученія и затѣмъ время отъ времени призываются въ монастыри на служеніе. Привилегіи этихъ не-монастырскихъ ламъ очень ничтожны, они во всемъ подчинены властямъ, какъ и простые монголы, отъ которыхъ они отличаются отсутствіемъ косы и цвѣтомъ одежды. Лама не имѣетъ права убивать животныхъ, и простые ламы считаютъ это своей, наиболѣе цѣнной привилегіей: ихъ не заставляютъ рѣзать барановъ... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ такіе мірскіе ламы лишаются права жениться, въ другихъ—они женаты и ведутъ рядовое монгольское хозяйство.

Южная Монголія раздѣляется на 6 аймаковъ: Чжэримскій съ 10 хошунами, Чжосотускій—съ 5 хошунами, Чжуудаскій—съ 11

---

*) Матусовскій. Географическое обозрѣніе Китайской имперіи. Спб. 1888 г.

хошунами, Силингольскій—съ 10 хошунами, Уланцабскій—съ 6 хошунами, Пэкэцзускій—съ 7 хошунами.

Алашанскіе монголы составляютъ одинъ хошунъ. Кукунорскіе монголы дѣлятся на 29 хошуновъ. Кобдосская Монголія дѣлится на 2 аймака—Сайнъ-узаягату съ 16 хошунами и Чинъ-сэтхильту съ 4 хошунами. Илійскій округъ имѣетъ 2 аймака съ 13 хошунами. Чахарская Монголія состоитъ изъ 8 хошуновъ. Кукухотоская Монголія имѣетъ 2 хошуна.

Что касается Сойотіи, то она раздѣляется на 6 хошуновъ, которые въ свою очередь раздѣляются на сумоны, числомъ 35. Четырьмя хошунами Сойотіи управляетъ князь Амбынь-Нойонъ, передающій свою власть по наслѣдству. Два хошуна освободились отъ власти этого князя и по ходатайству своихъ князей добились непосредственнаго подчиненія китайскимъ властямъ въ Улясутаѣ (Кемчикскій и Хазутскій хошуны). Сойоты подраздѣляются на двѣ категоріи: крѣпостныхъ, обязанныхъ повинностями своимъ наслѣдственнымъ князьямъ, и государственныхъ, несущихъ платежи китайскому правительству. Къ числу крѣпостныхъ относятся: бэйси-хошунъ и два сумона—мада и чода, состоящія подъ властью князя Да-вана. Къ этимъ крѣпостнымъ пріѣзжаетъ дарга (въ родѣ нашего прежняго бурмистра) и собираетъ повинности.

Эта сложная двусторонняя организація административнаго управленія Монголіей разсчитана на обширный по площади край, но населенный очень рѣдко. Населеніе Монголіи по своему этнографическому составу довольно пестро: ядромъ населенія являются, конечно, монголы, типъ которыхъ разнообразится при переходѣ изъ одной полосы Монголіи въ другую. Южный монголъ рѣзко отличается отъ дербетца и халхасца и по внѣшнему виду, и по своей интеллигентности. Кромѣ монголовъ въ Западной Монголіи живутъ киргизы, въ большомъ числѣ китайцы—купцы, приказчики, сельскіе хозяева, ремесленники и чернорабочіе. Среди этихъ группъ небольшой горстью вкраплены русскіе, которые, на основаніи договоровъ, подчинены юрисдикціи консуловъ, а въ смѣшанныхъ дѣлахъ—юрисдикціи особыхъ смѣшанныхъ комиссій.

Численность населенія въ Монголіи, къ сожалѣнію, не можетъ быть опредѣлена съ точностью. Свѣдѣнія китайскаго правительства содержатся въ большой тайнѣ. О. Іоакинфъ опредѣлялъ въ 40-ыхъ годахъ XIX столѣтія населеніе Монголіи въ 3 мил. человѣкъ [1]. Основой этого исчисленія были китайскіе списки мужского населенія, обязаннаго военной службой. Число въ 3 мил. припи-

[1]) Статистическое описаніе Китайской имперіи, 1842 года.

маетъ и Матусовскій [1]). По англійскимъ даннымъ [2]), общее число жителей во всей Монголіи достигаетъ 2.600.000 человѣкъ; при этомъ населеніе съ теченіемъ времени возрастаетъ (въ 1900 г. оно считалось въ 2 мил. чел.). Количество русскихъ въ Монголіи опредѣлить невозможно, такъ какъ имѣющаяся регистрація паспортовъ въ Бійскѣ, Чугучакѣ и Кяхтѣ совершенно не опредѣляетъ дѣйствительныхъ посѣщеній русскими Монголіи.

Численность населенія въ Сойотіи опредѣляется приблизительно въ 50—60 тысячъ сойотовъ. Русскихъ насчитывается въ Сойотіи около 2.000 человѣкъ.

Приблизительно достовѣрная цифра населенности Монголіи могла бы въ значительной степени помочь при опредѣленіи возможной емкости монгольскаго рынка, такъ какъ составъ монгольскаго населенія, по отношенію къ потребленію, представляетъ изъ себя довольно однородную массу. Бытъ монголовъ, стоящихъ на различныхъ ступеняхъ общественнаго положенія, отличающихся между собою по своему имущественному положенію, не даетъ рѣзкихъ обособляющихъ подробностей. И жилище, и одежда, и пища, и тѣ привычки, которыя оказываютъ вліяніе на монгольскій рынокъ, все это въ условіяхъ кочевого быта и при низкой ступени цивилизаціи, носитъ однородный характеръ, что, конечно, дѣлаетъ возможнымъ широкое пользованіе душевыми квотами для статистическаго опредѣленія монгольскаго рынка. И при такой легкой и удобной возможности нѣтъ самаго главнаго: точнаго числа жителей въ странѣ!

Коренное населеніе Монголіи занимается скотоводствомъ и охотою. Въ этомъ отношеніи Монголія представляетъ изъ себя страну съ рѣзкими особенностями, выдѣляющими ее изъ ряда другихъ странъ, стоящихъ съ нею приблизительно на одинаковой ступени экономическаго развитія. Скотоводство, какъ господствующая форма экономическаго быта, представляетъ изъ себя сравнительно очень рѣдкое явленіе. Преобладаніе скотоводства наложило на Монголію рѣзкіе отпечатки и обусловило выдающуюся роль въ этой странѣ для торговаго капитала. Слѣдствіемъ скотоводства явился кочевой бытъ монголовъ, обусловливающій возможность раціональнаго использованія пастбищъ. Слѣдствіемъ кочевого быта явилось полное отсутствіе туземнаго земледѣлія, которое предполагаетъ прочную осѣдлость и право собственности на землю. Въ Монголіи же, въ предѣлахъ хошуна, земля принадлежитъ всѣмъ кочевникамъ, имѣющимъ право пасти свои стада, гдѣ угодно. Отсутствіе

---

[1]) Statesman's jearbook, for 1910.

[2]) Матусовскій. Географическое описаніе Китая. Спб. 1888 г., стр. 342.

земледѣлія и ремеслъ, предполагающихъ осѣдлость, отдало всю современную Монголію во власть торговаго капитала. Торговый капиталъ даетъ кочевнику-скотоводу все, чего онъ не можетъ получить отъ своего хозяйства. Вслѣдствіе этого расширенію хозяйственной инпціативы и самодѣятельности монголовъ поставлены узкія границы. Хозяйственная энергія и мысль монгола замкнуты въ тѣсномъ кругу скотоводческаго хозяйства. Возможный ростъ потребностей, который при иныхъ условіяхъ могъ бы послужить толчкомъ къ расширенію хозяйственной самодѣятельности монгола-кочевника, покрывается ростомъ цѣнъ продуктовъ скотоводческаго хозяйства, что было послѣдствіемъ установленія тѣсной связи монгольскаго сырьевого рынка съ всемірнымъ рынкомъ. Эта связь создана обильнымъ приливомъ въ Монголію иностраннаго торговаго капитала, работающаго на заграницу. Наличность въ Монголіи иностраннаго торговаго капитала упрочила существующую экономическую организацію Монголіи, консолидировала ея экономическія отношенія, такъ какъ только при ввозѣ цѣлаго ряда товаровъ возможно преобладаніе скотоводческаго хозяйства въ такой чистой формѣ, какъ это можно наблюдать въ Монголіи. Комбинація скотоводческаго хозяйства и иностраннаго торговаго капитала создали въ Монголіи особый типъ экономическаго развитія, отличающійся такими оригинальными чертами, которыя мѣшаютъ уложить Монголію, какъ опредѣленную экономическую единицу, въ рамки тѣхъ классификацій экономическаго быта, которыя извѣстны современной наукѣ. Если признать вѣрной старую классификацію, хотя бы въ формулировкѣ Фр. Листа, то Монголію придется отнести въ разрядъ странъ, переживающихъ первую, первобытную фазу хозяйственнаго развитія (охотничій и пастушескій бытъ). Но съ этимъ положеніемъ въ непримиримое противорѣчіе встанетъ тотъ фактъ, что монгольское хозяйство совершенно не можетъ обойтись безъ покупныхъ предметовъ и безъ рынка для сбыта своего сырья. Чистаго типа натуральнаго хозяйства современная Монголія не знаетъ, такъ какъ все народное хозяйство Монголіи, хошунное хозяйство ея властителей и хозяйство каждаго монгола въ данное время органически связаны съ рынкомъ. Если же принять во вниманіе классификацію Бюхера, то Монголію придется отнести къ третьей, послѣдней стадіи экономической эволюціи, когда функціонируетъ народное хозяйство съ циркуляціей продукта. Но если допустить правильность этой классификаціи, тогда придется допустить и тотъ фактъ, что современная Монголія переживаетъ процессъ хозяйственнаго развитія, однородный съ старыми капиталистическими промышленными странами.

Правильное опредѣленіе типа и ступени экономическаго развитія Монголіи важно въ томъ отношеніи, что при помощи такого опредѣленія легче уяснить значеніе торговаго капитала въ жизни страны и ближайшія перспективы этого капитала.

По нашему мнѣнію, нужно признать, что типъ хозяйственнаго развитія современной Монголіи отличается глубоко оригинальными чертами, выдѣляющими эту страну въ особую категорію. На самомъ дѣлѣ, полное преобладаніе скотоводства вообще является большою рѣдкостью. Такое преобладаніе въ Монголіи явилось въ значительной мѣрѣ слѣдствіемъ особыхъ свойствъ той земельной площади, которая занята Монголіей. Естественныя условія Монголіи таковы, что они способствуютъ широкому развитію скотоводческаго хозяйства. Хотя вся Монголія по своимъ естественнымъ условіямъ и не представляетъ изъ себя вполнѣ однородной величины, но тѣмъ не менѣе въ ней есть такія общія черты, которыя создали преобладаніе скотоводства по всей странѣ. Монголія занимаетъ огромное плоскогоріе, сплошь изрѣзанное горными хребтами, наполненное отрогами величайшихъ горныхъ системъ Алтая, Саянъ, Хингана и др. Среди безконечныхъ горъ и хребтовъ разсѣяны долины, часто совершенно лишенныя воды. Воды въ Монголіи вообще мало, въ особенности въ Западной Монголіи, которая въ этомъ отношеніи даетъ впечатлѣніе пустыни. Съ юго-востока Монголія опоясывается песками огромной пустыни. Эти пески надвинулись вплотную къ Западной Монголіи, гдѣ есть большія пространства, сплошь занесенныя пескомъ, напр., по рѣкѣ Хунгую. Монгольскія горы даютъ воду для тѣхъ рѣчныхъ системъ, которыя получаютъ свое развитіе въ Россіи, или эта вода скапливается въ огромныхъ озерахъ. Въ западной Монголіи повсюду выступаютъ солончаки, тамъ находятся огромныя соленыя озера и болота. Травяной покровъ распредѣленъ неравномѣрно: въ западной Монголіи въ началѣ лѣта горы стояли голыми, трава пробивается только въ затѣненныхъ долинахъ и въ ущельяхъ горъ. Пашня возможна только при наличности искуственнаго орошенія, а это орошеніе опредѣляется наличностью рѣчекъ и уклономъ площади. Въ Монголіи же есть масса долинъ, совершенно лишенныхъ рѣчекъ, въ такихъ долинахъ то и дѣло высыхаютъ колодцы. Во всей Западной Монголіи нѣтъ лѣса, только мелкій кустарникъ кое-гдѣ отмѣчаетъ русло большой рѣки, напр., Кобдо. Войлочная юрта поэтому является неизбѣжнымъ жилищемъ монгола. Возможная будущая осѣдлость вызоветъ саманныя постройки, какъ это дѣлаютъ китайцы западно-монгольскихъ городовъ. Въ восточной Монголіи (отъ Улясутая къ Ургѣ) колоритъ мѣстности рѣзко мѣняется, но характеръ земельной пло-

щади остается такимъ же, какъ и на западѣ: горы, хребты и долины. Въ восточной Монголіи травяной покровъ дѣлается богаче, на склонахъ горъ появляются богатыя лиственичныя лѣса, безлѣсныя горы до вершинъ покрыты травой. Воды здѣсь больше, но и здѣсь рѣкъ немного, масса чудныхъ долинъ совершенно безводны. Но здѣсь Монголія богаче атмосферическими осадками. И здѣсь существующія пашни только на берегу крупныхъ рѣкъ, напр., Орхона, обходятся безъ искусственнаго орошенія, слѣдовательно, и здѣсь земледѣльческая культура тѣсно связана съ наличностью рѣчекъ. Поэтому и въ восточной Монголіи имѣются большія площади, съ трудомъ доступныя для земледѣльческой культуры.

Сама природа позаботилась о томъ, чтобы въ Монголіи преобладающей формой хозяйства было скотоводство. Д. А. Клеменцъ высказалъ интересную мысль, что въ Монголіи кочевое скотоводство является наиболѣе раціональной формой использованія естественныхъ ресурсовъ страны. Кочевое скотоводство учитываетъ разнообразіе почвенныхъ покрововъ Монголіи, сообразуется съ климатическими измѣненіями и съ тѣми перемѣнами въ природѣ, которыя приноситъ съ собой смѣна временъ года. Весной монголъ откочевываетъ туда, гдѣ ранѣе пробивается трава и гдѣ есть вода; необитаемыя лѣтомъ долины готовятъ кормъ для зимы, такъ какъ зимой монголъ можетъ жить въ безводныхъ долинахъ, добывая воду изъ снѣга и льда. Монголъ ведетъ экстенсивное скотоводческое хозяйство, въ условіяхъ котораго скотъ круглый годъ самъ добываетъ себѣ кормъ. Монгольскіе яки зимой забираются на неприступныя горы и тамъ, вдали отъ человѣческаго жилья, промышляютъ до весны, когда они спускаются въ долины. Монгольскія лошади бродятъ въ поискахъ травы по горнымъ крутизнамъ, какъ легкія горныя козы.

Въ томъ мнѣніи, что кочевое скотоводческое хозяйство является наиболѣе раціональной формой использованія естественныхъ условій Монголіи, есть много вѣрнаго и удачно подмѣченнаго. Дѣйствительно, если взять кобдосскій округъ, то придется признать, что здѣсь осѣдлая культура будетъ, во-первыхъ, подвержена многимъ случайностямъ климатическаго свойства. Большая засуха, какую, напр., можно было наблюдать лѣтомъ 1910 г., способна обезлюдить большіе районы. Многія рѣчки высохли, колодцы то и дѣло оказывались безъ воды, а на берегахъ рѣкъ было такое множество комаровъ и всякаго другого гнуса, что эти оазисы оставались необитаемыми, они сохраняли свою траву для зимняго сезона. Во-вторыхъ, осѣдлая культура въ этихъ районахъ Монголія должна стоить большихъ денегъ, такъ какъ въ западной Монголіи нѣтъ ни лѣса, ни

дровъ, а проведеніе оросительныхъ каналовъ потребуетъ колоссальнаго труда и средствъ. Но и въ Западной Монголіи уже можно встрѣтить пашни[1]), и здѣсь есть осѣдлость, напр., русскія торговыя ставки, городъ Кобдо, китайскія прочныя осѣдлости. Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ рѣзче обнаруживаются признаки возможной осѣдлости. Китайцы, которые смотрятъ на монгольскую провинцію, какъ на колонизаціонный фондъ, въ томъ кадастрѣ, который они произвели для своихъ цѣлей, внимательно учитывали всѣ тѣ районы Монголіи, которыя пригодны для осѣдлой сельско-хозяйственной культуры. Неизвѣстно, какъ великъ процентъ монгольской площади, признанный китайскими статистиками годнымъ для осѣдлой культуры, но нужно предположить, что этотъ процентъ способенъ заинтересовать китайскую переселенческую политику и обусловить переселенческую волну.

Постепенное развитіе осѣдлой культуры въ современной Монголіи до сихъ поръ еще не мѣняетъ общей физіономіи страны, остающейся и скотоводческой, и кочевой, но въ этомъ развитіи уже намѣчаются признаки возможной народнохозяйственной дифференціаціи. Осѣдлая культура прежде всего сокращаетъ площадь кочевыхъ хозяйствъ, и нужно замѣтить, что въ данное время для осѣдлыхъ хозяйствъ есть полный просторъ выбора мѣстъ для поселенія, а поэтому отъ кочевого хозяйства отхватываются лучшіе куски. Нужно также принять во вниманіе и то обстоятельство, что носителями идеи осѣдлой культуры въ современной Монголіи являются китайцы, которые своими дѣйствіями давно вооружили противъ себя монголовъ и сами въ свою очередь относятся къ монголамъ съ большою непріязнью, которая не можетъ не усиливаться на почвѣ столкновенія разнородныхъ экономическихъ интересовъ. Слѣдовательно, между кочевымъ и земельнымъ хозяйствомъ въ Монголіи неминуемо возникнетъ борьба, ускоряющая тѣ естественные процессы, которые и безъ того назрѣваютъ въ народнохозяйственной жизни современной Монголіи. Китайцы не только хорошіе колонизаторы, но и пламенные націоналисты.

Для Монголіи характерно не только то, что это—страна скотоводовъ-кочевниковъ, но не менѣе характерно также и то, что здѣсь живутъ самостоятельные и большею частью мелкіе хозяева. Крупными скотоводами являются, во-первыхъ, монгольскіе хошунные властители, богатства которыхъ составляются на счетъ ихъ крѣпостныхъ правъ, затѣмъ—отдѣльные немногіе монголы, иногда располагающіе громадными стадами, китайскія фирмы и изрѣдка

---

[1]) Напр. около Кобдо, Уланкома и Хара-Усу.

русскія торговыя фирмы, въ кругъ операцій которыхъ входитъ выгонъ скота въ предѣлы Россіи. Монгольская же масса ведетъ мелкое хозяйство. Самостоятельность этого мелкаго хозяйства въ значительной мѣрѣ обусловливаетъ общую физіономію современной Монголіи съ экономической точки зрѣнія. Но съ другой стороны экономическая эволюція, переживаемая Монголіей, постепенно вырабатываетъ такія теченія, которыя грозятъ подорвать эту самостоятельность монгольскаго кочевого хозяйства. Въ данномъ отношеніи монгольскій бытъ подвергается переработкѣ со стороны торговаго капитала. Торговля въ Монголіи ведется въ кредитъ, этотъ кредитъ въ своихъ формахъ и срокахъ обусловленъ общимъ укладомъ народно-хозяйственной жизни монголовъ. Монголъ покупаетъ нужные ему товары или занимаетъ серебро во всякое время года, проценты же и капиталъ долга онъ можетъ уплачивать только тогда, когда у него созрѣваетъ сезонное сырье: когда острigутъ шерсть, когда подрастетъ баранъ и т. д. Кромѣ того, часто монголу приходится пересрочивать свои долги, переведенные уже въ товарную форму. Напр., монголъ долженъ былъ къ опредѣленному сроку отдать годового барана, но такъ какъ въ срокъ долгъ не былъ погашенъ, то пересрочка совершается уже на двухлѣтняго барана. При такихъ условіяхъ въ хозяйство монгола входятъ такіе объекты экономическаго оборота, которые ему уже не принадлежатъ: монголъ пасетъ скотъ, принадлежащій съ приплодомъ китайцу или русскому. Китайскія торговыя фирмы, въ особенности китайскія банкирскія фирмы, а также и нѣкоторыя русскія фирмы вводятъ, какъ систему, выпасъ скупленнаго или „заданнаго“ скота (т. е. скота, подъ который даны задатки) въ отдѣльныхъ монгольскихъ хозяйствахъ. Монголъ дѣлается пастухомъ торговца. Такъ какъ въ Монголіи торговый капиталъ выработалъ кабальныя отношенія, то монголъ, въ качествѣ пастуха торговой фирмы, врядъ ли можетъ претендовать на большую самостоятельность въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ. Онъ переходитъ на роль кочевого приказчика. Китайцы по общимъ отзывамъ и наблюденіямъ при такихъ условіяхъ являются очень требовательными хозяевами: если китаецъ тѣмъ или инымъ способомъ пріобрѣлъ отъ монгола опредѣленное количество головъ скота и оставилъ этотъ скотъ до поры—до времени въ рукахъ монгола, то въ случаѣ падежа скота онъ требуетъ отъ монгола полной отвѣтственности и полнаго возмѣщенія потери. Нѣкоторые русскіе торговцы пробовали практиковать другую систему, болѣе мягкую: пріобрѣтенный скотъ они отдавали монголамъ на выпасъ, за что монголъ получалъ приплодъ и не несъ отвѣтственности за падежъ скота по винѣ непредотвра-

тимыхъ бѣдъ (безкормица, эпидемія). Но такой способъ оказался невыгоднымъ. Въ общемъ же кредитная торговля постепенно дѣлаетъ самостоятельность монгольскаго хозяйства призрачной. Монголы отягчены долгами и поэтому часто основная масса ихъ хозяйствъ только номинально можетъ считаться ихъ собственностью.

Въ такомъ же направленіи дѣйствуетъ и другой факторъ: хошунное хозяйство монгольскихъ князей. Ихъ поборы съ монголовъ направлены на то же самое хозяйство, которое не можетъ спасти свою самостоятельность отъ натиска торговаго капитала. Наличность торговаго класса, всегда готоваго предложить хошуннымъ властителямъ деньги, возбудила въ монгольскихъ князьяхъ жадные и хищническіе инстинкты. Если бы монгольскій князь не могъ прибѣгнуть къ кредиту у купцовъ, то его поборы съ монголовъ, имѣющіе видъ натуральныхъ повинностей, были бы ограничены размѣромъ потребностей княжескаго хозяйства. Но теперь съ монголовъ можно взять не только сырьемъ или скотомъ, но серебромъ, и это серебро развязало князьямъ руки. Серебро съ хошуновъ монгольскіе князья добываютъ при помощи торговаго класса: они продаютъ натуральные сборы или отдаютъ ихъ на откупъ китайскимъ и русскимъ купцамъ. Натуральный сборъ падаетъ или на шерсть, или чаще на мелкій и крупный скотъ. Такимъ образомъ, эти принудительные сборы, часто захватывающіе не только доходъ монгольскаго хозяйства, но и его капиталъ, точно такъ-же, какъ и кредитная торговля, подрываютъ самостоятельность монгольскаго населенія. Монголъ дѣлается пастухомъ чужого стада.

Въ настоящее время скотоводческое хозяйство Монголіи знаетъ и еще одно явленіе, которое точно также несетъ въ себѣ угрозу мелкому самостоятельному хозяйству отдѣльныхъ монголовъ. Кредитная торговля часто помимо воли купца приводитъ къ тому, что въ рукахъ торгующаго китайца или русскаго сосредоточиваются значительныя количества мелкаго и крупнаго скота различныхъ породъ. Взыскивая долги, купецъ получаетъ въ свое распоряженіе скотъ, который онъ долженъ или оставить на время у монгола, или, для большей безопасности, держать у себя. Въ послѣднемъ случаѣ у купца образуются отары овецъ, табуны лошадей, стада быковъ. Часто эти торговыя стада достигаютъ огромныхъ размѣровъ, особенно въ китайскихъ рукахъ. У каждаго почти купца въ Монголіи имѣются табуны, отары, стада. Кромѣ того, тѣ торговыя фирмы, которыя заняты выгономъ скота въ предѣлы Россіи или внутренняго Китая, собираютъ скотъ въ теченіе продолжительнаго времени и въ силу этого обстоятельства вынуждены долгое время держать свои стада на подножномъ корму въ предѣлахъ Монголіи.

Весьма часто торговцы выдерживаютъ свои стада въ Монголіи въ цѣляхъ поправки скота или выжиданія лучшихъ цѣнъ и лучшихъ условій перегона. Такимъ путемъ въ самой Монголіи постепенно создается торговое скотоводство, наводящее на мысль о возможности ввести это торговое скотоводство, какъ постоянную отрасль промысловой дѣятельности. Растущія цѣны на сырье, доставляемое скотоводческимъ хозяйствомъ, наличность острой конкурренціи изъ-за обладанія этимъ сырьемъ, сокращеніе выгодъ отъ мѣновой и кредитной торговли, все это такіе факторы, которые способны заставить торгующихъ въ Монголіи перейти къ промышленному скотоводству. Кромѣ того, торговое скотоводство легко можетъ перейти къ раціональнымъ способамъ эксплоатаціи, введя въ хозяйственный оборотъ улучшенныя породы скота, лучшій способъ ухода за скотомъ и т. д. Уже были попытки въ районѣ г. Кобдо пустить въ ходъ сѣнокосилки. Запасы сѣна на зиму способны въ значительной мѣрѣ сократить элементъ риска монгольскаго скотоводческаго хозяйства и устранить необходимость значительныхъ перекочевокъ.

Все это вмѣстѣ взятое даетъ основаніе предположить, что въ Монголіи скотоводческое хозяйство имѣетъ всѣ шансы на дальнѣйшее развитіе. Правда, въ предѣлахъ западной Монголіи считаютъ, что здѣсь скотоводство имѣетъ такіе размѣры, которые цѣликомъ поглощаютъ наличныя пастбища. Этого нельзя сказать о восточной Монголіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, самостоятельность мелкаго скотоводческаго хозяйства и кочевой бытъ скотоводовъ являются характерными формами хозяйства только для современной Монголіи, и мы видѣли, что этимъ формамъ въ настоящее время противостоятъ нѣкоторыя новыя условія, вырабатывающія и новыя формы хозяйственнаго быта. При кочевомъ бытѣ значительные районы Монголіи, быть можетъ, использованы въ высокой степени, что, конечно, затруднитъ существенное возрастаніе монгольскаго скотоводства. Но при иныхъ условіяхъ веденіе отдѣльнаго скотоводческаго хозяйства, по всей вѣроятности, потребуетъ менѣе значительной земельной площади. Монгольское хозяйство, несмотря на наличность элементовъ первобытнаго хозяйства, какъ, напр., перекочевки, тѣмъ не менѣе лишено уже характерныхъ признаковъ первобытнаго хозяйства. Современное хозяйство монгола тѣснѣйшимъ образомъ связано съ рынкомъ въ двухъ направленіяхъ: и въ области сбыта, и въ области пріобрѣтенія необходимыхъ товаровъ. Такое сильное преобладаніе въ хозяйствѣ монгола скотоводства совершенно немыслимо безъ услугъ рынка фабрикатовъ и рынка сбыта сырья. Все это, конечно, опредѣляющимъ образомъ

вліяетъ на судьбы торговаго дѣла въ Монголіи. Отъ уклада монгольскаго хозяйственнаго быта зависитъ современный строй торговли въ предѣлахъ этой страны; отъ основныхъ теченій въ монгольской хозяйственной жизни зависятъ и тѣ измѣненія, которыя суждено пережить и торговому дѣлу. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о перспективахъ торговаго дѣла въ Монголіи, остановимся на вопросѣ о томъ, что монголъ получаетъ отъ своего собственнаго хозяйства и что онъ вынужденъ искать у русскихъ и китайскихъ торговцевъ.

Живой инвентарь монгольскаго скотоводческаго хозяйства довольно разнообразенъ по своему составу. Въ монгольскомъ хозяйствѣ имѣется крупный рогатый скотъ: быки и коровы обыкновенной породы, яки или сарлыки. Сюда нужно присоединить помѣсь обыкновенной коровы и яка,—эта помѣсь даетъ великолѣпный экземпляръ крупной коровы или быка. Яки разводятся только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Монголіи, хотя повсюду можно было бы имѣть этотъ крупный скотъ, такъ какъ яки встрѣчались нами въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ: и на песчаныхъ пустынныхъ берегахъ западномонгольскаго озера Шаръ-Нуръ, и въ травянистой полосѣ Монголіи между Улясутаемъ и озеромъ Косоголомъ. Якъ или сарлыкъ представляетъ изъ себя животное крупнаго калибра, крупнѣе обыкновеннаго быка. На шеѣ у него имѣется горбъ, большая грива, животъ обросъ длиннымъ волосомъ, хвостъ длинный, пушистый. Рога огромной величины, кожа толще, чѣмъ у обыкновенной коровы или быка. Мясо сарлыковъ отличается отрицательными качествами, оно слишкомъ грубо для того, чтобы идти для стола, и поэтому въ предѣлы Россіи сарлыки экспортируются только для колбасныхъ заведеній. Кожи яковъ находятъ хорошій сбытъ, а ихъ волосы съ гривы, хвоста и живота сбыта почти не имѣютъ. Были попытки ввести этотъ товаръ въ коммерческій оборотъ, но попытки окончились неудачей, но со временемъ, вѣроятно, и этотъ волосъ найдетъ себѣ рынокъ и приложеніе. Въ настоящее время изъ хвостовъ сарлыковъ китайцы искусно готовятъ красивыя метелки, которыя служатъ въ качествѣ опахалъ при прогулкахъ въ мѣстностяхъ, богатыхъ комарами. Такія метелки продаются по 70 коп., по рублю и ихъ часто можно видѣть въ рукахъ прогуливающихся китайцевъ. Но эти подѣлки изъ сарлычьихъ хвостовъ, конечно, не способны исчерпать запасъ этого волоса. Коровы—сарлыки не отличаются большимъ удоемъ, не смотря на свой огромный ростъ, но за то молоко, которое онѣ даютъ, имѣетъ прекрасный вкусъ и густо, какъ сливки. Яки удобны въ томъ отношеніи, что за ними не нужно никакого ухода, даже въ гололедицу яки, благодаря своей силѣ и вы-

нословности, найдутъ себѣ пищу и легко отобьются отъ волковъ, этого бича скотоводческаго хозяйства въ Монголіи. Яки играютъ роль въ качествѣ упряжнаго скота. Можно видѣть огромные торговые караваны таратаекъ, запряженныхъ яками.

Крупный рогатый скотъ имѣется далеко не во всякомъ монгольскомъ хозяйствѣ. Къ сожалѣнію, нѣтъ статистики монгольскаго скотоводства, но по весьма приблизительнымъ даннымъ, неизвѣстнаго происхожденія, въ началѣ XX вѣка въ Монголіи будто бы имѣлось свыше 25 милл. барановъ, 12,5 милл. лошадей, 7,5 милл. рогатаго скота и свыше 1 милл. верблюдовъ [1]). По сообщенію участниковъ совѣщанія о Кяхтинской жел. дорогѣ, цыфры должны быть значительно больше (75 мил. барановъ, 25 мил. лошадей, 20 мил. головъ рогатаго скота, 2 мил. верблюдовъ). Какъ бы ни были неточны приведенныя цыфры, соотношеніе, пожалуй, въ нѣкоторой степени даетъ приблизительное представленіе о распредѣленіи рогатаго скота по отдѣльнымъ монгольскимъ хозяйствамъ. Крупный скотъ характеризуетъ извѣстную состоятельность монгола, такъ какъ хозяйство бѣднаго монгола, какъ правило, обыкновенно, состоитъ изъ барановъ и ямановъ. Рогатый скотъ чаще встрѣчается на тучныхъ пастбищахъ улясутайскаго округа, откуда въ большихъ количествахъ этотъ скотъ вгоняется въ предѣлы Россіи.

Видную роль въ хозяйствѣ сойотовъ играетъ рогатый скотъ, дающій молочные продукты населенію и продаваемый въ большомъ количествѣ русскимъ и китайцамъ. Сойотскій рогатый скотъ отличается крупными размѣрами, большими рогами, значительной молочностью.

Кромѣ рогатаго скота монголы имѣютъ еще двѣ категоріи крупнаго скота: лошадей и верблюдовъ. Кочевой бытъ, пастушеское и охотничье хозяйство вызываютъ существенную потребность въ лошадяхъ и верблюдахъ. Типичное монгольское хозяйство не знаетъ телѣгъ, всѣ перевозки и переѣзды совершаются вьюками и верхомъ. Безъ лошади для монгола немыслимо вести скотоводческое хозяйство, безъ лошади нельзя заниматься охотой, лошадь нужна для ежегодныхъ перекочевокъ. Поэтому лошадь въ хозяйствѣ монгола играетъ выдающуюся роль. Кромѣ того, лошадь даетъ молоко, которое является приправой къ чаю и изъ котораго выдѣлываютъ кумысъ. Гривы монгольскихъ лошадей лѣтомъ обыкновенно острижены, такъ какъ конскій волосъ на рынкѣ имѣетъ хорошую цѣну.

Монгольскія лошади обыкновенно принадлежатъ къ типу низкорослыхъ лошадей, съ короткимъ экстерьеромъ. Среди табуна мон-

---

[1]) Экспортъ ситца, изд. мануфактуры Циндели.

гольскихъ лошадей сразу отличишь лошадь, пришедшую съ русскаго Алтая. Эти небольшія лошади отличаются большою выносливостью и неприхотливостью. Монгольскую лошадь смѣло можно брать на длинные и продолжительные переѣзды, при чемъ во время пути лошадь все время, лѣтомъ и зимой, остается на подножномъ корму. Она находитъ себѣ пищу тамъ, гдѣ русская лошадь осталась бы голодной. Приходилось совершать переѣзды по такимъ мѣстамъ Монголіи, гдѣ основной травой была полынь и рѣдкіе кустики съѣдобныхъ травъ. Монгольская лошадь наѣдалась и полынью. Монгольская лошадь привычна къ переходамъ по горамъ и по любой каменистой дорогѣ, по отчаяннымъ крутизнамъ и по болотамъ. И часто эта лошадь выручаетъ сѣдока въ тѣхъ случаяхъ, когда, казалось бы, совсѣмъ нѣтъ выхода: лошадь сумѣетъ перейти самыя трудныя мѣста. Монгольскія лошади ходятъ, обыкновенно, безъ подковъ, но передъ отправкой въ длинный путь ихъ подковываютъ. Монголы говорили, что было бы полезно ввозить въ Монголію подковы для молодыхъ лошадей, которыя легко портятъ свои нѣжныя копыта отъ камней и засохшей земли. Такъ какъ монголы всѣ — природные наѣздники, любятъ конный спортъ, то они выращиваютъ бѣгуновъ, которые при хорошей выдержкѣ могутъ развить значительную скорость. Ѣзда на уртонахъ обычно совершается во весь духъ, монголы везутъ пассажира во весь опоръ, галопомъ, и большинство лошадей способны къ этому галопу. Всѣ лошади находятся въ табунѣ и оттуда берутся по мѣрѣ надобности, такъ что весьма часто лошадь идетъ подъ сѣдло въ полудикомъ состояніи и остается страшно пугливой. Лошадь, видѣвшая однѣ только юрты, боится проѣхать около деревянной постройки.

Тѣми же свойствами характеризуются и лошади въ Сойотіи. Онѣ—небольшихъ размѣровъ, выносливы, неприхотливы; кромѣ того, отличаются плодовитостью. Сойоты посвящаютъ много вниманія и любви своимъ лошадямъ, составляющимъ видную статью ихъ хозяйства. По приблизительнымъ даннымъ, у туземнаго населенія Сойотіи насчитывается до 50—60 тысячъ лошадей.

Верблюды играютъ въ монгольскомъ хозяйствѣ подсобную роль. Они большею частью предназначены для отхожихъ заработковъ. Все товарное движеніе по Монголіи, особенно въ Западной Монголіи въ сторону Чуйскаго тракта и въ сторону внутренняго Китая, совершается на верблюдахъ. Чѣмъ ближе къ Ургѣ, тѣмъ рѣже попадаются верблюды, гдѣ вмѣсто нихъ работаютъ быки и сарлыки. Верблюды встрѣчаются въ хозяйствахъ состоятельныхъ монголовъ. Есть монголы, владѣющіе огромными стадами верблюдовъ, при чемъ часто такое стадо остается безъ особой пользы для хозяина,

который довольствуется тѣмъ, что наличность массы верблюдовъ свидѣтельствуетъ о его состоятельности. Здѣсь верблюды играютъ роль драгоцѣнныхъ камней.

Монгольскій верблюдъ—двугорбый; масса верблюдовъ поражаетъ своимъ истощеннымъ видомъ, очевидно, вслѣдствіе отсутствія правильнаго ухода и безкормицы порода вырождается. По время отъ времени можно встрѣтить великолѣпные экземпляры. Верблюдъ, кромѣ транспортныхъ услугъ, даетъ монголу дорого стоющую верблюжью шерсть, которая находитъ себѣ вѣрный сбытъ. Часть верблюжьей шерсти уходитъ на домашнія потребности: монголы изъ этой шерсти вьютъ веревки, необходимыя при перевозкѣ вьюковъ и при установкѣ юртъ. Юрта снаружи вся обтянута этими веревками. Говорили, что раньше, когда верблюжья шерсть не имѣла еще высокихъ цѣнъ, изъ нея готовили хорошіе мѣшки, отличавшіеся высокой добротностью. Но теперь этотъ промыселъ отошелъ въ область преданій.

Въ русскихъ хозяйствахъ въ Монголіи часто встрѣчаются, конечно, лошади русской породы. У русскихъ торговцевъ иногда имѣются большіе табуны лошадей. Въ китайскихъ хозяйствахъ, особенно въ Ургѣ, часто встрѣчаются ослы и мулы. По улицамъ Урги и пассажирское движеніе, и товарное обычно совершается на мулахъ. Оффиціально выѣзды китайскихъ чиновниковъ въ городахъ Монголіи всегда совершаются на красивыхъ мулахъ.

Но основнымъ инвентаремъ скотоводческаго хозяйства монголовъ, въ меньшей степени сойотовъ, являются бараны и овцы. Къ нимъ присоединяются яманы, т. е. домашніе козлы и козы. Въ Западной Монголіи преобладаніе мелкаго скота объясняется естественными ресурсами края: здѣсь растительный покровъ земельной площади таковъ, что онъ поддается лучше всего барану и козѣ, здѣсь трава мелкая, рѣдкая, воды мало. Преобладающимъ цвѣтомъ овецъ является бѣлый, такъ какъ бѣлая шерсть расцѣнивается дороже цвѣтной и черной. Въ Западной Монголіи черныхъ овецъ больше, нежели въ Восточной. Овцы и яманы имѣются въ каждомъ монгольскомъ хозяйствѣ. Даже бѣднякъ располагаетъ и тѣми, и другими, и только самые бѣдные ограничиваются одними яманами. Питаніе монголовъ тѣснѣйшимъ образомъ связано съ баранами. Покупательная сила монгольскаго хозяйства опять-таки опредѣляется наличностью стада барановъ, дающихъ выгодную шерсть.

Необходимою принадлежностью монгольскаго хозяйства является собака. Собакъ можно видѣть около каждой юрты, часто по нѣскольку штукъ у одного хозяина. Тупорылыя, длинношерстныя и

Стрижка овецъ въ Монголіи.

Табунъ верблюдовъ около оз. Шаръ-Нуръ.

всегда почти голодныя, онѣ производятъ отталкивающее впечатлѣніе. Къ человѣку почти никогда не подходятъ. Иногда такая собака волочитъ на шеѣ длинную доску или палку. Это—воровка, и палку ей привязали для того, чтобы она не могла проходить въ юрту. Монгольскія собаки выполняютъ роль сторожей юрты и стада, оберегая ночью хозяевъ и ихъ стада отъ волковъ. На охоту монголъ точно также идетъ съ своей собакой. Иногда сурковъ берутъ собакой, такъ какъ это сокращаетъ расходы на порохъ и дробь. Монгольскія собаки играютъ роль санитаровъ, уничтожая падаль и отбросы. Такъ какъ монголы своихъ покойниковъ не закапываютъ въ землю, а выносятъ на пригорки, гдѣ и оставляютъ ихъ подъ открытымъ небомъ, то тѣ же собаки исполняютъ и роль погребальщиковъ, уничтожая трупы вмѣстѣ съ волками и орлами. Въ городахъ собаки только и поддерживаютъ относительную чистоту.

Въ сѣверной части Сойотіи, въ бассейнѣ рѣкъ Хамсара и Большого Енисея, мы встрѣчаемся съ оленеводствомъ. Правда, эта отрасль скотоводства находится въ упадкѣ, но все же и теперь нѣкоторые сойоты этого района имѣютъ цѣлыя стада оленей.

Домашній бытъ монголовъ и кругъ ихъ повседневныхъ потребностей отличаются несложнымъ характеромъ. Значительную долю этихъ потребностей монголы удовлетворяютъ изъ своего собственнаго хозяйства. Скотоводство даетъ монголу основные ингредіенты его питанія. Молоко коровъ, кобылицъ, козъ и сарлыковъ составляетъ основное питаніе монгола, особенно въ лѣтнюю пору. Молоко потребляется или въ натуральномъ видѣ, или оно закисляется. Чай, потребляемый монголомъ въ огромномъ количествѣ, точно также обыкновенно варится въ большихъ чугунныхъ „чашахъ" вмѣстѣ съ молокомъ. Изъ молока же готовятся различные сыры, которые въ сухомъ видѣ сохраняются очень долгое время. Особенно славится сыръ, приготовленный изъ овечьяго молока. Изъ кобыльяго молока въ зажиточныхъ семействахъ готовятъ кумысъ, который играетъ видную роль при угощеніи посѣтителей и на общественныхъ собраніяхъ, напр., при торжественныхъ богослуженіяхъ. Готовятъ монголы варенцы и простокваши, искусно поджариваютъ тонкими лепешками сливки и т. д. Изъ молока же гонятъ особый спиртный напитокъ—араку; вкусъ и запахъ этого напитка не отличаются пріятными качествами, крѣпость напитка самая незначительная.

Удивительно широкое распространеніе получилъ у монголовъ чай, который, пожалуй, можно считать для монголовъ основнымъ блюдомъ. Въ этомъ отношеніи Монголія въ значительной мѣрѣ напоминаетъ деревенскую Россію. Для бѣдныхъ монголовъ чай

этотъ будетъ чуть ли не единственнымъ блюдомъ. Этотъ чай варятъ съ солью, часто съ молокомъ. Расходъ на чай въ бюджетѣ монгольскаго хозяйства занимаетъ довольно видное мѣсто. Мясная пища, не смотря на обиліе стадъ, у массы монголовъ не является обыденнымъ блюдомъ. По отзывамъ многихъ, питаніе монголовъ въ значительной мѣрѣ ухудшилось. На мясо идетъ больше всего баранъ, который съѣдается весь цѣликомъ: не только туша барана идетъ въ пищу, но и его внутренности и кровь. Кровью наливаютъ кишки и готовятъ нѣчто въ родѣ колбасъ. Баранья требуха идетъ на выдѣлку мѣшка, въ которомъ монголки хранятъ масло. Сало перетапливается. Не смотря на сильное развитіе молочнаго хозяйства, монгольская семья имѣетъ очень мало посуды. Подарить монголу бутылку, коробку, особенно жестяную, значитъ доставить ему большое удовольствіе. Глиняная посуда не удобна при кочевомъ бытѣ, поэтому въ Монголіи получила широкое распространеніе посуда изъ желѣза (чаши для тагана, ведра, ковши), изъ мѣди (кувшины, чайники, тазы) и эмалированная посуда (чайники, тазы). Наши мѣдные тазы и тазики, употребляемые или для мытья, или въ качествѣ плевательницъ, въ Монголіи играютъ роль кухонной посуды. У бѣдныхъ монголовъ эти тазики сдѣланы изъ желѣза, съ длинной ручкой, чтобы удобнѣе было снимать съ костра. Вообще, въ этомъ отношеніи монгольскій обиходъ обслуженъ плохо, не выработано типа монгольской посуды, монгольское домашнее хозяйство обслуживается посудой китайскихъ и русскихъ образцовъ.

Постепенно въ монгольскомъ быту получаетъ распространеніе пшеничная мука самыхъ низкихъ сортовъ и пшено. Мука спасаетъ монгола отъ необходимости въ теченіе долгой зимы уничтожать своихъ барановъ. Эта мука большей частью привозная, русская и китайская; часть муки и пшена поступаетъ съ монгольскихъ пашенъ, которыя по преимуществу находятся въ китайскихъ рукахъ. Обѣднѣніе монголовъ и вздорожаніе шерсти прокладываетъ мукѣ широкій доступъ въ монгольскій обиходъ. Изъ продуктовъ охоты монгольская семья употребляетъ для своего стола мясо ланей, дикихъ козъ и сурковъ. Появленіе на рынкѣ шкурокъ сурочьихъ дѣтенышей купцы объясняли наклонностью монголовъ полакомиться нѣжнымъ мясомъ молодого сурка.

Скотоводческое хозяйство даетъ монголу цѣлый рядъ сырьевыхъ товаровъ, изъ которыхъ незначительная часть идетъ на домашнее хозяйство, а большая—поступаетъ на рынокъ, создавая основныя покупательныя средства монгольскаго хозяйства. Шерсть, кожи, шкуры, волосъ,—все это создаетъ главные объекты монгольской торговли. Изъ бараньей шерсти монголы выдѣлываютъ кочмы,

играющія большую роль въ монгольскомъ хозяйствѣ. Изъ кочмы готовятъ юрты, изъ кочмы сдѣланы постели и тѣ олбоки (коврики), на которыхъ монголы сидятъ въ юртахъ и въ храмахъ. Часто эти олбоки обшиты какой-нибудь матеріей. Парадный олбокъ обшитъ съ одной стороны краснымъ сукномъ, съ другой—цвѣтнымъ молескиномъ. Кочма идетъ, далѣе, въ китайскія фанзы, гдѣ ею покрыты каны. Кочма идетъ подъ сѣдло лошади и кочмой же закрываются спина и бока вьючнаго верблюда. Часть кочмы поступаетъ на рынокъ. Монголы не умѣютъ обдѣлывать кожъ, а потому сырая кожа цѣликомъ поступаетъ на рынокъ. Этого товара не много и на рынкѣ, такъ какъ монголы рѣдки бьютъ крупный скотъ для своихъ потребностей. Проданный же русскимъ и китайскимъ торговцамъ скотъ выгоняется изъ Монголіи живымъ. Только шкуры барановъ обрабатываются самими монголами; изъ этихъ овчинъ монголы готовятъ зимнія шубы. Во многихъ мѣстахъ Монголіи зимы бываютъ суровыя и мѣховая одежда необходима. Выдѣлка овчинъ крайне примитивна, носитъ характеръ мелкаго ремесла или домашней подѣлки.

Такъ какъ монголы и сойоты до сихъ поръ сохраняютъ кочевой бытъ, то ихъ жилище, сдѣланное изъ шерстяной кочмы, имѣетъ видъ легко переносимой юрты. Юрта имѣетъ круглую форму, съ различнымъ діаметромъ. На крышѣ имѣется отверстіе для выхода дыма отъ костра, который всегда раскладывается внутри юрты, въ ея центрѣ. Кочма натягивается на остовъ изъ деревянной рѣшетки; на деревянной же рѣшеткѣ, опирающейся въ два колеса, большое и малое, покоится и крыша юрты. Рѣшетка юрты сдѣлана изъ тонкихъ прутьевъ, обычно изъ того кустарника, который растетъ по берегамъ рѣкъ. Эти рѣшетки готовятся или дома, или покупаются у монгольскихъ ремесленниковъ. Въ китайскихъ лавкахъ и иногда въ русскихъ, напр., въ хурэ Дайчинъ-вана, можно было видѣть продажные остовы крышъ юртъ. На рѣкѣ Хунгуѣ пришлось видѣть ремесленника, изготовляющаго палки для юрточныхъ рѣшетокъ. Ровно нарѣзанныя палки, очищенныя отъ коры, сначала зарывались въ горячую золу костра, въ которомъ горѣлъ овечій пометъ. Горячія палки монголъ разгибалъ и выправлялъ на особомъ сооруженіи, напоминавшемъ по своему устройству тѣ мялки, на которыхъ русскій крестьянинъ обрабатываетъ коноплю и ленъ. Въ результатѣ получались ровныя, прямыя палочки, изъ которыхъ впослѣдствіи и готовятъ юрты.

Юрта монгола лѣтомъ, обыкновенно, покрыта однимъ слоемъ кочмы, края кочмы снизу въ жаркіе лѣтніе дни подгибаются, такъ что устраивается вентиляція, „поддувалы“. На зиму слой кочмы

утолщается, подолъ юрты снаружи заваливается навозомъ. Лѣтомъ юрта ставится на открытомъ мѣстѣ, на вѣтеркѣ, чтобы обезопасить ея обитателей отъ комаровъ. Зимой юрта прижимается къ горамъ, къ выступамъ скалъ, спасающихъ отъ холодныхъ вѣтровъ. Перекочевки съ лѣтнихъ мѣстъ на зимовья охватываютъ небольшія пространства; 8—10 верстъ уже считается далеко. Юрты располагаются небольшими группами, въ 3—4 юрты, рѣдко больше. Гдѣ лѣтомъ можно увидѣть юрту, тамъ навѣрняка можно найти по близости и источникъ воды. Въ районѣ между Улясутаемъ и Ургой зимовья имѣютъ загоны, дворики и запасы дровъ, навоза. Здѣсь много лѣса, а потому и имѣются слѣды кое-какихъ сооруженій. Но и здѣсь монголы живутъ въ войлочной юртѣ.

Посреди юрты стоитъ очагъ. Обыкновенно, это довольно высокій желѣзный таганъ, высокій потому, что подъ него приходится класть много навоза или хвороста. Эти таганы большею частью продаются въ китайскихъ лавкахъ. Одинъ русскій торговецъ заказалъ въ Бійскѣ таганы по образцу, вывезенному изъ Монголіи; при выполненіи заказа была допущена небольшая ошибка въ размѣрѣ, и эти таганы не нашли себѣ сбыта. Скотоводство даетъ монголу и топливо.

Во всей Западной Монголіи дерево представляетъ изъ себя большую рѣдкость. Лѣсомъ называютъ жалкіе кустарники по берегамъ рѣкъ. Можно ѣхать недѣлю—другую и не встрѣтить ни одного дерева. Топливомъ служитъ высохшій скотскій пометъ—аргылъ. Въ странѣ скотоводовъ аргылъ разсыпанъ повсюду. При каждой нашей остановкѣ первымъ дѣломъ монголы-проводники загибали подолъ своихъ халатовъ и шли искать аргылъ. Передъ наступленіемъ дождя приходилось дѣлать маленькія остановки и собирать аргылъ про запасъ въ мѣшки и тщательно укрывать эту драгоцѣнность отъ влаги, такъ какъ отсырѣвшій аргылъ не горитъ. Вотъ почему у юртъ, въ которыхъ и намъ приходилось иногда пріобрѣтать сухой аргылъ, сложены кучки этого степного топлива, тщательно чѣмъ нибудь прикрытыя. Около русскихъ юртъ аргылъ прикрытъ иногда кожами. Аргылъ хорошо горитъ и варитъ. Проѣзжая мимо монгольскихъ юртъ, часто видишь, какъ старикъ или старуха съ корзиной за спиной тихонько проходятъ по степи, подбирая маленькими деревянными рогатками попадающійся аргылъ. Но въ темный вечеръ трудно раздобывать это топливо, и, если нѣтъ по-близости айловъ, то легко можно остаться и безъ костра. Къ слову замѣтить, что въ г. Кобдо въ большомъ ходу тотъ же самый аргылъ, который привозятъ монголы и продаютъ, какъ ходкій базарный товаръ. Только въ богатыхъ торговыхъ домахъ жгутъ хво-

рость, привезенный съ береговъ рѣки Кобдо или Дзабхына.

Обстановка юрты самая скромная, ничего лишняго, что могло бы усложнять перекочевки. У стѣны, противоположной входу, виднѣются иконы Будды, иногда бурханы, передъ которыми стоятъ мѣдныя лампадки съ жиромъ и фитилемъ. По сторонамъ разставлены сундуки съ запасомъ одежды и иными пожитками, кое-какая посуда. Спятъ на небольшихъ настилахъ, или прямо на кочмѣ, разостланной по полу. Иногда можно видѣть сундуки китайской работы, у богатыхъ монголовъ въ видѣ коммодовъ, иногда видны сундуки русской работы. Наши сундуки, обитые жестью и раскрашенные въ веселыя краски, могли бы найти хорошій сбытъ въ Монголіи, но на этотъ товаръ тяжело ложится фрахтъ. Сундуки ввозятся только въ качествѣ укупорочнаго матеріала для другихъ, болѣе деликатныхъ и дорогихъ товаровъ. Можно думать, что для монгольскаго обихода были бы полезны плетеныя корзины. Но сами монголы плетутъ очень рѣдкія корзины, напр., для аргыла и для перевозки дѣтей. Плотныхъ корзинъ, русскаго образца, они не знаютъ, и было бы полезно привить монголамъ это несложное и полезное ремесло, тѣмъ болѣе, что по берегамъ рѣкъ есть много молодого ивняка.

Съ кочевымъ и скотоводческимъ бытомъ связанъ и характеръ спроса монголовъ на привозные товары. Проводя большую часть жизни на сѣдлѣ и около стада, монголы необходимо требуютъ для одежды особо прочныхъ тканей, которыя могли бы выдержать и треніе на сѣдлѣ, и непогоду въ дорогѣ. Монголъ или сойотъ имѣетъ въ дорогѣ съ собой рядъ предметовъ: за голенищемъ сапога трубку, которая тѣмъ дороже, чѣмъ состоятельнѣе монголъ. Послѣдній бѣднякъ пользуется трубкой съ металлическимъ мундштукомъ, стоящей 50—60 коп. Лица побогаче покупаютъ себѣ трубки съ мундштуками изъ какого-нибудь цвѣтнаго камня. Есть трубки, стоющія по 15—20 руб. и дороже. На поясѣ болтается у монгола металлическое огниво, которое тоже весьма различается въ стоимости, въ зависимости отъ отдѣлки и имѣющихся украшеній.

Монголы—всѣ большіе курильщики, и малые, и большіе, мужчины, а часто дѣвушки и женщины. Всѣ курятъ дешевый китайскій табакъ, пропитанный масломъ. Этотъ табакъ мягче русской махорки и дымъ его болѣе пріятенъ. Русскіе торговцы, особенно въ хошунахъ, часто переходятъ съ русскаго табаку на мѣстный. Можно сказать, что чай и табакъ въ Монголіи покупаютъ всѣ: и монголы, и китайцы, и русскіе. Русскіе точно также пьютъ часто кирпичный чай, такъ какъ и въ Сибири плиточный и кирпичный чай въ большомъ ходу.

Туземное огниво, заряженное русскимъ кремнемъ и снабженное китайскимъ трутомъ, въ настоящее время конкурируетъ съ пороховыми спичками, которыя привозятся или изъ Россіи, или изъ Японіи. Японскія весьма низкаго качества спички успѣшно конкурируютъ съ русскими, хотя наши спички ввозятся туда со сложеніемъ акциза, но японскія спички въ два—три раза дешевле. Въ Монголіи же часто опредѣляющую роль играетъ цѣна, а поэтому наши довольно изящныя спичечныя коробки и хорошо сдѣланныя спички должны уступить мѣсто неряшливой коробкѣ японской работы съ плохими спичками. Монголъ покупаетъ спички пока рѣдко, больше для шику, и потому, зажигая спичку, онъ принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы не пропала ни одна спичка. Съ такими осторожными пріемами зажиганія японскія спички удовлетворительно выполняютъ свою роль. Со спичками знакомы всѣ монголы, обычная просьба при встрѣчахъ—дайте спичекъ.

У каждаго монгола за поясомъ имѣется ножъ китайской работы, ножъ воткнутъ въ кожаный футляръ. Такъ какъ этотъ ножъ привезенъ изъ Китая, то въ футлярѣ имѣются и двѣ китайскихъ палочки, играющихъ роль вилокъ, хотя намъ не приходилось видѣть, чтобы монголы пускали въ ходъ эти палочки. Ножи весьма невысокаго качества, но монголы привыкли къ этой формѣ ножа, имъ удобно имѣть его въ футлярѣ, чтобы привѣсить къ поясу. Поэтому русскіе ножи мало идутъ въ Монголіи, хотя лезвее нашихъ ножей отличается высокими качествами. Все-же монголы берутъ русскіе перочинные ножи и сапожные ножи. Было бы полезно выработать ножи по любимому монгольскому образцу и пустить ихъ подешевле. Китайскіе ножи стоятъ дорого, рубля по два—три. За эту сумму можно дать очень хорошій ножъ соотвѣтствующаго образца. Наши „финскіе" ножи въ кожаныхъ футлярахъ несравненно выше по качеству китайскихъ и не дороже, но ихъ форма для монгола неподходяща.

Чай, другіе напитки и жидкую пищу монголъ пьетъ и ѣстъ изъ деревянныхъ чашекъ, „аяковъ", эти чашки у каждаго монгола за пазухой.

Чашки привозятся китайцами и отличаются прочностью: лакировка ихъ держится много времени, а самыя чашки никогда не трескаются, такъ какъ выдѣлываются изъ особаго дерева, а болѣе дорогіе сорта даже изъ спеціальнаго корня. Подобныя чашки выдѣлываются и въ Россіи, но онѣ совсѣмъ не отличаются высокими качествами китайскихъ чашекъ. Русскіе очень скоро привыкаютъ къ этимъ чашкамъ и ввозятъ съ собой ихъ въ Россію. Дорогія чашки, напр., въ нѣсколько десятковъ рублей за пару, продаются въ осо-

быхъ футлярахъ, какъ драгоцѣнныя издѣлія. Наши эмалированныя чашки врядъ ли могутъ замѣнить эти деревянныя китайскія, такъ какъ пить горячій чай изъ деревянныхъ прочныхъ чашекъ гораздо удобнѣе. Мѣстами можно видѣть китайскую фаянсовую и фарфоровую посуду. Во многихъ китайскихъ лавкахъ торгуютъ дешевой фаянсовой посудой. Но при кочевыхъ условіяхъ эта посуда врядъ ли можетъ найти большой сбытъ.

Монголы не носятъ бороды, ламы же стригутъ и голову. Поэтому въ ходу должны быть ножницы и бритвы. Этотъ товаръ находитъ себѣ нѣкоторый сбытъ въ Монголіи, хотя дороговизна его ставитъ ему довольно узкіе предѣлы сбыта. Монголы иногда бреются окосьями, ножами. Ножницы нужны монголу и для стрижки овецъ. И теперь еще нѣкоторые монголы стригутъ овецъ ножами. Китайцы ввезли для стрижки овецъ свои не очень удобныя ножницы, затѣмъ и русскіе, когда монголы привыкли къ китайскимъ ножницамъ, стали ввозить русскія. Было бы въ свое время весьма цѣлесообразно при закупкахъ шерсти дарить монголамъ русскія ножницы, въ видѣ преміи и тѣмъ привить этотъ ходкій товаръ. Но наши купцы далеко не отличались находчивостью въ дѣлѣ завоеванія монгольскаго рынка.

Монголія совершенно не знаетъ ткацкаго ремесла, а потому всѣ матеріи покупаются ими у купцовъ. Но шьютъ халаты монголы сами, поэтому въ большомъ спросѣ нитки и иголки, а также пуговицы. Въ области галантереи для рукодѣлья наши купцы опять-таки почти ничего не сдѣлали, они не привили вкуса къ русскимъ издѣліямъ. Напр., тѣ монголки, которымъ приходилось дарить англійскія булавки или наборъ иголокъ, высказывали самое живѣйшее удовольствіе; особенно радовала ихъ англійская булавка, которая при покроѣ въ формѣ халата могла бы имѣть большое примѣненіе. Подборъ пуговицъ имѣетъ опредѣленный характеръ: пуговицы круглыя, мѣдныя, китайской работы. Костяныя пуговицы имѣютъ небольшой сбытъ. Такія мѣдныя пуговицы или пуговицы изъ бѣлаго металла, такъ какъ монголы—поклонники серебра и вообще бѣлаго металла, могли бы съ успѣхомъ выдѣлываться нашими кустарями.

Монголія имѣетъ свои опредѣленные художественные вкусы. Не даромъ эта страна живетъ такъ давно. Вкусы монголовъ сказываются въ покроѣ одежды, въ оторочкѣ платья и шапки, въ отдѣлкѣ кисета, въ рисункѣ почти всегда вышитаго сапога, валенаго чулка, въ рисункѣ мѣдной посуды, сѣдла, въ головномъ уборѣ. И китайцы, и русскіе мало обращаютъ вниманія на эти монгольскіе вкусы. Особой сложностью отличается прическа монгольскихъ за-

мужнихъ женщинъ. Волосы склеиваются и по бокамъ головы устраиваются тонкія крылья, переплетенныя пластинками, у бѣдныхъ—деревянными, у богатыхъ—серебряными. Маковка головы украшена сложнымъ серебрянымъ украшеніемъ, цѣнность котораго часто достигаетъ сотни рублей. Въ средѣ монголовъ встрѣчаются литейщики изъ серебра. Бѣлый металлъ видно на трубкѣ монгола, на кисетѣ, въ огнивѣ и кольцахъ. Цѣпочки, которыми привязываются эти походныя вещи, опять-таки изъ бѣлаго металла. Въ области спроса на подѣлки изъ бѣлаго металла наши кустари могли бы сдѣлать очень многое. Бѣда въ томъ, что всякая новинка, привезенная русскимъ торговцемъ и понравившаяся монголу, продается въ три-дорога и тѣмъ самымъ сразу же протится рынокъ. Напр., наша клеенка, которая такъ нравится и монголамъ, и китайцамъ, не вошла въ широкій кругъ монголовъ, такъ какъ ее продавали очень дорого.

Такъ какъ монголъ проводитъ много времени на воздухѣ, часто ему приходится бывать на дождѣ, то въ большомъ ходу суконные халаты-дождевики; эти халаты дѣлаются изъ русскаго „солдатскаго“ сукна. Настоящихъ дождевиковъ не знаютъ даже богатые монголы. Монгольская обувь имѣетъ опредѣленный покрой и рисунокъ, она готовится изъ выдѣланной грубой кожи, сапогъ имѣетъ войлочную подошву, прошитую дратвой, голенище вышито цвѣтнымъ узоромъ. Сапоги эти продаются въ китайскихъ лавкахъ. Въ Ургѣ цѣлыя слободы населены китайскими сапожниками, перерабатывающими русскую кожу. Кромѣ сапога монголъ надѣваетъ валёный чулокъ. Чулковъ домашней работы изъ шерсти монголы не знаютъ. Только на Дзабхынѣ жена торговца Киселева кое-кого обучила прясть шерсть и вязать изъ нея чулки и варежки. Наши валеные сапоги могли бы найти въ Монголіи хорошій сбытъ. Но эти валенки мы видѣли только на ургинскомъ базарѣ. Гигіеничнѣе было бы пріучить монгола къ русскому кожанному сапогу, такъ какъ монгольскій сапогъ быстро пропускаетъ воду, и послѣ каждаго дождя монголъ разувается, ставитъ сапогъ къ костру и сушитъ свои перепрѣвшія ноги. Имъ приходится ходить лѣтомъ въ валеномъ чулкѣ, въ толстомъ сапогѣ на очень толстой войлочной подошвѣ. Сапогъ имѣетъ загнутый мысокъ, вѣроятно для того, чтобы удобнѣе было ходить по травѣ и засохшей землѣ.

Охотничьи занятія вызываютъ потребность въ цѣломъ рядѣ предметовъ. Прежде всего монголы нуждаются въ ружьяхъ, но ввозъ русскихъ ружей въ Монголію на основаніи договора воспрещенъ. У монголовъ имѣются ружья старинной конструкціи, или кремневыя, или фитильныя. Обыкновенно, эти ружья уставлены на

рогатку. Даже изъ этихъ первобытныхъ ружей монголы стрѣляютъ очень удачно. Въ китайскихъ лавкахъ приходилось видѣть такія ружья, мѣсто которымъ въ музеѣ. На ряду съ ружьемъ въ большомъ ходу капканы, часть которыхъ привозится изъ Россіи. Порохъ, свинецъ, ружья—все это найдетъ въ Монголіи хорошій сбытъ, такъ какъ охота съ каждымъ годомъ, въ силу роста сырьевыхъ цѣнъ, дѣлается все выгоднѣе. Мало-мальски приличныя винтовки и винчестеры можно было видѣть только въ улясутайскомъ полицейскомъ участкѣ, но монголы говорили, что изъ этихъ ружей здѣсь никто стрѣлять не умѣетъ. Ружья эти—европейскихъ фабрикъ, и привезены китайскими властями. Они стоятъ въ порталѣ участка, заткнутыя красными тряпками.

Отличительной чертой монгольскаго характера является ихъ удивительно радушное гостепріимство, играющее въ жизни народа видную роль. Монголъ не только оказываетъ гостепріимство, но онъ и разсчитываетъ на него. Помощь бѣдному, голодному, путнику, богомольцу обычно оказывается въ формѣ посильнаго угощенія. На далекое пространство монголъ отправляется только съ одной чашкой за пазухой, и вездѣ его напоятъ чаемъ, накормятъ, дадутъ понюхать табаку и предложатъ трубку. Лѣтомъ бѣдные монголы питаются около сосѣднихъ юртъ. Торговецъ, чиновникъ, смѣло заѣзжаютъ въ любую юрту, гдѣ хозяинъ немедленно уступитъ днемъ и ночью свое мѣсто, разведетъ костеръ, сваритъ пищу и чай [1]. Но и пріѣхавшій монголъ ожидаетъ вездѣ угощенія: во всѣхъ русскихъ и китайскихъ торговляхъ пріѣхавшіе монголы получаютъ свой чай. За чаемъ идетъ оживленная бесѣда, которая начинается вопросомъ о состояніи скота, травы и о послѣднихъ новостяхъ. Въ Монголіи всякая новость распространяется страшно быстро. Монголъ внимательно осмотритъ всякаго новаго человѣка, постарается выспросить все, что его интересуетъ, и покатитъ дальше съ добытыми наблюденіями. Куда бы вы не пріѣхали, вездѣ оказывается, что васъ уже знаютъ, видѣли, знаютъ ваши примѣты и знаютъ, что вы будете здѣсь именно въ это время. Одинъ интеллигентный монголъ въ Кяхтѣ говорилъ намъ, что онъ уже два мѣсяца имѣлъ о насъ самыя точныя свѣдѣнія и совершенно точно назвалъ пройденный нами маршрутъ. Одинъ русскій чиновникъ, смѣясь, разсказывалъ, какъ какой то монголъ долго разсматривалъ его лицо и затѣмъ сказалъ, что онъ видѣлъ когда-то давно чиновника тамъ то и тогда-то. Оказалось, что монголъ хорошо запомнилъ слѣдующій признакъ чиновника: одно ухо у него болѣе оттопырено, чѣмъ дру-

---

[1] Характерно, что за общественныя услуги монголы освобождаются отъ обязанности принимать гостей.

гое. Только послѣ этого замѣчанія чиновникъ узналъ о своей особенности.

Мы уже говорили, что преобладающимъ типомъ хозяйствъ въ современной Монголіи является мелкое хозяйство скотовода-кочевника. Особнякомъ стоятъ хозяйства торгующихъ китайцевъ и русскихъ. Рынокъ монгольскій опредѣляется главнымъ образомъ массой монгольскихъ хозяйствъ, хотя, конечно, не малую роль играютъ китайскія и русскія хозяйства, которыя предъявляютъ опредѣленный спросъ на товары въ качествѣ потребляющихъ единицъ. Но въ массѣ физіономія рынка Монголіи подчиняется преобладающему вліянію монгольскихъ хозяйствъ. Въ другихъ мѣстахъ книги имѣется рядъ данныхъ для характеристики нормъ состоятельности монголовъ. Крупное хозяйство является рѣдкимъ исключеніемъ въ общемъ укладѣ монгольскихъ народнохозяйственныхъ отношеній, да, кромѣ того, крупное хозяйство, въ области спроса на привозные товары особой роли не играетъ въ виду того обстоятельства, что домашній бытъ богатаго и бѣднаго монгола не даетъ рѣзкихъ противоположностей, которыя могли бы такъ или иначе повліять на рынокъ привозныхъ товаровъ.

Нормы состоятельности колеблятся отъ различныхъ причинъ: отъ естественныхъ условій района и отъ внутрихошунныхъ отношеній. Развитіе монгольскихъ хозяйствъ находится подъ вліяніемъ двухъ факторовъ: естественнаго прироста живого инвентаря скотоводческаго хозяйства и отъ роста цѣнъ на сырье. Въ этомъ отношеніи монгольское хозяйство обладаетъ большимъ запасомъ живыхъ силъ, объясняющихъ, почему, не смотря на ужасный гнетъ китайскаго режима, на изнуряющее давленіе торговаго капитала, все-же Монголія производитъ впечатлѣніе такой страны, которая, при облегченіи режима, при болѣе мягкомъ отношеніи къ ней со стороны поработителей-китайцевъ, могла бы быстро залечить свои раны и крѣпко встать на ноги.

Но не смотря на наличность благопріятныхъ условій для своего экономическаго развитія, Монголія въ настоящее время, по общимъ отзывамъ и по нашимъ наблюденіемъ, принадлежитъ къ числу оскудѣвающихъ странъ. Во многихъ мѣстахъ той узкой полосы Монголіи, которая была доступна нашему наблюденію, уже ясно видны слѣды наступившаго обнищанія и еще чаще встрѣчались грозные признаки грядущаго экономическаго истощенія и обезлюдѣнія. Есть рядъ факторовъ, которые создаютъ такое печальное положеніе вещей.

На временное обѣдненіе жителей вліяютъ неблагопріятныя естественныя явленія, какъ засухи и связанныя съ ними безкорми

ца и эпидемiи скота. Кромѣ лѣтнихъ засухъ безкормица создается оттепелями зимой, когда поверхность покрывается ледянымъ покровомъ, не позволяющимъ скоту добывать себѣ кормъ изъ-подъ снѣгу. Въ результатѣ происходитъ массовый падежъ скота. Богатые и состоятельные монголы становятся сразу бѣдняками и нуженъ цѣлый рядъ благопрiятныхъ лѣтъ для того, чтобы они могли оправиться въ силу естественнаго процесса размноженiя скота. Иногда падежъ скота обусловливается повальными болѣзнями—чумой и др., такъ какъ въ Монголiи совершенно отсутствуетъ ветеринарная помощь.

Другой факторъ обѣдненiя монголовъ и сойотовъ—высокiя подати и поборы, взимаемые съ нихъ китайскими и монгольскими властями. Повинности монголовъ носятъ общее названiе: „алба" или „албанъ" и взимаются хошунными князьями по произволу. Подати уплачиваются въ пользу князя каждый годъ и кромѣ того населенiе обязано уплачивать чрезвычайные сборы, требуемые по какому либо случайному или исключительному поводу, напр., по случаю вызова чиновника въ Пекинъ, по случаю наѣзда суда и пр. Обычно разверстка сборовъ производится по количеству имѣющагося у монгола скота. Раньше уплата повинностей производилась скотомъ или пушниной; теперь же съ каждымъ годомъ распространяется практика платежа ихъ серебромъ. Въ этомъ отношенiи большую роль играютъ китайскiе и русскiе купцы, облегчившiе хошуннымъ властямъ обиранiе монголовъ.

Насколько высоко обложенiе, свидѣтельствуютъ примѣры. Такъ, одинъ монголъ—дербетецъ въ Западной Монголiи средняго достатка, имѣющiй 5 верблюдовъ, болѣе 10 головъ рогатаго скота, 20 лошадей и болѣе 100 овецъ и ямановъ, платитъ подать въ 50 ланъ серебра. Другой дербетецъ-лама, имѣющiй въ хозяйствѣ свыше 20 штукъ рогатаго скота, 200 барановъ, 15 лошадей, 7 верблюдовъ, уплачиваетъ въ албу 32 тюбика (барана на второмъ году), 5 четырехзубыхъ барановъ и 7½ лановъ серебра.

Въ хошунѣ Бирва—Цзасыкъ съ монгола средняго достатка, имѣющаго 300 барановъ, 10 лошадей и 10 коровъ, взимается албы по 80 и болѣе барановъ. Приходилось встрѣчать такiе случаи, когда хошунная алба въ три—четыре года окончательно раззоряла довольно состоятельныхъ монголовъ. Одинъ монголъ-торговецъ, разъѣзжавшiй по Западной Монголiи съ небольшимъ запасомъ товаровъ, жаловался, что онъ боится расширить удачно налаженное торговое дѣло, такъ какъ повышенiе его состоятельности, при наличности массы бѣдняковъ въ его хошунѣ, прежде всего повыситъ притязанiя къ его имуществу со стороны князя и онъ можетъ пре-

горѣть въ три года. Отношенія складываются такъ же, какъ въ старой Франціи, когда крестьяне, раззоряемые повинностями и налогами, боялись поставить лишній улей, чтобы этимъ не привлечь къ себѣ усиленнаго вниманія фискальныхъ чиновниковъ.

Въ Сойотіи дѣлается различіе между ежегодной податью (албанъ) и чрезвычайными сборами (ундрюкъ).

По показаніямъ русскихъ купцовъ въ Сойотіи, подтвержденнымъ и самими сойотами, алба въ хошунахъ Бэси и Мада составляетъ въ настоящее время по 1 лану съ каждой головы скота или по 1 штукѣ скота съ каждыхъ 10 головъ. Встрѣчается обложеніе сойотскихъ юртъ пушниной—отъ 10 бѣлокъ до 10 соболей, что составитъ на деньги отъ 3 до 400 рублей.

Чрезвычайные поборы не имѣютъ никакихъ узаконенныхъ основаній и взимаются въ самыхъ разнообразныхъ размѣрахъ и по самымъ различнымъ поводамъ.

Въ основѣ всѣхъ этихъ поборовъ, подъ игомъ которыхъ стонетъ вся Монголія и жалобами на которые каждый монголъ начинаетъ и кончаетъ всѣ свои разговоры, лежатъ крѣпостныя отношенія. Соки хошуна питаютъ хошуннаго князя, который въ свою очередь питаетъ китайскую администрацію. Около князя ютятся его чиновники, вѣдающіе судъ и расправу. Хошунное хозяйство ведется безъ всякаго порядка, что не можетъ не повысить ежегодныхъ притязаній хошунной власти къ монголамъ-крѣпостнымъ. Фантазія князя способна разорить хошунъ въ два—три года. Одинъ князь сдѣлался усерднымъ поклонникомъ русскихъ обычаевъ: онъ устроилъ себѣ домъ по русскому образцу, завелъ экипажи, выѣздныхъ лошадей, наладилъ домашнее хозяйство по указаніямъ русскихъ купцовъ и велъ открытую жизнь. Въ результатѣ его „руссофильской“ политики хошунъ былъ совершенно ободранъ непомѣрными сборами на всѣ эти затѣи. Съ другой стороны, зло этихъ повинностей заключается въ томъ, что онѣ отдаются въ откупъ торговцамъ, которые даютъ подъ албу денежныя ссуды съ приличными процентами, при чемъ князь уступаетъ право собрать албу при низкой оцѣнкѣ монгольскаго сырья. Вслѣдствіе этого, деньги утекаютъ изъ рукъ монголовъ и мало задерживаются въ рукахъ князей. Эти деньги попадаютъ въ глубокіе карманы китайцевъ и отчасти русскихъ торговцевъ.

Пріѣздъ китайскихъ чиновниковъ по какому-либо дѣлу въ хошунъ вызываетъ обычно поднесеніе имъ подарковъ, размѣръ которыхъ зависитъ отъ ранга пріѣзжаго. Два китайскихъ чиновника—дзургана, пріѣхавшихъ въ Сойотію въ 1909 году по поводу убійства сойота, получили съ Мада-хошуна 2.000 рублей. Кемчикскій

ухэрида далъ китайскимъ властямъ до 60.000 ланъ для того, чтобы получить независимость отъ Сойотскаго Амбынь-Нойона, и затѣмъ собралъ часть этой суммы съ хошуна.

Для примѣра огромности поборовъ и взятокъ со стороны китайскихъ чиновниковъ можно указать Кяхтинскаго цзаргучея, небольшого чиновника, который въ годъ получаетъ „безгрѣшныхъ доходовъ“ отъ 50.000 до 65.000 ланъ серебра. Кромѣ того онъ получаетъ съ Маймаченскихъ китайскихъ фирмъ подношенія по спеціальнымъ поводамъ. Напр., на пріемъ цзаргучея въ китайскій новый годъ ему ассигнуется отъ купеческихъ китайскихъ старшинъ по 3.000 рублей, по поводу каждаго визита Кяхтинскаго комиссара цзаргучей собираетъ отъ 30 до 50 рублей.

При объѣздѣ Ургинскимъ амбынемъ пограничныхъ карауловъ въ 1909 г. каждый караулъ долженъ былъ поднести ему денежный подарокъ въ 1.000 рублей, въ случаѣ же обнаруженія какихъ-либо непорядковъ, увеличивалась и подносимая сумма. Эти дары на нѣсколько лѣтъ разстраиваютъ хозяйство караульныхъ монголовъ. Вмѣстѣ съ уплатой за недоѣденныхъ барановъ амбынь собралъ при этой поѣздкѣ свыше 60.000 рублей.

Одинъ очевидецъ разсказываетъ слѣдующій фактъ: чиновникъ улясутайскаго дзянь-дзюна ѣхалъ по дѣламъ службы по монгольскимъ уртонамъ. На одной изъ станцій монголъ нечаянно уронилъ въ грязь бутылку съ уксусомъ и фляжку съ остатками китайской водки—ханьшина. Уксусъ былъ пролитъ, но водка осталась въ цѣлости. Отъ имени дзянь-дзюня мелкій чиновникъ потребовалъ съ монгола, отвѣчавшаго за станцію, 20 ланъ серебра за бутылку съ уксусомъ и 10 ланъ за ханьшинъ. Эта претензія была удовлетворена. За малѣйшую неисправность на уртонахъ, за медлительную доставку лошадей, проѣзжающіе китайцы бьютъ монголовъ нагайками и придираются къ каждой мелочи.

Лѣтомъ 1910 года монголы изъ Западной Монголіи жаловались, что при послѣднемъ проѣздѣ русскаго Улясутайскаго консула, ѣхавшій впереди китайскій чиновникъ (джешуль), для приготовленія по почтовымъ станціямъ нужнаго числа лошадей и юртъ для ночевокъ консула, бралъ съ каждой почтовой станціи (урте) по 35 ланъ серебра. Всякое убійство, кража, драка, вызывающая пріѣздъ чиновника, особенно китайскаго, обусловливаетъ поборы со всѣхъ: и съ правыхъ, и съ виноватыхъ. Даже за то, что чиновникъ кого-нибудь отхлещетъ ужасной плетью, онъ беретъ деньги съ побитаго. Нѣкоторыя дѣла русскихъ съ монголами разбираются смѣшанной комиссіей, въ составъ которой входитъ консульскій чиновникъ и китайскій, и, обыкновенно, китаецъ обираетъ всѣхъ, при-

влеченныхъ къ дѣлу, сильно роняя при этомъ авторитетъ консульскаго суда. Желаніе консула, чтобы въ комиссію вошелъ не китаецъ, а монголъ, игнорируется китайскимъ губернаторомъ. Каждый монголъ подсуденъ своему хошуну, поэтому доставка арестованныхъ часто вызываетъ громадные расходы, такъ какъ хошунъ обязанъ по извѣстнымъ нормамъ оплатить расходы по содержанію арестованныхъ, стражи и т. д. Большіе поборы вызываютъ различные съѣзды и хошунные праздники и тѣ огромные всемонгольскіе съѣзжіе праздники, которые періодически устраиваются въ резиденціи хутухты—въ Ургѣ.

Громадной тяжестью падаетъ на мѣстное населеніе почтовая повинность, отправляемая имъ въ натуральной формѣ. Монгольская почта служитъ для перевозки лицъ и кладей по казенной надобности. Опредѣленныя лица назначаются хошунами въ качествѣ ямщиковъ, которые должны жить на почтовыхъ станціяхъ и возить чиновниковъ. Отъ хошуна имъ выдается пособіе въ видѣ извѣстнаго количества лошадей. На одной изъ посѣщенныхъ экспедиціей станціи находилось 5 монголовъ, назначенныхъ изъ разныхъ хошуновъ. Каждому хошунъ даетъ ежегодно по 12 лошадей. Иногда ямщики отбываютъ свою почтовую службу по нѣсколько поколѣній. Эта служба очень тяжела. Кромѣ обязанности давать нужное количество лошадей и верблюдовъ и ставить чистыя юрты, эти почтари должны поставлять проѣзжающимъ властямъ опредѣленное количество барановъ для продовольствія; это число тѣмъ больше, чѣмъ важнѣе чиновникъ. Обычно проѣзжіе не съѣдаютъ всѣхъ барановъ и требуютъ уплаты вмѣсто несъѣденныхъ барановъ деньгами или чаями (4 чая за барана).

Китайскіе купцы, а отчасти и русскіе, имѣющіе хорошія отношенія съ мѣстными властями, пользуются, вопреки установленнымъ правиламъ, монгольской почтой для личныхъ своихъ поѣздокъ и для перевозки товаровъ. Давъ взятку, они получаютъ ордеръ на пользованіе тѣмъ или другимъ количествомъ лошадей или верблюдовъ (иногда до 100 головъ). Такія злоупотребленія ложатся тяжелымъ бременемъ на почтарей, безъ того истощенныхъ своими почтовыми повинностями.

Согласно Русско-Китайскому договору, русскіе консулы пользуются монгольской почтой для пересылки своихъ служебныхъ бумагъ и для личныхъ переѣздовъ. Ургинскій консулъ недавно выхлопоталъ пособіе въ 1.200 руб. тѣмъ станціямъ между Ургой и Кяхтой, которыя несли на себѣ указанную повинность. Русскіе, пользуясь монгольскими уртонами, часто оплачиваютъ эти услуги, такъ что монголы кое-какъ мирятся съ русскими разъѣздами.

Кромѣ почтовой гоньбы монголы несутъ и другія разнообразныя натуральныя повинности. Въ нѣкоторыхъ хошунахъ существуютъ безплатные перевозы при посредствѣ отряженныхъ для этого монголовъ (напр., на рѣкѣ Орхонѣ). Всѣ пограничные караулы, число которыхъ въ Монголіи весьма значительно, состоятъ изъ монголовъ, откомандированныхъ туда для несенія этой службы. Доставка преступниковъ съ мѣста на мѣсто, окарауливаніе ихъ и служба при хошунныхъ тюрьмахъ точно также составляетъ предметъ натуральной повинности. Тамъ, гдѣ китайскія власти устроили казенныя пашни для продовольствія китайскихъ войскъ, всѣ земледѣльческія работы выполняются монголами принудительно. Работа въ крѣпостяхъ и вообще въ хозяйствѣ чиновниковъ—опять-таки является повинностью. Добыча соли тоже составляетъ дѣло натуральной повинности.

Торговый капиталъ, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ книги, принесъ съ собою въ Монголію такую силу, которая наноситъ Монголіи огромный вредъ, содѣйствуя ея истощенію. Торговый капиталъ привозитъ дорогіе фабрикаты и увозитъ крайне дешево скупленное сырье. Въ этомъ лежитъ коренное противорѣчіе монгольскаго экономическаго быта. Кромѣ того, торговцы, китайскіе и русскіе, оперирующіе въ Монголіи и Сойотіи, подрываютъ экономическое благосостояніе мѣстнаго населенія, закабляя его тяжелыми и безъисходными условіями кредита. Особенно тяжело ложатся на жителей взысканія торговцевъ съ хошуновъ по хошуннымъ долгамъ и за неисправныхъ частныхъ должниковъ. Въ Монголіи въ предѣлахъ хошуна практикуютъ систему круговой отвѣтственности по хошуннымъ обязательствамъ, а также по совершенно частнымъ обязательствамъ отдѣльныхъ монголовъ. Эта система, выгодная купечеству, является настоящимъ бичемъ индивидуальныхъ монгольскихъ хозяйствъ и вызываетъ страшныя злоупотребленія со стороны купцовъ, самихъ монголовъ и властей.

При обозрѣніи всѣхъ тяжелыхъ способовъ эксплоатаціи населенія Монголіи властями, трудно отдѣлаться отъ той мысли, что здѣсь проявляется опредѣленная политика Китая по отношенію къ монголамъ. Китай хочетъ довести послѣднихъ до полнаго разоренія и уничтоженія и, обезсиливъ монголовъ, вытравить въ ихъ душѣ всякія мечты объ автономіи и направить въ ихъ страну потокъ китайской колонизаціи.

Наконецъ, истощающимъ населеніе элементомъ являются ламы, лица духовнаго званія, населяющія многочисленныя монгольскія хурэ (монастыри). Число ламъ въ Монголіи весьма велико. Гюкъ опредѣлялъ ихъ численность въ южной Монголіи въ одну

треть всего населенія, а Позднѣевъ опредѣлялъ въ сѣверной Монголіи число ламъ въ пять восьмыхъ мужскаго населенія. Въ Сойотіи количество ламъ можно опредѣлить не менѣе 10.000 человѣкъ, т. е. одной пятой населенія. Обычно въ каждомъ семействѣ монгола и сойота одинъ или два сына предназначаются въ духовное званіе. Ламы, живущіе по многочисленнымъ монастырямъ, отправляющіе богослуженіе и занимающіеся врачеваніемъ, получаютъ съ населенія приношенія и кромѣ того поддерживаются пособіями отъ собственной семьи. Мы уже упоминали о крѣпостномъ трудѣ въ пользу духовенства „шабинцевъ“. Расходъ населенія на содержаніе ламъ нужно признать весьма значительнымъ и съ экономической точки зрѣнія совершенно непроизводительнымъ.

Приведемъ нѣсколько фактическихъ данныхъ о ламахъ.

По оффиціальнымъ китайскимъ свѣдѣніямъ, въ хошунѣ Дарханъ-вана Чжеримскаго сейма (въ южной Монголіи) съ 35.000 жителей имѣется 52 кумирни, въ которыхъ проживаетъ свыше 7.500 ламъ; въ 12 кумирняхъ имѣются особыя конторы для сбора доходовъ. Въ каждой кумирнѣ существуетъ настоятель (да-лама) и нѣсколько человѣкъ, завѣдующихъ доходами кумирни. По описаніямъ китайскаго чиновника Ванъ-Си-Чжень, ламы три раза въ день собираются въ кумирнѣ для совершенія богослуженій. Кромѣ того молебны въ кумирняхъ заказываются монголами. При заказѣ богатаго монгола, въ кумирнѣ собирается отъ 1000 до 2000 ламъ, которые получаютъ за это нѣсколько даней риса, два быка и болѣе 10 барановъ; все это съѣдается въ одинъ день; кромѣ того ламы получаютъ двѣ лошади и до 100 кусковъ холста. Всѣ доходы отъ богослуженій поступаютъ въ теченіе года въ завѣдываніе казначеевъ кумирни и по наступленіи новаго года дѣлятся между ламами монастыря. Насколько велики монастырскіе доходы, видно изъ того, что въ кумирнѣ Морью-Сума (самой богатой въ данномъ хошунѣ) при раздѣлѣ годовыхъ доходовъ простой ученикъ (послушникъ) получаетъ по 20 ланъ серебра. Въ общемъ эта кумирня насчитываетъ годового дохода болѣе 30.000 ланъ серебра. Кумирня Тангарыкъ-Мяо имѣетъ доходовъ до 20.000 ланъ. Самыя незначительныя кумирни съ нѣсколькими ламами получаютъ доходъ свыше 1.000 ланъ въ годъ. По разсчетамъ указаннаго чиновника, всѣ кумирни хошуна Дархань-вана имѣютъ приблизительно годового дохода до 150.000—160.000 ланъ.

Въ хошунѣ Цзасакту-Вана Цзакъ-Голскаго сейма имѣется 22 кумирни съ 3.618 ламами. Самая крупная кумирня Гегэнъ-Мяо имѣетъ до 1.900 ламъ и получаетъ ежегодныхъ доходовъ въ размѣрѣ 5.000 ланъ, 3.000 головъ рогатаго скота, барановъ и лоша-

дей, 300 кусковъ бѣлаго холста и болѣе 100 даней проса. Кумирня Тэнгэгэ-Мяо, имѣя 50 ламъ, получаетъ доходовъ въ годъ 600 ланъ, болѣе 100 штукъ скота и 100 кусковъ холста. Кумирня Мохо-Мяо съ 45 ламами имѣетъ 5 фанъ земли и ежегодный доходъ въ 2.000 китайскихъ долларовъ. Кумирня Байчи-Мяо при 10 ламахъ имѣетъ доходу до 1.000 кит. долларовъ. Кумирня Аріабуду-сумэ съ 70 ламами имѣетъ 2 фана земли и 1.000 дол. годового доходу. Кумирня Лаоэ-Мяо съ 23 ламами имѣетъ 17 фанъ земли и болѣе 1.000 дол. ежегоднаго дохода. Кумирня Кай-Тунъ-Саня при 40 ламахъ имѣетъ дохода болѣе 3.000 дол. Кумирня Оронъ-Сумэ при 50 ламахъ имѣетъ 4 фана земли и 2.000 дол. дохода. Кумирня Пинъ-Динъ-Мяо съ 50 ламами имѣетъ 2 фана земли и 2.000 дол. доходовъ. Ученики, состоящіе при кумирняхъ, получаютъ содержаніе изъ своего дома.

Въ другомъ маленькомъ хошунѣ Дурбетъ-Бейсэ Чжеримскаго сейма, по китайскимъ даннымъ, при численности населенія около 4.000 человѣкъ, имѣется 9 кумирень, въ которыхъ проживаетъ одинъ гегэнъ, 40 ламъ тайджи и 221 простыхъ ламъ. Эти кумирни и ламы содержатся прежде всего на деньги, получаемыя отъ сдачи пахотныхъ земель, принадлежащихъ кумирнямъ, китайцамъ-земледѣльцамъ. Однако этихъ денегъ не хватаетъ, и ламы пользуются пособіями отъ своихъ семействъ и сборами съ богомольцевъ, пріѣзжающихъ на праздники въ кумирни. Эти сборы по окончаніи празднествъ дѣлятся между ламами. Кромѣ того вещи, остающіяся послѣ смерти монголовъ, отдаются точно также въ кумирни.

Вліяніемъ указанныхъ факторовъ объясняется упадокъ благосостоянія нѣкоторыхъ хошуновъ. Такъ, въ Монголіи цѣлый рядъ хошуновъ совершенно обнищалъ; на это жалуются не только самы монголы, но и русскіе, и даже китайскіе купцы. На Дзабхынѣ, на Хунгуѣ, въ ургинскомъ районѣ приходилось проѣзжать обѣднѣвшими районами, гдѣ люди иногда испытываютъ затяжныя голодовки, гдѣ никто не увѣренъ въ завтрашнемъ днѣ, такъ какъ въ разоренныхъ хошунахъ притязанія властей неизбѣжно направляются по адресу немногихъ мало-мальски состоятельныхъ одиночекъ. Обѣднѣніе приводитъ къ сильному сокращенію потребностей отдѣльныхъ хозяйствъ и къ росту задолженности, которая сама по себѣ является факторомъ прогрессирующаго оскудѣнія монголовъ.

Въ Сойотіи, по показаніямъ мѣстныхъ жителей, совсѣмъ обѣднѣли Сальджакскій сумонъ и Мада-хошунъ.

Другіе районы не обнаруживаютъ такого обѣднѣнія.

Опредѣлить степень экономическаго благосостоянія можно численностью скота. Напр., въ Западной Монголіи на западъ отъ

города Кобдо владѣлецъ только 80 ямановъ считается уже бѣднякомъ, а богачемъ является собственникъ стада барановъ не менѣе 1.000 головъ и лошадей не менѣе 200.

Въ хошунѣ Дарханъ-вана богачъ имѣетъ по 1—2 тысячи головъ рогатаго скота и лошадей, бѣдняки имѣютъ по 30—40 головъ рогатаго скота, барановъ и лошадей.

Идеальнымъ состояніемъ отдѣльнаго хозяйства будетъ такое, когда ежегодный расходъ на домашнія потребности и уплату повинностей будетъ покрытъ текущимъ доходомъ и не затронетъ имущества. Но такое хозяйственное соотношеніе нарушается вездѣ и повсюду въ сторону превышенія расходовъ, главнымъ образомъ по уплатѣ албы. Не даромъ почти каждое монгольское хозяйство обременено долгами и каждый хошунъ задолженъ, безъ вѣроятной возможности скораго освобожденія, китайскимъ и русскимъ купцамъ. Русскіе купцы, орудующіе въ округахъ Кобдо и Улясутая, считаютъ (1910 г.), что за Монголіей у нихъ имѣется долговыхъ обязательствъ на „нѣсколько милліоновъ рублей“.

Въ Сойотіи мы имѣемъ также различныя градаціи состоятельности. Напр., въ зажиточныхъ районахъ (Да и Бэси-хошунахъ, въ Ойнарскомъ хошунѣ) средній сойотъ имѣетъ 5 дойныхъ коровъ, 3—4 быка, 10 недойныхъ коровъ, до 100 барановъ и до 50 лошадей. Богачемъ считается человѣкъ, имѣющій до 500 лошадей, до 300 штукъ рогатаго скота, до 2.000 барановъ и кромѣ того деньги. Въ обѣднѣвшихъ хошунахъ средній сойотъ имѣетъ около 10 барановъ или ямановъ, 1—2 коровы, 2—3 лошади и нѣсколько дойныхъ кобылицъ. Нужно замѣтить, что абсолютныя цыфры, характеризующія отдѣльныя монгольскія хозяйства, не могутъ дать точнаго представленія о степени состоятельности хозяйствъ различныхъ полосъ Монголіи. Такъ какъ расходы монголовъ въ громадныхъ размѣрахъ обусловлены принудительными платежами, то въ каждомъ хошунѣ, смотря по аппетитамъ князей, монголъ съ сотней барановъ будетъ то богачемъ, то бѣднякомъ: все зависитъ отъ того, сколько съ него сдерутъ князь и съ его помощью китаецъ или русскій купецъ. А кромѣ того, развитіе другихъ промысловъ, главнымъ образомъ, охоты, разнообразитъ удѣльный вѣсъ скотоводческаго хозяйства.

Во многихъ районахъ Монголіи, кромѣ скотоводства, монголы и въ особенности сойоты занимаются также охотой. Они охотятся въ горахъ за еренями (горными козлами), а въ долинахъ за кошкорами (степными козлами) и такъ далѣе, добывая и мясо, и шкурки, которыя находятъ прочный сбытъ на рынкѣ, особенно для вывоза въ Китай. Далѣе населеніе охотится за пуш-

Лѣсъ на Тюмиртинскомъ перевалѣ (водораздѣлъ Мурина).

Пшеница на рѣкѣ Орхонѣ.

ными звѣрями, дающими мѣха для вывоза на Западъ. На первомъ мѣстѣ стоитъ въ настоящее время сурокъ—тарбаганъ,—скупаемый въ большомъ количествѣ по всей Монголіи пріѣзжими фирмами. Далѣе идутъ лисицы, косули, рыси, изюбри, соболи, барсуки и др. Иногда монголы устраиваютъ облавы на волковъ, которые водятся въ большомъ количествѣ въ горахъ Монголіи и причиняютъ большой уронъ скоту. Въ долинѣ рѣки Кобдо въ Западной Монголіи охотятся на фазановъ, которые вывозятся въ Россію. Кое-гдѣ существуетъ охота на дикихъ кабановъ. Въ Сойотіи жители бьютъ зимой рябчиковъ, на которыхъ возникъ спросъ со стороны русскихъ купцовъ. Доминирующее значеніе имѣетъ охота на сурковъ, такъ какъ непомѣрно быстрый ростъ цѣнъ на сурочьи шкурки сдѣлалъ этотъ промыселъ весьма выгоднымъ. Охота на сурковъ обогащаетъ улясутайскую и ургинскую Монголію.

Земледѣліе развито въ различныхъ мѣстностяхъ неодинаково, въ зависимости отъ естественныхъ условій и отъ привычекъ населенія, а, главное, отъ внѣдрѣнія осѣдлыхъ китайцевъ.

Въ Западной и Сѣверо-западной Монголіи земледѣліе встрѣчается только спорадически и на небольшихъ пространствахъ. Имѣются казенныя пашни площадью въ нѣсколько сотъ десятинъ около города Кобдо, которыя обрабатываются для нуждъ Кобдосской крѣпости и китайскихъ войскъ, расположенныхъ въ Монголіи. Экспедиція встрѣчала небольшіе посѣвы около озера Хара-Усу. Распахивается для сельско-хозяйственныхъ цѣлей долина Уланкома. Въ этой послѣдней земледѣліемъ занимаются мѣстные монголы и ламы Уланкомскаго монастыря, которые пользуются при этомъ преимущественно трудомъ своихъ учениковъ. Затѣмъ земледѣліе встрѣчается по рѣкамъ Орхону, Селенгѣ, Булугуну. Между Ургой и Кяхтой экспедиція встрѣчала настоящія сельскохозяйственныя фермы китайцевъ.

Нѣсколько болѣе распространено земледѣліе въ Сойотіи. Въ этомъ краѣ земледѣліе развито болѣе въ сѣверной его половинѣ. Въ южной части Сойотіи пашни встрѣчаются рѣдко, около рѣки Кемчика ихъ уже значительно больше, а къ Чжакулю и около Верхняго Енисея еще больше. На сѣверъ отъ Енисея сельскохозяйственная обработка земли, и притомъ русскими колонистами, становится главнымъ занятіемъ. Старожилы указываютъ, что раньше въ сѣверо-восточной части Сойотіи туземцы занимались земледѣліемъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ, чѣмъ въ настоящее время. Сокращеніе сойотскаго земледѣлія обусловливалось усиленіемъ ввоза русской муки. На югъ отъ Енисея сойоты пока не позволяютъ русскимъ заниматься обработкой земли. Они говорятъ русскимъ:

дайте намъ сѣмена, мы посѣемъ, а жатву раздѣлимъ. Здѣсь земледѣльческія работы выполняются сойотами; создается нѣчто въ родѣ испольщины. Около Чжакуля сойоты, выполняющіе по порученію русскихъ сельскохозяйственныя работы, получаютъ послѣ снятія урожая по 3 руб. съ мѣшка зерна.

Въ Западной Монголіи и Сойотіи вездѣ земледѣліе по необходимости связано съ искусственнымъ орошеніемъ. При песчаномъ и каменистомъ характерѣ почва не была бы способна давать урожаи, если бы жители не примѣняли искусственнаго орошенія. Отъ протекающихъ рѣкъ и ручьевъ отводятся оросительныя канавы и развѣтвляются по полямъ такимъ образомъ, чтобы охватить густой сѣтью всѣ засѣянныя поля. Въ началѣ каждой канавы имѣются загражденія, которыя по извѣстному порядку поднимаются и пропускаютъ воду на поля. Однако въ западной половинѣ Монголіи воды немного. Имѣется всего нѣсколько небольшихъ рѣкъ, такъ что во многихъ мѣстностяхъ жители вынуждены пользоваться водой изъ колодцевъ. Въ виду этого и земледѣліе можетъ имѣть здѣсь только ограниченное приложеніе.

Въ гораздо большей степени развито земледѣліе въ восточной Монголіи, гдѣ и почва болѣе плодородна, и водные источники болѣе богаты. Что означаетъ въ Монголіи искусственное орошеніе, можно судить хотя бы по городу Кобдо, который весь изрѣзанъ оросительными каналами: кругомъ безлѣсная, полупесчаная пустыня, нѣтъ ни кустовъ, ни хорошихъ луговъ. Но городъ утопаетъ въ зелени густыхъ тополей, во дворѣ крѣпости тѣнистый паркъ, кругомъ огороды съ хорошими и дешевыми овощами. Естественно, что площадь, доступная земледѣлію, строго ограничивается возможностью провести воду. Въ этомъ отношеніи китайцы побиваютъ рекорды трудолюбія и энергіи. Напримѣръ, въ ургинскомъ районѣ нѣкоторыя пашни обслуживаются каналами въ 5—10 верстъ длины. Между Улясутаемъ и Ургой есть много богатыхъ водой рѣкъ, кромѣ того, этотъ районъ отличается, по сравненію съ Западной Монголіей, богатствомъ атмосферическихъ осадковъ. Такія долины, какъ долина рѣки Мурина, Орхона, Селенги, Тоолы и цѣлаго ряда менѣе значительныхъ рѣкъ, безусловны годны для прочной осѣдлости, которая обусловитъ сильное развитіе земледѣльческаго хозяйства. И теперь по берегамъ этихъ рѣкъ можно видѣть сельскохозяйственныя заимки, по преимуществу китайцевъ. Такія китайскія фермы, обыкновенно въ то же время являются и торговыми резиденціями для мелочнаго торга съ окрестными монголами. Особенно густа сѣть китайскихъ заимокъ между Ургой и Кяхтой, и въ системѣ богатой притоками рѣки Иро. Китайскія фермы имѣютъ

неодинаковые размѣры; можно было видѣть площади, занятыя полями, въ размѣрѣ отъ 20 до 100 десятинъ и болѣе. Обычно въ центрѣ заимки стоитъ фанза изъ дерева, тѣмъ болѣе, что въ этой части Монголіи есть много строевого лѣса, хотя мѣстами фанзы дѣлаются и изъ глины. Въ китайскомъ хозяйствѣ имѣются лошади, быки, яки. Около фанзъ иногда видиѣлись куры, свиньи. На поляхъ не видно рабочихъ монголовъ, работаютъ по большей части только одни китайцы. Поля поражаютъ своимъ хорошимъ видомъ, около фанзъ огороды обращаютъ на себя вниманіе своимъ прекраснымъ состояніемъ. Въ этихъ мѣстахъ китайцы изъ года въ годъ расширяютъ свои запашки, увеличивая черту постоянной осѣдлости. Этой осѣдлости мало вредитъ и то обстоятельство, что китайцы не ввозятъ своихъ женъ въ предѣлы Монголіи, а живутъ во временныхъ бракахъ съ монголками, приживая съ ними дѣтей. Наличность китайскихъ фермъ по дорогѣ изъ Урги въ Кяхту рѣзко измѣнила общую физіономію этого района Монголіи: здѣсь нѣтъ уже той первобытной дикости, которая отличаетъ остальную Монголію. здѣсь кругомъ поля съ золотистою пшеницею, прочныя постройки, обозы, вдоль дороги тянется телеграфная проволока датскаго телеграфа, соединяющая Ургу съ Кяхтинскимъ Маймаченомъ. Отсюда, вѣроятно, пойдетъ натискъ на западъ въ сторону улясутайской Монголіи, гдѣ есть не мало долинъ, пригодныхъ для прочной осѣдлости. Этотъ районъ такъ густо заселенъ китайцами, что на золотыхъ пріискахъ работаютъ тысячи китайскихъ рабочихъ, китайскими же рабочими обслуживаются и китайскія фермы. Китайцы очень искусно создали нѣкоторое „средостѣніе“ между Россіей и Монголіей, размѣстивъ свои фермы на дорогѣ отъ Кяхты къ Ургѣ, этомъ самомъ старинномъ пути, связывающемъ Россію и Монголію.

Земледѣльческія орудія, съ русской точки зрѣнія, совершенно первобытны, но они приспособлены къ огородной культурѣ пашенъ. Эти пашни, орошенныя сѣтью каналовъ, обрабатываются, какъ огороды: съ поливкой и выполкой сорныхъ травъ. На поляхъ растетъ пшеница, горохъ, ячмень, просо; въ огородахъ лукъ, рѣдька, чеснокъ, огурцы, капуста. На огородахъ въ Ургѣ выращиваютъ цвѣтную капусту и, по просьбѣ русскихъ, другія болѣе деликатныя овощи.

Въ Соіотіи для обработки почвы примѣняется мѣстная деревянная сошка, сообразно условіямъ почвы: такъ какъ слой земли очень тонокъ (подъ ней находится уже галька), то сошка захватываетъ всего 1—1½ вершка.

Большимъ зломъ земледѣлія въ Сѣверо-восточной Монголіи являются дикіе гуси и журавли, которые въ громадныхъ количе-

ствахъ садятся на поля и пожираютъ посѣвы. Монголы не охотятся за этими дикими птицами, а потому онѣ размножаются безпрепятственно, нанося серьезный ущербъ земледѣльцамъ. Птицы тысячами спускаются на пашни, не обращая вниманія не только на поставленныя чучела, но даже и на проѣзжающихъ людей.

Осенью хлѣбъ или срѣзывается русскими серпами, или выдергивается вмѣстѣ съ корнемъ. Послѣ просушки на полѣ онъ тутъ же молотится ногами быковъ и лошадей, и затѣмъ вѣется.

Сѣется въ Монголіи и Сойотіи просо, ячмень, яровая пшеница, и рѣдко—овесъ.

По примѣру русскихъ населеніе начинаетъ заготовлять въ небольшомъ количествѣ сѣно для зимняго корма скота.

Въ Сойотіи съ недавняго времени начата населеніемъ выдѣлка топленаго масла, на которое появился спросъ со стороны русскихъ купцовъ. Въ Сѣверо-восточной Монголіи продаютъ топленое сало, которое въ небольшихъ количествахъ ввозится въ Россію.

Осѣдлая культура, отучающая домашній скотъ отъ кочевыхъ условій, вызываетъ потребность въ сѣнѣ. Поэтому въ Сѣверо-восточной Монголіи можно видѣть большіе сѣнокосы, напр., на трактѣ между Ургой и Кяхтой. Косятъ высокую и густую траву при помощи русскихъ косъ. Въ долинахъ небольшихъ рѣчекъ можно было видѣть прекрасные луга. Да и въ кочевыхъ условіяхъ запасы сѣна были бы не лишней гарантіей противъ возможной зимней безкормицы и гололедицы. Но наличность рабочихъ силъ въ монгольскомъ скотоводческомъ хозяйствѣ не позволитъ, конечно, обезпечить сѣномъ большое стадо. Стада и табуны китайскихъ чиновниковъ иногда обезпечиваются сѣномъ. Такъ, напр., кобдосская крѣпость возлагаетъ на монголовъ натуральную повинность по обезпеченію ея сѣномъ. Одна русская фирма привезла въ Кобдо сѣнокосилку и условилась съ монголами, что фирма накоситъ сѣна себѣ и въ крѣпость и тѣмъ самымъ избавитъ монголовъ отъ непривычнаго дѣла. Монголы съ радостью согласились на это предложеніе, но власти запретили отводить луга для этихъ экспериментовъ и сѣнокосилка праздно лежитъ въ сараѣ... Маленькіе покосы видны около перевозовъ, около станцій, гдѣ лошадей нельзя далеко пускать въ табуны. Все это создаетъ небольшой, но прочный сбытъ для русскихъ косъ. Огромныя же долины, недоступныя для пашенъ, вслѣдствіе отсутствія воды, такъ и просятся подъ сѣнокосилки, но все это—дѣло будущаго, когда факторы, разлагающіе основные устои монгольскаго соціально-экономическаго быта, сдѣлаютъ свое разрушительное дѣло и выработаютъ новыя хозяйственныя формы...

На ряду съ отдачей въ аренду земель подъ пашни, въ Монголіи были попытки арендованія озера Косоголъ, богатаго рыбой, для рыболовства. Такую аренду взяли пріѣзжіе русскіе, но первый опытъ, не смотря на богатство озера рыбой, окончился по неизвѣстнымъ причинамъ полной неудачей. Можно думать, что со временемъ Монголія можетъ дать значительныя количества дешевой рыбы. Рыбы и соли тамъ въ изобиліи. Правда, въ Монголіи нѣтъ дорогихъ сортовъ рыбы, такъ что въ этомъ отношеніи она не будетъ привлекать капиталъ и промышленниковъ. Были попытки ввозить монгольскую соленую рыбу въ предѣлы Россіи. Въ настоящее время рыбой въ Монголіи пользуются проживающіе тамъ русскіе и китайцы.

Рыболовствомъ начали довольно много заниматься китайцы въ районахъ Восточной Монголіи. Такъ, въ хошунѣ Дурбетъ-Бейсе Чжеримскаго сейма, согласно оффиціальнымъ китайскимъ свѣдѣніямъ, китайцы добываютъ въ разныхъ мѣстахъ (свыше 10 рыбныхъ ловель) нѣсколько десятковъ тысячъ пудовъ рыбы въ годъ, за что платятъ монголамъ пошлину. Въ сѣверномъ Хорлосскомъ хошунѣ того же Чжеримскаго сейма весьма развиты рыбные промыслы на рѣкахъ Сунгари и Нонни, но и эти промыслы находятся цѣликомъ въ рукахъ китайцевъ изъ Шаньдунской провинціи. По берегамъ рѣкъ, какъ сообщаетъ донесеніе китайскаго чиновника, построено китайцами для рыбной ловли болѣе 200 домовъ. Лица, занимающіяся болѣе крупными промыслами, платятъ князю пошлину по 27 ланъ въ годъ, болѣе мелкіе рыбопромышленники вносятъ по 8—10 ланъ.

Въ послѣднее время китайское правительство обратило вниманіе на крайне-восточную Монголію, какъ на мѣсто китайской колонизаціи. Оно вынудило князей хошуновъ Чжа-Сан-Ту, Ту-Ше-Ту и Ту-Шэ-Чунъ согласиться на отчужденіе около 4 мил. десятинъ для китайскихъ поселенцевъ. Въ хошунѣ Чжа-Лайтъ отчуждено для той же цѣли около 1/2 милл. дес. На этихъ земляхъ ведется въ большихъ размѣрахъ земледѣліе. По сообщенію г. Балабана[1]), знатока Дальняго Востока, здѣсь собирается до 8 1/2 милл. пуд. разныхъ хлѣбовъ. Такимъ образомъ, этотъ благословенный районъ становится виднымъ производителемъ хлѣба и выдвигается въ качествѣ покупателя промышленныхъ издѣлій. По свѣдѣніямъ Кяхтинскаго пограничнаго коммисара, усиленно колонизируются китайцами монгольскія земли Чжеримскаго сейма, въ которомъ болѣе 1/3 пространства уже занято китайскими колонистами-земледѣльцами.

---

1) Торг.-Пром. газета 1910 г., № 69.

Колонизаціонныя цѣли Китая въ этомъ районѣ подтверждаются многочисленными указами и распоряженіями китайскаго правительства послѣднихъ 5 лѣтъ. Китай имѣетъ здѣсь въ виду укрѣпленіе своихъ границъ и созданіе выхода для избыточнаго населенія внутренняго Китая.

О колонизаціонныхъ замыслахъ китайцевъ въ отношеніи Монголіи свидѣтельствуютъ между прочимъ донесенія спеціально командированныхъ китайскихъ чиновниковъ, которые обращали особое вниманіе на количество земли, пригодное для земледѣлія. Такъ, чиновникъ Ванъ-Си-Чженъ доноситъ, что въ хошунѣ Дарханъ-вана въ Чжеримскомъ сеймѣ земля, пригодная для земледѣлія, составляетъ [illegible]/10 всей площади земли, и описывалъ тѣ районы, которые сюда могутъ быть отнесены.

Въ хошунѣ Дурбетъ-Бейсе Чжеримскаго сейма подъ колонизацію китайцевъ открыты значительныя площади земли. Чиновникъ отъ Хэйлунцзянскаго губернатора открылъ для колонизаціи до 261.000 шанъ земли, тайджи этого хошуна предоставили подъ колонизацію 237 шанъ.

Въ восточной половинѣ Монголіи по границѣ Забайкалья до Косогола вдоль границы имѣются богатые лѣса, которыми въ широкихъ размѣрахъ пользуются русскіе. Можно указать на Кяхту и Троицкосавскъ, которые получаютъ весь лѣсной матеріалъ изъ Монголіи. Монгольскими лѣсами пользуются русскіе казаки, пограничные крестьяне и купцы. Обычно вырубка лѣса производится на основаніи подарковъ караульнымъ или хошуннымъ монголамъ или прямо самовольно безъ всякаго разрѣшенія. Правильной сдачи лѣса для эксплоатаціи не существуетъ въ виду отрицательнаго взгляда китайскихъ властей на право мѣстнаго населенія отдавать лѣсъ на вырубку. Считаютъ, что рубка лѣса принадлежитъ къ промышленнымъ занятіямъ, которыя не разрѣшены Русско-китайскимъ договоромъ. Въ послѣднее время поднятъ вопросъ о легализаціи права пользованія монгольскими лѣсами при условіи соглашенія съ соотвѣтствующимъ хошуномъ. Сейчасъ же самовольная или купленная за взятку рубка лѣса приводитъ къ хищническому истребленію его. Въ лѣсу, напр., недалеко отъ Кяхты, гніютъ безцѣльно срубленные лѣсные великаны.

Промышленныя занятія, хотя бы въ видѣ мелкихъ домашнихъ работъ, среди туземнаго населенія Монголіи и Сойотіи не получили большого развитія. Можно указать на домашнюю выдѣлку кочмы, которая идетъ главнымъ образомъ для собственнаго потребленія и въ продажу поступаетъ сравнительно мало. Встрѣчаются иногда случаи вывоза монгольской кочмы въ Россію (напр., куп-

цомъ Поповымъ изъ Западной Монголіи). Этотъ вывозъ тормозится колебаніями цѣнъ на кочму внутри Россіи. Иногда монголы уплачиваютъ кочмой свои долги китайскимъ купцамъ. Процессъ производства заключается въ томъ, что на кусокъ кочмы, разостланной по полю, накладывается ровный слой шерсти, который смачивается водой и покрывается сверху другимъ кускомъ кочмы. Все это навертывается на длинную палку и катается при помощи лошадей или быковъ по полю въ теченіе часа. Цѣна кочмы въ Кобдо колеблется между 40 коп. и 60 коп. за аршинъ, а въ Бійскѣ равняется 90 коп.—1 руб.

Далѣе монголы занимаются ручной и весьма примитивной выдѣлкой овчинъ, для собственныхъ потребностей. Эти овчины служатъ шубами, одѣялами и покрышками для вьючныхъ верблюдовъ.

Встрѣчаются монголы, занимающіеся плотничнымъ промысломъ: они дѣлаютъ деревянныя рѣшетки для юртъ, телѣги, колеса, работаютъ въ качествѣ плотниковъ у русскихъ купцовъ.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Монголіи жители занимаются собираніемъ грибовъ, которые въ сушеномъ видѣ сбываются китайцамъ (отъ 1 р. до 2 р. 50 к. за фунтъ), лечебныхъ кореньевъ.

Кромѣ того монголы имѣютъ заработки на мойкахъ шерсти и въ качествѣ работниковъ и приказчиковъ у русскихъ купцовъ. Значительный доходъ получается населеніемъ отъ извознаго промысла. Главный транспортъ товаровъ производится по Монголіи мѣстными жителями на вьючныхъ верблюдахъ, быкахъ и отчасти на лошадяхъ. По сообщенію русскихъ купцовъ перевозка по Монголіи русскихъ грузовъ ежегодно оставляетъ монгольскому населенію до 40.000 лановъ серебра.

Сойоты занимаются выдѣлкой кочмы для своихъ домашнихъ надобностей. Встрѣчаются среди сойотовъ кузнецы. На рѣкѣ Кемчикѣ выдѣлываются изъ шкуръ барановъ овчины, которыя не только потребляются въ домашнемъ быту, но даже вывозятся въ село Арбатское въ предѣлы Минусинскаго уѣзда. Кое-гдѣ существуетъ выдѣлка деревянной посуды и производство изъ особаго мягкаго камня (амальгатолитъ) шахматъ, въ которыя играютъ сойоты, и бурхановъ. Въ монгольскихъ монастыряхъ ламы заняты изготовленіемъ предметовъ религіознаго культа, обученіемъ грамотѣ и т. п.

Особаго вниманія заслуживаютъ попытки русскихъ завести самостоятельное скотоводство въ Монголіи и Сойотіи. Необозримыя пастбища даютъ къ тому большое побужденіе. Небольшія стада имѣются почти у всѣхъ русскихъ купцовъ, но за послѣднее вре-

мя появляются попытки завести скотоводство въ видѣ постояннаго промысла въ болѣе широкомъ масштабѣ. Напр., купецъ Рогалевъ около Кобдо держитъ постоянно рогатый скотъ до 100 головъ. Его стадо пасется нѣсколькими монголами, которые не получаютъ никакого жалованья, но пользуются молокомъ отъ коровъ. Приплодъ составляетъ собственность хозяина. За пастбища не платится ничего. Недостаткомъ этой системы является легкая возможность злоупотребленій со стороны пастуховъ. Послѣдніе могутъ закалывать скотъ для пищи, ссылаясь на то, что животное околѣло естественной смертью.

До сихъ поръ мѣстныя власти смотрятъ сквозь пальцы на небольшія стада русскихъ, но представляется сомнительнымъ, чтобы они предоставили свободу русскому промышленному скотоводству въ широкомъ размѣрѣ въ виду опасеній возможныхъ стѣсненій для туземнаго скотоводства.

Въ прежніе годы въ Сойотіи русскіе отдавали партіи скота сойотамъ для пастьбы и выращиванія за право пользованія молокомъ и употребленія скота на работы. За павшихъ животныхъ сойоты несли матеріальную отвѣтственность. Эта система обезпечивала русскимъ хорошій уходъ и отсутствіе потерь отъ падежа.

Теперь русскіе въ Сойотіи переходятъ къ болѣе усовершенствованной системѣ. Они заводятъ самостоятельное скотоводство, нанимаютъ пастуховъ за жалованье и безъ права пользованія скотомъ. Благодаря этому коровы даютъ лучшій приплодъ, а быки не заѣзживаются. Для улучшенія породы пріобрѣтаются даже племенные производители. Промышленное скотоводство русскихъ развивается въ Сойотіи съ каждымъ годомъ. У нѣкоторыхъ купцовъ имѣются стада въ 1.000 и болѣе головъ.

Многіе районы Монголіи и Сойотіи богаты залежами минеральныхъ богатствъ. Такъ, въ Монголіи на рѣкѣ Иро (притокъ Орхона) работаетъ крупное общество „Монголоръ". добывающее золото. Въ рукахъ этой компаніи (распорядитель г. Гротъ) находится огромная площадь восточной части Халхи отъ устья Бырлыка до Принасихъ „артановъ" (горячихъ минеральныхъ водъ). Валовой доходъ общества руднаго дѣла Тушетухановскаго и Цэцэнхановскаго аймаковъ въ Монголіи за 1910 г. составилъ 2.501.691 руб., стоимость сданнаго золота въ количествѣ 120 пуд. 20 ф. 74 з. 83 д. (за 1908 09 г. 71 п. 31 ф. 85 з. 4 д.) составила 2.187.658 р., сборъ съ золотничниковъ и арендаторовъ 45.991 р., прибыль отъ торговой операціи 67.997 р., отъ реализаціи принадлежащихъ обществу % бумагъ 198.072 р. За поступившее золото уплачено золотничникамъ и арендаторамъ 1.455.529 р., горной подати уплачено 355.858

руб., прінсковые расходы составили 190.102 р., списано пришедшихъ въ негодность товаровъ и имущества на 10.058 р. Чистая прибыль составила 473.878 р., противъ 123.378 р. въ предыдущемъ году. Правленіе предлагаетъ за отчисленіемъ 5% въ запасный капиталъ и 10% въ капиталъ погашенія имущества, всего 54.506 руб., въ капиталъ погашенія стоимости концессіи списать 15% съ остатка прибыли, т. е. 62.906 р., на вознагражденіе главноуправляющаго на пріискахъ отчислить 12.274 р., на вознагражденіе правленія 34.419 р., на вознагражденіе служащихъ 7.164 р. и въ капиталъ погашенія стоимости развѣдокъ 32.608 р. Остающіяся 270.000 руб. предлагается выдать въ дивидендъ акціонерамъ, что составляетъ 15% на основной капиталъ въ 1.800.000 р. По смѣтѣ на 1911 г. предполагается получить прибыли 322.191 р. На рѣкѣ Иро имѣются богатые пріиски кяхтинскаго капиталиста М. А. Лушникова [1]). Въ отношеніи добычи минеральныхъ богатствъ Монголія —еще непочатый край, ея богатство еще совершенно не обслѣдовано.

О нахожденіи золота въ восточной Монголіи имѣются указанія въ оффиціальныхъ донесеніяхъ китайскихъ чиновниковъ. Такъ, въ хошунѣ Цзасакту-вана указывается существованіе золотыхъ пріисковъ въ мѣстности Э-Ма-Ту. Кромѣ того за кумирней Гегэнъ-Мяо находятся горы Толой-Тулала, въ которыхъ есть золото. Недавно пріѣзжалъ въ хошунъ одинъ японецъ, испросившій у князя разрѣшеніе на развѣдки; изслѣдованіе горъ показало существованіе богатыхъ розсыпей. Тогда японецъ предложилъ Цзасакту-вану разрабатывать золото совмѣстно и обѣщалъ внести на это дѣло 400.000 ланъ.

Въ Сойотіи имѣются залежи каменнаго угля, асбеста, горнаго воска, слюды, марганца, мѣди, желѣза, каменной соли, золота. Однако до сихъ поръ разработка этихъ богатствъ встрѣчаетъ огромное затрудненіе со стороны мѣстнаго населенія, которое считаетъ грѣхомъ разрывать нѣдра земли, за который духи могутъ мстить человѣку. Русскимъ удалось добиться разрѣшенія на разработку только золотыхъ пріисковъ. И золотопромышленность получила въ Сойотіи довольно значительное развитіе. Она сосредоточена по системамъ Большого и Малаго Енисея. Въ 1909 г. дѣйствовало 10 пріисковъ съ 271 рабочимъ, причемъ было добыто по оффиціальнымъ даннымъ 5 пуд. 25 фунтовъ, не считая тайнаго золота. Кромѣ того въ 1909 г. поступило 51 новыхъ заявки объ отводѣ пріисковъ. Въ 1908 г. было добыто 9 пудовъ золота.

---

[1]) На пріискахъ „Монголоръ" и Лушникова работаютъ тысячи китайскихъ рабочихъ.

Существуетъ мнѣніе, будто русская торговля съ Монголіей падаетъ съ каждымъ годомъ и обречена на гибель. Этотъ взглядъ не можетъ быть признанъ правильнымъ, такъ какъ, по имѣющимся статистическимъ даннымъ, торговый оборотъ Россіи съ Монголіей въ общемъ не только не уменьшается, но даже увеличивается. Измѣняется только значеніе отдѣльныхъ районовъ сбыта и отдѣльныхъ товаровъ.

Картина экспорта Россіи въ Монголію и импорта въ Россію можетъ быть составлена по даннымъ ежегодныхъ отчетовъ о внѣшней торговлѣ департамента таможенныхъ сборовъ.

Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить свойства этого цифрового матеріала. Точныя цифры могли бы съ достаточною убѣдительностью показать основныя тенденціи въ развитіи русско-монгольской торговли. Но къ сожалѣнію, тотъ цифровой матеріалъ, который удалось собрать для рѣшенія поставленныхъ задачъ, далеко не представляется удовлетворительнымъ.

Русскій вывозъ въ Монголію и ввозъ изъ Монголіи подвергается регистраціи въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Во-первыхъ, русскія пограничныя таможни записываютъ количество и стоимость проходящихъ границу товаровъ. Во-вторыхъ, купеческія организаціи въ Монголіи представляютъ въ русскія консульства такъ называемыя торговыя свѣдѣнія относительно оборотовъ каждой самостоятельной фирмы, ведущей дѣла въ Монголіи. Наконецъ, Кяхтинское купечество самостоятельно собираетъ и публикуетъ свѣдѣнія о товарообмѣнѣ Россіи съ Китаемъ. Во всѣхъ случаяхъ главнымъ источникомъ статистическихъ свѣдѣній являются показанія самихъ купцовъ. Торговыя свѣдѣнія въ консульствахъ даются самими купцами и никакой послѣдующей повѣркѣ не подлежатъ, да и врядъ ли эта повѣрка возможна. Хотя представленіе этихъ свѣдѣній и обязательно для торговцевъ, но далеко не всѣ купцы посылаютъ свои отчеты. Въ рукахъ консула нѣтъ никакихъ средствъ заставить купца послать требуемыя свѣдѣнія. Поэтому данныя объ оборотахъ торговли въ консульствахъ завѣдомо неполны. Кромѣ того, эти данныя и мало достовѣрны; объ этомъ въ одинъ голосъ свидѣтельствовали всѣ спрошенные нами авторы торговыхъ свѣдѣній, которые не видятъ никакой пользы отъ посылки свѣдѣній. Да врядъ ли и консульства пользовались присылаемыми свѣдѣніями. Въ Улясутайскомъ консульствѣ за 5—6 лѣтъ его существованія былъ составленъ только одинъ обзоръ русско-монгольской торговли, лишенный всякаго практическаго значенія и интереса. Свѣдѣнія, которыя собираются таможнями, точно также грѣшатъ во многихъ направленіяхъ, такъ какъ собираніе этихъ свѣдѣній

въ виду отсутствія таможеннаго обложенія ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ превращается въ простую формальность. Таможня опирается на показанія купцовъ, которые прекрасно знаютъ, что ихъ данныя о количествѣ ввозимыхъ товаровъ потомъ сообщаются податной инспекціи для опредѣленія промысловаго налога. Цѣнность объявляемыхъ продуктовъ и товаровъ базируется опять-таки на показаніяхъ купцовъ или на данныхъ изъ накладныхъ. Показанія купцовъ мало провѣряются, а накладныя пишутся, какъ Богъ на душу положитъ, потому что объявленіе цѣнности не связано съ фискальными дѣйствіями. Нашъ грузъ сухарей, пересланный по накладной, былъ объявлень транспортеромъ по миѳической цѣнѣ. И это,—говорятъ,—общее правило. Эти замѣчанія относятся и къ тѣмъ свѣдѣніямъ о ввозѣ и вывозѣ, которыя сообщаются Кяхтинскимъ купечествомъ. Наиболѣе точны свѣдѣнія о товарахъ, по которымъ таможней возвращаются пошлины и акцизы.

Вотъ почему приводимыя статистическія данныя могутъ дать намъ только приблизительную схему товарообмѣна Россіи и Монголіи. Какъ бы ни были велики уклоненія цифръ отъ дѣйствительности, все-таки основныя теченія будутъ ими намѣчены. Сравнивая данныя двухъ источниковъ, именно, данныя таможенной статистики и консульской статистики, мы замѣчаемъ, что штрихи, отмѣчающіе общія теченія торговли, тамъ и здѣсь совпадаютъ. Это даетъ право обратить вниманіе читателя на приводимый статистическій матеріалъ. Въ утѣшеніе можно замѣтить, что данныя европейскихъ таможенъ, по единогласному свидѣтельству компетентныхъ иностранныхъ изслѣдователей, точно также не отличаются особой точностью.

Таблица товарообмѣна Россіи и Монголіи, приводимая на стр. 164, даетъ цифры въ рубляхъ:

Г О Д А.	Кошъ-Агачская таможня.		Зайсанская таможня.		По границѣ съ Сойотіей.		Кяхтинская таможня.	
	Вывозъ въ Монголію.	Ввозъ изъ Монголіи.	Вывозъ въ Монголію.	Ввозъ изъ Монголіи.	Вывозъ въ Монголію.	Ввозъ изъ Монголіи.	Вывозъ въ Монголію.	Ввозъ изъ Монголіи.
1865	35.000	45.000	—	—	—	—	—	—
1873	170.000	126.000	—	—	—	—	—	—
1871	374.826	158.937	496.823	119.629	98.171	101.258	1.548.477	12.622.785
1892	174.636	163 340	184.691	174.149	77.291	81.802	1.492.399	13.279.744
1893	212 977	189.288	238.243	201.076	64.762	77.754	951.581	12.378.580
1894	229.661	270.952	345.530	305.723	58.324	56.713	731.338	13 542.867
1895	229.767	414.789	560.196	344.212	65.696	82.126	966.566	
1896	440.888	560.563	469.067	170.648	113.664	130.428	976.023	
1897	363.468	640.686	301.669	206.546	133.900	133.167	1.057.835	
1898	403.300	574 604	334.935	273.166	153.505	136.[illegible]67	953.437	
1899	368.790	589.142	420.470	312.056	155.792	143 153	975 773	
1900	373.408	552.263	407.212	263.472	118.144	122.400	594.254	14.479.500
1901	413.781	920.975	326.654	68.337	130.776	14[illegible].556	212 265	4.209.175
1902	576.195	1.168.446	434.075	248.831	141.742	147.105	752.189	6 413.0[illegible]1
1903	496.370	1.188.136	458.869	373.254	146.851	161.149	768.243	8.482 372
1904	294.438	1.364.276	441.963	454.136	156.062	159.346	677.463	6.882.668
1905	436.862	1 540.984	362.352	488.226	151.138	175.267	1.239.004	6.923.030
1906	550.006	1.204.615	409.412	619.867	157.002	238.478	1.591.711	7.691.651
1907	563 463	1.595.805	630.955	739.104	206.892	206.429	746.593	6.351.158
1908	363.657	1.511.513	593.792	755.051	218.513	224.596	556.351	5.001.349
1909	764·831	1.843.318	557.594				627·152	5.787.286
1910	775.962	4.021.906						

Общая картина торговаго оборота такова, что для Кошъ Агачской и Зайсанской таможни и для Сойотской границы не только не замѣчается сокращенія вывоза изъ Россіи въ Монголію, но даже можетъ быть констатирована тенденція къ нѣкоторому его увеличенію. Что же касается ввоза изъ Монголіи въ Россію, то онъ значительно выросъ за послѣдніе 20 лѣтъ: по Кошъ-Агачской таможнѣ въ 11 разъ, по Зайсанской таможнѣ—въ 6 разъ, по Сойотской границѣ—вдвое.

Особнякомъ стоитъ Кяхтинская таможня, которая характеризуетъ частью нашу торговлю съ восточной Монголіей, частью нашу торговлю съ внутреннимъ Китаемъ. Чайная торговля черезъ Кяхту падаетъ съ каждымъ годомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается и нашъ вывозъ черезъ Кяхту, главнымъ образомъ вывозъ мануфактурныхъ товаровъ.

Если взять итоги торговаго оборота только съ Западной Монголіей, то получится такая картина:

	Ввозъ въ Монголію.	Вывозъ изъ Монголіи.
1891 г. . . .	969 820 р.	379 824 р.
1908 г. . . .	1.175.962 р.	2.491.160 р.
Увеличеніе . .	на 22%	566%.

Такимъ образомъ наша торговля съ западной Монголіей никоимъ образомъ не падаетъ, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже развивается.

Если обратиться къ болѣе детальному анализу состава ввоза изъ Монголіи и вывоза въ нее, то, какъ мы покажемъ дальше, за послѣднія десятилѣтія произошли нѣкоторыя измѣненія. Товары, игравшіе первостепенную роль, отошли на задній планъ, и выдвинулись такіе товары, которыхъ раньше почти не было въ оборотѣ съ Монголіей. Одни товары замѣнились другими, увеличилась цѣнность товаровъ и общій оборотъ въ концѣ концовъ увеличился.

Конечно, если сравнивать торговые обороты Монголіи и Китая съ оборотами Монголіи и Россіи, то послѣдніе окажутся много меньше первыхъ. Вывозъ изъ Монголіи въ Китай только черезъ Куку-Хото опредѣляется экспедиціей фирмы Циндоля приблизительно въ 35 мил. руб., а ввозъ въ нее въ 15 мил. Сумма торговаго оборота въ 50 мил. руб. много выше общей суммы оборота Монголіи и Россіи, составлявшей въ 1908 г. въ общемъ итогѣ около 8 мил. руб., въ 1909 г. свыше 8½ мил. руб.

Что представляетъ собой Сѣверная Монголія, какъ возможный рынокъ сбыта для Россіи? Для отвѣта на этотъ вопросъ, хотя

бы приблизительно, мы попытаемся сдѣлать оцѣнку потребленія туземнаго населенія.

На первомъ мѣстѣ среди обработанныхъ издѣлій стоятъ ткани, нужныя монголамъ и сойотамъ для ихъ верхнихъ халатовъ и для нижняго бѣлья. У каждаго монгола средней состоятельности имѣется три-четыре халата, лѣтній изъ далембы, дождевой изъ простого сукна, зимній изъ овчины и праздничный (изъ сукна или чесучи). Халатъ, смотря по качеству, служитъ отъ 1 года до 4-5 лѣтъ. Халатъ изъ русской далембы, по показаніямъ монголовъ и русскихъ купцовъ, служитъ не болѣе одного лѣта, изъ китайской далембы служитъ два лѣта. Суконные халаты держатся отъ 4 до 6 лѣтъ. Можно принять, что въ среднемъ монголъ долженъ дѣлать себѣ по одному халату въ два года.

Нижнее бѣлье состоитъ у монгола и сойота изъ рубахи и штановъ, обычно дѣлаемыхъ изъ бязи, или монгольскаго полотна, или изъ дабы. Единственная пара, которую имѣетъ монголъ, носится имъ до тѣхъ поръ, пока она не расползется отъ ветхости. Бѣлье не стирается, такъ какъ жители не знаютъ употребленія мыла, а носится безъ смѣны. Въ годъ монголъ спашиваетъ одну—двѣ пары бѣлья.

Такимъ образомъ въ среднемъ монголъ предъявляетъ спросъ на ткани (хлопчатобумажныя и шерстяныя) въ количествѣ 15—20 аршинъ въ годъ. Если принять число монголовъ, покупающихъ ткани, за 1,2—1,5 мил. чел., то годовой спросъ на ткани можно опредѣлить не менѣе 4—5 мил. руб.

Крупнѣйшимъ объектомъ торговли является кирпичный чай, служащій чуть не основой питанія монголовъ. Для опредѣленія хотя бы приблизительнаго количества чая, потребляемаго въ Монголіи мы можемъ исходить изъ нормъ, указанныхъ монголами при опросахъ экспедиціи. Монгольская семья средней зажиточности потребляетъ въ мѣсяцъ отъ 3 до 4 кирпичей чая; въ путешествіяхъ потребленіе его увеличивается до 6 чаевъ. Бѣдныя группы населенія потребляютъ чая не меньше, если не больше, такъ какъ онъ является основнымъ ихъ питаніемъ. Принимая такимъ образомъ мѣсячное потребленіе чая монгольской семьи около 3 кирпичей, мы опредѣляемъ количество чая, нужнаго для всей сѣверной Монголіи, не менѣе какъ въ 9—10 милліоновъ кирпичей. Записка Улясутайскихъ купцовъ 1909 года опредѣляла количество чая, идущаго изъ внутренняго Китая въ Монголію, болѣе 150.000 ящиковъ, т. е. болѣе 5.850.000 кирпичей. Слѣдовательно, на одной торговлѣ чаемъ китайскія фирмы, въ рукахъ которыхъ всецѣло сосредоточивается сбытъ этого продукта, выручаютъ не менѣе 7—8 мил. руб.

Кромѣ того, въ Монголіи сбывается много китайскаго табаку. Всѣ монголы курятъ табакъ. Если принять, что курильщикъ потребляетъ въ мѣсяцъ тюнью табаку, то это составитъ на сѣверную Монголію (исключая женщинъ, дѣтей и бѣдняковъ) не менѣе 8 мил. тюньзъ, продажная стоимость которыхъ равняется 3½—4 руб.

Что касается остальныхъ товаровъ, то, конечно, нѣтъ возможности точно установить частоту покупокъ этихъ разнообразныхъ предметовъ домашняго обихода. Обозрѣвая вещи, нужныя монголу для домашняго хозяйства, для верховой ѣзды, для себя лично, мы едва ли ошибемся, принявъ, какъ минимумъ, спросъ на всѣ остальные товары на семью въ среднемъ въ годъ отъ 15 до 20 руб. Тогда общій спросъ составитъ сумму около 4½—6 мил. руб.

Суммируя все приведенное, мы имѣемъ общій спросъ Сѣверной Монголіи на привозныя обработанныя издѣлія около 9—11 мил. руб., а спросъ на китайскій чай и табакъ—около 11—12 мил. руб., итого общій итогъ достигаетъ цифры 20—22 мил. руб. Конечно, этотъ спросъ не представляется особенно значительнымъ, но при благопріятныхъ условіяхъ онъ можетъ получить дальнѣйшее развитіе.

Если же взять всю Монголію, то сумма ея покупокъ могла бы быть опредѣлена до 35—40 мил. руб.

Что же касается экспорта всей Монголіи, то онъ долженъ составлять болѣе значительную цѣнность. Шерсти монголы могутъ вывезти не менѣе 4—5 мил. пуд., крупнаго скота въ живомъ видѣ чуть не до 1 милліона головъ. Кромѣ того, вывозятся сырыя кожи и пушнина. Въ общемъ экспортъ можетъ выразиться въ цыфрѣ не менѣе 50—60 мил. руб.

Слѣдуетъ замѣтить, что всѣ вышеприведенные разсчеты сдѣланы по самымъ осторожнымъ предположеніямъ и составляютъ минимальныя цифры.

ГЛАВА III.

Русская торговля въ Монголіи.

I. Возникновеніе русской торговли въ Монголіи.

Торговыя сношенія съ Монголіей издавна шли двоякимъ путемъ: западнымъ и восточнымъ. Самый старинный путь—черезъ Восточную Сибирь. Зародышемъ сношеній этимъ путемъ явились посольства Русскихъ царей во второй половинѣ XVII вѣка, которымъ въ концѣ концовъ удалось заключить трактатъ съ Китаемъ (въ 1689 г.). Съ этого времени начались посылки казенныхъ каравановъ съ пушниной, собиравшейся правительствомъ въ видѣ ясака съ инородцевъ Сибири, для продажи ея въ Пекинѣ. Первый такой караванъ былъ отправленъ въ 1696 году. Вмѣстѣ съ караванами стали ѣздить въ Китай и отдѣльные купцы. Возникаетъ частная русская торговля въ Ургѣ. Своеволіе русскихъ купцовъ вызвало жалобы Китайскаго правительства и въ 1723 г. въ Ургу былъ командированъ боярскій сынъ Никифоръ Игумновъ для суда надъ русскими купцами, провозившими въ Монголію запрещенные товары. Въ 1728 г. заключается между Россіей и Китаемъ Буринскій договоръ, согласно которому Россія получила право посылать купеческіе караваны на Ургу и въ Пекинъ и право основать пограничный торговый пунктъ—Кяхту. Отсюда и стали развиваться торговыя сношенія русскихъ съ восточной половиной Монголіи.

Другой путь, которымъ проникали русскіе купцы въ Монголію, былъ съ Запада—черезъ Алтай и черезъ Саяны. Первыя попытки торговли русскихъ съ монголами и сойотами этими путями возникли около половины XIX столѣтія. На Алтаѣ русскіе сначала выѣзжали за пограничное урочище Кошъ-Агачъ и тамъ производили мѣновой торгъ съ монголами. Сообразно этому, въ первыхъ договорахъ съ Китаемъ устанавливается право безпошлинной и свободной торговли между подданными Россіи и Китая на протяженіи всей пограничной линіи (ст. 4 Пекинскаго договора 1860 г.).

Пунктъ 1 Правилъ для сухопутной торговли Россіи съ Китаемъ 1869 г. установилъ безпошлинную торговлю по границѣ обоихъ государствъ на разстояніи 100 китайскихъ ли, т. е. 50 верстъ въ обѣ стороны границы. То же право было подтверждено Правилами для сухопутной торговли, утвержденными при заключеніи договора съ Китаемъ въ 1881 г.

Въ Сойотіи мѣновой торгъ производился приграничными казаками и татарами, наѣзжавшими въ Сойотію верхомъ съ небольшимъ количествомъ товаровъ (мануфактуры, галантерейнаго товара, желѣзныхъ издѣлій и пр.). Съ конца 50-ыхъ годовъ былъ разрѣшенъ съѣздъ русскихъ и сойотовъ для торговли въ мартѣ мѣсяцѣ на нѣсколько дней у устья рѣки Кемчика.

Первыми пунктами, гдѣ была дозволена торговля русскихъ, явились Кульджа и Чугучакъ (по Кульджинскому договору 1851 г.). Далѣе Пекинскій договоръ 1860 г. разрѣшилъ торговлю въ Кашгарѣ и розничную торговлю по пути изъ Кяхты въ Пекинъ въ Ургѣ и Калганѣ. Наконецъ, договоромъ 1881 года было предоставлено русскимъ подданнымъ право безпошлинной торговли во всей Монголіи, „какъ въ мѣстахъ и аймакахъ, въ которыхъ существуетъ китайское управленіе, такъ и въ тѣхъ, гдѣ онаго не имѣется". Со времени Пекинскаго договора русскіе купцы стали выѣзжать съ караванами вглубь Монголіи и въ 70-ыхъ годахъ уже прочно обосновываются въ городахъ Кобдо, Улясутаѣ и Ургѣ.

Первые Бійскіе купцы, Гилевы, Котельниковъ, Бодуновъ, вывозили небольшое количество товаровъ, тысячи на 2—3 мануфактуры и разной мелочи, и продавали ихъ въ кредитъ и въ наличный обмѣнъ на скотъ монголовъ и на китайское серебро. Долгое время деньги были въ маломъ употребленіи въ торговомъ оборотѣ. Въ качествѣ счетной единицы въ Монголіи того времени употреблялся кирпичъ прессованнаго зеленаго чая, составляющій и до сихъ поръ главнѣйшій предметъ торговли. Русскіе мѣняли свои товары у монголовъ на чай, который въ свою очередь обмѣнивали у мѣстныхъ китайскихъ купцовъ на серебро, а также непосредственно производили сдѣлки съ китайскими купцами для полученія серебра, вывозимаго изъ Монголіи въ Россію. Это серебро шло по преимуществу на Ирбитскую ярмарку, гдѣ продавалось по цѣнѣ до 1.200 руб. за пудъ. Въ этотъ періодъ русскіе купцы закупали въ Монголіи главнымъ образомъ живой скотъ, а также шкуры лисицъ, соболей и другихъ пушныхъ звѣрей, отчасти верблюжью шерсть.

Несмотря на невѣроятныя трудности перевозки товаровъ черезъ Алтайскій хребетъ, русская торговля въ Монголіи развивалась. Однако, первое время русскіе подвергались разнымъ притѣсненіямъ со стороны китайскихъ властей. Записка русскаго общества въ Улясутаѣ, поданная Улясутайскому консулу въ 1909 году, указывала, что въ тѣ времена русскіе подвергались опасности ограбленія товаровъ и даже потери жизни: „любой китайскій солдатъ могъ бить русскаго безъ всякой отвѣтственности, такъ какъ сами правители подавали тому примѣръ, избивая безъ причины

бамбуками русскихъ въ ямыняхъ и держа за городомъ русскіе караваны по мѣсяцу, не желая впустить ихъ въ городъ для торговли". Въ виду такого отношенія китайцевъ, русское правительство послало въ 80-ыхъ годахъ военную команду въ Кошъ-Агачъ.

Военная команда, пробираясь по горнымъ тропинкамъ Алтая, устроила на карнизахъ рѣчныхъ скалъ деревянные мостки съ подпорками, шириной не болѣе аршина. Это небольшое улучшение пути, по словамъ той же записки, дало русскимъ торговцамъ возможность отправлять отъ Кошъ-Агача до Бійска караваны верблюдовъ съ шерстью, и такимъ образомъ начался вывозъ грязной овечьей шерсти изъ Монголіи въ Россію. Первымъ скупщикомъ шерсти явился Колмаковъ изъ Бійска.

Въ Сойотіи въ 60-ыхъ годахъ купецъ Веселковъ сталъ посылать своихъ приказчиковъ съ товарами внутрь страны, а затѣмъ поставилъ и амбары на рѣкѣ Уюкѣ и рѣкѣ Улухемѣ на Булукѣ и Салданѣ. Немного позднѣе Бяковъ основалъ торговлю на рѣкѣ Кемчикѣ. Наконецъ, въ началѣ 70-ыхъ годовъ Сафьяновъ основалъ заимку на рѣкѣ Улухемѣ на Булукѣ, а затѣмъ скупаетъ все дѣло Веселкова, который увлекся золотопромышленностью и совсѣмъ оставилъ торговое дѣло. Центромъ торговли Сафьянова дѣлается Салданъ, гдѣ возводятся солидныя деревянныя постройки. Названные купцы устроили цѣлый рядъ заимокъ по Сойотіи и завели дѣятельную торговлю съ мѣстнымъ населеніемъ, несмотря на неоднократно проявлявшуюся вражду со стороны послѣдняго, выражавшуюся въ грабежахъ, уничтоженіи построекъ и другихъ насиліяхъ. Русскіе покупали у сойотовъ скотъ, бѣлку, соболя, лисицу и пр. пушнину; была также попытка вывоза въ Минусинскъ скупаемой у сойотовъ самосадочной соли, но она была убита взиманіемъ акциза.

Лѣтъ 20—30 тому назадъ число русскихъ и китайскихъ купцовъ въ Монголіи было гораздо менѣе значительно, чѣмъ теперь, а привозимые ими товары представляли большую рѣдкость. Въ Сойотіи китайскихъ торговцевъ и совсѣмъ не было до самаго конца XIX столѣтія. Въ связи съ этимъ продажныя цѣны товаровъ въ обмѣнъ на туземное сырье были очень высоки. Этимъ и обусловливалась необыкновенная выгодность торговыхъ операцій въ тѣ „героическія" времена.

Торговый капиталъ повсюду, во всемъ мірѣ, ознаменовалъ себя рядомъ жестокостей. Онъ вырабатывалъ такую „систему", которая мало чѣмъ отличалась отъ дѣйствій разбойниковъ и пиратовъ. Въ исторіи англійскаго, французскаго, бельгійскаго, германскаго капитала есть не мало темныхъ и мрач

ныхъ страницъ. Нѣтъ ничего удивительнаго и въ томъ, что „героическій" періодъ въ развитіи русско-монгольской торговли отмѣченъ подобными же темными пятнами. Тѣ представители торговаго капитала, которые изъ Сибири постепенно продвигались въ Монголію, уже въ достаточной степени были пріучены къ рѣзкимъ формамъ эксплотаціи населенія въ самой Сибири, а особенно въ инородческомъ Алтаѣ. Русскій торговый капиталъ частью шелъ въ Монголію черезъ Алтай, гдѣ онъ и до сихъ поръ эксплоатируетъ калмыковъ. Поэтому торговцы въ Монголіи были уже воспитаны въ извѣстныхъ пріемахъ обиранія населенія. До сихъ поръ населеніе того торговаго тракта, по которому движется русско-монгольская торговля, разсказываетъ о различныхъ темныхъ дѣлахъ „чуйцевъ", т. е. русско-монгольскихъ купцовъ, въѣзжающихъ въ Монголію по Чуйскому тракту. „Чуйскіе обиралы", вотъ слова, которыя часто можно слышать на Алтаѣ. Тамъ даже сложились пословицы въ родѣ такой, напр.: „у чуйцевъ искать правды—все равно, что у змѣи ногъ"... Малокультурная торговая среда сибирскаго купечества, въ достаточной степени развращенная инородческой торговлей, въ Монголіи попадала въ такія условія, которыя ничѣмъ не сдерживали жадныхъ инстинктовъ. Консульскій надзоръ былъ и остается до сихъ поръ номинальнымъ, мѣстныя власти сами показываютъ примѣръ возмутительнаго обиранія туземцевъ и за взятку помогутъ торговцу обдѣлать любое дѣло. Китайскіе купцы практикуютъ, съ поддержкой китайскихъ и монгольскихъ властей, жестокую систему ограбленія населенія. Все это приводило къ тому, что „героическій" періодъ русско-монгольской торговли, несомнѣнно, былъ ознаменованъ печальными фактами. Теперь все это, къ счастью, въ большинствѣ случаевъ—исторія, которая жива еще въ памяти населенія, но, къ сожалѣнію, время отъ времени эта исторія повторяется, хотя уже далеко не въ прежнемъ масштабѣ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что усиленный процессъ вытѣсненія русскихъ фабрикатовъ изъ монгольскаго обихода въ нѣкоторой степени былъ вызванъ также и тѣмъ обстоятельствомъ, что русскіе купцы ввозили въ Монголію товары самыхъ низкихъ сортовъ, тѣ отбросы, которые не находили сбыта въ Сибири и которые можно было всучить монголамъ. Иногда въ Монголію ввозились товары не потому, что въ нихъ населеніе чувствовало потребность, а потому, что торговецъ случайно и по дешевкѣ получилъ этотъ товаръ у какого нибудь оптовика, очищавшаго свой складъ отъ товарной завали. Были случаи ввоза въ Монголію партіи гнилыхъ шелковыхъ зонтиковъ и дамскихъ перчатокъ. Такой „товаръ" всучивался принудительными мѣрами...

По разсказамъ съ разныхъ сторонъ и про разныхъ лицъ ясно было видно, что торговля въ Монголіи сопровождалась обманами, обвѣсами и обмѣрами. Разсчетъ торговаго дѣла былъ основанъ на стремленіи взять высокую цѣну, а не на желаніи сбыть по возможности больше товара. Разсказывали, напр., о такихъ случаяхъ. Когда чайная торговля направлялась, главнымъ образомъ, трактомъ Калганъ-Урга-Кяхта, то наемъ возчиковъ-монголовъ совершался такимъ образомъ: въ Калганѣ давали монголамъ деньгами половину цѣны за перевозку, а „додача" происходила по доставкѣ чайнаго груза на мѣсто, при чемъ додача, обыкновенно, производилась не деньгами, а товарами. При этомъ купецъ всучивалъ возчикамъ разную заваль по высокой цѣнѣ. Монголы вынуждались получать такой товаръ, который имъ былъ не нуженъ и о цѣнахъ на который они не имѣли ни малѣйшаго представленія. Вотъ тутъ-то и шли въ ходъ зонтики и перчатки. Товарная расплата была прекраснымъ средствомъ пріучить монголовъ къ русскимъ товарамъ, а вмѣсто этого создавались обратные результаты... Одинъ русскій торговецъ продалъ монголу небольшой шнурокъ, стоившій нѣсколько копѣекъ, но монголу онъ былъ поставленъ за полтинникъ и записанъ въ долгъ. Во-время монголъ не могъ или не хотѣлъ отдать этого полтинника. Кредиторъ случайно увидѣлъ этого монгола въ Кошъ Агачѣ и отобралъ у него за долгъ топоръ... Дешевыя зеркала всучивали за десятки рублей, мѣняли зеркало на скотъ. За баснословныя цѣны продавали, не такъ еще давно, дешевые граммофоны и часы. Желѣзные шомполы продавались по такимъ цѣнамъ, какъ будто эти шомполы были сдѣланы изъ серебра. За пачку иголокъ русскій купецъ бралъ барана и даже тарбака (годовалаго бычка). Такими разсказами полна неписанная хроника русско-монгольской торговли. Но особенно рѣзкіе факты, характеризующіе исторію русско-монгольской торговли, наблюдались въ области кредитныхъ сдѣлокъ и взыскиванія долговъ. Словомъ, русскими было много сдѣлано въ томъ направленіи, чтобы поколебать русское дѣло въ Монголіи и заслужить отъ населенія часть той ненависти, которую воспитали въ монголахъ китайцы, эти самые жестокіе колонизаторы и эксплоататоры.

По отзывамъ всѣхъ старыхъ торговцевъ въ Монголіи, въ прежнее время, когда торговля производилась въ обмѣнъ на привозимые товары, прибыльность ея, благодаря указаннымъ пріемамъ, была необычайно высока.

Съ теченіемъ времени вмѣстѣ съ развитіемъ торговыхъ оборотовъ монголы и сойоты стали пріучаться къ болѣе правильной оцѣнкѣ своихъ продуктовъ и чужихъ товаровъ. Вырабатываются

для цѣлыхъ районовъ болѣе постоянные и общіе масштабы такихъ оцѣнокъ. Въ настоящее время существуютъ прямо общераспространенныя нормы сдѣлокъ. Напр., 1 кирпичный чай идетъ при наличномъ обмѣнѣ за 8 фунтовъ шерсти, кусокъ далембы—за 16 фунтовъ шерсти, аршинъ бязи въ Сойотіи—за 1 фунтъ шерсти или 1/2 ф. топленаго масла, кусокъ дабы—за 12 фунтовъ шерсти и т. д.

II. Развитіе въ Монголіи денежнаго хозяйства.

За послѣднее время въ торговомъ оборотѣ начинаютъ все болѣе внѣдряться деньги и натуральный обмѣнъ начинаетъ замѣняться денежнымъ.

Въ народнохозяйственной жизни Монголіи деньги являются недавнимъ пріобрѣтеніемъ, такъ какъ долгое время эта страна переживала стадію чистаго натуральнаго хозяйства съ преобладаніемъ мѣновой торговли. Скотоводческое хозяйство монгола не могло удовлетворить всѣхъ его несложныхъ потребностей, такъ какъ ремесла и до сихъ поръ остаются почти совсѣмъ неизвѣстными этому народу. При такихъ условіяхъ товары, отвѣчающіе элементарнымъ потребностямъ монголовъ, легко проникали въ ихъ среду. При отсутствіи въ рукахъ монголовъ денегъ господствовала мѣна товара на товаръ, въ данномъ случаѣ—фабриката на сырье. Во всемъ мірѣ при натуральной мѣнѣ товара на товаръ, когда дѣло идетъ объ обмѣнѣ привознаго фабриката на туземное сырье, въ выгодѣ остается хозяинъ привозимыхъ товаровъ. Слѣдовательно, съ этой стороны Монголіи отнюдь не угрожало внѣдрѣніе денегъ: это было не въ интересахъ тѣхъ торговцевъ, которые привозили въ Монголію свои товары.

Правда, въ исторіи русско-монгольской торговли былъ указанный выше періодъ, именно эпоха первоначальнаго внѣдрѣнія русской торговли и русскихъ товаровъ въ Монголіи, когда русскіе торговцы, ввозя въ Монголію свои товары, увозили оттуда не туземное сырье, а серебро. Тогда русская торговля по преимуществу сводилась къ вывозу русскихъ товаровъ и ввозу серебра. Но это серебро было китайскаго происхожденія, и русскіе получали его въ Монголіи отъ китайцевъ, а не отъ монголовъ. Причина, по которой русскіе въ результатѣ своихъ торговыхъ операцій въ Монголіи получали серебро, лежитъ въ томъ, что тогда монгольское сырье не имѣло еще большого спроса въ Россіи, и торгующіе боялись связывать себя товаромъ, сбытъ котораго былъ сомнителенъ.

Натуральное хозяйство Монголіи задерживало появленіе въ этой странѣ денегъ еще и съ другой стороны. Деньги могли появиться въ Монголіи изъ центровъ оживленной торговой дѣятельности, т. е. изъ торговыхъ городовъ внутренняго Китая. Но при господствѣ натуральнаго хозяйства отдѣльныя области одного и того же государства живутъ совершенно изолированной жизнью. Точекъ соприкосновенія между отдѣльными областями слишкомъ мало, экономическія сношенія рѣдки и нерегулярны. Въ силу этого появленіе во внутреннемъ Китаѣ денегъ могло совершенно не отразиться на Монголіи; и если китайское серебро появляется въ Монголіи, то его появленіе объясняется потребностями китайскихъ купцовъ, торгующихъ въ Монголіи, и мѣстныхъ властей. Это серебро нужно было для взаимныхъ разсчетовъ китайскихъ купцовъ между собою, для разсчетовъ китайцевъ съ русскими и для нуждъ монгольской администраціи, которая при помощи денегъ съ большими удобствами осуществляла въ Монголіи свою систему эксплоатаціи несчастныхъ туземцевъ. Торговыя же сдѣлки съ монголами, большею частью къ невыгодѣ послѣднихъ, носили характеръ натуральнаго обмѣна.

Внѣдреніе въ монгольскій торговый оборотъ денегъ начинается въ послѣднее десятилѣтіе, въ зависимости отъ существенныхъ измѣненій въ строѣ русско-монгольскихъ торговыхъ отношеній. Развитіе русско-монгольской торговли приводило къ тому, что русскіе переставали ввозить въ Россію наторгованное серебро, замѣняя этотъ ввозъ металла ввозомъ монгольскаго сырья, которое получало хорошій спросъ и растущія цѣны. Въ первомъ періодѣ русско-монгольскихъ торговыхъ сношеній русскіе торговцы были заняты, главнымъ образомъ, сбытомъ привезенныхъ ими русскихъ товаровъ. Затѣмъ, когда монгольское сырье при посредствѣ русскихъ купцовъ, проникаетъ черезъ Россію на всемірный рынокъ, дѣятельность русскихъ торговцевъ начинаетъ направляться, главнымъ образомъ, въ сторону скупки, въ цѣляхъ экспорта, монгольскаго сырья. Потребительный рынокъ Монголіи не отличается особенною глубиною, потребности монгольскаго населенія въ привозныхъ товарахъ элементарны и ограниченны. Да и этотъ малоёмкій рынокъ русскіе торговцы, какъ экспортеры, должны были раздѣлить съ многочисленною группой китайскихъ купцовъ. Къ тому же китайцы привезли съ собою дешевую американскую мануфактуру, которая очень скоро вытѣснила русскую мануфактуру съ монгольскаго рынка. Создавшееся положеніе вещей приводило къ тому, что мѣновая торговля дѣлалась для русскихъ купцовъ невыгодной: въ ихъ руки при посредствѣ мѣны товара на товаръ сырье,

ставшее самымъ выгоднымъ объектомъ торговыхъ сдѣлокъ, могло притекать въ незначительномъ количествѣ.

Сбытъ русскихъ издѣлій въ Монголіи сталъ сокращаться за послѣдніе годы. Многія крупныя фирмы, вывозившія въ прежніе годы русскіе товары, теперь совершенно прекратили это дѣло, другія предполагаютъ закончить свои операціи по продажѣ товаровъ и сосредоточиться исключительно на скупкѣ сырья (напр., Бодуновъ), третьи продолжаютъ держать нужные монголамъ товары только постольку, поскольку это необходимо для поддержанія торговыхъ отношеній съ населеніемъ. При этомъ за послѣднее время все чаще эти фирмы держатъ у себя мануфактуру, купленную у китайскихъ купцовъ. Таковы фирмы Ассанова въ Кобдо, Бякова въ Сойотіи, фирма Мокина въ Уланкомѣ, имѣвшая въ прежніе годы товаровъ на 50.000 руб., теперь имѣющая ихъ не болѣе, какъ на 8.000 руб., да и то преимущественно китайскихъ товаровъ, какъ далемба и чай, для потребностей постоянныхъ своихъ покупателей, и многія другія фирмы.

Сосредоточеніе крупныхъ русскихъ фирмъ на скупкѣ сырья обусловливается прежде всего тѣмъ, что на это сырье создался спросъ, усиливающійся съ каждымъ годомъ. При благопріятныхъ конъюнктурахъ рынка купцы могутъ использовать неорганизованный монгольскій рынокъ въ свою пользу, кредитуя, напр., жителей подъ будущую сдачу сырья по пониженнымъ цѣнамъ и тѣмъ наживая большіе барыши.

Съ другой стороны система обмѣна привозимыхъ товаровъ на сырье ограничиваетъ размахъ крупнаго купца количествомъ взятыхъ съ собой товаровъ. При этой системѣ нельзя овладѣть большими массами сырья. При разбросанности кочевьевъ и небольшой емкости монгольскаго рынка продажа товаровъ населенію неизбѣжно должна носить мелкій, розничный характеръ. Крупная фирма вынуждена для организаціи товарной торговли устраивать массу мелкихъ отдѣленій, держать большой штатъ служащихъ, вести сложный контроль ихъ операцій. Между тѣмъ продажа товаровъ въ настоящее время не даетъ тѣхъ огромныхъ барышей, какіе получаются при скупкѣ сырья. Отсюда переходъ крупныхъ фирмъ къ скупщическимъ операціямъ.

Въ силу сказаннаго вывозъ нѣкоторыхъ русскихъ товаровъ въ Монголію за послѣднее время остановился въ своемъ ростѣ и даже обнаруживаетъ тенденцію къ сокращенію. Наоборотъ, ввозъ монгольскихъ товаровъ въ Россію прогрессивно ростетъ. Нашъ торговый оборотъ съ этой страной пріобрѣтаетъ пассивный характеръ. Избытокъ цѣнности ввоза мы вынуждены покрывать налич-

ными деньгами, и только въ тѣхъ, сравнительно немногочисленныхъ случаяхъ, когда мы перепродаемъ сырье заграницу, эти деньги возвращаются къ намъ. Что же касается отправляемаго нами въ Монголію серебра, то оно закупается нами въ Гамбургѣ, оплачиваемое русскимъ вывозомъ въ Германію. Такимъ образомъ народно-хозяйственное значеніе монгольской торговли для Россіи умаляется и одной изъ серьезныхъ задачъ нашей торговой политики является развитіе нашего вывоза издѣлій въ Монголію.

Выгоды, которыя доставлялись русскимъ купцамъ скупкой сырья, заставляли ихъ обратиться къ этой скупкѣ на наличныя деньги. Съ этого момента ввозъ въ Россію изъ Монголіи серебра прекращается и начинается ввозъ сырья, компенсируемый вывозомъ русскихъ денегъ и серебра, закупаемаго русскими въ банкахъ. Въ Монголію потекли русскіе металлическіе и кредитные рубли, серебро, закупленное въ русскихъ банкахъ. Правда, эти русскія деньги въ значительной степени оставались въ рукахъ китайскихъ купцовъ, у которыхъ русскіе скупали партіонное сырье, и у монгольской администраціи, которая свою натуральную эксплоатацію монгольскаго населенія переводила въ денежную форму.

Требованіе на деньги стало предъявляться и со стороны монгольскаго духовенства. Духовенство монастырей стало понимать выгоды накопленія сокровищъ въ видѣ денегъ, которыя могутъ служить покупательнымъ средствомъ для любыхъ товаровъ. Поэтому оно наиболѣе охотно принимаетъ пожертвованіе въ денежной формѣ. Отсюда возникла необходимость для монголовъ, отправляющихся на богомолье, запасаться деньгами.

Слѣдовательно, главный интересъ въ появленіи денегъ въ Монголіи обнаруживали китайскіе и русскіе купцы, такъ какъ это облегчало имъ торговыя сдѣлки; затѣмъ, въ появленіи денегъ была заинтересована монгольская администрація, которой просачиваніе въ монгольскую народную среду денегъ обѣщало новые и удобные во всѣхъ отношеніяхъ барыши. Наконецъ, домогалось денегъ монгольское духовенство. Сами же монголы и до сихъ поръ живутъ натуральнымъ обмѣномъ, сравнительно рѣдко переходящимъ въ денежныя сдѣлки. Тѣмъ не менѣе деньги просачивались и въ монгольскую среду или въ видѣ ланнаго серебра, или въ формѣ русскихъ денежныхъ знаковъ. Мы почти не встрѣчали на своемъ продолжительномъ пути черезъ Монголію монгола, который отказался бы отъ русскихъ денегъ, или монгола, который не умѣлъ бы свѣшать на особыхъ вѣсахъ нарубленное на кусочки гамбургское или китайское серебро. Наоборотъ, къ намъ иногда обращались съ

просьбою вымѣнять серебро или русскія серебряныя монеты на русскіе кредитные билеты. Желаніе такого вымѣна мотивировалось соображеніями удобства перевозки кредитныхъ билетовъ и удобствомъ ихъ, какъ способа сбереженія цѣнностей. Имущество монголовъ, заключающееся въ стадахъ, можетъ быть точно опредѣлено чиновниками, облагающими ихъ всякаго рода поборами. Между тѣмъ имущество, превращенное въ деньги, легко можетъ быть скрыто отъ жаднаго взора княжескихъ чиновниковъ. Поэтому монголы и сойоты стали за послѣднее время все чаще превращать въ деньги-сокровища избытки хозяйствъ и часть своихъ стадъ.

Денежныя сдѣлки съ монголами обычно практикуются при крупныхъ сдѣлкахъ, т. е., главнымъ образомъ, при покупкѣ у монголовъ рогатаго скота и лошадей. Три—четыре десятка рублей приходится, конечно, выплачивать или вѣсовымъ (лапнымъ) серебромъ, или русскими денежными знаками. Торговля скотомъ, вѣрнѣе скупка крупнаго скота для Россіи, получила довольно значительное развитіе въ Улясутайскомъ округѣ Монголіи, откуда скотъ, на своихъ ногахъ, отправляется въ сторону Иркутска.

Вотъ почему въ глуши Монголіи, по рѣкамъ Тель-Муринъ-голу и Эдеръ-голу, вдали отъ главныхъ торговыхъ трактовъ и центровъ, монгольское населеніе уже имѣетъ привычку къ денежнымъ знакамъ, главнымъ образомъ, къ русскимъ деньгамъ: это—деньги, вырученныя отъ продажи крупнаго скота русскимъ.

По удостовѣренію русскихъ обитателей Сойотіи, жители ея, служащіе работниками у русскихъ, требуютъ обыкновенно уплаты жалованья деньгами, а не товарами, какъ это было раньше.

Монголы начинаютъ убѣждаться также въ удобствахъ имѣть деньги въ качествѣ покупательнаго средства при наличныхъ сдѣлкахъ. Они видятъ, что на наличныя деньги они могутъ купить товаръ у китайцевъ значительно дешевле и съ большей свободой выбора, чѣмъ при покупкахъ въ кредитъ.

Такъ какъ въ прежнее время русскіе купцы часто сбывали заваль, то монголы, съ появленіемъ денегъ, стали все чаще требовать въ уплату за сырье деньги, на которыя они затѣмъ и покупали нужные имъ товары, но уже у китайцевъ. О развитіи покупокъ на деньги за наличный разсчетъ говорилъ намъ цѣлый рядъ русскихъ торговцевъ.

Наконецъ, распространенію денегъ содѣйствовала и потребность мѣстнаго населенія имѣть опредѣленные масштабы мѣновыхъ отношеній. Пока населеніе не знало употребленія денегъ, оно было вынуждено считать на условныя счетныя единицы въ видѣ наиболѣе распространенныхъ продуктовъ, напр., кирпичъ чая,

шкурку бѣлки, фунтъ шерсти. Однако, съ умноженіемъ торговыхъ оборотовъ и увеличеніемъ числа товаровъ разсчетъ на такія условныя единицы становился все болѣе сложнымъ и затруднительнымъ. Когда среди русскаго и китайскаго купечества въ Монголіи стали распространяться деньги и денежные разсчеты, эти денежныя расцѣнки передались и туземцамъ, какъ наиболѣе точные и постоянные масштабы мѣновыхъ пропорцій.

Въ настоящее время въ Монголіи и происходитъ любопытный процессъ развитія денежнаго обмѣна за счетъ натуральнаго. Деньги появляются въ качествѣ платежнаго средства, средства сбереженія, мѣрила цѣнности и, наконецъ, начинаютъ дѣлаться орудіемъ обращенія.

Новая форма торговаго обмѣна является одной изъ самыхъ характерныхъ чертъ переживаемаго современной Монголіей хозяйственнаго перелома. Въ связи съ нею находится усиленный вывозъ изъ Россіи денегъ и ланового серебра, практикуемый въ послѣдніе годы русскими купцами. Такъ, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ консульства, въ Улясутайскій округъ въ 1909 г. было вывезено: фирмой Гутбецаль исключительно деньгами 45.000 руб., фирмой Бодунова изъ общей суммы 165.000 руб. деньгами 157.000 руб., Афутинымъ изъ общей суммы 7.730 руб. кредитными билетами 4.600 руб. и серебромъ 1.250 рублей.

Въ Кобдинскій округъ въ 1908 г. было вывезено изъ Россіи: Кузнецовымъ на 30.000 руб. серебра и на 40.000 руб. кредитныхъ билетовъ, Ассановымъ изъ общей суммы ввезенныхъ цѣнностей въ 159.715 руб. переводами денегъ на Кяхту и Бухтарму 95.750 р., Корольковымъ изъ 93.000 руб. серебра на 6.000 руб. и кредитными билетами 82.000 руб., Кричевцевымъ изъ суммы 94.200 руб. кредитными билетами 87.000 руб. и серебромъ 6.000 руб., Мальцевымъ изъ 29.190 руб. на 6.000 руб. серебра. Въ общемъ итогѣ въ Кобдинскій районъ, по отчету Кобдинскаго торговаго старосты, было ввезено въ 1908 г. всѣхъ товаровъ и цѣнностей на 911.786 руб., въ томъ числѣ серебра на 94.880 руб. и кредитныхъ билетовъ на 573.957 руб., итого 668.837 руб. или 73%.

То же явленіе подтверждается, напр., тѣмъ, что отдѣленіе крупной фирмы на Эдерѣ, дѣлающее всего оборота на 40.000 руб., продаетъ товаровъ только на 15.000 руб.

Эти цифры даютъ намъ яркую картину измѣнившагося направленія русской торговли въ Монголіи. Изъ торговли, обмѣнивающей русскія промышленныя издѣлія на монгольское сырье, она превратилась по преимуществу въ скупку сырья на деньги и гамбургское серебро, вывозимыя изъ Россіи.

Всѣ торговцы въ одинъ голосъ подтверждали намъ развитіе закупокъ на деньги. Напр., киргизы-скупщики, встрѣченные экспедиціей около Кошъ-Агача, указывали, что они скупаютъ сырье отъ монголовъ на русскія бумажныя и серебряныя деньги, которыя свободно обращаются среди монгольскаго населенія въ прилегающихъ къ Россіи мѣстностяхъ. Рогалевъ, торгующій около Кобдо, тоже подтверждалъ, что съ каждымъ годомъ увеличивается покупка скота и шерсти на серебро и русскія деньги, что уже не такъ выгодно, какъ мѣна на товаръ. По словамъ довѣреннаго одной крупной фирмы въ Кобдо, крупный скотъ закупается у монголовъ исключительно на серебро, шерсть же—на чаи и серебро; монголы, по его словамъ, вымѣниваютъ товары только на домашній обиходъ въ размѣрѣ не болѣе одной пятой всей цѣнности продаваемаго сырья; они все болѣе начинаютъ брать подъ шерсть и скотъ серебро съ тѣмъ, чтобы на полученное серебро свободно покупать тѣ товары, которые они желаютъ. Бяковъ, торгующій въ Сойотіи, удостовѣрялъ, что теперь покупка мѣстнаго сырья производится все чаще на русскія деньги. По сообщенію того же Бякова и Кемчикскаго купца Никулина, закупка скота въ Сойотіи производится преимущественно за наличныя деньги. То же развитіе сдѣлокъ на деньги подтверждалъ торгующій въ Сойотіи Усинскій купецъ Кузнецовъ.

И сами монголы подтверждали развитіе денежнаго оборота. Такъ, напр., монголъ около озера Шаръ-Нуръ говорилъ, что въ его хошунѣ Ташамъ-Дысянъ населеніе покупаетъ товары на русскія деньги, на китайское серебро, а также въ обмѣнъ на чаи, шерсть и шкуры.

Однако, появленіе денегъ и торговыхъ сдѣлокъ на деньги еще далеко не уничтожило мѣновой формы торговли. Послѣдняя продолжаетъ существовать въ Монголіи и Сойотіи въ широкихъ размѣрахъ и въ настоящее время. Мѣновой торгъ ведется нѣкоторыми крупными фирмами, имѣющими лавки въ городахъ и отдѣленія по хошунамъ, производится всѣми мелкими русскими торговцами и, наконецъ, многочисленными китайскими фирмами, разсѣянными въ видѣ отдѣленій по всей Монголіи.

III. Денежное обращеніе въ Монголіи.

Упорядоченное денежное обращеніе составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій для правильнаго развитія торговли. Въ международныхъ же торговыхъ оборотахъ правильно функціонирующія денежныя системы являются одной изъ самыхъ прочныхъ гарантій развивающихся торговыхъ сношеній. Побѣдоносное шествіе монометаллизма, въ особенности самой надежной его формы—золотой валюты—,стоитъ въ неразрывной связи съ развитіемъ всемірной торговли, съ усиленіемъ значенія міроваго рынка.

Отсталыя, малокультурныя страны, хотя и втянутыя въ круговоротъ всемірнаго рынка, тѣмъ не менѣе до сихъ поръ еще не успѣли упорядочить своего денежнаго обращенія. Вслѣдствіе этого торговля въ этихъ странахъ и въ особенности внѣшняя торговля съ ними по необходимости принимаетъ нѣкоторыя специфическія особенности. Элементъ риска, присущій почти всякой торговой сдѣлкѣ, при разстроенной системѣ денежнаго обращенія, часто усиливается въ весьма значительныхъ размѣрахъ, что естественнымъ образомъ влечетъ за собою соотвѣтствующее колебаніе, обычно въ сторону повышенія, товарныхъ цѣнъ. Въ торговлю неизбѣжно внѣдряется спекуляція, ажіотажъ. Торговецъ въ сношеніяхъ съ непосредственными потребителями или съ поставщиками изъ первыхъ рукъ волей-неволей долженъ учитывать дѣйствіе разстроенной или неустроенной системы денежнаго обращенія, какъ одного изъ главныхъ факторовъ образованія товарныхъ цѣнъ. Естественно, что въ странахъ первобытныхъ или малокультурныхъ такое стремленіе купца очень легко выливается въ форму различныхъ злоупотребленій. Съ другой стороны, и самъ торговецъ, если ему приходится въ своихъ коммерческихъ операціяхъ постоянно учитывать быстро и неожиданно мѣняющійся курсъ денегъ, легко можетъ просчитаться и понести убытки тамъ, гдѣ ему казались возможными прибыли. Это замѣчаніе имѣетъ особенное значеніе для тѣхъ странъ, гдѣ экономическій бытъ въ силу необходимости повелительно диктуетъ долгосрочныя кредитныя сдѣлки и гдѣ вообще торговля попреимуществу имѣетъ кредитный характеръ.

Въ такихъ странахъ и при такихъ условіяхъ рождается неизбѣжное зло—торговля деньгами, въ цѣляхъ наживы на постоянныхъ колебаніяхъ денежнаго курса. Въ этихъ же цѣляхъ и отдѣльныя торговыя фирмы, обыкновенно занимающіяся товарными сдѣлками, время отъ времени предпринимаютъ иногда сложныя махинаціи съ денежными оборотами, пытаясь такъ или иначе, въ своихъ, конечно, коммерческихъ разсчетахъ, повліять на денежные курсы.

Подобное состоянiе системы денежнаго обращенiя не можетъ не отзываться на общемъ ходѣ торговыхъ оборотовъ самымъ пагубнымъ образомъ.

Русско-монгольская торговля находится всецѣло подъ влiянiемъ этого отрицательнаго фактора. И нужно замѣтить, что влiянiе разстроеннаго, хаотическаго и безсистемнаго денежнаго обращенiя на русско-монгольскую торговлю съ годами не ослабѣвало, а наоборотъ усиливалось. Такое усиленiе неблагопрiятнаго влiянiя объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что на первыхъ стадiяхъ своего развитiя русско-монгольская торговля, въ торговыхъ сношенiяхъ русскихъ съ монголами (но не съ китайцами, торгующими въ Монголiи), носила чисто выраженный мѣновой характеръ. Господствовала мѣна товара на товаръ. Деньги играли роль только въ коммерческихъ сношенiяхъ русскихъ купцовъ съ китайцами-торговцами. За послѣднiе же годы денежныя формы торговыхъ сдѣлокъ начинаютъ широко примѣняться въ Монголiи почти повсюду, даже при покупкахъ сырья изъ первыхъ рукъ и при продажѣ товаровъ непосредственнымъ потребителямъ, т. е. монголамъ.

Нужно замѣтить, что Китайская имперiя, съ ея обширными провинцiями, до сихъ поръ еще не выработала у себя системы денежнаго обращенiя. Въ этомъ отношенiи въ Китаѣ наблюдается хаотическое смѣшенiе всевозможныхъ денежныхъ знаковъ и цѣнностей, играющихъ роль денегъ; денежные знаки ходятъ по Китаю съ одинаковымъ успѣхомъ, будь то деньги туземнаго или иностраннаго происхожденiя. Хожденiе денежнаго знака при такихъ условiяхъ опирается исключительно на торговый обычай, на предварительный сговоръ торгующихъ и, наконецъ, на привычку населенiя. Въ качествѣ фактора, опредѣляющаго курсъ той или другой денежной единицы, дѣйствуетъ часто ничѣмъ не провѣренное довѣрiе сторонъ къ деньгамъ данной категорiи. Пожалуй, можно сказать, что спросъ и предложенiе въ данномъ случаѣ играютъ второстепенную роль. Спросъ и предложенiе играютъ первенствующую роль только по отношенiю къ такимъ денежнымъ единицамъ, которыя въ особенности считаются удобными или общепринятыми въ торговомъ оборотѣ. Ланъ серебра въ Монголiи по преимуществу подчиняется закону спроса и предложенiя; русскiй же кредитный и серебяный рубль ходитъ „по довѣрiю“.

И если въ области китайскаго денежнаго обращенiя всетаки можно наблюдать кое-какiе слѣды относительной закономѣрности, то эта закономѣрность будетъ чисто экономическаго характера, т. е. она остается до сихъ поръ безъ всякой поддержки со стороны положительнаго права. Торговый обычай, подробности и условiя каждой

конкретной сдѣлки, вотъ что въ Монголіи замѣняетъ писанный законъ о денежномъ обращеніи.

Монголія располагаетъ достаточными естественными запасами благородныхъ металловъ. Въ Монголіи есть и серебро, и золото. Слѣдовательно, монгольскіе князья, еслибы они были мало-мальски культурны и понимали огромную политическую и экономическую выгоду имѣть монгольскіе денежные металлическіе знаки, прекрасно могли бы, по примѣру феодаловъ, владѣтельныхъ князей и помѣщиковъ средневѣковой Европы, выпускать свои деньги. Въ этомъ отношеніи въ Китайской имперіи господствуютъ очень „либеральные“ законы. Одинъ китаецъ на страницахъ лучшаго англійскаго экономическаго журнала недавно по этому поводу писалъ: „Въ нашей странѣ какой угодно банкъ, будь то туземный или иностранный, даже больше того, любая торговая фирма, объявившая себя банкомъ, можетъ выпускать банковые билеты, причемъ ничто не регулируетъ количества выпускаемыхъ билетовъ, ничто не опредѣляетъ другихъ деталей эмиссіи“ [1]). При такихъ условіяхъ монгольскіе князья могли бы чеканить деньги или, что было бы еще выгоднѣе, выпускать ничѣмъ не обезпеченные кредитные билеты, какъ это дѣлаютъ сейчасъ сомнительные китайскіе „банки“. Было время, когда центральное китайское правительство ухаживало за монгольскими князьями, и могло позволить имъ въ денежномъ отношеніи обособить Монголію. Но тогда и страна мало чувствовала потребность въ деньгахъ, и монгольскіе князья, какъ и теперь, по своему умственному развитію стояли не выше монгольскихъ пастуховъ. Мысль о созданіи монгольскихъ денегъ, даже реализацію этой мысли, могли бы взять на себя русскіе купцы или русскіе консулы, но, къ сожалѣнію, оба эти элемента мало думали объ общихъ вопросахъ и о будущемъ русской торговли въ Монголіи, хотя бы разрѣшеніе этихъ вопросовъ и сулило имъ въ будущемъ непосредственныя коммерческія и иныя выгоды. Теперь же для этихъ проектовъ время окончательно ушло.

Появленіе въ монгольской народной средѣ денежныхъ знаковъ, конечно, стало необходимостью, когда въ краѣ открылась систематическая и планомѣрная торговля привозными товарами. Хотя эта торговля, какъ мы уже и говорили, по преимуществу носила характеръ натуральнаго обмѣна, но коммерческій оборотъ съ трудомъ обходится безъ счетной единицы. Такъ или иначе приходилось выработать эту счетную единицу для опредѣленія рыночной

*) См. интересную статью: *Un Yuen Hsu*: „The need and method of immediate reforms in the currency of China“, въ „*Economic Journal*“, 1910, june, стр. 222.

стоимости отдѣльныхъ видовъ монгольскаго сырья и привозимыхъ товаровъ. Должны были появиться предвѣстники денегъ или денежные условные знаки въ видѣ тѣхъ или иныхъ рыночныхъ цѣнностей. До появленія въ Монголіи настоящихъ металлическихъ денегъ и серебра въ роли денегъ, до появленія банковыхъ билетовъ китайскихъ эмиссіонныхъ учрежденій китайскія торговыя фирмы прибѣгали къ слѣдующему оригинальному пріему, облегчавшему имъ ихъ торговые разсчеты. Китайское купечество въ Монголіи, особенно въ небольшихъ центрахъ сосредоточенія русско-китайско-монгольской торговли, живетъ сплоченной и организованной жизнью. Поэтому имъ легко проводить въ жизнь свои планы, облегчающіе имъ торговую дѣятельность. Какая-нибудь торговая фирма, привезшая въ Монголію извѣстное количество мѣстъ кирпичнаго чая, выпускала отъ своего имени особые сертификаты, удостовѣренія, въ которыхъ говорилось, что данный документъ удостовѣряетъ, что такая-то фирма, дѣйствительно, привезла въ свои склады столько-то мѣстъ чая. Эти сертификаты подписывались фирмою и удостовѣрялись китайскими торговыми старшинами. Сертификаты выдавались не на все привезенное количество чая, а на отдѣльныя части чайныхъ запасовъ: на 5, 10, 20 мѣстъ чая. И эти документы ходили въ китайской торговой средѣ въ качествѣ денежныхъ знаковъ. „Валюта“ этихъ своеобразныхъ денежныхъ знаковъ обезпечивалась запасами фирмы, выпустившей сертификаты, и поручительствомъ подписавшихъ ихъ торговыхъ старшинъ.

Въ данномъ случаѣ интересно отмѣтить то обстоятельство, что торговыя условныя деньги выпускались подъ чай. Чай, именно, кирпичи чая, самой элементарной и грубой выдѣлки, играетъ выдающуюся роль въ экономической жизни Монголіи. Чай является предметомъ первой необходимости въ быту монгола.

При такомъ широкомъ распространеніи въ народномъ потребленіи чая естественно, что въ монгольской торговлѣ кирпичный чай занялъ выдающуюся позицію. Каждая торговая фирма должна имѣть въ своихъ лавкахъ основательные запасы чая. Даже тѣ русскія фирмы, которыя въ настоящее время всецѣло занялись скупкою монгольскаго сырья и забросили торговлю привозными товарами, имѣютъ всегда въ своихъ отдѣленіяхъ значительные запасы кирпичнаго чая.

Вслѣдствіе такого значенія чая легко было превратить его въ денежную единицу. Собственно говоря, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ кирпичъ чая былъ очень удобенъ для того, чтобы сдѣлаться ходовою платежною и счетною единицею: кирпичъ можетъ дѣлиться при помощи ножа, которымъ снабженъ каждый монголъ и каждая

монголка, на части. Поэтому удобно и легко вести счетъ на полкирпича, четверть и даже—какъ это раньше практиковалось въ районѣ Урги—на еще болѣе мелкія и дробныя части.

До недавняго времени для огромныхъ районовъ Монголіи, а въ особенности въ районахъ, значительно удаленныхъ отъ мѣстъ сосредоточенія торговыхъ учрежденій, чай былъ основнымъ денежнымъ знакомъ. На чай считали и чаемъ платили. Пожалуй, можно сказать, что кирпичъ чая больше ходилъ, какъ счетная единица, нежели какъ платежная. При помощи такого всеобщаго знаменателя удобнѣе было производить розничный торгъ, который сводился къ натуральной мѣнѣ привознаго фабриката на туземное сырье.

Чай и до сихъ поръ играетъ видную роль въ разсчетахъ съ монгольскимъ населеніемъ, по преимуществу въ кобдинскомъ и улясутайскомъ районахъ. Въ глухихъ степяхъ и горныхъ долинахъ Монголіи, протянувшихся между пограничнымъ русскимъ урочищемъ Кошъ-Агачъ и Кобдо чайныя деньги и донынѣ играютъ главную роль. Когда экспедиція проѣзжала эту полосу Монголіи, то у первыхъ же встрѣтившихся на пути китайскихъ торговцевъ ей пришлось запастись кирпичами чая для предстоящихъ по дорогѣ покупокъ барановъ. Нужно сказать, что эти деньги не особенно портативны: большой и толстый кирпичъ чая вѣситъ довольно много и для переѣздовъ по странѣ съ такимъ запасомъ денегъ представляетъ излишній грузъ. Но въ настоящее время всегда возможно цѣну, допустимъ, барана, выраженную въ кирпичахъ чая, перевести на серебро и почти всегда—на русскія деньги.

Кирпичи чая, играющіе роль денегъ, имѣютъ свой курсъ, который видоизмѣняется и колеблется въ двухъ отношеніяхъ. Нужно замѣтить, что чай, какъ товаръ, монополизированъ въ Монголіи въ рукахъ китайскихъ торговыхъ фирмъ. Эти фирмы привозятъ чай изъ внутреннихъ китайскихъ городовъ, напр., изъ Куку-Хото, этого резервуара китайскихъ товаровъ для огромной полосы Монголіи. Оптовыя китайскія фирмы распродаютъ запасы привезеннаго чая мелкимъ китайскимъ фирмамъ и всѣмъ русскимъ торговцамъ. Такъ какъ и въ русско-монгольской торговлѣ чай играетъ очень большую роль, то здѣсь нужно констатировать, что русскіе своей закупкой чая у китайцевъ, торгующихъ въ Монголіи, создаютъ большую поддержку китайцамъ-импортерамъ.

Рыночная цѣна кирпичнаго чая колеблется въ зависимости отъ привоза чая. Рыночная цѣна очень разнообразится въ отдѣльныхъ районахъ и мѣстностяхъ Монголіи. Опредѣляющимъ моментомъ въ образованія продажныхъ цѣнъ на чай въ Монголіи будетъ закупка и перевозка чая китайцами-оптовиками и наличность запасовъ чая

на мѣстѣ у тѣхъ многочисленныхъ китайскихъ и въ особенности русскихъ фирмъ, которыя вынуждены покупать чай въ Монголіи, а не во внутреннемъ Китаѣ. Заготовительная цѣна чая и фрахты по доставкѣ его въ Монголію подвержены колебаніямъ, что, конечно, соотвѣтственнымъ образомъ отражается на рыночныхъ цѣнахъ. Такое же вліяніе имѣетъ и спросъ на чай въ предѣлахъ самой Монголіи. Иногда чайныя цѣны крѣпнутъ. При такомъ повышеніи каждый торговецъ, располагающій запасомъ дешеваго чая, получаетъ неожиданную прибыль. Нѣкоторыя предусмотрительныя русскія фирмы, располагающія свободными средствами, поэтому стремятся своевременно запастись дешевымъ чаемъ въ надеждѣ на предстоящее повышеніе чайныхъ цѣнъ. И если такіе разсчеты могутъ хорошо вознаградить предусмотрительнаго русскаго торговца, то какіе же барыши извлекаютъ изъ факта монопольной доставки чая въ Монголію китайскіе купцы-импортеры?.. Не разъ въ средѣ русскихъ торговцевъ въ Монголіи рождались весьма цѣлесообразные проекты русскихъ заказовъ чая въ Китаѣ съ русской же доставкой ихъ въ Монголію. Одинъ изъ такихъ проектовъ частично былъ осуществленъ, но дѣло оборвалось въ самомъ началѣ.

Чайныя цѣны зависятъ отъ сорта чая. Различаютъ три сорта: высшій, средній и низшій. Въ большомъ ходу среди монголовъ послѣдніе два сорта. Нужно предположить, что чай, предназначенный для сбыта въ Монголію, заготовляется изъ чайныхъ отбросовъ. На вкусъ это—очень непріятный напитокъ, который совершенно лишенъ чайнаго аромата. Его широкое распространеніе въ Монголіи можно объяснить его сравнительною дешевизною и оригинальнымъ способомъ приготовленія. Монголы свой чай не завариваютъ, а варятъ, по преимуществу въ большихъ чугунныхъ чашахъ, сыпятъ туда соли, а часто и солончаки, иногда подсыпаютъ муки, подливаютъ кобыльяго или коровьяго молока. Для европейца получается напитокъ почти непріемлемый, и только нежеланіе обидѣть гостепріимнаго и радушнаго монгола можетъ заставить свѣжаго человѣка проглотить эту отвратительную жидкость. Даже въ юртахъ монгольскихъ князей чай подается такого вкуса, что угощаемый находится въ печальномъ и безвыходномъ положеніи. Русскіе купцы, обжившіеся въ Монголіи, говорили, что они привыкаютъ къ этому чаю и пьютъ его безъ всякихъ огорченій.

Чай привозится въ Монголію на верблюжьихъ караванахъ. Запаковывается онъ въ ящикъ, по 39 или 27 кирпичей на 1 мѣсто. Оптовая цѣна чая за послѣднее время въ Улясутаѣ стояла за 1 мѣсто чая высшаго сорта въ 27 кирпичей 18 р., 2-го сорта 17 р. Слѣд., кирпичъ чая обходился въ 67—63 коп. Съ нѣкоторой надбавкой въ

цѣнѣ этотъ чай и поступаетъ въ розничный оборотъ. Говоримъ „съ нѣкоторой надбавкой", такъ какъ эти надбавки разнообразятся, смотря по мѣсту. Учитываютъ провозъ чая отъ мѣстъ оптовой его продажи, учитываютъ процентъ на затраченный капиталъ, стараются нажить на чаѣ какъ можно больше. Вслѣдствіе этого чайныя цѣны разнообразятся. Въ Кобдинскомъ и Ургинскомъ районахъ чай по преимуществу получается съ юга. Ургинскій чай юго-восточнаго происхожденія. Между Ургой и Улясутаемъ существуютъ транспортныя отношенія. Поэтому иногда въ Улясутаѣ появляется чай изъ Урги, привезенный обратными монгольскими ямщиками. Такой чай въ оптовой его покупкѣ обходится нѣсколько дешевле: 16 руб. 25 коп. (13 ланъ 5 ценовъ) за ящикъ среднесортнаго чая. Вообще, чайныя цѣны повышаются въ направленіи отъ Урги къ Кобдо, и въ Кобдо достигаютъ высшихъ точекъ. Въ окрестностяхъ Кобдо кирпичъ средняго чая въ русскихъ лавкахъ уже продается по 80 коп.; слѣдовательно, мѣсто чая обходится въ 21 руб. 60 коп.

Нѣкоторые русскіе торговцы, преимущественно крупные, говорили, что они воздерживаются отъ наживы на чаѣ и пускаютъ его по себѣстоимости въ томъ разсчетѣ, что чай у нихъ—не товаръ, а лишь средство поддержать сношенія съ монголами. Нужно замѣтить, что при наличности мѣновой торговли почти невозможно учесть рыночную цѣну чая, какъ всеобщаго эквивалента. Дѣло въ томъ, что торговецъ, вымѣнивая сырье на кирпичи чая, легко можетъ принизить цѣну сырья и такимъ образомъ барышъ данной сдѣлки неизвѣстными долями упадетъ и на купленное сырье, и на отданный за него чай.

Въ настоящее время, какъ мы уже замѣтили, чай въ качествѣ денегъ играетъ вспомогательную роль при серебрѣ и настоящихъ денежныхъ знакахъ. Теперь кирпичный чай имѣетъ простую товарную расцѣнку, слѣд., его цѣна зависитъ отъ вышеназванныхъ причинъ и отъ курса серебра. Счетъ на чай практикуется по большей части въ небольшихъ сдѣлкахъ. Въ видѣнныхъ нами торговыхъ записяхъ долговъ за монголами русскаго торговца въ одномъ изъ хошуновъ кобдосскаго района записи велись на чай, напр., 1 топоръ—1 чай, или на шерсть, или на серебро. Въ широкихъ размѣрахъ практикуется переводъ одного эквивалента въ другой, напримѣръ, монголъ беретъ у торговца какой-нибудь фабрикатъ и обязуется отдать за него баранью шерсть. Если къ сроку платежа у монгола шерсти не оказывается, то совершается новая сдѣлка, и вмѣсто шерсти долгъ переводится на сурка или др. сырье. Но когда долгъ записанъ на чай, т. е. проданный товаръ былъ уступленъ за опредѣленное количество кирпичей чая, то это всегда зна-

чить, что монголъ будетъ платить не чаемъ, а сырьемъ; здѣсь запись на чаѣ имѣетъ простое счетное значеніе. Между прочимъ, въ Монголіи на русскихъ шерстяныхъ мойкахъ заработную плату рабочихъ-монголовъ принято считать на чаѣ, но это не значитъ, что монголы получаютъ свою плату чаемъ, съ ними расплачиваются различными товарами.

Въ качествѣ денегъ при крупныхъ торговыхъ сдѣлкахъ, при партіонныхъ закупкахъ первенствующую роль играетъ серебро. Серебро имѣетъ форму слитковъ. Первое время, когда русскіе по-преимуществу вывозили въ Монголію русскіе товары и ввозили домой серебро, серебряные слитки, обращавшіеся въ Монголіи, были китайскаго происхожденія. Китайское серебро отливается въ формочки, напоминающія половинку яйца. Стараются, чтобы вѣсъ отдѣльнаго слитка приближался по возможности къ принятымъ въ торговомъ оборотѣ единицамъ вѣса. Цѣнность слитковъ опредѣляется цѣнностью вѣсовыхъ частей серебра. Въ Монголіи практикуется система такъ называемаго ланнаго вѣса. Единица вѣса называется „ланомъ“, отсюда выраженіе „10 延ановъ серебра“. Нужно замѣтить, что ланъ въ вѣсовомъ отношеніи не представляется однообразной величиной во всей Монголіи. Есть ланы тяжелые, средніе и легкіе. Только для серебра, въ видѣ исключенія, практикуютъ систему однообразнаго вѣса. А для взвѣшиванія другихъ товаровъ, напр., шерсти, муки, въ разныхъ районахъ Монголіи практикуютъ разные ланы. Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду при сравненіи, напр., шерстяныхъ цѣнъ въ различныхъ областяхъ Монголіи. Ланъ дробится на мелкія части въ десятичномъ отношеніи:

1 ланъ	равенъ . . .	10 ценамъ.
1 ценъ	„ . . .	10 фынамъ.
1 фынъ	„ . . .	10 ли.
1 ли	„ . . .	10 хоо.

Напр., китайскій приказчикъ, когда онъ укрѣпитъ свое довѣріе, принимается въ пайщики торговой фирмы и получаетъ 1 ли съ каждаго % прибыли. Слитки серебра имѣются въ формѣ кусковъ въ 1, 2, 5, 10 и т. д. лановъ, но есть кусочки въ нѣсколько или даже въ 1 ценъ, мельче слитковъ намъ не приходилось встрѣчать, и нужно думать, что сотыя доли лана по отношенію къ серебру имѣютъ уже только одно счетное значеніе. На русскія деньги цѣна 1 лана серебра колеблется отъ 1 руб. 20 коп., до 1 р. 30 коп.—1 р. 35 коп. Слѣдовательно, 1 ценъ равенъ—12 или 13 коп. Но въ коммерческомъ оборотѣ серебро рѣдко дробится на такія мелкія части.

Въ ургинскомъ районѣ Монголіи въ настоящее время для нуждъ мелочнаго торга и для мелкихъ разсчетовъ введены китайскаго чекана мѣдныя и мелкія серебряныя деньги. Въ кобдосскомъ и улясутайскомъ районахъ, особенно въ первомъ районѣ, для мелочныхъ разсчетовъ употребляютя половинки кирпичнаго чая, хадаки и пояски.

Хадаки играютъ большую роль въ монгольскомъ быту. Хадакъ —шелковая голубая, довольно широкая лента, на которой часто имѣются изображенія боговъ. Когда монголъ привѣтствуетъ чиновника, князя, консула, купца, иностранца-путешественника или монгола, къ которому онъ питаетъ особое уваженіе, или духовное лицо, то онъ обычно на рукахъ имѣетъ эту шелковую, всегда голубую, ленту. Привѣтствуемый беретъ ленту, отдариваетъ такою же лентою или другимъ какимъ-либо подаркомъ. На статуи боговъ точно также вѣшаются эти ленты. Хадаки бываютъ различной длины: чѣмъ больше нужно выразить почету, тѣмъ длиннѣе должна быть лента. Длина ленты зависитъ, конечно, и отъ имущественнаго положенія подносящаго. Въ большомъ ходу короткія ленты, не длиннѣе полъ-аршина, часто настолько плохо сдѣланныя, что нитки разъѣзжаются. Цѣна такого невзрачнаго подношенія—полтинникъ, 60 коп. Князья дарили намъ ленты, стоившія, по меньшей мѣрѣ, рублей пять. Лента—символъ, ея цѣнность—чисто символическая, такъ какъ хадакъ не годенъ ни для какихъ практическихъ цѣлей. Потребность въ портативномъ орудіи мелкихъ разсчетовъ выдвинула хадакъ въ качествѣ денежной единицы. Хадакомъ можно разсчитаться, считая его за 50—60 коп. Для болѣе же мелкихъ разсчетовъ употребляютъ узкіе хлопчатобумажные пояски. Такой поясокъ идетъ за нѣсколько копѣекъ, копѣйки 3—4. Иногда, напр., въ Кобдо, можно видѣть монгола съ пучкомъ такихъ поясковъ; иногда монголъ, покупая, напр., коробку—двѣ спичекъ, снимаетъ такой поясокъ, довольно замасляный и потертый, съ самого себя. Большого значенія въ денежныхъ разсчетахъ эти ленты и пояски не имѣютъ.

Нужно признать, что въ настоящее время главное значеніе въ качествѣ денегъ въ монгольской торговлѣ имѣетъ ланное серебро.

Ланное серебро, которое можно встрѣтить въ настоящее время въ торговомъ оборотѣ Монголіи, двоякаго происхожденія, но въ томъ и другомъ случаѣ оно будетъ привознымъ, такъ какъ въ самой Монголіи серебряные рудники не разрабатываются. Серебро съ одной стороны привозятъ изъ внутренняго Китая китайскіе торговцы. Это серебро имѣетъ два сорта: настоящее чистое серебро, отлитое въ вышеуказанныя формы, и такъ называемое „черное серебро“,

представляющее изъ себя грубое сочетаніе чугуна и серебра. Иногда чугунный кусокъ прямо облитъ серебромъ и при томъ такимъ образомъ, что это для всякаго видно. Иногда же серебро густо покрываетъ чугунъ, такъ что сразу трудно замѣтить подделку; это уже—настоящая фальсификація, съ которой купечеству приходится считаться. „Черное" серебро ходило въ прежніе годы, когда въ Монголіи вообще было слишкомъ мало серебра. Тогда „черное" серебро играло роль условныхъ денегъ. Въ настоящее время Монголія обильно насыщается хорошимъ высокопробнымъ серебромъ, которое и вытѣсняетъ „черное" серебро. Серебро высокаго качества ввозится въ Монголію русскими торговцами, которые за послѣднее время, какъ было уже сказано, вмѣсто русскихъ товаровъ вывозятъ въ Монголію серебро и кредитные билеты. Серебро, которое привозятъ съ собою русскіе, носитъ названіе „гамбургскаго". И оно, дѣйствительно, гамбургскаго происхожденія, такъ какъ русскіе банки, торгующіе этимъ серебромъ, напр., отдѣленіе Сибирскаго Банка въ г. Бійскѣ, получаютъ его изъ Гамбурга. Гамбургское серебро имѣетъ видъ продолговатыхъ плитокъ, вѣсомъ въ 10—11 фунтовъ. Въ Монголіи это серебро въ кузницахъ разрубаютъ на мелкія части и пускаютъ въ оборотъ. Часто же русскіе купцы посылаютъ цѣлыя плитки въ богатыя китайскія лавки, гдѣ онѣ и размѣниваются на мелкое серебро. Куски гамбургскаго серебра весьма легко отличить по внѣшнему виду отъ китайскаго серебра: гамбургское серебро имѣетъ цвѣтъ бѣлаго настоящаго серебра, при томъ видно, что это части нарубленнаго серебра. Китайское серебро темное и куски его не рубленые, а отлитые.

Такъ какъ гамбургское серебро безусловно лучше китайскаго, то, конечно, на рынкѣ оно пользуется большими симпатіями. Эти симпатіи идутъ со стороны китайцевъ-купцовъ, которые при сдѣлкахъ съ русскими часто стараются выговорить себѣ право полученія гамбургскаго серебра. Нужно замѣтить, что партіонная скупка монгольскаго сырья русскими по преимуществу идетъ черезъ китайскія руки и, такимъ образомъ, привозимое русскими серебро остается въ рукахъ китайцевъ. Серебра же русскіе ввозятъ съ собою очень много. Достаточно сказать, что только изъ Бійска идетъ его за послѣднее время сотни пудовъ. Но когда расплачиваются серебромъ китайцы, то они обыкновенно выдаютъ китайское серебро. Поэтому въ средѣ русскихъ торговцевъ существуетъ предположеніе, что китайцы, стягивая въ свои руки гамбургское серебро, затѣмъ переливаютъ его въ китайское и, такимъ образомъ, получаютъ нѣкоторый барышъ, но, конечно, качество серебра ухудшается. Нужно замѣтить, что въ процессѣ

установленія курса денегъ, т. е., главнымъ образомъ, серебра въ слиткахъ и кускахъ, руководящее значеніе имѣетъ китайское серебро.

Здѣсь умѣстно замѣтить, что серебро вообще въ Монголіи имѣетъ большое значеніе. Монголія не знаетъ золота и, подобно всему Востоку, изъ всѣхъ благородныхъ металловъ предпочитаетъ серебро. Украшенія, однообразныя по формѣ, въ Монголіи для богатыхъ и бѣдныхъ обыкновенно дѣлаются изъ серебра или изъ бѣлаго металла, напоминающаго монголу о серебрѣ. Среди монголовъ есть мастера, хорошо приготовляющіе серебряные кольца, перстни, головные женскіе уборы, часто стоющіе большихъ денегъ. Серебромъ у богатыхъ монголовъ отдѣланы сѣдла, трубки, огнива и т. д. Все это безусловно поддерживаетъ цѣны на бѣлый металлъ. Къ сожалѣнію, русскіе въ самой слабой степени использовали монгольскій вкусъ къ серебру и бѣлымъ металламъ. Попытокъ ввозить въ Монголію дешевыя серебряныя и другія бѣлыя металлическія издѣлія, въ большомъ количествѣ приготовляемыя въ Россіи, почти не было...

До недавняго времени серебро въ слиткахъ и кускахъ было господствующими деньгами въ монгольскомъ торговомъ оборотѣ. Конкуррирующими деньгами были русскія деньги, кредитные билеты и серебряные рубли. Только за послѣдніе два года въ Ургѣ появились китайскіе банковые билеты и серебряные „доллары", которые и вытѣснили изъ торговыхъ сношеній въ Ургѣ и ланное серебро, и русскія деньги. Въ настоящее время ланное серебро имѣетъ широкое распространеніе въ кобдосскомъ и улясутайскомъ районахъ. Но курсъ денегъ опредѣляется и до сихъ поръ цѣною ввезеннаго въ Монголію серебра. Курсъ серебра опредѣляется сдѣлками въ значительныхъ торговыхъ центрахъ внутренняго Китая, откуда серебро и ввозится въ предѣлы Монголіи. Собственно говоря, причины, опредѣляющія курсъ серебра, обращающагося въ Монголіи, можно раздѣлить на двѣ категоріи: основныя причины рождаются внѣ предѣловъ Монголіи. Курсъ серебра устанавливается въ тѣсной зависимости отъ общихъ условій мірового серебрянаго рынка, т. е., отъ тѣхъ цѣнъ, по которымъ внутренній Китай снабжаетъ себя запасами серебра. Туземная добыча серебра до сихъ поръ не приняла широкихъ размѣровъ. Въ главныхъ торговыхъ центрахъ Китая устанавливаются цѣны на серебро, и эти китайскія цѣны, принявшія твердо выраженный биржевой характеръ, остаются руководящими для монгольскаго торговаго оборота. Серебро въ Монголіи, въ главной своей массѣ привезенное китайскими купцами, всегда будетъ дороже серебра внутри Китая, такъ какъ дешевый и

громоздкій металлъ вызываетъ значительные накладные расходы по транспортированію его внутрь Монголіи. Въ Монголіи же колебанія курса серебра происходятъ въ зависимости отъ колебаній цѣнъ на серебро во внутреннемъ Китаѣ и отъ соотношенія спроса и предложенія на монгольскомъ рынкѣ.

За послѣднее десятилѣтіе наблюдается систематическое пониженіе курса на серебро. Сообщали, что въ первые годы внѣдренія русскихъ товаровъ въ Монголію 1 ланъ серебра на русскія деньги стоилъ около 3-хъ рублей. Это показаніе, правда, не имѣетъ особой цѣны, такъ какъ въ то время русскій рубль, въ свою очередь, не имѣлъ твердаго курса. Русскіе торговцы цѣну серебра переводятъ на русскія деньги и такимъ пріемомъ освѣдомляются о курсахъ на серебро. Въ 1901 году улясутайское агентство русско-китайскаго банка продавало серебро по 1 руб. 70 коп. за одинъ ланъ, въ 1902 году одинъ ланъ въ этомъ банкѣ уже стоитъ 1 р. 50 коп. Теперь курсъ серебра дошелъ уже до 1 руб. 25 коп.—1 руб. 20 коп.

Китайскіе же купцы выражаютъ курсъ серебра, при сдѣлкахъ съ русскими, въ своихъ обозначеніяхъ. Китаецъ говоритъ, что курсъ серебра будетъ 8 циновъ, 2 фына и 5 ли, т. е. это *вѣсовое* количество онъ готовъ отдать за русскій рубль.

Серебро на монгольскомъ рынкѣ, хотя и играетъ роль денегъ, все же остается товаромъ. Какъ товаръ, оно имѣетъ оптовыя и розничныя цѣны. Поэтому можно съ полнымъ основаніемъ говорить объ оптовыхъ и розничныхъ курсахъ серебра. Оптовые курсы имѣютъ значеніе для крупной торговли, такъ какъ торгующіе въ Монголіи обязательно запасаются серебромъ, при чемъ для нихъ имѣетъ важное значеніе то обстоятельство, что серебро куплено по дешевой цѣнѣ, такъ какъ въ зависимости отъ дешевизны закупленнаго серебра они могутъ соображаться съ рыночными товарными цѣнами. Торговецъ въ монгольскомъ городѣ, напр., въ Кобдо или Улясутаѣ, связанъ въ своей расцѣнкѣ пріобрѣтеннаго серебра рынкомъ города. Про городскіе курсы на серебро можно сказать, что они стоятъ въ тѣсной зависимости отъ оптовыхъ цѣнъ. Иначе обстоитъ дѣло въ хошунахъ, гдѣ рыночныя цѣны на все въ значительной мѣрѣ поддаются воздѣйствію торговца. За послѣдніе два—три года курсъ ланнаго серебра, напр., въ г. Кобдо, отличался замѣчательною устойчивостью: въ переводѣ на русскія деньги 1 ланъ серебра расцѣнивался въ 1 рубль 25 коп. Конечно, отдѣльные купцы могли, пользуясь рыночной конъюнктурой, пріобрѣсти серебро по болѣе дешевой цѣнѣ, но въ своихъ операціяхъ въ Кобдо они разсчитывали 1 ланъ по 1 руб. 25 коп. Такимъ образомъ, дешево пріобрѣтенное серебро въ силу устойчивости курса само по себѣ могло быть

источникомъ коммерческихъ прибылей. Устойчивость кобдосскихъ курсовъ на серебро объясняется значительной удаленностью этого торговаго центра отъ торговыхъ пунктовъ внутренняго Китая, гдѣ складываются основные курсы. Сообщенія Кобдо съ главными торговыми центрами Китая весьма трудны, случайны и требуютъ большого времени. На это обстоятельство и опирается, главнымъ образомъ, устойчивость курсовъ на серебро въ Кобдо.

Городская торговля въ Кобдо держитъ въ большой зависимости отъ себя хошунную торговлю. Эта зависимость создается кредитными отношеніями и тѣмъ фактомъ, что хошунные торговцы закупаютъ серебро и товары у городскихъ крупныхъ торговцевъ. Отсюда ясно, что цѣны въ хошунахъ неизбѣжно должны быть выше, чѣмъ въ Кобдо или въ Улясутаѣ. Поэтому хошунные торговцы оцѣниваютъ ланное серебро выше городскихъ курсовъ. Между Кошъ-Агачемъ и Кобдо въ русскихъ торговляхъ, нами осмотрѣнныхъ, одинъ ланъ серебра оцѣнивался въ 1910 году въ 1 руб. 40 коп. Въ улясутайскомъ районѣ, въ области рѣки Дзапхына, русскіе торговцы говорили намъ, что у нихъ ланъ не наличный, а кредитный, т. е. взятый въ кредитъ и самимъ торговцамъ обходится въ 1 руб. 50 коп.—1 руб. 70 коп. Поэтому покупка сырья для такого торговца обходится дороже городскихъ торговцевъ, покупающихъ по курсу. И если у городскихъ торговцевъ есть стремленіе нажить на серебрѣ, то этимъ стремленіемъ не обижены и хошунные торговцы. Отсюда уже видно, какъ вредно вліяетъ на торговый оборотъ въ Монголіи отсутствіе настоящей денежной единицы. Господствующее положеніе на монгольскомъ рынкѣ серебра съ его вѣчно колеблющимся курсомъ приводитъ къ тому, что и курсъ русскаго рубля, имѣющаго широкое распространеніе въ Монголіи, точно также подверженъ постояннымъ колебаніямъ. Товарныя цѣны въ свою очередь не могутъ похвалиться устойчивостью и однообразіемъ.

Колебанія курсовъ на серебро особенно замѣтны въ г. Ургѣ, этомъ крупномъ торговомъ центрѣ Монголіи. Урга связана телеграфомъ съ Кяхтой и кяхтинскимъ китайскимъ маймаченомъ. Съ другой стороны, Урга связана телеграфомъ же съ Калганомъ, что обезпечиваетъ для заинтересованныхъ лицъ полную возможность быть освѣдомленными относительно руководящихъ курсовъ. Въ то же время въ обѣ указанныя стороны отъ Урги имѣются правильно функціонирующія почты, которыя доставляютъ возможность пользоваться курсовыми конъюнктурами для закупокъ серебра и денежныхъ переводовъ. Китайскіе купцы въ Ургѣ и вообще въ Монголіи прекрасно учитываютъ

значеніе колебаній курса серебра и стремятся использовать такія колебанія къ свою пользу. Крупныя китайскія фирмы въ Ургѣ имѣютъ свою собственную агентуру, освѣдомляющую ихъ о движеніи курсовъ. Курсы же колеблятся тамъ весьма часто. При крупныхъ оптовыхъ сдѣлкахъ на монгольское сырье эти курсовыя колебанія могутъ оказать на дѣловые обороты весьма значительное вліяніе. Въ настоящее время цѣны на шерсть и сурокъ въ Монголіи достигли такого высокаго уровня, что при закупкахъ большихъ партій весьма выгодно и даже необходимо учитывать и небольшія колебанія курса денегъ. Особенно это замѣчаніе относится къ той торговлѣ, которая не имѣетъ привычки прибѣгать къ старымъ формамъ кредитныхъ сдѣлокъ на товары, когда коммерческая прибыль операцій опирается, главнымъ образомъ, на невыгодныя для монголовъ формы кредитной сдѣлки. Съ другой стороны, китайцы—прекрасные биржевики, тонко ведущіе свое дѣло; русскимъ, которые по необходимости покупаютъ монгольское сырье изъ китайскихъ рукъ, приходится быть не менѣе освѣдомленными въ движеніи курсовъ. Но, къ сожалѣнію, въ данномъ отношеніи русскіе сильно отстаютъ отъ китайцевъ.

Трудно, конечно, русскимъ освѣдомляться о курсахъ на серебро, такъ какъ до сихъ поръ русскіе почти не имѣютъ связей въ тѣхъ внутреннихъ городахъ Китая, гдѣ складываются основные курсы, гдѣ котируется не только серебро, но и монгольское сырье, гдѣ рѣшается крупными китайскими фирмами важный для русскихъ вопросъ о томъ, выгодно ли направить монгольское сырье въ Китай или же отдать его въ Монголіи русскимъ скупщикамъ. Лѣтомъ 1910 года цѣны на баранью шерсть въ Ургѣ были довольно высокія. Въ началѣ сезона 100 мѣстныхъ фунтовъ (гиновъ или джиновъ) стоили 13 лановъ 7 ценовъ. Въ концѣ августа цѣна выражалась въ 13 лановъ 2 цена. Для того, чтобы сравнить между собою эти цѣны и опредѣлить выгодность предполагаемыхъ товарныхъ сдѣлокъ, необходимо учесть курсъ денегъ. Курсъ серебра въ началѣ сезона былъ за 100 копѣекъ 8 ценовъ 2 фына и 5 ли. Въ концѣ же августа—8 ценовъ 4 фына и затѣмъ въ скоромъ же времени—8 ценовъ 2 фына и 7 ли. Естественно, что такое колебаніе курса серебра отражалось на фактической цѣнѣ шерсти и сурка, и правильно поставленному коммерческому дѣлу нельзя было не считаться съ такимъ вліяніемъ колебанія курса серебра на товарныя цѣны, такъ какъ въ настоящее время цѣны на шерсть и сурокъ достигли высокихъ ставокъ: легко можно и просчитаться. Освѣдомленность о движеніи курсовъ въ Ургѣ поставлена такимъ образомъ, что заинтересованныя фирмы должны за собственный счетъ и только для себя держать соотвѣт-

ствующую агентуру. Въ имѣющемся въ Ургѣ китайскомъ эмиссіонномъ банкѣ свѣдѣнія о курсахъ или будутъ сообщены завѣдомо ложныя, или просто тамъ никакихъ свѣдѣній не дадутъ. Крупная фирма, напр., китайская, получаетъ подобныя свѣдѣнія только для себя. Мы знаемъ русскія фирмы въ Ургѣ, которыя два раза въ недѣлю получаютъ свѣдѣнія о движеніи курсовъ для себя. Съ другой стороны, въ Ургѣ есть большія торговыя русскія фирмы, скупающія шерсть, но при этомъ мало заботящіяся о движеніи курсовъ.

Движеніе курсовъ особенно интересуетъ китайцевъ, торгующихъ въ Монголіи; китайцы торгуютъ въ Монголіи круглый годъ, они считаютъ себя постоянными монгольскими фирмами; въ большинствѣ случаевъ китайскія фирмы въ Монголіи представляютъ изъ себя отдѣленія торговыхъ домовъ, такъ что въ Монголіи эти фирмы ведутъ свое дѣло на строгомъ отчетѣ. Китайское торговое счетоводство, по отзывамъ русскихъ, нужно признать образцовымъ по своей точности и детализированію записываемыхъ данныхъ. Наконецъ, у китайцевъ врожденная любовь къ биржевымъ спекуляціямъ. Поэтому у нихъ курсъ серебра постоянно въ глазахъ.

Изъ русскихъ торговцевъ въ Монголіи съ курсомъ приходится имѣть дѣло немногимъ торговымъ крупнымъ фирмамъ, изъ года въ годъ наѣзжающимъ въ монгольскіе города. Масса среднихъ и мелкихъ русскихъ фирмъ имѣютъ дѣло не съ наличнымъ, а съ кредитнымъ ланомъ, т. е. съ серебромъ, полученнымъ въ кредитъ у крупныхъ русскихъ и иногда китайскихъ фирмъ. При такомъ происхожденіи лановъ курсъ ихъ не имѣетъ никакого значенія для торговца. Вообще свѣдѣнія о курсахъ серебра получаются даже сибирскими банками въ Бійскѣ, Иркутскѣ и Кяхтѣ далеко не каждый день, между тѣмъ какъ китайскіе купцы въ Ургѣ и Кяхтинскомъ маймаченѣ получаютъ эти свѣдѣнія по телеграфу ежедневно.

Русскіе по отношенію къ запасамъ денегъ находятся въ невыгодномъ положеніи: они должны запастись деньгами къ началу торговаго сезона, такъ какъ почтовыя сношенія въ Монголіи находятся въ первобытныхъ условіяхъ. Въ моментъ разгара скупки, когда товаръ рвутъ другъ у друга изъ рукъ, нечего надѣяться на ссуду на приличныхъ условіяхъ. Поэтому русскія фирмы запасаются русскими деньгами и серебромъ съ момента пріѣзда въ Монголію (февраль—мартъ), держатъ деньги съ убыткомъ для себя въ своихъ жилищахъ. Русскіе въ большомъ количествѣ покупаютъ серебро въ русскихъ банкахъ по цѣнамъ, которыя отклоняются отъ китайскихъ курсовъ. Вся выгода, которую русскіе могутъ извлечь изъ движенія курсовъ на серебро, сводится къ моменту закупки серебра: дешево закуплено—тогда при твердыхъ курсахъ

будетъ выгода. Правда, за послѣдніе годы и русскіе начинаютъ входить во вкусъ биржевыхъ операцій съ серебромъ. Въ мертвое время сезона нѣкоторыя русскія торговыя фирмы пытаются закупить дешевое серебро въ Монголіи. Въ Улясутаѣ разсчитываютъ, напр., гдѣ купить серебро: въ Ургѣ, Кяхтѣ, Бійскѣ или Кобдо. Кромѣ того, въ Монголіи не прочь такъ или иначе повліять на курсъ серебра. Крупныя фирмы обычно имѣютъ своихъ представителей для скупки сырья во всѣхъ значительныхъ торговыхъ пунктахъ Монголіи: въ одномъ мѣстѣ товаръ покупаютъ по одной цѣнѣ, въ другомъ районѣ по иной цѣнѣ и такимъ образомъ искусно подбираютъ партію товара. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ дешевое или дорогое серебро мѣшаетъ намѣченнымъ партіямъ, представители отдѣльныхъ фирмъ продажей серебра или его скупкой искусственно колеблютъ курсы, достигая намѣченныхъ результатовъ.

При цѣнѣ ста джиновъ шерсти въ 13 лановъ весьма важно учесть курсъ серебра: стоитъ ли ланъ 84 коп. или онъ упалъ до 82 коп. Поэтому можно предполагать, что въ дальнѣйшемъ развитіи русско-монгольскихъ торговыхъ отношеній, при наличности современныхъ хаотическихъ порядковъ въ области тамошняго денежнаго обращенія, торговля по необходимости будетъ все болѣе тѣсно связываться съ курсовыми колебаніями. Въ настоящее время въ русской средѣ въ Монголіи серьезно озабочены вопросомъ объ организаціи правильнаго почтоваго сообщенія. Если удастся это необходимое дѣло, тогда съ одной стороны и въ Улясутаѣ, и въ Кобдо колебанія денежныхъ курсовъ будутъ учащенными, а съ другой—будетъ возможность сознательно и легко учитывать такія колебанія.

Денежное обращеніе приняло съ внѣшней стороны нѣсколько цивилизованную форму въ Ургѣ. До недавняго времени въ Ургѣ большую роль играли ланное серебро, русскія деньги и чай. Въ настоящее время чай совершенно вытѣсненъ изъ оборота мелкой серебряной и мѣдной монетой китайскаго чекана. Правда, на китайскомъ базарѣ въ Ургѣ, гдѣ много торгуютъ и сами монголы, можно разсчитываться русскимъ мелкимъ серебромъ и русскою мѣдью, но такой разсчетъ невыгоденъ для покупателя, гораздо выгоднѣе купить на русскія деньги китайскихъ денегъ. Счетной единицей въ Ургѣ является серебряный или бумажный долларъ. Этотъ долларъ самостоятельнаго курса не имѣетъ; онъ выпускается мѣстнымъ китайскимъ банкомъ и свой курсъ опредѣляетъ по отношенію къ серебру. Банкъ завѣряетъ, что его эмиссіонная дѣятельность опирается и обезпечивается запасами серебра. Подробнѣе объ этомъ скажемъ, когда будемъ говорить о

банкахъ въ Монголіи. Здѣсь замѣтимъ, что видную роль въ денежномъ обращеніи Монголіи играютъ русскія деньги, особенно бумажныя деньги. Въ той же самой Ургѣ въ любой торговлѣ китаецъ охотно возьметъ русскіе кредитные билеты. И вообще по всей Монголіи можно констатировать полное довѣріе къ русскимъ деньгамъ. Счастливымъ условіемъ, содѣйствовавшимъ укрѣпленію русскихъ денежныхъ знаковъ въ Монголіи, было то важное обстоятельство, что Монголія до сихъ поръ осталась свободной отъ фальшивыхъ русскихъ денегъ. Русскія деньги въ Монголіи появляются только при помощи самихъ русскихъ торговцевъ, которые привезять деньги съ собою. Деньги эти большею частью оборачивались въ русской средѣ и между русскими, и китайцами. Обращеніе фальшивыхъ кредитокъ между русскими исключается по существу дѣла; обращеніе фальшивыхъ кредитокъ между русскими и китайскими купцами почти невозможно, такъ какъ китайцы хорошо разбираются въ русскихъ деньгахъ, а затѣмъ и русскіе, конечно, не захотятъ портить отношеній съ китайскими, часто пріятельскими, фирмами. Да и вообще появленія фальшивыхъ кредитокъ со стороны купцовъ ожидать врядъ ли возможно. Опасность появленія фальшивыхъ кредитокъ лежитъ въ томъ, что ими легко надуть довѣрчивыхъ и малоосвѣдомленныхъ монголовъ, но туда фальшивая кредитка можетъ попасть только лишь путемъ торговой сдѣлки. Такимъ образомъ, по существу сложившихся торговыхъ отношеній русская фальшивая кредитка, японской-ли, китайской или русской фабрикаціи, съ большимъ трудомъ можетъ проникнуть въ Монголію.

Но Монголія не свободна отъ фальшиваго серебра, которое поддѣлывается китайцами. Все такъ называемое „черное" китайское серебро, собственно говоря, необходимо отнести къ категоріи фальшиваго. Это сплавъ чугуна и серебра. Китайцы часто въ куски серебра запрятываютъ куски чугуна. Русскія фирмы, принимающія въ большихъ количествахъ серебро, испытываютъ часто это серебро на огнѣ, который легко обнаруживаетъ присутствіе чугуна. Долго жившіе въ Монголіи русскіе привыкаютъ различать въ китайскомъ серебрѣ фальшивое отъ настоящаго простымъ осматриваніемъ слитковъ и взвѣшиваніемъ ихъ на рукѣ. Когда въ Кобдо намъ нужно было размѣнять полпуда гамбургскаго серебра въ видѣ двухъ слитковъ на мелкіе кусочки, то управляющій одной русской фирмы очень быстро разобрался въ кучѣ присланнаго мелкаго серебра отъ китайской фирмы, значительное количество мелкихъ кусковъ было отослано назадъ съ просьбой дать серебро получше. Во время нашего пути, когда приходилось тратить это се-

ребро, былъ обнаруженъ нами только одинъ слитокъ серебра въ два лана безусловно фальшивый. Этотъ кусокъ былъ случайно подаренъ за услуги монголу-проводнику, тотъ, принявъ подарокъ, три дня ходилъ по всѣмъ ургинскимъ лавкамъ, предлагая этотъ кусокъ китайскимъ купцамъ. И только такое долговременное и безполезное хожденіе по лавкамъ убѣдило нашего монгола въ томъ, что въ его рукахъ фальшивое серебро. Тогда онъ черезъ третьихъ лицъ довелъ до нашего свѣдѣнія о постигшей его бѣдѣ. Настойчивость монгола въ размѣнѣ фальшиваго куска объясняется не только его деликатностью къ подарившему, но и обычаемъ монгольскимъ—полнымъ довѣріемъ къ русскимъ въ денежныхъ разсчетахъ: обсчитать могутъ, но фальшивыхъ денегъ не даютъ. Да кромѣ того, въ глуши Монголіи по всей вѣроятности и фальшивое серебро ходитъ за настоящее. Иначе нечѣмъ объяснить тотъ фактъ, что въ рукахъ китайцевъ, торгующихъ въ Монголіи, находится такая масса фальшиваго серебра.

Возвращаясь къ русскимъ деньгамъ, замѣтимъ, что ихъ цѣнность опредѣляется по отношенію къ серебру. Мѣняется курсъ лановъ—мѣняется и курсъ русскаго серебра. Точно такъ же опредѣляется отношеніе и русскихъ денегъ къ банковымъ деньгамъ, обращающимся въ Ургѣ. Русскія деньги обращаются по всей Монголіи, ургинскіе же билеты и „доллары" ходятъ только въ Ургѣ. По сговору и по обстоятельствамъ дѣла ихъ еще могутъ принять въ Улясутаѣ, но далеко не всегда. Ургинскій долларъ, серебряный и бумажный, стоитъ въ среднемъ около 85 коп. Поэтому въ Ургѣ при смѣшанныхъ разсчетахъ добавляютъ къ русскому рублю. Долларъ дѣлится на сто центовъ. Поэтому при промѣнахъ и разсчетахъ добавляютъ къ рублю отъ 22 до 15—16 центовъ, въ зависимости отъ текущаго курса. Доллары ургинскаго происхожденія въ остальной Монголіи идутъ по вѣсу, какъ и всякое другое серебро: ихъ взвѣшиваютъ на ланныхъ вѣсахъ. Часто такимъ же путемъ помимо кусковъ и слитковъ серебра на вѣсахъ появляются серебряныя кольца, пуговицы, обломки какихъ-нибудь серебряныхъ издѣлій. Но никогда по вѣсу не идетъ русское серебро въ монетахъ.

Ургинскіе доллары появились въ торговыхъ оборотахъ Урги года три тому назадъ и быстро вытѣснили русскія деньги, какъ ходовую единицу. Первое время на почвѣ обмѣна русскихъ рублей на долларъ происходило не мало курьезовъ, дорого обходившихся одной изъ сторонъ. Но теперь практика размѣна вошла въ постоянный обиходъ ургинскихъ торговыхъ сферъ, всѣ къ этому привыкли, такъ какъ русскіе, какъ правило, мѣняютъ привезенные

рубли на монгольскіе доллары. Любопытно отмѣтить, что въ лавочномъ торгѣ русскій рубль смѣшиваютъ съ долларомъ, а поэтому въ Ургѣ удобнѣе обходиться съ долларами, а не съ рублями. Русскіе же въ русскихъ лавкахъ покупаютъ на русскія деньги. Если же пускаются въ данномъ случаѣ въ оборотъ мѣстные доллары, то происходитъ учетъ на русскую валюту, но внѣ зависимости отъ курса: разсчитываютъ 85 коп. за одинъ долларъ. Естественно, что при такой фиксаціи курса доллара одна изъ сторонъ проигрываетъ. И вообще нужно замѣтить, что при такомъ неупорядоченномъ состояніи денежнаго обращенія въ валютныхъ отношеніяхъ легко разбираются только опытные купцы, въ особенности китайцы; малоосвѣдомленнымъ же монголамъ приходится часто страдать и терпѣть ущербы. Часто приходилось слышать жалобы на обсчетъ и обвѣсъ монголовъ со стороны торгующихъ.

Въ Ургѣ для мелочныхъ разсчетовъ ходятъ того же происхожденія, что и доллары, центы: серебряные въ 50 и 25 ц. и мѣдные. Доллары и центы иностранной чеканки довольно красиво сдѣланная монета. Намъ попадались двѣ категоріи долларовъ. Одна монета имѣла китайскую и европейскую сторону. На китайской сторонѣ изображены китайскія буквы; на другой сторонѣ фигура греческой богини, видъ моря и корабля, и надпись: „one dollar". На монетахъ другой категоріи фигура богини замѣнена изображеніемъ красиваго дракона и надпись гласитъ: „29 th year of Kuang Hsu. Pei Yang". Описанныя денежныя отношенія въ современной Монголіи весьма напоминаютъ денежное обращеніе въ тѣхъ некультурныхъ странахъ, которыя въ настоящее время втянуты въ круговоротъ всемірнаго рынка, которыя обстоятельствами вынуждаются вести внѣшнюю торговлю. Такъ, напр., въ современной Абиссиніи денежное обращеніе во многомъ напоминаетъ Монголію, только въ Абиссиніи вмѣсто кирпичей чая ходятъ кирпичи соли, вмѣсто рублей и долларовъ талеры съ потретомъ Маріи Терезіи, вмѣсто хадаковъ и поясковъ—куски мѣди, жести, телячьи шкурки, отрѣзки тканей и т. д. (См. ст. К. Звягина: „Промышленность и торговля Абиссиніи" въ „Вѣстн. Финансовъ". 1910 г. № 45).

Естественно, что подобныя условія не могутъ содѣйствовать развитію въ Монголіи правильной торговли. Такое хаотическое состояніе денежнаго обращенія случайно можетъ обогатить нѣкоторыхъ торговцевъ, но это обогащеніе идетъ на счетъ другихъ. Цѣны ломаются въ зависимости отъ курсовъ, что отражается на торговлѣ только отрицательнымъ образомъ и т. д. Развитіе правильныхъ торговыхъ сношеній съ Монголіей по необходимости предпо-

лагаетъ упорядоченіе денежнаго обращенія. Такъ какъ политика современнаго Китая идетъ въ сторону болѣе тѣснаго сплоченія отдѣльныхъ областей огромной имперіи, то нужно предположить, что реформа денежнаго обращенія въ Монголіи будетъ простымъ расширеніемъ валютныхъ отношеній центральнаго Китая и на Монголію. Въ современномъ центральномъ Китаѣ въ области денежнаго обращенія царитъ хаосъ не меньшій, если не большій, чѣмъ въ Монголіи. Но въ Китаѣ поставлена на очередь крупная реформа денежнаго обращенія, которая, по слухамъ, охватитъ и Монголію. То, что извѣстно по поводу этой предполагаемой реформы, къ сожалѣнію не даетъ много надежды на созданіе настоящихъ порядковъ въ такомъ деликатномъ дѣлѣ, какимъ въ условіяхъ современнаго рынка является денежное обращеніе.

Проекты китайскаго правительства ввести въ Китаѣ регулярное денежное обращеніе за послѣднее время получили реальное основаніе. Весною 1911 г. китайское правительство заключило договоръ о внѣшнемъ займѣ съ синдикатомъ американскихъ, англійскихъ, германскихъ и французскихъ банковъ. Заемъ предположенъ въ 10 милл. фунтовъ стерлинговъ (нарицательныхъ), причемъ большая часть этого займа назначается на валютную реформу, меньшая—на организацію промышленныхъ предпріятій общегосударственнаго значенія въ Манчжуріи. По оглашеннымъ въ иностранной печати свѣдѣніямъ объ условіяхъ этого займа видно, что капиталисты-кредиторы поставили Китаю одно условіе, которое способно гарантировать удачное проведеніе валютной реформы, именно, капиталисты потребовали, чтобы китайское правительство представило синдикату подробный проектъ валютной реформы, и деньги будутъ даны только въ томъ случаѣ, если этотъ проектъ получитъ одобреніе синдиката. Если синдикатъ серьезно настоитъ на этомъ условіи, то въ ближайшемъ будущемъ въ Китаѣ, а слѣдовательно и въ Монголіи, торговый оборотъ можетъ получить правильное денежное обращеніе, хотя заранѣе можно предположить, что современному Китаю не осилить задачи введенія золотой валюты, такъ какъ въ странѣ съ 400-милліоннымъ населеніемъ золота почти нѣтъ и насыщеніе оборота золотомъ потребовало бы цѣлой серіи внушительныхъ золотыхъ займовъ.

IV. Торговля на наличный разсчетъ и въ кредитъ.

Торговля въ изучаемомъ нами краѣ встрѣчается въ двухъ формахъ—на наличный разсчетъ и въ кредитъ. Первая заключается въ одновременномъ обмѣнѣ привезенныхъ товаровъ или денегъ на

мѣстное сырье и скотъ. Раньше такія сдѣлки между русскими купцами и монголами и сойотами встрѣчались довольно рѣдко, но за послѣднее время онѣ начинаютъ распространяться. Наличныя сдѣлки происходятъ также и между русскими и китайскими купцами; вторые продаютъ первымъ собранныя партіи монгольскаго сырья.

Кредитныя сдѣлки точно также происходятъ съ одной стороны между русскими и китайскими купцами, съ другой—между русскими и туземнымъ населеніемъ.

Въ первомъ случаѣ русскіе кредитуютъ китайцевъ, обязывающихся доставить къ извѣстному сроку партіи сырья. Такой кредитъ сталъ распространяться въ послѣдніе годы, когда китайцы начали сосредоточивать въ своихъ рукахъ мелочную закупку монгольскаго сырья для составленія крупныхъ партій. Многія мелкія китайскія фирмы, не располагающія достаточнымъ собственнымъ капиталомъ для своихъ закупокъ, охотно идутъ на подобныя сдѣлки.

Кромѣ того и китайскія фирмы кредитуютъ русскихъ, отдавая имъ въ долгъ кирпичный чай, далембу, дабу, а иногда и собранное сырье. Такимъ образомъ создается въ Монголіи уже чисто коммерческій кредитъ между различными группами торговцевъ.

При кредитованіи торговцами мѣстнаго населенія бываютъ двѣ формы сдѣлокъ. Русскій купецъ продаетъ свой товаръ монголу или сойоту въ кредитъ съ обязательствомъ доставить въ договоренный срокъ условленную цѣнность сырьемъ или скотомъ, рѣдко деньгами. Въ другихъ случаяхъ торговецъ выдаетъ туземцу впередъ задатокъ въ видѣ денегъ за обязательство поставки въ опредѣленный срокъ сырья. Въ третьихъ, купцы ссужаютъ населеніе серебромъ, главнымъ образомъ, для уплаты повинностей, съ обязательствомъ вернуть деньгами же.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ китайскіе купцы при продажѣ товаровъ въ кредитъ установили своеобразное право выдавать половину кредитуемаго такими товарами, какими хочетъ китаецъ. Этимъ облегчается сбытъ разныхъ залежавшихся товаровъ. Эта система примѣняется даже и въ отношеніи русскихъ купцовъ, которые при покупкѣ у китайцевъ въ кредитъ иногда обязываются забрать часть ссуды тѣмъ товаромъ, какой даетъ китаецъ.

Кредитныя операціи вытекаютъ изъ самой природы хозяйства мѣстнаго населенія. Монголы и сойоты могутъ расплачиваться за свои покупки такими продуктами производства, которые носятъ сезонный характеръ. Шерсть, сурокъ, кожи, скотъ могутъ быть получены въ ихъ хозяйствѣ только въ опредѣленные періоды го-

да. Между тѣмъ потребности жителей въ разнообразныхъ предметахъ потребленія, начиная отъ чая и кончая мануфактурными товарами, носятъ непрерывный, текучій характеръ. Это и вызываетъ безусловную экономическую необходимость въ заборѣ туземцами всѣхъ нужныхъ товаровъ въ кредитъ съ обязательствомъ уплаты за нихъ въ тѣ сроки, когда поспѣетъ сырье ихъ скотоводческаго хозяйства.

Русскіе купцы въ Сойотіи указывали, что они вынуждались кредитовать своими товарами мѣстное населеніе потому, что, начиная торговать въ мартѣ и апрѣлѣ, когда скотъ былъ еще худой и неоткормленный, они должны были отсрочивать уплату скотомъ на нѣсколько недѣль, пока скотъ не поправится, а затѣмъ эту практику кредитованія они стали распространять все шире и шире.

Съ другой стороны на развитіе кредитныхъ отношеній вліяетъ и переходъ крупныхъ купцовъ къ скупкѣ сырья. Желая обезпечить себѣ возможно большее количество послѣдняго, торговцы стремятся гарантировать себѣ его полученіе путемъ кредитованія производителей. Купцы, какъ говорится, „задаютъ“ подъ шерсть, подъ сурка, подъ скотъ. Очень часто торговецъ кредитуетъ мѣстныхъ жителей осенью передъ своимъ отъѣздомъ на родину, обезпечивъ себѣ чуть не все полученіе сырья на будущій годъ. Въ такихъ случаяхъ, пріѣзжая весной въ Монголію, торговецъ спокойно остается въ сторонѣ отъ лихорадочной скупки сырья, происходящей среди тѣхъ лицъ, которыя закупаютъ его за наличныя средства.

Наконецъ, кредитныя операціи поддерживаются взысканіями регулярныхъ податей и чрезвычайныхъ поборовъ, которые часто взыскиваются теперь въ формѣ денегъ. Хошунъ, вынужденный платить сразу большую сумму денегъ и не имѣя ея въ наличности, кредитуется у какого-нибудь крупнаго купца, по большей части китайскаго, причемъ обязывается въ уплату долга доставить въ условленный срокъ деньги или чаще сырье или скотъ. Иногда такой кредитъ для уплаты податей оказывается купцами и отдѣльнымъ монголамъ.

Хошунный кредитъ занимаетъ первенствующее мѣсто въ хозяйственномъ быту Монголіи.

Какъ извѣстно, во главѣ хошуна стоитъ родовой наслѣдственный владѣтель, часто съ княжескимъ титуломъ. Въ немногихъ хошунахъ эти владѣтели получили свои права по избранію. У князя есть штатъ чиновниковъ, которые и вѣдаютъ дѣлами хошуна. Главное дѣло, которое лежитъ на хошунной администраціи, это

собиранie съ подчиненныхъ монголовъ доходовъ въ пользу князя. За послѣднie годы князья весьма энергично занимаются этимъ дѣломъ и многie хошуны пришли отъ этого даже въ упадокъ. Часто выясняется необходимость собрать съ хошуна крупную сумму денегъ, обыкновенно въ видѣ серебра. Эта сумма должна быть разверстана между отдѣльными жителями хошуна. Обычно князь, для своихъ личныхъ надобностей или для удовлетворенiя нуждъ, имѣющихъ общiй характеръ, заключаетъ отъ имени хошуна заемъ у китайскихъ или рѣже у русскихъ торговыхъ фирмъ, а послѣднiя получаютъ право взыскивать долгъ и проценты, установленные въ особомъ документѣ, съ хошунныхъ монголовъ. Монголы отвѣчаютъ по этимъ долгамъ своими доходами и имуществомъ; они находятся на положенiи крѣпостныхъ расточительнаго помѣщика. Почти всегда такie кредиторы собираютъ проценты и долгъ не серебромъ, котораго у монголовъ или очень мало, или оно нужно имъ для другихъ цѣлей, а сырьемъ, шерстью и скотомъ. Такой хошунный кредитъ въ жизни Монголiи играетъ колоссальную роль. Между русскими купцами и китайскими фирмами идетъ борьба изъ-за возможности кредитовать хошуны. Хошунный кредитъ-источникъ прямыхъ коммерческихъ прибылей, а кромѣ того, онъ-проводникъ выгоднаго въ торговомъ отношенiи влiянiя на общiй ходъ хошунныхъ дѣлъ. При помощи этого кредита китайцы очень искусно опутали Монголiю своими сѣтями и извлекаютъ изъ нея большie барыши, быстро раззоряющie монголовъ. Въ силу существованiя у монголовъ института круговой отвѣтственности, въ силу того, что власть князя и его приближенныхъ чиновниковъ очень тверда, и въ тоже время въ дѣлѣ взысканiя долговъ она энергично поддерживается губернаторами—манчжурами, хошунный кредитъ представляетъ спокойное и выгодное помѣщенie капитала.

Хошунный кредитъ въ большинствѣ случаевъ находится въ рукахъ китайскихъ торговыхъ фирмъ. Нѣкоторыя китайскiя фирмы по преимуществу занимаются кредитованiемъ хошуновъ и, собственно говоря, изъ торговыхъ фирмъ превратились въ банкирскiя. Таковы, напримѣръ, фирмы Да-Шен-Куй, Бо-Ям-Бо, Те-И-До, Іон-Шин-Де, раскинувшiя свои сѣти по всей Монголiи. Капиталы этихъ фирмъ, орудующихъ и въ застѣнномъ Китаѣ, опредѣляются въ сотни миллiоновъ рублей, хотя правда, точныхъ свѣдѣнiй объ ихъ оборотахъ не имѣется. Кредитныя операцiи указаннаго вида даютъ китайскимъ фирмамъ огромную силу и влiянie надъ монгольскими властями. Обыкновенно бываетъ такъ, что китайская фирма, оказавши крупный кредитъ какому либо хошуну, уже затѣмъ не выпускаетъ его изъ рукъ и хошунъ становится вѣчнымъ

данникомъ китайцевъ. Время отъ времени петля еще болѣе суживается, такъ какъ сумма долга увеличивается новыми кредитными операціями. Обычными условіями хошуннаго кредита у китайскихъ фирмъ служитъ слѣдующая сдѣлка: первые шесть мѣсяцевъ хошунъ не платитъ китайцамъ никакихъ процентовъ, затѣмъ три года выплачиваетъ по 36%; дальнѣйшихъ отсрочекъ уже не полагается и хошунъ долженъ выплатить занятый капиталъ. Понятно, что не всегда хошунъ можетъ сразу выплатить свой долгъ. Приходится прибѣгать къ „переписыванію" долга или къ совершенію новой кредитной операціи у другой фирмы, чтобы расплатиться съ первой. Этимъ моментомъ пользуются русскія фирмы, предлагающія хошунамъ выкупить ихъ у старыхъ должниковъ. Но такому выкупу страшно противятся по понятнымъ соображеніямъ китайцы. Долговые счеты отдѣльныхъ хошуновъ съ китайцами такъ запутаны, что, вѣроятно, естественнымъ путемъ такимъ хошунамъ никогда не выпутаться изъ кредитной петли. При собираніи съ монголовъ даннаго хошуна процентовъ и развѣрстанной суммы долга шерстью и скотомъ китайцы даютъ свою собственную оцѣнку этимъ товарамъ; вслѣдствіе этого проценты по займамъ могутъ достигать чудовищныхъ размѣровъ. Вотъ почему у китайцевъ такъ много сырья и при томъ дешеваго; русскимъ приходится смотрѣть на это сырье черезъ китайскія руки.

Оцѣнивая вполнѣ объективно условія для развитія въ современной Монголіи хошуннаго кредита, нельзя все-таки приходить къ пессимистическимъ выводамъ. Самъ по себѣ кредитъ для хошуновъ даетъ высокую прибыль даже въ томъ случаѣ, если бы русскіе торговцы и тѣмъ болѣе банки отказались отъ „китайскихъ" условій. Не даромъ русскіе торговцы такъ стремятся получить въ свои руки хошунные долги. Мы знаемъ случаи, когда нѣкоторые русскіе торговцы предлагали хошунамъ выкупить ихъ изъ рукъ китайскихъ банкирскихъ фирмъ, предлагали гораздо болѣе мягкія условія. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда хошунъ уже рѣшалъ взять деньги у русскихъ, между русскими происходила острая борьба изъ-за чести дать взаймы хошуну. Конечно, эта честь носитъ опредѣленный характеръ: она отдаетъ въ руки кредитора все сырье даннаго хошуна. И въ купеческомъ кредитованіи хошуновъ исходъ операцій зависитъ во многомъ отъ личности кредитора: одинъ наживаетъ большія деньги, цѣлое состояніе, другой-еле собираетъ свое. О томъ, что хошунный кредитъ выгоденъ, говоритъ, конечно, и то обстоятельство, что китайцы весьма цѣпко держатся за свою выгодную привиллегію давать хошунамъ взаймы. Былъ случай, когда русскій купецъ давалъ хошуну взаймы сумму денегъ для попла-

го его освобожденія отъ долговъ китайской фирмы, но послѣдняя, подъ разными формальными предлогами, отказалась получить весь долгъ, предпочитая сохранить экономическую власть надъ хошуномъ. Въ другихъ случаяхъ китайскія власти отказывались скрѣпить уже совершенную сдѣлку между хошуномъ и русскимъ купцомъ, такъ имъ было непріятно вмѣшательство русскихъ въ эти операціи,—и только настояніе русскаго консула спасло купца отъ возможности потерять ссуженныя деньги. Деньги же хошунамъ обыкновенно даются въ крупныхъ размѣрахъ.

Для русскихъ получить хошунный кредитъ въ свои руки выгодно въ очень многихъ отношеніяхъ. Прежде всего нужно замѣтить, что хошунный кредитъ открываетъ путь къ значительной массѣ сырья, находящагося въ первыхъ рукахъ. Такъ какъ всѣ хошуны задолжены китайцамъ и такъ какъ эта задолженность оплачивается и выплачивается по преимуществу сырьемъ, то отсюда ясно, что значительная масса монгольскаго сырья въ силу этого факта уже прочно осѣдаетъ въ китайскихъ рукахъ. Вотъ почему торговля въ хошунахъ не можетъ похвалиться своими размѣрами и часто не только не обнаруживаетъ тенденціи къ развитію, но даже прямо сокращается. Монголію обираютъ китайцы; это обираніе совершается при помощи албы, т. е. тѣхъ безсистемныхъ и произвольныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, которыя налагаются на монголовъ волею князя для удовлетворенія его потребностей, его расходовъ. Эта алба обычно учитывается китайцами, которые сразу выдаютъ князю нужную ему сумму, а затѣмъ получаютъ право собрать долгъ съ его крѣпостныхъ. Долгъ собирается сырьемъ и скотомъ. Изъ года въ годъ алба растетъ и давитъ монголовъ. Монголъ долженъ отдать все, что можно у него взять, чего онъ не сумѣетъ припрятать. Эти поборы въ концѣ концовъ и составляютъ главное содержаніе той „торговли", которая ведется въ несчастной Монголіи. Такими поборами въ рукахъ китайцевъ механически стягивается главная масса сырья. Поэтому русскимъ, въ данное время заинтересованнымъ въ скупкѣ сырья, приходится скупать его не изъ рукъ производителей, а изъ рукъ китайцевъ. Естественно, что расширеніе хошуннаго кредита въ рукахъ русскихъ будетъ имѣть послѣдствіемъ увеличеніе въ ихъ рукахъ сырья. Свободной же скупкой сырья, а тѣмъ болѣе мѣной привезенныхъ товаровъ на сырье много не наживешь: монголъ ощипанъ китайцами, покупательная его способность доведена до самыхъ ничтожныхъ размѣровъ, продукты его хозяйства еще „на корню" или даже въ періодъ небытія уже находятся въ рукахъ кредиторовъ хошуна. Вотъ почему современному монголу нуженъ крайне дешевый и очень проч-

ный товаръ: пусть этотъ товаръ будетъ невзраченъ, какъ невзрачна китайская даба, пусть китайская далемба будетъ по своей отдѣлкѣ ниже русской далембы, но монголъ будетъ покупать не красивое и дорогое, а дешевое и прочное: его покупательныя способности не растутъ, а сжимаются. Монголъ, живущій въ условіяхъ хошуннаго крѣпостного права, монголъ, связанный убійственной круговой порукой, заставляющей его отвѣчать за долги третьихъ лицъ, этотъ монголъ въ качествѣ свободнаго покупателя представляетъ изъ себя незавидную величину. Подойти къ сырью до того момента, пока оно еще не попало въ руки китайскаго кредитора, можно только при помощи хошуннаго кредита. То, что остается внѣ этихъ кредитныхъ петель, представляетъ изъ себя уже небольшую величину, изъ-за которой между русскими и средними китайскими фирмами идетъ жестокая конкурренція, изъ-за которой и между русскими идетъ борьба, портящая въ конецъ монгольскій рынокъ.

Можно сдѣлать слѣдующее предположеніе, которое уяснитъ роль хошуннаго кредита. Если какой-нибудь хошунъ отдать въ руки добросовѣстной русской фирмы, которая выкупитъ хошунъ изъ китайскихъ рукъ, и если въ этомъ хошунѣ князь не будетъ врагомъ своей вотчины, то можно думать, что такой хошунъ поправится въ самый небольшой періодъ времени: монголы живучи, сильны, они быстро могутъ „обростать шерстью", потому что главное богатство монголовъ всего меньше является результатомъ приложенія человѣческаго труда. Въ такомъ оживающемъ хошунѣ хошунный кредитъ или „алба" возьмутъ, конечно, многое, но много останется и для свободнаго распоряженія монгола. И если данная фирма окажетъ хошуну дешевый кредитъ, то остатки, которые она не доберетъ по сравненію съ китайскими условіями, попадутъ въ ея же руки въ качествѣ торговой прибыли, такъ какъ въ этомъ хошунѣ монголы уже будутъ серьезными покупателями, а не ободранными нищими. А монголу покупать приходится многое: „мы все покупаемъ, кромѣ соли, потому что мы сами ничего не можемъ сдѣлать",—говорили намъ монголы на вопросъ, что они должны купить въ лавкахъ русскихъ и китайскихъ. И монголъ, конечно, пойдетъ въ ту лавку, гдѣ его по меньшей мѣрѣ не обдерутъ. Сейчасъ же монголъ идетъ въ ту лавку, гдѣ ему повѣрятъ въ долгъ на какихъ угодно условіяхъ: хуже того, что есть, не будетъ.

Хошунный кредитъ выгоденъ и въ другомъ отношеніи. Нужно замѣтить, что въ настоящее время рынокъ монгольскаго сырья, съ европейской точки зрѣнія, находится въ анархическомъ состояніи. Сырье въ одну и ту же недѣлю, даже въ одномъ и томъ же мѣстѣ

можно купить и дорого, и дешево: кто какъ сумѣетъ. Однообразіе сырьевыхъ цѣнъ устанавливается въ оптовой и скупщической торговлѣ, т. е. въ оборотахъ между русскими и китайцами. Здѣсь уже можно купить только дорого, но ни въ коемъ случаѣ не дешево. Каждая фирма, ведущая скупку сырья на значительныя суммы, дѣйствуетъ въ періодъ скупки почти въ темную, такъ какъ осеннія цѣны всемірнаго рынка, по которымъ будетъ происходить окончательная ликвидація сырья, закрыты отъ разсчетовъ скупщиковъ. Поэтому она должна стараться такъ купить сырье, чтобы получить его какъ можно больше и чтобы на каждую дорого купленную партію приходилось какъ можно болѣе дешевыхъ партій. Дорогое сырье въ русскія руки попадаетъ отъ китайцевъ, дешевое отъ монголовъ, въ силу ли личнаго кредита, или въ силу хошуннаго кредита. Поэтому расширеніе въ русскихъ рукахъ хошуннаго кредита создаетъ для русской торговли одну изъ главныхъ точекъ опоры въ ихъ конкурренціи съ китайцами. Въ данное же время китайцы безусловно находятся въ привилегированномъ положеніи: въ ихъ рукахъ масса дешеваго сырья, а потому они такъ и вздуваютъ цѣны на партіонный товаръ: по этимъ цѣнамъ они могутъ купить, такъ какъ они уже обезпечены дешевымъ товаромъ, но по этимъ высокимъ и изъ года въ годъ растущимъ цѣнамъ они перепродаютъ сырье въ русскія руки.

Хошунная задолженность открываетъ предъ кредиторомъ двери хошуна, т. е. кредиторъ неизбѣжно получаетъ извѣстное вліяніе въ дѣлахъ хошуна, а, главное, ему обезпечено полезное содѣйствіе хошунной администраціи въ разныхъ торговыхъ дѣлахъ. Какъ бы тщательно ни писались торговые и политическіе договоры, опредѣляющіе права чужеземцевъ въ данной странѣ, все-таки всего не опредѣлишь и не предусмотришь, особенно въ такихъ странахъ, гдѣ почти вся жизнь покоится не на безспорныхъ положеніяхъ строгаго права, а на произволѣ властей, на растяжимыхъ обычаяхъ и на приспособляемости чужеземныхъ элементовъ. Поэтому въ отношеніяхъ монголовъ и русскихъ, въ отношеніяхъ русскихъ купцовъ и китайскихъ властей всегда много будетъ такого, что не опредѣляется договоромъ, что не имѣетъ законной охраны, но что полезно или даже необходимо. Эти пользованія фактическаго свойства обязаны любезности, гостепріимству, часто снисходительности туземныхъ элементовъ или престижу, дѣловому и всякому иному вліянію пришельцевъ. Хошунный кредитъ въ высокой степени способенъ упрочить это вліяніе, „размягчить“ сердце власти и связать торговыми и иными связями хошунное населеніе съ кредиторомъ и его торговлей. „Я—здѣсь князь,—говорилъ одинъ

торговецъ,—потому что здѣшній князь мнѣ долженъ очень много". Въ этихъ грубыхъ, отчасти преувеличенныхъ словахъ скрывается большая доля правды. Когда князь нуженъ торговцу, торговецъ ѣдетъ къ нему, кланяется и подноситъ дары; когда же князю нуженъ торговецъ, то на приглашеніе князя пожаловать на семейное княжеское торжество, торговецъ отвѣчаетъ посылкой своихъ работниковъ, которые перепиваются на праздникѣ и побиваютъ гостей князя. Грубый, очень грубый, но вѣрно отражающій неприглядную дѣйствительность фактъ!

Вычислить точно размѣръ взимаемыхъ при кредитныхъ сдѣлкахъ процентовъ почти невозможно, такъ какъ условія этихъ сдѣлокъ обычно скрываются. Это и понятно въ виду того, что именно кредитныя операціи и являются областью наиболѣе интенсивной торговой наживы.

Мы имѣли возможность собрать рядъ достаточно провѣренныхъ сдѣлокъ, которыя рисуютъ размѣры процента по кредитнымъ операціямъ купцовъ [1]).

Приведемъ сначала примѣры изъ области личнаго кредита монголовъ.

По показанію одной китайской фирмы, она даетъ монголамъ въ кредитъ 1 чай за годовалаго барашка; если въ будущемъ году этотъ барашекъ не будетъ уплаченъ, то на слѣдующій годъ монголъ обязанъ возвратить уже двухгодовалаго барана и т. д. Такимъ образомъ годовой кредитъ оплачивается по меньшей мѣрѣ 100%.

Одинъ изъ русскихъ купцовъ указывалъ на такой разсчетъ: положимъ, въ настоящемъ году дано монголу въ кредитъ подъ шерсть по 6 лановъ за 100 фунт. шерсти; въ будущемъ году должникъ оказывается не въ состояніи доставить шерсть, а цѣна шерсти поднялась до 10 лановъ; въ такомъ случаѣ монголъ обязанъ отдать по 10 лановъ за полученные 6, т. е. уплачиваетъ 66,6%.

Особенно высокъ процентъ по кредитнымъ сдѣлкамъ при обмѣнѣ товарами. Такъ, по книгамъ одной русской фирмы близъ Кобдо за 1907 г., 1 кусокъ дабы, стоющій при наличной продажѣ 12 фунт. шерсти, продавался въ кредитъ по 30 ф., а кирпичъ чая, обмѣниваемый въ наличной сдѣлкѣ за 8 ф. шерсти, записывался въ кредитъ по 20 фунтовъ. Это составляетъ до 150%. За аршинъ бязи въ кре-

---

*) Мы приводимъ только величину процента по кредитной сдѣлкѣ. Однако прибыльность операціи для купца этимъ не ограничивается, такъ какъ полученное въ уплату сырье реализуется при продажѣ по болѣе высокой цѣнѣ.

дитъ было назначено вернуть по 1 яману, что составитъ не менѣе 100 процентовъ.

По показаніямъ приказчиковъ въ хошунныхъ лавкахъ Западной Монголіи, продажа чая въ кредитъ повышаетъ его оцѣнку съ 7—8 фунт. шерсти до 10—15 фунт., что составляетъ отъ 40 до 100 процентовъ.

На рѣкѣ Хунгуѣ одна русская фирма покупала въ послѣдніе 2 года баранью шерсть въ кредитъ по 6—7 лановъ серебра за 3 пуда 30 фунтовъ шерсти, а въ наличной сдѣлкѣ—по 10—11 лановъ, т. е. процентъ при ссудѣ составляетъ около 60 %, а верблюжью шерсть—въ кредитъ по 10 лановъ, а за наличныя—по 17—18 лановъ; здѣсь процентъ составляетъ 70—80%.

Въ Сойотіи продажа кирпича чая въ кредитъ обычно удваиваетъ его цѣну—вмѣсто 5 бѣлокъ берется 10. Точно также отдача куска китайской далембы въ кредитъ удорожаетъ его вдвое: 20 бѣлокъ вмѣсто 10. Слѣд., процентъ равенъ 100% при кредитѣ на 8—9 мѣсяцевъ.

Образчикъ кредитной сдѣлки въ Сойотіи между русскимъ и сойотомъ таковъ: сойотъ беретъ 8 арш. бязи въ долгъ съ обязательствомъ отдать черезъ мѣсяцъ 4 овчины,но, если долгъ не уплоченъ въ срокъ, то на будущій годъ сойотъ обязанъ уплатить тарбака. Обычно въ первый срокъ уплата не происходила по безпечности и забывчивости сойота и на другой годъ приходилось уже тяжело расплачиваться за первый долгъ. Такимъ путемъ за 80 арш. бязи русскій купецъ получалъ отъ туземца взрослаго быка, продаваема го на Иркутскомъ рынкѣ за 60 руб. Если долгъ затягивался на нѣсколько лѣтъ, то тарбакъ превращался въ быка, который и долженъ былъ быть доставленъ. Такой порядокъ вещей имѣлъ общее признаніе какъ со стороны населенія, такъ и со стороны властей, на рѣшеніе которыхъ обычно предъявлялись подобные долги.

Раньше въ Сойотіи практиковалось русскими начисленіе процентовъ на проценты въ случаѣ неплатежа долга въ срокъ. При затягиваніи уплаты сумма долга возрастала благодаря этому въ ужасающей прогрессіи. Въ послѣдніе годы такое начисленіе процентовъ среди русскихъ вышло изъ употребленія благодаря энергичнымъ протестамъ сойотскаго князя Хайдубы.

По словамъ одного китайскаго купца въ Кобдо, онъ продаетъ чай при наличной сдѣлкѣ за 7—8 фунт. шерсти, а въ кредитъ за 12—15 фунт., что составляетъ отъ 50 до 100%. Въ Сойотіи при продажѣ чая въ кредитъ китайцы начисляютъ 100% прибавки.

Кредитъ, оказываемый монголамъ китайскими купцами, пріобрѣтаетъ рѣзко ростовщическій характеръ съ того времени, когда

должникъ не уплатитъ своего долга въ срокъ. Здѣсь сразу начинается усиленное начисленіе процентовъ, до 100 и болѣе въ годъ, и начисленіе процентовъ на проценты. Если сойотъ, напр., не уплатилъ китайцу въ срокъ 6 бѣлокъ, то ему записывается уже 12 бѣлокъ; если онъ не уплатилъ 12 бѣлокъ, то долгъ выростаетъ до 24 бѣлокъ и т. д.

Въ качествѣ примѣра закабаленія, изъ котораго трудно выпутаться, приведемъ случай съ однимъ сойотскимъ чиновникомъ. Послѣдній взялъ у китайца для уплаты албы 50 бѣлокъ, но въ срокъ ихъ не вернулъ; черезъ 3 года этотъ долгъ превратился уже въ 290 бѣлокъ, и человѣкъ сдѣлался постояннымъ батракомъ купца.

Въ порядкѣ вещей рисуется слѣдующая сдѣлка между китайскимъ купцомъ и монголомъ (въ районѣ рѣки Хунгуя). Послѣдній обязывается доставить зимой за 1 чай 3 шкурки ямманины. Если онъ оказывается не въ состояніи отдать обѣщанныя шкурки, то долгъ зачитывается ему по Улясутайскимъ цѣнамъ (за шкурку 5 ценовъ). Этотъ долгъ переводится къ веснѣ уже на барановъ—годовиковъ: за 15 ценъ монголъ долженъ отдать лѣтомъ 3 годовиковъ. Каждый изъ нихъ стоитъ отъ 8 ценъ до 1 лана. Такимъ образомъ, 1 чай превращается черезъ годъ въ 3 лана серебромъ, т. е. процентъ достигаетъ 400%!

Приведемъ теперь примѣръ процентовъ при хошунномъ кредитѣ.

Въ 1909 г. выданная однимъ крупнымъ русскимъ купцомъ хошуну сумма денегъ въ видѣ серебра была возвращена хошуномъ быками по разсчету 20 клановъ за быка, тогда какъ рыночная стоимость быка была не менѣе 35 лановъ. Это составляетъ 75 процентовъ.

Было бы интересно опредѣлить размѣры кредита, открываемаго русскими купцами монголамъ. По собраннымъ экспедиціей свѣдѣніямъ, монголъ средней зажиточности задолживается отъ 100 до 200 лановъ. Менѣе состоятельные имѣютъ долги по 30, 50 лановъ. Улясутайское купечество въ запискѣ, поданной въ 1905 г. Русскому консулу, опредѣляло сумму своего кредита монголамъ и китайцамъ въ сѣв.-западн. Монголіи въ 2 мил. лановъ. Если присоединить къ этому кредитъ Кобдинскихъ, Ургинскихъ и хошунныхъ торговцевъ, то въ общемъ итогѣ онъ долженъ быть не менѣе 4 мил. лановъ.

Сроки кредитныхъ сдѣлокъ между туземнымъ населеніемъ и купцами обусловлены временемъ полученія сырья. Обычно они колеблются отъ 4 до 12 мѣсяцевъ. Выдача денежныхъ задатковъ въ Монголіи производится частью осенью, частью весной (напр., подъ

скотъ, подъ поставку вьючныхъ верблюдовъ) и зимой, а выдача товаровъ въ теченіе всего года, въ зависимости отъ потребности въ нихъ туземцевъ. Возвращеніе же долговъ пріурочивается къ лѣту, когда собирается шерсть, или къ поздней веснѣ или началу лѣта, когда нагуливается скотъ, или къ концу зимы, если дѣло идетъ о пушнинѣ и рябчикахъ.

Иногда встрѣчается затягиваніе долговъ со стороны монголовъ. Часто на слѣдующій годъ должникъ оказывается не въ состояніи отдать условленное (напр., вслѣдствіе падежа скота) и тогда приходится разсрочивать ему долгъ на годъ—два. Въ другихъ случаяхъ монголъ, обязанный кредитной сдѣлкой къ поставкѣ сырья, соблазняется высокой наличной цѣной этого сырья, напр., шерсти, сурка, и продаетъ въ другія руки часть своего сырья за наличныя, отдавая своему кредитору только часть долга. Бываетъ, что монголъ остается должнымъ по 3 и болѣе годовъ. Если монголъ считается добросовѣстнымъ и платежеспособнымъ, то такіе случаи не тревожатъ кредитора, увѣреннаго въ полученіи рано или поздно своего долга. Въ Сойотіи неаккуратность платежей мѣстныхъ жителей приняла болѣе затяжной характеръ. Такъ, по свидѣтельству довѣреннаго одной крупной фирмы, изъ 28.000 р., выданныхъ сойотамъ товарами и частью деньгами въ кредитъ, была возвращена всего половина, въ результатѣ чего фирма стала съ каждымъ годомъ сокращать свои кредитныя операціи.

Что касается формъ заключенія кредитныхъ сдѣлокъ, то при товарномъ кредитѣ онѣ заключаются устно съ тѣмъ, что купецъ записываетъ долгъ въ свою торговую книгу. При честности монголовъ до послѣдняго времени этотъ порядокъ не встрѣчалъ неудобствъ.

Другой способъ—выдача должникомъ письменнаго документа на монгольскомъ языкѣ—начинаетъ практиковаться все чаще. Онъ является господствующимъ при денежныхъ ссудахъ. У одной крупной фирмы въ Кобдо имѣется даже особый писецъ изъ монголовъ, который занятъ составленіемъ такихъ росписокъ, такъ какъ русскіе въ Монголіи, къ сожалѣнію, не умѣютъ писать по монгольски. Иногда эти росписки по требованію русскихъ свидѣтельствуются въ ямыняхъ или старшинами русскаго купечества, но большей частью они нигдѣ не свидѣтельствуются, такъ какъ монголы боятся, какъ огня, всякихъ присутственныхъ мѣстъ, какъ китайскихъ, такъ и монгольскихъ.

При заключеніи кредитныхъ сдѣлокъ между купцами и хошунными управленіями чиновники послѣднихъ выдаютъ кредиторамъ оффиціальныя росписки съ печатями.

Въ нѣкоторыхъ хошунахъ мѣстныя власти указываютъ купцамъ, кто изъ мѣстныхъ жителей и въ какихъ предѣлахъ заслуживаетъ кредита и кто его не заслуживаетъ. Дарги (сотникъ) выдаетъ, напр., пріѣзжимъ купцамъ списки некредитоспособныхъ лицъ, при чемъ власти предупреждаютъ, что, если купецъ дастъ взаймы лицу некредитоспособному, то онъ не долженъ надѣяться на оффиціальную поддержку при взысканіи долга.

Взысканіе долговъ въ Монголіи обычно не встрѣчаетъ большихъ затрудненій, такъ какъ монголы отличаются добросовѣстностью и честностью въ исполненіи своихъ обязательствъ. При нашихъ разспросахъ русскихъ купцовъ, послѣдніе заявляли, что, въ случаѣ неуплаты долга въ срокъ, они по большей части справляются собственными силами, разсрочивая долги и слѣдя за поступленіями. Иногда они обращаются въ хошуны съ просьбой объ уплатѣ или содѣйствіи уплатѣ. Иногда русскіе дѣлаютъ по пріѣздѣ въ хошунъ подарки мѣстному чиновнику, который и разрѣшаетъ частнымъ образомъ мелкіе споры русскихъ съ монголами. Только въ рѣдкихъ сравнительно случаяхъ обращаются къ консулу съ оффиціальными жалобами на неисправныхъ должниковъ.

Въ значительно худшемъ положеніи находится дѣло кредитованія населенія въ Сойотіи. Здѣсь жители, закабаленные условіями тяжелаго кредита, часто обращаются къ хитростямъ, чтобы облегчить свое положеніе, и стараются по возможности оттянуть платежъ долга, а иногда даже и совсѣмъ не заплатить. Всѣ купцы, торгующіе въ Сойотіи, единодушно сѣтовали на неаккуратность жителей въ погашеніи своихъ долговъ.

Встрѣчаются жалобы монголовъ на вымогательства и самоуправства русскихъ. Съ одной стороны здѣсь дѣйствуетъ инстинктъ некультурнаго капитала, не сдерживаемый никакими внѣшними рамками и ограниченіями. Съ другой стороны поощряетъ примѣръ китайцевъ, которые ведутъ въ Монголіи политику экономическаго истощенія и угнетенія мѣстнаго населенія.

Довольно многочисленны были случаи взысканія русскими купцами долга съ монгола по нѣскольку разъ. При своей довѣрчивости и наивности, монголъ, если и чувствовалъ, что въ требованіяхъ купца есть неладное, не могъ этого доказать и безропотно подчинялся предъявляемымъ требованіямъ. Самоуправство и алчность купцовъ выражается, между прочимъ, и въ томъ, что они, взыскивая долги, отбираютъ у монголовъ послѣднее достояніе. Иногда подобныя самоуправства сопровождались побоями и даже пораненіями.

Подобныя дѣйствія были одной изъ причинъ враждебнаго движенія сойотовъ противъ русскихъ въ 1908 году.

Движеніе началось съ того, что въ отсутствіе Кемчикскаго нойона, Ухериды Хайдуба, его чиновники запретили русскимъ косить траву и рубить лѣсъ по рѣкѣ Кемчику. Вскорѣ послѣ того заготовленный купцомъ Монастыршинымъ лѣсъ былъ расхищенъ. Въ ноябрѣ того же года Хайдубъ далъ письменное предписаніе своимъ чиновникамъ принять немедленныя мѣры къ выселенію въ 3 дня изъ Сойотіи всѣхъ русскихъ, за исключеніемъ Бякова, Вавилина, Медвѣдева и Вильнера. На запросы заинтересованныхъ лицъ Хайдубъ отвѣчалъ, что выселеніе дѣлается по распоряженію Улясутайскаго дзянь-дзюня. Послѣ этого въ Усинскій округъ была командирована 4-ая рота 30-го Восточно-Сибирскаго полка и команда развѣдчиковъ во главѣ съ полковникомъ Генеральнаго Штаба Поповымъ. Тогда прибыли для разбора дѣла изъ Улясутая дзурганы. Хайдубъ въ концѣ концовъ принесъ извиненія и свалилъ вину на своихъ чиновниковъ.

Послѣ событій 1908 года было заключено соглашеніе между русскими и китайскими властями, признавшее за русскими право проживанія ихъ во всѣхъ тѣхъ пунктахъ, которые, согласно прежнимъ постановленіямъ съѣзда русскихъ и китайскихъ властей, были открыты для поселенія русскихъ, какъ то по рѣкѣ Кемчику, въ Чжакулѣ, въ Булукѣ, на рѣчкѣ Тапсѣ и пр. Это правило соблюдается теперь довольно строго, такъ что сойоты не позволяютъ русскимъ селиться въ неуказанныхъ мѣстахъ. Экспедиція имѣла случай констатировать даже сносъ возведенныхъ построекъ.

Среди торгующихъ въ Сойотіи русскихъ встрѣчаются форменные скандалисты и пьяницы, которые не ведутъ правильно своихъ торговыхъ книгъ, не записываютъ возврата долговъ сойотами, а потомъ требуютъ вторичной уплаты, самовольно отбираютъ скотъ за долги, лѣзутъ въ драки и т. п. Одинъ изъ такихъ субъектовъ былъ даже лишенъ права въѣзда въ Сойотію. Конечно, такіе поступки русскихъ сильно возбуждаютъ противъ нихъ мѣстное населеніе.

Въ Монголіи существуетъ оригинальное обезпеченіе долговъ частныхъ лицъ, играющее крупную роль въ жизни монголовъ и имѣющее большое значеніе для торговаго оборота. Торговецъ, давшій монголу серебро или товаръ взаймы, въ случаѣ, если должникъ не сможетъ возвратить взятаго, обращается къ хошунной власти съ просьбой о взысканіи долга. Монголы даннаго хошуна, какъ было уже упомянуто, въ отправленіи общественныхъ повинностей связаны круговой отвѣтственностью. За несостоятельнаго платитъ другой членъ хошуна или по развёрсткѣ всѣ хошунные

монголы. По аналогіи выработана въ Монголіи система взысканія долговъ несостоятельнаго должника и въ частныхъ отношеніяхъ. Разсказывали, что въ началѣ 60-хъ годовъ около Кошъ-Агача стоялъ довольно людный караулъ монгольскихъ солдатъ. Этотъ караулъ для своихъ нуждъ бралъ въ долгъ товары у пріѣзжавшихъ сюда русскихъ купцовъ. Купцы, раздавъ товары, уѣзжали, смѣнялся также и составъ караула. Новый караулъ отдавалъ долги своихъ предшественниковъ и самъ, въ свою очередь, снова задолживался русскимъ. Эти долги караула впослѣдствіи были оформлены консульскими документами и въ концѣ концовъ были взысканы съ тѣхъ хошуновъ, на которые была возложена обязанность несенія въ данномъ пунктѣ караульной службы. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ взысканіемъ съ хошуна такихъ долговъ, которые были накоплены въ результатѣ отправленія служебныхъ обязанностей. Взысканіе такихъ долговъ имѣетъ основаніе въ природѣ самого долга. Такія взысканія въ свою очередь часто сопровождаются большими злоупотребленіями. Такъ въ данномъ случаѣ, тѣ тетради, въ которыхъ консульство оформило караульные долги, не были уничтожены послѣ погашенія долга хошунами, а попали въ руки русскихъ торговцевъ, которые не преминули взыскивать по этимъ документамъ старые долги до десяти разъ, пока ургинскій консулъ не выслалъ мошенниковъ изъ предѣловъ Монголіи, запретивъ имъ въѣздъ въ эту страну.

Такъ какъ купцы вообще являются въ Монголіи посредниками въ денежныхъ дѣлахъ хошунныхъ управленій, снабжая хошуны и ихъ учрежденія, а также и отдѣльныхъ служебныхъ агентовъ деньгами и товарами, то, по всей вѣроятности, хорошія отношенія съ властями позволили отдѣльнымъ торговымъ фирмамъ, а особенно такимъ вліятельнымъ, какъ китайскія банкирскія фирмы, распространить хошунную гарантію не только на тѣ долги, которые были заключены для нуждъ хошуна, но и на тѣ, которые возникли въ частномъ коммерческомъ оборотѣ. Монголія имѣетъ военную организацію. Поэтому для такого толкованія природы частныхъ долговъ имѣется основаніе въ томъ, что каждый монголъ живетъ не для себя, а для осуществленія тѣхъ задачъ, которыя возложены на него и всѣхъ членовъ хошуна волей китайскаго правительства. Трудно сказать, какъ возникла обязанность хошуна отвѣчать за частные долги монголовъ. Объ этомъ можно только догадываться и строить предположенія. Интересно, что въ томъ случаѣ, когда купецъ обращается къ хошуну съ просьбой объ уплатѣ долга несостоятельнаго монгола, хошунное управленіе прежде всего разбирается въ вопросѣ: для какихъ цѣлей былъ заключенъ

долгъ? Быть можетъ, для отправленія общественныхъ повинностей? Тогда хошунъ безпрекословно отдаетъ торговцу то, что онъ требуетъ. Если же оказывается, что долги были заключены для удовлетворенія частныхъ потребностей, то хошунъ прежде всего обращаетъ взысканіе ихъ на ближайшихъ родственниковъ несостоятельнаго монгола и только въ томъ случаѣ, если и у родственниковъ взять нечего, хошунъ расплачивается самъ съ кредиторомъ. При этомъ монголъ, допустившій взысканіе долга съ хошуна, подвергается наказанію, часто весьма суровому. Такая организація взысканія долга съ хошуна подтверждаетъ наше предположеніе о происхожденіи хошунной гарантіи за частные долги. Нужно замѣтить, что для русскихъ, вступающихъ на путь хошуннаго взысканія частныхъ долговъ, требуется, для бо́льшаго успѣха, предварительное обращеніе съ просьбой о содѣйствіи къ русскому консулу, который отъ себя уже обращается къ туземнымъ властямъ.

Наличность хошунной гарантіи за долги частныхъ лицъ является солидной поддержкой кредитной торговли въ Монголіи. Эта торговля почти освобождается отъ какого-либо риска. Не отдаетъ самъ должникъ-монголъ, за него платитъ хошунъ. На путь хошуннаго взысканія особенно часто вступаютъ китайцы, которые во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ всегда находятъ энергичную поддержку китайскихъ, а черезъ нихъ и монгольскихъ властей. Но и русскіе, особенно въ прежніе годы, не брезговали этими пріемами. Въ настоящее время въ общественномъ мнѣніи русско-монгольскаго купечества такіе пріемы взысканія долговъ считаются предосудительными; къ нимъ обращаются въ крайнихъ случаяхъ, старательно скрывая это отъ другихъ. Но по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, такіе пріемы время отъ времени практикуются и теперь. Рѣдкая фирма свободна отъ такого пріема. На совѣщаніи русскаго купечества въ г. Кобдо и улясутайскаго консула, происходившемъ при насъ лѣтомъ 1910 г., единогласно было высказано, что обращеніе на путь хошуннаго взысканія является дѣломъ предосудительнымъ. Консулъ съ своей стороны заявилъ, что онъ не будетъ поддерживать такого рода русскія претензіи. Въ частныхъ же бесѣдахъ русскіе заявляли, что время отъ времени отдѣльныя русскія фирмы выступаютъ на этотъ соблазнительный путь, подкупая продажныхъ чиновниковъ.

Взысканіе долговъ съ хошуна является предосудительнымъ прежде всего потому, что здѣсь совершенно неповинныя лица отвѣчаютъ за чужіе долги. Съ другой стороны, такой способъ взысканія приводитъ къ тому, что въ дѣла монголовъ вмѣшиваются власти. На страницахъ книги уже указывалось, что подобныя вмѣшатель-

ства обходятся монголамъ очень дорого. Что значитъ страхъ передъ наѣздомъ чиновника, ярко показываетъ, напр., слѣдующій случай. Когда монголъ сильно задолживаетея китайскому купцу, то китаецъ, не дожидаясь хошуннаго взысканія, ѣдетъ къ должнику и, требуя съ него долгъ, угрожаетъ, что онъ разрѣжетъ себѣ животъ, если долгъ не будетъ взысканъ. Если китаецъ выполнилъ бы свою странную угрозу, то это привело бы къ тому, что къ несчастному монголу наѣхали бы китайскія власти для производства слѣдствія и „съѣли-бы" не только монгола, но и весь хошунъ. Въ такихъ случаяхъ хошуну выгоднѣе какъ можно скорѣе уплатить частный долгъ монгола. Передавали, что энергичная жена одного русскаго купца съ успѣхомъ взыскала долгъ такой именно угрозой.

Взысканіе долговъ съ монголовъ вообще очень часто сопровождается различными злоупотребленіями. Часто долги взыскиваются по два и больше раза. Одинъ приказчикъ разсказывалъ намъ слѣдующій случай. Онъ и его хозяинъ взыскали съ монгола 400 рублей долга. Монголъ послѣ уплаты этой суммы окончательно разорился. Чтобы поправить свои дѣла, монголъ предложилъ купцу такую сдѣлку: купецъ во второй разъ предъявляетъ къ монголу свою претензію и, такъ какъ у монгола ничего уже не было, то взысканіе направляется на весь хошунъ. Взысканная сумма дѣлится между купцомъ и монголомъ. Монголъ снова оправился. Провѣрка претензій, предъявленныхъ купцомъ къ хошуну, въ высшей степени затруднительна, такъ какъ до сихъ поръ документированіе обязательствъ только еще начинаетъ практиковаться. Если монголъ заявляетъ, что купецъ взыскиваетъ долгъ уже уплаченный или такой, который выдуманъ купцомъ, то послѣдній простымъ заявленіемъ, что монголъ лжетъ, подвергаетъ несчастнаго пыткамъ, какъ единственному монгольскому пріему добиться правды. Когда монгола начинаютъ нещадно бить, онъ покажетъ, что угодно. „Провѣренный" долгъ взыскивается съ хошуна, причемъ кредиторъ получаетъ отъ властей списокъ монголовъ и разверсточную сумму взыскиваемаго долга. Обыкновенно передъ этимъ кредиторъ дѣлаетъ властямъ подарокъ. Иногда торговецъ умышленно стремится къ тому, чтобы создать поводъ обращенія на путь хошуннаго взысканія. Торговецъ даетъ въ долгъ товары такимъ бѣднякамъ, относительно которыхъ заранѣе можно предположить, что они никогда не будутъ въ состояніи выплатить свои обязательства. Раньше китайцы разъѣзжали по хошунамъ и кидали въ юрту связку товара, записывая стоимость за хозяиномъ юрты, не спрашивая его, нужны ли ему эти товары, или нѣтъ. А потомъ этотъ навязанный долгъ

взыскивали съ него или съ хошуна. Лѣтомъ 1910 г. намъ пришлось видѣть слѣдующаго содержанія документъ: въ районѣ Улясутая одинъ небольшой хошунъ взялъ у русскаго торговца 1000 лановъ серебра, обязуясь доставить за эти деньги шерсть, по разсчету 1 ланъ за 25 гиней шерсти. Предвидя выгодное взысканіе шерсти съ хошуна, купецъ захотѣлъ увеличить свою претензію и въ этихъ цѣляхъ въ большомъ количествѣ роздалъ товары по высокой оцѣнкѣ самымъ бѣднымъ монголамъ. Когда началось взысканіе, то торговецъ сталъ бить монголовъ, одному выкололь ножомъ глазъ, другихъ избилъ. Власти обратились въ Улясутайское консульство съ жалобой, въ которой, между прочимъ, говорили, что они согласны отдать шерсть хошуннымъ порядкомъ не только за долгъ въ 1000 лановъ, но и за тѣ долги частныхъ монголовъ, которые были навязаны имъ грубымъ и жестокимъ торговцемъ.

Монголъ, допустившій взысканіе его долговъ съ хошуна, навлекаетъ на себя гнѣвъ хошуна и тяжелыя репрессіи. Въ разныхъ мѣстахъ Монголіи и въ разное время хошуны различно реагируютъ на эти явленія. Въ однихъ мѣстахъ монгола долго и упорно бьютъ по щекамъ ремнемъ сыромятной кожи, прошитой кожаннымъ шнуромъ. Иногда несчастнаго должника сажаютъ въ деревянную клѣтку, въ которой нельзя ни встать, ни сѣсть. Часто въ такую клѣтку сажаютъ дней на 15; нѣкоторые монголы не выдерживаютъ этой пытки и умираютъ. Разсказывали, что одинъ монголъ, посаженный въ клѣтку, выдержалъ это испытаніе около 15 дней и, вѣроятно, вышелъ бы живымъ, но онъ имѣлъ неосторожность съ усмѣшкой у проходящаго мимо князя попросить покурить. Князь разсердился и прибавилъ монголу еще 10 дней пребыванія въ клѣткѣ, несчастный не вынесъ и умеръ. Иногда монгола зашиваютъ въ сырую кожу, которая сильно съѣжается, стягиваетъ тѣло человѣка, подъ кожей заводятся черви и проникаютъ въ тѣло. Это наказаніе точно также легко приводитъ къ печальному исходу. Зарываютъ монголовъ по шею въ землю, сажаютъ на цѣпь и бьютъ безъ конца. Многіе русскіе разсказывали, что они сами видѣли эти ужасы. На Дзапхынѣ за взысканіе частныхъ долговъ монголы бьютъ должниковъ, чѣмъ попало. Сначала монголы очень горячатся, готовы назначить должнику самыя тяжелыя наказанія, а затѣмъ остываютъ и видъ жестоко избитаго монгола смягчаетъ ихъ сердца. Лѣтомъ 1910 г. трехъ монголовъ заковали въ шейную доску и въ такомъ видѣ водили по аиламъ, дабы другимъ неповадно было. Иногда послѣ битья сажаютъ подъ арестъ. Одинъ монголъ-торговецъ, встрѣченный нами въ долинѣ Хунгуя, разсказывалъ, что несостоятельнаго должника бьютъ у нихъ жестоко, заковываютъ шею и ноги въ же-

лѣзо и въ такомъ видѣ держатъ по 20 и 40 дней, пока не смилуется начальство. Часто монголъ, которому грозитъ тяжелое испытаніе, бѣжитъ изъ своего хошуна и, когда страсти остынутъ, возвращается на свое пепелище. Наклонностью монголовъ къ побѣгамъ или отъ долговъ или отъ наказаній, пользуются иногда китайцы. Китайцы даютъ такому монголу въ долгъ 50 ланов на побѣгъ, а сами записываютъ за нимъ 500 лановъ, которые потомъ и взыскиваются съ хошуна. Бѣглый монголъ потомъ можетъ хорошо устроиться въ другомъ мѣстѣ и тамъ обзавестись хозяйствомъ, и, какъ это почти всегда бываетъ въ Монголіи, обзавестись и новыми долгами. Когда о такомъ монголѣ узнаютъ его хошунныя власти, то они посылаютъ за нимъ и отбираютъ за старые долги все его вновь нажитое имущество. Русскіе купцы въ Кобдо жаловались намъ, что водвореніе бѣглаго монгола на мѣсто стараго жительства и отобраніе его имущества наноситъ вредъ купцамъ, кредитовавшимъ монгола на новомъ мѣстѣ, такъ какъ эти новые долги обыкновенно остаются безъ удовлетворенія.

Много такихъ печальныхъ исторій разсказываютъ въ Монголіи, ужасомъ вѣетъ отъ этихъ мрачныхъ страницъ дѣятельности торговаго капитала, вспоминаются былыя времена въ жизни русскаго и другихъ народовъ, когда правежъ и пытки были одной изъ формъ взысканія долговъ!

Продолжительность оборота торговаго капитала въ Монголіи весьма велика. Привезенные товары отдаются въ долгъ туземцамъ съ платежемъ черезъ 4—10 мѣсяцевъ сырьемъ; затѣмъ полученное сырье должно быть собрано въ партіи и доставлено изъ Монголіи въ Россію, на что уходитъ отъ 4 до 6 мѣсяцевъ, такъ что въ общей сложности оборотъ капитала занимаетъ отъ 15 до 18 мѣсяцевъ, иногда до 20 мѣсяцевъ. При операціяхъ деньгами продолжительность оборота мало мѣняется, такъ какъ по большей части торговецъ „задаетъ“ монголовъ денежными ссудами осенью съ тѣмъ, чтобы уплата совершалась весной или лѣтомъ. Часто выданная ссуда въ срокъ не возвращается и переср очивается, что удлиняетъ оборотъ капитала и удорожаетъ кредитъ монгола.

Торговые сезоны, установившіеся въ Монголіи и Сойотіи, опредѣляются условіями торговаго оборота монгольскаго сырья.

Существуютъ два основныхъ сезона: весенній и осенній.

Раньше эти сезоны стояли въ непосредственной связи съ временемъ Ирбитской и Нижегородской ярмарокъ, на которыхъ закупа-

лись товары, отправляемые въ Монголію. Наибольшее количество каравановъ отправлялось поздней осенью или въ началѣ зимы, въ октябрѣ и ноябрѣ, съ товарами, полученными съ Нижегородской ярмарки. Эти караваны обычно забирали обратнымъ грузомъ монгольское сырье. Меньшая часть товаровъ вывозилась весной съ марта мѣсяца съ Ирбитской ярмарки, когда вмѣстѣ съ ними выѣзжали въ Монголію и русскіе купцы для сборки сырья.

Въ настоящее время эти сроки перестали зависѣть отъ указанныхъ ярмарокъ, такъ какъ значительная часть товаровъ доставляется торгующимъ въ Монголіи или крупнымъ сибирскимъ оптовикамъ изъ Европейской Россіи непосредственно въ Бійскъ, Минусинскъ и другіе пункты экспортной монгольской торговли. Тѣмъ не менѣе эти періоды сохранились въ связи съ характеромъ товарообмѣна.

Весной производится въ Монголіи скупка и сборка живого скота, а въ Сойотіи кромѣ того и топленаго масла.

Съ половины лѣта начинается сборка шерсти, которая поступаетъ на мойки русскихъ купцовъ, затѣмъ грубо сортируется по цвѣту и подготовляется къ отправкѣ въ Россію. Эта подготовка производится съ сентября по октябрь. Обычно караваны верблюдовъ, идущіе съ шерстью, или двуколки съ лошадьми забираютъ изъ Россіи грузъ въ видѣ русскихъ товаровъ.

Поздней осенью и зимой производится закупка пушнины и рябчиковъ, которые бьются населеніемъ по преимуществу въ теченіе осени.

Было бы, конечно, очень интересно опредѣлить размѣры чистой прибыли торговыхъ предпріятій русскихъ купцовъ въ Монголіи, но къ сожалѣнію этотъ щекотливый вопросъ не имѣетъ откровенныхъ показаній. Объ одномъ крупномъ торговцѣ Восточной Монголіи имѣются оффиціальныя данныя, что онъ получалъ до 40% чистой прибыли. По сообщенію Ургинскаго консула, одна крупная фирма, оперирующая въ сѣверо-восточной Монголіи, получаетъ до 60% чистой прибыли на свой капиталъ.

По торговымъ книгамъ одной крупной фирмы, мы можемъ опредѣлить процентъ надбавки на себѣ—стоимость продаваемыхъ въ Монголіи товаровъ. Эта фирма продаетъ товары по твердымъ цѣнамъ, установленнымъ въ конторѣ предпріятія. Процентъ надбавки весьма различенъ въ зависимости отъ ходкости товара: болѣе ходкіе товары имѣютъ меньшую надбавку, потому что ихъ оборотъ быстрѣе, мало ходкіе товары получаютъ большую надбавку въ виду того, что капиталъ, въ нихъ вложенный, долгое время лежитъ безъ движенія: продажи этихъ товаровъ случайны и рѣдки. Поэтому над-

бавка на мануфактурный товаръ колеблется отъ 13 до 26%, повышаясь однако для сатина, драпа и алаго сукна до 43%. На мыло процентъ надбавки составляетъ 35—43%. На письменные принадлежности, галантерейныя вещи, туалетныя принадлежности, процентъ подымается до 51 и 66%. На часы надбавка равна 30%, на спиртные напитки—26%, на сапоги 50%, на металлическіе товары—55, 44 и 66%. Конфекты имѣютъ надбавку въ 28, 35%, шкатулки въ 43 и 51%.

Одинъ русскій торговецъ на рѣкѣ Орхонѣ указывалъ, что онъ наживаетъ на китайскихъ товарахъ (чай, далемба) 20%, и считалъ это недостаточной прибылью.

Если къ этому припомнить условія кредитныхъ сдѣлокъ, то мы должны признать, что средняя чистая прибыльность крупной торговли въ Монголіи можетъ быть принята не менѣе 40—50%. Что касается мелкой торговли, то ея доходы, поглощаемые въ значительной части тяжелыми условіями кредита, должны имѣть меньшіе размѣры. Со стороны многихъ купцовъ экспедиціи приходилось слышать жалобы на упадокъ прибыльности торговли. Но эти жалобы имѣютъ въ виду тотъ „героическій" періодъ дѣятельности русскаго капитала въ Монголіи, когда купцы наживали 100 на 100.

V. Банковый кредитъ въ Монголіи.

Въ настоящее время въ Монголіи совершенно отсутствуютъ русскія банковыя учрежденія, такъ что русскій торговецъ, уѣзжая въ Монголію, остается безъ всякой возможности найти необходимую и часто экстренную помощь у банка. Правда, русское купечество, торгующее въ Монголіи, все таки получаетъ отъ банковъ кое какую помощь. Но эта помощь оказывается передъ выѣздомъ въ Монголію, когда купцамъ, въ силу установившагося склада торговой жизни, приходится на весь предстоящій торговый періодъ запастись наличными деньгами. Въ Монголію купцы выѣзжаютъ только съ наличными деньгами. Крупная фирма еще можетъ оказать кредитъ, всегда на весьма тяжелыхъ условіяхъ, средней и мелкой фирмѣ. Но сама крупная фирма врядъ ли сможетъ найти деньги въ Монголіи. Между отдѣльными фирмами за послѣднее время идетъ жестокая конкурренція изъ-за скупки монгольскаго сырья. Въ этой весьма невыгодной для интересовъ русской торговли конкурренціи побѣждаетъ наиболѣе обезпеченный наличными деньгами купецъ. Такъ какъ правильныхъ и срочныхъ почтовыхъ сношеній въ Монголіи не имѣется, то купечество, отправляясь въ Монголію, по необходимости должно взять съ собою все количество денегъ, предположен-

ное къ обороту въ операціонный періодъ. Уже въ этомъ обстоятельствѣ тяжело сказывается отсутствіе банковъ на мѣстѣ. Такъ какъ купцамъ, выѣзжающимъ въ Монголію, приходится имѣть деньги при себѣ и-главное-привозить ихъ съ собою, то эти привезенныя деньги праздно лежатъ у нихъ цѣлыми мѣсяцами. Такъ какъ масса монгольскаго сырья, ради скупки котораго и привозятся наличныя деньги, обыкновенно имѣетъ сезонный характеръ, то деньги и лежатъ въ купеческихъ шкатулкахъ совершенно непроизводительно. Привезенныя суммы лежатъ минимумъ мѣсяцъ—два совершенно праздно; найти имъ въ Монголіи краткосрочное помѣщеніе весьма затруднительно. Поэтому купецъ, привезшій, положимъ, сто тысячъ рублей, волей-неволей несетъ рублей 14 въ день чистаго убытка. За двухмѣсячный періодъ вынужденнаго бездѣлья своихъ денегъ означенный купецъ получитъ свыше 800 рублей проторей. Это, конечно, удорожаетъ деньги, которыя и безъ того въ Сибири стоятъ очень дорого. Это удорожаетъ кредитъ среднихъ и мелкихъ купцовъ, которые весьма часто вынуждены кредитоваться у болѣе сильныхъ торговыхъ фирмъ.

Купечество, торгующее въ Монголіи, обслуживается тѣми отдѣленіями русскихъ банковъ, которыя имѣются въ Бійскѣ и Кяхтѣ. Это—отдѣленія Сибирскаго торговаго банка и Русско-Китайскаго банка, теперь такъ называемаго Русско-Азіатскаго банка. Напримѣръ, отдѣленіе Сибирскаго торговаго Банка за послѣдніе годы выдаетъ бійскимъ купцамъ, торгующимъ въ Монголіи, ссудъ на полтораста тысячъ рублей и учитываетъ векселей тысячъ на двѣсти. Векселя учитываются на 9-мѣсячный срокъ изъ 7 процентовъ. Къ учету векселей прибѣгаютъ не только крупныя, вполнѣ кредитоспособныя фирмы, но и среднія, однако послѣднія вынуждены для своихъ векселей найти бланки крупныхъ фирмъ. Полученіе такого бланка со стороны крупной фирмы является не благодѣяніемъ, а коммерческой сдѣлкой. Торговецъ, получившій бланкъ отъ крупной фирмы, обязывается передать скупленное въ Монголіи сырье въ руки этой крупной фирмы на тѣхъ или иныхъ условіяхъ. Такъ какъ въ данное время русскіе торговцы рвутъ сырье другъ у друга, то такой способъ обезпеченія себя будущимъ сырьемъ для нихъ является весьма удобнымъ. Но, конечно, среднія и мелкія фирмы отъ этого терпятъ только одни убытки. Освобожденіе этихъ фирмъ отъ гнета крупныхъ могъ принести только широко поставленный банкъ, который въ данномъ случаѣ ничѣмъ бы не рисковалъ, какъ не рискуютъ и крупныя фирмы, превращающіяся время отъ времени въ банкировъ. Необходимо было бы развить товарныя ссуды подъ скупленное сырье. Такія ссуды не практикуются. Глав-

ный товаръ, на которомъ стоитъ современная русско-монгольская торговля, шерсть, не классифицируется, онъ не имѣетъ опредѣленныхъ сортовъ и поступаетъ на рынокъ въ видѣ неопредѣленной смѣси. Это обстоятельство будто-бы удерживаетъ банки отъ выдачи ссудъ подъ скупленное монгольское сырье.

Конечно, указанное обстоятельство не можетъ не оказывать прямого вліянія на отношеніе банковъ къ монгольскому сырью. Но вѣдь и та неопредѣленная товарная смѣсь, которая вывозится въ Россію, имѣетъ опредѣленную цѣнность: есть минимальныя цѣны, есть рыночныя цѣны, и эти цѣны за послѣдіе годы обнаруживаютъ постоянную тенденцію къ возростанію. При добромъ желаніи банки безъ всякаго риска могли бы выдавать ссуды подъ скупленную шерсть и этимъ избавить русскихъ торговцевъ отъ печальной необходимости терять деньги при перепродажи сырья въ руки скупщиковъ для заграницы. Могли бы банки выдавать ссуды и подъ будущее сырье, но для этого имъ нужно приблизиться къ русско-монгольской торговлѣ, отъ которой за послѣднее время они еще болѣе удалились.

Смыслъ современной русско-монгольской торговли сводится къ скупкѣ сырья Въ этой скупкѣ русскимъ приходится энергично конкуррировать съ китайскими купцами. Общая масса русской скупки монгольскаго сырья обусловливается въ конечномъ счетѣ массой привезенныхъ русскими въ Монголію денегъ. Чтобы захватить въ русскія руки возможно большее количество сырья, самымъ радикальнымъ средствомъ будетъ финансированіе русскихъ купцовъ со стороны банковъ подъ будущее сырье путемъ болѣе доступнаго учета векселей. Строго говоря, скупка сырья въ Монголіи въ настоящее время представляется достаточно прочнымъ дѣломъ. Если за послѣдніе годы были случаи краха среднихъ и болѣе мелкихъ торговыхъ фирмъ, торгующихъ въ Монголіи, то эти случаи нужно приписать главнымъ образомъ тому перелому въ торговлѣ, который произошелъ въ недавнее время. Именно, потерпѣло крушеніе стремленіе купцовъ продавать русскую мануфактуру, но скупка сырья стала еще болѣе выгодной, чѣмъ это было раньше, такъ какъ цѣны на сырье значительно выросли. И если раньше при господствѣ мѣновой торговли стягиваніе сырья въ русскія руки было обусловлено наличностью ввезенныхъ въ Монголію товаровъ, то теперь рамки для скупки шерсти, сурка и другихъ товаровъ значительно раздвинулись: все зависитъ отъ оборотныхъ средствъ. Представители иностранныхъ фирмъ пріѣзжаютъ въ Монголію только съ деньгами, безъ всякихъ товаровъ; деньги въ ихъ рукахъ стоятъ гораздо дешевле, чѣмъ деньги, положимъ,

бійскаго происхожденія. Задачи момента, продиктованныя наличностью данныхъ обстоятельствъ—во-первыхъ, удешевить деньги для русскихъ купцовъ, а, во-вторыхъ, умножить ихъ количество. Кто-же, помимо банка, можетъ выполнить эту необходимѣйшую задачу?

Въ настоящее время отдѣленія русскихъ банковъ въ сибирскихъ городахъ могутъ кредитовать русскихъ купцовъ, торгующихъ въ Монголіи, подъ векселя, учитывая ихъ изъ 7 процентовъ. Какъ мы уже и говорили, такой кредитъ доступенъ только наиболѣе крупнымъ торговымъ фирмамъ, въ кредитоспособности которыхъ не сомнѣваются учетные комитеты, сплошь состоящіе изъ представителей крупнаго купечества. Мелкія и среднія фирмы, желающія получить банковый кредитъ, должны обращаться къ посредничеству крупныхъ фирмъ, и это посредничество налагаетъ на обращающихся къ нему извѣстныя обязательства. Банки учитываютъ векселя только на 9-мѣсячный срокъ. Установленіе такого срока вызвано не соображеніями о потребностяхъ русско-монгольскаго торговаго оборота, а тѣмъ простымъ фактомъ, что уставы банковъ, выработанные для нуждъ торговли въ предѣлахъ Россіи, не разрѣшаютъ дирекціямъ мѣстныхъ банковыхъ филіаловъ учета торговыхъ векселей на болѣе долгіе сроки.

Уже этотъ одинъ фактъ показываетъ довольно индифферентное отношеніе банковъ къ русско-монгольской торговлѣ. На самомъ дѣлѣ: въ такихъ городахъ, какъ Бійскъ, торговый оборотъ въ значительной мѣрѣ питается сдѣлками русско-монгольской торговли. Слѣдовательно, и банки, оперирующіе въ томъ же Бійскѣ, въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ оборотовъ русско-монгольской торговли. И не смотря на это, мѣстныя отдѣленія банковъ совершенно не могутъ считаться съ мѣстными особенностями торговой жизни. По всей вѣроятности, мѣстныя отдѣленія банковъ обращали вниманіе главныхъ дирекцій на необходимость приноровить уставы къ потребностямъ данныхъ районовъ, но безуспѣшно. Въ такой огромной странѣ, какъ Россія, нельзя проводить съ безусловностью требованіе единства устава, такъ какъ отдѣльныя части страны живутъ въ особыхъ условіяхъ, съ которыми нельзя не считаться.

Девятимѣсячный срокъ для учета векселя купца, торгующаго въ Монголіи или съ Монголіей, нельзя не признать не отвѣчающимъ условіямъ мѣста. Торговый оборотъ въ Монголіи имѣетъ болѣе долгій періодъ, чѣмъ тотъ, который предусмотрѣнъ уставами русскихъ банковъ. Предположимъ, что купецъ учелъ вексель срокомъ на 9 мѣсяцевъ въ февралѣ. Слѣдовательно, въ октябрѣ онъ долженъ развязаться съ товаромъ и уплатить долгъ банку. А въ

Монголіи только къ концу октября еле-еле успѣютъ вымыть собранную шерсть. Нужно большое время для того, чтобы доставить шерсть или другое сырье въ Россію, въ тотъ же Бійскъ или Ново-Николаевскъ, нужно время для того, чтобы сбыть эту шерсть въ тѣ руки, которыя направятъ ее въ мѣста окончательнаго сбыта. Если подгонять перепродажу шерсти, сурка къ срокамъ банковыхъ платежей, то это будетъ означать, что данная форма лишается возможности выждать благопріятныхъ цѣнъ и будетъ вынуждена посиѣшить съ реализаціей на условіяхъ, предлагаемыхъ скупщиками для заграницы, которыхъ такъ немного и которые, конечно, умѣютъ пользоваться обстоятельствами. Но этотъ моментъ перепродажи закупленнаго въ Монголіи сырья въ руки иностранныхъ скупщиковъ очень важенъ для интересовъ русско-монгольской торговли. Въ настоящее время въ Монголіи, какъ мы уже и замѣчали, за сырьемъ идетъ форменная охота: его буквально рвутъ изъ рукъ въ руки. Такая конкурренція идетъ на первомъ флангѣ между русскими и китайскими купцами, затѣмъ между русскими купцами и представителями тѣхъ иностранныхъ фирмъ, которыя работаютъ въ Монголіи черезъ русскихъ служащихъ и, наконецъ, между отдѣльными русскими фирмами, въ погонѣ за сырьемъ совершенно забывающими свои общіе интересы и свою солидарность въ дѣлѣ установленія сырьевыхъ цѣнъ. Вслѣдствіе этого цѣны на сырье растутъ и растутъ, заготовочныя цѣны поднимаются такъ высоко, что грозятъ сравняться съ цѣнами, по которымъ сырье продается для отправки на заграничные рынки. Въ такомъ случаѣ участіе въ торговлѣ съ Монголіей дѣлается безвыгоднымъ и даже убыточнымъ. За послѣдніе годы бывали уже случаи, когда монгольское сырье продавалось въ Бійскѣ по себѣстоимости для торгующихъ въ Монголіи и даже съ нѣкоторымъ убыткомъ. Въ такомъ положеніи дѣла заключается угроза всей русско-монгольской торговлѣ, которая въ данный моментъ главнымъ образомъ сосредоточена на закупкѣ сырья.

Бороться съ этой опасностью, угрожающей самому основанію русскаго дѣла въ Монголіи, только путемъ удлиненія срока для учета векселей въ банкахъ, конечно, далеко недостаточно; нуженъ цѣлый арсеналъ мѣропріятій, но и банки не должны оставаться равнодушными къ этому явленію. Удлиненіе срока учета до 12 мѣсяцевъ было бы наилучшимъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія. Въ Бійскѣ купцы развязываются съ сырьемъ въ послѣдніе зимніе мѣсяцы, въ декабрѣ-январѣ. Выѣзжать въ Монголію для закупокъ сырья приходится рано, напр., въ февралѣ, въ началѣ марта, такъ какъ въ это время начинается раздача монголамъ то-

негъ и товаровъ подъ будущіе сборы сырья. Многія же русскія фирмы имѣютъ въ Монголіи постоянно живущихъ тамъ приказчиковъ или даже цѣлыя конторы, задачи которыхъ въ зимніе мѣсяцы сводится по преимуществу къ совершенію массовыхъ кредитныхъ сдѣлокъ съ туземцами, особенно нуждающимися въ кредитѣ въ теченіе зимы. Изъ этого слѣдуетъ тотъ простой выводъ, что торговый оборотъ въ Монголіи никакъ нельзя считать короче 12 мѣсяцевъ. Но логическаго вывода изъ этого факта для банковой дѣятельности, связанной съ русско-монгольской торговлей, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не сдѣлано: учетъ остается девятимѣсячнымъ.

Правда, и русско-монгольская торговля при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ нуждается въ болѣе короткомъ кредитѣ, но такой кредитъ, очень существенный по своему значенію, русскіе банки могли бы оказывать въ томъ лишь случаѣ, еслибы они имѣли отдѣленія или агентуры въ самой Монголіи, въ Кобдо, Улясутаѣ или Ургѣ. Дѣло въ томъ, что не всѣ русскія фирмы, торгующія въ Монголіи, вывозятъ сырье сами за свой счетъ въ Россію. Сырье еще на территоріи Монголіи часто можетъ перемѣнить хозяина. Купецъ, закупившій шерсть по тѣмъ или инымъ соображеніямъ, можетъ продать ее въ сыромъ видѣ другому купцу еще въ Монголіи. При волнообразномъ развитіи сырьевыхъ цѣнъ въ теченіи одного и того же сезона создается много выгодныхъ комбинацій съ товарными сдѣлками, нуждающимися въ краткосрочномъ кредитѣ. Такого кредита русская торговля въ предѣлахъ Монголіи совершенно лишена. Между тѣмъ китайцы, торгующіе въ Монголіи, эти главные конкурренты русскихъ по скупкѣ сырья, въ настоящее время вооружены банковымъ кредитомъ въ Ургѣ, Улясутаѣ; кромѣ того, во всѣхъ мало-мальски значительныхъ торговыхъ центрахъ Монголіи разсѣяны повсюду отдѣленія тѣхъ китайскихъ фирмъ, которыя своею спеціальностью считаютъ торговлю деньгами.

Торговля вывозная, какъ и ввозная, точно также лишена существенной поддержки со стороны банковъ. Доставка товаровъ, закупленныхъ на нижегородской ярмаркѣ для торговли въ Монголіи, беретъ не менѣе шести мѣсяцевъ времени. Это обстоятельство вліяетъ на русскую торговлю въ Монголіи въ томъ отношеніи, что большинство русскихъ купцовъ, ввозившихъ и ввозящихъ русскіе товары въ предѣлы Монголіи, фактически лишены возможности воспользоваться векселемъ при закупкѣ товаровъ на ярмаркѣ или на фабрикахъ, гдѣ кредитный отпускъ обыкновенно дается только на шесть мѣсяцевъ, рѣдко на восемь. Мануфактура и другіе фабрикаты, ввозимые въ Монголію, поступаютъ тамъ въ мелочный торгъ, который идетъ медленнымъ темпомъ и захватываетъ большіе про-

межутки времени. Вслѣдствіе этого и здѣсь требуются удлиненные сроки кредитныхъ сдѣлокъ. Такъ какъ на такое удлиненіе оптовики съ Нижегородской ярмарки и фабриканты не соглашаются, то въ данномъ отношеніи единственнымъ выходомъ изъ затруднительнаго положенія былъ бы банковый кредитъ, услуги банка, посвятившаго свои средства финансированію русско-монгольской торговли. Отсутствіе такихъ услугъ приводитъ къ болѣе интенсивному сокращенію размѣровъ русскаго ввоза въ Монголію. Большинство русскихъ, ввозящихъ русскіе же товары въ Монголію, лишены возможности закупать фабрикаты изъ первыхъ рукъ и вынуждены обращаться къ товарному кредиту у бійскихъ фирмъ. Крупныя бійскія фирмы кредитуютъ товаромъ русскихъ, выѣзжающихъ въ Монголію. Этотъ кредитъ обходится дорого, что, конечно, ухудшаетъ условія конкурренціи съ китайскими торговцами, торгующими дешевыми матеріалами американскаго происхожденія. Въ Монголію попадаетъ товаръ далеко не первосортный, идетъ туда въ большинствѣ случаевъ заваль, которая не находитъ себѣ сбыта въ Россіи и Сибири. И эта заваль продается по дорогимъ цѣнамъ. Купцы наивно спрашиваютъ, нельзя ли установить ввозъ въ Монголію изъ Россіи фабрично-заводского брака... Другимъ выходомъ, созданнымъ затруднительностью кредита подъ товары, является кредитованіе товарами среднихъ и мелкихъ купцовъ, торгующихъ въ Монголіи, со стороны крупныхъ русскихъ торговцевъ, ведущихъ торговлю тамъ же. Понятно, что и этотъ кредитъ обходится очень дорого, и роняетъ позицію русскихъ товаровъ на монгольскомъ рынкѣ. Товарный кредитъ въ Монголіи приводитъ къ тому, что крупная фирма отдаетъ въ кредитъ то, что у ней плохо идетъ и отъ чего хочется развязаться. Представитель одной весьма крупной фирмы, торгующей въ Монголіи, говорилъ намъ, что такою дѣятельностью его фирма раньше загубила не одну среднюю и мелкую фирму, лишенную банковаго кредита и кредитовавшуюся у данной фирмы товаромъ.

Необходимость удлиненныхъ сроковъ кредита для закупаемыхъ фабрикатовъ вытекаетъ также изъ того, что распродажа товаровъ въ Монголіи въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ производится въ кредитъ. Товаръ сбывается монголамъ подъ будущее сырье, такъ что общій оборотъ съ продажею фабрикатовъ нужно считать отъ 8 до 12 мѣсяцевъ, и это при благополучныхъ условіяхъ. За послѣднее же время, когда сбытъ русскихъ фабрикатовъ въ Монголіи сильно стѣсненъ натискомъ американской мануфактуры, запасы русскихъ товаровъ идутъ особенно медленно, товары обнаруживаютъ тенденцію къ залежамъ. И если можно мечтать объ усиленіи сбыта русскихъ товаровъ, то необходимо для этого предпринять

цѣлый рядъ серьезныхъ мѣръ. Главная мѣра заключается въ возможномъ удешевленіи русскихъ фабрикатовъ. А такъ какъ удорожаніе русскихъ фабрикатовъ совершается отчасти подъ давленіемъ тяжелыхъ формъ товарнаго кредита, то здѣсь только банки въ состояніи урегулировать непривлядное положеніе дѣла и доставить болѣе дешевый кредитъ.

Здѣсь будетъ вполнѣ умѣстно привести небольшую историческую справку относительно уже сдѣланныхъ попытокъ со стороны русскихъ банковъ финансировать русско-монгольскую торговлю. Въ этомъ направленіи опытъ былъ сдѣланъ правленіемъ Русско-китайскаго банка. Этотъ опытъ имѣетъ значеніе въ томъ отношеніи, что онъ привелъ къ отрицательнымъ результатамъ и вслѣдствіе этого надолго можетъ отпугнуть частные банки отъ попытокъ принять участіе въ финансированіи русско-монгольской торговли. Это обстоятельство крайне печально отразилось бы на судьбахъ русскаго дѣла въ Монголіи.

Руско-Китайскій банкъ до недавняго времени имѣлъ свои отдѣленія и агентуры въ Ургѣ, Улясутаѣ и Калганѣ (Джанъ-Джа-Ку)[1]. Теперь эти отдѣленія закрыты и происходитъ ликвидація дѣлъ. Мотивомъ къ закрытію монгольскихъ, китайскихъ и манчжурскихъ отдѣленій названнаго банка выставляется ихъ бездоходность. Намъ удалось собрать свѣдѣнія о дѣятельности отдѣленій Русско-китайскаго банка только въ Улясутаѣ и Ургѣ. На эти свѣдѣнія и можемъ опираться въ дальнѣйшемъ изложеніи.

Работавшіе въ монгольскихъ отдѣленіяхъ Русско-китайскаго банка говорятъ о томъ, что банкъ съ успѣхомъ могъ бы развивать свою дѣятельность, еслибы онъ въ большей мѣрѣ учелъ особенности русско-монгольской торговли. Недаромъ со стороны служащихъ банка, освѣдомленныхъ въ русско-монгольской торговлѣ, своевременно возбуждались ходатайства объ открытіи новыхъ отдѣленій банка въ Кобдо и Урумчи. Но акціонеры Русско-китайскаго банка, по всей вѣроятности мало освѣдомленные въ положеніи дѣлъ въ Монголіи, не только отвѣтили отказомъ на эти ходатайства, но постановили закрыть и ликвидировать уже имѣвшіяся отдѣленія.

Изъ опросовъ русскихъ купцовъ, торгующихъ въ Монголіи, можно сдѣлать то общее заключеніе, что неудачи попытокъ Русско-китайскаго банка были исключительно результатомъ неудачнаго направленія банковой политики и полной несогласованности дѣйствующаго банковаго устава съ условіями и особенностями русско-

---

[1]) *У банка имѣлись также отдѣленія въ нѣкоторыхъ пунктахъ Китая, Манчжуріи и китайскаго Туркестана.*

монгольска о торга. Общая жалоба купцовъ сводилась къ тому, что существовавшія отдѣленія банка весьма мало интересовались русскою торговлей, которая почти ничего не получила отъ банковъ. Свою дѣятельность банки главнымъ образомъ направили въ сторону кредитованія монгольскихъ властей.

Выше мы подробно характеризовали хошунный кредитъ, въ широкомъ масштабѣ утилизируемый князьями. Вотъ на этотъ-то хошунный кредитъ и обратили все свое вниманіе монгольскія отдѣленія Русско-китайскаго банка. Банковыя отдѣленія стали выдавать хошунамъ крупныя суммы въ долгъ и въ короткое время раздали сотни тысячи рублей, охвативъ своими кредитными петлями многіе десятки монгольскихъ хошуновъ. Дѣло, казалось, должно было бы быть самымъ прочнымъ, надежнымъ и главное — прибыльнымъ. Но какъ разъ для отдѣленій Русско-китайскаго банка это дѣло въ концѣ концовъ оказалось бездоходнымъ и даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ убыточнымъ.

Русскія отдѣленія банка выдавали ссуды хошунамъ, а также и отдѣльнымъ монголамъ, серебромъ, и взыскивали проценты и капиталъ займа точно также серебромъ. Такой характеръ кредитной сдѣлки шелъ въ разрѣзъ съ установившимися условіями хошуннаго кредита. Когда китайская банкирская или торговая фирма, или русская фирма кредитуетъ хошунъ, положимъ на 10 тыс. руб., то, дѣйствительно, на эту сумму она выдаетъ хошуну серебро, но обратно серебро уже не получается: вслѣдствіе расходовъ князя и хошуннаго управленія оно скоро уходитъ изъ хошуна и хошунъ остается безъ серебра. И князь сидитъ безъ серебра, и тѣмъ болѣе хошунные монголы, которые являются фактическими отвѣтчиками передъ кредиторами князя. У этихъ несчастныхъ монголовъ никогда нѣтъ запасовъ серебра. Да и кредиторы хошуна вовсе и не помышляютъ о возвратѣ ссуды серебромъ; для нихъ это часто совершенно невыгодно. Возвратъ ссуды и уплата процентовъ совершается сырьемъ, которое собираетъ съ монголовъ или хошунное управленіе, а въ большинствѣ случаевъ самъ кредиторъ по уполномочію хошунныхъ властей. Русскія же банковыя отдѣленія взыскивали выданныя ссуды не сырьемъ, а серебромъ. Вслѣдствіе этого хошуны должны были собрать у себя то же самое сырье, продать его и вырученныя деньги отдать банку. Въ условіяхъ мало-мальски цивилизованнаго государства, при наличности опредѣленнаго правового режима такой порядокъ, конечно, приводилъ бы къ тѣмъ же самымъ результатамъ, какъ и взысканіе ссудъ сырьемъ. Банкъ своевременно получилъ бы серебро, которое хошунъ выручилъ бы отъ продажи собраннаго сырья. Но здѣсь то и выступаютъ тѣ особен-

ности монгольскаго быта, которыя совершенно противорѣчатъ нашимъ правовымъ и экономическимъ понятіямъ и представленіямъ.

Дѣло въ томъ, что покрытіе долговъ по хошунному кредиту, какъ мы указывали выше, происходитъ доставляемымъ монголами сырьемъ—шерстью, скотомъ. Неуспѣхъ отдѣленій Русско-китайскаго банка, занявшихся кредитованіемъ хошуновъ, можетъ быть объясненъ неприспособленностью банка къ этимъ условіямъ покрытія долговъ. Этотъ банкъ хотѣлъ и въ Монголіи дѣйствовать по правиламъ, выработаннымъ въ иныхъ условіяхъ и для иной правовой среды. Банкъ давалъ хошунамъ ссуды, ждалъ ихъ уплаты серебромъ. Если въ условленные сроки такой уплаты не послѣдовало, то банкъ обращался на путь законнаго взысканія, т. е. просилъ консульскаго содѣйствія и черезъ консула содѣйствія китайскихъ и монгольскихъ властей. Такой пріемъ вполнѣ естественъ, но онъ предполагаетъ въ Монголіи и наличность энергичныхъ дѣйствій со стороны кредитора. Если купцу монголы не платятъ, то онъ, въ охраненіе себя отъ упрековъ въ самоуправствѣ, точно также проситъ консульскаго содѣйствія и китайскаго приказа, но затѣмъ, вооружившись такой легализаціей, ѣдетъ въ хошуны самъ и самъ взыскиваетъ тамъ свои долги, забирая у монголовъ, что только можно забрать, накладывая свои запрещенія на всѣ монгольскія пожитки, отбирая послѣдній скотъ, послѣднюю юрту. Несговорчивыхъ монголовъ подвергаютъ даже побоямъ и т. д. Словомъ, здѣсь по нашимъ европейскимъ понятіямъ мы имѣемъ случай самоуправства, прикрытый формальнымъ отношеніемъ къ дѣлу консульскихъ учрежденій и монголо-китайскихъ властей. Хошунъ часто бываетъ долженъ многимъ кредиторамъ, а у этого хошуна средства ограничены и средства уплаты поступаютъ по сезонамъ, какъ напр., шерсть. Тогда отъ ловкости кредиторовъ зависитъ собрать свои проценты и свои долги: кто попронырливѣе и похрабрѣе, тотъ и получитъ все въ свои руки. Поздно приходящимъ остаются кости... Но сколько бы ни было кредиторовъ, и какъ бы велики ни были ихъ кредитныя претензіи, консульство или, по крайней мѣрѣ, китайскія и монгольскія власти всѣмъ выдадутъ надлежащее полномочіе по взысканію долговъ. А дальше все будетъ зависѣть отъ личной энергіи кредитора. Вотъ почему монголы пріѣзжаютъ къ купцамъ за товаромъ и берутъ его въ долгъ и вотъ почему потомъ уже купцы или ихъ приказчики сами ѣдутъ къ монголамъ и берутъ у нихъ за долгъ все, что только можно взять. Иначе долгъ рискуетъ вѣчно оставаться безъ уплаты. Это такъ вошло въ обычай, что, когда монголы ѣдутъ къ своимъ кредиторамъ за товаромъ или за новой денежной ссудой, то китайцы-кредиторы кормятъ и угощаютъ ихъ;

когда же китайцы отправляются за долгами, то уже въ пути они поступаютъ на содержаніе къ монголамъ, безразлично, къ должникамъ или къ совершенно постороннимъ: тутъ уже круговая порука принудительнаго гостепріимства.

При такихъ своеобразныхъ условіяхъ хошунный кредитъ въ Монголіи представляется, конечно, весьма выгоднымъ: недаромъ китайцы такъ горячо протестуютъ противъ хошунныхъ сдѣлокъ съ русскими купцами и недаромъ китайскія фирмы наживаютъ хорошо и безъ проигрыша. Но въ то же время хошунный кредитъ для банковыхъ учрежденій русскаго типа представляетъ не мало риска и прямыхъ опасностей: можно легко остаться безъ серебра, которое будетъ охотно взято монгольскими князьями на какихъ угодно условіяхъ и съ какими угодно обѣщаніями и гарантіями. Правда, поступленіе выданныхъ ссудъ иной разъ можетъ произойти и безъ трагическаго самоуправства со стороны кредиторовъ, но можетъ и не произойти: все зависитъ отъ случая, отъ фактическихъ, а не юридическихъ отношеній. Поэтому неудивительно, что отдѣленія Русско-китайскаго банка въ Монголіи, такъ широко финансировавшія монгольскихъ князей, очень скоро стали терпѣть убытки и вмѣсто денегъ получили долговые документы, цѣна которыхъ, въ силу выше указанныхъ обстоятельствъ, очень условна. Напр., въ Улясутаѣ лѣтомъ 1910 года довѣренный названнаго банка взыскивалъ съ поддержкой консула долги на сумму около 70 или даже болѣе тысячъ рублей. Купцы, хорошо знающіе положеніе дѣла, говорили, что тысячъ 20—30 можно дать за эти векселя, никакъ не больше. Когда, напримѣръ, данный хошунъ (читай: князь) выдавалъ на себя долговое обязательство, то ни у кого не было сомнѣнія въ его платежеспособности. Но проходитъ годъ—другой и данный хошунъ становится нищимъ, тогда его обязательства уже не „котируются". А въ современной Монголіи обнищаніе, подъ дружнымъ натискомъ китайцевъ и монгольскихъ властей, можетъ наступить чрезвычайно быстро. Богатые люди года въ два—три превращаются въ бѣдныхъ.

Въ дѣятельности Русско-китайскаго банка въ Монголіи въ области хошуннаго кредита, какъ намъ передавали, была и другая опасность. Сдѣлки съ хошуномъ обычно документируются. Эти документы пишутся въ особыхъ учрежденіяхъ (ямыняхъ), скрѣпляются подписями и удостовѣряются печатями соотвѣтств. властей. Языкъ документовъ, подписей и печатей—монгольскій. Среди же русскихъ, ведущихъ коммерческія дѣла въ Монголіи, нѣтъ лицъ, знающихъ монгольскую письменность, поэтому русскимъ приходится довѣряться наемнымъ монголамъ, которые читаютъ документы и словесно переводятъ ихъ. При такихъ условіяхъ поддѣ-

ка кредитныхъ документовъ очень доступна и... очень соблазнительна. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что отдѣленія Русско-китайскаго банка столкнулись съ этимъ явленіемъ и поплатились за свою довѣрчивость,—обусловленную незнаніемъ монгольской письменности и тѣхъ безобразныхъ порядковъ, которые царятъ въ хошунныхъ управленіяхъ и административныхъ учрежденіяхъ. За подкупъ тамъ дѣлается очень многое.

Та зависимость, которая рождается на почвѣ хошунной задолженности и которой въ Монголіи добиваются, конечно, съ разныхъ сторонъ, опасна въ рукахъ сѣраго купца, будь то китаецъ, или русскій. Опасна эта зависимость потому, что она создаетъ рыхлую почву для произрастанія всевозможныхъ формъ самоуправства и насильничанья. Кромѣ того, въ такихъ условіяхъ обычно эта зависимость стираетъ грань между собираніемъ процентовъ и обираніемъ монголовъ. Нужны гражданскія добродѣтели для того, чтобы не соблазниться и не перейти эту малопримѣтную границу. Вотъ почему мы настойчиво будемъ говорить не только о возможности русскихъ банковъ въ Монголіи, а просто о необходимости ихъ тамъ. Хошунный кредитъ въ Монголіи полезно перевести въ руки банковъ. Эта полезность подчеркивается соображеніями объ общихъ интересахъ русскаго дѣла въ современной Монголіи, соображеніями и заботами объ охраненіи русскаго престижа. На почвѣ хошуннаго кредита китайцы воспитали въ монгольскихъ народныхъ слояхъ ненависть къ себѣ, какъ къ экономическимъ поработителямъ. Не знаемъ, что преобладаетъ въ современномъ монголѣ: горечь ли политическаго порабощенія или гнетущее сознаніе хозяйственнаго истощенія, какъ результата „торговой" дѣятельности безцеремонныхъ китайцевъ.

Одинъ лама, вліятельный игуменъ большого монгольского монастыря, грустно покачивая головою, говорилъ намъ, что они, монголы, не видятъ разницы между китайскими и русскими купцами. Монголы съ удивленіемъ слушали наши разсказы о томъ, что въ Россіи есть и такія лавки, гдѣ можно покупать, не опасаясь, что обманутъ, обдерутъ или подсунутъ плохое. Невѣріе сквозило въ глазахъ нашихъ слушателей. Они выросли на иныхъ впечатлѣніяхъ. Нужно ли дожидаться, чтобы невзрачная дѣйствительность, связанная съ русскимъ именемъ, еще болѣе ухудшилась подъ вліяніемъ той силы, которая заключается въ хошунной задолженности. Китайцы—господа положенія, за ними палка и плети, за русскими должна быть сила культуры.

Кредитъ же у банковъ навѣрняка гарантируетъ отъ уродливыхъ формъ проявленія тѣхъ вліяній, которыя неизбѣжны при всякомъ

кредитѣ. Кредитъ у банковъ будетъ планомѣрнымъ проявленіемъ экономической силы и источникомъ русскихъ экономическихъ вліяній. Конкурренція съ китайцами, работающими въ области хошуннаго кредита, очень легка, такъ какъ врядъ ли китайцы легко пойдутъ на пониженіе своихъ процентныхъ ставокъ; для китайцевъ 12% годовыхъ—вещь немыслимая, ихъ коммерческій оборотъ построенъ на другихъ основаніяхъ и разсчетахъ. Да и русскія торговыя фирмы не легко мирятся съ „законнымъ" процентомъ. Одинъ мелкій торговецъ, вздыхая, говорилъ намъ, что работать почти нѣтъ выгоды: „наживешь въ лучшемъ случаѣ 15—20%". Хошуны же легко потянутся къ русскому банковому кредиту, какъ это и показалъ опытъ отдѣленія Русско-китайскаго банка. Хошунамъ не только надоѣло платить безобразно высокіе проценты китайцамъ, но въ концѣ концовъ имъ стало трудно выплачивать высокіе поборы. Все дѣло зависитъ отъ отношенія китайскихъ властей: разрѣшатъ они или нѣтъ хошуннымъ властямъ пользоваться русскимъ банковымъ кредитомъ. Дѣло въ томъ, что въ настоящее время представители хошуновъ совсѣмъ утратили свою былую самостоятельность и монгольскіе князья поддались китайскому вліянію; они сдѣлались врагами своего народа, такъ какъ наравнѣ съ китайцами, мѣстами же и еще больше, угнетаютъ и истощаютъ соки монгольскаго народа. Хошунный кредитъ и является одной изъ формъ такого истощенія.

Переходъ хошуннаго кредита въ русскія руки будетъ обозначать для русской торговли завѣдываніе монгольскимъ сырьемъ, т. е. разрѣшитъ основную задачу современной русской торговли въ Монголіи. Мы уже говорили о тѣсной связи между хошуннымъ кредитомъ и закупкой монгольскаго сырья. Сейчасъ въ процессѣ скупки сырья и скота китайцы заняли неприступную позицію; если китайцамъ удастся наладить вывозъ сырья въ предѣлы внутренняго Китая въ бóльшихъ размѣрахъ, чѣмъ это совершается въ настоящее время, то можно смѣло сказать, что русскимъ въ Монголіи дѣлать будетъ нечего: все сырье будетъ въ рукахъ китайцевъ, а сбытъ товаровъ вслѣдствіе захвата основы покупательной силы монголовъ въ китайскія руки будетъ имѣть незначительные размѣры. Когда тотъ или другой банкъ открываетъ отдѣленіе въ предѣлахъ Россіи, то обыкновенно онъ въ данномъ случаѣ руководится статистическими свѣдѣніями о размѣрахъ торговаго оборота даннаго района. Все остальное предполагается шаблоннымъ и извѣстнымъ, предусмотрѣннымъ и гражданскими законами, и уставомъ банка. Но для Монголіи однихъ свѣдѣній о размѣрахъ торговаго оборота недостаточно для того, чтобы банкъ съ успѣхомъ могъ дѣйствовать; необходимо хорошо знать бытовыя и экономическія условія страны и

обязательно приноровить къ нимъ уставъ банка. Во главѣ дѣла должны стать лица, освѣдомленныя не только въ тайнахъ банковой бухгалтеріи, но и въ существѣ экономическаго процесса, въ характерѣ монгольской жизни и въ условіяхъ дѣятельности пришельцевъ въ этой странѣ. Въ Россіи завѣдующій банковымъ отдѣленіемъ, а тѣмъ болѣе банковой агентурой, обыкновенно долженъ проявить только одно свое дѣловое качество: быть строго исполнительнымъ по отношенію къ центральному управленію. Банковая агентура или отдѣленіе—это канцелярія, въ которой сидятъ чиновники, не имѣющіе права проявленія своей собственной инициативы. Они могутъ подать докладную записку о своихъ мысляхъ и проектахъ, но эти записки тонутъ въ морѣ бумагъ, облипающихъ каждое дѣло. Съ такою организаціей и съ такими пріемами въ Монголіи банку дѣлать нечего. Тамъ нѣтъ установившагося русла, по которому течетъ экономическая жизнь, тамъ нѣтъ и рутины, которая облегчаетъ веденіе банковаго дѣла и превращаетъ наши банки въ канцеляріи. Тамъ нужно думать, работать и творить; тамъ долженъ работать человѣкъ большого опыта, свѣтлой мысли и широкихъ плановъ. Лица, прикосновенныя къ практикѣ монгольскихъ отдѣленій Русско-китайскаго банка, жаловались намъ, что они во всемъ были связаны распоряженіями и директивами бюро сибирскихъ отдѣленій банка, а эти бюро въ свою очередь были связаны директивами и указками центральнаго управленія. И въ концѣ концовъ живое дѣло было проиграно.

Было бы опаснымъ заблужденіемъ думать, что въ хошунномъ кредитѣ долженъ быть центръ банковой дѣятельности въ Монголіи. Организація хошуннаго кредита выгодна во многихъ отношеніяхъ, какъ въ смыслѣ банковыхъ прибылей, такъ и въ смыслѣ поддержанія русскихъ торговыхъ интересовъ. Торговые интересы могутъ быть непосредственно связаны съ дѣятельностью банковъ въ области скупки сырья. Банку, если онъ хочетъ своевременно получать свои проценты и ссуды, волей-неволей придется сдѣлать уступку натуральному режиму монгольскаго народнаго хозяйства и получать свои проценты и ссуды въ товарной формѣ. На почвѣ такихъ полученій между банкомъ и русскими торговцами должны возникнуть самыя живыя отношенія, такъ какъ только при помощи торговцевъ банкъ сможетъ собрать и ликвидировать свои товарныя полученія. И въ этомъ отношеніи банкъ будетъ въ очень выгодномъ положеніи: не ему придется искать комиссіонеровъ среди купечества, а купцы сами придутъ съ своими предложеніями. Купцы, которые торгуютъ въ Монголіи, очень пригодный матеріалъ для организаціи изъ нихъ живого дѣла. Они—піонеры русско-монгольской торговли,

они хорошо знаютъ страну, въ которой работаютъ, печать предпріимчивости лежитъ на многихъ изъ нихъ. Многаго они не знаютъ, многаго не умѣютъ, да и капиталы въ ихъ рукахъ не слишкомъ обильные; но съ ихъ помощью можно дѣлать большія дѣла къ обоюдной выгодѣ.

Банкъ долженъ разсмотрѣть основныя задачи русскаго торговаго капитала въ Монголіи; эти задачи ощупью намѣчены въ дѣятельности торговцевъ, но далеко не разрѣшены, потому что всѣ тамъ дѣйствуютъ въ одиночку и нѣтъ у нихъ организующей силы и организующихъ учрежденій. Въ томъ мѣстѣ книги, гдѣ мы говорили о денежномъ обращеніи въ Монголіи, уже указывалось на необходимость участія русскихъ торговцевъ въ дѣлѣ регулированія курсовъ денегъ. Отдѣльныя русскія фирмы, правда, насколько намъ удалось объ этомъ узнать, уже выступили на этотъ путь, пересылая значительныя массы серебра изъ города въ городъ и тѣмъ самымъ оказывая давленіе на курсы. Но это дѣлается отнюдь не къ выгодѣ русской торговли, а скорѣе ей во вредъ. Такія попытки вліянія на курсъ серебра надо признать вредными для торговли русскихъ, такъ какъ онѣ направлены, именно, противъ русскихъ, сильно конкурирующихъ между собою по покупкѣ сырья. Желая захватить въ свои руки какъ можно больше сырья, отдѣльная сильная фирма, хорошо освѣдомленная о курсахъ и захватившая серебро по дешевымъ цѣнамъ, располагающая дешевыми деньгами, полученными, напр., въ Лейпцигѣ, портитъ цѣны на сырье измѣненіемъ курса на серебро и тѣмъ самымъ тормозитъ русскую скупку. Послѣдствіемъ такихъ вмѣшательствъ можетъ оказаться то, что сырье достанется китайцу, а не русскимъ, но разсчетъ сдѣланъ съ тѣмъ, именно, чтобы оно во всякомъ случаѣ не досталось русскому, такъ какъ въ данномъ случаѣ заботятся объ осенней ликвидаціи закупленнаго товара уже въ предѣлахъ Россіи. Но если бы вмѣсто этихъ единоличныхъ и всегда своекорыстныхъ вмѣшательствъ отдѣльныхъ торговыхъ фирмъ въ движеніе курсовъ серебра банкъ организовалъ планомѣрное регулированіе названныхъ курсовъ, тогда торговля отъ такой дѣятельности банка получила бы несомнѣнную пользу. Отъ такого регулированія получилъ бы непосредственную пользу и самъ банкъ, такъ какъ у него всегда могли бы оставаться прибыли отъ закупокъ и продажъ серебра. Намъ передавали, что бывшія монгольскія отдѣленія Русско-китайскаго банка своею дѣятельностью въ указанной области повліяли на курсъ монгольскихъ лановъ въ смыслѣ приближенія ихъ къ нормальной цѣнѣ серебра. Въ 1901 году одинъ ланъ стоилъ 1 руб. 70 коп., а въ 1902 г.—уже 1 руб. 50 коп. Такое рѣзкое паденіе курса, конечно, нельзя объяс-

нить паденіемъ цѣнъ на серебро; просто закупки серебра банкомъ приблизили цѣну лановъ къ естественному уровню. То же самое можно сказать и относительно чая, который играетъ роль денегъ и роль главнѣйшаго продукта потребленія монголовъ. Цѣны на чай безусловно заключаютъ въ себѣ элементъ, обязанный своимъ происхожденіемъ монополіи доставки его только одними крупными китайскими фирмами. Названныя отдѣленія банка дѣлали чайные заказы въ началѣ 900-хъ годовъ въ огромныхъ размѣрахъ. Намъ сообщали, что цѣны на чай въ Улясутаѣ въ 1901 году стояли отъ 27 до 25 руб. за ящикъ, а въ слѣдующемъ году, когда на рынокъ поступили запасы банковаго отдѣленія, цѣна будто бы спустилась до 15 руб. Отдѣленіе банка само заказывало чай на мѣстахъ производства и, говорятъ, съ успѣхомъ проводило это дѣло. Снабженіе же русской торговли чаемъ по нормальнымъ цѣнамъ, устраненіе современной зависимости русскихъ отъ китайцевъ, этихъ монополистовъ въ чайномъ дѣлѣ, оказало бы существенную поддержку русскимъ торговымъ интересамъ. Конечно, закупку, заказы, или даже производство на мѣстахъ чая для русской торговли въ Монголіи могли бы организовать и сами торговцы, это имъ ближе и сходнѣе, но при данныхъ условіяхъ банкъ долженъ выступить піонеромъ и на опытѣ убѣдить русскихъ купцовъ въ выгодности и цѣлесообразности такихъ операцій. Русскіе торговцы въ Монголіи— большіе индивидуалисты и никакъ не могутъ сплотиться для достиженія общихъ интересовъ.

Мы уже не говоримъ о томъ, что банки могутъ заниматься въ Монголіи обыкновенными операціями, обслуживающими торговлю, какъ, напр., ссудами подъ товары, учетомъ коммерческихъ векселей переводомъ денегъ и т. д. Если въ данное время въ Монголіи и нѣтъ банковъ, обслуживающихъ русскую торговлю, то это не значитъ, что русская торговля развивается тамъ безъ всякаго участія кредита. Кредитныя сдѣлки очень широко развиты въ русско-монгольской торговлѣ, но это развитіе получило далеко не выгодное для торговли направленіе. Отдѣльныя фирмы кредитуютъ и подъ товаръ, и подъ векселя, кредитуютъ и деньгами, и товаромъ. Все это ведетъ къ тому, что кредитъ, которымъ съ трудомъ, но все-таки можетъ воспользоваться русскій торговецъ въ Монголіи, является, во-первыхъ, очень дорогимъ, а, во-вторыхъ, приводитъ среднихъ и мелкихъ торговцевъ къ полной закабаленности у крупныхъ торговыхъ фирмъ. „Мы задушили мелкую торговлю своимъ товарнымъ кредитомъ“, признавался намъ представитель одной крупной торговой фирмы. А между тѣмъ мелкая и средняя торговля только и способна, собственно говоря, быть агентомъ по распространенію

русскихъ товаровъ въ Монголіи. Мы уже мелькомъ замѣчали, что открывавшіяся въ Монголіи отдѣленія Русско-китайскаго банка были совершенно безполезны для русской торговли. Торговцы жаловались, что кредитоваться въ этихъ отдѣленіяхъ было не выгодно и затруднительно. Когда русскій купецъ, испытывая нужду въ деньгахъ, обращался въ банкъ, ему тамъ отвѣчали: „у банка мало денегъ". Деньги шли на питаніе хопунскаго кредита. Если купцу нужны были деньги на одинъ—два мѣсяца, банкъ предлагалъ взять ихъ на длинный срокъ по 12% годовыхъ. Купцу нужно было получить 10.000 руб., банкъ предлагалъ 5 тыс. деньгами и 5 тыс. серебромъ, причемъ серебро предлагалось по завѣдомо повышенному курсу, напр., по 1 руб. 40 коп. и даже по 1 руб. 50 коп., и всю ссуду оцѣнивалъ по 12%.

12% -въ современной Монголіи считается законнымъ и естественнымъ %. Оффиціально всѣ русскія сдѣлки не превышаютъ этого предѣла, такъ какъ въ противномъ случаѣ консульства, въ своей судебной дѣятельности руководящіяся русскими гражданскими законами, не будутъ поддерживать исковъ кредиторовъ. Но „законный" предѣлъ процентовъ нарушается фактически тѣмъ, что капиталъ займа или ссуды разсчитывается по завѣдомо преувеличенному данному курсу, напр., вмѣсто 1 руб. 25 коп. по 1 руб. 40 к. Такъ, передавали намъ, поступалъ банкъ въ хопунскихъ ссудахъ, то же самое онъ предлагалъ и отдѣльнымъ русскимъ торговцамъ. При такихъ условіяхъ размѣръ процентовъ доходитъ уже до 24%, хотя и на „законномъ основаніи".

Что касается переводовъ денегъ, то этотъ вопросъ въ данное время разрѣшается въ Монголіи самыми разнообразными способами: платежи или направляются черезъ банки русскихъ приграничныхъ городовъ, напр., платятъ въ Ургу изъ Кобдо такимъ путемъ: изъ Кобдо посылаютъ нарочнымъ до Кошъ-Агача, въ почтовое отдѣленіе, оттуда въ Бійскъ, въ какое нибудь банковое отдѣленіе. Послѣднее направляетъ переводъ въ одинъ изъ Кяхтинскихъ банковъ, точнѣе въ Троицкосавскіе, изъ Кяхты почтой или телеграфомъ въ Ургу. Платежи между Кяхтой и Ургой совершаются путемъ простой компенсаціи разсчетовъ между китайскими и русскими купцами, торгующими въ Ургѣ, Кяхтѣ и Кяхтинскомъ Маймаченѣ, что напоминаетъ въ своемъ механизмѣ международный торгъ переводными векселями. Конечно, банки могутъ организовать болѣе подвижный и скорый переводъ денегъ въ Монголіи только въ томъ случаѣ, если главнѣйшіе торговые пункты Монголіи будутъ обслуживаться правильно функціонирующими почтой и телеграфомъ. Проведеніе почты и телеграфа вообще является непремѣннымъ

условіемъ развитія банковаго дѣла въ современной Монголіи. Представитель одного банка въ Бійскѣ говорилъ намъ, что при данныхъ путяхъ и средствахъ сообщенія съ Монголіей банкъ можно подвинуть въ сторону Монголіи только до Кошъ-Агача, т. е. до того русскаго „урочища", гдѣ стоитъ послѣдній телеграфный столбъ и гдѣ имѣется почтово-телеграфная контора. Въ данное время банкъ удобно открыть только въ Ургѣ, такъ какъ Урга соединена телеграфомъ со всѣмъ міромъ и въ сторону Россіи (на Кяхту), и въ сторону Китая къ морю (черезъ Пекинъ).

Для банка, конечно, интересно знать не только условія торговли, которую онъ думаетъ финансировать, но и общіе обороты; на послѣднее обстоятельство банки обращаютъ главное вниманіе. Объ общихъ оборотахъ русско-монгольской торговли можно судить по другимъ мѣстамъ книги. Здѣсь же замѣтимъ, что дѣятельность банковъ, разъ только она будетъ правильно учитывать насущные интересы торгующихъ и считаться вообще съ русскими интересами въ Монголіи, безусловно должна повысить размѣры русской торговли, такъ какъ своими капиталами и своею планомѣрною дѣятельностью банкъ усилитъ позицію русскаго торговаго капитала въ Монголіи.

Въ настоящее время западно-европейскій капиталъ работаетъ въ предѣлахъ внутренняго, „застѣннаго" Китая. Монголія пока закрыта для этого капитала. Работая во внутреннемъ Китаѣ, иностранный торговый капиталъ вооружаетъ себя своимъ банковымъ кредитомъ. Нѣтъ сомнѣнія, то же самое онъ сдѣлалъ бы и въ Монголіи, если бы и туда распростеръ свою дѣятельность. Въ центральномъ Китаѣ въ данный моментъ работаютъ слѣдующіе иностранные банки:

	Работающій капиталъ.		Число отдѣленій въ Китаѣ.	Національность.
1. Нѣмецко-азіатскій банкъ	25.800.000	мар.	6.	Нѣмецкій.
2. Банковая корпорація въ Гонгонгѣ и Шанхаѣ . . .	91.160.000	„	6.	Англійскій.
3. Индійскій банкъ .	56 000.000	„	4.	Англійскій.
4. Русско-китайскій банкъ	65.000 000	„	6.	Русскій.
5. Индо-китайскій. .	47.500.000	„	5.	Французскій.
6. Международная банковая корпорація .	26.000.000	„	2.	Сѣвер.-амер.
7. Банкъ изъ Йокогамы	80.000.000	„	10.	Японскій.
8. Китайско-бельгійскій банкъ . . .	24.000.000	„	2.	Бельгійскій.

Въ настоящее время китайцы, торгующіе въ Монголіи, находятся въ болѣе привилегированномъ положеніи, нежели русскіе: китайцы обслуживаются банками. Здѣсь интересно отмѣтить слѣдующее обстоятельство: Китайскіе банки открывались въ Монголіи немедленно по закрытіи отдѣленій Русско-китайскаго банка. Не знаемъ, имѣется ли здѣсь причинная связь или лишь только одна случайность въ совпаденіи. Но фактъ тотъ, что въ то время, какъ русская торговля обезсиливается закрытіемъ русскихъ отдѣленій банка, китайская торговля получаетъ подкрѣпленіе въ лицѣ двухъ китайскихъ банковъ, открывшихся въ Ургѣ и въ Улясутаѣ. Эти банки поддерживаютъ только китайскую торговлю и къ русской торговлѣ не имѣютъ никакого отношенія.

Свѣдѣнія вообще о китайскомъ банковомъ дѣлѣ крайне скудны, хотя банки въ Китаѣ играютъ довольно видную роль. По новѣйшимъ литературнымъ даннымъ [1]) почти всѣ китайскіе банки находятся въ частныхъ рукахъ и дѣлятся на двѣ категоріи: а) торговые банки, находящіеся въ рукахъ шансійскихъ китайцевъ, и б) мѣстные банки, которые обыкновенно выпускаютъ свои банковые билеты.

Торговые банки обыкновенно представляютъ изъ себя торговую фирму съ банковымъ отдѣленіемъ. Эти банки занимаются продажей траттъ на отдаленныя мѣста, выплатой денегъ по переводамъ банковъ, находящихся съ ними въ дѣловыхъ соглашеніяхъ, даютъ серебро изъ процентовъ подъ личное обезпеченіе и исполняютъ финансовыя порученія правительства, напр., переводъ денежныхъ суммъ, взиманіе налоговъ и т. д. Берутъ вклады отъ чиновниковъ, которые не прочь заработать на казенныхъ суммахъ, имѣющихся въ ихъ распоряженіи. Эти вклады оплачиваются 7-ю процентами. Вліяніе этихъ банковъ на китайскій рынокъ капиталовъ не велико, такъ какъ они работаютъ только съ собственнымъ капиталомъ и въ случаѣ недостачи денегъ выдаютъ векселя. Мѣстные банки берутъ деньги у торговыхъ фирмъ, но, главное, выпускаютъ банковые билеты. Они ссужаютъ деньги мелкимъ дѣльцамъ и хозяевамъ лавокъ, занимаются промѣномъ денегъ. Ихъ капиталъ простирается отъ 20 тыс. марокъ до 1550 тыс. у крупныхъ и отъ 3 тыс. до 9 тыс. у мелкихъ. Эмиссіонная дѣятельность этихъ банковъ довольно подозрительна. Ихъ билеты врядъ ли покрыты запасами серебра. Въ Шанхаѣ изъ 200 банковъ большинство выпускаетъ билеты, но немногіе изъ нихъ имѣли частичное покрытіе банкнотъ серебромъ.

---

[1]) См. Waldemar Koch. Die Industrialisierung Chinas. Berlin. 1910. Отсюда взята предшествующая табличка объ иностранныхъ банкахъ въ Китаѣ.

Въ 1908 г. девять банковъ съ выплаченнымъ капиталомъ въ 27 мил. марокъ выпустили билетовъ на 87 мил. марокъ. Одинъ банкъ потерпѣлъ крахъ, послѣ чего оказалось, что у него нѣтъ ни копѣйки выплаченнаго акціонернаго капитала. Правительство выкупило всѣ его банкноты по нарицательной цѣнѣ и указомъ, изданнымъ въ сентябрѣ 1909 года, запретило основаніе новыхъ эмиссіонныхъ банковъ, а существующимъ банкамъ запретило выпускать новыя количества банкнотъ. Затѣмъ правительство поставило банкамъ въ обязанность, чтобы каждый изъ нихъ заручился поручительствомъ пяти другихъ банковъ, а выпущенные банкноты обезпечилъ на 40% металломъ и на 60%—другими цѣнностями. Затѣмъ банки должны каждый годъ изъять 20% всѣхъ находящихся въ обращеніи банковыхъ билетовъ такъ, чтобы къ 1915 году въ Китаѣ болѣе не обращались частныя банкноты. Указъ, по слухамъ, вызванъ намѣреніемъ правительства монополизировать въ своихъ рукахъ эмиссіонное дѣло. „Къ сожалѣнію,—замѣчаетъ Кохъ,—въ Китаѣ большею частью указы остаются на бумагѣ".

Съ этими свѣдѣніями, которыя Кохъ отчасти заимствуетъ изъ книги J. Edkins „Banking and prices in China" (Changhai, 1905), сходятся и тѣ наблюденія, которыя сдѣланы нами въ Монголіи надъ работающими въ Улясутаѣ и Ургѣ китайскими банками. Правда, китайцы въ банкахъ очень несклонны посвящать постороннихъ въ свои дѣла и при всей своей любезности стараются дать отвѣтовъ какъ можно меньше. Между прочимъ, китайскій банкъ въ Улясутаѣ и такой же банкъ въ Ургѣ носятъ названіе правительственныхъ. Ургинскій банкъ, находящійся въ Ургинскомъ Маймаченѣ, имѣетъ и соотвѣтствующую надпись на англійскомъ языкѣ: „The government Ta—Ching Bank". Улясутайскій банкъ по монгольски называется „Хубу-Янханъ", что означаетъ его принадлежность къ министерству финансовъ. Но по свѣдѣніямъ русскихъ, эти банки имѣютъ только кличку правительственныхъ, на самомъ же дѣлѣ они—частные. Въ консульствахъ мы не могли получить опредѣленныхъ свѣдѣній по этому вопросу. Въ банкахъ же сами директоры отвѣчали на вопросъ о характерѣ ихъ банка уклончиво.

По классификаціи Коха эти банки относятся къ разряду мѣстныхъ банковъ. Они выпускаютъ свои банкноты, которыя имѣютъ чисто мѣстный характеръ и въ другихъ областяхъ и районахъ совершенно не принимаются. На билетахъ, достоинствомъ въ 1 долларъ или въ 5 долларовъ, имѣются надписи на англійскомъ и китайскомъ языкахъ и подписи отъ руки. Валюта билетовъ—серебряная, т. е. по предъявленіи ихъ въ кассу банка послѣдній обязы-

вается выдать равное количество серебряныхъ долларовъ, о которыхъ мы уже говорили въ главѣ о деньгахъ. Въ Улясутаѣ банковые билеты въ ходу только между китайцами; русскіе по возможности ихъ не принимаютъ, хотя у нѣкоторыхъ русскихъ мы видѣли запасы этихъ денегъ. Въ Ургѣ наоборотъ —русскіе всѣ охотно принимаютъ китайскіе билеты и вымѣниваютъ на нихъ русскія деньги. Такъ какъ торговый оборотъ цѣликомъ перешелъ въ Ургѣ на доллары, то русскіе въ интересахъ простого удобства вынуждены, конечно, брать банковые билеты. Но этимъ русскіе, безъ сомнѣнія, поддерживаютъ китайскій банкъ, который, почти по единогласному свидѣтельству многихъ русскихъ, въ началѣ своей дѣятельности совершенно не имѣлъ металлическаго покрытія для выпущенныхъ банкнотъ, и банкноты внѣдрялись въ оборотъ по личному довѣрію къ банку. Да и въ настоящее время врядъ ли ургинскій банкъ имѣетъ надлежащее покрытіе для своихъ билетовъ и предъявленіе къ размѣну на серебро значительной массы билетовъ, по всей вѣроятности, поставило бы это кредитное учрежденіе въ большое затрудненіе. Но хаосъ монгольскаго денежнаго обращенія настолько непріятенъ для торговли, что она ищетъ какого-либо выхода изъ этого положенія и поэтому, закрывая глаза на многое, беретъ сомнительные банковые билеты. Было недавно въ Ургѣ время, когда тамъ полными правами гражданства пользовались русскіе кредитные билеты и серебряные рубли. Но говорятъ, что ургинское отдѣленіе Русско-китайскаго банка отказывалось принимать серебряные рубли по номинальной ихъ стоимости и учитывало ихъ по курсу серебра чѣмъ и вытѣснило ихъ изъ оборота. Теперь „долларъ" и даже бумажный безраздѣльно господствуетъ въ Ургѣ.

Когда русскій имѣетъ дѣло съ китайскими долларами или банкнотами, то онъ естественно переводитъ ихъ на русскія деньги, считая долларъ по 85 коп. или ниже, смотря по курсу. Передавали, что въ первое время послѣ появленія этихъ долларовъ при сдѣлкахъ русскихъ съ китайцами происходили большія недоразумѣнія, такъ какъ разсчетъ на рубли и доллары могъ совершаться при помощи двухъ пріемовъ. Предположимъ, что курсъ доллара по русскому счету стоитъ на 80 коп. Русскій при своихъ разсчетахъ съ китайцемъ предлагаетъ считать или сто рублей за 120 долларовъ, или 1 долларъ за 80 коп. Такъ какъ на первый взглядъ между обѣими формами разсчета нѣтъ никакой разницы, то иногда русскимъ удавалось провести китайца. Допустимъ, что китаецъ долженъ получить съ русскаго 960 долл. Платежъ совершается русскими деньгами. Если будетъ принятъ разсчетъ 100 рублей равны

120 долларамъ, то китаецъ получитъ 800 рублей. Если же русскій настоитъ на разсчетѣ 1 доллара по 80 коп., то 960, помноженное на 80, дадутъ 768 р., и китаецъ не дополучитъ 32 рублей. Передавали, что иногда при разсчетахъ на 10 тыс. рублей китайцы не догадывались сразу о разницѣ въ разсчетѣ и потомъ со слезами просили доплаты къ невѣрному разсчету.

Китайскіе банки, работающіе, какъ видимъ, за счетъ дарового капитала, такъ какъ ихъ банкноты обезпечены сомнительно, конечно, поддерживаютъ китайскую торговлю и стоятъ совершенно въ сторонѣ отъ русской торговли. Банки выдаютъ ссуды подъ векселя, снабженные подписью и печатью должника и обязательно поручителя. Ссуды выдаются изъ 10—12%%, причемъ банкъ не практикуетъ переср очекъ, что не можетъ не вліять на медленное развитіе его активныхъ операцій.

Другая категорія китайскихъ банковыхъ учрежденій въ Монголіи занята въ области хошуннаго кредита. Это—крупнѣйшія китайскія фирмы, имѣющія у себя банковыя отдѣленія. Мы уже говорили объ этихъ китайскихъ фирмахъ, ихъ дѣятельность подробно описана въ русской литературѣ, въ капитальномъ трудѣ проф. Позднѣева. Банкирскія фирмы, ссужающія хошуны, въ то же время играютъ роль старинныхъ европейскихъ финансье. При помощи кредита у этихъ фирмъ, монгольскія и китайскія власти взыскиваютъ съ монголовъ общественныя повинности. Фирма даетъ администраціи опредѣленную сумму и затѣмъ по порученію властей взыскиваетъ ее путемъ разверстки съ отдѣльныхъ хошуновъ, при чемъ беретъ съ тѣхъ же монголовъ и проценты по выданной ссудѣ. Посредничество этихъ фирмъ обусловлено тѣмъ обстоятельствомъ, что администрація имѣетъ нужду въ деньгахъ, а съ монголовъ можно собрать только сырье. Поэтому банкирская фирма, напр., Да-шэн-куй или Пасутай, даютъ администраціи серебро, а сами взыскиваютъ съ монголовъ сырьемъ. Эти фирмы, держащія въ своихъ рукахъ весьма многіе хошуны, безнадежно запутанные въ долговыхъ счетахъ, въ Монголіи являются отдѣленіями крупнѣйшихъ внутреннихъ китайскихъ фирмъ. Черезъ руки такихъ фирмъ проходитъ главная масса сырья. Вся Монголія опутана, какъ сѣтью, отдѣленіями и приказчиками банкирскихъ фирмъ. Фирмы дѣлаютъ блестящія дѣла, потому что на ихъ сторонѣ сила, которая въ Монголіи дѣлаетъ все. Монголы стонутъ и раззоряются подъ игомъ этихъ китайскихъ финансье. Финансье же намъ жаловались на то, что за послѣдніе годы дѣла идутъ все хуже и хуже,—и этимъ жалобамъ можно повѣрить, такъ какъ весьма многіе хошуны обобраны уже до послѣдней нитки.

„Правительственные" банки въ Монголіи, работающіе на счетъ эмиссіи, обыкновенно, финансирують среднюю и мелкую торговлю, которая является главнымъ агентомъ по сбыту мануфактуръ. Банкирскія фирмы второй категоріи занимаются по преимуществу выдачей ссудъ подъ сырье. Слѣдовательно, китайскіе банки въ современной Монголіи съ двухъ сторонъ угрожаютъ и прямо сокращаютъ русскую торговлю: и со стороны ввоза, и со стороны вывоза. И этой угрожающей силѣ русскіе ничего не противопоставили; наоборотъ—убрали послѣдній оплотъ для своихъ интересовъ.

За послѣднія десятилѣтія въ Россіи очень обострился вопросъ объ экспортѣ. Условія для развитія промышленности сложились такимъ образомъ, что намъ потребовались внѣшніе рынки въ то время, когда съ Запада все еще въ огромныхъ размѣрахъ ввозятся въ Россію фабрикаты и полуфабрикаты для массового потребленія. Русское производство развивается медленно; во многихъ случаяхъ оно не покрываетъ внутренняго спроса и тѣмъ не менѣе существующія производства, вслѣдствіе ненормальнаго положенія внутренняго рынка, уже сильно нуждаются въ внѣшнихъ рынкахъ. Естественно, что внѣшніе рынки для сбыта продуктовъ нашей обрабатывающей промышленности мы должны были искать не на Западѣ, а на Востокѣ, въ тѣхъ странахъ, культура которыхъ развивается медленнѣе, чѣмъ въ Россіи. У насъ были настойчивые и болѣзненные потуги и порывы къ развитію и усиленію нашего экспорта. Но до сихъ поръ эти потуги особымъ успѣхомъ не увѣнчались: экспортъ носитъ довольно случайный характеръ, часто онъ невыгоденъ казнѣ, невыгоденъ народному хозяйству въ его цѣломъ и—что еще важнѣе для экспорта, какъ таковаго—до сихъ поръ нѣтъ твердой базы для развитія русской экспортной торговли. На Востокѣ не только нѣтъ замѣтнаго роста нашего экспорта, но тамъ повсюду мы встрѣчаемся съ сильными конкуррентами, которые угрожаютъ уже занятымъ нами позиціямъ.

Не смотря на то, что русская экономическая политика замѣтно интересовалась экспортомъ, все-таки въ области этого вопроса было сдѣлано очень немного: организація экспорта почти отсутствуетъ. У насъ не было выработано системы тѣхъ вспомогательныхъ учрежденій, которыя облегчаютъ экспортъ и укрѣпляютъ его. Въ западно-европейскихъ государствахъ, кровно заинтересованныхъ въ экспортѣ, выработана цѣлая сѣть организацій, содѣйствующихъ экспорту, и среди этихъ вспомогательныхъ организацій первое мѣсто по справедливости занимаютъ банки, такъ

называемые заморскіе банки, оказавшіе экспортной торговлѣ весьма существенныя услуги. Поэтому остается только выразить сожалѣніе по поводу равнодушнаго отношенія русскихъ банковъ къ судьбамъ русско-монгольской торговли.

VI. Виды торговыхъ предпріятій въ Монголіи.

Въ Монголіи господствуетъ тотъ типъ торговыхъ предпріятій, который распространяетъ свои операціи на возможно большую территорію и входитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ населеніемъ на мѣстахъ его жительства. Почти всѣ торговыя предпріятія имѣютъ по нѣскольку отдѣленій въ хошунахъ, а иногда даже и ограничиваются торговлей въ хошунахъ. Если предпріятіе имѣетъ городскую лавку, то послѣдняя играетъ второстепенную роль, являясь по преимуществу мѣстомъ стягиванія закупленнаго по хошунамъ сырья и рассылки по хошунамъ привезенныхъ товаровъ. Имѣя дѣла въ хошунахъ, купцы проникаютъ вглубь страны и пріобрѣтаютъ сильное экономическое вліяніе на населеніе.

Въ противоположность этому типу въ Ургѣ до послѣдняго времени русская торговля имѣла концентрированный характеръ и ограничивалась устройствомъ въ городѣ лавокъ, въ которыя и ожидались покупатели. Благодаря большому притоку богомольцевъ въ священную для монголовъ Ургу, русскіе купцы не могли пожаловаться на недостатокъ сбыта, но этотъ сбытъ носилъ пассивный характеръ. Всего въ Ургѣ существуетъ 14 лавокъ русскихъ купцовъ. Подъ вліяніемъ купечества Западной Монголіи характеръ ургинской торговли началъ въ послѣднее время измѣняться. Бійскіе купцы сдѣлали ургинцевъ своими комиссіонерами по закупкѣ сырья и подвинули ихъ къ въѣздамъ въ хошуны.

И новѣйшія попытки оживить русскую торговлю въ Восточной Монголіи вращаются главнымъ образомъ въ области проектовъ созданія городскихъ центровъ торговли. Такъ, по мысли представителя Московской фирмы Циндёля проектируется устройство при поселкѣ около станціи Манчжурія Китайской желѣзной дороги особаго караванъ-сарая. Въ немъ должны быть помѣщены разныя учрежденія: складъ русскихъ товаровъ, складъ монгольскаго сырья, скотопригонный дворъ, гостинница для монголовъ, ламаитскій монастырь съ кумирней и квартирами для ламъ и отдѣленіе банка —Харбинскаго общества взаимнаго кредита. Для постройки караванъ-сарая желѣзная дорога отводитъ безплатно участокъ земли, а московскіе и мѣстные купцы ассигнуютъ 10.000 руб. Иниціаторы дѣла предполагаютъ, что устройство монгольскаго монастыря

Отдѣленіе Ассанова въ Кобдо.

Лавка Бодунова въ Улясутаѣ.

Отдѣленіе фирмы Бодунова на Эдерѣ.

Факторія Минина на Хунгуѣ.

привлечетъ набожное монгольское населеніе и вызоветъ развитіе торговыхъ операцій.

По численности въ Монголіи преобладаютъ въ настоящее время китайскіе купцы, хотя статистики ихъ привести невозможно. Русскихъ торговыхъ предпріятій можно считать для сѣверной Монголіи свыше 100, въ Сойотіи до 70. Что касается монголовъ, то экспедиція не встрѣтила ни одного самостоятельнаго торговца изъ монголовъ и не слыхала о таковыхъ, за исключеніемъ одного случая. Именно довѣренный купца Мишина разсказывалъ объ единственномъ извѣстномъ ему монголѣ, который ведетъ въ крупныхъ размѣрахъ торговлю на собственный капиталъ, имѣетъ шерстомойку, транспортируетъ шерсть въ Кошъ-Агачъ, а скотъ къ Иркутску.

Всѣ торговыя предпріятія въ Монголіи и Сойотіи, русскія и китайскія, бываютъ двухъ родовъ: крупныя оптово-розничныя и мелкія предпріятія.

Къ первому типу относятся большія фирмы, оперирующія сотнями и десятками тысячъ рублей и имѣющія свое средоточіе въ Кобдо, Улясутаѣ, Ургѣ, Кяхтѣ, Уланкомѣ, въ Чжакулѣ и на Кемчикѣ. По большей части русскія фирмы имѣютъ свои постоянныя конторы въ городахъ Сибири, какъ то въ Бійскѣ, Минусинскѣ, Иркутскѣ и въ селѣ Усинскомъ. Китайскія же фирмы, торгующія въ Монголіи и Сойотіи, имѣютъ свои центры въ Пекинѣ, Калганѣ и Куку-Хото; впрочемъ, у нѣкоторыхъ китайскихъ фирмъ главныя конторы находятся въ Ургинскомъ и Кяхтинскомъ маймаченѣ.

Крупныя русскія фирмы сосредоточили въ настоящее время свою главную дѣятельность на скупкѣ въ широкомъ масштабѣ монгольскаго сырья. Онѣ дѣйствуютъ частью черезъ свои отдѣленія по хошунамъ, частью непосредственными торговыми сношеніями съ тѣми туземцами, которые обращаются въ ихъ городскія отдѣленія, частью же пользуясь посредничествомъ китайскихъ купцовъ и мелкихъ русскихъ торговцевъ, которые перепродаютъ имъ собранныя партіи сырья. Существующія въ Монголіи крупныя иностранныя фирмы занимаются исключительно скупкой сырья и не продаютъ никакихъ товаровъ.

Всѣ эти фирмы работаютъ главнымъ образомъ своимъ собственнымъ капиталомъ, дополняемымъ кредитомъ изъ банковъ и иногда кредитомъ крупныхъ китайскихъ купцовъ.

Въ городахъ и мѣстечкахъ Монголіи и Сойотіи эти фирмы имѣютъ свои конторы, куда доставляется сырье и откуда развозятся товары, поскольку ими торгуетъ фирма.

Кромѣ того почти всѣ фирмы имѣютъ отдѣленія по хошунамъ, въ которыхъ торгуютъ приказчики. Задача этихъ отдѣленій заключается въ приближеніи русской торговли къ мѣстному населенію. Хошунныя отдѣленія снабжаются комплектомъ товаровъ, сбываемыхъ монголамъ, а также наличными деньгами и должны путемъ кредитныхъ сдѣлокъ или наличными покупками собирать сырье или скотъ среди жителей данной округи.

Отдѣленія крупныхъ фирмъ устраиваются также при монгольскихъ монастыряхъ (хурэ). Сюда стекаются многочисленные богомольцы, здѣсь бываютъ по нѣсколько разъ въ году праздники, привлекающіе массу паломниковъ. Эти пріѣзжіе, а также и монахи монастыря являются покупателями въ мѣстныхъ лавкахъ. Такъ, напр., при небольшой хурэ Намюръ на рѣчкѣ Намюръ въ Западной Монголіи въ 12 верстахъ отъ озера Хара-Усу, имѣется двѣ китайскихъ лавки. Онѣ торгуютъ китайскими товарами и скупаютъ какъ за товары, такъ и за деньги шерсть, кожи и скотъ.

При Ганчжурскомъ ламаитскомъ монастырѣ, расположенномъ въ ста съ небольшимъ верстахъ отъ нашей пограничной станціи Манчжурія въ восточной части Монголіи, ежегодно въ августѣ бываетъ большая ярмарка, на которой бываетъ очень много монголовъ и китайцевъ.

Въ Дайчинъ-ванъ хурэ существуетъ 30 китайскихъ и 3 русскихъ лавки.

Отдѣленія въ хошунахъ и хурэ бываютъ болѣе или менѣе прочными, смотря по тому, какъ устроены ихъ помѣщенія. Въ однихъ случаяхъ купцамъ удается выхлопотать отъ мѣстныхъ властей разрѣшеніе на возведеніе постоянныхъ, хотя и незамысловатыхъ глинобитныхъ построекъ. Тогда отдѣленіе получаетъ вполнѣ осѣдлый характеръ. Въ другихъ случаяхъ отдѣленіе помѣщается въ юртѣ или въ нѣсколькихъ юртахъ, иногда обнесенныхъ оградой; здѣсь оно функціонируетъ, по большей части, только въ теченіе торговаго сезона, съ весны до начала зимы, и затѣмъ закрывается, а приказчикъ ѣдетъ въ Россію на зиму.

Иногда крупныя фирмы устраиваютъ просто временныя палатки или юрты въ хошунахъ, которыя расторговываются привезенными товарами, „задаютъ“ мѣстныхъ монголовъ и закрываются съ тѣмъ, чтобы по наступленіи срока платежа приказчикъ снова пріѣхалъ за полученіемъ договореннаго сырья.

Наконецъ, крупныя фирмы разсылаютъ по хошунамъ и странствующихъ приказчиковъ, отчасти съ товарами, но больше съ деньгами для раздачи въ кредитъ за обязательства поставки сырья, или для наличныхъ покупокъ этого сырья, или, наконецъ, для собира-

Факторія Бусыгина на Муринѣ.

Русская лавка недалеко отъ Кошъ-Агача.

Факторія Киселева на р. Дзанхынѣ.

Общій видъ Улясутая.

нія старыхъ долговъ. Такіе кочующіе торговцы имѣютъ большое значеніе въ дѣлѣ сбыта товаровъ, замѣняя отсутствующія въ Западной половинѣ Монголіи ярмарки.

Существуютъ двѣ системы веденія отдѣленій. Первая заключается въ томъ, что для всѣхъ товаровъ и для ланового серебра хозяинъ устанавливаетъ прейсъ-курантъ минимальныхъ цѣнъ, которыя во всякомъ случаѣ должны быть выручены приказчикомъ. Для закупокъ сырья на деньги устанавливается точно также максимумъ цѣны. Расходы же по перевозкѣ товаровъ, по содержанію отдѣленія и по жалованью самого приказчика и другихъ служащихъ должны выручаться изъ того излишка, какой удастся приказчику получить при торговыхъ операціяхъ съ туземцами (какъ говорятъ въ Монголіи, должны быть „заторгованы"). Это—наиболѣе часто практикуемая система.

Другой порядокъ состоитъ въ томъ, что хозяинъ принимаетъ на себя жалованье и содержаніе приказчика, расходы транспорта товаровъ и вообще всѣ издержки по содержанію отдѣленія, а приказчику назначаетъ такой прейсъ-курантъ цѣнъ на продаваемые и покупаемые товары, который долженъ покрыть всѣ расходы и дать торговую прибыль.

Вторая система, конечно, гораздо болѣе удобна для приказчиковъ. Она гарантируетъ имъ ихъ существованіе и освобождаетъ отъ необходимости всячески взвинчивать цѣны и иногда прибѣгать даже къ недобросовѣстнымъ торговымъ пріемамъ (напр., обмѣриванію, обвѣшиванію) для того, чтобы только выручить требуемую хозяиномъ цѣну и покрыть всѣ расходы отдѣленія.

Персоналъ у крупныхъ фирмъ въ Монголіи состоитъ изъ довѣренныхъ, завѣдующихъ всѣмъ дѣломъ или его отдѣленіями, а изъ второстепеннаго персонала—приказчиковъ, конторщиковъ и рабочихъ.

Общій обликъ большинства не только служащихъ, но и самихъ хозяевъ не отличается высокой культурностью. Большинство почти не имѣютъ образованія, сплошь и рядомъ едва грамотны, плохо ведутъ торговыя книги, не имѣютъ представленія о бухгалтеріи и, если знаютъ монгольскій языкъ практически, то во всякомъ случаѣ не умѣютъ ни читать, ни писать по монгольски. Немало встрѣчается въ Монголіи пьянства и разврата, компрометтирующихъ русское имя.

Одинъ изъ крупныхъ коммерсантовъ такъ характеризуетъ культурный уровень купечества: „Надо признаться, что торгующіе въ Монголіи русскіе, дѣйствительно, поголовно невѣжественны; достаточно указать, что среди насъ всѣхъ найдется никакъ не бо-

двѣ десятка людей, кончившихъ городское училище, получившихъ среднее образованіе нѣтъ вовсе. Большинство хозяевъ и приказчиковъ едва умѣютъ написать свою фамилію. На службу въ Монголію идутъ только такіе, которыхъ никто не хочетъ взять въ Россіи изъ-за грубости, пьянства и другихъ пороковъ".

При знакомствѣ съ русскими мы не замѣтили въ нихъ духовныхъ интересовъ. Почти никто не выписываетъ ни газетъ, ни книгъ, даже спеціально коммерческихъ. Никакихъ культурныхъ формъ общенія между русскими не существуетъ въ Монголіи. Нѣтъ даже культурныхъ развлеченій. Все ограничивается интересами наживы, возможно большей и скорѣйшей. Это объясняется отчасти тѣмъ, что всѣ пріѣзжіе въ Монголію смотрятъ на свое пребываніе тамъ, какъ на временное, живутъ на бивуакахъ, не задаваясь цѣлью обставить жизнь получше и поинтереснѣе.

Довѣренные крупныхъ фирмъ получаютъ большія жалованья, доходящія до 3—4 тысячъ и болѣе. Обычно довѣренный вырабатывается изъ прежнихъ приказчиковъ, выдвинувшихся смѣткой и торговой ловкостью и оборотливостью.

Приказчиками у русскихъ купцовъ служатъ по преимуществу русскіе же, которые ѣдутъ на службу въ Монголію изъ Бійскаго и Минусинскаго уѣздовъ, а на Востокѣ изъ Иркутской губерніи и Забайкальской области. Главная масса приказчиковъ—молодые люди безъ образованія, которые отправляются въ Монголію въ разсчетѣ сдѣлать карьеру и нажить деньги. Подъучившись монгольскому языку и пріобрѣвъ нѣкоторые торговые навыки, они уже считаютъ себя заправскими коммерсантами и требуютъ повышеннаго вознагражденія. Обычно русскій приказчикъ не интересуется процвѣтаніемъ фирмы, а видитъ свои выгоды только въ томъ, что онъ съумѣетъ „урвать" съ мѣстнаго населенія въ то время, пока онъ находится на службѣ. Отсюда разнообразныя злоупотребленія, прижимки, насилія и другія безобразія, какія позволяютъ себѣ приказчики, не сдерживаемые ни внѣшними рамками, ни внутреннимъ сознаніемъ, ни хозяиномъ, обычно принужденнымъ махнуть рукой на продѣлки приказчика.

Средній размѣръ годового жалованья русскаго приказчика въ Монголіи не менѣе 500—600 руб., но иногда онъ поднимается до 800—900 руб. При этомъ, обычно, содержаніе идетъ отъ хозяина. Лошадь для разъѣздовъ полагается точно также отъ хозяина, иногда сапоги.

Кромѣ русскихъ встрѣчаются также приказчики-монголы. По большей части они играютъ роль второстепенныхъ агентовъ, разъѣзжающихъ по хошунамъ съ весны до осени съ небольшимъ

запасомъ товаровъ или нѣкоторой суммой денегъ для наличныхъ закупокъ и для выдачи ссудъ. Обычно товары отпускаются имъ по опредѣленному прейсъ-куранту. Довольно часто монголы употребляются въ качествѣ странствующихъ приказчиковъ для собиранія долговъ. Жалованье такихъ приказчиковъ изъ монголовъ гораздо скромнѣе: отъ 12 до 20 руб. съ содержаніемъ отъ хозяина.

Конторщики встрѣчаются только въ самыхъ крупныхъ фирмахъ, ведущихъ дѣла съ правильно функціонирующей конторой. Число ихъ въ Монголіи незначительно. Обычно они немного знаютъ бухгалтерію и веденіе торговыхъ книгъ. Жалованье ихъ нѣсколько выше жалованья приказчиковъ.

Иначе поставленъ приказчичій вопросъ у китайскихъ купцовъ. Служащіе послѣднихъ заинтересовываются въ дѣлѣ тѣмъ, что по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ дѣлаются пайщиками или компаніонами предпріятія, получая въ немъ, смотря по своимъ заслугамъ и талантамъ, отъ 1 до 4 паевъ въ доходѣ дѣла. Вотъ почему почти каждый мальчикъ, служащій въ китайской торговлѣ, считаетъ себя неразрывно связаннымъ съ интересами самой фирмы и работаетъ въ ней съ совершенно другимъ настроеніемъ, чѣмъ русскій приказчикъ русской фирмы. Благодаря этому, китайскіе приказчики довольствуются гораздо болѣе скромнымъ жалованіемъ и содержаніемъ. Приказчикъ крупной китайской фирмы получаетъ по 50—60 руб. въ годъ жалованье и до 100 руб. на содержаніе, мальчики получаютъ отъ 15 до 35 руб. въ годъ.

Въ Улясутайскомъ округѣ русскіе приказчики одной фирмы обратились къ хозяину съ просьбой установить взаимныя отношенія по китайскому образцу. Это предложеніе шло въ разрѣзъ со всѣми традиціями русскаго купечества и фирма ограничилась повышеніемъ жалованья служащихъ взамѣнъ участія въ прибыляхъ.

Другая категорія торговыхъ предпріятій въ Монголіи—это самостоятельныя предпріятія мелкихъ и среднихъ торговцевъ по хошунамъ и городамъ Монголіи. Очень часто такія предпріятія основываются прежними приказчиками, которые познакомились съ условіями мѣстной торговли, сколотили небольшой капиталъ и ищутъ счастья въ собственномъ дѣлѣ. Эта группа торгующихъ можетъ быть раздѣлена на двѣ категоріи: имѣющихъ собственный, хотя и небольшой капиталъ, и работающихъ преимущественно занятымъ капиталомъ.

Первыхъ сравнительно немного. Приказчикъ не въ состояніи скопить нужный капиталъ сбереженіями и при благопріятныхъ условіяхъ получаетъ капиталъ извнѣ—наслѣдствомъ или женить-

бой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ въ Монголію ѣдетъ мелкій капиталистъ попытать счастія. По большей части мелкіе торговцы вынуждены широко пользоваться кредитомъ для полученія нужныхъ товаровъ и для снабженія себя серебромъ или бумажными деньгами на скупку сырья. Наиболѣе солидные торговцы учитываютъ векселя въ банкахъ приграничныхъ городовъ Россіи съ бланкомъ какой-нибудь крупной фирмы. За это они обязываются поставлять этой фирмѣ собираемое въ Монголіи сырье. Въ другихъ случаяхъ торговцы забираютъ въ Бійскѣ, Минусинскѣ, Усинскомъ и др. мѣстахъ товары, которые они везутъ въ Монголію или Сойотію. Эти товары ставятся имъ по повышенной оцѣнкѣ. Точно также отдается имъ по повышенной оцѣнкѣ и кредитуемое лановое серебро. Напр., въ Бійскѣ ланъ серебра записывается должнику по 1 руб. 70 коп. вмѣсто 1 руб. 25 коп., которые онъ стоитъ сейчасъ на рынкѣ. Одинъ русскій торговецъ на Дзапхынѣ, забирая серебро въ долгъ, получалъ его по 1 руб. 50 коп.—1 руб. 70 коп. за ланъ. Это составляетъ 36%. Кредитуются мелкіе купцы у большихъ фирмъ и въ самой Монголіи, когда идетъ торговый сезонъ и когда у нихъ оказывается недохватка въ оборотныхъ средствахъ. За это они тоже обязываются оказавшему услугу поставкой собраннаго сырья. Раньше мелкіе торговцы забирали у крупныхъ купцовъ и различные товары. Такъ, напр., оптовая фирма Бодунова, закупая русскіе товары изъ первыхъ рукъ, отпускала ихъ русскимъ торговцамъ въ Монголіи. Въ 1902 г. этотъ отпускъ равнялся 170.000 руб., а теперь онъ равенъ всего 25.000 руб.

Такимъ образомъ мелкое купечество, оперирующее въ Монголіи и Сойотіи, при пользованіи кредитомъ закабаляетъ себя тяжелыми условіями: высокимъ процентомъ денежной ссуды, высокими цѣнами забираемыхъ товаровъ или, наконецъ, обязательствомъ поставки собираемаго сырья по пониженнымъ цѣнамъ. На это послѣднее обстоятельство намъ неоднократно жаловались мелкіе торговцы. Напр., сырье, принимаемое отъ нихъ, расцѣнивается дешевле, чѣмъ при пріемѣ отъ китайскихъ скупщиковъ. Въ видѣ примѣра можно привести случай, когда въ Сойотіи русскіе оптовики принимали рябчиковъ отъ русскихъ по 18 коп., въ то время какъ китайцамъ они платили по 20—25 коп. Вотъ почему экономическое положеніе этой группы торгующихъ не особенно блестяще. „Мы задушили мелкую торговлю своимъ товарнымъ кредитомъ“, говорилъ намъ представитель одной крупной фирмы. Въ лучшемъ случаѣ мелкому торговцу удается сохранить въ свою пользу разницу между цѣной поставки сырья и цѣной покупки его у населенія. Только въ послѣднее время иностранныя фирмы (Бедерманъ, Гутбецаль) начали выдавать мелкимъ торговцамъ денежные задатки подъ

сырье съ обязательствомъ поставки его по рыночнымъ цѣнамъ въ моментъ поставки. Это вызываетъ огромное раздраженіе среди крупныхъ русскихъ скупщиковъ, изъ рукъ которыхъ начинаютъ уходить мелкіе торговцы.

Сплошь и рядомъ мелкіе торговцы изнемогаютъ подъ тяжестью оказываемаго имъ кредита и съ трудомъ выбираютъ изъ торговаго оборота тѣ суммы, которыя они должны отдать кредитору. Въ послѣдніе годы имѣлъ мѣсто рядъ банкротствъ такихъ торговцевъ.

Между тѣмъ экономическая роль мелкой торговли въ Монголіи и Сойотіи весьма важна. Разбѣянность кочующаго населенія приводитъ къ тому, что господствующимъ типомъ торговли должна быть въ этихъ странахъ мелкая лавка. Крупная фирма, желавшая заниматься продажей товаровъ, неизбѣжно должна была или основывать рядъ отдѣленій по хошунамъ или кредитовать товарами мелкихъ купцовъ. Теперь крупныя фирмы забрасываютъ торговлю привозимыми съ собой товарами, которая остается главнымъ образомъ на рукахъ болѣе мелкихъ торговцевъ. Послѣдніе выполняютъ теперь важную функцію распространенія русскихъ товаровъ среди туземнаго населенія. Въ виду такого значенія мелкой торговли послѣдняя заслуживаетъ возможной поддержки и содѣйствія.

Слѣдуетъ отмѣтить появленіе въ послѣднее время во всей Монголіи скупщиковъ-иностранцевъ, въ особенности нѣмцевъ. Иностранныя фирмы, торгующія шерстью и пушниной, открываютъ свои отдѣленія въ Кобдо, Улясутаѣ, Ургѣ и даже въ хошунахъ, куда назначаютъ обычно русскихъ приказчиковъ. Послѣдніе производятъ скупку сырья параллельно русскимъ купцамъ, создавая послѣднимъ серьезную конкурренцію. По крайней мѣрѣ, въ 1910 г. именно эти иностранныя фирмы болѣе всего поднимали цѣны на сурка и отчасти на шерсть.

Русскіе купцы, согласно Китайскому договору, свободны отъ какихъ-либо налоговъ и сборовъ въ Монголіи. Они дѣлаютъ только подарки мѣстнымъ китайскимъ и монгольскимъ властямъ, когда нуждаются въ ихъ содѣйствіи и помощи. Обычно подарки дѣлаются при основаніи дѣла, при открытіи новаго отдѣленія, при предъявленіи паспортовъ для прописки, при просьбахъ о взысканіи долговъ и т. п.

Такъ, напр., одинъ купецъ въ хошунѣ Уранхай-Да около Толбонура, открывъ отдѣленіе въ маѣ 1910 года, поѣхалъ къ мѣстному князю и отвезъ ему подарковъ на 30 рублей. Ежегодные подарки брата этого купца, торгующаго въ томъ же районѣ, состоятъ въ бутылкѣ коньяку, отрѣзѣ сукна. Одинъ Улясутайскій купецъ посылалъ князю ежегодно по нѣскольку бутылокъ шампанскаго. Наиболѣе частая форма подарка—кусокъ сукна на халатъ.

Глава IV.

Вывозъ товаровъ въ Монголію.

Роль иностранной торговли въ такой первобытной скотоводческой странѣ, какъ Монголія, весьма существенна, такъ какъ она снабжаетъ населеніе издѣліями, не вырабатываемыми на мѣстѣ. На вопросъ одного изъ членовъ экспедиціи, заданный монголу: „Что вы покупаете“, онъ отвѣчалъ: „все, кромѣ кочмы и соли, такъ какъ сами ничего не умѣемъ дѣлать“.

Кромѣ того, купцы, явившіеся въ Монголію съ своими товарами, сослужили и положительную культурно-экономическую службу краю: они познакомили мѣстное населеніе съ цѣлымъ рядомъ новыхъ товаровъ, вызвали потребленіе ихъ въ населеніи и тѣмъ дали толчекъ къ развитію производительныхъ силъ страны, необходимому въ цѣляхъ оплаты покупаемыхъ товаровъ.

Въ силу спроса со стороны торговцевъ монголы и сойоты стали разводить скотъ на продажу, стали собирать шерсть, которая раньше шла у нихъ только на выдѣлку домашняго войлока, стали добывать въ большомъ количествѣ сурка и прочую пушнину, сойоты стали выдѣлывать топленое масло и бить рябчиковъ. Спросъ торговцевъ поднялъ цѣны монгольскаго сырья.

Благодаря торговлѣ, населеніе Монголіи стало получать крупный заработокъ на перевозкѣ товаровъ вьючными верблюдами или на телѣгахъ.

Насколько важно ознакомленіе населенія съ новыми предметами потребленія въ цѣляхъ завоеванія рынка, видно изъ многихъ примѣровъ. Такъ, монголы стали покупать эмальированную русскую посуду, мѣдные чайники, мѣдные тазики. Познакомившись съ употребленіемъ спичекъ, они стали покупать ихъ въ большомъ количествѣ. Среди ламъ, которые ходятъ съ бритой головой, распространяются машинки для стрижки волосъ и бритвы. Богатые монголы покупаютъ подзорныя трубы и бинокли, граммофоны, музыкальные ящики.

Объ успѣшномъ сбытѣ въ Монголіи русскихъ фабрикатовъ свидѣтельствуютъ примѣры, приводимые г. Сѣвскимъ въ его статьѣ въ „Торгово-Промышленной Газетѣ“ (№ 292 за 1910 г.). Спросъ на русскіе товары, говоритъ г. Сѣвскій, особенно поднялся послѣ посѣщенія Далай-Ламой города Урги, гдѣ монголы встрѣтились съ своими единоплеменниками — бурятами и калмыками, подданными Россіи. Приходя въ непосредственное соприкосновеніе съ ни-

ми, монголы наглядно убѣдились въ доброкачественности многихъ русскихъ товаровъ. Это знакомство выразилось появленіемъ въ монгольскихъ кочевьяхъ русской эмальированной посуды, русскихъ сапогъ, ситцевъ, суконъ. Между прочимъ, одинъ чиновникъ (цзахирахчи) Сангкэ изъ хошуна Сань-Бэйсэ сталъ время отъ времени присылать свои обозы на станцію Манчжурія для закупки русской мануфактуры, посуды, спичекъ, табаку и др. и разсылать по своему хошуну для распродажи.

Конечно, процессъ внѣдренія товаровъ при посредствѣ купцовъ имѣлъ и отрицательныя стороны, уже отмѣченныя выше. Торговый капиталъ эксплоатировалъ мѣстное населеніе и своими ростовщическими пріемами выжималъ изъ него соки.

Среди вывозимыхъ въ Монголію товаровъ первое мѣсто занимаютъ хлопчатобумажныя ткани, составляющія главный матеріалъ для одежды монголовъ и сойотовъ. Мѣстное населеніе употребляетъ эти ткани какъ для верхнихъ халатовъ, такъ и для нижняго бѣлья.

Къ сожалѣнію, таможенная статистика не даетъ возможности подраздѣлить эти ткани по категоріямъ, давая только общія цифры вывоза въ Монголію.

Было вывезено изъ Россіи въ Монголію хлопчатобумажныхъ тканей въ пудахъ:

ГОДА.	по Кошъ-Агачской таможнѣ.	по Зайсанской таможнѣ.	по Успенской границѣ.	по Кяхтинской таможнѣ.
1891 . . .	147	1.875	1.063	4 989
1892 . . .	1.620	4.445	636	6.121
1893 . . .	2.480	7.947	467	3.567
1894 . . .	2.556	8.205	457	5.455
1895 . . .	2.496	12.844	425	7.665
1896 . . .	3.948	10.309	959	6.027
1897 . . .	3.162	6.341	1.014	7.552
1898 . . .	3.081	6.801	1.019	5.689
1899 . . .	2.440	8.594	1.191	7.536
1900 . . .	2.822	8.372	943	1.635
1901 . .	5.551	7.264	1.201	760
1902 . . .	8.868	8.757	1.687	10.863
1903 . . .	6.861	8.951	2.119	8.886
1904 . . .	1.850	7.932	1.642	6.260
1905 . . .	3.909	6.691	1.631	11.797
1906 . . .	4.014	8.055	1.473	14.863
1907 . . .	1.178	11.046	2.890	6.988
1908 . . .	2.280	10.034	1.090	3.331
1909 . . .	1.632	9.275		3.105
1910 . . .	1.672			

Экспортъ хлопчатобумажныхъ тканей въ Монголію черезъ Кошъ-Агачскую таможню возрасталъ до 1903 года; въ періодъ Китайской войны въ Монголіи не было китайскихъ купцовъ, и русскіе усиленно снабжали туземцевъ своими товарами. Увеличивается сбытъ бумажныхъ товаровъ и въ періодъ Русско-Японской войны. Затѣмъ вывозъ по этой границѣ начинаетъ падать въ силу сокращенія сбыта въ Монголіи русскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій. Точно также сокращается вывозъ этихъ издѣлій въ предѣлы Монголіи черезъ Кяхтинскую таможню, по мѣрѣ того какъ торговля чаемъ черезъ этотъ пунктъ стала падать.

Въ болѣе или менѣе неподвижномъ состояніи находится вывозъ бумажныхъ тканей по Усинской границѣ, хотя и здѣсь за послѣдніе годы замѣчается нѣкоторый его упадокъ.

Только по Зайсанской таможнѣ не только нѣтъ сокращенія вывоза въ предѣлы Китайскихъ владѣній бумажныхъ издѣлій, но даже замѣчается его ростъ. Этотъ районъ пока находится подъ господствующимъ экономическимъ вліяніемъ Россіи. Населеніе прилегающихъ мѣстностей, въ особенности киргизы, потребляетъ въ значительныхъ размѣрахъ также ситцы, которые не имѣютъ сбыта въ Монголіи въ собственномъ смыслѣ.

Хлопчатобумажные товары поступаютъ на Монгольскій рынокъ нѣсколькими путями. Съ одной стороны крупныя фирмы закупаютъ эти товары непосредственно съ фабрикъ промышленнаго района Европейской Россіи. Товаръ доставляется по желѣзной дорогѣ въ Омскъ, Ново-Николаевскъ, Красноярскъ, Вехнеудинскъ, откуда онъ передается водой или зимнимъ гужемъ къ пограничнымъ центрамъ торговли съ Монголіей.

Съ другой стороны нѣкоторыя крупныя, а въ особенности среднія фирмы закупаютъ товары въ кредитъ на Ирбитской и отчасти на Нижегородской ярмаркахъ. Сюда выѣзжаютъ представители фирмъ и дѣлаютъ нужные имъ запасы. Раньше эти ярмарки были наиболѣе важнымъ способомъ снабженія сибирскихъ купцовъ мануфактурой для торговли съ Монголіей. Въ Ирбитѣ сосредоточивалась вообще вся передаточная мануфактурная торговля Европейской Россіи съ Сибирью благодаря единственно выгодному пути по водѣ черезъ Каму, Туру и Тоболъ. Съ другой стороны для купцовъ Ирбитъ являлся одновременно и мѣстомъ сбыта собираемаго въ Монголіи серебра, пушнины и позже всякаго сырья.

Въ настоящее время значеніе Ирбитской ярмарки нѣсколько умалилось, но все же и сейчасъ она снабжаетъ часть торговцевъ, оперирующихъ въ Монголіи, нужными товарами и устанавливаетъ цѣны на монгольское сырье.

Для болѣе мелкихъ торговцевъ мѣстомъ закупки мануфактуры являются Бійскъ, Минусинскъ, Троицкосавскъ, Верхнеудинскъ. Здѣсь они вынуждены забирать товары отъ мѣстныхъ крупныхъ фирмъ, являющихся простыми передаточными инстанціями, наживающими при этомъ значительный процентъ. Въ Омскѣ мелкіе торговцы получаютъ товары отъ крупныхъ фирмъ центральной Россіи, устроившихъ спеціальные склады (такъ называемые „торговые ряды“).

Главной причиной сокращенія сбыта нашихъ хлопчатобумажныхъ тканей является ихъ вздорожаніе противъ англійскихъ и американскихъ тканей, ввозимыхъ въ Монголію китайскими купцами.

Возьмемъ далембу, грубую бумажную ткань, въ родѣ бумажнаго кашемира. Въ 90-ыхъ годахъ XIX столѣтія кусокъ далембы въ 8 арш. (такими кусками обычно продается далемба на халаты) продавался въ Монголіи приблизительно за 1 ланъ и 2 цена. При цѣнѣ серебра въ Россіи по 1.200—1.300 руб. за пудъ кусокъ русской далембы могъ продаваться дешевле китайской, именно около 9 ценовъ, что составляло на русскія деньги 2 руб. 25 коп. Съ паденіемъ цѣны серебра продажная цѣна куска далембы въ 1 ланъ и 1 ценъ реализуется теперь на русскія деньги въ гораздо меньшей суммѣ—отъ 1 руб. 25 коп. до 1 руб. 40 коп., но такая цѣна уже убыточна для русскихъ фабрикантовъ. Кромѣ того, издержки производства на русскихъ фабрикахъ, какъ утверждаютъ заинтересованныя лица, увеличились и не позволяютъ понизить цѣны для Монгольскаго рынка. Особенное вздорожаніе русскихъ тканей началось съ 1905 года.

Въ настоящее время въ Монголіи продается преимущественно американская и англійская далемба, которая привозится въ китайскіе порты въ суровомъ видѣ и затѣмъ окрашивается ручнымъ способомъ въ излюбленные монголами цвѣта въ небольшихъ китайскихъ мастерскихъ Калгана и другихъ городовъ. Ткани краснаго и желтаго цвѣтовъ покупаются ламами, ткани синяго цвѣта покупаются остальными монголами. Этотъ способъ окраски дѣлаетъ ткань на ощупь болѣе шероховатой, толстой и болѣе плотной, чѣмъ ткань, проглаженная на фабричной машинѣ. По сообщеніямъ печати, послѣ 1905 года вокругъ Шанхая и въ другихъ центрахъ внутренняго Китая китайцы стали строить хлопчатобумажныя фабрики какъ въ компаніи съ иностранцами, такъ и самостоятельно. Китайское производстро сократило ввозъ бумажныхъ тканей изъ Америки.

Монголы считаютъ иностранную далембу болѣе прочной, чѣмъ русскую. На разспросы экспедиціи монголы единодушно заявляли,

что иностранная ткань прочнѣе русской; халатъ изъ первой носится по 2 года и болѣе, а халатъ изъ второй—не болѣе одного лѣта. Одинъ монголъ около озера Шаръ-нуръ въ Западной Монголіи приводилъ даже мѣстную поговорку: „У китайцевъ хорошая далемба, у русскихъ—хорошее желѣзо и кожи". Возможно, что меньшая прочность русской ткани обусловливается фактомъ широкой продажи брака и плохихъ сортовъ второклассныхъ фабрикъ.

Цѣна далембы въ Монголии колеблется около 1 лана 2 ценовъ. По даннымъ торговаго дома Бодунова, китайская далемба стоитъ на Улясутайскомъ рынкѣ 1 руб. 20 коп.—1 руб. 25 коп. за кусокъ въ 8 арш., доходя въ рѣдкихъ случаяхъ до 1 руб. 40 коп. Докладная записка торговаго общества Улясутая, представленная русскому консулу, отмѣчаетъ продажную цѣну куска китайской далембы высшей доброты въ 1903 г.—1 руб. 35 коп. По свѣдѣніямъ купца Кузнецова, кусокъ китайской далембы продается въ Кобдо по 1 руб. 25 коп., а при покупкѣ въ кредитъ—по 1 руб. 40 коп. Одинъ мелкій торговецъ въ Кобдо пріобрѣталъ китайскую далембу въ 1910 г. по 1 руб. 45 коп. По даннымъ Кобдинской фирмы Ассанова, китайская далемба продавалась русскимъ купцамъ отъ 1 р. 25 к. (въ самомъ благопріятномъ случаѣ) до 1 руб. 37 коп. за кусокъ.

Между тѣмъ, русская далемба дороже указанныхъ цѣнъ. По даннымъ цитированной записки Улясутайскаго торговаго общества, въ 1903 г. цѣна на Московскомъ рынкѣ далембы фабрики Саввы и Захара Морозовыхъ равнялась 1 руб. 70 коп.—1 руб. 89 коп. Эта цѣна имѣетъ мѣсто и для городовъ Монголіи, такъ какъ стоимость провоза и другіе накладные расходы покрываются возвратомъ пошлины. По свѣдѣніямъ торговаго дома Второва, далемба Тверской мануфактуры второго сорта продавалась въ 1906—907 гг. по 1 руб. 70 коп. кусокъ, въ 1907—8 гг.—по 1 руб. 80 коп., а перваго сорта—по 2 руб. 25 коп. По даннымъ, полученнымъ нами въ Кобдо отъ фирмы Ассанова, кусокъ далембы Морозовской фабрики обходится въ Кобдо по 1 руб. 65 коп.

Для болѣе мелкихъ торговцевъ русская далемба обходится еще дороже. Напр., далемба Тверской мануфактуры 2-го сорта обходилась въ 1909 г. мелкимъ торговцамъ въ Кобдо не дешевле 2 руб. 30 коп.

И въ розничной продажѣ цѣны такъ наз. китайской и русской далембы неодинаковы. Приказчикъ одной фирмы, торгующій недалеко отъ границы Бійскаго уѣзда, обязанъ выручить за кусокъ китайской далембы 1 руб. 30 коп. По прейсъ-куранту 1910 года одной фирмы, торгующей въ мѣстности Хонго-Бельчиръ, приказчикъ ея

долженъ выручить за кусокъ китайской далембы не менѣе 1 руб. 60 коп.

Между тѣмъ приказчикъ фирмы въ Западной Монголіи, торгующій русской далембой, долженъ продавать ее не дешевле 2 руб. 50 коп. По торговымъ книгамъ одной фирмы средняго размѣра около Кобдо, въ 1907 г. русская далемба продавалась въ кредитъ за 2—2½ лана, т. е. не менѣе 2 руб. 60 коп.—3 руб. 20 коп.

По сообщенію довѣреннаго крупной русской фирмы Мокина въ Улапкомѣ, русская далемба закупается въ Бійскѣ по цѣнѣ 2 р. 20 коп. за кусокъ; если къ этой цѣнѣ присоединить расходы торговаго дѣла и торговую прибыль, то кусокъ русской ткани не можетъ продаваться дешевле 2 рублей 50 коп. Между тѣмъ цѣна куска китайской далембы установилась въ 2 чая, т. е. 1 руб. 50 коп. Вслѣдствіе этого, данная фирма почти совершенно прекратила заготовку товаровъ для продажи.

Какъ указываетъ Бяковъ, русская далемба обходится на Кемчикѣ въ Сойотіи не дешевле 2 руб. 25 коп. за кусокъ, тогда какъ китайцы продаютъ ее по 1 руб. 70 коп.—1 руб. 80 коп. Русскіе купцы предпочитаютъ закупать по такой цѣнѣ китайскую ткань и перепродавать ее сойотамъ за 2 руб. По сообщенію другого купца въ Сойотіи, китайская далемба продается тамъ за наличныя деньги по 1 р. 80 к., а русская далемба, стоющая себѣ въ Москвѣ 1 руб. 90 коп., а въ Сойотіи 2 руб. 15 коп., можетъ быть продаваема не дешевле 2 руб. 50 коп.

При обмѣнѣ далембы на сырье условія болѣе выгодны. Такъ, одинъ мелкій торговецъ въ Кобдо продавалъ кусокъ китайской далембы въ кредитъ на 8 мѣсяцевъ за 2 сурковъ, цѣна которыхъ была сначала 1 руб., а затѣмъ поднялась до 1 руб. 30 коп.—1 руб. 40 коп.

Разсчеты стоимости халата, по собраннымъ экспедиціей даннымъ, таковы:

Для изготовленія халата изъ русскихъ товаровъ требуется, напр.: 10 арш. молескина, стоимостью 3½ чая, бязи 12 арш. на подкладку, стоимостью 2½ чая, приклада—плисъ на обшлага, пуговицы и пр.—стоимостью 1 чай, итого халатъ стоитъ около 7 чаевъ. Халатъ изъ китайскихъ товаровъ обходится такъ: кусокъ далембы стоитъ 2½ чая, кусокъ дабы на подкладку 1½ чая, прикладъ ½ чая, итого 4½ чая.

Такимъ образомъ халатъ изъ китайской матеріи обходится на 30% дешевле халата изъ русской матеріи. Между тѣмъ прочность послѣдняго много ниже. Молескиновый халатъ почти не допускаетъ

починки и носится одно лѣто, тогда какъ халатъ изъ китайской далембы носится 2—3 лѣта.

Суровая бязь, или монгольское полотно (по монгольски цуямба) служитъ матеріаломъ для бѣлья монголовъ и для подкладки халатовъ. И здѣсь ткань англійскаго и американскаго производства дешевле русской. Кусокъ первой въ 8 байровъ (или косяковъ[1]) стоитъ въ Кобдо 1 руб. 25 коп., кусокъ второй 1 руб. 50 коп.—1 руб. 60 коп., т. е. аршинъ англійской ткани 15—16 коп., а аршинъ русской 18—20 коп. Въ Улясутаѣ иностранная цуямба продается дешевле русской на $1\frac{1}{2}$—2 коп. въ аршинѣ. Иностранная цуямба имѣетъ слабо крученую нитку, почему на ощупь она кажется толще русской, вырабатываемой изъ сильно крученой нитки. Вслѣдствіе этого монголы считаютъ первую ткань болѣе прочной.

Даба служитъ для шитья рубахъ и штановъ монголовъ. Русская даба дороже иностранной. По свѣдѣніямъ одной крупной фирмы, русская даба имѣется трехъ сортовъ, причемъ въ каждомъ сортѣ различается высокая и низкая даба. Первый сортъ стоитъ отъ 2 руб. до 2 руб. 20 коп. за кусокъ, второй сортъ—отъ 1 руб. 70 коп. до 1 руб. 90 коп. и третій сортъ отъ 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 65 коп. По сообщенію другой фирмы, кусокъ русской дабы продается по 1 руб. 50 коп., кусокъ англійской или американской—по 90 коп. Согласно прейсъ-куранту одной фирмы въ Западной Монголіи, англійская даба должна продаваться не дешевле 1 руб., или 12 фунт. шерсти по монгольскому вѣсу. Въ одной русской торговлѣ въ хошунѣ Ойлётовъ англійская даба продавалась за 12 фунт. шерсти.

По торговымъ книгамъ одной фирмы близъ Кобдо, русская бѣлая даба продавалась въ 1907 г. въ кредитъ по 1 лану серебра за кусокъ. Для мелкихъ русскихъ торговцевъ русская даба обходится дороже. Такъ, по показаніямъ одного торговца въ районѣ Уланкома, русская даба обходится ему по 1 руб. 70 коп. кусокъ, что составитъ $9\frac{1}{2}$ коп. за аршинъ.

Русская даба (фабрики Морокина № 3) пріобрѣтается русскими купцами въ Сойотіи не дешевле 1 руб. 70 коп. за кусокъ, тогда какъ англійская и американская даба, продаваемая китайцами, стоитъ на рынкѣ отъ 1 руб. до 1 руб. 20 коп.

Русскій молескинъ идетъ въ небольшомъ количествѣ. Низкіе сорта его обходятся русскимъ торговцамъ въ 33—34 к. аршинъ,

---

[1]) Байромъ или косякомъ называется кусокъ матеріи, сложенный отъ угла треугольникомъ. Длина его зависитъ, слѣдовательно, отъ ширины ткани. При обычной ширинѣ въ 1 арш. байръ равняется аршину.

лучшіе сорта—36 коп., 39 коп. и 42 коп. Продажныя цѣны молескина выше. Такъ, аршинъ молескина Саввы Морозова продается въ одной торговлѣ въ Ойлётскомъ хошунѣ за ½ чая, или за 8 фунт. шерсти. Одна небольшая фирма около Кобдо продаетъ желтый молескинъ по ½ лана за аршинъ. Другими словами, аршинъ ткани продается по 50—65 коп.

Бумажный плисъ разныхъ цвѣтовъ идетъ на оторочку халатовъ. Лучшіе сорта стоятъ русскимъ торговцамъ по 32—35 коп. арш., бракъ—по 28—30 коп. Продажныя цѣны выше. Такъ, въ торговлѣ недалеко отъ границы за Морозовскій плисъ № 3 должно быть выручено не менѣе 43 коп., кромѣ расходовъ отдѣленія. По прейсъкуранту фирмы въ Западной Монголіи, приказчикъ долженъ выручить за аршинъ плиса бракъ № 5 не менѣе 40 коп., или 4 фунт. шерсти монгольскаго вѣса. По торговымъ книгамъ одной фирмы около Кобдо, аршинъ плиса продавался въ 1907 г. по 55 коп. По сообщенію приказчика торговли въ Ойлётскомъ хошунѣ, аршинъ плиса продается за 4 фунта шерсти [1]).

Съ удорожаніемъ русскихъ хлопчатобумажныхъ тканей и съ появленіемъ дешевыхъ англійскихъ и американскихъ тканей сбытъ русскихъ товаровъ черезъ посредство русскихъ купцовъ сталъ за послѣдніе годы сокращаться. Купцамъ приходится продавать эти ткани чуть не по своей цѣнѣ или съ незначительной надбавкой, или же замѣнять русскій товаръ иностраннымъ. Такимъ образомъ торговля русскими хлопчатобумажными издѣліями стала мало выгодной. Тѣмъ не менѣе русскіе купцы продолжаютъ держать нѣкоторое количество этихъ тканей въ виду требованій со стороны монголовъ и сойотовъ. Тѣ мѣстные жители, которые доставляютъ фирмѣ свое сырье, привыкли забирать у нея всѣ нужные имъ товары, въ томъ числѣ и матеріи. Для удовлетворенія своихъ кліентовъ приходится имѣть и безвыгодные товары. „Мы держимъ далембу и бязь, заявлялъ намъ одинъ коммерсантъ въ Кобдо, главнымъ образомъ, для того, чтобы удержать въ своихъ рукахъ покупку шерсти и сурка“.

Насколько сокращается торговля русскими товарами, видно изъ того, что въ отдѣленіи одной крупной фирмы на рѣкѣ Эдерѣ изъ сбываемыхъ товаровъ въ суммѣ 15.000 руб. только 8.000 руб приходится на русскіе товары.

Довѣренный Бякова въ Сойотіи сообщалъ экспедиціи, что раньше фирма торговала главнымъ образомъ русскими товарами, но

---

[1]) По свѣдѣніямъ Ладыгина. плисъ продавался лѣтъ 10—12 тому назадъ по 4 цена аршинъ. или по 55—60 коп.

теперь почти прекратила эту торговлю и, если сбываетъ мануфактуру, то исключительно китайскую.

Мы видимъ, что въ сбытѣ наиболѣе распространенныхъ хлопчатобумажныхъ тканей (далембы и дабы) русскіе купцы встрѣчаютъ усиливающуюся конкурренцію китайскихъ купцовъ. Послѣдніе начали успѣшно развивать свою торговлю въ Монголіи и Сойотіи. Въ Монголіи раньше они работали параллельно русскимъ, не нанося послѣднимъ никакого ущерба и даже идя съ ними рука объ руку. Теперь они начинаютъ вести все болѣе серьезную конкурренцію съ русскими. Въ Сойотіи китайскіе купцы появились только съ 1900 г., сначала на рѣкѣ Кемчикѣ, а потомъ и въ верховьяхъ Енисея. Съ каждымъ годомъ розничная продажа издѣлій, въ особенности хлопчатобумажныхъ тканей, и скупка сырья мелкими партіями стали все болѣе переходить въ руки китайцевъ. Продавая привезенныя обработанныя издѣлія и кирпичный чай и собирая въ обмѣнъ небольшія партіи скота, шерсти, сурка и др. пушнины, масла, рябчиковъ, кожъ, китайцы перепродаютъ ихъ частью русскимъ купцамъ, въ значительной же мѣрѣ отправляютъ караванами въ Калганъ или Куку-Хото.

Въ чемъ лежатъ причины успѣха торговой дѣятельности китайцевъ?

Главное, указанное выше преимущество китайскихъ купцовъ въ томъ, что они продаютъ хлопчатобумажныя ткани по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ русскіе. Китайцы продаютъ эти ткани очень дешево, получая незначительный процентъ торговой прибыли, но этимъ путемъ они завоевываютъ себѣ продавцовъ сырья. Дѣло въ томъ, что въ Монголіи сырье до послѣдняго времени шло въ обмѣнъ на фабрикаты, а этотъ обмѣнъ перешелъ преимущественно въ руки китайцевъ, продававшихъ дешевые товары. Кромѣ того въ рукахъ китайцевъ находился и находится сбытъ столь важныхъ и распространенныхъ продуктовъ, какъ чай и табакъ.

Между тѣмъ, русскіе товары поступаютъ на Монгольскій рынокъ по очень высокой цѣнѣ. Они поднимаются въ стоимости вслѣдствіе плохихъ путей сообщенія. Они дорожаютъ благодаря тому, что проходятъ цѣлый рядъ посредниковъ, изъ которыхъ каждый накладываетъ на товаръ свой торговый процентъ. Такъ, напр., товаръ поступаетъ на ярмарку, здѣсь закупается сибирскимъ оптовикомъ, который продаетъ его крупнымъ купцамъ, работающимъ въ Монголіи и Сойотіи, а эти послѣдніе перепродаютъ уже мелкимъ торговцамъ.

Самый фактъ сосредоточенія русскихъ фирмъ на скупкѣ монгольскаго сырья ведетъ къ укрѣпленію и развитію китайской торговли.

Наличность русскихъ скупщиковъ монгольскаго сырья, подавляющая масса котораго проходитъ черезъ китайскія руки, значительно облегчаетъ торговое дѣло китайцевъ. До сихъ поръ китайцы только налаживаютъ собственный экспортъ сырья, поэтому для наторгованнаго сырья китайцамъ-мелочникамъ нуженъ былъ сбытъ въ самой Монголіи. И этотъ сбытъ создали русскіе скупщики. Затѣмъ, мелкія и среднія китайскія фирмы часто предпочитаютъ русскія руки китайскимъ, такъ какъ китайцы предлагаютъ болѣе дешевыя условія и могутъ сильнѣе русскихъ поприжать къ стѣнѣ. Наличность русскихъ скупщиковъ не только обезпечиваетъ китайцамъ, сбывающимъ товары за сырье, сбытъ этого сырья, но гарантируетъ въ то же самое время выгодныя цѣны. Между русскими, скупающими сырье, царитъ жестокая конкурренція. Русскіе собственными своими руками портятъ рынокъ сырья къ своей невыгодѣ. Цѣны, конечно, растутъ въ этой погонѣ за сырьемъ, обезпечивая прежде всего выгоды китайцамъ, а потомъ уже русскимъ. При такомъ положеніи дѣла китайцы могутъ торговать дабой и далембой даже себѣ въ убытокъ и потомъ наверстать потерянное на реализаціи сырья. Поэтому можно сдѣлать такой выводъ: наличность русской скупки сырья, приводящей къ быстрому росту сырьевыхъ цѣнъ, обезпечиваетъ китайцамъ возможность полнаго сбыта фабрикатовъ, такъ какъ фабрикаты могутъ продаваться по очень низкимъ цѣнамъ, обезпечивая китайцамъ дешевое сырье, этотъ главный источникъ торговыхъ прибылей.

Мало этого. Русскіе скупаютъ сырье у китайцевъ на наличныя деньги. Въ данное время русскіе торговцы, ранѣе привозившіе въ Россію массу серебра, вывозятъ изъ Россіи въ Монголію сотни пудовъ этого металла и снабжаютъ серебромъ китайцевъ. На это серебро привозится китайцами въ Монголію иностранный мануфактурный товаръ. Скупая у китайцевъ на серебро вымѣненное ими на товары сырье, русскіе торговцы расширяютъ рынокъ сбыта иностранныхъ товаровъ и помогаютъ китайцамъ выталкивать русскіе товары. Обороты китайцевъ, торгующихъ мануфактурой, при русскомъ содѣйствіи расширяются и ускоряются.

Успѣхъ китайскаго сбыта товаровъ объясняется не только дешевизной ихъ, но и большимъ соотвѣтствіемъ вкусамъ населенія. Такъ, китайцы продаютъ чайники, спеціально приспособленные къ хозяйству монгола, русскіе же такихъ чайниковъ не вырабатываютъ, а сбываютъ исключительно мѣдные чайники Тульской ра-

боты. Мохнатистая и болѣе плотная китайская далемба больше нравится монголамъ, чѣмъ русская ткань, проглаженная на машинахъ.

Далѣе китайцы привлекаютъ населеніе тѣмъ, что въ широкихъ размѣрахъ открываютъ ему кредитъ. Они продаютъ всѣмъ мѣстнымъ жителямъ, кто только пожелаетъ, въ кредитъ разнообразные товары и даютъ серебро подъ будущую поставку сырья. Расширеніе кредитныхъ операцій китайцами опирается на активное содѣйствіе китайскихъ властей по взысканію неуплоченныхъ долговъ съ монголовъ или сойотовъ. Эти власти не стѣсняются въ принудительныхъ мѣрахъ взысканія съ отдѣльныхъ лицъ. Если же должникъ оказывается несостоятельнымъ, то его долгъ берется съ того хошуна, къ которому онъ принадлежитъ. Китайскіе купцы заинтересовываютъ мѣстныхъ китайскихъ чиновниковъ тѣмъ, что отчисляютъ въ ихъ пользу часть взысканныхъ суммъ. Въ Сойотіи Улясутайскій дзянь-дзюнь оказываетъ всяческое покровительство и поощреніе китайскимъ купцамъ, уплачивающимъ ему съ каждой лавки не менѣе 1.000 руб.

Въ нѣкоторыхъ районахъ Монголіи и по всей Сойотіи китайцы сосредоточили въ своихъ рукахъ главныя кредитныя операціи съ населеніемъ, тогда какъ русскіе все болѣе сокращаютъ свой кредитъ въ виду трудностей взысканія долговъ.

И кредитныя операціи китайцевъ, опутывающія мѣстное населеніе, ставятъ ихъ въ преимущественное положеніе противъ русскихъ: китайцы, давая монголу кредитъ, получаютъ отъ него сырье по болѣе выгодной расцѣнкѣ на товаръ. Этимъ объясняется странный на первый взглядъ фактъ, что китайцы продаютъ русскимъ скупщикамъ сырье дешевле, чѣмъ сами русскіе могли бы купить его у населенія. По словамъ Ин. Г. Сафьянова, эта разница иногда достигаетъ 20%.

Китайцы имѣютъ преимущество передъ русскими въ меньшихъ расходахъ по веденію торговли. Они платятъ меньшее жалованье служащимъ и несутъ меньше издержекъ на ихъ содержаніе.

Въ Сойотіи китайцы съ успѣхомъ эксплоатируютъ страсть мѣстнаго населенія къ спиртнымъ напиткамъ. Обычно торговая сдѣлка начинается съ того, что китайскій купецъ подноситъ пришедшему сойоту—покупателю чашку ханшина. Выпивъ ее, сойотъ требуетъ уже второй чашки за свой собственный счетъ. Захмѣлѣвъ онъ теряетъ самообладаніе и вступаетъ въ явно невыгодныя торговыя сдѣлки, не отдавая себѣ въ томъ отчета. Намъ приводили примѣры, когда опьянѣвшій сойотъ продавалъ свою лошадь за 2 бутылки водки. Проснувшись на другой день, сойотъ съ ужасомъ

констатировалъ чудовищныя, ростовщическія условія сдѣлокъ, заключенныхъ имъ наканунѣ, но въ виду письменной ихъ формы, оказывался безсильнымъ исправить дѣло. Русскимъ купцамъ запрещено Усинскимъ пограничнымъ начальствомъ торговать водкой, но за то водка продается въ Сойотіи крестьянами-шинкарями. Закупая водку въ селѣ Усинскомъ по 10—15 ведеръ, эти шинкари распродаютъ ее по русскимъ поселкамъ и среди туземцевъ Сойотіи. Нѣкоторые русскіе возбуждаютъ вопросъ о томъ, чтобы ввозъ вина какъ со стороны китайцевъ, такъ и со стороны русскихъ былъ строго запрещенъ.

Сукно изъ Россіи идетъ въ Монголію и Сойотію главнымъ образомъ на теплые халаты. Съ одной стороны продается грубое солдатское сукно (преимущественно Злоказовской фабрики) на халаты, носимые въ дождь, съ другой стороны болѣе состоятельные жители и ламы покупаютъ болѣе дорогое сукно (Носова и др.) для праздничныхъ халатовъ.

Экспортъ суконъ въ Монголію и Сойотію представляется въ такомъ видѣ (въ пудахъ):

ГОДА.	Кошъ-Агачская таможня.	Зайсанская таможня.	Усинская граница.	Кяхтинская таможня.
1891 . . .	9	—	66	6.937
1892 . . .	116	—	29	—
1893 . . .	123	17	39	2.691
1894 . . .	148	10	33	2.135
1895 . . .	116	97	19	526
1896 . . .	348	83	23	39
1897 . . .	332	80	28	972
1898 . . .	551	9	420	1.190
1899 . . .	627	21	37	1.148
1900 . . .	440	33	59	331
1901 . . .	305	8	147	136
1902 . . .	216	26	101	—
1903 . . .	332	44	291	61
1904 . . .	175	50	153	—
1905 . . .	313	16	89	—
1906 . . .	498	—	397	972
1907 . . .	—	—	—	—
1908 . . .	326	—	—	—
1909 . . .	193	—		
1910 . . .	158			

Злоказовское сукно обходится торговцамъ въ Монголіи около 1 руб. 25 коп. аршинъ. Продается оно въ одной торговлѣ близъ русской границы по 1 руб. 80 коп., кромѣ расходовъ по отдѣленію. Въ

другой хошунной лавкѣ въ Западной Монголіи Злоказовское сукно № 3 должно быть продаваемо, согласно прейсъ-куранту, не дешевле 1 руб. 60 коп. за аршинъ, или 17½ фунт. шерсти. Въ третьей лавкѣ въ Западной Монголіи аршинъ солдатскаго сукна № 2 продается за 15 фунт. шерсти. Въ лавкѣ одного торговца въ Западной Монголіи въ хошунѣ Уранхай-Да солдатское сукно № 2 продается за 2 чая аршинъ (т. е. не менѣе 1 руб. 60 коп.). Въ Улясутаѣ Злоказовское сукно продается 2 руб. за аршинъ. По торговымъ книгамъ одной фирмы около Кобдо, въ 1907 г. аршинъ солдатскаго сукна продавался въ кредитъ по 2¼ лана. По показанію монгола близъ Шаръ-нура, онъ платитъ за аршинъ простого сукна 2 чая, т. е. отъ 1 руб. 60 коп. до 2 руб.

Носовское сукно обходится, конечно, дороже. Въ Кобдо, по показаніямъ мѣстныхъ купцовъ, оно обходится себѣ около 2 руб. 40 коп. аршинъ, а продается по 2 руб. 80 коп.—3 руб. Въ Улясутаѣ оно стоитъ себѣ 2 руб. 20 коп., а продается отъ 2 руб. 50 коп. до 2 руб. 80 коп. Раньше шло сукно фабрики Андреева, которое очень охотно покупалось монголами за его добротность, но за послѣднее время это сукно не вывозится.

Интересенъ фактъ усиленія сбыта въ Монголіи русской муки.

Пшеничная мука вывозилась въ Монголію въ такихъ количествахъ (въ пудахъ):

Года.	Кошъ-Агачская таможня.	Зайсанская таможня.	Усинская граница.	Кяхтинская таможня.
1891 . .	—	87	2.130	—
1892 . . .	45	178	7.970	—
1893 . . .	74	—	490	—
1894 . . .	147	36	550	—
1895 . .	253	—	1.240	—
1896 . . .	149	—	965	—
1897 . . .	124	50	340	—
1898 . . .	326	68	1.135	538
1899 . . .	498	230	440	570
1900 . . .	644	119	1.235	100
1901 . . .	483	4	1.926	1.385
1902 . . .	760	40	1.320	300
1903 . . .	692	107	1.998	150
1904 . . .	1.173	76	1.110	1. 0[illegible]
1905 . . .	1.563	83	—	—
1906 . . .	3.638	305	2.901	1.500
1907 . . .	5.505	3.323	—	—
1908 . . .	4.766	4.689	5.001	—
1909 . . .	9.238	2.276		530
1910 . . .	3.570			

Какъ видно изъ таблицы, по всѣмъ границамъ, кромѣ Кяхты, вывозъ пшеничной муки въ Монголію усиливается. По Усинской границѣ за послѣдніе годы стала отправляться также и ржаная мука.

Монголы и сойоты переняли у русскихъ потребленіе муки и стали все болѣе охотно вводить ее въ кругъ своего питанія. Куль крупчатки 3-го сорта стоитъ торговцу 6 руб. 50 коп., т. е. пудъ 1 руб. 30 коп.

Около озера Толбо-нура въ Западной Монголіи пудъ крупчатки продается по 2 руб. По прейсъ-куранту одной фирмы въ Западной Монголіи куль крупчатки № 4 долженъ быть продаваемъ не дешевле 12 руб. 50 коп., т. е. 2 руб. 50 коп. за пудъ. Въ кредитъ же общераспространенная цѣна какъ въ этой торговлѣ, такъ и въ другихъ—1 фунтъ крупчатки за фунтъ шерсти, т. е. мука достигаетъ уже 4 и болѣе руб.

Монголы часто жалуются на недовѣсъ продаваемой муки. Въ этомъ отношеніи весьма поучителенъ примѣръ американцевъ. Они стали ввозить въ Манчжурію муку въ зашитыхъ 10-фунтовыхъ мѣшкахъ и, благодаря точности вѣса, вытѣснили этой мукой русскій продуктъ. Было бы весьма цѣлесообразно, чтобы русскія мукомольныя мельницы послѣдовали этому примѣру при отправкѣ муки въ Монголію.

Увеличивается экспортъ въ Монголію сахара, конфектъ и варенья, которыя начинаютъ потребляться среди болѣе состоятельныхъ слоевъ мѣстнаго населенія, главнымъ образомъ, китайцевъ (въ пудахъ):

ГОДА.	САХАРЪ.			
	Кошъ Агачская таможня.	Зайсанская таможня.	Усинская граница.	Кяхтинская таможня.
1891 . .	15	2	5	814
1892 . .	103	7	3	48
1893 . .	63	1	2	133
1894 . .	103	101	—	223
1895 . .	128	8	—	470
1896 . .	105	51	—	268
1897 . .	119	—	—	12
1898 . .	210	6	—	12
1899 . .	261	9	—	450
1900 . .	147	9	20	250
1901 . .	249	4	13	1.859
1902 . .	270	17	—	1.501
1903 . .	245	32	—	13.555
1904 . .	212	36	—	10.941

ГОДА.	САХАРЪ.			
	Кошъ-Агачская таможня.	Зайсанская таможня.	Усинская граница.	Кяхтинская таможня.
1905 . .	252	51	—	2.884
1906 . .	1.153	63	—	4.402
1907 . .	1.810	131	—	8.048
1908 . .	110	90	167	15.663
1909 . .	497	238		12.535
1910 . .	1.259			
	Конфекты и варенье.			
1891 . .	—	—	—	16
1892 . .	40	—	—	123
1893 . .	59	—	—	12
1894 . .	78	3	—	—
1895 . .	99	—	—	6
1896 . .	188	—	—	2
1897 . .	117	1	—	—
1898 . .	134	—	—	48
1899 . .	124	2	—	132
1900 . .	176	5	—	—
1901 . .	323	2	—	—
1902 . .	155	1	33	—
1903 . .	138	3	23	—
1904 . .	59	2	12	—
1905 . .	81	31	12	—
1906 . .	314	13	20	—
1907 .	502	41	—	—
1908 . .	162	17	—	—
1909 . .	180	36		
1910 . .	55			

Обычно продажная цѣна конфектъ и варенья превышаетъ покупную на 100—120%. По конторскимъ расцѣнкамъ одной крупной фирмы, пудъ фруктовой карамели, обходящійся купцу 8 руб., продается за 16 руб. 60 коп., сортовая карамель, стоющая 10 руб., продается по 20 руб. 80 коп. Фунтъ какао, обходясь 1 руб. 5 коп., предается по 2 руб. 15 коп. Фунтъ пастилы, стоющій 36 коп., продается по 75 коп., пудъ мармелада, обходясь 18 руб., продается по 36 руб. 80 коп. Пудъ варенья, стоющій 16 руб., продается по 35 руб. Такое повышеніе цѣны на 100—120% объясняется случайностью спроса и сбыта. Оборотъ этихъ товаровъ очень медленный.

Съ русскими сластями конкуррируютъ китайскія.

Весьма характернымъ оказывается движеніе товаровъ, обложенныхъ акцизомъ, черезъ Кяхтинскую таможню. Сахаръ, спички, спиртъ, гильзы вывозятся черезъ эту таможню съ возвратомъ акциза и затѣмъ водворяются обратно въ Россію контрабанднымъ пу-

темъ. Значительная часть населенія Забайкалья пользуется этими контрабандными товарами. Таможенныя власти не въ состояніи бороться съ этимъ зломъ. Этимъ главнымъ образомъ и объясняется большой экспортъ сахара черезъ Кяхту.

Равнымъ образомъ растетъ и вывозъ галантерейныхъ товаровъ (въ пудахъ):

Года.	Кошъ-Агачская таможня.	Зайсанская таможня.	Усинская граница.
1891	13	—	—
1892	66	—	4
1893	207	—	3
1894	238	—	3
1895	309	—	—
1896	269	—	—
1897	311	—	—
1898	405	10	1
1899	423	6	1
1900	—	5	2
1901	672	2	41
1902	988	5	58
1903	1.472	4	59
1904	423	30	73
1905	540	37	15
1906	983	94	101
1907	1.009	14	397
1908	944	5	472
1909	656	6	
1910	1.209		

На мелкихъ галантерейныхъ вещахъ торговцы наживаютъ большіе барыши. Такъ, по свѣдѣніямъ одной фирмы близъ Кобдо, катушка нитокъ продавалась въ кредитъ за 1 шкуру ямана или за 3 фунта шерсти.

Другой купецъ около Кобдо продаетъ (свѣдѣнія 1910 года) клубокъ цвѣтныхъ вязальныхъ нитокъ за сырую кожу ямана.

Въ одной крупной торговлѣ Улясутая, торгующей по прейсъ-куранту, пуговицы, напр., стоющія гроссъ 90 коп., продаются за 1 руб. 60 коп., стоющія 1 руб. 20 коп., продаются за 2 руб. 15 коп., стоющія 1 руб. 45 коп. продаются за 2 руб. 60 коп. и т. д. Тесьма для подпруги, стоющая 14 коп. аршинъ, продается по 28 коп. Гроссъ безопасныхъ булавокъ, стоющій 55 коп., идетъ за 1 руб. Цвѣтныя нитки имѣютъ меньшую надбавку: килограммъ красной № 20 вмѣсто 4 руб. 30 коп. по 5 руб. 90 коп., синей № 40 вмѣсто 4 руб. 30 коп. по 6 руб. 15 коп., красной № 60 вмѣсто 5 руб. 70 коп. по 7 руб. 80 коп.

Появляются у монголовъ черезъ посредство русскихъ купцовъ и предметы культурнаго обихода: мыло, свѣчи, спички. Эти товары идутъ, впрочемъ, и для русской колоніи въ Монголіи. Вывозъ ихъ въ Монголію (въ пудахъ) даетъ такую картину:

Г О Д А.	Кошъ-Агачская таможня	Зайсанская таможня.	Кяхтинская таможня.
	П Р О С Т О Е	М Ы Л О.	
1891	20	1	250
1892	67	—	150
1893	89	4	100
1894	42	3	200
1895	105	20	—
1896	116	15	100
1897	9	2	191
1898	143	4	—
1899	53	9	371
1900	93	23	150
1901	174	2	—
1902	46	3	100
1903	46	4	—
1904	123	13	—
1905	112	14	—
1906	137	20	—
1907	150	19	—
1908	120	41	—
1909	56	49	
1910	101		
	С Т Е А Р И Н О В Ы Я	С В Ѣ Ч И	
1891	4	—	—
1892	49	—	—
1893	41	—	8
1894	16	—	—
1895	45	—	—
1896	58	5	24
1897	57	—	32
1898	85	—	36
1899	150	—	11
1900	131	9	6
1901	163	—	—
1902	129	—	—
1903	144	—	—
1904	117	2	—
1905	159	11	—
1906	117	7	—
1907	230	—	—
1908	133	14	—
1909	123		
1910	134		

ГОДА.	Спички.			
	Кошъ-Агачская таможня.	Зайсанская таможня.	Усинская граница.	Кяхтинская таможня.
1891 . . .	67	—	—	—
1892 . .	104	—	—	—
1893 . . .	62	1	—	—
1894 . . .	11	—	—	—
1895 . . .	59	9	—	—
1896 . . .	65	53	—	—
1897 . . .	27	4	—	—
1898 . . .	76	—	—	—
1899 . . .	81	—	—	—
1900 . . .	134	—	—	—
1901 . . .	117	—	—	—
1902 . . .	149	—	—	—
1903 . . .	53	—	—	—
1904 . . .	104	—	—	—
1905 . . .	162	2	20	800
1906 . . .	176	—	29	4.048
1907 . . .	316	2	—	—
1908 . . .	197	1	—	3.556
1909 . .	664	—		
1910 . . .	292			

Ядровое мыло, стоющее себѣ 4 руб. 40 коп. пудъ, продается въ крупной русской торговлѣ Улясутая по 11 руб. Такое удорожаніе отчасти объясняется значительнымъ усыханіемъ товара (12 фунт. на пудъ).

Пудъ стеариновыхъ свѣчей, обходясь себѣ по 12 руб. 40 коп., продается въ той же торговлѣ по 28 руб. 65 коп.

Металлическія русскія издѣлія сбываются въ Монголіи съ успѣхомъ, но въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ могли бы. Необходимо только лучше изучить рынокъ и тѣ товары, въ которыхъ нуждаются монголы. Сейчасъ сбываются чугунныя чаши (сибирскаго производства), въ которыхъ варится пища и чай, лопаты, мѣдные чайники, топоры, капканы, литовки-косы, ведра, полосовое и листовое желѣзо

ГОДА.	Листовое желѣзо (въ пудахъ).			
	Кошъ-Агачская таможня.	Зайсанская таможня.	Усинская граница.	Кяхтинская таможня.
1891 . .	114	—	—	
1892 . .	95	—	—	60
1893 . .	100	—	—	—
1894 . .	72	—	3	200
1895 . .	309	—	—	650

Г О Д А.	Листовое желѣзо (въ пудахъ).			
	Кошъ Агачская таможня.	Зайсавская таможня.	Усинская граница.	Кяхтинская таможня.
1896 . .	118	—	65	60
1897 . .	121	—	—	—
1898 . .	216	2	—	57
1899 . .	151	—	—	1.042
1900 . .	232	—	—	—
1901 . .	251	—	—	—
1902 . .	122	45	—	400
1903 . .	294	767	—	—
1904 . .	546	1	—	—
1905 . .	166	—	—	—
1906 . .	551	10	—	—
1907 . .	744	21	—	
1908 . .	231	—	—	—
1909 . .	100	54		
1910 . .	344			
	Желѣзныя издѣлія (въ пудахъ).			
1891 . .	123	729	248	40
1892 . .	627	886	1.992	100
1893 . .	829	1.130	1.897	16
1894 . .	1.072	1.261	52	10
1895 . .	1.065	1.298	241	—
1896 . .	1.849	1.085	—	—
1897 . .	1.716	505	689	70
1898 . .	2.424	456	1.038	70
1899 . .	1.522	289	953	320
1900 . .	1.537	357	846	—
1901 . .	1.764	24	299	—
1902 . .	3.146	178	301	—
1903 . .	2.804	193	450	—
1904 . .	1 587	895	607	—
1905 . .	1.280	1.201	697	—
1906 . .	1.787	1.057	784	—
1907 . .	2.231	443	1.851	—
1908 . .	1.383	338	2.700	—
1909 . .	1.016	477		
1910 . .	3 230			
	Чугунныя издѣлія (въ пудахъ).			
1891 . .	90	44	—	—
1892 . .	419	331	—	—
1893 . .	568	397	—	—
1894 . .	493	242	—	—
1895 . .	368	482	—	—
1896 . .	581	441	—	—
1897 . .	425	138	—	—
1898 . .	1.698	296	18	—

ГОДА.	Чугунныя издѣлія (въ пудахъ).			
	Кошъ-Агачская таможня	Зайсанская таможня.	Усинская граница	Кяхтинская таможня.
1899 . .	1 983	215	10	—
1900 . .	2.150	251	5	—
1901 . .	1.276	44	—	—
1902 . .	985	145	3	—
1903 . .	1.160	76	8	—
1904 .	1.326	265	29	—
1905 . .	1.024	420	130	—
1906 . .	1.194	375	31	—
1907 . .	925	470	—	—
1908 . .	882	415	—	—
1909 . .	387	588		
1910 . .	492			
	Мѣдныя издѣлія (въ пудахъ).			
1891 . .	12	2	32	215
1892 . .	97	15	27	139
1893 . .	168	11	29	114
1894 . .	226	19	22	76
1895 . .	138	21	20	101
1896 . .	189	27	—	—
1897 . .	—	10	—	—
1898 . .	197	33	220	21
1899 . .	156	26	74	13
1900 . .	225	12	94	—
1901 . .	176	3	52	—
1902 . .	378	10	41	—
1903 . .	368	14	65	—
1904 . .	207	63	168	—
1905 . .	298	54	45	—
1906 . .	517	37	44	—
1907 .	469	48	145	—
1908 . .	170	28	296	—
1909 . .	104	59		
1910 . .	119			

Продажныя цѣны металлическихъ издѣлій высоки. Напр., луженыя ведра вѣсомъ въ 3 фунта, по прейсъ-куранту одной фирмы въ Западной Монголіи, продаются не дешевле 9 фунтовъ шерсти монгольскаго вѣса. Капканы въ лавкѣ одной фирмы въ Ойлетскомъ хошунѣ продаются за 2 сурковъ, котелки за 8 фунт. шерсти, чугунныя чаши отъ 2 до 6 чаевъ, смотря по величинѣ.

По свѣдѣніямъ одной фирмы около Кобдо, капканы отдавались въ кредитъ за 20 фунт. шерсти, чайники за 3 чая или 10 фунт шерсти, поварешки за 1 шкуру ямана, топоры за 1 чай.

Литовки продаются въ одной русской лавкѣ въ Кобдо кругомъ по 1 чаю, тогда какъ себѣ обходятся въ Бійскѣ крупныя по 60 коп.

и мелкія по 45 коп.

Интересно отмѣтить, что одно время по всей Монголіи усиленно пошла русская эмальированная посуда (чайники, чашки и пр.), однако теперь качество этой посуды сильно упало и сбытъ сильно сократился несмотря на то, что конкурренціи въ этомъ товарѣ не существуетъ.

Металлическія издѣлія закупаются въ Москвѣ, частью на ярмаркахъ. Въ Улясутайскомъ округѣ экспедиція констатировала сбытъ металлическихъ издѣлій, главнымъ образомъ инструментовъ, иностраннаго происхожденія. Эти товары закупаются въ Москвѣ отъ фирмы Феттеръ и Гинкель.

Согласно Русско-китайскому договору 1881 г., запрещаются къ ввозу и вывозу „ружья, винтовки, пистолеты и всякое огнестрѣльное оружіе". Это запрещеніе совершенно безполезно, такъ какъ черезъ Китай въ Монголію направляется масса оружія, сбываемаго западно-европейскими государствами. Еще въ мартѣ 1911 г. былъ констатированъ ввозъ большого количества оружія въ Восточную Монголію по Китайской жел. дорогѣ. Сбывается при этомъ оружіе старыхъ образцовъ и системъ. Между тѣмъ монголы нуждаются въ оружіи и припасахъ для охоты. Уничтоженіе этого запрещенія дало бы Россіи возможность сбывать въ Монголіи ходкій товаръ.

Приведемъ таблицу покупныхъ и продажныхъ цѣнъ нѣкоторыхъ металлическихъ товаровъ въ одной большой торговлѣ Улясутая:

НАЗВАНІЕ ТОВАРА.	Покупная цѣна.		Продажная цѣна.	
	Руб.	К.	Руб.	К.
Шиновое желѣзо и др.	1	75	4	5
Эмалированные ведра 28 сант., штука	1	27	2	67
Котелки 14 сант. штука		38		80
„ 18 сант. штука		62	1	30
Мѣдные чайники				
$3^1/_2$ вершковъ фунтъ		82	1	25
$4^1/_2$ вершковъ фунтъ		67	1	2
Мѣдные тазы.				
3 вершковъ, фунтъ		57		85
4 вершковъ, фунтъ		54		82
Подпилки дюжина		70	1	40
Замки шведскіе штука		5		10
„ „ „		19		31
„ „ „		16		37
Мѣдныя чашки для вѣсовъ 6 вершковъ пара	5		9	85
Бѣлые бубенцы сотня	1	65	3	65
Бритва штука		80	1	55

НАЗВАНІЕ ТОВАРА.	Покупная цѣна.		Продажная цѣна.	
	Руб.	К.	Руб	К.
Перочинные ножи дюжина	4	80	9	45
Тоже	5	40	10	65
Тоже	23	40	46	10
Лопаты штука		65	1	28
Азіатскіе ковши штука		30		70
Азіатскія чаши штука	2	50	5	75
Рубанки штука	1		2	
Тоже	1	75	3	50

Въ сбытѣ кожъ въ Монголіи Россія занимаетъ первенствующее мѣсто. Было вывезено кожъ (въ пудахъ):

ГОДА.	Юфть.			
	Кошъ-Агачская таможня.	Зайсанская таможня.	Усинская граница.	Кяхтинская таможня.
1891 . .	32	—	82	26.127
1892 . .	965	370	76	15.168
1893 . .		—	33	16.896
1894 . .	924	—	100	4.660
1895 . .	1.074	—	218	10.018
1896 . .	1.575	—	322	9.604
1897 . .	1.615	2	501	11.131
1898 . .	1.597	9	519	34.120
1899 . .	2.380	—	545	33.005
1900 . .	2.269	—	440	12.705
1901 . .	2.279	186	699	2.507
1902 . .	1.533	683	360	5.875
1903 . .	1.689	603	1.655	6.246
1904 . .	1.810	616	1.955	18.438
1905 . .	1.179	737	831	15.646
1906 . .	2.516	812	985	30.413
1907 . .	2.181	1.399	—	6.659
1908 . .	1.289	1.736	—	5.441
1909 . .	1.101	1.266		280
1910 . .	1.622			
	Прочія выдѣланныя кожи.			
1891 . .	264	277	3	1.302
1892 . .	185	565	—	3.155
1893 . .	1.012	1.476	3	3.567
1894 . .	189	1.647	30	—
1895 . .	—	1.921	—	—
1896 . .	—	1.294	8	—

ГОДА.	Прочія выдѣланныя кожи.			
	Кошъ-Агачская таможня.	Зайсанская таможня.	Усинская граница.	Кяхтинская таможня.
1897 . .	—	1.027	18	—
1898 . .	350	1.195	7	—
1899 . .	—	1.364	15	—
1900 . .	—	1.255	1	—
1901 . .	—	42	27	—
1902 . .	—	114	3	—
1903 . .	—	191	—	—
1904 . .	9	64	—	—
1905 . .	126	236	—	—
1906 . .	97	108	—	—
1907 . .	4	236	1.443	
1908 . .	13	34	879	—
1909 . .		94		—
1910 . .				—

Въ Монголіи не существуетъ кожевеннаго производства, а потому монголы вынуждены либо покупать кожу въ дѣлѣ, напр., китайскіе кичимы, сапоги [1]), или же закупать у русскихъ обработанныя кожи для собственныхъ подѣлокъ.

Въ Монголію идутъ кожи, вырабатываемыя преимущественно Бійскими заводами Морозовой и Ракина, Кяхтинскимъ заводомъ Собенникова и Молчанова и Тюменскими заводами. Обдѣланныя около Кяхты кожи ввозятся обратно въ Ургу, гдѣ есть масса китайцевъ-сапожниковъ, шьющихъ монгольскіе сапоги, которые продаются на рынкѣ отъ 4—5 до 12 долларовъ за пару. Обдѣланная кожа — „юфть"— въ Ургѣ стоитъ отъ 12 до 15 руб. за большую кожу. Среди населенія популярно названіе этой кожи „кяхта".

Что касается продажныхъ цѣнъ на кожу, то онѣ очень различны въ зависимости отъ качества и размѣра кожи. По прейсъ-куранту одной фирмы въ Западной Монголіи цѣлая кожа продается не дешевле 140 фунт. шерсти монгольскаго вѣса. Въ торговлѣ въ Ойлетскомъ хошунѣ кожа въ 10 четвертей длины продается за 140 фунт. шерсти наличными. По свѣдѣніямъ одной фирмы около Кобдо, цѣна цѣлой кожи въ кредитъ опредѣляется въ 11 лановъ серебра или въ 16 чаевъ.

Въ русской лавкѣ недалеко отъ Бійской границы обработанная кожа „Кяхта" продается за 16 чаевъ. Въ крупной торговлѣ Улясутая кожи „кяхта", стоющая себѣ за четверть 1 руб. 10 коп., продается по 1 руб. 40 коп.—1 руб. 50 коп.

[1]) Много обуви, изготовленной въ Куку-Хото, привозится китайской фирмой Юн-Ду-Куй.

Основнымъ предметомъ торговли въ Монголіи является, какъ мы уже указывали, кирпичный зеленый чай, потребляемый въ большомъ количествѣ монголами и сойотами. Весь онъ цѣликомъ доставляется въ Монголію китайскими фирмами изъ Калгана и Куку-Хото. Главный привозъ чая посредствомъ каравановъ на верблюдахъ происходитъ въ періодъ съ октября до января.

Китайцы продаютъ этотъ чай оптомъ (ящиками) русскимъ купцамъ, которые въ свою очередь продаютъ его въ розницу туземному населенію. Уплата дѣлается переводами на Кяхту.

По показанію фирмы Да-Шен-Куй, ящикъ чая въ 39 кирпичей стоитъ въ Куку-Хото 15 лановъ 5—6 ценовъ, или на русскія деньги 19 руб. 35 коп.—19 руб. 47 коп., т. е. 50 коп. за кирпичъ. Доставка ящика чая отъ Куку-Хото до Кобдо стоитъ 7 лановъ, или 8 руб. 75 коп. Такимъ образомъ кирпичъ чая обходится въ Кобдо 70—72 коп. Такой ящикъ чая продается въ Кобдо около 29—30 руб. (75 коп. за кирпичъ). Въ Уланкомѣ такой же ящикъ въ 39 кирпичей продается китайцами за 26 лановъ, что составитъ 32 руб. 50 коп., или 83 коп. за кирпичъ. Въ виду указанныхъ продажныхъ цѣнъ, мы должны признать, что показанія Да-Шен-Куй о цѣнахъ въ Куку-Хото нѣсколько преувеличены.

По даннымъ русскихъ купцовъ въ Сойотіи, китайцы продаютъ русскимъ ящикъ чая въ 27 кирпичей за 21—23 руб. наличными, что составляетъ за кирпичъ 78—85 коп. При продажѣ въ кредитъ цѣна поднимается до 27 руб., т. е. по 1 руб. за кирпичъ.

Въ Улясутаѣ, по собраннымъ даннымъ, оптовая цѣна кирпичнаго чая лучшаго сорта равна 18 руб. за ящикъ въ 27 кирпичей (67 коп. кирпичъ) и худшаго сорта—17 руб. (63 коп. кирпичъ).

Что касается продажныхъ цѣнъ чая, то онѣ устанавливаются на опредѣленномъ уровнѣ китайскими купцами. По сообщенію Кобдинскихъ русскихъ купцовъ, они вынуждены продавать чай монголамъ почти по той же цѣнѣ, по какой покупается (т. е. 75—80 коп. кирпичъ). Выгода отъ торговли чаемъ бываетъ тогда, когда, при скопленіи большихъ партій чая у китайцевъ, является возможность купить его дешевле 75 коп. за кирпичъ, или же когда русскіе вымѣниваютъ чай на сырье, особенно при кредитныхъ сдѣлкахъ, и выигрываютъ на расцѣнкѣ сырья. Получается выгода и тогда, когда купцы закупаютъ болѣе дешевый чай въ Ургѣ и транспортируютъ его на западъ съ обратными ямщиками.

Въ факторіи Пустовалова около Бійской границы чай продается по 1 р. 20 к. Въ лавкѣ Попова около Толбо-нура чай продается по 80 коп. за кирпичъ. Въ одной русской лавкѣ въ районѣ Хонго-Бельчиръ, согласно прейсъ-куранту, чай не долженъ продаваться

дешевле 1 руб., или 8 фунт. шерсти. Вообще 8 фунт. шерсти является общераспространенной цѣной при наличной сдѣлкѣ. Въ кредитъ чай покупается за 15 фунт. шерсти, иногда дешевле.

Въ Сойотіи обычная продажная цѣна чая при наличной сдѣлкѣ 1 руб.—1 руб. 20 коп., въ кредитъ значительно дороже. Такъ, за чай берется 5 бѣлокъ наличными, а въ кредитъ 10 бѣлокъ.

Зеленый кирпичный чай вырабатывается сейчасъ исключительно на китайскихъ фабрикахъ внутренняго Китая и отличается неудовлетворительными качествами. Къ нему примѣшиваются разные чайные суррогаты, чайная пыль, куски дерева и пр.

Въ Сойотіи встрѣчается также и черный плиточный чай. При оптовыхъ покупкахъ русскіе платятъ за ящикъ въ 72 плитки 40 р. наличными и 50 руб. въ кредитъ, т. е. 50 коп. и 69 коп. Продается этотъ чай по 80—90 коп. за плитку, а въ долгъ по 1 руб.

Табакъ потребляется въ Монголіи и Сойотіи въ большомъ количествѣ, такъ какъ куритъ его почти все населеніе, не исключая женщинъ и дѣтей.

Больше всего сбывается китайскаго табаку, доставляемаго исключительно китайскими фирмами изъ внутренняго Китая.

Въ Сойотіи китайскій табакъ покупается русскими купцами по 28—30 коп. за пачку вѣсомъ въ 11 лановъ (тюньзя) при наличной продажѣ и по 33—35 коп. при продажѣ въ кредитъ.

Продается китайскій табакъ въ Монголіи по 40—50 коп. за пачку. Въ лавкѣ въ районѣ Хонго-Бельчиръ тюньзя по прейсъ-куранту не должна продаваться дешевле 40 коп., или 4 фунт. шерсти монгольскаго вѣса. Въ Сойотіи китайскій табакъ продается населенію по 50 коп. за тюньзю.

Однако, начинаетъ увеличиваться и сбытъ русской махорки, которая нравится населенію Монголіи. Было вывезено русскаго табаку (въ пудахъ), листового и крошенаго:

ГОДА.	Кошъ-Агачская таможня.	Зайсавская таможня.	Усинская граница.	Кяхтинская таможня.
1891 . . .	52	51	2.895	—
1892 . . .	132	247	2.049	—
1893 . . .	88	329	2.326	—
1894 . . .	97	125	160	—
1895 . . .	194	462	352	—
1896 . . .	120	303	402	—
1897 . . .	97	181	730	—
1898 . . .	270	451	548	—
1899 . . .	306	531	540	—

ГОДА.	Кошъ-Агачская таможня.	Зайсанская таможня.	Усинская граница.	Кяхтинская таможня.
1900 . . .	446	325	592	—
1901 . . .	118	221	1.117	—
1902 . . .	335	452	1.013	—
1903 . . .	185	366	1.057	—
1904 . . .	217	550	2.124	—
1905 . . .	280	655	762	—
1906 . . .	227	862	894	—
1907 . . .	233	732	—	—
1908 . . .	171	774	238	—
1909 . . .	246	791		1.105
1910 . . .	184			

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить ввозъ въ Монголію маральихъ роговъ изъ Усинскаго края, точнѣе сказать, транзитъ ихъ черезъ Монголію въ Китай. Эти рога служатъ китайцамъ для приготовленія секретнаго укрѣпляющаго лѣкарства и покупаются ими по очень высокой цѣнѣ. Дороже всего въ Усинскомъ краѣ цѣнятся рога убитыхъ дикихъ мараловъ вмѣстѣ съ черепомъ, наполненные кровью (до 20 руб. фунтъ). Свѣжіе рога, снятые съ живого марала, продаются по 6—8 руб. за фунтъ, высушенные—по 14—17 руб. Маралъ даетъ отъ 10 до 25 фунтовъ роговъ. Цѣнность вывозимыхъ изъ Усинскаго края маральихъ роговъ превышаетъ 100.000 руб. въ годъ.

ГЛАВА V.

Ввозъ монгольскихъ товаровъ въ Россію.

1. Продукты скотоводческаго хозяйства.

Русско-монгольская торговля получила свое развитіе изъ стремленія русскихъ купцовъ сбыть въ Монголіи русскіе товары. Въ первоначальной своей стадіи русско-монгольская торговля только по необходимости сталкивалась съ вопросомъ о ввозѣ въ Россію монгольскихъ товаровъ. Наши купцы стремились въ качествѣ эквивалента вывезенныхъ товаровъ получить въ свои руки серебро и не были склонны ввозить въ Россію монгольское сырье, такъ какъ для этого не было налажено ни путей сообщенія, ни транспорта, да и цѣны стояли такимъ образомъ, что ввозъ сырья не обѣщалъ выгодъ. Но въ силу особенностей экономическаго быта монголовъ и въ силу особаго характера русско-монгольскаго торговаго обмѣна сырье неизбѣжно должно было появиться въ рукахъ русскихъ торговцевъ.

Монголы до сихъ поръ ведутъ такъ называемое натуральное хозяйство. Ихъ богатство и ихъ покупательныя средства заключаются въ продуктахъ ихъ скотоводческаго хозяйства и охотничьяго промысла. Купцу, привезшему въ Монголію товары, монголъ въ большинствѣ случаевъ можетъ предложить только свое сырье. Вслѣдствіе этого торговля съ монголами до сихъ поръ по преимуществу носитъ характеръ натуральнаго обмѣна. Денежныя сдѣлки получили широкое развитіе только въ торговыхъ и кредитныхъ сношеніяхъ русскихъ купцовъ съ торгующими китайцами и съ монгольскими хошунными управленіями. Но при сбытѣ въ руки монголовъ привозныхъ товаровъ сырье долгое время будетъ необходимымъ результатомъ торговыхъ оборотовъ.

Общее развитіе торговли въ Монголіи постепенно придаетъ сырью особое значеніе. Вслѣдствіе сокращенія сбыта русскихъ товаровъ и благодаря тому факту, что монгольское сырье получило на рынкѣ хорошую цѣну и обезпеченный сбытъ, сырье дѣ-

дается цѣлью торговыхъ операцій русскихъ купцовъ. Ввозъ его въ предѣлы Россіи увеличивается съ каждымъ годомъ, налаживается транспортъ этихъ товаровъ и тѣмъ самымъ кореннымъ образомъ видоизмѣняются условія русско-монгольской торговли.

Въ настоящее время проблема русско-монгольской торговли самымъ очевиднымъ образомъ расчленилась на двѣ части: усиленіе сбыта въ Монголіи русскихъ товаровъ и обезпеченіе въ рукахъ русскихъ купцовъ возможно большихъ количествъ монгольскаго сырья. Между тѣмъ, въ недавнемъ прошломъ эта проблема заключалась только въ усиленіи сбыта русскихъ товаровъ, что само собой приводило къ тому, что въ рукахъ торгующихъ скапливались большія массы монгольскаго сырья. Но времена и обстоятельства съ тѣхъ поръ радикально измѣнились.

Нельзя сказать, чтобы Монголія отличалась разнообразіемъ своихъ богатствъ. Кругъ монгольскихъ сырьевыхъ товаровъ ограничивается продуктами скотоводческаго хозяйства и пушного промысла. Главными товарами въ современной Монголіи являются баранья шерсть, скотъ и сурочьи шкурки. Около этихъ товаровъ въ настоящее время сосредоточены самые существенные интересы русско-монгольской торговли. Руководящее значеніе принадлежитъ шерсти и сурку, что вполнѣ отвѣчаетъ экономическому быту Монголіи, гдѣ бараны являются главнымъ богатствомъ скотоводческихъ хозяйствъ, а сурокъ—самымъ обильнымъ результатомъ охотничьяго промысла.

Что касается Сойотіи, то она даетъ больше всего крупнаго рогатаго скота въ живомъ видѣ, немного шерсти и разной пушнины (бѣлки, соболя, колонка, сурка, рыси и пр.).

Когда русскіе впервые стали знакомиться съ Монголіей, то тамъ баранья и тѣмъ болѣе верблюжья шерсть не имѣла никакой цѣны. Баранью шерсть собирали только для того, чтобы приготовить изъ нея войлокъ (кочму), изъ которой дѣлали юрты. Русскіе разсказывали, что въ то время всѣ монголы жили въ хорошихъ теплыхъ юртахъ, такъ какъ каждый монголъ имѣлъ возможность запастись новыми кочмами. Кругомъ юртъ всегда валялась шерсть, выброшенная, какъ непригодное имущество. Характерно, что до сихъ поръ монголы умѣютъ приготовить изъ шерсти только одну кочму. И, если бы не было спроса на шерсть для вывоза въ Китай и Россію, то она, быть можетъ, до сихъ поръ валялась бы кругомъ юртъ. Но теперь шерсть имѣетъ большой спросъ и монголы уже рѣдко дѣлаютъ кочму, продавая весь сборъ на рынокъ. Монгольскія юрты часто стоятъ дырявыя, прокопченныя и съ заплатами. Клочковъ шерсти уже не встрѣтишь кругомъ юрты даже во время стрижки овецъ,

наоборотъ,—монголъ старается собрать соръ вокругъ своей юрты и запихать его въ шерсть, чтобы тюки съ шерстью казались тяжелѣе.

Шерсть, которая поступаетъ въ руки купцовъ, собственно говоря, не имѣетъ правильныхъ товарныхъ сортовъ, хотя по своимъ качествамъ она представляется далеко не однородной. Прежде всего всякую шерсть дѣлятъ на два сорта: бѣлую и черную. Иногда черная идетъ подъ именемъ цвѣтной; это въ томъ случаѣ, когда вмѣстѣ съ черной сортируютъ и рыжую, пеструю шерсть. Сортировка по цвѣтамъ вызвана требованіями иностраннаго рынка: за границу черезъ русскія руки идетъ только бѣлая монгольская шерсть, цвѣтная же остается въ предѣлахъ Россіи. Монголія производитъ по большей части бѣлую шерсть, находящую болѣе широкій сбытъ и болѣе высокія цѣны. Можно предполагать, что въ недалекомъ будущемъ монгольское овцеводство окончательно перейдетъ къ бѣлымъ овцамъ.

Качество бараньей шерсти во многомъ зависитъ также отъ характера пастбищъ. Шерсть Улясутайскаго района, въ особенности въ долинѣ рѣки Эдера, отличается высокими качествами. Здѣсь собирается такъ называемая рунная, шелковистая шерсть. Въ тѣхъ районахъ Монголіи, гдѣ стада овецъ круглый годъ находятся на свѣжемъ воздухѣ, шерсть отличается лучшими качествами, нежели въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ на ночь, въ особенности зимою, овецъ загоняютъ въ особыя закуты (хашаны). Хашанная шерсть сваливается въ клочки, желтѣетъ и вообще портится. На качество шерсти въ неблагопріятную сторону вліяетъ также дождливая погода: тогда шерсть желтѣетъ и портится; при сбытѣ ея въ руки иностранцевъ приходится такой „желтякъ“ отбѣливать. Монголы совершенно не заинтересованы въ улучшеніи качества шерсти, такъ какъ и хорошую шерсть, и плохую имъ приходится сбывать по одной цѣнѣ. Въ глазахъ купца монгольская шерсть—одного качества и только за самую плохую они готовы сбавить цѣну, но за хорошую— цѣна врядъ-ли будетъ набавлена. Съ другой стороны, и русскіе скупщики шерсти ни одного шагу не сдѣлали въ направленіи улучшенія природныхъ качествъ шерсти; все это было далеко отъ сознанія нашихъ купцовъ въ Монголіи, хотя въ такихъ дѣлахъ, какъ улучшеніе породы овецъ, могло бы проявиться культурное вліяніе русскихъ.

Монгольская шерсть принимается, какъ однородный товаръ. При пріемкѣ шерсти изъ рукъ монголовъ забота купца сводится только къ двумъ вещамъ: обезопасить себя отъ засоренной шерсти (часто такое засореніе совершается искусственно) и, во-вторыхъ,

принять шерсть возможно выгоднѣе, не брезгуя иногда обвѣсомъ и другими аналогичными пріемами.

Можно думать, что фальсификація грязной шерсти монголами была вызвана недобросовѣстными пріемами русскихъ при полученіи этого товара изъ рукъ монголовъ. Въ настоящее время не рѣдко можно встрѣтить настолько засоренную шерсть, что при простой ея перетряскѣ партія теряетъ отъ 7 до 10% въ своемъ вѣсѣ. Это уже безусловно говоритъ за то, что шерсть загрязнена умышленно. При пріемкѣ шерсти въ значительныхъ партіяхъ обыкновенно производятъ перетряску не всей шерсти, а только пробныхъ количествъ, и затѣмъ уже по опредѣлившимся результатамъ дѣлаютъ скидку на всю партію. При этомъ дѣло обстоитъ не всегда „чисто". Одинъ торговецъ въ долинѣ рѣки Тель-Гиръ-Муринъ разсказывалъ намъ по этому поводу слѣдующее:

Привезли монголы значительную партію шерсти тюками по 4 пуда. Торговецъ потребовалъ перетряски. Перетряхнули одинъ тюкъ и оказалось, что перетряска дала убыль тюка на 20 фунтовъ. Слѣдующій тюкъ и послѣ перетряски оказался вѣсомъ въ 4 пуда, т. е. шерсть была совершенно чистой. Третій тюкъ опять далъ убыль въ 20 фунтовъ. Торговецъ предложилъ принять всю партію съ разсчетомъ съ каждыхъ 4 пудовъ скинуть 20 фунтовъ. Монголы заупрямились и захотѣли сами перетрясти всю шерсть и потомъ сдать ее по чистому вѣсу. Торговецъ согласился. Но только что монголы развернули свою шерсть, какъ пошелъ дождь, установилось ненастье. Тщетно просили монголы позволенія у русскаго торговца сложить шерсть въ его пустые сараи; торговецъ категорически отказывалъ въ этой просьбѣ. Шерсть портилась и дѣло могло бы окончиться для монголовъ крайне печально. Тогда они пошли на всѣ условія торговца: „принимайте, какъ хотите";—„ну, мы и приняли, конечно, какъ слѣдуетъ", заключилъ свой разсказъ изворотливый торговецъ. Этотъ инцидентъ мы разсказали не потому, что онъ чѣмъ нибудь особенно выдѣляется изъ обычныхъ отношеній русскихъ и монголовъ, а потому, что въ немъ, какъ намъ кажется, сквозитъ нотка, характеризующая обычныя отношенія русскихъ и монголовъ.

По свидѣтельству того же торговца, при пріемкѣ шерсти отъ монголовъ можно много выгадать разницею на вѣсѣ при самомъ взвѣшиваніи шерсти, такъ какъ вѣсы, употребляющіеся въ Монголіи, очень разнообразны и легко поддаются неуловимымъ, но ощутительнымъ воздѣйствіямъ со стороны взвѣшивающихъ. Торговецъ изъ другого района разсказывалъ, что при взвѣшиваніи шерсти очень легко можно достигнуть неожиданныхъ результатовъ;

торговецъ, самъ производившій впечатлѣніе человѣка вполнѣ порядочнаго, говорилъ, что на его глазахъ монгола обвѣшивали на очень крупную цифру. Такъ какъ у монгола шерсть была взвѣшена дома, то онъ недоумѣвалъ, куда же дѣвалась часть ея, дающая недовѣсъ. Монголъ захотѣлъ самъ свѣшать свой товаръ и былъ пораженъ появившемуся недовѣсу. Монголъ не догадался, что вѣсы-безмѣнъ были ловкимъ маневромъ съ гирей фальсифицированы. Говорятъ, что постоянныя обвѣшиванія при пріемкѣ шерсти, наконецъ, выучили монголовъ. Теперь монголы взвѣшиваютъ шерсть дома, прежде чѣмъ везти ее къ купцу, и твердо стоятъ на своемъ вѣсѣ.

Шерсть, принятая отъ монголовъ, называется грязной, такъ какъ она не подвергалась какой-либо очисткѣ. Грязная шерсть на рынкахъ Монголіи является руководящимъ товаромъ, т. е. цѣна на шерсть опредѣляется цѣною грязной шерсти. Въ руки китайцевъ и русскихъ поступаетъ только грязная шерсть. Въ такомъ видѣ китайцы вывозятъ шерсть внутрь Китая и въ такомъ же видѣ продаютъ ее русскимъ скупщикамъ. Только русскіе моютъ шерсть для вывоза въ Россію. Въ первое время и русскіе не мыли ея, транспортируя въ грязномъ видѣ. Необходимость мойки съ одной стороны обусловлена требованіями русскаго санитарнаго надзора, а съ другой—соображеніями чисто коммерческаго характера. Въ грязной шерсти заключается, какъ увидимъ ниже, значительная часть ложнаго вѣса, что только удорожаетъ транспортъ.

Прежде чѣмъ приступить къ мойкѣ шерсти, ее сначала перетряхиваютъ, чтобы удалить крупный и легко отдѣляющійся соръ; при этомъ происходитъ самая примитивная сортировка: шерсть раздѣляется на бѣлую и цвѣтную.

Собственно говоря, сортировка шерсти должна была бы отвѣчать установившимся рыночнымъ цѣнамъ и сортамъ. Монгольская шерсть далеко не представляется однородной по своимъ качествамъ. Но въ данномъ случаѣ русскими купцами не сдѣлано ни одного шага къ тому, чтобы правильной товарной классификаціей поднять цѣны на шерсть: она идетъ гуртомъ, какъ смѣшанный товаръ. Русскіе купцы объясняютъ такое положеніе дѣла различными причинами. Одни говорятъ, что шерсть собирается очень поздно, такъ что не остается времени для ея тщательной сортировки. Другіе указываютъ на то, что въ Монголіи не хватаетъ рукъ для простой мойки шерсти, а о сортировкѣ нечего и думать. Для сортировки нуженъ при каждомъ торговомъ предпріятіи спеціалистъ и обученые рабочіе. Въ отдѣленіе одного купца на рѣкѣ Эдерѣ былъ выписанъ рабочій-спеціалистъ по сортировкѣ шерсти, но онъ ока

Подвозка шерсти въ Монголіи.

Сортировка шерсти на мойкѣ Бодунова на р. Эдерѣ.

залея совершенно безполезнымъ, такъ какъ некого было научить сортировать.

Вслѣдствіе этого дѣло обстоитъ такимъ образомъ, что вымытая въ Монголіи шерсть направляется въ Бійскъ или Кяхту только въ двухъ сортахъ: бѣлая и цвѣтная. И уже, напр., въ Бійскѣ приходится зимою прежде, чѣмъ шерсть перейдетъ въ руки вторыхъ скупщиковъ, экспортеровъ за-границу, снова ее разбирать и приводить всю партію въ нѣсколько цивилизованный видъ. При этой разборкѣ партію готовятъ такъ, какъ приготовляютъ, напр., витрину въ магазинѣ: чтобы въ данной партіи было что показать. Отбираютъ безусловно хорошую шерсть, къ ней пристегиваютъ значительную порцію средней и, наконецъ, подъ этимъ флагомъ спускаютъ кое-что и худой шерсти. Въ массѣ скупленной въ Монголіи шерсти попадаетъ завѣдомый „бракъ". Этотъ бракъ съ трудомъ находитъ себѣ сбытъ за-границу. Скупщики монгольской шерсти въ предѣлахъ Россіи на заграницу воздерживаются отъ покупки брака, который поэтому идетъ иногда на ирбитскую или нижегородскую ярмарки (напр., въ 1910 году). Нѣтъ сомнѣнія, что такіе пріемы совершенно лишаютъ возможности выработать опредѣленные сорта и марки монгольской шерсти, что, конечно, не можетъ не отзываться въ отрицательномъ направленіи на цѣнахъ этого въ общемъ хорошаго по своимъ качествамъ товара. Монгольская шерсть расцѣнивается по именнымъ „маркамъ". Отдѣльныя фирмы всегда отличались, напр., добросовѣстностью, моютъ свою шерсть хорошо, избѣгаютъ наживы на какихъ-либо ухищреніяхъ и т. п. Поэтому ихъ партіи идутъ на Бійскій или Кяхтинскій рынки подъ ихъ фамиліей: шерсть такого то купца. Добросовѣстность купца приноситъ ему, во-первыхъ, возможность скорѣе развязаться съ товаромъ, такъ какъ на хорошую „марку" имѣется больше охотниковъ, а, кромѣ того, шерсть хорошей фирмы расцѣнивается выше, нежели шерсть сомнительныхъ фирмъ. Именная марка живетъ только до тѣхъ поръ, пока шерсть не попала въ руки заграничныхъ экспортеровъ: здѣсь шерсть получаетъ новую именную марку, пока за-границей она не смѣшивается съ другою шерстью и не будетъ оцѣнена тамъ уже по своимъ внутреннимъ качествамъ.

Въ такихъ невыгодныхъ порядкахъ менѣе всего повинны русскіе купцы, такъ какъ отдѣльные обороты ихъ съ шерстью слишкомъ незначительны, чтобы создать особую марку товара. Работать же въ этомъ направленіи сообща наши купцы до сихъ поръ не умѣютъ. Скупщики же на заграницу находятся въ большой зависимости отъ иностранныхъ фирмъ, которыя врядъ ли выпустятъ изъ своихъ рукъ выгоды сортировки по качеству товара. Здѣсь въ

небольшомъ масштабѣ отражается общее положеніе русской торговли, которая внутри страны остается доселѣ безъ всякаго порядка, а на заграничныхъ рынкахъ находится въ рабской зависимости отъ иностранныхъ фирмъ. Стоитъ вспомнить исторію и современное состояніе вывозной торговли сибирскимъ масломъ...

Русскіе купцы съ гордостью показываютъ на свои шерстомойни въ Монголіи. Эти сооруженія какъ бы должны свидѣтельствовать о томъ, что и въ первобытныхъ условіяхъ Монголіи русскій капиталъ не дремлетъ, а занимается полезнымъ дѣломъ. Любопытно отмѣтить, что до сихъ поръ примѣръ русскихъ шерстомоенъ не вызвалъ подражанія со стороны китайскихъ купцовъ. Китайцы по-прежнему везутъ изъ Монголіи шерсть въ грязномъ видѣ.

Когда подъѣзжаешь къ Кобдо, этому зеленому островку тѣнистыхъ тополей среди однотонной полуголой пустыни, то невольно обращаешь вниманіе на длинные сараи по берегамъ быстро бѣгущей рѣчки Буянту. Около этихъ сараевъ, сложенныхъ, обыкновенно, какъ строятся китайскія фанзы, изъ стоймя поставленныхъ лиственницъ, покрытыхъ иногда брезентомъ, находятся примитивно устроенныя шерстомойни. Во время работъ надъ сараями, въ которыхъ складывается вымытая шерсть, на длинныхъ шестахъ развѣвается русскій флагъ, иногда съ иниціалами хозяина шерстомойни. Около мойки стоятъ юрты для надсмотрщиковъ, вѣсы для взвѣшиванія шерсти, горой навалена шерсть, приготовленная для очистки. Кругомъ наставлены безконечные ряды палокъ, на которыя вѣшается только-что вымытая шерсть для просушки. Эти палки называютъ вѣшалами. Около сараевъ и мойки копошатся полуголые и оборванные монголы и монголки, работающіе на мойкѣ. Русскіе никогда не работаютъ вмѣстѣ съ монголами: русскіе играютъ роль надсмотрщиковъ. Участокъ земли, на которомъ находится мойка, обнесенъ обыкновенно загородкой.

Мойки устраиваются различно. Общее у нихъ то, что здѣсь пользуются искусственно отведенной водой изъ сосѣдней рѣчки или какимъ-нибудь рукавомъ рѣки. Запруда даетъ возможность регулировать силу теченія ручья, доставляющаго воду для промывки. Въ землю вкопаны довольно глубокіе ящики, въ которыхъ стороны, обращенныя противъ теченія и по теченію воды, дѣлаются изъ рѣшетокъ, такъ что шерсть, нагруженная въ эти ящики, промывается текущей водой. Въ этихъ ящикахъ шерсть отмачивается. Иногда ящики устроены изъ листового желѣза, продырявленнаго насквозь для свободнаго прохода воды. Такіе ящики ставятся вдоль по теченію соотвѣтствующаго отвода воды. Моютъ намоченную шерсть двумя способами: или устраивая сильно падающую верх-

Мойка Игнатьева въ Улясутаѣ (верхней струей).

Шерстомойка въ Кобдо.

Шерстомойки въ Улясутаѣ.

Шерстомойки въ Улясутаѣ.

ною струю, которая въ отверстіе запруды, устроенной передъ ящикомъ, прорывается прямо въ шерсть и стекаетъ въ имѣющіяся отверстія. Такой способъ промыванія шерсти очень легокъ, но онъ не можетъ дать хорошихъ результатовъ. Другой пріемъ заключается въ томъ, что въ желѣзномъ ящикѣ, гдѣ вода свободно протекаетъ изъ продольныхъ отверстій, мокрую шерсть переворачиваютъ длинными шестами. Одинъ рабочій спускается въ самый ящикъ, гдѣ руками помогаетъ циркуляціи шерсти. Этотъ способъ болѣе продуктивенъ въ смыслѣ отмыванія грязи съ шерсти, но онъ труднѣе и требуетъ болѣе опытныхъ рабочихъ. Наконецъ, третій способъ, обычно практикующійся небольшими торговцами, которымъ нѣтъ разсчетовъ заводить большія мойки, заключается въ томъ, что шерсть кладутъ въ рѣдко сплетенныя корзины и моютъ въ быстро текущей водѣ. Это, такъ сказать, кустарная шерстомойня.

По мѣрѣ того, какъ шерсть вымывается въ корытахъ, ее оттуда выгружаютъ въ корзины и несутъ къ „вѣшаламъ“, т. е. къ палкамъ, воткнутымъ въ землю, гдѣ длинными прядями шерсть и развѣшивается для просушки. На вѣшалахъ шерсть остается висѣть дней пять—шесть, здѣсь она высыхаетъ, бѣлится росами и солнцемъ и потомъ собирается въ сараи. Въ сараяхъ шерсть готовятъ для перевозки, нагружая ее въ вьючные мѣшки вѣсомъ въ пять—шесть пудовъ, такъ какъ эта шерсть должна совершить длинное путешествіе на верблюдахъ. На самыхъ крупныхъ шерстомойняхъ шерсть прессуютъ. Верблюдъ поднимаетъ пудовъ 12, рѣдко, при хорошихъ условіяхъ, 14 пудовъ. За день 6—7 рабочихъ промываютъ до 25 пуд. шерсти.

„Желтякъ“, т. е. шерсть, пожелтѣвшую отъ сырости, и шерсть особенно грязную отбѣливаютъ иначе: выбираютъ около мойки на берегу рѣчки мѣстность, сплошь покрытую галькою и на этихъ камняхъ шерсть и разстилаютъ. Такимъ пріемомъ достигаютъ хорошихъ результатовъ.

Мойка шерсти чувствительно отзывается на валовомъ вѣсѣ товара: обыкновенно изъ пуда грязной шерсти получается 25 фунтовъ чистой, а иногда и еще меньше *). Такой отходъ шерсти значительно повышаетъ ея цѣну. Нужно замѣтить, что въ скупленной шерсти есть значительная доля цвѣтной шерсти, которая расцѣнивается процентовъ на 20 дешевле бѣлой. Въ уріанхайскомъ районѣ считаютъ, что на 100 пудовъ шерсти попадаетъ 15 пудовъ цвѣтной, а въ кобдинскомъ больше: около 22 пудовъ.

---

*) Въ Кобдинскомъ районѣ на одной мойкѣ изъ 3 пудовъ грязной шерсти намывали 1 пудъ 35 фунт.—чистой.

Не смотря на такой значительный отходъ грязи съ промытой шерсти, все-таки нужно признать, что шерстомойни выпускаютъ не совсѣмъ чистую шерсть. Вѣроятно, въ концѣ концовъ придется перейти къ болѣе усовершенствованнымъ способамъ очистки, что, конечно, будетъ выгодно прежде всего русскимъ купцамъ. Передавали, что китайцы, которые изъ Монголіи везутъ шерсть въ грязномъ видѣ, очищаютъ ее передъ отправкой за море, инымъ способомъ: при помощи сухой механической очистки, но никто въ Монголіи не могъ по этому вопросу дать какихъ-либо опредѣленныхъ свѣдѣній.

Очистка шерсти вызываетъ и другіе накладные расходы. Не считая затратъ на первоначальную организацію шерстомойни, которыя не могутъ быть особенно высокими, операціонные расходы по очисткѣ опредѣляются въ слѣдующихъ цифрахъ:

на пудъ мытой шерсти приходится накладныхъ расходовъ

	Въ Улясутаѣ	въ Ургѣ	въ Улясутаѣ (друг. разсч.)
мойка и сортировка	20 к.	40—50 к.	15—20 к.—25 к. сорт.
набивка для отправки	4 „	„	2 коп.
куль	25 „		25 „
вязка	7 „	„	
укупорка	„ „	20 коп.	

Въ улясутайскомъ разсчетѣ иногда приходится скидывать 15 коп., именно въ томъ случаѣ, когда куль получается обратно. Слѣдовательно, перечисленные расходы въ Улясутаѣ достигаютъ размѣра въ 56 коп., а въ Ургѣ—60—70 коп. На пудъ шерсти нужно отнести еще расходы по администраціи предпріятія. Эти расходы весьма разнообразны и колеблются отъ 75 коп. (10%) у представителей иностранныхъ фирмъ и до 2 руб. и даже 3 руб. 50 коп. у русскихъ фирмъ на одинъ пудъ мытой шерсти.

Трудно, конечно, было провѣрить послѣднюю цифру; въ общемъ, она маловѣроятна. Но нужно признать, что расходы по управленію торговыми дѣлами въ Монголіи у русскихъ значительно выше, нежели въ Сибири и въ Россіи. Въ Монголіи очень нуждаются въ рабочихъ рукахъ. Приказчиковъ, мало-мальски удовлетворяющихъ требованіямъ купцевъ, находятъ съ большимъ трудомъ, даютъ имъ повышенное жалованье, содержаніе ихъ ничѣмъ не отличается отъ содержанія самихъ купцовъ; часто у купца и приказчиковъ общій столъ. Иногда приказчики получаютъ и одежду. Все это, конечно, ложится лишнимъ бременемъ на административный бюджетъ торговой фирмы. У китайцевъ, какъ мы указывали выше, аналогичные расходы гораздо ниже.

Въ Кобдо на крупной купеческой мойкѣ считаютъ, что изъ 1 пуд. грязной шерсти при мытьѣ отходитъ отъ 13 до 14 фунт., причемъ расходовъ по мойкѣ и укупоркѣ падаетъ около 25 коп. на пудъ мытой шерсти. Въ этомъ районѣ собирается, кромѣ монгольской шерсти, еще ордынская, которую въ Кобдо привозятъ киргизы. Эта шерсть грубѣе монгольской, идетъ она для русскаго производства (напр., на суконную фабрику въ Екатеринбургѣ бр. Злоказовыхъ). По качеству выше „ордынки" стоитъ шерсть дербетскихъ хошуновъ и еще выше—халхасскихъ. На нѣкоторыхъ другихъ мойкахъ расходы по мойкѣ опредѣляли въ 20—30 коп., причемъ указывали, что въ г. Вѣрномъ такая же примитивная мойка обходится въ 60 коп.

Русскія шерстомойни въ Монголіи обслуживаются исключительно монгольскими рабочими. Находить рабочихъ въ Монголіи довольно трудно, не смотря на то, что тамъ въ настоящее время растетъ довольно быстро пауперизмъ. Экономическій бытъ Монголіи таковъ, что тамъ нѣтъ условій для образованія незанятыхъ рабочихъ рукъ. Монголъ вообще ничѣмъ не занятъ, кромѣ самыхъ необходимыхъ работъ. Плохенькая юрта, небольшое стадо овецъ и козловъ, нѣсколько лошадей, вотъ и все его хозяйство. Монголъ не знаетъ почти никакого ремесла. Уходъ за стадомъ почти отсутствуетъ. Женщины заняты тѣмъ, что доятъ овецъ или коровъ, собираютъ аргылъ (навозъ для топлива), вода подъ бокомъ. Массу свободнаго времени монголъ тратитъ на простое бездѣлье. Если его дѣла сложились очень печально и дома поѣсть нечего, монголъ отправляется по гостямъ. При наличности широко развитого и освященнаго обычаемъ, почти обязательнаго, гостепріимства, монголъ кое-какъ выходитъ изъ временныхъ затрудненій. Къ работѣ же на мойкахъ и т. п. онъ мало способенъ, такъ какъ совершенно къ ней не привыкъ.

Работа на мойкахъ требуетъ значительнаго напряженія мускуловъ, особенно если на мойкѣ работаютъ не верхней струей, а шестами. Кромѣ того, такъ какъ шерсть собирается очень поздно, то русскимъ приходится волей-неволей страшно торопиться съ окончаніемъ работъ, иначе можно опоздать съ вывозомъ товара. Монголы же работаютъ очень медлительно, вызывая съ русской стороны понятное раздраженіе. Такъ какъ русскіе надсмотрщики по культурному своему уровню стоятъ недалеко отъ „дѣтей природы", то понятно, что ихъ надсмотръ выражается въ очень грубыхъ формахъ. А это не привлекаетъ, а отталкиваетъ монголовъ отъ моекъ.

Легче находить рабочихъ около городовъ и большихъ монастырей. Въ глуши же дѣло обстоитъ гораздо хуже. Напримѣръ, въ до-

линѣ рѣки Эдера народъ вообще отличается зажиточностью. По этому району пріятно путешествовать, такъ какъ почти не видишь удручающей бѣдности, чуть не умирающей отъ голода, какъ это можно наблюдать въ большихъ размѣрахъ въ долинѣ рѣки Хуй-гуя. Правда, около монгольскихъ городовъ всегда ютится бѣднота, напр., около Улясутая до ста монгольскихъ юртъ безусловно населены бѣдняками, но и тамъ эта бѣднота чуждается работъ. Охотнѣе работаютъ женщины и дѣвушки, можетъ быть потому, что онѣ стремятся пріобрѣсть свои „бабьи деньги". Около Урги на русскихъ мойкахъ рабочихъ находятъ гораздо легче, здѣсь рабочіе вербуются изъ бѣдныхъ ламъ (монаховъ), которыхъ въ Богдо-хурэ больше, чѣмъ нужно. Въ силу такого положенія вещей рабочихъ приходится вербовать различными способами. Монгольская бѣднота переживаетъ особенно тяжелыя времена зимой, и въ это время торговцы, оставляющіе своихъ приказчиковъ на зиму, накидываютъ на монголовъ особенно прочныя петли зависимости. Мука при такихъ условіяхъ продается въ долгъ по повышеннымъ цѣнамъ и съ какими угодно обязательствами.

Монголы около Кобдо, уже значительно обстрѣлепные русскими, практикуютъ иногда систему стачекъ, особенно если видятъ, что шерсти грязной остается еще очень много, а времени—въ обрѣзъ. На стачки, которыя проходятъ у монголовъ очень дружно, жаловались намъ и въ другихъ мѣстахъ Монголіи, напр., въ Дайчинъ-Ванъ-хурэ, въ долинѣ рѣки Орхона (на притокѣ Ачіуту). Правда, можно еще удивляться, что монгольскіе рабочіе рѣдко обращаются къ стачкамъ. Условія для этого болѣе, чѣмъ благопріятны.

Рабочій день на мойкахъ начинается очень рано, обыкновенно съ восхода солнца и продолжается до захода. Въ Улясутаѣ заработная плата мужчинамъ, работающимъ у корыта, т. е. исполняющимъ самую тяжелую работу,—одинъ чай въ день, около 70 коп. Къ осени, когда работать у корыта становится тяжелѣе, когда лѣзть въ холодную воду и опасно и непріятно, къ 1 чаю накидываютъ 4 хадака (20—24 к.). Женщины, занимающіяся перетряской шерсти, сортировкой и развѣской мытой шерсти по вѣшаламъ, зашивкой кулей, получаютъ половину чая; къ осени прибавляютъ тѣмъ изъ нихъ, которыя работаютъ у воды, 3 хадака. Ребятамъ и дѣвушкамъ, работающимъ на мелкихъ работахъ, платятъ 4-5 хадаковъ. Рабочіе нанимаются здѣсь на своемъ содержаніи, отъ хозяина они получаютъ осенью въ видѣ преміи чай и водку. Работаютъ такіе рабочіе очень плохо. Только въ Кобдо монголы уже привыкли къ подобнымъ работамъ и производятъ впечатлѣніе профессіоналовъ. Въ Кобдо

были построены первыя русскія шерстомойни. Въ долинѣ рѣки Эдера заработная плата ниже, чѣмъ въ Улясутаѣ, хотя Эдеръ-голь находится недалеко отъ названнаго города (къ востоку), но на Эдерѣ рабочіе получаютъ хозяйское содержаніе. Объясняется это тѣмъ, что мойка на Эдерѣ находится въ безлюдной мѣстности и рабочимъ негдѣ иначе питаться. Здѣсь въ силу указаннаго обстоятельства рабочіе часто нанимаются помѣсячно и получаютъ въ мѣсяцъ 20 чаевъ и содержаніе. Поденно: половина чая и два хадака. Женскій трудъ расцѣнивается дешевле. Къ осени и здѣсь плата увеличивается. Отчасти это увеличеніе объясняется наступающими холодами,—а въ этихъ мѣстахъ и въ августѣ утромъ земля плотно покрывается инеемъ,—а отчасти желаніемъ хозяевъ поскорѣе закончить дѣло. Въ долинѣ рѣки Орхона рабочіе на русскихъ мойкахъ получаютъ—мужчины толстый чай (60 к.), женщины—тонкій чай (40—42 к.). Къ осени плата возрастаетъ. Содержаніе рабочіе имѣютъ свое, т. к. они вербуются изъ жителей многочисленныхъ юртъ, раскинутыхъ кругомъ огромной хурэ (монастыря), считающейся второй послѣ знаменитаго ургинскаго монастыря. На рѣкѣ Тель-гиръ-Муринѣ рабочіе получаютъ половину чая и хозяйскій горячій чай. Набивка шерсти въ мѣшки для транспорта оплачивается сдѣльно. Хорошій рабочій на набивкѣ въ день зарабатываетъ полтора чая. Здѣсь по-преимуществу работаютъ женщины и дѣвушки.

Хозяйскіе харчи въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это практикуется, состоятъ изъ горячаго чаю, который монголы пьютъ съ величайшимъ удовольствіемъ безъ сахара и безъ всякой прикуски, и изъ вареной баранины. Такое меню съ точки зрѣнія монгола не оставляетъ желать ничего лучшаго, лишь бы было всего вдоволь... Дома у себя монголы часто сидятъ на кисломъ молокѣ и, главнымъ образомъ, на пустомъ чаѣ весьма сомнительнаго достоинства.

Мы уже замѣтили, что отношенія русскихъ надсмотрщиковъ къ монголамъ рабочимъ оставляютъ желать много лучшаго. Такъ какъ монголы вообще работники очень плохіе и русскіе пользуются ими за неимѣніемъ лучшаго, то естественно, что на этой почвѣ возникаетъ между русскими и монголами не мало непріятностей. Простодушный парень—сибирякъ, одинъ изъ такихъ надсмотрщиковъ на шерстомойнѣ, разсказывалъ намъ, что, хотя на мойкѣ ему и не приходится работать, но къ вечеру и у него „руки болятъ“ оттого, что... ему приходится цѣлый день бить монголовъ. „Бьемъ кулакомъ, таскаемъ за волосы, бьемъ хворостиной; дашь въ ухо, глядь монголка летитъ съ берега въ воду“... „Только изъ-подъ палки и работаютъ“... „Иной разъ придетъ самъ хозяинъ и распорядится по-

чище нашего"... Такими фразами характеризовалъ намъ надсмотрщикъ положеніе рабочихъ на русской мойкѣ. Конечно, этого случая мы не обобщаемъ на всѣ русскія мойки въ Монголіи. Осенью, когда холодная вода пугаетъ монголовъ и грозитъ имъ тяжелыми простудами, особенно трудно заставить рабочихъ лѣзть въ воду или вставать около корыта. Нужно замѣтить, что всѣ монголы, которые стоятъ около корыта, обыкновенно мокры съ ногъ до головы. Тогда выступаетъ на сцену китайская водка, прибавка жалованья. Хозяинъ выноситъ горсть грошевыхъ конфектъ и обѣщаетъ ихъ тѣмъ, кто полѣзетъ въ воду: „отбою тогда нѣтъ отъ охотниковъ". Или стоитъ похвалить монгола и сказать ему, что онъ работаетъ лучше всѣхъ, онъ дѣлается всѣхъ усерднѣе и понукаетъ другихъ своихъ товарищей. На одной крупной мойкѣ въ Улясутаѣ русскій купецъ такимъ образомъ разрѣшилъ рабочій вопросъ: онъ поручилъ завѣдываніе работами на мойкѣ и рабочими монголами наиболѣе уважаемому среди рабочихъ монголу. Этотъ монголъ получаетъ повышенное жалованіе, вѣдаетъ все дѣло, ведетъ переговоры съ рабочими и указываетъ хозяину, что нужно уступить рабочимъ, онъ же взыскиваетъ и съ рабочихъ. Передавали, что при такихъ условіяхъ мойка работаетъ особенно успѣшно. Намъ пришлось болѣе полмѣсяца ѣхать съ такимъ директоромъ-монголомъ Тагвой: онъ своею дѣловитостью и характеромъ производилъ самое пріятное впечатлѣніе.

Для правильной оцѣнки заработной платы монголовъ на русскихъ мойкахъ нужно имѣть въ виду то обстоятельство, что на чай ведется только разсчетъ, а монголы получаютъ отъ хозяина и деньгами, и товарами изъ лавки и отрабатываютъ свои зимніе и весенніе долги. Слѣдовательно, при товарной расплатѣ заработная плата безусловно понижается. Работы идутъ съ половины іюля, особенно горячо кипитъ дѣло въ августѣ и заканчивается въ сентябрѣ, иногда немного позднѣе.

Заканчивая вопросъ о шерстомойняхъ, замѣтимъ, что всѣ эти предпріятія находятся въ русскихъ рукахъ; только въ Дайчинъ-Ванъ-хурэ намъ показали первую и единственную китайскую мойку, но по разспросамъ оказалось, что эта мойка, собственно говоря, принадлежитъ русскому купцу изъ Троицкосавска, который для успѣха дѣла вошелъ въ компанію съ китайской фирмой изъ Кяхтинскаго Маймачена или изъ Троицкосавска.

Такъ какъ торговля шерстью, вѣрнѣе—скупка ея въ русскія руки является дѣломъ выгоднымъ и—главное— наиболѣе вѣрнымъ, что въ особенности отличаетъ эту операцію отъ скупки сурочьихъ шкурокъ, всегда заключающей въ себѣ большой элементъ риска, то стремленіе русскихъ купцовъ направлено по преиму-

ществу на обезпеченіе себя этимъ прочнымъ и солиднымъ товаромъ. Тѣ времена, когда шерсть продавалась очень дешево и когда монголамъ нужно было искать покупателя, давно отошли въ область преданія. Теперь за шерстью купцы охотятся и принимаютъ много мѣръ для того, чтобы обезпечить себя этимъ товаромъ. Въ виду того обстоятельства, что при закупкѣ шерсти русскіе купцы оперируютъ съ однимъ неизвѣстнымъ, т. е. имъ еще остается неизвѣстной та осенняя и зимняя цѣна, по которой они продадутъ скупленную шерсть въ Россіи, то купцы естественно стремятся къ тому, чтобы закупки соразмѣрялись съ прошлогодними цѣнами, а, кромѣ того, чтобы въ партіи скупленной шерсти по возможности значительная часть была куплена по очень дешевымъ цѣнамъ. Это стремленіе накладываетъ рѣзкій отпечатокъ на всю организацію скупки шерсти. Въ иномъ положеніи находятся представители заграничныхъ и одной русской крупной экспортной фирмы, покупающей шерсть черзъ своихъ агентовъ въ Монголіи. Агенты этихъ фирмъ дѣйствуютъ согласно тѣхъ указаній, которыя они получаютъ отъ своихъ фирмъ, прекрасно освѣдомленныхъ въ положеніи мірового шерстяного рынка. „Мы покупаемъ по лимиту“, говорилъ намъ одинъ изъ этихъ агентовъ, т. е. въ рукахъ этого крупнаго скупщика были опредѣленныя приказанія изъ заграницы—не покупать шерсть выше опредѣленной ставки. Эти же фирмы зимою являтся главными покупателями шерсти, вывезенной изъ Монголіи русскими купцами въ Бійскъ, Кяхту или Верхнеудинскъ. Организація скупки шерсти этими агентами значительно разнится отъ пріемовъ русско-монгольскихъ купцовъ.

Цѣны на шерсть складываются въ Монголіи подъ вліяніемъ нѣсколькихъ факторовъ. Значительная разница въ цѣнѣ на одну и ту же шерсть въ одномъ и томъ же округѣ, даже у одного и того же монгола, зависитъ прежде всего отъ того, покупается ли товаръ на наличныя, или этимъ товаромъ оплачивается старый долгъ. Здѣсь разница въ цѣнѣ можетъ доходить до 50%, иногда до 100% и больше. На цѣну шерсти вліяетъ также то обстоятельство, получается ли шерсть изъ первыхъ рукъ, т. е. отъ монголовъ, или изъ вторыхъ рукъ, отъ китайскихъ или русскихъ мелкихъ купцовъ. Цѣна зависитъ также и оттого, продается ли въ данномъ случаѣ небольшое количество шерсти, или подобранная партія. Въ послѣднемъ случаѣ цѣна будетъ выше, такъ какъ здѣсь придется оплатить расходы по собиранію товара съ разбросанныхъ повсюду юртъ. Далѣе на цѣну окажетъ вліяніе степень конкурренціи между отдѣльными скупщиками, повліяетъ поведеніе представителей иностранныхъ фирмъ, покупающихъ по авторитетнымъ указаніямъ

лицъ, освѣдомленныхъ въ положеніи рынка и работающихъ на болѣе дешевыя деньги, нежели деньги въ рукахъ бійцевъ или уртонцевъ. Крупная русская фирма можетъ легко испортить дѣло другихъ, если она сумѣла во время запастить большой партіей дешевой шерсти и поднимаетъ цѣны для того, чтобы обезсилить своихъ конкуррентовъ. Огромное вліяніе на шерстяныя цѣны оказываетъ также курсъ серебра и та цѣна на серебро и отчасти на кирпичный чай, по которой руководящія фирмы успѣли запастись нужнымъ металломъ и чаемъ для своихъ торговыхъ разсчетовъ. Значительное пониженіе курсовъ серебра въ Лондонѣ способно повысить цѣну шерсти въ Монголіи.

На цѣну шерсти могутъ повліять въ сторону пониженія внутреннія дѣла въ Монголіи: напр., въ сезонъ сбора шерсти въ томъ или другомъ хошунѣ князь задумаетъ собрать албу, т. е. какой нибудь общественно-принудительный сборъ. Монголу при такихъ условіяхъ придется продавать шерсть и другое сырье по какимъ угодно цѣнамъ, лишь бы добыть нужное количество серебра для взноса въ албу. Въ нѣкоторыхъ районахъ Монголіи цѣлые хошуны находятся въ полной и исключительной зависимости отъ китайской банкирской фирмы. Такая фирма держитъ весь хошунъ въ своихъ цѣпкихъ рукахъ и является монополистомъ въ скупкѣ всякаго сырья. Естественно, что здѣсь цѣны сложатся иначе, чѣмъ въ томъ районѣ, гдѣ на рынкѣ соперничаютъ различныя фирмы. Вообще въ городахъ, гдѣ всегда къ услугамъ продающихъ есть масса фирмъ, цѣна установится выше, нежели въ глухихъ углахъ, гдѣ монголъ очень прочно связанъ своими положительными и отрицательными интересами съ торгующимъ здѣсь купцомъ, безразлично—русскимъ или китайскимъ.

Для того, чтобы перейти къ вопросу о цѣнахъ на шерсть, необходимо познакомиться съ единицей вѣса, при помощи которой ведется разсчетъ за купленный товаръ. Хотя у всѣхъ русскихъ имѣются русскіе же вѣсы, иногда совершенной конструкціи, однако и монголы, и китайцы предпочитаютъ продавать шерсть на туземный вѣсъ. Товарный вѣсъ считается на тѣ же ланы, что и серебро. Но въ Китаѣ вообще, и въ Монголіи, для серебра и для товара имѣется цѣлая серія ланныхъ вѣсовъ, отличающихся между собою по вѣсу основной единицы счета.

Въ каждомъ районѣ Монголіи, напр., въ Кобдинскомъ округѣ, въ Улясутайскомъ и т. д., имѣется свой ланный вѣсъ для серебра и для товаровъ. Различные ланные вѣсы носятъ китайскія названія. Насчитываютъ болѣе шести категорій ланныхъ вѣсовъ, изъ которыхъ самый ходовой равняется: одинъ русскій пудъ составитъ

437 или 438 лановъ. Этотъ вѣсъ употребляется въ Ванпъ-Шаби, большомъ монастырѣ между Улясутаемъ и Ургой, недалеко отъ главной дороги, соединяющей эти города. Ванпъ-Шаби за послѣднее время выдвинулся, какъ крупный центръ шерстяной торговли. Есть вѣсъ при разсчетѣ 1 пудъ равенъ 440 ланамъ, а въ Улясутаѣ его считаютъ за 446 лановъ.

Шерсть обыкновенно вѣшаютъ на болѣе крупныя единицы, которыя называютъ гинами или джинами. Тогда разницу въ различныхъ вѣсахъ опредѣляютъ по количеству лановъ въ каждомъ гинѣ. Если въ гинѣ 20 лановъ, то говорятъ, что шерсть вѣшаютъ на 20-ти ланномъ вѣсѣ. Различаютъ слѣдующіе вѣсы для взвѣшиванія шерсти:

12-тиланный—1.200	лановъ	равны	100	гинамъ.
14-тиланный—1.400	,,	,,	100	,,
16-тиланный—1.600	,,	,,	100	,,
18-тиланный—1.800	,,	,,	100	,,
20-тиланный—2.000	,,	,,	100	,,

Въ Улясутайскомъ округѣ принятъ 14-тиланный вѣсъ, но при взвѣшиваніи на каждые 100 гиновъ скидываютъ 20 лановъ, т. е. фактически употребляютъ 12-тиланный вѣсъ. Но при покупкѣ муки въ томъ же Улясутаѣ скидываютъ съ 14-тиланнаго вѣса не 20 гиновъ, а только 10. На рѣкѣ Хунгуѣ 100 гиновъ принимаютъ за 3 пуда 30 фунтовъ. Это будетъ 16-ти ланный вѣсъ (или 3 пуда 25 фунтовъ: точныхъ свѣдѣній намъ не удалось собрать, можетъ быть потому, что русскіе вѣсы имѣютъ привычку и въ Монголіи, какъ и въ русскихъ городахъ, „разноголосить"). 100 гиновъ по 18-ти ланному вѣсу будутъ вѣсить 4 пуда, по 20-тиланному—4 пуда 20 или 22 фунта и т. д. На рѣкѣ Эдерѣ, не такъ ужъ далеко отъ Улясутая, цѣны на шерсть стоятъ улясутайскія, но вѣсъ чистый 24-тиланный, безъ улясутайской скидки. Въ районѣ Дайчинъ-Ванъ-хуре практикуютъ 16-тиланный вѣсъ. Въ этомъ хуре, между прочимъ,

---

[1]) Матусовскій въ своемъ „Географическомъ обозрѣніи китайской Имперіи" (П. Б. 1888) даетъ слѣдующую таблицу вѣса, принятую при торговыхъ сношеніяхъ европейцевъ съ китайцами, а, слѣд., и съ монголами:

1 ли=0,83 доли.
10 ли=1 фынь=8,29 долей.
10 фынь=1 цянь=82,94 доли.
10 цянь=1 ланъ=3 лота.
16 ланъ=1 гинь=1,439916556 фунтовъ.
100 гинь=1 дань=143,9 фунтовъ.
120 гинь=1 ши=172,7 фунтовъ.

Матусовскій отмѣчаетъ разнообразіе китайскихъ вѣсовъ.

имѣется три значительныхъ русскихъ мойки, изъ которыхъ одна русско-китайская.

Не смотря на такое разнообразіе вѣсовъ, русскіе быстро разбираются въ нихъ, такъ какъ они всегда переводятъ туземный вѣсъ на свой русскій. При анализѣ цѣнъ на шерсть всегда, конечно, необходимо имѣть въ виду это разнообразіе туземнаго вѣса. Кромѣ того, конечно, необходимо учитывать и состояніе денежнаго курса, который своими извилинами способенъ дать различное значеніе одной и той же цифрѣ, выражающей цѣну шерсти. Значеніе курсовыхъ колебаній серебра дѣлается чувствительнѣе отъ запада къ востоку: оно менѣе чувствительно въ Кобдо и рѣзко отражается въ Ургѣ. Вотъ, напр., сдѣлки на шерсть—партіонную—лѣтомъ 1919 года въ Ургѣ: 25 іюля покупали 100 гиновъ шерсти по 13 лановъ 7 ценовъ; въ августѣ мѣсяцѣ цѣна на шерсть падаетъ до 12 лановъ 5 ценовъ, но курсъ подпимается до 8 ценовъ 4 фыновъ за 100 коп., въ то время какъ въ іюлѣ онъ былъ 8 ценовъ 2 фына и 2 лп. Къ концу августа цѣна па шерсть опять подпимается до 13 лановъ 2 ценовъ, а курсъ падаетъ до 8 ценовъ 2 фыновъ и 7 лп. На этихъ примѣрахъ ясно видно значеніе курсовъ для оцѣнки шерстяного рынка и колебанія цѣнъ. Къ сожалѣнію, въ Ургѣ далеко не всѣ русскіе руководятся этими взаимными колебаніями курса серебра и цѣнъ на сырье, а потому даютъ случай наживать на этомъ китайцамъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ внушительныя массы сырья и серебра... Цѣны приведены на партіонную шерсть, на наличный разсчетъ съ китайцами—продавцами.

Шерсть, по скольку въ ней заинтересована русско-монгольская торговля, получается изъ трехъ источниковъ. Шерсть наиболѣе желательная для русскаго торговца—та, которая идетъ къ нему изъ рукъ монгола или изъ рукъ монгольскаго хошуна. Другая шерсть поступаетъ изъ рукъ китайскихъ торговцевъ. Часть шерсти болѣе крупныя русскія фирмы получаютъ отъ русскихъ же торговцевъ, которые ограничиваются скупкой этого товара изъ рукъ монголовъ и перепродаютъ ее болѣе крупнымъ торговцамъ тамъ же, въ Монголіи. Часто эта перепродажа обусловлена кредитной сдѣлкой между двумя русскими фирмами. Наиболѣе желательная, такъ какъ она наиболѣе выгодная, шерсть поступаетъ изъ первыхъ двухъ источниковъ: изъ рукъ монголовъ и изъ рукъ хошунныхъ управленій. Операція закупки этой шерсти характерна тѣмъ, что она цѣликомъ опирается на кредитныя сдѣлки. Кредитныя сдѣлки, доставляющія купцу выгодную шерсть первыхъ двухъ категорій, различаются между собою, смотря потому, съ кѣмъ была заключена сдѣлка—съ монголомъ или съ хошуномъ.

Остановимся на шерсти, которую русскій купецъ получаетъ изъ рукъ монгола.

Хотя сейчасъ и говорятъ о томъ, что русско-монгольская торговля переходитъ изъ стадіи натуральнаго обмѣна въ форму денежнаго торга, но эту эволюцію нужно понимать въ условномъ смыслѣ. Внѣдрѣніе денегъ заключается въ томъ, что русскіе купцы, отчаявшись въ широкомъ сбытѣ русскихъ товаровъ, при помощи которыхъ они вели натуральный обмѣнъ съ монголами, ѣдутъ теперь въ Монголію съ деньгами и покупаютъ тамъ сырье. Но возникаетъ вопросъ: у кого покупается шерсть на деньги? Было бы ошибкой думать, что купецъ пріѣзжаетъ въ Монголію и скупаетъ на деньги шерсть и другое сырье, напр., сурочьи шкурки, у простыхъ монголовъ, этихъ первоначальныхъ поставщиковъ всякаго сырья. Дѣло въ томъ, что у монгола шерсть продана уже „на корню“, монгольскій баранъ ходитъ по лугамъ съ проданной уже шерстью. Рѣдкій монголъ имѣетъ свободную шерсть, которую онъ могъ бы продать въ л ю б о й лавкѣ на наличный разсчетъ. Такимъ путемъ на рынокъ поступаетъ самый незначительный процентъ сырья. И если бы русскіе, пріѣхавъ съ деньгами, стали дожидаться монголовъ, предлагающихъ имъ шерсть, то навѣрняка наши купцы уѣхали бы безъ шерсти и безъ сурка. Развѣ только какой нибудь монголъ соблазнился бы возможностью получить въ руки небольшую толику серебра и, обойдя ту лавку, въ которой онъ долженъ на три года впередъ, потихоньку продалъ бы запроданный товаръ.

Каждый монголъ имѣетъ свои долги, направляющіе его хозяйственную дѣятельность. Монголъ ведетъ потребительное хозяйство. Изъ этого хозяйства идетъ на рынокъ то, что нужно обмѣнять на различные покупные предметы, необходимые для его жизненнаго обихода. Въ этомъ и заключается экономическая сила китайцевъ, торгующихъ по всей Монголіи разнообразными товарами, и здѣсь лежитъ разгадка ихъ экономическаго засилья. Монголъ, который самъ почти ничего не умѣетъ дѣлать, а все покупаетъ, вынужденъ покупать необходимые предметы своего весьма скуднаго потребленія круглый годъ, а средства для этихъ покупокъ у него сезонныя: шерсть начинаетъ поступать съ іюля мѣсяца, сурокъ весной, осенью и немного зимой. Особенно тяжело приходится монголу зимою, когда главнымъ образомъ онъ и заключаетъ самые тяжелые долги. Зимою почти всякое сырье исчезаетъ, а необходимость въ покупныхъ предметахъ, напр., въ мукѣ, ощущается особенно сильно. Монголъ при натуральномъ хозяйствѣ долженъ былъ бы оставить на зиму часть шерсти, часть сурка, но у него зимою этого товара никто не спроситъ, такъ какъ и покупатели сырья имѣютъ свои „се-

зоны". Если же монголъ во время сырьевыхъ сезоновъ продастъ все и задумаетъ отложить деньги, чтобы потомъ на эти сбереженія покупать въ лавкахъ товары, то онъ рискуетъ здѣсь всѣмъ: хошунные властители зорко смотрятъ за каждымъ монголомъ, превращеннымъ въ ужасную дойную корову: заведутся деньги у монгола, у монгольскаго князя сейчасъ же появляются различныя потребности, ради удовлетворенія которыхъ онъ соберетъ свою албу и вытянетъ всѣ деньги. Кромѣ того, такъ какъ каждый монголъ имѣетъ долги, часто во всѣхъ окружающихъ его лавчонкахъ, то ему негдѣ купить на деньги: деньги будутъ отобраны за долгъ, а долги у монгола неоплатные.

Современный монголъ бьется въ кругу неоплатныхъ долговыхъ обязательствъ и поэтому онъ всегда безъ денегъ. Онъ выступаетъ на рынкѣ въ качествѣ поставщика будущаго сырья: шерсти, которая бѣгаетъ по горамъ, сурка, который сидитъ въ норѣ, овцы, которая должна родиться весной. Такое печальное положеніе монгольскаго хозяйства приводитъ къ тому, что монголъ вынужденъ довольствоваться кредитно-натуральнымъ обмѣномъ, т. е. онъ покупаетъ все въ долгъ, а потомъ эти долги выплачиваетъ продуктами своего хозяйства. Деньги играютъ главнымъ образомъ счетную роль. Если монголъ приходитъ къ купцу за деньгами, то это не значитъ, что деньги потребовались его хозяйствомъ, что въ деньгахъ нуждается онъ самъ, какъ будущій покупатель и потребитель; обыкновенно это означаетъ только то, что монголъ встрѣтился съ кредиторомъ, который потребовалъ у него серебра, или отъ него потребовали албу. Хошунное управленіе систематически нуждается въ серебрѣ и, такъ какъ у монголовъ серебра нѣтъ, то хошунъ беретъ деньги у купцовъ и продаетъ этому купцу право собрать съ подлежащихъ монголовъ натуральную повинность. Алчность хошуна, который понялъ вкусъ въ серебрѣ, развивается угрожающимъ образомъ при посредствѣ купцовъ, всегда готовыхъ размѣнять натуральную повинность на китайское или гамбургское серебро. Такъ какъ русскіе купцы въ настоящее время вынуждены торговать только почти на серебро, то ихъ дѣятельность особенно сильно поддерживаетъ обираніе монголовъ со стороны властей.

Отсюда ясно, что шерсть изъ рукъ ея первоначальнаго хозяина можетъ поступить на рынокъ только черезъ ворота натуральнаго обмѣна или кредитной сдѣлки, ничего общаго не имѣющей съ свободнымъ денежнымъ торгомъ.

Зимою и весною русскіе и китайскіе купцы начинаютъ „задавать" монголамъ подъ шерсть или другое сырье, т. е. купцы даютъ въ долгъ товары или серебро, съ обязательствомъ, что задолжав-

шійся отдастъ долгъ сырьемъ, напр., шерстью по опредѣленной цѣнѣ. Такимъ пріемомъ сырье, изъ-за котораго въ настоящее время въ Монголіи соперничаютъ отдѣльныя фирмы, закрѣпощается за даннымъ торговцемъ. Рѣчь идетъ о будущемъ сырьѣ, которое поступитъ на рынокъ въ свой сезонъ. Такъ какъ въ настоящее время сбытъ русскихъ товаровъ въ Монголіи весьма и весьма сократился, то ясно, что это сырье идетъ по преимуществу въ китайскія руки и въ руки тѣхъ русскихъ купцовъ, которые ведутъ торговлю отчасти русскими товарами, а больше всего китайскими и американскими, полученными отъ китайцевъ въ Монголіи.

„Задача“ подъ будущее сырье сопровождается извѣстнымъ рискомъ и заставляетъ въ то же время отдать капиталъ на продолжительный срокъ безъ процентовъ, такъ какъ часто эта задача просто будетъ означать, что монголъ взялъ чаю, муки или далембы въ долгъ. Поэтому задаютъ по пониженнымъ цѣнамъ. Вотъ, напр., въ районѣ Дайчинъ-Ванъ-хурэ въ январѣ 1910 года „задавали“ монголамъ подъ будущую шерсть по цѣнѣ: 2 лана (2 руб. 60 коп.) за пудъ шерсти. Мелкимъ китайскимъ фирмамъ, лишеннымъ оборотныхъ средствъ и потому охотно кредитующимся у русскихъ, задавали на партіонную шерсть въ то же время по 2 лана и два цена, т. е. по 2 руб. 86 коп. Разница въ 26 коп. объясняется тѣмъ, что партіонная шерсть, какъ мы уже говорили, всегда цѣнится въ Монголіи дороже. Лѣтомъ того-же года та же самая фирма покупала шерсть уже по 4 руб. и чаще по 4 руб. 50 коп. Отсюда слѣдуетъ, что заданная шерсть расцѣнивалась приблизительно за шесть мѣсяцевъ до сезона на 50 процентовъ дешевле лѣтнихъ наличныхъ покупокъ. Такъ дорого стоятъ въ Монголіи кредитъ и деньги. Партіонную шерсть, заданную этой фирмой по 2 лана 2 цена, китайская фирма обѣщалась поставить въ размѣрѣ 500 пудовъ. Но вѣдь у этой китайской фирмы въ январѣ тоже не было на рукахъ никакой шерсти: она должна получить ее лѣтомъ, когда на наличный разсчетъ шерсть покупалась на 100% дороже. Спрашивается: откуда и по какой цѣнѣ добудетъ шерсть китайскій мелочникъ? Этотъ китаецъ, занявшій у русскаго около тысячи рублей подъ 500 пудовъ шерсти, одновременно задаетъ своихъ покупателей монголовъ. Лѣтомъ монголъ отдастъ китайцу свои зимніе товарные долги, а китаецъ передастъ собранную шерсть русскому и тѣмъ погаситъ свой долгъ. Ясно, что китаецъ „задастъ“ монголовъ-покупателей по болѣе дешевой цѣнѣ, нежели русскій задалъ китайца или русскій задалъ монгола. Если же китаецъ задалъ монголовъ по той же цѣнѣ, по какой задавалъ и русскій, то, значитъ, китаецъ сбывалъ изъ своей лавки товары по такой расцѣнкѣ, которая съ из-

быткомъ покроетъ его дорого стоющіе капиталы. Почему же монголъ не задался у русскаго, который давалъ подъ шерсть 2 лана, т. е. неизбѣжно больше китайца, прижатаго кредитомъ? Потому, что монголъ имѣетъ вокругъ своей шеи старыя долговыя китайскія петли и еще потому, что монголъ у китайца нашелъ подходящіе ему товары.

Вотъ въ чемъ лежитъ ужасъ монгольскаго хозяйственнаго быта, вотъ откуда идетъ „дешевая" шерсть!

Представители иностранныхъ фирмъ крупныхъ экспортныхъ фирмъ въ Монголіи съ гордостью говорятъ, что они такими „задачами" не занимаются,—они не пачкаются въ монгольскихъ долгахъ. Но откуда же они покупаютъ шерсть? Отъ китайскихъ купцовъ. Теперь мы знаемъ, что китайцы свою шерсть получаютъ тоже черезъ эти ужасныя „задачи", способныя запачкать въ большей мѣрѣ, нежели русскія „задачи" тѣмъ же монголамъ.

Беремъ торговлю на рѣкѣ Хунгуѣ. Здѣсь лѣтомъ 1910 года покупали шерсть на наличныя отъ китайцевъ и отъ богатыхъ монголовъ за 100 гиновъ (3 пуда 30 ф.) по 12 лановъ, а зимою задавали по 6 лановъ, т. е. кредитъ опять таки стоилъ 100%.

Беремъ фирму на рѣкѣ Эдерѣ. Здѣсь задавали зимой 1910 года на лѣто того же года такъ: за 1 кирпичъ чая 8 фунтовъ шерсти, за 1 фунтъ китайской муки 2 фунта шерсти. Если предположить, что данной фирмѣ кирпичъ чая обошелся самое большее 85 коп., то слѣдовательно, задавали фунтъ шерсти по 8 коп. или пудъ за 3 руб. 20 коп. Лѣтомъ здѣсь шерсть на наличныя стоила не менѣе 5 руб.

Та же самая исторія повторяется въ Кобдо и другихъ мѣстахъ Монголіи. Краски могутъ только сгуститься, а не поблѣднѣть.

Размѣръ „задачи" подъ будущую шерсть отдѣльному монголу колеблется значительно. Здѣсь все зависитъ отъ кредитоспособности даннаго монгола, отъ размѣровъ его овцеводческаго хозяйства и отъ его умѣнья обернуться. Если монголъ беретъ товаръ или деньги подъ будущую шерсть, то это не значитъ еще того, что онъ долженъ непремѣнно поставить шерсть со своего стада. Часто шерсть его стада уже запродана другому купцу и монголъ въ тискахъ нужды пускается на отчаянныя спекуляціи. Онъ надѣется добыть шерсть на сторонѣ и такимъ образомъ ликвидировать свой долгъ. Въ 1910 году наблюдался, напр., такой случай: рѣка Дзабхынъ раздѣляетъ два монгольскихъ племени —дербетовъ и халхасцевъ. Дербеты зимою задолжались подъ шерсть, а лѣтомъ у нихъ шерсти оказалось мало. Они поѣхали къ халхасцамъ и тамъ нашли нужную шерсть, которую и уплатили своимъ кредиторамъ. Ясно,

что такой операціей они еще болѣе отягчили невыгоды зимнихъ „задачъ".

Средніе и крупные купцы избѣгаютъ „задавать" подъ мелкія количества шерсти. Мелкія „задачи"—удѣлъ небольшихъ торговцевъ, которые торгуютъ въ хошунахъ, знаютъ вдоль и поперекъ каждаго монгола, живущаго около нихъ, знаютъ ихъ имущественное положеніе, связаны съ ними ежедневными сдѣлками и ведутъ съ ними мелочный торгъ. Средній, а тѣмъ болѣе крупный торговецъ, задаетъ крупно. Вотъ, напр., фирма одного купца изъ Кяхты, торгующаго на р. Ачіуту, задавала по 100 пуд., по 80 пуд. Такихъ задачъ было очень немного. Преобладали задачи въ 10—20—40 пудовъ. Мелкія задачи въ 3—4 пуда дѣлались не охотно, такъ какъ это увеличивало и трудъ и рискъ позднѣйшей сборки розданныхъ долговъ. Мелкія задачи дѣлались только хорошимъ знакомымъ. На мелкія задачи пойдетъ купецъ, уже обжившійся въ данномъ районѣ, имѣющій въ краѣ прочныя связи и знакомство съ властями, очень полезными при сборѣ долговъ. Поэтому мелкія задачи по большей части находятся въ рукахъ китайцевъ. Условія натуральнаго хозяйства, въ которыхъ еще до сихъ поръ живетъ современная Монголія, вынуждаютъ монголовъ или къ натуральной мѣнѣ сырья на фабрикатъ, или къ кредитнымъ покупкамъ, опять таки подъ будущіе продукты ихъ скотоводческаго и охотничьяго хозяйства. Поэтому сырье естественно стягивается въ тѣ руки, которыя заняты въ Монголіи сбытомъ товаровъ.

Условія мелочного торга въ Монголіи таковы, что купецъ, задающій подъ будущую шерсть, всетаки еще не можетъ имѣть увѣренности въ томъ, что монголъ, съ наступленіемъ договорнаго срока, сдаетъ ему обязательно шерсть, а не какой либо другой сырьевой товаръ. Легко можетъ случиться и такъ, что у монгола въ нужное время совсѣмъ не окажется шерсти. Въ такихъ случаяхъ китайскіе купцы и русскіе по ихъ примѣру практикуютъ обычай перевода долгового обязательства въ другую форму. Если долгъ былъ заключенъ съ условіемъ сдачи шерсти, то купецъ, въ случаѣ неисполненія обязательства, вынуждаетъ монгола заплатить не шерстью, а другимъ сырьемъ. Такіе переводы, какъ правило, обыкновенно сопровождаются отягченіемъ условій кредитной сдѣлки. Въ этомъ отношеніи особенной виртуозностью отличаются китайскіе купцы, находящіе себѣ въ такихъ сдѣлкахъ поддержку властей. Намъ разсказывали, что переводъ долгового обязательства изъ одной формы въ другую, съ поразительнымъ отягченіемъ должника, представляетъ изъ себя самое обыкновенное дѣло въ Монголіи. Вотъ одинъ образчикъ такого перевода.

Китайскій торговецъ въ августѣ мѣсяцѣ даетъ монголу въ долгъ одинъ кирпичъ чая, т. е. 65—70 коп. За этотъ чай монголъ обязуется зимою отдать купцу три необдѣланныхъ яманьихъ шкурки (ямань—домашній козелъ). Если же зимой монголъ не сможетъ выполнить принятаго обязательства, то китаецъ переводитъ долгъ въ денежную форму, разсчитывая яманью шкурку по такимъ цѣнамъ, какія на этотъ товаръ стоятъ въ Улясутаѣ. Зимою яманья шкура въ Улясутаѣ доходитъ до 5 ценъ, т. е. по меньшей мѣрѣ до 50-60 к. штука. Слѣдовательно, пересрочка долга, обыкновенно до весны, будетъ обозначать, что за кирпичъ чая монголъ къ веснѣ будетъ долженъ китайцу уже 15 ценъ, т. е. 1 р. 80 к. Но такъ какъ китаецъ знаетъ, что у монгола весной не будетъ денегъ, то онъ при зимней конверсіи долга выговариваетъ, что монголъ отдастъ эти 15 ценъ не серебромъ, а баранами-годовиками. Барановъ-годовиковъ монголъ долженъ будетъ сдать лѣтомъ по разсчету баранъ за пять ценовъ, такимъ образомъ, одинъ чай, взятый осенью, черезъ 9 мѣсяцевъ превращается уже въ трехъ барановъ, которые стоятъ около 1 лана каждый. Чай уже обходится почти въ три рубля и выше. Девятимѣсячный кредитъ обходится въ 400%, если порою не дороже.

Подобные случаи казались намъ невѣроятными. Но при всѣхъ послѣдующихъ повѣркахъ сдѣланнаго наблюденія краски отнюдь не блѣднѣли. Приходилось узнавать, что эта китайская манера практикуется въ широкихъ масштабахъ по всей Монголіи и что русскіе купцы, конечно, не всѣ, но тѣмъ не менѣе многіе, практиковали эту систему и наживали при ея помощи свои состоянія. Въ Кебдо нѣсколько человѣкъ разсказывали намъ про крупнаго русскаго торговца слѣдующее: купецъ даетъ монголу серебро подъ будущую шерсть. Шерсть по обычаю расцѣнивается очень низко, но и серебро дается въ долгъ не по курсу дня, а съ надбавкой 20%, такъ какъ оно въ данномъ случаѣ разсматривается какъ товаръ, отпускаемый въ кредитъ. Такимъ образомъ при совершеніи кредитной сдѣлки подъ будущую шерсть, купецъ беретъ проценты на два фронта: во-первыхъ, какъ заимодавецъ, дающій въ долгъ серебро, здѣсь онъ получаетъ 20%, затѣмъ онъ учитываетъ будущую шерсть, выговаривая будущія цѣны по меньшей мѣрѣ процентовъ на 50 ниже возможныхъ на рынкѣ. Такимъ образомъ, онъ сразу обираетъ монгола. Монголъ можетъ не поставить въ срокъ договоренной шерсти, и тогда начинается пересрочка обязательства: купецъ начисляетъ на ссуду новыхъ 20 процентовъ, но такое начисленіе совершается не на одинъ ссуженный капиталъ, а на ссуженный капиталъ плюсъ проценты, т. е. валютой новаго обязательства будутъ

не отданные ланы, а ланы вмѣстѣ съ прошлогодними процентами, которые превращаются въ добавочную капитальную часть займа. При помощи такихъ пріемовъ русскимъ купцамъ удавалось изъ отданной въ ссуду тысячи ланов через три—пять лѣтъ собрать съ должниковъ 10 тысячъ лановъ.

Вся Монголія полна разсказами о подобныхъ пріемахъ. Про одного купца говорили, напр., что онъ сторговалъ партію большихъ барановъ по 4 лана за голову; въ условіи о сдѣлкѣ было сказано, что бараны должны быть сданы съ шерстью; если же баранъ будетъ сданъ стриженнымъ, то сдатчикъ обязуется доплатить 6 лановъ на барана.

Вотъ откуда въ Монголіи поступаетъ дешевая шерсть, и вотъ почему русскіе купцы, утерявшіе рынокъ сбыта мануфактурныхъ товаровъ и непосредственныя сношенія съ монголами-потребителями, теперь вынуждены на дешевое сырье смотрѣть издалека, черезъ китайскія руки.

Въ русскихъ лавкахъ въ Монголіи все, конечно, считается съ неизбѣжнымъ переводомъ долговыхъ обязательствъ изъ одной формы въ другую. Въ торговыхъ книгахъ русскихъ купцовъ долги монголовъ записываются иногда въ трехъ формахъ. Въ книгахъ имѣются графы съ обозначеніемъ: чай, серебро, шерсть. Это означаетъ, что заданная сумма денегъ или товаръ по желанію могутъ быть взысканы какъ угодно, съ переводомъ на названные измѣрители монгольской задолженности.

Такіе пріемы характерны для мелочной торговли, получающей сырье въ обмѣнъ на сбываемые товары. Такими же пріемами пользуется и та группа торговцевъ, которая торгуетъ деньгами. Но если эта торговля деньгами идетъ между русскими и китайцами, тогда условія могутъ рѣзко перемѣниться. Выгодность указанныхъ выше „конверсій" долговъ наблюдается только въ тѣхъ случаяхъ, когда должникъ находится цѣликомъ въ рукахъ кредитора. Теперь это по большей части—китайскія руки. Но русскіе торговцы, растерявшіе свои непосредственныя связи съ монголами, въ настоящее время, въ погонѣ за сырьемъ, вынуждены „задавать" китайцамъ, которые въ этомъ отношеніи совсѣмъ не похожи на несчастныхъ монголовъ. Русскіе задаютъ китайцамъ подъ шерсть, которую китайцы въ свою очередь „зададутъ" монголамъ и соберутъ съ нихъ съ наступленіемъ сезона. Но здѣсь условія, конечно, радикально мѣняются. Китаецъ торгуетъ съ расчетомъ и не выпуститъ изъ своихъ рукъ возможныхъ прибылей. У китайца, при наличности на рынкѣ борьбы за сырье, масса возможностей сбыть свое сырье. Вотъ почему при такихъ условіяхъ иногда скупщикамъ прямо невыгодно

„конвертировать“ свои кредитныя притязанія на шерсть въ какую нибудь другую форму. При договорахъ на поставку шерсти по опредѣленной цѣнѣ и съ выдачей при этомъ впередъ полной цѣны часто выговаривается условіе: если въ срокъ товаръ не будетъ поставленъ, то должникъ обязанъ за пудъ шерсти уплатить такую-то сумму денегъ. Въ хошунѣ Дайчинъ-Вана одна русская фирма дала въ ссуду подъ будущую шерсть довольно крупную сумму денегъ, съ условіемъ поставки шерсти по 11 лановъ и 6 циновъ. Въ условіи, кромѣ того, было сказано, что если къ договорному сроку шерсть не будетъ поставлена, то должники обязуются отдать серебромъ по разсчету 15 лановъ серебра за сто гиновъ шерсти. Такъ какъ лѣтомъ 1910 г. запроданная шерсть поступала очень плохо, и впереди предстояла перспектива полученія вмѣсто обѣщанной шерсти серебра, то означенная фирма была въ унынія и считала, что выговоренная неустойка ей не выгодна. Вмѣсто 15 лановъ фирмѣ было выгоднѣе получить 100 гиновъ шерсти. Такихъ невыгодныхъ конверсій не знаетъ торговецъ, получающій шерсть въ уплату за товарные долги.

Русской торговлѣ въ Монголіи, выпустившей изъ своихъ рукъ самое выгодное дѣло—мелочной сбытъ привозныхъ товаровъ, обезпечивающій въ рукахъ торговцевъ наиболѣе дешевое сырье, въ настоящее время приходится заботиться не о самомъ дешевомъ сырьѣ, а о самомъ вѣрномъ и о наивозможно большихъ количествахъ туземнаго товара. Это стремленіе обезпечить себя вѣрнымъ сырьемъ и возможно большими его количествами, въ современной русско-монгольской торговлѣ породило нѣсколько теченій, вліяющихъ на рынокъ шерсти.

Наличность напряженной борьбы за шерсть привела къ тому, что тѣ русскія фирмы, которыя забросили свои товарныя лавки и направили свои капиталы на скупку сырья, стараются заблаговременно обезпечить себя шерстью путемъ кредитованія прежде всего среднихъ и мелкихъ русскихъ же торговцевъ. Обыкновенно, какъ объ этомъ мы говоримъ въ другомъ мѣстѣ книги, крупныя фирмы даютъ среднимъ и мелкимъ купцамъ въ кредитъ серебро и деньги съ условіемъ, что наторгованная должниками шерсть обязательно будетъ сдана кредитору. Условія такой задачи бываютъ самыя разнообразныя; въ этихъ условіяхъ учитываются, во-первыхъ, дороговизна денегъ, во-вторыхъ, предстоящія перспективы шерстяного рынка, а часто, кромѣ того, индивидуальныя отношенія между кредиторомъ и должникомъ. Простое соображеніе о томъ, что желающихъ получить деньги гораздо больше, чѣмъ дающихъ, говоритъ уже за то, что эти условія не могутъ быть легкими для должниковъ.

Ссуда можетъ быть „безпроцентной", но вознагражденіе кредитора будетъ скрыто въ условленной цѣнѣ для сдачи шерсти. Мы можемъ привести конкретный примѣръ такихъ условій. Средняя фирма, связанная съ крупной фирмой старинными дружескими и дѣловыми отношеніями, при чемъ обѣ стороны дорожатъ своей дѣловой дружбой, кредитуется съ условіемъ позднѣйшей сдачи кредитору всей шерсти по слѣдующему условію: за взятый ланъ, стоющій кредитору 1 руб. 25 коп., должникъ расплачивается такимъ образомъ, что ему этотъ ланъ обходится отъ 1 руб. 50 коп. до 1 руб. 70 коп., т. е. надбавка составляетъ отъ 20 до 40%%.

Отсутствіе банковаго кредита для средней и мелкой торговли заставляетъ торговцевъ этихъ категорій соглашаться на тяжелыя условія кредита, что, конечно, не можетъ не сокращать размѣра русской торговой дѣятельности въ Монголіи.

Нѣкоторые средніе и мелкіе торговцы имѣютъ возможность вести торгъ на свой собственный оборотный капиталъ. Но такъ какъ эти капиталы не велики по своимъ размѣрамъ, то каждый изъ этихъ торговцевъ, собравъ то или иное количество шерсти, не располагаетъ возможностью и считаетъ невыгоднымъ заводить свою собственную мойку и налаживать транспортъ скупленнаго сырья въ Россію, а поэтому стремится продать свои запасы тутъ же на мѣстѣ, въ Монголіи. Покупателями этой свободной шерсти являются русскіе купцы.

На ряду съ этой свободной шерстью выступаетъ также шерсть китайскихъ купцовъ, такъ называемая партіонная шерсть. Все это вмѣстѣ и составляетъ ту шерсть, которая дѣлается на монгольскомъ рынкѣ объектомъ довольно оживленной спекуляціи. Спекуляція поддерживается преимущественно русскими купцами, стремящимися обезпечить себя возможно большими запасами выгоднаго сырья.

Китайцы-мелочники и болѣе солидныя фирмы выпускаютъ на монгольскомъ рынкѣ шерсть, попадающую въ русскія руки, потому, что или находятъ болѣе выгоднымъ развязаться на мѣстѣ съ грязной шерстью (въ Монголіи до сихъ поръ нѣтъ китайскихъ моекъ шерсти), или потому, что китайцы работали на русскія деньги съ обязательствомъ сдать скупленную шерсть своимъ кредиторамъ. Русскіе кредитуютъ китайцевъ для того, чтобы обезпечить себя возможно большимъ количествомъ сравнительно дешевой шерсти. Какъ мы уже и говорили, самая дешевая шерсть получается тѣми торговцами, которые получаютъ этотъ товаръ путемъ кредитной торговли ввозными продуктами. Въ современной Монголіи эта торговля вся почти въ китайскихъ рукахъ и русскіе, въ погонѣ за де-

шевой шерстью, поддерживают мелочниковъ-китайцевъ своими деньгами. Обстоятельство это не можетъ не сокращать размѣровъ русскаго сбыта въ Монголіи.

Успѣхъ китайской торговли по сбыту привозныхъ товаровъ во многомъ нужно объяснить огромнымъ развитіемъ въ Монголіи китайской мелочной торговли. Это—тѣ мелкія торговли, которыя разсыпаны по всѣмъ монгольскимъ хошунамъ въ огромномъ числѣ. Возьмемъ, напр., небольшой районъ Монголіи по рѣкѣ Дзабхыну, тамъ, гдѣ эта рѣка пересѣкается торговымъ трактомъ, связывающимъ Кошъ-Агачъ съ Улясутаемъ, между озерами Киргизъ-Нуръ и Хара-Нуръ. На рѣкѣ Дзабхынѣ есть русская торговля. Въ небольшомъ районѣ, съ радіусомъ верстъ въ сорокъ, здѣсь насчитывается около 12 торговыхъ предпріятій, изъ которыхъ 10—китайскихъ. Двѣ китайскія торговли на здѣшній масштабъ принадлежатъ къ разряду крупныхъ, онѣ торгуютъ тысячъ на 15—20. Остальныя помельче: на 5—6 тысячъ, на 2 тыс. и еще того меньше. Эти мелкіе торговцы своихъ денегъ не имѣютъ, а поэтому вынуждены кредитоваться у русскихъ и китайскихъ фирмъ, съ обязательствомъ сдать сырье въ руки кредитора. Русскій торговецъ на этой рѣкѣ лѣтъ 7 или 8 тому назадъ пересталъ торговать русскимъ товаромъ, имѣетъ только въ своей лавкѣ плисъ, который до сихъ поръ является въ Монголіи монопольнымъ товаромъ. Дѣятельность торговца, получающаго оборотныя средства отъ крупной русской фирмы, направлена на кредитованіе серебромъ монголовъ и китайцевъ-мелочниковъ. За послѣдніе годы торговецъ пересталъ даже кредитовать и монголовъ, ограничиваясь ссудами китайскимъ лавочникамъ. Такой порядокъ представляется для русскаго торговца гораздо болѣе выгоднымъ, такъ какъ китаецъ сдаетъ во время собранную шерсть своему кредитору; а за шерстью и другимъ сырьемъ, которое обязаны сдать монголы-должники, приходится ѣздить и собирать. Это и утомительно, и требуетъ много времени и денегъ, такъ какъ приходится держать для такой сборки лишнія рабочія руки.

Можно себѣ представить, какъ дешево покупаютъ эти мелкіе китайскіе торговцы шерсть отъ монголовъ, когда самъ ихъ кредиторъ платитъ за занятыя деньги отъ 20 до 40%.

Подобныя же кредитныя отношенія между русскими купцами и китайскими существуютъ и въ другихъ мѣстахъ Монголіи. Въ Монгольскихъ же городахъ на рынокъ поступаетъ оптовая шерсть, которой запаслись различныя китайскія фирмы разнообразныхъ калибровъ. Это—уже дорогая шерсть, которую русскій экспортеръ покупаетъ охотно только въ томъ случаѣ, если онъ запасся въ при-

личномъ размѣрѣ дешевой шерстью и такимъ образомъ „составилъ партію“ для позднѣйшаго сбыта въ руки скупщиковъ для Америки.

За послѣднее время въ Монголіи наряду съ русскими и китайцами, издавна торговавшими здѣсь, появились новые торговцы-скупщики, примѣнившіе и новые пріемы торговли. Эти новые торговцы пріѣзжаютъ въ Монголію исключительно только съ деньгами и совершенно не занимаются торговлей привозными товарами. Въ ихъ руки попадаетъ главнымъ образомъ партіонная шерсть. Эту шерсть они скупаютъ и отъ русскихъ, и отъ китайцевъ, рѣже отъ монголовъ, которые до сихъ поръ крѣпко связаны съ давнишними торговцами въ Монголіи. Новые торговцы—это русскіе приказчики крупныхъ экспортныхъ русскихъ и иностранныхъ фирмъ: Стукенъ и К°, Бедерманъ, Гутбецаль. Эти фирмы въ большинствѣ случаевъ являются главными покупателями монгольской шерсти и сурка, вывезенныхъ русскими въ Бійскъ или Кяхту—Троицкосавскъ. Московская фирма Стукенъ и К° имѣетъ главную контору для торговли съ Монголіей лѣтомъ въ Ургѣ, зимой—въ Троицкосавскѣ; у нея имѣются значительныя конторы въ Улясутаѣ, въ Заинъ-Шаби и еще въ трехъ хошунахъ. Эта фирма никого почти не „задаетъ“, покупаетъ шерсть исключительно наличнымъ разсчетомъ, при чемъ беретъ одинаково охотно и мытую, и грязную, беретъ большими партіями и мелочью. Такъ же поступаютъ и приказчики другихъ новыхъ фирмъ.

Старые русскіе торговцы смотрятъ съ неудовольствіемъ на работу этихъ пришельцевъ. Производя широкую скупку монгольскаго сырья на наличныя, эти новыя фирмы безусловно содѣйствуютъ росту цѣнъ на партіонную шерсть, такъ какъ онѣ располагаютъ болѣе дешевыми деньгами и болѣе точными свѣдѣніями о предстоящихъ цѣнахъ на шерсть на міровомъ рынкѣ. И эти фирмы стараются обезпечить себя возможно большими количествами сырья. И если онѣ не стремятся „задавать“ подъ шерсть въ русско-китайскомъ смыслѣ, то тѣмъ не менѣе, онѣ готовы дать въ кредитъ ту или иную сумму денегъ русскому или китайскому купцу подъ будущую шерсть. Обыкновенно условія этихъ сдѣлокъ болѣе легки, нежели кредитныя условія сибирскихъ купцовъ. Прежде всего это объясняется тѣмъ, что для сибирскихъ купцовъ деньги стоятъ гораздо дороже, нежели для новыхъ пришельцевъ. Широкое развитіе дѣятельности новыхъ фирмъ приводитъ къ тому, что цѣны на сырье поднимаются и у старыхъ русскихъ фирмъ уходятъ изъ рукъ ихъ старинные кліенты, связанные съ ними кредитными обязательствами. Сибирскіе купцы не смогли наладить отъ себя

прямого экспорта монгольскаго сырья за-границу, а тутъ въ самой Монголіи тѣ фирмы, которымъ они сбывали свой товаръ зимою, вырываютъ у нихъ возможность получать посредническую и кредитную прибыль. Рынокъ, какъ говорятъ сибиряки, „портится"..

Стремленіе по возможности обезпечить себя дешевымъ сырьемъ заставляетъ русско-монгольскихъ купцовъ предпринимать шаги и въ другомъ направленіи. И въ данномъ случаѣ наши купцы идутъ по стопамъ китайцевъ. Въ Монголіи есть два сорта дешевой шерсти. Объ одномъ сортѣ мы уже говорили: это—шерсть, полученная въ обмѣнъ за проданные монголамъ товары. Другая шерсть слыветъ подъ именемъ хошунной. Хошунное управленіе монгольскихъ князей, вановъ, хановъ, часто нуждается въ деньгахъ, и эту свою нужду хошуны могутъ покрывать только однимъ путемъ: съ населенія даннаго хошуна. Но въ рукахъ рядового монгола нѣтъ обычно никакихъ денегъ, у него только одно сырье. Тогда хошунъ занимаетъ деньги у китайской банкирской фирмы или у торговой фирмы, уполномочивая эту фирму собрать съ хошуннаго населенія опредѣленное количество сырья; чаще всего рѣчь идетъ о шерсти и скотѣ. Такъ какъ эти поборы въ Монголіи ничѣмъ и никѣмъ не регулируются и такъ какъ хошунное хозяйство ведется спустя рукава и часто хищнически, то такіе сборы съ хошуннаго населенія, такъ называемыя „албы", составляютъ самое обыденное явленіе. Алба находится въ рукахъ китайскихъ фирмъ и представляла до сихъ поръ главный источникъ неимовѣрнаго обогащенія отдѣльныхъ формъ, напр., Да-Шенъ-Куй и др. Алба была и остается главнымъ бичемъ Монголіи. Китайцы, пользуясь покровительствомъ китайскихъ властей, утверждающихъ договоры на откупу хошунныхъ повинностей, зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы хошунная алба не выходила изъ китайскихъ рукъ. Обыкновенно, если какой-нибудь хошунъ попалъ въ руки опредѣленной китайской фирмы, то онъ считается уже всегдашнимъ достояніемъ этой, именно, фирмы, которая сумѣетъ затянуть надъ нимъ свою мертвую петлю. Поэтому между отдѣльными китайскими банкирскими фирмами, избравшими своей спеціальностью хошунный кредитъ, чувствуются враждебныя отношенія. Имъ трудно безъ риска „обрабатывать" вмѣстѣ одинъ и тотъ же хошунъ.

Крупныя русскія фирмы, перешедшія на скупку сырья, мечтаютъ о томъ, чтобы добраться до этого хошуннаго кредита, доставляющаго дешевое сырье. Но до сихъ поръ успѣхомъ пользовались только немногія фирмы и въ единичныхъ случаяхъ. Иногда русскимъ удается заключить съ хошуномъ сдѣлку подъ давленіемъ

на хошунъ китайскихъ банкирскихъ фирмъ и вопреки намѣреніямъ этихъ послѣднихъ. Пріѣзжаютъ, напр., въ данный хошунъ представители китайской фирмы, которой хошунъ задолженъ выше мѣры и требуютъ съ хошуна уплату долговъ. Иногда эти полновластные кредиторы пріѣзжаютъ на два—три дня и въ этотъ короткій срокъ хошунъ долженъ доставить имъ опредѣленное количество серебра. Часто такое требованіе сопровождается условіемъ: дать не китайское, а гамбургское серебро. У хошуна никогда нѣтъ свободныхъ денегъ и хошунныя власти не могутъ въ два дня собрать съ своихъ крѣпостныхъ нужную сумму денегъ. Тутъ на сцену выступаетъ русскій торговецъ и предлагаетъ хошунному управленію выкупить долгъ у китайцевъ. Хошуну приходится только соглашаться и составить условіе съ новымъ кредиторомъ, получающимъ право собрать съ хошуна такое-то количество шерсти.

Такая, напр., сдѣлка была заключена крупной бійской фирмой въ одномъ изъ хошуновъ на рѣкѣ Эдеръ-голъ. Этотъ хошунъ былъ сильно задолженъ кобдинскому отдѣленію банкирской фирмы Насутай. Послѣдній поприжалъ хошунъ и для отдачи ему долга хошунъ взялъ деньги у русскаго купца. Насутай, узнавъ объ этой сдѣлкѣ, сталъ противодѣйствовать законному утвержденію договора китайскими властями, такъ какъ изъ рукъ Насутая уплывалъ состоятельный и исправный должникъ. И только вмѣшательство и настойчивость улясутайскаго консула помогли русскому купцу формально закрѣпить свою сдѣлку съ хошуномъ.

Сущность договора по выкупу хошуна изъ рукъ Насутая сводилась къ слѣдующему: русскій купецъ далъ хошуну серебра на 20.000 лановъ съ обязательствомъ получить съ хошуна долгъ шерстью въ ближайшіе три года. Ссуда была безпроцентная, но за то была понижена расцѣнка шерсти. Шерсть должна быть сдана по разсчету 8 лановъ за 100 гиновъ (24-ланный вѣсъ). Въ 1909 г. въ Улясутаѣ и окрестностяхъ грязную шерсть наличнымъ разсчетомъ покупали по 12—13 лановъ за 100 гиновъ (3 пуда 25 фунт.), въ 1910 г.—по 13—14 лановъ. Слѣдовательно, фактическій процентъ по сдѣлкѣ былъ довольно значительный. Кромѣ шерсти въ уплату долга купецъ имѣлъ право получить три тысячи барановъ (шутляновъ), по тысячѣ головъ въ годъ.

Русскій торговецъ считаетъ эту сдѣлку для себя выгодной. Шерсть поступаетъ къ нему исправно и отличается высокимъ качествомъ. Монголы даннаго хошуна сами привозятъ свои доли общаго долга въ отдѣленіе купца на мойку. На долю однихъ приходится 10, 30, 50 монгольскихъ фунтовъ (гиновъ); есть монголы,

на долю которыхъ по общей развёрсткѣ и по круговой порукѣ приходится ежегодно доставлять по 1000 и болѣе гиновъ. При прiемкѣ хошунной шерсти монголъ, не имѣющiй въ данномъ сезонѣ этого сырья, по соглашенiю съ русскимъ приказчикомъ можетъ заплатить серебромъ или другимъ какимъ-либо сырьемъ.

Въ другомъ районѣ Монголiи, въ долинахъ рѣки Орхона, одинъ русскiй торговецъ заключилъ сдѣлку съ хошуномъ при аналогичныхъ же условiяхъ. Торговецъ имѣлъ хорошiя отношенiя съ монгольскимъ княземъ и ссудилъ ему 21 тыс. руб. для уплаты процентовъ по хошуннымъ долгамъ китайцамъ. Условiя этой сдѣлки таковы: хошунъ обязался сдать русскому кредитору 130 тыс. гиновъ шерсти къ 10 сентября 1910 года по разсчету 11 лановъ 6 центовъ за 100 гиновъ (108 гиновъ—4 пуда). Въ августѣ 1910 г. цѣна грязной шерсти здѣсь доходила до 13 и выше лановъ за 100 гиновъ. Такимъ образомъ, условiя этой кредитной сдѣлки не такъ выгодны, какъ сдѣлка въ долинѣ рѣки Эдера. Это обстоятельство объясняется тѣмъ, что при заключенiи сдѣлки передъ хошуномъ выступили два соискателя, оба русскихъ. Между ними начался торгъ съ предложенной цѣны въ 10 лановъ и цѣну набили до указаннаго размѣра. Купецъ былъ не особенно доволенъ сложившимися обстоятельствами: прежде всего свой же братъ—русскiй набилъ цѣну; затѣмъ хошунъ достаточно ободранъ китайцами и поэтому шерсть поступаетъ неисправно. Неустойка въ 15 лановъ за 100 гиновъ мало улыбалась торговцу. Шерсть поступала плохого качества, такъ какъ лѣто вышло здѣсь дождливымъ и въ шерсти получилось много „желтяка", обезцѣнивающаго партiю.

Здѣсь хошунная шерсть принимается съ обязательной перетряской и на русскiе вѣсы. Монголы привозятъ по пуду, по 20 фунтовъ, многiе по 80, 100, 120 пудовъ. На мойку во время прiемки этой шерсти хошунная власть командируетъ чиновника, слѣдящаго за точной уплатой долга отдѣльными монголами. Приведенныя данныя объ отдѣльныхъ количествахъ шерсти, приходящихся на одного монгола, показываютъ, въ какихъ разнообразныхъ пропорцiяхъ распредѣляется хошунный долгъ между населенiемъ. Нѣтъ никакого сомнѣнiя въ томъ, что хошунная шерсть въ бытовомъ отношенiи представляетъ изъ себя одно изъ самыхъ тяжелыхъ явленiй современной монгольской торговли. Взысканiе албы съ монголовъ является самымъ главнымъ факторомъ систематическаго раззоренiя населенiя и обиранiя его. Правда, по всѣмъ признакамъ, кредитныя сдѣлки русскихъ купцовъ съ хошунами представляютъ изъ себя сравнительно меньшее зло, нежели аналогичныя сдѣлки китайцевъ. Наши купцы стремятся къ

„выкупу“ изъ китайскихъ рукъ монгольскихъ хошуновъ, конечно, не по соображеніямъ человѣколюбія; но китайцы противятся этому выкупу всѣми способами.

Алба доставляетъ на монгольскій рынокъ значительныя количества дешевой шерсти. Съ другой стороны, нужно признать, что и наличность крупныхъ скупщиковъ на рынкѣ шерсти безусловно содѣйствуетъ усиленному развитію этой албы. Аппетиты монгольскихъ и китайскихъ властей разгораются, находя услужливое серебро китайскихъ и русскихъ купцовъ.

Здѣсь нужно отмѣтить, что не всегда хошунная кредитная операція съ шерстью или съ серебромъ можетъ оказаться выгодной. Одна русская торговая фирма въ Монголіи на рѣкѣ Хунгуѣ дала хошуну значительную сумму денегъ, но возвратъ этой ссуды все время отсрочивался, такъ какъ фирма не прибѣгала къ китайскимъ способамъ воздѣйствія на хошунъ. Монголы вообще и хошунныя управленія въ особенности въ достаточной степени развращены китайскими пріемами „воздѣйствія“. И если къ современному монголу при взысканіи долговъ подойти съ самыми гуманными мѣрами, то во многихъ случаяхъ долгъ останется невзысканнымъ. Это и случилось съ одной русской фирмой, употребившей пріемы, которые шли вразрѣзъ съ монгольско-китайско-русскимъ торговымъ „обычнымъ правомъ“.

Мы имѣемъ достовѣрныя свѣдѣнія о томъ, что нѣкоторыя средніе и тѣмъ болѣе крупныя русскія торговыя фирмы имѣли и имѣютъ кредитныя сдѣлки съ хошунами. Нѣкоторыя фирмы значительно поправили свои дѣла, именно, на этихъ сдѣлкахъ. Но получить возможно достовѣрныя свѣдѣнія о такихъ сдѣлкахъ намъ не удавалось, за исключеніемъ вышеприведенныхъ. Очевидно, въ этихъ сдѣлкахъ далеко не все обстоитъ благополучно.

Наряду съ хошунной шерстью, поступающею въ результатѣ кредитныхъ сдѣлокъ съ хошунными управленіями, на рынкѣ имѣется еще одна категорія шерсти особаго происхожденія. Въ монгольской торговлѣ до сихъ поръ играетъ крупную роль своеобразный институтъ круговой отвѣтственности каждаго монгола за частные долги, сдѣланные монголомъ даннаго хошуна. Если какой-нибудь монголъ наберетъ въ долгъ товаровъ и затѣмъ окажется не въ состояніи уплатить сдѣланный долгъ, то по просьбѣ пострадавшаго купца хошунное управленіе дѣлаетъ распоряженіе о взысканіи долга съ родственниковъ несостоятельнаго должника или со всего хошуна. Такія взысканія—обычный пріемъ китайскихъ купцовъ, къ такимъ же пріемамъ время отъ времени прибѣгаютъ и русскіе купцы, хотя въ общественномъ мнѣніи русско-

монгольскаго купечества подобные пріемы считаются не особенно удобными. Шерсть, собранную при помощи такого пріема, нужно отнести къ категоріи дешевой.

Быстрый ростъ шерстяныхъ цѣнъ на монгольскомъ рынкѣ за последнее время оказалъ значительное вліяніе на процессъ собиранія шерсти. Наличность на рынкѣ скупщиковъ шерсти на деньги, созданная этимъ возможность для монгола сдать свою шерсть не по дешевой кредитной цѣнѣ, а по высокой рыночной, все это приводитъ къ тому, что съ каждымъ годомъ купцамъ, задающимъ подъ шерсть отдѣльнымъ монголамъ и купцамъ, кредитующимъ цѣлые хошуны, становится все труднѣе и труднѣе собирать свои долги. Раньше монголъ-должникъ самъ привозилъ свою запроданную шерсть къ купцу на дворъ. Теперь приходится за этою шерстью разсылать приказчиковъ и караулить монгола, какъ бы онъ не отнесъ настриженную шерсть въ другое мѣсто. Въ разныхъ мѣстахъ Монголіи намъ приходилось выслушивать жалобы торговцевъ на эти новые накладные расходы на шерсть. Вслѣдствіе этого, какъ мы уже и говорили, партіонная шерсть въ Монголіи пользуется болѣе высокой расцѣнкой. Съ другой стороны и это обстоятельство создастъ новое преимущество для китайцевъ-скупщиковъ: китайцы располагаютъ болѣе дешевыми служащими, имѣютъ ихъ въ бóльшихъ количествахъ, нежели русскіе, а поэтому у нихъ собираніе долговъ происходитъ гораздо успѣшнѣе. Для монголовъ же такое собираніе долговъ не представляетъ ничего особенно пріятнаго: сборщики долговъ весьма часто пользуются для своихъ разъѣздовъ монгольскими почтовыми станціями, такъ называемыми уртонами и сумонами. Кромѣ того, сборщики шерсти эксплуатируютъ гостепріимство монгола, который вынуждается дать представителямъ своихъ кредиторовъ и юрту, и угощеніе. Въ этомъ отношеніи рекорды остаются за китайцами, но и русскіе не отстаютъ отъ своихъ конкуррентовъ. При взысканіяхъ долговъ съ монголовъ, особенно задатковъ подъ будущее сырье, всегда происходятъ случаи самоуправства. Когда же торговецъ встаетъ на путь законнаго взысканія долговъ, то монголъ съ великими огорченіями и непріятностями, а также съ излишними расходами вынужденъ сталкиваться съ китайскими и монгольскими властями, которыя не отличаются ни правосудіемъ, ни безкорыстіемъ.

Изъ Сойотіи ввозится въ Россію незначительное количество шерсти, всего 2—3 тысячи пудовъ въ годъ, и потому этотъ товаръ не играетъ особой роли въ торговомъ оборотѣ. Шерсть ввозится обыч-

но въ грязномъ видѣ. Обычно теперь шерсть покупается за наличныя, какъ у сойотовъ, такъ и у китайцевъ, собирающихъ ее по мелочамъ среди населенія. Цѣна при наличной сдѣлкѣ была въ 1910 году около 4 руб. 50 коп. за пудъ.

Кромѣ бараньей шерсти на монгольскомъ рынкѣ значительную роль играетъ верблюжья шерсть.

Рынокъ верблюжьей шерсти слагается подъ дѣйствіемъ тѣхъ же факторовъ, которые опредѣляютъ рынокъ бараньей шерсти. Верблюды разводятся, главнымъ образомъ, въ Западной Монголіи: чѣмъ ближе къ Ургѣ, тѣмъ рѣже попадаются эти „корабли пустыни“, уступая мѣсто быкамъ и сарлыкамъ. Поэтому главная масса верблюжьей шерсти поступаетъ въ районѣ Кобдо и Улясутая. На рынокъ верблюжья шерсть поступаетъ въ грязномъ видѣ, не подвергаясь ни механической, ни мокрой очисткѣ. При пріемѣ этой шерсти отъ монголовъ и при нагруженіи ея въ тюки для транспорта шерсть перетряхиваютъ, очищая отъ пыли и комьевъ земли. Верблюжья шерсть, отправленная въ Россію, большею частью и остается въ предѣлахъ Россіи, за границу попадаетъ небольшая часть русскаго ввоза. Въ большихъ количествахъ эта шерсть идетъ на азямную матерію и на „стежку“ крестьянской одежды, гдѣ она играетъ роль дешевой ваты. Цѣны на верблюжью шерсть въ Монголіи устанавливаются въ зависимости отъ цѣнъ на баранью шерсть, какъ основной товаръ на шерстяномъ рынкѣ. Правда, въ былое время верблюжья шерсть играла болѣе видную роль въ русско-монгольской торговлѣ, нежели баранья. Напр. по даннымъ Кошъ-Агачской таможни въ Россію было ввезено шерсти:

	1892 г.		1893 г.	
бараньей .	6493 пуд.	на 14.436 р.	13.888 пуд.	на 32.419 р.
верблюжьей	5643 „	„ 26 257 р.	8.031 „	„ 36.253 р.

Но скоро баранья шерсть, какъ этого и нужно было ожидать въ виду преобладанія въ монгольскомъ скотоводческомъ хозяйствѣ барановъ и общаго характера шерстяного рынка, подавляетъ верблюжью шерсть и количествомъ, и цѣнностью привоза. По даннымъ той же таможни въ Россію было ввезено шерсти:

	1900 г.		1905 г.		1910 г.	
	пуд.	на	пуд.	на	пуд.	на
бараньей	41.741	246.136 р.	116.011	942.193р.	97.142	819.977р.
верблюжьей	10.877	65.807 „	22.016	169.212 „	17.406	159.762 „

Цѣны на верблюжью шерсть устанавливаются на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и на баранью шерсть, т. е. существуютъ цѣны на на-

личный разсчетъ, цѣны на „заданную“ шерсть и т. д. Лѣтомъ 1910 года въ Кобдо наличнымъ разсчетомъ покупали 1 монгольскій фунтъ (гинъ 12-ланнаго вѣса) бараньей шерсти по 1 цену 1 фыну, а верблюжью шерсть—по 1 цену 4—5 фыновъ. Въ районѣ Дзабхына цѣны на верблюжью шерсть рѣзко поднялись съ 1909 года, когда на 1 чай давали 8 фунтовъ шерсти, а въ 1910 г. уже только 4 фунта. Такой ростъ цѣнъ объясняли здѣсь тѣмъ обстоятельствомъ, что мелкіе китайцы—торговцы заподрядились на поставку большихъ количествъ шерсти и къ сроку выполненія подряда оказалось, что шерсти не такъ много; немедленно же начался подъемъ цѣнъ. Вообще же въ Монголіи принято считать, что одинъ фунтъ верблюжьей шерсти равенъ 1 1/2 ф. бараньей шерсти. На Хунгуѣ въ томъ же году баранья шерсть покупалась по 12 лановъ за 3 п. 30 ф., верблюжья—по 17—18 лановъ за то же количество. Въ предшествующемъ году баранья шерсть покупалась по 10—11 лановъ, верблюжья—по 16—17 лановъ. Въ 1909 году задавали верблюжью шерсть по 10 лановъ за 3 п. 30 ф. (100 гиновъ). Въ такихъ приблизительно отношеніяхъ къ бараньей шерсти устанавливались цѣны на верблюжью шерсть и въ другихъ мѣстахъ Монголіи.

Изъ другихъ продуктовъ монгольскаго скотоводческаго хозяйства, ввозимыхъ въ предѣлы Россіи, нужно отмѣтить живой скотъ, кожи и шкуры домашнихъ животныхъ, масло и сало.

Въ Россію ввозятся, или—вѣрнѣе—вгоняются слѣдующія породы монгольскаго скота: бараны, быки, очень рѣдко коровы, сарлыки (яки) и лошади. Монгольскій скотъ играетъ очень видную роль на потребительныхъ рынкахъ русскаго Дальняго Востока и Восточной Сибири. За послѣднее время усиливается вгонъ скота изъ Монголіи въ предѣлы Западной Сибири, но здѣсь монгольскій скотъ имѣетъ разсчетъ на рынки той же Восточной Сибири или Европейской Россіи. Рынокъ Владивостока, Благовѣщенска и др. центровъ русскаго Дальняго Востока находится въ тѣсной зависимости отъ манчжурскаго и монгольскаго скота. Даже болѣе: какъ показала общеземская организація въ своемъ отчетѣ о Приамурьѣ, „всѣ сельскохозяйственныя животныя Приамурья преимущественно восточно-азіатскаго происхожденія“. Здѣсь—монгольскія лошади, монгольскій рогатый скотъ, монгольскіе бараны [1]). Съ другой стороны, монгольскій скотъ встрѣчается на ярмаркахъ степного района Западной Сибири, были попытки ввести монгольскій скотъ и

[1]) „Приамурье. Факты, цифры, наблюденія“. Москва 1909. Стр. 513 и сл.

на томскій рынокъ. Для русскаго Дальняго Востока главную роль играетъ скотъ изъ крайне-восточной Монголіи и частью изъ сѣверо-западной Монголіи. Рынокъ Иркутска, степной Сибири и, конечно, бійскій и новониколаевскій рынки, питаются скотомъ изъ сѣверо-западной Монголіи. Новониколаевскъ, получающій монгольскій скотъ черезъ Бійскъ, является въ данномъ случаѣ распредѣлительнымъ пунктомъ: отсюда мясо монгольскаго скота направляется или на востокъ, или на западъ. Сѣверо-западная Монголія усиленно снабжала дальневосточный рынокъ своимъ скотомъ только въ періодъ русско-японской войны, когда скопленіе на востокѣ огромной арміи вызвало громадный спросъ на мясо и взвинтило мясныя цѣны. Цѣны доходили до 12 и даже 15 руб. за пудъ мяса. Тогда поставщики на армію ринулись въ Монголію и здѣсь производили огромныя закупки, поднимая цѣны на небывалую высоту. Затѣмъ этотъ чрезвычайный спросъ на мясо упалъ и только сравнительно высокія цѣны на скотъ въ сѣверо-западной Монголіи и теперь свидѣтельствуютъ о былой интенсивной связи этого района Монголіи съ дальневосточнымъ потребительнымъ рынкомъ. Весьма высокія цѣны на скотъ въ Приамурьѣ долгое время будутъ, конечно, поддерживать ввозъ туда монгольскаго скота.

Часть скота, который вгоняется въ предѣлы Приамурья, идетъ тамъ въ качествѣ сельскохозяйственнаго инвентаря, въ остальной же Сибири монгольскій скотъ главнѣйшимъ образомъ идетъ на мясо, исключая, конечно, небольшого количества вгоняемыхъ въ предѣлы Сибири монгольскихъ лошадей.

Скотъ, мелкій и крупный, изъ сѣверо-западной Монголіи вгоняется въ предѣлы Сибири только въ живомъ видѣ. Существуетъ рядъ вѣскихъ причинъ, по которымъ только и возможенъ импортъ скота въ живомъ видѣ. До сихъ поръ Монголія связана съ Сибирью первобытными путями сообщеній. Для транспортированія мяса нѣтъ никакихъ перевозочныхъ приспособленій, а, кромѣ того, высокая дороговизна фрахтовъ на долгое время исключаетъ всякую возможность ввоза мяса. При данныхъ условіяхъ вгонъ въ русскіе предѣлы живого скота является наиболѣе раціональнымъ и выгоднымъ пріемомъ торговли скотомъ. Русскіе купцы и скотопромышленники-скупщики собираютъ партіи монгольскаго скота въ теченіе продолжительнаго времени, причемъ собранный разновременно скотъ выдерживается на монгольскихъ пастбищахъ безъ всякихъ расходовъ на прокормъ гуртовъ и отаръ. Это обстоятельство имѣетъ существенное значеніе для скупки скота въ Монголіи, такъ какъ значительно понижаетъ расходы скупщика. На возможности безплатнаго выпаса скупленнаго скота въ предѣлахъ Монголіи зиж-

дется особый пріемъ скупки: русскіе скупщики задаютъ подъ скотъ деньгами, рѣдко товарами и часто оставляютъ „заданный" и скупленный скотъ въ рукахъ продавшихъ его монголовъ. Скотъ откупливается постепенно, партія пріобрѣтаетъ солидные размѣры, и тогда начинается неспѣшный прогонъ скота по Монголіи и Сибири. На этой возможности имѣть повсюду въ Монголіи безплатныя пастбища основанъ былъ слѣдующій характерный фактъ: Западная Сибирь, особенно алтайскій округъ, давно былъ крупнымъ поставщикомъ рогатаго скота на восточно-сибирскіе золотые пріиски. Скотъ скупался на Алтаѣ и живымъ перегонялся въ предѣлы Восточной Сибири. Были попытки прогонять стада по русской территоріи, по верховьямъ рѣки Томи, но этотъ трактъ пролегалъ по трудно проходимой тайгѣ и много скота гибло по дорогѣ. Поэтому бійскіе купцы, имѣвшіе дѣло съ рынкомъ Восточной Сибири, выгоняли гурты скота съ Алтая въ Монголію и уже по монгольской территоріи гнали скотъ въ сторону Иркутска. Скотъ такимъ образомъ проходилъ около 2 тысячъ верстъ. Проведеніе сибирской желѣзной дороги оказало, конечно, вліяніе на отправку западно-сибирскаго скота въ восточную Сибирь, но не въ той мѣрѣ, какъ это можно было бы ожидать. По даннымъ таможни въ Онгудаѣ (нынѣ въ Кошъ-Агачѣ) крупнаго рогатаго скота было вывезено въ Монголію по Чуйскому тракту въ 1891 г. 684 гол., въ 1896 г.—3.406 гол. и въ 1898 г.—950 головъ. Кромѣ того, животныхъ, „особо непоименованныхъ", вѣроятно, барановъ, въ 1905 году было вывезено въ Монголію 7.600 шт.

Кобдинскій районъ Монголіи направляетъ свой скотъ по двумъ путямъ: или по Чуйскому тракту, или въ сторону Улясутая на скотопрогонные тракты, связывающіе Монголію съ Иркутскимъ рынкомъ. Отары овецъ, предназначенныхъ для вгона въ предѣлы Россіи по Чуйскому тракту, готовятся въ Монголіи къ концу апрѣля и затѣмъ крайне медленнымъ темпомъ гонятся по Монголіи и Алтаю. Цѣль медленнаго прогона скота заключается въ томъ, чтобы продержать его на подножномъ корму какъ можно дольше, такъ какъ реализація скупленнаго скота будетъ происходить только позднею осенью. Если травы въ Монголіи хороши, то стада дольше будутъ продержаны въ Монголіи; если же въ Монголіи трава плохая, то отары поспѣшатъ направить въ Алтай. Въ началѣ іюня 1910 г. отары монгольскихъ овецъ были встрѣчены нами на Чуйскомъ трактѣ при сліяніи Чуи и Катуни и въ Курайской долинѣ. Эти отары вышли съ мѣста, изъ Кобдинскаго района, въ концѣ апрѣля и должны, по разсчету сопровождавшихъ ихъ хозяевъ, прибыть къ Бійску только къ началу октября. Солончаковыя долины Монголіи, раз-

стилающіяся между Кошъ-Агачемъ и Кобдо, носятъ слѣды прогоняемыхъ здѣсь гуртовъ скота: во многихъ мѣстахъ соленая земля вылизана языками животныхъ до того, что образовались довольно глубокія ямки. Трава во многихъ мѣстахъ точно сбрита баранами. Кобдинскіе гурты большею частью идутъ къ Чуйскому тракту не прямымъ путемъ, какъ направляются товарные обозы, а по долинамъ рѣки Кобдо, гдѣ имѣются хорошія пастбища. Такъ какъ въ Кошъ-Агачѣ скотъ выдерживается въ карантинѣ,—крупный скотъ 21 день, мелкій —9 дней,—то гурты и отары въ районѣ Кошъ-Агача пасутся въ предѣлахъ стоверстной полосы. Отары овецъ обычно составляются въ круглыхъ цифрахъ: чаще всего по тысячѣ головъ. Одну отару мы встрѣтили въ количествѣ 2300 головъ барановъ. Эту большую отару сопровождали сами хозяева—скупщики. На сборку тысячи овецъ путемъ мелочной скупки ушло до 20 дней. Часть отары была куплена партіонно у русскаго торговца въ Кобдо. При прогонѣ тысячи барановъ полагается 2 пастуха на лошадяхъ. Обыкновенно пастухами-погонщиками являются монголы, получающіе за весь сезонъ, т. е. май—сентябрь, по 60 рублей и хозяйскіе харчи. Иногда, какъ говорили, платятъ по 25 рублей въ мѣсяцъ, что весьма сомнительно. Называли еще болѣе вѣроятную цифру: 10 лановъ, т. е. 12—13 руб. въ мѣсяцъ. Прогонъ отаръ и гуртовъ по Алтаю свободенъ почти такъ же, какъ и по Монголіи, потому что Чуйскій трактъ населенъ крайне рѣдко, съ интересами же алтайскихъ калмыковъ считаться не привыкли. За послѣднее время, когда вгонъ скота по Чуйскому тракту усилился, алтайскіе крестьяне и калмыки стали выражать претензію на скотопромышленниковъ, безвозмездно пользующихся алтайскими пастбищами, и начали требовать съ нихъ деньги за право прогона и прокорма. Но до сихъ поръ эти требованія и случайны, и невелики. Скотопромышленники отдѣлываются или угощеніемъ крестьянъ, чаще всего старостъ, водкой, или уплатой по 3—5 рублей. Безплатность или ничтожная плата за алтайскія пастбища играетъ существенную роль въ ввозѣ скота по этому направленію. Уничтоженіе этой безплатности, что неминуемо при заселеніи тракта крестьянами, нанесетъ этой отрасли чуйско-монгольской торговли существенный ущербъ.

Отары овецъ гонятъ по Алтаю съ такимъ разсчетомъ, чтобы онѣ попали въ алтайское село Туехту ко времени стрижки шерсти. Въ Туехтѣ барановъ острігутъ и настриженную шерсть тутъ же постараются продать скупщикамъ. Шерсть моютъ на существующемъ въ Туехтѣ кожевенномъ заводѣ. До октябрьскаго убоя бараны дадутъ еще одну стрижку—лѣтнюю, такъ что баранъ, выгнанный изъ Монголіи въ маѣ и зарѣзанный въ октябрѣ въ Бійскѣ, дастъ ско-

топромышленнику въ среднемъ 5 фунтовъ грязной шерсти. Изъ отары въ 1000 головъ во время дороги нѣсколько штукъ погибаетъ, часть овецъ будетъ съѣдена провожатыми; нѣкоторые промышленники считаютъ, что изъ тысячи овецъ до Бійска не дойдетъ 25 штукъ. По словамъ другихъ—на тысячу овецъ не придется павшихъ болѣе 5 штукъ, конечно, при отсутствіи какой-либо эпидеміи. Въ дорогѣ овцы захварываютъ большею частью хромотой.

По разсчетамъ скотопромышленниковъ, встрѣченныхъ нами на Чуйскомъ трактѣ, монгольскій баранъ, ввезенный въ предѣлы Сибири и доставленный въ Бійскъ, дастъ слѣдующій валовой доходъ:

5 фунтовъ шерсти	1	руб.	25	коп.
овчина	—	„	80	„
15 фунт. сала . .	1	„	60	„
30 фунт. мяса . .	2	„	40	„
Всего	6	р.	05	к.

Расходы на барана, кромѣ цѣны при пріобрѣтеніи его,—о чемъ будетъ сказано ниже,—и издержекъ по перегону, составятся изъ оплаты стрижки—8 коп., оплаты убоя—15 коп., расхода на соль, если мясо обращается въ солонину, и около 100 руб. „негласныхъ расходовъ", связанныхъ съ карантинными и ветеринарными осмотрами при прогонѣ и убоѣ.

По другому разсчету монгольскій баранъ дастъ весенней и лѣтней шерсти 3—3½ фунта (весной 2½ и лѣтомъ 1 ф.). Слѣдовательно, по этому разсчету:

шерсти . . . . 75—85 коп.

овчина . . . . 1 р.—1 р. 10 коп. (въ Бійскѣ рубль, въ Новониколаевскѣ на 10 коп. дороже. Овчина пойдетъ въ Вятскую губернію).

Сала баранъ дастъ отъ 5 до 10 фунтовъ, если же выварка сала будетъ производиться и изъ реберъ, тогда сала будетъ до 20 фунтовъ. Сало въ Новониколаевскѣ, гдѣ есть салотопенные заводы, можно продать по 6 р. пудъ, слѣд., баранъ дастъ сала въ первомъ случаѣ—отъ 75 коп. до 1 руб. 50 коп., во второмъ случаѣ—3 руб. Въ Новониколаевскѣ имѣется общественная салотопня, гдѣ всякій промышленникъ имѣетъ право топить сало, уплачивая, при своихъ дровахъ, 10—15 коп. съ вытопленнаго пуда сала. Если на сало пойдутъ и ребра, тогда мясо обращается въ солонину.

Мяса отъ хорошаго барана получится 1 п. 15 фунт., которое можно продать отъ 2 р. 50 коп. до 2 руб. 80 коп.

Кишки отъ каждаго барана 18—20 коп.

Студень (ноги, голова, внутренности) 15 коп.

Условія прогона крупнаго рогатаго скота отличаются отъ прогона барановъ. При прогонѣ барановъ скотопромышленнику выгодно растянуть дорогу, выдерживая отары на подножномъ корму все лѣто и захватывая осень. При прогонѣ быковъ и сарлыковъ выгоднѣе сдѣлать весь путь въ возможно болѣе короткій срокъ и затѣмъ подкормить скотъ на мѣстѣ. Рогатый скотъ, выгоняемый по Чуйскому тракту, обыкновенно дѣлаетъ слѣдующій маршрутъ: отъ Кобдо до Кошъ-Агача скотъ идетъ 20 дней, въ Кошъ-Агачѣ карантинное содержаніе 21 день; отъ Кошъ-Агача до Бійска—35 дней (верстъ 15—20 въ день). Гурты крупнаго скота, обыкновенно, выдерживаются лѣтомъ въ алтайскомъ селѣ Онгудаѣ. Въ Онгудаѣ скотопромышленники арендуютъ выпасы, гдѣ и выдерживаютъ гурты до сентября мѣсяца, когда скотъ гонятъ въ Бійскъ. Обыкновенно, сбываются эти гурты въ Бійскѣ, откуда и направляются въ Новониколаевскъ, гдѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ происходитъ бойка скота; оттуда мясо направляется или на западъ, или на востокъ. Крупный рогатый скотъ вгоняется въ предѣлы Сибири въ возрастѣ отъ 7 до 8 лѣтъ.

Покупателями скота и мяса въ Бійскѣ и Новониколаевскѣ являются агенты-скупщики различныхъ торговыхъ фирмъ или пріѣзжіе изъ разныхъ мѣстъ купцы. Кожи продаются отдѣльно, большею частью онѣ направляются въ Пермь или Тюмень въ сыромъ видѣ. Кожи монгольскаго крупнаго скота отличаются высокими качествами, онѣ лучше сибирскихъ кожъ, такъ какъ тяжелѣе ихъ по вѣсу (1 п. 30 фунт.). Кожа монгольскаго скота въ среднемъ даетъ 10 руб. а сибирскаго—8 руб. Пудъ кожи можно продать отъ 5 до 6 руб. На 1 пудъ мяса приходится отъ 6½ до 7 фунтовъ кожи.

Изъ хорошаго монгольскаго быка мяса выходитъ отъ 11 до 12 пудовъ, изъ сибирскаго 7—8 пуд. Сарлыкъ даетъ мяса около 11 пудовъ, но это мясо, какъ уже было сказано, отличается отрицательными качествами („синее мясо“) и идетъ только въ колбасныя заведенія. Кожа сарлыка еще тяжелѣе, чѣмъ у монгольскаго быка. На 11 пуд. мяса у сарлыка приходится 2 пуда кожи.

Бычьи кишки продаются по 20 коп., но большею частью ихъ не продаютъ, а обращаютъ на вытопку сала. Остатки отъ быка (ноги, голова, внутренности) могутъ дать отъ 1 руб. до 1 руб. 75 коп. Сала съ него получается отъ 20 фунтовъ до 3 пудовъ, смотря по условіямъ корма и стойла.

Гуртъ рогатаго скота, обыкновенно, гонятъ въ количествѣ 200 головъ, на такую партію полагается 2 погонщика.

Кобдинскій районъ въ скотопромышленномъ отношеніи обслуживается не только Чуйскимъ трактомъ, но, какъ мы уже сказали,

часть гуртовъ и отаръ, даже одного и того же торговца, направляется въ разныя стороны: или въ сторону Кошъ-Агача, или въ сторону Иркутска. Собственно говоря, мясной рынокъ повелительно диктуетъ выгонъ монгольскаго скота въ сторону Восточной Сибири, питающейся по-преимуществу привознымъ мясомъ. Только за послѣднее время мясной кризисъ, пустившій глубокіе корни на рынкахъ Европейской Россіи, могъ побудить скотопромышленниковъ направить монгольскій скотъ и въ сторону Европейской Россіи. Но въ этомъ стремленіи монгольскій скотъ неизбѣжно сталкивается съ сибирскимъ скотомъ, который стремится не только на рынки Европейской Россіи, но даже и Западной Европы.

По Чуйскому тракту монгольскій скотъ проходитъ въ незначительныхъ, въ общемъ, количествахъ:

	1895 г.		1900 г.		1905 г.	
рогатый скотъ .	34 шт.	7511 р.	319 шт.	6370 р.	1.298 шт.	38.500р
бараны .	3.593 „		350 „		4.350 „	

Болѣе детальныя свѣдѣнія имѣются за послѣдніе три года:

	1908 г.		1909 г.		1910 г.	
бараны	7.939 ш.	31.800 р.	11 439 шт.	36.020 р.	20.729 шт.	73.561 р.
быки	30 шт.	870 р.	1.325 „	36 720 р.	1 015 „	35.250 р.
яки	265 шт.	9.275 р.	—	—	668 „	14.388 р.
Всего . . .		41.945 р.		72.740 р.		123.199 р.

Правильно развивающійся вгонъ скота по Чуйскому тракту сдѣлалъ огромный скачекъ въ 1903 и 1904 гг., когда цѣнность ввоза скота сразу и неожиданно поднялась до 101.430 руб. и 129.270 руб., но уже въ слѣдующемъ году рѣзко спустилась до 38 тыс. руб.

Кобдинскій районъ Монголіи отчасти направляетъ свой скотъ въ сторону главнѣйшаго скотопрогоннаго тракта, связывающаго Монголію съ Восточной Сибирью, т. е. въ сторону Улясутая. Въ районѣ Улясутайскаго округа, гдѣ имѣются прекрасныя пастбища, собираются значительные гурты и отары скота для отправки ихъ въ предѣлы Иркутской губерніи. Центромъ, гдѣ происходитъ выпасъ скупленнаго скота, является озеро Косоголъ, окруженное прекрасными пастбищами. Отсюда скотъ направляется въ русскіе предѣлы, по Тункинскому тракту. Выпасъ скота въ районѣ огромнаго озера Косоголъ и впадающихъ въ него рѣчекъ, какъ и вездѣ по Монголіи, происходитъ безъ всякаго вознагражденія за луга и пастбища. Такъ какъ трава въ этихъ мѣстахъ отличается хорошими каче-

ствами, то скотъ здѣсь выдерживаютъ долгое время. Торговцы скотомъ стараются продать свои гурты до вгона ихъ въ предѣлы Сибири съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы хлопоты по переводу скота черезъ пограничные карантины, а также карантинные явные и тайные расходы упали на скупщиковъ. Кромѣ торговцевъ скотомъ изъ среды русско-монгольскаго купечества въ Монголію ежегодно отправляются спеціальные скупщики-скотопромышленники. Такіе же скупщики отправляются и изъ Западной Сибири. Скупщики съ партіей служащихъ выѣзжаютъ въ Монголію ранней весной и объѣзжаютъ районы Кобдо, Улясутая, спускаясь часто до сѣверныхъ предѣловъ пустынной степи Гоби. Нашей экспедиціи не удалось попасть на этотъ скотопрогонный трактъ, поэтому въ нашихъ рукахъ нѣтъ свѣжихъ данныхъ о количествѣ прогоняемаго здѣсь скота. По даннымъ оффиціальнаго совѣщанія о путяхъ сообщенія, имѣвшаго мѣсто въ Иркутскѣ, вгонъ скота по Тункинскому тракту опредѣлялся въ слѣдующихъ количествахъ:

Годы.	Лошади	Рогатый скотъ.	Бараны	
1900	500	12.008	15.320	головъ.
1901	565	12.868	11.334	„
1902	6.500	22.678	20.687	„
1903	4.570	25.738	28 431	„
1904	1.200	22,901	44.637	„
1905	2 350	17.319	54.011	„
1906	—	16.624	44.726	„

Третій районъ сѣверной Монголіи, примыкающій къ Ургѣ, доставляетъ скотъ для ввоза въ Россію черезъ Кяхту-Троицкосавскъ. Въ Ургѣ скупка скота производится скотопромышленниками, наѣзжающими сюда спеціально для этой только цѣли. Здѣсь скупщики пытаются держать рынокъ въ своихъ рукахъ, заключаютъ между собою иногда соглашенія въ цѣляхъ препятствованія сильному подъему покупныхъ цѣнъ. Для этого тракта скотъ скупается не только въ Ургѣ и ея окрестностяхъ, но и въ болѣе отдаленныхъ районахъ. Постройка большихъ русскихъ казармъ между Кяхтой и Троицкосавскомъ создала мѣстный рынокъ для сбыта монгольскаго скота. По даннымъ ургинскаго консульства, въ 1906 году въ Ургѣ было куплено для Россіи

рогатаго скота	2.000	головъ	на	100.000 руб.
барановъ . .	3 000	„	„	15.000 „
лошадей. . .	1.500	„	„	45 000 „

По даннымъ кяхтинскаго пограничнаго комиссара, въ 1908 году черезъ Кяхту прошло изъ Монголіи крупнаго скота на 21.969 руб. и барановъ на 65.636 руб.; въ 1909 г. рогатаго скота 21.176 гол., овецъ и козъ—51.175 (797.620 руб. и 153.525 р.).

Всѣ цифры, характеризующія вгонъ монгольскаго скота въ предѣлы Россіи, въ значительной мѣрѣ проблематичны, какъ въ отношеніи количества импортированнаго скота, такъ и въ отношеніи его цѣнности. Среди русскихъ замѣчается стремленіе вогнать скотъ безъ карантиннаго осмотра и регистраціи, а при карантинномъ и таможенномъ досмотрѣ цѣнность вгоняемаго скота часто показывается наобумъ, лишь бы сказать какую нибудь цифру, въ данномъ случаѣ имѣющую только лишь одно статистическое значеніе.

Изъ Сойотіи доставляются въ Россію главнымъ образомъ быки, затѣмъ овцы и въ небольшомъ количествѣ лошади. По Усинской границѣ въ 1908 г., напр., было ввезено изъ Сойотіи 588 штукъ крупнаго рогатаго скота, 2.326—мелкаго рогатаго скота, 44 лошади и около 320 барановъ. Однако, рогатый скотъ больше выгоняется въ Россію тѣмъ же трактомъ, какимъ онъ идетъ изъ Улясутайскаго округа на Тунку и Иркутскъ. Здѣсь ежегодно доставляется изъ Сойотіи по нѣскольку тысячъ головъ рогатаго скота. Были попытки въ 1908 и 1909 гг. поставлять на русскую армію лошадей изъ Сойотіи, но онѣ окончились неудачей. Лошади, дойдя черезъ Саяны до Минусинска, приходили истощенными и браковались ремонтерами.

Выгоняется рогатый скотъ и изъ Западной части Сойотіи—съ Кемчика на Минусинскъ. Такъ, въ 1910 г. было отправлено его этимъ путемъ до 500 головъ.

Цѣны, по которымъ русскіе покупаютъ рогатый скотъ у сойотовъ, въ 1910 г. были таковы: за годовалаго бычка 4—5 руб., за двухгодовалаго 8—10 руб., за трехгодовалаго 12 руб., за четырехгодовалаго 15—16 руб., за 5-годовалаго быка отъ 25 до 30 руб., за 6-годовалаго быка („головного“) отъ 35 до 40 руб., за корову отъ 15 до 20 руб. Продажныя цѣны на границѣ Иркутской губ. равнялись для гурта 4—5 годовалыхъ и крупныхъ быковъ отъ 45 до 60 руб. съ головы, смотря по проценту молодыхъ. Отборный гуртъ крупнаго скота не дешевле 60—75 руб. за голову.

Цѣны на скотъ въ Монголіи ниже цѣнъ сибирскаго скота. На этой разницѣ цѣнъ и основанъ вгонъ монгольскаго скота въ предѣлы Сибири. Особенно же рѣзкая разница въ цѣнахъ наблюдается между Монголіей и Восточной Сибирью и еще больше—русскимъ Дальнимъ Востокомъ. Скотъ въ Монголіи попадаетъ въ руки купцовъ различными путями. На рынкѣ различаютъ скотъ, уже собранный въ гурты и отары, и скотъ, купленный въ розницу, по мелочамъ. Кромѣ того, часть скота попадаетъ въ руки торговцевъ по наличному разсчету,—таковъ скотъ крупныхъ скупщиковъ-скотопромышленниковъ; а часть скота получается въ результатѣ общихъ торговыхъ операцій русско-монгольскаго купечества и въ резуль-

татѣ различныхъ кредитныхъ операцій, столь характерныхъ для монгольскаго торговаго оборота. Поставщиками скота точно также являются китайцы, которые при сборѣ своихъ ссудъ съ хошуновъ и отдѣльныхъ монголовъ часто забираютъ скотъ, при чемъ въ руки китайцевъ достается этотъ товаръ по крайне дешевымъ цѣнамъ. Китайцы, собравшіе скотъ, продаютъ его не только русскимъ скупщикамъ, но и выгоняютъ набранныя партіи въ предѣлы внутренняго Китая. Китайцы выгоняютъ не только тѣ породы и виды скота, которые доминируютъ въ русскомъ ввозѣ, но и телятъ, подрастающихъ во время продолжительнаго перегона ихъ по огромнымъ степнымъ пространствамъ Гоби. Русскіе, ликвидирующіе свои партіи черезъ полгода и раньше послѣ первоначальной скупки, забираютъ у монголовъ зрѣлый скотъ, китайцы же часто умышленно скупаютъ молодой скотъ, который созрѣваетъ во время длительныхъ перегоновъ или выпаса въ самой Монголіи. Въ разныхъ мѣстахъ Монголіи то и дѣло можно было наблюдать огромные табуны лошадей, отары овецъ, идущихъ къ югу. Это—китайская жатва съ какихъ нибудь хошуновъ. Крупныя китайскія банкирскія фирмы имѣютъ колоссальныя стада набраннаго въ Монголіи скота. Китайская скупка очень часто беретъ у монгольскаго хозяйства не только лишній скотъ, но и захватываетъ необходимое. На этомъ фактѣ основано замѣчающееся обѣднѣніе монголовъ. Китаецъ, взыскивающій съ хошуна долгъ скотомъ, обыкновенно подвергаетъ овецъ и крупный скотъ самой тщательной браковкѣ и всячески понижаетъ цѣну. Когда русскій скупщикъ купитъ у китайцевъ право собрать съ хошуна скотъ, то при такой сборкѣ русскаго обычно сопровождаютъ китайскіе приказчики, слѣдящіе за тѣмъ, чтобы русскій не „мирволилъ“ монголамъ. Часто такіе китайцы предлагаютъ русскому отдохнуть въ юртѣ, а сами занимаются для него отборкой скота. Все это дѣлается для того, чтобы на будущее время не „избаловать“ монголовъ. Естественно, что самый дешевый скотъ прежде всего попадаетъ въ руки китайцевъ, подобно всякому другому монгольскому сырью.

Вслѣдствіе разнообразія въ путяхъ, при помощи которыхъ монгольскій скотъ попадаетъ въ русскія руки, и цѣны на него въ Монголіи устанавливаются различно. Торговецъ, производящій скупку различнаго сырья, получаетъ скотъ и путемъ партіонной скупки, и путемъ мелочныхъ покупокъ, а также въ силу того, что его монгольская кліентела связана съ нимъ различными долговыми обязательствами. Скотопромышленникъ-спеціалистъ, получающій весь скотъ путемъ партіонныхъ закупокъ, даетъ въ Монголіи уже другія цѣны, онъ все покупаетъ за наличный разсчетъ, задавая подъ скотъ

только на самое короткое время и то большею частью въ цѣляхъ выпаса скупленнаго скота на монгольскихъ пастбищахъ съ услугами монгольскихъ пастуховъ. Одинъ купецъ имѣетъ возможность составить пеструю партію скота, гдѣ будетъ смѣшанъ и дорогой, и дешевый скотъ; другой—получитъ только одинъ дорогой товаръ.

Конкурентами въ спросѣ на монгольскій скотъ для русскихъ являются не только китайцы, но и многочисленные монгольскіе монастыри, которые весьма часто обладаютъ огромными стадами. Эти монастырскія стада составляются изъ доброхотныхъ подаяній монголовъ, пасутся безплатно монголами на монгольскихъ пастбищахъ. Какъ великъ сборъ монаховъ съ монгольскихъ стадъ, показываетъ, напр., слѣдующій фактъ: маленькій монастырекъ съ 25-ю ламами имѣетъ стадо барановъ въ 12 тыс. головъ. Эти тысячи собраны съ монголовъ... Ламы собираютъ не только живымъ скотомъ, но и тушами. Во время монгольскихъ праздниковъ приходилось видѣть, какъ почти каждая монгольская семья везла въ монастырь тушу барана или половину туши. На монастырскомъ дворѣ были раскинуты длинныя скамьи, сплошь заваленныя навезеннымъ мясомъ. При общемъ учетѣ монгольскаго рынка скота необходимо имѣть въ виду эти монастырскія контрибуціи живымъ скотомъ и мясомъ.

Въ виду разнообразія условій образованія цѣнъ на монгольскій скотъ трудно дать такія цифры, которыя могли бы послужить отправнымъ пунктомъ для сужденія относительно выгодности этой отрасли русско-монгольской торговли. Беремъ для иллюстраціи цѣны на барановъ. Купецъ по весьма естественнымъ соображеніямъ беретъ хорошіе и совершенно здоровые экземпляры барановъ, такъ какъ отарѣ придется сдѣлать огромный путь. Обычно берутъ четырехгодовалаго барана. Въ районѣ Кобдо такой баранъ стоитъ на наличный разсчетъ 3 руб. 50 коп.—4 руб. Въ этомъ же районѣ барана можно было купить за три лана серебромъ, т. е. въ данномъ случаѣ цѣна будетъ колебаться отъ 3 руб. 60 коп. и выше, смотря потому, какъ дорого куплено серебро самимъ купцомъ. Приведенныя цѣны относятся къ баранамъ, купленнымъ ранней весной. Но купецъ можетъ купить барановъ и осенью, при чемъ онъ ихъ выдержитъ зиму въ Монголіи. Въ такомъ случаѣ онъ купитъ барановъ дешевле, такъ какъ онъ возьметъ не четырехгодовалаго барана, а трехгодовалаго. Въ нѣкоторыхъ районахъ Монголіи, особенно къ востоку, цѣны на барановъ поднимаются и доходятъ до 6 руб. за штуку. Скотъ задаиный и кредитный обходится, конечно, гораздо дешевле. Купецъ имѣетъ возможность взять годовалаго барашка и выдержать его у себя въ отарѣ. На рѣкѣ Эдерѣ и въ другихъ мѣстахъ „задавали" подъ годовалаго барана по 1 чаю, т. е. отъ 60 коп. и вы-

ше. Но для скупщиковъ скота, только за этимъ и пріѣзжающихъ въ Монголію, играетъ главную роль партіонный скотъ, который скапливается въ рукахъ русскихъ и китайскихъ фирмъ въ Монголіи. Здѣсь уже о дешевыхъ цѣнахъ не можетъ быть и рѣчи. Тѣ гурты, которые были встрѣчены нами на Чуйскомъ трактѣ, въ большей своей части были составлены изъ партіонныхъ гуртовъ, купленныхъ у русско-монгольскихъ купцовъ въ Кобдо. Одна крупная отара была составлена различными путями: часть барановъ была куплена по мелочамъ у монголовъ по 2 лана 8 ценовъ, часть у китайцевъ—по 3 руб. 80 коп. и 1000 головъ у русскаго купца въ Кобдо по 4 руб.

Монгольскіе быки покупаются по разнообразной цѣнѣ, смотря по величинѣ отдѣльныхъ экземпляровъ. Мелкій быкъ пойдетъ за 28—32—35 руб., крупный—можетъ иногда подняться до 60 руб. Это цѣны для районовъ оживленной скупки скота, но подальше отъ этихъ районовъ цѣны, конечно, опустятся. Напр., въ 1906 г., когда русскіе изъ Кобдо впервые проникли въ Урумчи, они покупали отборный рогатый скотъ по 24—25 руб., при чемъ отдавали не деньгами, а товарами, что еще болѣе понижало цѣны. Въ 1910 г. въ районѣ Шаръ-Нуръ, мимо котораго лежалъ путь нашей экспедиціи, по показаніямъ монголовъ, у нихъ быковъ покупали лучшихъ—по 40—45 руб. (быкъ 9—10 лѣтъ), болѣе мелкихъ быковъ въ возрастѣ отъ 5 до 6 лѣтъ брали по 28—30 руб. Крупная партія быковъ, встрѣченная по Чуйскому тракту, была куплена по показанію хозяина гурта въ среднемъ по 35 руб. (отъ 30 до 40 руб. за голову). Такіе быки въ Бійскѣ уже не будутъ дешевле 45 руб. Цѣны на скотъ зависятъ также и отъ того, какова была зима въ Монголіи. Часто монгольскій скотъ претерпѣваетъ безкормицу въ очень снѣжныя зимы, или въ такія, когда земля отъ оттепелей покрывается льдомъ, скрывающимъ сухую траву. Послѣ такихъ безкормицъ скотъ весной выглядитъ страшно замореннымъ. Сарлыки покупаются дешевле быковъ, въ среднемъ по 25 руб. Цѣны на лошадей крайне разнообразны, въ зависимости отъ качествъ каждаго экземпляра. Можно купить и за 20 руб., можно найти лошадь и за 60 руб. и за 100 и даже выше. Въ Монголіи имѣются хорошіе бѣгуны.

На рынкѣ сѣверо-западной Монголіи русская скупка скота не играетъ большой роли и далеко не исчерпываетъ возможнаго монгольскаго предложенія. Масса скота поступаетъ въ китайскія руки и не столько въ силу свободнаго предложенія его со стороны монголовъ, сколько въ силу того, что китайская торговля опутала хозяйство монголовъ сѣтью долговъ, приводящихъ главныя массы всякаго сырья въ китайскія руки. Русско-монгольская торговля скотомъ до

сихъ поръ не можетъ похвалиться приливомъ большихъ капиталовъ. Большею частью она опирается на особыя льготныя условія выпаса и прогона скота, дающія купцу возможность нажить на этой операціи приличную прибыль. Конечно, съ приливомъ капитала въ эту отрасль русско-монгольской торговли размѣры русской скупки могли бы быть значительно увеличены. Но для этого увеличенія рѣшающимъ моментомъ будетъ состояніе сибирскаго мясного рынка и общія условія фрахта и транспорта. Съ развитіемъ и обостреніемъ кризиса на мясныхъ рынкахъ Европейской Россіи возникалъ вопросъ объ участіи монгольскаго мяса въ снабженіи потребителей Европейской Россіи. Предполагали, что монгольское мясо уже появлялось на этомъ рынкѣ. Но этотъ вопросъ весьма трудно освѣтить статистическими данными, такъ какъ монгольское мясо въ Сибири смѣшивается съ сибирскимъ и врядъ ли можетъ, по общей и сравнительной незначительности своего количества, имѣть свою торговую марку. Но несомнѣнно, что монгольскій скотъ можетъ сыграть благотворную роль на мясномъ рынкѣ Сибири, особенно Западной Сибири. Это будетъ въ томъ случаѣ, если въ связи съ развитіемъ мясного кризиса въ Европейской Россіи будетъ усиливаться вывозъ мяса изъ Западной Сибири, что подниметъ сибирскія цѣны, которыя и сейчасъ находятся въ состояніи непрестаннаго роста. При такихъ условіяхъ вгонъ въ предѣлы Сибири монгольскаго скота можетъ отчасти смягчить потребительскій кризисъ въ Сибири, что будетъ только полезно съ точки зрѣнія интересовъ народнаго питанія, особенно въ западно-сибирскихъ и, конечно, въ восточныхъ городахъ.

—

Изъ другихъ продуктовъ монгольскаго скотоводческаго хозяйства, играющихъ роль въ сибирскомъ ввозѣ, нужно отмѣтить слѣдующіе товары: кожи, шкуры, сало, масло, рога и т. д. Ввозъ этихъ товаровъ имѣетъ ограниченные размѣры.

Изъ Сойотіи поступаетъ въ Россію много сырыхъ кожъ (напр., въ 1908 г. 10.337 пуд.) и коровьяго масла, которое сойоты стали выдѣлывать по требованію русскихъ купцовъ (въ 1908 г. 1.725 пуд.).

Кромѣ того съ Кемчика, т. е. изъ Западной части Сойотіи) вывозится въ Россію на Минусинскъ до 2.000 пуд. масла. Цѣна его при наличной покупкѣ отъ сойотовъ равна 9 руб., отъ китайцевъ отъ 9 р. 75 к. до 10 р. за пудъ. Прибавляя стоимость провоза и перетопки, мы имѣемъ себѣ-стоимость пуда масла отъ 10 до 11 руб. въ Минусинскѣ.

Монголы рѣдко бьютъ крупный рогатый скотъ на мясо. Даже въ монгольскихъ городахъ, гдѣ имѣются мясные базары и гдѣ есть постоянный спросъ на мясо, далеко не всегда можно найти мясо ро-

гатаго скота. Вездѣ преобладаетъ баранина. Рогатый скотъ выгоняется изъ предѣловъ Монголіи на своихъ ногахъ. Поэтому большого предложенія скотскихъ кожъ въ Монголіи ожидать нельзя. Выручаютъ эпидеміи, такъ какъ весьма часто на рынокъ поступаютъ кожи павшихъ животныхъ. Лучшія скотскія кожи съ зарѣзаннаго скота поступаютъ на рынокъ съ октября до марта мѣсяца. Кожи весенняго и лѣтняго боя разсматриваются, какъ бракъ, такъ какъ онѣ получаются свищеватыми и идутъ за половинную цѣну. На ургинскомъ рынкѣ цѣны на эти кожи растутъ изъ года въ годъ. Въ 1907—1908 гг. лучшія бычьи кожи шли въ цѣнѣ отъ 3½ до 6 руб. Затѣмъ къ 1909—1910 гг. цѣна поднялась: хорошую кожу можно купить отъ 4 руб. 25 коп. до 7 руб. (5—8 долл.). Причины, дѣйствующія на цѣны въ повышательномъ направленіи, заключаются въ томъ, что годъ отъ году увеличивается общее число скупщиковъ этого товара. А кромѣ того за послѣднее время въ Монголіи не переводится чума рогатаго скота, сильно сокращающая численность монгольскихъ стадъ. Скупщики бычьихъ кожъ стараются купить товаръ по возможности изъ первыхъ рукъ. Въ Ургѣ имѣется спеціальный скупщикъ для кожевеннаго завода Собенникова и Молчанова около Кяхты.

Цѣны на конскія кожи колеблятся въ различныхъ мѣстахъ Монголіи отъ 1 чая за кожу въ Кобдинской Монголіи до 2½ долларовъ въ Ургѣ за лучшія кожи. За мелкія и среднія конскія кожи, преобладающія въ Ургѣ, платили въ 1910 г .отъ 1½ до 2 долл., т. е. приблизительно отъ 1 руб. 20 коп. до 1 руб. 60 коп. Обдѣланныя около Кяхты кожи ввозятся обратно въ Ургу, гдѣ есть масса китайцевъ-сапожниковъ, шьющихъ монгольскіе сапоги, которые продаются на рынкѣ отъ 4—5 до 12 долларовъ за пару.

По даннымъ таможенной статистики, кожевеннаго товара въ предѣлы Россіи черезъ Кяхту ввозится не много (въ пудахъ):

	1904	1905	1906	1907	1908
кожи невыдѣланныя сухія и сухосоленыя	332	—	747	10.894	5 268
кожи выдѣланныя малыя .	2	—	1.035	—	—
кожи выдѣланныя большія .	20	228	—	—	—

Черезъ таможню въ Кошъ-Агачѣ кожъ конскихъ, бычьихъ, телячьихъ и жеребячьихъ ввезли въ 1908 г. 447 пуд. на 3.452 руб , въ 1909 г.—1.133 пуд. 25 фунт. на 6.218 руб. и въ 1910 г.—387 пуд. на 3. 872 руб.

Большую роль въ Монгольскомъ торговомъ оборотѣ играютъ кожи и шкуры домашнихъ козъ и овецъ. „Ямаина“ и овчина для монголовъ служатъ ходовымъ покупательнымъ средствомъ для ме-

лочныхъ закупокъ въ лавкахъ. Поэтому отсюда уже можно предположить, что этотъ товаръ главнымъ образомъ стягивается въ руки китайцевъ, ведущихъ мелочный торгъ привозными товарами. Кромѣ того, козлины и овчины находятъ себѣ хорошій сбытъ въ предѣлахъ застѣннаго Китая, почему китайцы охотно занимаются скупкой этого сырья и поддерживаютъ настолько высокія цѣны, что русскимъ иногда приходится совершенно отказываться отъ закупокъ этихъ товаровъ. Только въ такіе годы, когда въ Китаѣ цѣны на козлину и овчину падаютъ, и русскіе могутъ произвести большія закупки для ввоза въ Россію. Часто же тѣ партіи этого сырья, которыя попадаютъ въ Монголіи въ русскія руки, обыкновенно продаются китайцамъ для вывоза въ предѣлы внутренняго Китая. Напр., на Дзабхынѣ козлина покупается по 60 коп., на шкурку упадетъ различныхъ расходовъ при доставкѣ ея въ Бійскъ около 20 коп., а при такой цѣнѣ съ товаромъ въ Бійскѣ уже трудно раздѣлаться съ выгодой. Почти такимъ же образомъ обстоитъ дѣло и съ овчиной: на рѣкѣ Хунгуѣ китайцы задаютъ съ осени по 1 чаю. При такихъ условіяхъ ввозъ овчины въ Бійскъ дѣлается затруднительнымъ. Монгольскія овчины, вывезенныя въ Бійскъ, подвергаются сортировкѣ на лучшія и плохія, первыя можно продать по 1 руб., послѣднія по 60 коп. Козлиныя шкуры дѣлятся на два основныхъ разряда: лѣтнія и зимнія. Часто разница въ цѣнахъ на эти два сорта доходитъ до 100%: лѣтняя козлина 25 коп., зимняя—50 коп. Отъ безкормицы въ общей массѣ козлинъ, обращающихся на рынкѣ, встрѣчается много браку. Русскій торговецъ на Дзабхынѣ изъ партіи 1909 г. въ 1.400 шт. долженъ былъ отобрать 400 шт. бракованныхъ; хорошую ямашину продалъ онъ по 50 коп., а бракъ—по 15 коп. Для вывоза въ Китай китайцы скупаютъ только зимнюю высокосортную козлину, лѣтняя же идетъ по-преимуществу въ Россію. Этотъ товаръ относится къ категоріи тяжелыхъ и дешевыхъ и поэтому не особенно пригоденъ для транспорта въ Россію, такъ какъ приходится считаться съ неудобными дорогами и высокими фрахтами. Поэтому понятно стремленіе и китайскихъ, и русскихъ купцовъ покупать овчины и козлины какъ можно дешевле. Въ Кобдинской Монголіи купцы покупаютъ бараньи шкуры по 3 штуки за 1 чай, а козлины—по 5—6 штукъ за чай. Въ Россіи идетъ по-преимуществу черная овчина, а въ Монголіи разводятся главнымъ образомъ бѣлыя овцы, такъ какъ бѣлая шерсть расцѣнивается выше черной. Уже это одно обстоятельство сокращаетъ размѣры русскаго импорта овчинъ. Овчина поступаетъ на рынокъ только зимняя, цѣнь на нее колеблятся въ районѣ Дзабхына около 50 коп. Эта овчина часто совершенно не подходитъ для подѣлокъ изъ нея и поэтому

обращается въ кожу: съ нея снимаютъ шерсть, а изъ кожи, напр., на заводѣ Филатова, выдѣлываются рукавицы. Монголы иногда стригутъ овецъ такъ нераціонально, что къ зимѣ хорошей овчины и не получишь. Въ Ургѣ сырая овчина (зимняя) въ 1909 году покупалась по 75 центовъ и немного ниже (около 60 коп.). Ввозъ шкуръ домашнихъ барановъ черезъ Кошъ-Агачъ въ 1910 г. опредѣлился въ 2.705 пуд. (26.608 руб.), бараньихъ выдѣланныхъ—183 пуд. (4.059 руб.), козьихъ выдѣланныхъ 39 пуд. 18 фунт. (1800 р.). Въ 1909 г. чрезъ Кяхту было ввезено сырыхъ овчинъ 331.552 шт. (249.541 р.).

Наряду съ этими продуктами скотоводческаго хозяйства изъ Монголіи ввозится въ Россію въ небольшихъ количествахъ конскій волосъ (въ 1910 г. черезъ Кошъ-Агачъ 907 п. на 8.840 руб.), пухъ козій (тамъ же въ 1910 г. 358 п. на 2.141 р.), шерсть коровья (27 п. на 167 р.), кишки бараньи (11 п. на 160 р.), коровье масло (106 п. на 998 р.), сало топленое и пр. Черезъ Кяхту въ 1909 году было ввезено масла коровьяго 4.572 п. на 50.246 р. и топленаго сала 4.202 п. на 23.733 р. Ввозъ сала могъ бы значительно возрасти, если бы монголы могли его перетапливать въ однородную массу, а въ настоящее время сало поступаетъ на рынокъ самыхъ разнообразныхъ качествъ и оттѣнковъ домашней грязной монгольской топки. То же слѣдуетъ замѣтить и относительно масла. Устройство въ Монголіи небольшихъ маслодѣленъ и салотопенныхъ заводиковъ могло бы упорядочить рынокъ масла и сала.

На монгольскомъ рынкѣ скотопромышленныхъ товаровъ царитъ, какъ мы уже и говорили, сильная конкурренція между русскими и китайцами. Если въ области сбыта привозной мануфактуры и другихъ фабрикатовъ китайцы успѣли къ данному времени занять выгодное и центральное положеніе, то и въ области скупки сырья, не смотря на то, что скупку сырья русскіе сдѣлали своею спеціальностью, положеніе китайцевъ остается доминирующимъ. Въ этомъ отношеніи имъ помогаютъ главнымъ образомъ два обстоятельства: во-первыхъ, продажа фабрикатовъ и хошунный кредитъ даютъ въ руки китайцевъ вѣрное и дешевое сырье. Во-вторыхъ, въ рукахъ китайцевъ обращаются несомнѣнно болѣе солидные капиталы, нежели въ рукахъ русскихъ.

По отношенію къ Ургинскому району имѣются интересныя данныя о вывозѣ сырья въ обѣ стороны—въ сторону Кяхты и въ сторону Калгана. Эти данныя составлены на основаніи показаній китайскихъ таможенъ. Въ области вывоза изъ Урги продуктовъ скотоводческаго хозяйства соотношеніе между русскимъ и китайскимъ вывозомъ складывается такимъ образомъ [1]):

---

[1]) „Вѣстн. Фин.", 1909, № 26. Стр. 580.

	Вывозъ въ Калганъ		Вывозъ въ Кяхту	
Кожи козьи .	1.450.000	штукъ	2.005	штукъ.
„ козлятъ .	400.000	„	—	„
„ барановъ	1.300.000	„	130.225	„
„ барашковъ	1.100.000	„	—	„
„ бычьи .	300.000	„	5.215	„
„ конскія .	250 000	„	2 145	„
Хвосты конскіе.	275.000	„	300	„
„ бычьи .	80.000	„	—	„
шерсть овечья:				
„ грязная	3.500 000	гиновъ	315.000	гиновъ
„ мытая	—	„	598.700	„
„ верблюжья	1.500.090	„	54.300	„
„ козья .	—	„	371	„
овéчьи кишки	—	„	7.854	„
монгольское масло	—	„	9.400	„
животное сало	—	„	23.543	„
телятъ . . .	—	„	10.000	головъ,
лошадей . . .	—	„	5.000	„

Относительно другихъ районовъ Монголіи нѣтъ аналогичныхъ данныхъ, но такъ какъ повсюду въ Монголіи дѣйствуютъ тѣ же факторы, которые опредѣляютъ количественныя соотношенія Ургинскаго рынка, то можно предположить, что и въ Улясутаѣ, и въ Кобдо общая физіономія сырьевого рынка должна носить тѣ же самыя черты. Въ этой торговой гегемоніи китайскаго капитала для русскихъ интересовъ въ Монголіи заключается серьезная угроза. Другая угроза заключается въ строѣ русско-монгольской торговли.

Просматривая цифры, документирующія современное состояніе русско-монгольской торговли, нельзя не замѣтить, что въ настоящее время шерсть и сурокъ являются основными товарами въ русско-монгольскомъ торговомъ оборотѣ. Прибыли, извлекаемыя изъ скупки и продажи этихъ двухъ товаровъ, влекутъ сибирскихъ купцовъ и представителей заграничныхъ фирмъ въ Монголію. Но шерсть, по нашему мнѣнію, занимаетъ болѣе прочное мѣсто въ серіи русско-монгольскихъ товаровъ. Сурокъ является болѣе привлекательнымъ товаромъ, такъ какъ въ случаѣ счастливой конъюнктуры мірового рынка пушнины сурокъ можетъ сразу обогатить торговца. Но сурокъ въ то же время можетъ служить и источникомъ большихъ опасностей. Какъ показалъ опытъ ирбитской ярмарки 1911 года,

установившейся пушныя цѣны, сурокъ способенъ нанести русско-монгольскому купечеству большія потери. Сурокъ поэтому является товаромъ для спекуляцій, для тонкихъ коммерческихъ разсчетовъ; суркомъ торговать выгодно и безопасно только въ томъ случаѣ, если торгующая фирма въ достаточной мѣрѣ обезопасила себя прочнымъ товаромъ—шерстью. Шерсть не такъ много заключаетъ въ себѣ тѣхъ элементовъ риска, которые неизбѣжны на рынкѣ товаровъ, подверженныхъ случайнымъ и капризнымъ требованіямъ моды.

Но присматриваясь внимательно къ современному положенію шерсти на монгольскомъ рынкѣ, мы не можемъ не отмѣтить, что и этотъ прочный и надежный товаръ колеблется въ своей позиціи и будетъ способенъ обмануть русско-монгольскую торговлю. Опасности, которыя грозятъ русскому купечеству со стороны монгольской шерсти, рождаются въ общихъ условіяхъ русско-монгольскаго торга. На монгольскомъ рынкѣ въ данное время кипитъ ожесточенная борьба между отдѣльными представителями торговаго капитала; эта борьба явилась результатомъ вытѣсненія русскихъ привозныхъ товаровъ изъ Монголіи. Сбытъ товаровъ въ Монголіи является почти единственнымыъ средствомъ заручиться дешевымъ сырьемъ. Другой путь, путь денежныхъ кредитныхъ сдѣлокъ съ отдѣльными монголами, съ мелкими китайцами-купцами, а, главное, съ монгольскими хошунными управленіями, для русскихъ остается наиболѣе труднымъ путемъ. Русскому торговому капиталу, если онъ хочетъ развить скупку шерсти до крупныхъ размѣровъ, остается та шерсть, которая идетъ уже изъ вторыхъ рукъ. Спросъ на эту шерсть всегда большой; изъ-за этой шерсти разгорается острая конкурренція между отдѣльными русскими торговыми фирмами. Китайцы, развивая свой сбытъ привозныхъ товаровъ и усиливая свои кредитныя операціи, тѣмъ самымъ становятся главными хозяевами на шерстяномъ рынкѣ Монголіи. Въ ихъ рукахъ съ каждымъ годомъ должно сосредоточиваться все большее и большее количество шерсти. Если бы китайцы не знали, что дѣлать съ этою шерстью, то положеніе русскихъ перекупщиковъ было бы самое выгодное. Такъ почти и было въ недавнемъ прошломъ, когда китайцы не особенно охотно рисковали отправкой шерсти черезъ Монголію в Китай къ китайскимъ торговымъ гаванямъ. Но въ настоящее время китайцы уже налаживаютъ этотъ транзитъ и являются крупными транспортерами. Транспортъ на китайскія гавани является сильнымъ конкуррентомъ транспорта на Бійскъ или Кяхту. Русскіе до сихъ поръ мало думали объ условіяхъ транспорта. Онъ не только остается дорогимъ, но и съ каждымъ годомъ, по мѣрѣ развитія китайскаго

транспорта и сокращенія кредитной торговли въ Монголіи, дающей дешевыхъ верблюдовъ, будетъ повышаться въ своей цѣнѣ. Проведеніе китайцами желѣзной дороги между Калганомъ и Ургой можетъ нанести непоправимый ущербъ русскому дѣлу въ Монголіи. И сейчасъ уже въ Ургѣ русскіе приказчики иностранныхъ фирмъ разсчитываютъ отправлять шерсть не на Кяхту—Верхнеудинскъ, а на Калганъ доказывая, что такой путь дастъ эконом. о на 70 коп. въ пудѣ. Осенью 1910 года предполагался первый опытъ такой отправки. Если этотъ опытъ будетъ удаченъ, то русскіе потеряютъ доходъ отъ транзита шерсти черезъ Россію, доходъ, который въ значительной мѣрѣ оправдываетъ русско-монгольскую торговлю съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, такъ какъ вся почти монгольская шерсть для Россіи является транзитнымъ товаромъ, будучи переотправляема за границу.

Развитіе транспорта черезъ Китай легко можетъ сдѣлать китайцевъ не только обладателями главной массы шерсти, но и монополистами въ области цѣнъ на этотъ товаръ. Верблюды, которые теперь везутъ шерсть на Кошъ-Агачъ и Онгудай или на Кяхту, повезутъ эту шерсть на Калганъ или Куку-Хото. Но въ данное время китайцамъ нѣтъ особенной нужды стремиться къ такому положенію дѣла. Въ настоящее время напряженная конкурренція между отдѣльными русскими фирмами изъ за обладанія большими количествами шерсти приводитъ къ тому, что цѣны на этотъ основной товаръ растутъ безостановочно, внѣ зависимости отъ условій міроваго рынка. Послѣдніе годы на міровомъ шерстяномъ рынкѣ характеризуются постепеннымъ паденіемъ цѣнъ на шерсть. Развитіе австралійскаго скотоводства производитъ на шерстяной рынокъ то же самое дѣйствіе, какое было оказано на сельскохозяйственный рынокъ Европы развитіемъ сельскаго хозяйства Канады и Южной Америки. Цѣны падаютъ и никто въ данное время не скажетъ, какъ сложатся шерстяныя цѣны въ самомъ недалекомъ будущемъ, такъ какъ овцеводство въ Австраліи находится въ счастливыхъ условіяхъ. И вотъ въ то время, когда на всеміpномъ рынкѣ цѣны на шерсть опускаются, въ это время цѣны на монгольскую шерсть не только растутъ, но прямо-таки взвинчиваются. Беремъ Улясутайскій рынокъ шерсти: на наличный разсчетъ въ Улясутаѣ скупали партіонную шерсть за 100 гиновъ или 3 пуда 25 фунтовъ

въ 1908	году	по	5	ланов	серебра
„ 1909	„	„	12—13	„	„
„ 1910	„	„	13—14	„	„

Разсматривая эту коротенькую, но выразительную табличку, нельзя не придти къ двумъ различнымъ по содержанію, но одинаковымъ по послѣдствіямъ выводамъ: очевидно, что монгольскій рынокъ быстро и основательно разстается съ періодомъ небывало дешевыхъ цѣнъ на шерсть, такихъ цѣнъ, которыя не стояли въ какой либо связи съ общимъ положеніемъ міровогo шерстяного рынка. Тогда купцы пожинали незаслуженныя прибыли. Положеніе быстро мѣняется и цѣны на монгольскомъ рынкѣ выравниваются уже въ полной зависимости отъ цѣнъ міровогo рынка. Большую роль въ этомъ процессѣ выравниванія сыграли представители иностранныхъ крупныхъ экспортныхъ фирмъ, которые сразу отказались отъ тѣхъ барышей, какіе имѣлись въ виду старыми піонерами русско-монгольской торговли. Иностранныя фирмы диктовали своимъ приказчикамъ предѣльныя цѣны скупки, устанавливая ихъ въ строгой зависимости отъ условій руководящихъ рынковъ. Въ рукахъ этихъ приказчиковъ былъ лимитъ цѣны, облегчавшій имъ конкурренцію съ бійцами, торгующими въ слѣпую или на основаніи сомнительныхъ свѣдѣній отъ какого-нибудь „вѣрнаго человѣка". Такъ какъ на рынкѣ Монголіи идетъ борьба за обладаніе сырьемъ, то представители иностраннаго капитала легко доходили до своего предѣла, продиктованнаго имъ изъ за границы. При цѣнѣ въ 13—14 ляновъ на Улясутайскомъ рынкѣ въ 1910 году освѣдомленные покупатели останавливали свои закупки. При такихъ высокихъ цѣнахъ и китайцы охотно сбывали шерсть въ русскія руки, такъ какъ они здѣсь, въ Монголіи, безъ труда и безъ риска, могли получить барышъ на скупленной шерсти.

Съ другой стороны, быстрое повышеніе цѣнъ на шерсть уже предписывало крайнюю осторожность для тѣхъ, кто до сихъ поръ полагалъ свое счастье на явномъ несоотвѣтствіи монгольскихъ цѣнъ и цѣнъ міровогo рынка. Это несоотвѣтствіе исчезло. Необходима была уже полная и точная освѣдомленность въ условіяхъ позднѣйшаго сбыта накупленнаго сырья. Этой освѣдомленности не было въ рукахъ торговцевъ изъ Сибири. Въ 1910 году цѣны на шерсть развивались очень спокойно, не было большихъ изломовъ цѣнъ на руководящихъ рынкахъ. Но раньше такіе изломы бывали часто и колебанія шерстяныхъ цѣнъ достигали значительныхъ размѣровъ. О такихъ колебаніяхъ мало знали или совсѣмъ не знали наши чуйцы въ дебряхъ Монголіи. У нихъ нѣтъ ни почты, ни телеграфа, и нѣтъ связей съ тѣми сферами, которыя могутъ дать точныя свѣдѣнія о положеніи дѣла. Освѣдомленные приказчики иностраннаго капитала, конечно, не дадутъ чуйцамъ нужныхъ свѣдѣній, такъ какъ тѣ же самые приказчики зимою будутъ покупать у чуйцевъ и

въ Кяхтѣ вывезенную туда монгольскую шерсть. Иностраннымъ фирмамъ выгодно держать сибиряковъ въ потемкахъ и въ безпомощномъ состояніи. Иначе они легко могутъ выйти изъ рукъ крупныхъ перекупщиковъ-экспортеровъ. Бійская газета „Алтай" недавно привела слѣдующій характерный случай изъ исторіи реализаціи въ Бійскѣ монгольской шерсти сбора 1910 года: „одинъ изъ видныхъ коммерсантовъ нашей торговли въ Монголіи, продавецъ большихъ партій шерсти г. А., намѣренъ былъ познакомить тѣ міровые рынки, куда поступаетъ его шерсть, путемъ вложенія въ каждую кипу проданной имъ въ Бійскѣ фирмѣ Стукенъ и К° шерсти, небольшого плаката на французскомъ или англійскомъ языкѣ о своей фирмѣ, ея адресѣ и т. д., и фирма Стукена, въ лицѣ ея представителя г. Визигина, сдѣлать этого не позволила, подъ угрозой уничтоженія самой сдѣлки".

Здѣсь предъ нами выступаетъ новое обстоятельство, заключающее въ себѣ угрозу русско-монгольской торговлѣ. Русскіе купцы, скупающіе въ Монголіи шерсть, до недавняго времени мало задумывались передъ накладными расходами, которые набѣгали на каждую кипу шерсти въ періодъ ея доставки изъ Монголіи до Бійска или Кяхты. Объ этихъ расходахъ говорится въ главѣ, посвященной транспорту. Здѣсь кратко замѣтимъ, что шерсть часто проходила черезъ руки многочисленныхъ коммиссіонеровъ посредниковъ. Такіе посредники имѣются въ Кошъ-Агачѣ, Онгудаѣ, Кяхтѣ, Троицкосавскѣ. Ихъ услуги увеличиваютъ расходы по скупкѣ и транспорту шерсти. Въ то время, когда въ Монголіи шерсть скупалась по цѣнамъ, явно не отвѣчавшимъ условіямъ мірового рынка, купцамъ мало было заботы объ этихъ комиссіонныхъ расходахъ. Но теперь, при взвинченныхъ цѣнахъ, каждая копѣйка идетъ въ счетъ, и тѣмъ не менѣе до сихъ поръ ничего почти не сдѣлано для сокращенія этихъ накладныхъ расходовъ. Каждый купецъ организуетъ дѣло перевозки шерсти только для себя и самостоятельно несетъ всѣ падающіе на него расходы, хотя тѣ же самые расходы упали бы на него меньшими количествами, еслибы организація транспорта была общимъ дѣломъ.

Но главный накладной расходъ заключается въ той прибыли, которую извлекаетъ изъ шерсти, скупленной сибиряками, посредникъ-экспортеръ на заграницу. До сихъ поръ сибиряки, торгующіе въ Монголіи, не завязали прямыхъ и непосредственныхъ сношеній съ своими потребителями, т. е. съ тѣми иностранными торговопромышленными фирмами, которыя покупаютъ монгольскую шерсть для себя. Шерсть, привезенная въ Бійскъ или Ново-Николаевскъ, или въ Верхнеудинскъ, продается здѣсь крупнымъ экспортнымъ

фирмамъ, отправляющимъ ее за границу. До сихъ поръ сибирскіе купцы находятся въ полной зависимости отъ этихъ фирмъ. Одинъ изъ бійскихъ купцовъ дѣлалъ попытку завязать прямыя связи съ Америкой. Купецъ самъ отправился въ Америку, но его поѣздка, организованная неудачно, не дала никакого результата. Скупщиками монгольской шерсти въ предѣлахъ Россіи отчасти являются тѣ же самыя крупныя экспортныя фирмы, которыя въ послѣднее время сами направились въ Монголію и тамъ конкурируютъ съ сибиряками. Экспортная фирма купитъ въ Бійскѣ или Верхнеудинскѣ монгольскую шерсть уже на основаніи самыхъ точныхъ свѣдѣній о положеніи міроваго рынка и при этомъ, конечно, не забудетъ оплатить въ предложенной цѣнѣ своихъ услугъ. Русскій торговецъ, забившій въ сырье свой капиталъ, связанный сроками вексельныхъ платежей, совершенно не освѣдомленный въ положеніи рынка и въ его ближайшихъ перспективахъ, нуждающійся въ деньгахъ для предстоящей новой компаніи въ Монголіи, вынуждается идти на условія, предложенныя перекупщикомъ. Бывали въ Бійскѣ случаи, когда при такихъ условіяхъ купецъ былъ радъ, если ему доводилось вернуть только себѣстоимость монгольской шерсти. Возможны при такихъ условіяхъ и случаи продажи шерсти себѣ въ убытокъ. Лѣтомъ 1910 года въ Монголіи русскіе покупали шерсть въ такое время, когда представители иностранныхъ фирмъ явно воздерживались отъ сдѣлокъ. Съ другой стороны, одна изъ крупныхъ фирмъ, работающихъ на заграницу, скупивъ монгольскую шерсть въ Бійскѣ, выдержала ее годъ въ Америкѣ, такъ какъ тамъ долгое время не было подходящихъ условій для ея реализаціи. Эти примѣры ясно показываютъ, какъ велика разница въ позиціяхъ сибиряковъ и иностранцевъ. Главное же неудобство такихъ порядковъ заключается въ томъ, что посредники между сибиряками и Западомъ, потребляющимъ шерсть, отсѣкаютъ у сибиряковъ часть торговой прибыли и это въ то время, когда условія монгольскаго рынка съ каждымъ годомъ и безъ того урѣзываютъ былыя прибыли чуйцевъ, а, съ другой стороны, міровой рынокъ обнаруживаетъ тенденцію къ общему пониженію шерстяныхъ цѣнъ. Въ настоящее время положеніе складывается такимъ образомъ, что установленіе Китаемъ небольшой пошлины на шерсть, вывозимую изъ предѣловъ Монголіи въ Россію, легко можетъ убить русскую торговлю этимъ товаромъ, или, по меньшей мѣрѣ, транзитъ ея черезъ Россію. Въ запискѣ, поданной группой русско-монгольскихъ купцовъ въ Улясутайское консульство въ 1905 году, купцы доказывали, что скупка шерсти даетъ имъ минимальную прибыль. Въ этой запискѣ были приведены слѣдующія данныя:

Въ 1903 году шерсть на наличный разсчетъ покупалась отъ 5 руб. до 6 руб. за пудъ. Шерсть, купленная въ 1902 году, съ условіемъ сдать ее въ 1903 году, обходилась отъ 4 руб. 50 коп. до 5 руб. за пудъ. Первой шерсти было куплено приблизительно двѣ третьихъ и второй—одна третья часть общей массы вывезенной шерсти. Слѣдовательно, по этимъ разсчетамъ въ Улясутаѣ шерсть обходилась по 5 руб. 51 коп. Доставка этой шерсти до Бійска повышала ея стоимость до 7 руб. 50 коп. Въ Бійскѣ же шерсть продавалась по 7 руб. 20 коп.—7 руб. 80 коп.

въ 1904 г. шерсть наличная въ Улясутаѣ покуп. по 6 р. 50 к.
задаппая „ „ „ „ 5 „ 50 „
средняя цѣна будетъ „ „ 6 „ 10 „
съ провозомъ до Бійска обходилась „ „ 8 „ 40 „
была продана въ Бійскѣ по „ „ 8 „ 50 „-9 р.
въ 1905 г. шерсть наличная 6 р. 60 к. 6 р. 85 к.
заданная 5 „ 50 „ 6 руб.
средняя цѣна 6 „ 40 „
съ доставкой до Бійска шерсть обходилась 9 „ 05 „
въ Бійскѣ была продана по 9 руб.—9 руб. 30 коп.

Приведенныя нами данныя не совсѣмъ заслуживаютъ къ себѣ довѣрія, хотя бы потому, что они находятся въ запискѣ, имѣющей видъ и цѣль ходатайства. Эти данныя должны быть оспорены въ тѣхъ частяхъ, которыя характеризуютъ цѣну заданной шерсти. Выше было показано, что разница въ покупкахъ на наличный разсчетъ и въ кредитъ иногда склонна бываетъ достигать 50%. Поэтому невѣрны будутъ и данныя о средней цѣнѣ шерсти, дающей основаніе для опредѣленія торговой прибыли. Эта прибыль безусловно выше показанной купцами и по свидѣтельству нѣкоторыхъ купцовъ выражается приблизительно рубль на пудъ. Точныхъ исчисленій здѣсь не можетъ быть дано, такъ какъ нѣтъ соотвѣтствующихъ данныхъ, которыя и не могутъ быть собраны. Суть дѣла заключается въ томъ, что въ русско-монгольской торговлѣ цѣна на тотъ или другой сырьевой товаръ складывается подъ давленіемъ самыхъ разнообразныхъ факторовъ. Наличная шерсть, какъ мы уже и говорили, имѣетъ открытую цѣну. Заданная шерсть, или шерсть кредитная имѣетъ цѣну, запутанную многими привходящими обстоятельствами: условіемъ кредитной сдѣлки, цѣною купленнаго для раздачи въ долгъ товара, серебра, высотою процента по займамъ и векселямъ и т. д. Когда мы будемъ просматривать движеніе шерстяныхъ цѣнъ на иностранныхъ рынкахъ за рядъ

лѣтъ, то въ соотвѣтствующихъ изданіяхъ подъ рубриками цѣнъ на шерсть увидимъ обозначеніе ставокъ банковаго учетнаго процента, какъ необходимаго знаменателя, объясняющаго движеніе цѣнъ (см. напр., The Economist, Commercial History of 1910, P. 23). Вотъ этого-то знаменателя и нельзя поставить подъ движеніемъ цѣнъ на монгольскую шерсть. Въ Монголіи капиталъ работаетъ въ совершенно особыхъ, оригинальныхъ, условіяхъ.

О томъ, что купцы дали улясутайскому консульству завѣдомо невѣрныя свѣдѣнія, легко можно догадаться по слѣдующему факту: за послѣдніе годы при паденіи цѣнъ на руководящихъ рынкахъ цѣна на шерсть въ Монголіи быстро росла и тѣмъ не менѣе купцы рвали другъ у друга всякую шерсть. Расхожденіе цѣнъ регулярнаго рынка и монгольскаго окупалось специфически-монгольскими прибылями на шерсть недавняго прошлаго. И только теперь русскіе купцы подходятъ къ крайнимъ предѣламъ.

Крайніе предѣлы при неизмѣнившихся прочихъ условіяхъ, по нашему мнѣнію, способны нанести русско-монгольской торговлѣ существенные ущербы. Реализація сурка, скупленнаго въ Монголіи въ 1910 году, даетъ внушительное предостереженіе.

Русское купечество сознаетъ значеніе этихъ предостереженій и съ тревогой смотритъ на ближайшее будущее русско-монгольской торговли. Въ дѣйствіяхъ самихъ русско-монгольскихъ купцовъ можно наблюдать нѣкоторыя попытки къ укрѣпленію своей позиціи. Эти попытки сводятся къ тому, что купцы, прежде всего, стремятся всѣми силами къ захвату дешевой шерсти, которая получается, какъ было уже сказано, въ результатѣ использованія кредитныхъ сношеній съ отдѣльными монголами и цѣлыми хошунами. Во-вторыхъ, купцы стремятся къ тому, чтобы подобрать партію сырья такимъ образомъ, чтобы выгоды на одной категоріи товара могли въ случаѣ необходимости покрыть невыгоды другого товара. И въ томъ и въ другомъ случаѣ торговля получаетъ случайный и лотерейный характеръ. А все это вмѣстѣ взятое приводитъ къ тому, что купцы сами портятъ рынокъ и ухудшаютъ общее положеніе дѣла. Если данный купецъ дешево купилъ шерсть, то онъ идетъ при покупкѣ сурка на самыя высокія цѣны. А другой торговецъ поступаетъ наоборотъ. Въ результатѣ сырьевой рынокъ со всѣхъ сторонъ получаетъ толчки къ ненормальному развитію цѣнъ на всѣ товары.

Разсчеты на дешевую шерсть и комбинаціи съ подборомъ партіи сырья не могутъ быть особенно твердыми и планомѣрными прежде всего потому, что дешевое сырье находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ китайцевъ, которые или выпускаютъ его на ры-

нокъ въ Монголіи въ русскія руки, или вывозятъ въ Китай.

Слѣдовательно, до тѣхъ поръ, пока существующія отношенія въ Монголіи не измѣнятся въ благопріятномъ смыслѣ для русскихъ, до тѣхъ поръ русскому купечеству приходится идти къ укрѣпленію своихъ позицій другими путями. На измѣненіе существующихъ монгольскихъ отношеніій надеждъ мало, такъ какъ китайцы—полные и искусные хозяева Монголіи, зорко слѣдящіе за своими интересами. Русскимъ остается путь упорной борьбы за свои торговые интересы, борьбы, которая должна питаться энергіей и самодѣятельностью купечества. Мы видѣли, что на рынкѣ шерсти и вообще всякаго другого сырья затрудненія, испытываемыя русскимъ купечествомъ. заключаются въ томъ, что между монгольскими цѣнами и цѣнами всемірнаго рынка сглаживается та пропасть, которая недавно обогащала наше купечество и служила источникомъ чрезмѣрныхъ прибылей, и что это сглаживаніе идетъ интенсивно, угрожая сдѣлать безвыгоднымъ участіе въ торговлѣ съ Монголіей. Естественно, что энергія купечества и общей экономической политики должна быть направлена на возможное сокращеніе накладныхъ расходовъ, облипающихъ въ настоящее время монгольское сырье. Прежде всего, долженъ быть измѣненъ самый принципъ торговли въ Монголіи. Сейчасъ тамъ торгуютъ въ разсчетѣ на рѣзкую разницу между монгольскими и русскими цѣнами на сырье. Пришло время вступить на путь правильной торговли, дающей прибыли на основаніи массоваго оборота: меньшая прибыль на единицѣ товара, возможное большее количество единицъ этого товара. Къ этому можно и должно подходить двоякимъ путемъ: во-первыхъ, увеличеніемъ общей массы капитала, который находится въ рукахъ торгующаго въ Монголіи русскаго купечества. Въ этомъ отношеніи существеннуш помощь могутъ оказать банки расширеніемъ своего кредита подъ монгольское сырье. Съ другой стороны, увеличеніе торговаго капитала можетъ быть достигнуто основаніемъ крупныхъ компаній, что дастъ не только большую силу купечеству, но и уничтожитъ ту враждебную конкурренцію между русскими купцами, которая такъ характерна для даннаго момента въ исторіи русско-монгольской торговли. Другой путь захвата въ русскія руки возможно большихъ количествъ монгольскаго сырья заключается въ расширеніи русскаго сбыта товаровъ въ Монголіи, такъ какъ мелочной и вообще розничный торгъ является первоисточникомъ поступающаго на рынокъ сырья. Здѣсь точно также потребуется цѣлый рядъ соотвѣтствующихъ мѣропріятій, главнымъ образомъ со стороны русскихъ фабрикантовъ и заводчиковъ.

Сокращеніе накладныхъ расходовъ, падающихъ на шерсть и другое сырье, особенно въ моментъ ея доставки въ Россію, должно идти прежде всего въ области фрахтовъ, которые до сихъ поръ остаются крайне высокими и не имѣютъ тенденціи къ пониженію. Такіе фрахты были возможны только для товара, покупная цѣна котораго рѣзко расходилась съ реализаціонной цѣной. Затѣмъ, такъ какъ монгольское сырье идетъ въ Россію обознымъ путемъ, то при большихъ разстояніяхъ неизбѣжны особые перевалочные пункты, вызывающіе дорого стоющее посредничество комиссіонеровъ. Въ этомъ вопросѣ до сихъ поръ купечество ничего еще не сдѣлало, а здѣсь возможны солидныя улучшенія.

Наиболѣе существеннымъ моментомъ въ дѣлѣ сокращенія накладныхъ расходовъ на ввозимое сырье будетъ устраненіе того посредничества между Сибирью и Западной Европой, которое въ данное время кругомъ опутало русско-монгольскую торговлю. Посредники въ перепродажѣ ввезеннаго въ Сибирь монгольскаго сырья обходятся русскимъ купцамъ очень дорого. Это посредничество опирается прежде всего на полную неосвѣдомленность сибирскаго купечества относительно состоянія западныхъ рынковъ, на незнаніе мѣста для сбыта ввезеннаго сырья, на бѣдность оборотными средствами, на тяжесть кредитныхъ условій и на отсутствіе у купцовъ должной инициативы и самодѣятельности. Здѣсь необходимо выступить на путь организаціи купечества въ торговыя палаты, биржевые комитеты, здѣсь должны придти на помощь банки, экспортныя палаты, телеграфныя агентства и школа, та школа, которая должна научить сѣрую купеческую массу читать и понимать смыслъ коммерческихъ газетъ и телеграммъ, научить, какъ собирать свѣдѣнія о рынкахъ, ознакомить съ этими рынками, ихъ жизнью и обычаями. Непосредственныя связи съ заграницей создадутъ монгольскому сырью, ввезенному въ Россію, благопріятныя перспективы.

Одновременно съ завязываніемъ прямыхъ экспортныхъ сношеній съ заграницей необходимо всячески стремиться къ улучшенію ввозимыхъ товаровъ. Мы уже подробно характеризовали монгольскую шерсть, какъ товаръ, мы видѣли, что этотъ товаръ до сихъ поръ не отличается со стороны своихъ внутреннихъ качествъ и внѣшняго вида особымъ блескомъ. Монгольскую шерсть въ настоящемъ ея видѣ нужно скорѣе всего опредѣлить, какъ „мѣшанину". Въ такомъ видѣ она безусловно не получитъ на западныхъ рынкахъ своей настоящей цѣны. Товаръ нуждается въ прикосновеніи къ нему руки цивилизатора. Прежде всего необходимо улучшеніе очистки шерсти. Пора перейти отъ примитивныхъ моекъ къ болѣе раці-

опальнымъ способамъ механической очистки товара. Это прежде всего дастъ рынку высокосортный товаръ, избавитъ купца отъ необходимости перевозить на далекія разстоянія фальшивый грузъ, т. е. ту грязь и соръ, которые остаются въ „мытой" шерсти. Сейчасъ трудно сказать, какой разсчетъ дастъ улучшеніе мойки или очистки шерсти на 1000 пудовъ этого товара, такъ какъ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ свѣдѣній о томъ, каковъ будетъ результатъ въ отношеніи убыли вѣса, если мытую монгольскую шерсть снова подвергнуть раціональной очисткѣ. Но можно предположить, что въ вѣсовомъ отношеніи результатъ будетъ значительный, качество же товара отъ этого только выиграетъ. Китайцы—опытные коммерсанты и они не моютъ шерсти въ Монголіи, тащутъ ее черезъ Гоби въ грязномъ видѣ и только передъ погрузкой на пароходы она подвергается механической очисткѣ. Очевидно, есть разсчетъ провезти по Монголіи и Китаю грязную шерсть, оплативъ перевозъ сора и грязи и затѣмъ выиграть на цѣнѣ хорошо очищенной шерсти. Этотъ вопросъ прежде всего подлежитъ компетенціи спеціалистовъ шерстяного дѣла.

На ряду съ хорошей очисткой шерсти требуется правильная ея сортировка, не та первобытная, которая совершается въ данное время, а отвѣчающая требованіямъ большого рынка и внутреннему качеству монгольской шерсти. При раціональной сортировкѣ, которая поможетъ выработать марку монгольской шерсти, и банкамъ удобнѣе и легче будетъ оказывать кредитъ подъ товаръ. Въ настоящее время шерсть ввозится въ такомъ товарномъ видѣ, передъ которымъ банкиръ остановится въ раздумьѣ, если отъ него потребуютъ кредита подъ эти тюки съ мѣшаниной. Если банкъ рѣшится на ссуду подъ такой товаръ, охраняя свои интересы, онъ будетъ вынужденъ дать ссуду по самой низкой оцѣнкѣ, такъ какъ имѣющіяся у него свѣдѣнія о положеніи шерстяного рынка будутъ неподходящими критеріями для должной оцѣнки предъявленнаго монгольскаго товара.

Конечно, улучшеніе въ русскихъ интересахъ рынка монгольскаго сырья и въ особенности по отношенію къ шерсти нуждается въ тѣхъ общихъ мѣрахъ, которыя должны быть приняты въ цѣляхъ поддержанія русской торговли въ Монголіи. Объ этихъ мѣрахъ мы говоримъ въ концѣ нашей книги. Здѣсь же замѣтимъ, что монгольская шерсть среди другихъ ввозимыхъ въ Россію монгольскихъ сырьевыхъ товаровъ занимаетъ особое привилегированное положеніе . Это положеніе монгольская шерсть получаетъ въ силу особенностей р у с с к а г о шерстяного рынка. Въ настоящее время въ Россіи, особенно въ овцеводческихъ районахъ Европей-

ской Россіи, сильно сокращается районъ овцеводства, которое уступаетъ мѣсто сельскохозяйственной культурѣ высшаго порядка. Ростъ же потребности въ шерсти приводитъ къ тому, что изъ года въ годъ увеличивается русскій ввозъ иностранной шерсти. Въ виду того, что наша огромная армія является солидной потребительницей шерсти и, главнымъ образомъ, шерсти грубыхъ сортовъ, монгольская шерсть можетъ сыграть роль на нашемъ рынкѣ. И не только на шерстяномъ рынкѣ можетъ сдѣлаться замѣтнымъ участіе монгольской шерсти, но и въ области нашего фабричнаго производства, которое вынуждено переходить на привозную шерсть. Монгольская шерсть до сего времени для Россіи является транзитнымъ товаромъ, такъ какъ она по преимуществу поступаетъ черезъ руки иностранныхъ комиссіонеровъ за границу. Выгоднѣе гораздо для русскихъ интересовъ оставить эту дешевую и хорошую шерсть для русскихъ фабрикъ, которыя произведутъ сукно для арміи и для вывоза въ предѣлы Монголіи, гдѣ русскія сукна и въ особенности тяжелыя „солдатскія“ сукна до сихъ поръ пользуются хорошимъ спросомъ. Русская переработка монгольской шерсти, конечно, была бы лучшимъ выходомъ для русскаго ввоза ея изъ Монголіи и избавила бы русско-монгольское купечество отъ необходимости для небольшихъ въ общемъ количествъ ввозимой изъ Монголіи шерсти искать далекихъ рынковъ, напр., рынка Сѣверной Америки. Конечно, было бы гораздо лучше, еслибы въ самой Сибири могло развиться производство шерстяныхъ тканей. Сибирь сама по себѣ является крупной потребительницей шерстяныхъ матерій, въ Сибири и въ особенности на Дальнемъ Востокѣ всегда расположены значительныя массы русскихъ войскъ. Все это расширяетъ рынокъ сбыта суконъ всякаго рода. Сибирское фабричное производство выиграло бы прежде всего на сокращеніи провоза шерсти и, во-вторыхъ, на доставкѣ суконъ изъ Лодзи или Москвы. Такъ какъ сокращеніе новороссійскаго овцеводства отчасти возмѣщается расширеніемъ его въ степныхъ областяхъ Западной Сибири, то естественно, что въ Сибири, гдѣ съ каждымъ годомъ уплотняется населеніе, возможно легко создать крупное шерстяное фабричное производство, которое будетъ обезпечено и сырьемъ, и рынкомъ сбыта.

Есть еще одинъ вопросъ, связанный съ ввозомъ въ предѣлы Россіи монгольской шерсти. Русскіе должны получить въ Китаѣ болѣе широкія права, нежели тѣ, которыми они владѣютъ по договору 1881 года. Стремленіе обезпечить себя сырьемъ легко можетъ привести русскихъ въ Монголіи къ мысли о собственныхъ стадахъ, которыя дадутъ основу для сырьевыхъ заготовокъ въ рукахъ отдѣль-

ныхъ фирмъ и въ то же время освободятъ ихъ отъ полной зависимости у китайцевъ. Съ своими запасами русскіе сумѣютъ выждать и цѣны, и сроки. Но съ другой стороны, наличность своихъ собственныхъ стадъ создастъ возможность улучшить породу монгольской овцы и тѣмъ самымъ повысить качество монгольской шерсти, что было бы полезно и русскимъ, и монголамъ.

Словомъ, настоящее положеніе шерстяного рынка въ Монголіи и вообще рынка монгольскаго сырья представляется неудовлетворительнымъ съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, да и съ точки зрѣнія самихъ монголовъ, этихъ поставщиковъ сырья приинтымъ купцамъ и скупщикамъ. Но въ то же время общее положеніе дѣла не представляется намъ совершенно проиграннымъ или безнадежнымъ, оно можетъ значительно поправиться, если во-время и съ энергіей взяться за оздоровленіе общихъ и специальныхъ условій русско-монгольскихъ сношеній.

II. Продукты охотничьихъ промысловъ.

Среди монгольскихъ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію и черезъ Россію за границу, за послѣднее время, на ряду съ продуктами скотоводства, выдвигается пушной товаръ, какъ результатъ монгольскихъ охотничьихъ промысловъ. Для развитія охотничьихъ промысловъ въ Монголіи имѣются благопріятныя условія: рѣдкое населеніе оставляетъ для звѣря много свободной земли. Къ тому же это населеніе по своимъ религіознымъ воззрѣніямъ чуждается охоты и только высокія цѣны на пушнину соблазняютъ мирныхъ буддистовъ на кровопролитіе. Такъ какъ на дичь до сихъ поръ въ Монголіи спроса нѣтъ, то монголы и не трогаютъ гусей и утокъ, въ огромныхъ количествахъ населяющихъ рѣки и озера. Высокія горы и огромные лѣса даютъ пріютъ множеству дикихъ звѣрей. Охотничьи промыслы въ Монголіи по преимуществу созданы спросомъ со стороны русскихъ купцовъ. Выдающуюся роль за послѣднее время въ русско-монгольской торговлѣ заняли шкурки сурка—тарбагана. Этотъ товаръ въ короткое время сдѣлался, на ряду съ шерстью, основнымъ товаромъ русско-монгольскаго торговаго оборота. Скачками возросшія цѣны на сурка обогатили многихъ русскихъ торговцевъ, поэтому не удивительно, что въ настоящее время этотъ товаръ сдѣлался предметомъ оживленной спекуляціи и конкурренціи. Теперь такой прочный товаръ, какъ шерсть, отходитъ на заднiй планъ, помыслы и мечты купечества направлены на сурка. Толчкомъ къ росту сурочьихъ цѣнъ послужило движеніе западно-европейской моды на пушной товаръ, при чемъ оказа-

лось, что шкурки сурка особенно пригодны для подделки благородныхъ мѣховъ. Цѣны на сурка на Ирбитской ярмаркѣ въ 1906—1907 гг. сразу показали русскимъ торговцамъ, что настроеніе съ этимъ товаромъ „крѣпнетъ" и что при такихъ условіяхъ сурокъ можетъ дать высокую прибыль. Послѣ выясненія такихъ блестящихъ перспективъ купечество въ Монголіи было охвачено ажіотажемъ и стремленіемъ захватить въ свои руки какъ можно больше сурка. Въ два-три года, благодаря взаимной конкурренціи въ погонѣ за суркомъ, цѣны на этотъ товаръ быстро взвинчиваются и весьма скоро между покупной цѣной и цѣной реализаціи почти совершенно исчезаетъ та разница, которая такъ недавно обогащала счастливцевъ. Въ 1910 году конкурренція привела уже къ тому, что покупныя цѣны на сурка въ Монголіи сильно переросли реализаціонныя цѣны въ Бійскѣ и на Ирбитской ярмаркѣ. Разрослся настоящій „сурочій" кризисъ, созданный самими купцами и отчасти слухами о чумѣ въ Монголіи.

Къ сожалѣнію, совершенно нѣтъ достовѣрныхъ цифръ, которыя могли бы наглядно характеризовать развитіе ввоза въ Россію сурочьихъ шкурокъ. Въ таможенной статистикѣ этотъ товаръ регистрируется съ другими мѣхами, напр., съ мѣхомъ лисицы и бѣлки. Предполагаютъ, и не безъ основаній, что уже съ 1905 года ввозъ этого товара въ Россію значительно превысилъ милліонъ шкурокъ. Если взять отчетныя данныя таможни въ Кошъ-Агачѣ за послѣдніе три года, то окажется, что черезъ эту таможню было ввезено сурка, бѣлки и лисицы:

въ 1908 году	8451 пуд.	на 368.306 руб.		
" 1909 "	8386 "	" 449.439 "		(только сурокъ и бѣлка)
" 1910 "	7915 "	" 857.327 "		(только одинъ сурокъ)

Въ этихъ цифрахъ характерно несовпаденіе роста количества ввозимаго товара и его цѣнности: цѣны на сурка, который является преобладающимъ ингредіентомъ въ общей массѣ пушного товара, росли не по днямъ, а по часамъ. Черезъ Кошъ-Агачъ ввозится по преимуществу сурокъ, добываемый въ Улясутайскомъ округѣ. Кобдинскій округъ даетъ мало сурка, кобдинскіе купцы закупаютъ сурка или въ предѣлахъ Улясутайскаго округа или въ районѣ Урумчи (Да-хуаская область въ Тянь-Шанѣ) и только незначительныя количества въ округѣ Кобдо. Поэтому въ торговыхъ оборотахъ русскихъ купцовъ кобдинскаго округа сурокъ, въ общемъ, занимаетъ скромное мѣсто: по свѣдѣніямъ торговаго старшины г. Кобдо, русскіе этого округа ввезли въ 1908 г. въ Россію сурка на

98.465 руб., тогда какъ всѣхъ товаровъ было ввезено ими на 851 тыс. руб. и въ томъ числѣ бараньей шерсти на 350 тыс. руб. Масса сурка направляется черезъ Ургу-Кяхту. Здѣсь проходитъ часть сурка, собраннаго въ Улясутайскомъ округѣ и часть его изъ Ургинскаго района. Остальное уходитъ на Калганъ. Къ сожалѣнію, нѣтъ никакой возможности опредѣлить общую массу добываемаго въ Монголіи сурка. Сурокъ, какъ и другое монгольское сырье, находится, главнымъ образомъ, въ рукахъ китайцевъ ,которые давно оцѣнили выгоды этого товара. Въ настоящее время главная масса сурка, который проходитъ черезъ русскія руки, направляется черезъ Кяхту—Верхнеудинскъ. Въ 1904 году въ Кяхту было ввезено монгольскихъ сурковъ 98.374 шт. на сумму 29.401 руб., въ слѣдующемъ году обѣ цифры опускаются: 65.854 шт. на 23.833 руб., но уже съ слѣдующаго года, когда міровая конъюнктура обрисовала для сурка блестящія перспективы, ввозъ этого товара поднимается и въ 1909 г. черезъ Кяхту сурокъ ввозится въ количествѣ 1.853.767 шт. на сумму въ 1. 353.569 руб. изъ общей суммы монгольскихъ товаровъ, ввезенныхъ въ этомъ году въ Кяхту, на 3.684.659 руб. (по свѣдѣніямъ торгующаго въ Кяхтѣ купечества).

Что касается участія сурка въ торговыхъ оборотахъ отдѣльныхъ торговыхъ фирмъ, то свѣдѣнія, добытыя экспедиціей, рисуютъ положеніе дѣла въ слѣдующемъ видѣ: тѣ русскія фирмы, которыя занимаются скупкой сырья во всѣхъ его видахъ, удѣляютъ сурку значительное вниманіе. Улясутайская фирма „Торговый домъ Бодуновыхъ“, принадлежащая къ разряду крупныхъ фирмъ, въ 1909 году закупила въ Монголіи, по свѣдѣніямъ, доставленнымъ самой фирмой въ консульство, сырья на 244.260 руб.; изъ этой суммы 161.500 руб. приходится на сурка (190.000 шт. по 85 коп.). Мелкая Улясутайская фирма Алфутина съ закупкой въ томъ же году сырья на 9.670 руб. купила сурковъ на 7.920 руб. (8.100 шт. различныхъ цѣнъ). Въ Монголіи существуютъ представители фирмъ, покупающихъ только одно пушное сырье, напр., фирмъ Гутбецаль. Ея закупка пушнины въ 1909 г. по Улясутайскому округу выразилась въ размѣрѣ 39.860 руб., изъ которыхъ на долю сурка приходится 25 тыс. руб. (35 тыс. шт.). Подобныя же соотношенія имѣются и для другихъ фирмъ. Замѣтимъ кстати, что эти свѣдѣнія въ нѣкоторой степени преуменьшены, а отнюдь не преувеличены. Приведенное соотношеніе сурка къ остальной массѣ сырья наглядно характеризуетъ его выдающееся положеніе въ торговомъ оборотѣ съ Монголіей.

Сурокъ въ изобиліи водится почти по всей Монголіи. Особенно много его въ гористыхъ районахъ Улясутая. И теперь, послѣ массо-

вого истребленія этого звѣрка за послѣдніе 10 лѣтъ, въ Улясутайскомъ районѣ по дорогѣ можно видѣть этихъ довѣрчивыхъ животныхъ, дежурящихъ около своихъ норокъ. Передавали, что въ былое время особенно много сурка было по дорогѣ изъ Урги въ Пекинъ, но теперь это изобиліе отошло уже въ область преданія. Энергично и хищнически истребляемый сурокъ покинулъ открытыя мѣста и ушелъ въ недоступныя горы. Ранѣе, когда на шкурки сурка не было еще такого оживленнаго спроса и цѣны были ничтожны, монголы ловили и били сурка только для мяса. Монголы очень любятъ жирное и нѣжное мясо сурка. Съ истребленіемъ сурка въ районѣ русскаго вліянія охота направилась на такія мѣста Монголіи, куда русскіе проникали еще мало, напр., въ область Тянь-Шаня. Въ районѣ Урумчи лѣтъ шесть тому назадъ почти не было спроса на сурочьи шкурки и сурокъ тамъ истреблялся только изъ за мяса, шкурки стоили 3—5 коп. Но вотъ пріѣхали сюда русскіе изъ Кобдо, сразу подняли цѣну до 23—30 коп., и здѣсь началось массовое истребленіе этого звѣрка. Въ это время въ самомъ Кобдо средняя цѣна на сурка стояла на 40—45 коп. Тянь-Шанскіе торговцы кромѣ мяса въ суркѣ оцѣнили и шкурку. Торгоуты получали не 23 коп., а меньше, такъ какъ здѣсь удавалось выплачивать за сурка не деньгами, а русскими товарами по повышенной оцѣнкѣ.

Охота на сурка часто принимаетъ хищническія формы, такъ какъ въ настоящее время въ большихъ количествахъ истребляются дѣтеныши сурка, шкурки которыхъ имѣютъ хорошую цѣну. Купцы опасаются, что въ скоромъ времени сурокъ исчезнетъ въ Монголіи, и только общее запрещеніе пускать въ продажу шкурки молодыхъ сурковъ могло бы спасти этотъ промыселъ. Массовое истребленіе сурка было одной изъ причинъ поднятія цѣнъ на его шкурки. Гастрономическія наклонности монголовъ сыграли точно также извѣстную роль въ истребленіи молодыхъ сурковъ. Когда сурковъ было много, охота на него не представляла особыхъ трудностей; даже дѣти съ простой палкой могли убивать сурковъ. Теперь дѣло значительно осложнилось: за суркомъ приходится отправляться въ горы, часто мало доступныя. Сурка бьютъ изъ ружей, ловятъ капканами. Часто особымъ ломикомъ разворачиваютъ норы сурковъ и выгоняютъ ихъ оттуда; выбѣжавшаго сурка ловитъ пріученная собака. Зимой разворачиваютъ сурочью норку и въ устьѣ раскладываютъ огонь, дымъ выгоняетъ сурка наружу. Шкурки такихъ сурковъ называются „копаными". Въ Улясутайскомъ районѣ по дорогѣ вездѣ въ изобиліи можно видѣть разрытыя сурочьи норки: на зеленомъ лугу виднѣются ямы съ вывороченными камнями. Изъ хорошаго дробовика ничего не стоитъ убить сурка, спокойно сидя-

щаго около своей норки, но монголы дорожатъ и порохомъ, и дробью, и поэтому чаще идутъ на охоту съ ломикомъ и собакой. Этотъ ломикъ представляетъ изъ себя деревянную палку съ желѣзнымъ наконечникомъ.

На рынкѣ сурокъ дѣлится на нѣсколько сортовъ. Главное дѣленіе: бѣлый и черный (точнѣе: рыжеватый и бурый). Черный сурокъ встрѣчается гораздо рѣже, онъ идетъ на поддѣлку коригневатыхъ дорогихъ мѣховъ и на монгольскомъ рынкѣ расцѣнивается на 25—30 коп. (въ послѣдніе годы при высокихъ вообще цѣнахъ) дороже бѣлаго. Иногда эта разница сглаживается, такъ какъ бѣлый даетъ большее количество сортовъ поддѣлокъ, нежели черный. Затѣмъ различаютъ сурокъ весеннiй и осеннiй. Руководящимъ товаромъ будетъ осеннiй сурокъ. Осеннiй сурокъ добывается въ теченіе августа и сентября и даетъ лучшiй сортъ товара. Осеннiй сурокъ отличается мягкой шерстью, шелковистостью и „сочностью" общаго вида мѣха. Въ торговлѣ осенняго сурка получается до двухъ третей всей массы обращающаюся на рынкѣ сурка.

Весеннiй сурокъ добывается въ мартѣ, апрѣлѣ и маѣ. По своимъ качествамъ онъ много уступаетъ осеннему сурку. Весной сурокъ линяетъ, шерсть его рѣже. Обыкновенно, весеннiй сурокъ расцѣнивается на 20%, дешевле осенняго. Такъ какъ русскіе начинаютъ торговую дѣятельность въ Монголіи ранней весной, то имъ прежде всего приходится покупать весенняго сурка и цѣны послѣдняго уже въ достаточной мѣрѣ опредѣленно пророчествуютъ о томъ, какъ приблизительно сложатся цѣны на осенняго сурка. Купецъ никогда не составитъ партіи сурка изъ одного весенняго сбора, такъ какъ этотъ товаръ даетъ большое количество брака и скупщикъ будетъ искать лучшаго товара. Хорошая партія составляется изъ двухъ третей осенняго и одной—весенняго сурка. Такъ какъ весеннiй сурокъ расцѣнивается дешевле и во время весны купеческій ажіотажъ еще не разгорѣлся, такъ что цѣны вообще стоятъ не высоко, то скупка весенняго сурка имѣетъ для торговца „профилактическое", страховое значеніе: этимъ дешевымъ суркомъ онъ ослабитъ рискъ дорогихъ осеннихъ покупокъ.

Лѣтній сурокъ, поступающій на рынокъ только потому, что монголы бьютъ его изъ-за мяса, весь идетъ на рынкѣ, какъ бракъ. Въ этомъ сортѣ цѣнится уже не мѣхъ, а кожа сурка, изъ которой въ Китаѣ приготовляютъ мелкія кожаныя издѣлія. Бракъ попадаетъ и въ другихъ сортахъ сурка, и при цѣнахъ 1909—1910 гг. бракъ расцѣнивался отъ 10 до 30 коп. штука.

Существуетъ еще зимній сурокъ, „копанецъ". Шкурки зимняго сурка такъ же хороши, какъ и осенняго, только въ нихъ, какъ вы-

ражаются купцы, не хватаетъ осенней „сочности“. Зимній сурокъ идетъ обыкновенно почти въ равномъ отношеніи съ осеннимъ.

На ряду съ этой товарной классификаціей сурка существуетъ еще и другая, параллельная, охватывающая сурочьи шкурки всѣхъ сезоновъ. Сурокъ дѣлится на крупный, средній (купцы называютъ „котиль“) и мелкій („миндель“). Руководящимъ товаромъ будутъ шкурки крупнаго сурка. Если на рынкѣ называютъ цѣну на сурка, то это означаетъ, что рѣчь идетъ о крупномъ суркѣ. Средній и мелкій получаютъ свою цѣну въ зависимости отъ крупнаго, при чемъ эта цѣна устанавливается въ опредѣленной пропорціи къ крупному сурку: три среднихъ сурка равны двумъ крупнымъ; два мелкихъ равны одному крупному.

Лучшій сурокъ получается въ Монголіи въ Улясутайскомъ округѣ; чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ качество этого товара понижается. Въ Ургѣ сурокъ уже хуже, чѣмъ въ Улясутаѣ. Партія сурка съ востока Монголіи въ 500 штукъ будетъ на одинъ пудъ легче сурка изъ западной Монголіи. Манчжурскій сурокъ далеко по своимъ качествамъ уступаетъ монгольскому.

Рынокъ сурка въ Монголіи до сихъ поръ, не смотря на ярко опредѣленныя тенденціи въ развитіи цѣнъ на эти шкурки, находится въ хаотическомъ состояніи. Мы уже указывали, что въ районѣ Урумчи сурокъ шелъ за безцѣнокъ въ то время, когда въ сѣверной Монголіи онъ уже имѣлъ приличныя цѣны. Но даже и въ сѣверной Монголіи, въ этомъ настоящемъ царствѣ сурка, цѣны на него опредѣляются въ высшей степени капризно. Цѣны на сурка слагаются подъ давленіемъ весьма многихъ факторовъ, подобно шерстяному рынку. То, что говорилось о шерсти, въ значительной мѣрѣ приложимо и къ сурку. Въ 1909 г. въ районѣ рѣки Тельгиръ-Мурина былъ, напр., такой случай: русскій купецъ скупалъ у монголовъ сурковъ по 50 коп. за штуку. Это были цѣны 1908 года. Но монголы, привезшіе значительную партію сурка, уже услыхали, что цѣны сильно поднимаются. Купецъ, прекрасно знавшій, что цѣны сильно прыгнули вверхъ, объявилъ монголамъ, что слухи, дошедшіе до нихъ о ростѣ цѣнъ,—простая басня, и только „по дружбѣ“ къ монголамъ онъ предложилъ имъ накинуть три копѣйки. Монголы согласились и отдали партію по 53 коп., съ условіемъ деньги получить черезъ двѣ недѣли. Черезъ день въ эту мѣстность пріѣхали скупщики крупныхъ мѣховыхъ фирмъ и давали по рублю за шкурку съ наличнымъ разсчетомъ. „Монголы взвыли, но было уже поздно“,—добавилъ купецъ въ заключеніе своего разсказа. Правда, этотъ случай—сравнительно исключительный. Но цѣлымъ рядомъ другихъ фактовъ можно подтвердить анархическое состояніе рынка сурка въ Монголіи.

Беремъ этотъ рынокъ въ 1910 году, когда онъ былъ доступенъ нашему наблюденію на пространствѣ отъ Кошъ-Агача черезъ Кобдо до Урги и Кяхты.

Въ первыхъ торговыхъ ставкахъ въ Монголіи послѣ Кошъ-Агача, хотя здѣсь сурокъ встрѣчается и рѣдко, цѣны на него въ іюнѣ были уже извѣстны. Здѣсь сурка брали по 65 коп. и въ то же время по порученію одного улясутайскаго торговца здѣсь же покупали сурка по 1 руб. Но эта цѣна довольно условна: здѣсь въ ходу товарная мѣна. Товаръ оплачиваютъ, напр., кирпичами чая, а чай расцѣниваютъ въ 1 руб. 20 коп., что является очень высокой цѣной. Слѣдовательно, въ этомъ районѣ сурокъ покупали очень дешево. Правда, здѣсь этотъ товаръ случаенъ. Около озера Шаръ-Нуръ за 1 чай покупали двухъ сурковъ (здѣсь 1 чай давалъ 10 ф. шерсти). Въ это же время на Эдерѣ и Муринѣ за сурка наличнымъ разсчетомъ платили по 1 чаю. Для купца этихъ мѣстъ чай обходится немного дешевле Кобдинскаго района. Въ іюлѣ въ Улясутаѣ покупную цѣну на сурка довели до 1 руб. 75 коп. Затѣмъ, въ 20-хъ числахъ этого мѣсяца цѣна спустилась до 1 руб. 10 коп. Въ хурэ Дайчинъ-вана сурка покупали по рублю; въ Ургѣ весенній сурокъ доходилъ до 1 долл. 30 центовъ и осенній до 1 долл. 60 цент., т. е. приблизительно до 1 руб. 10 коп.—1 руб. 40 коп.

Сурокъ, какъ и другое монгольское сырье, покупается не только на наличныя деньги, но и въ обмѣнъ на товаръ, а, кромѣ того, подъ сурка „задаютъ" съ осени или чаще съ весны. При такой задачѣ исходятъ изъ цѣны на сурка прошлаго года. Такимъ образомъ, весною 1910 г. при задачахъ подъ сурка исходили отъ цѣны въ 1 руб. 20 коп.—1 руб. 10 коп. Покупка сырья въ обмѣнъ на товары и въ особенности „заданный" сурокъ безусловно обходились значительно дешевле шкурокъ, купленныхъ наличнымъ разсчетомъ. Здѣсь тѣ же пропорціи и отношенія, что и при покупкахъ и сдѣлкахъ на шерсть. Напр., лѣтомъ, въ іюлѣ 1910 г. въ районѣ Орхона сурокъ доходилъ до 1 лана серебра, а весной задавали 1 ланъ на три сурка. Отсюда ясно видно, что тѣ торговыя фирмы, которыя успѣли во-время задать на выгодныхъ условіяхъ подъ сурка и тѣмъ самымъ обезпечить себя значительной партіей дешеваго товара, могли лѣтомъ и особенно осенью покупать сурковыя шкурки дорогой цѣной. Осенняя дороговизна ослаблялась дешевыми закупками. Но выгоды такихъ комбинацій рѣдко достаются на долю русскихъ торговцевъ. Русскимъ большею частью приходится покупать сурковъ наличнымъ разсчетомъ и изъ рукъ китайцевъ. Здѣсь преобладаютъ уже партіонныя сдѣлки, а эти сдѣлки дороже мелочныхъ, такъ какъ продавецъ партіи сурка въ цѣнѣ сурка стара-

ется окупить и свои расходы и труды по сборкѣ партіи. Поставки шерсти находятся въ зависимости отъ количества барановъ въ стадѣ монгола, а поставка сурка зависитъ отъ охотничьяго счастья. На охоту идетъ бѣдный и малосостоятельный монголъ, который торопится продать, не медля, каждую шкурку сурка. Поэтому сурокъ поступаетъ на рынокъ мелочами и такъ какъ въ Монголіи мелочная торговля почти монополизирована китайцами, то и сурокъ попадаетъ по преимуществу въ ихъ руки. Китайцы прекрасно учитываютъ положеніе сурка въ русско-монгольскомъ торговомъ оборотѣ. Они знаютъ, что на рынкѣ изъ за сурка идетъ острая борьба и поэтому прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы довести этотъ товаръ до русскихъ черезъ свои руки. Сами китайцы покупаютъ сурка по низкимъ цѣнамъ ,такъ какъ они „задаютъ" подъ этотъ товаръ, мѣняютъ его на товаръ, взыскиваютъ суркомъ свои долги и т. д. Если въ районъ, гдѣ сурокъ китайцами держится на дешевомъ положеніи, пріѣзжаетъ русскій скупщикъ, предлагающій болѣе высокія цѣны, то китайцы немедленно поднимаютъ цѣны и дѣлаютъ покупки невыгодными. Китайцы, запасшіеся дешевымъ товаромъ, могутъ позволить себѣ роскошь дорогихъ закупокъ, русскимъ же приходится ретироваться. Такимъ образомъ, массы сурка, опредѣляющія монгольскія цѣны, находятся, главнымъ образомъ, въ рукахъ китайцевъ, которые и выпускаютъ этотъ товаръ на рынокъ. При этомъ китайцы, какъ самые искусные коммерсанты, поступаютъ чрезвычайно обдуманно и осторожно. Они раззадориваютъ русскаго покупателя, искусно подбирая партіи и выпуская на рынокъ небольшія количества. Ведутъ переговоры съ отдѣльными купцами, сообщаютъ „по секрету" цѣну, предложенную конкуррентомъ, и такимъ образомъ постепенно вздуваютъ цѣну, по которой реализуютъ свой дешевый товаръ. Въ той цѣнѣ, по которой русскіе покупаютъ сурка изъ рукъ китайцевъ, безусловно есть доля, накинутая самими русскими, такъ какъ русскіе купцы жаждутъ быстраго обогащенія, именно, на суркѣ и другъ передъ другомъ набиваютъ цѣну. Купецъ, дешево запасшійся шерстью, смѣло спекулируетъ на сурка въ надеждѣ покрыть возможныя потери на суркѣ выгодами на шерсти. Улясутай въ іюлѣ 1910 г. переживалъ сурковую лихорадку. Между Улясутаемъ и Ургой всѣ торговцы только и говорили о суркѣ и о предстоящихъ высокихъ цѣнахъ въ Ирбитѣ и за границей. Въ Ургѣ на сурка было 15 покупателей, часто съ солидными деньгами, а въ этомъ районѣ собирается всего милліонъ шкурокъ: отсюда острая борьба между скупщиками.

Огромную роль на Монгольскомъ рынкѣ пушнины играютъ

представители лейпцигскихъ фирмъ, орудующихъ въ Монголіи при посредствѣ русскихъ приказчиковъ. Фирма Бедерманъ, Гутбецаль работаютъ непосредственно для заграницы; эти же фирмы являются главными покупателями пушнины, ввезенной въ Кяхту и Бійскъ. Преимущество этихъ фирмъ заключается, во-первыхъ, въ томъ, что онѣ орудуютъ на болѣе дешевый капиталъ, нежели деньги, добытыя русскими фирмами; а во-вторыхъ, эти фирмы идутъ на монгольскій рынокъ съ точными директивами изъ Лейпцига, освѣдомленнаго въ положеніи рынка, диктующаго реализаціонныя цѣны. Поэтому иностранные комиссіонеры спокойно могутъ поднимать цѣны на сурка, въ то время какъ русскій торговецъ долженъ дѣйствовать очень осторожно или наобумъ. Въ іюлѣ 1910 г. въ Улясутаѣ одинъ изъ представителей иностранныхъ фирмъ неожиданно поднялъ цѣну на сурка до 1 руб. 75 коп. Русскіе пріостановили покупку, дней черезъ десять и иностранная фирма стала покупать по 1 руб. 10 коп. Быть можетъ, этотъ маневръ былъ сдѣланъ для того, чтобы выгадать время и получить изъ Лейпцига болѣе точныя свѣдѣнія... Съ другой стороны, иностранная фирма, покупающая сурка по высокой цѣнѣ, соблазняетъ довѣрчивыхъ и неосвѣдомленныхъ русскихъ, думающихъ, что, разъ эта фирма покупаетъ такъ дорого, то значитъ, будущія реализаціонныя цѣны сложатся самымъ благопріятнымъ образомъ. Въ Монголіи купецъ склоненъ забывать, что въ рукахъ иностранной фирмы и капиталъ дешевле, и нѣтъ старой привычки наживать чрезмѣрные барыши на вздутыхъ цѣнахъ. Брать прибыли отъ количества оборота русско-монгольскіе купцы до сихъ поръ еще не привыкли. Закупки иностранцами фирмами пушнины въ самой Монголіи имѣютъ еще и другое отрицательное вліяніе на интересы русскихъ, оперирующихъ въ Монголіи. Такъ какъ тѣ же иностранныя фирмы являтся покупателями пушнины у русскихъ, привезшихъ ее въ Кяхту или Бійскъ, то онѣ могутъ нажимать на русскихъ при осеннихъ и зимнихъ покупкахъ: въ рукахъ иностранныхъ фирмъ есть уже значительныя партіи нужнаго товара, что позволитъ имъ выждать болѣе благопріятное время. Русскому же купцу необходимо скорѣе развязаться съ суркомъ, такъ какъ его тревожатъ вексельные и банковые сроки. Кромѣ того, русскія крупныя торговыя фирмы видятъ, что изъ ихъ рукъ уходятъ мелкія китайскія и русскія фирмы, связанныя съ ними кредитомъ. Этотъ кредитъ мелкія фирмы находятъ на болѣе выгодныхъ условіяхъ у представителей иностранныхъ фирмъ. Иностранныя фирмы держатся ближе къ Ургѣ, хотя постепенно раскидываютъ свои агентуры по всей Монголіи: ихъ представители имѣются въ Кобдо, въ Улясутаѣ, Заинъ-Шаби и т. д. У нихъ

имѣются агенты, разъѣжающіе по хошунамъ, по монастырямъ, гдѣ имѣются скопленія китайскихъ торговыхъ фирмъ, и т. д. Урга для этихъ фирмъ важна въ томъ отношеніи, что здѣсь имѣется телеграфъ, при помощи котораго иностранный представитель скоро и легко снесется съ Лейпцигомъ, и почта, при помощи которой отправляются посылками наиболѣе цѣнные мѣха. Русскіе же торговцы обо всемъ должны гадать или довѣряться „вѣрному" человѣку. Скупка иностранными фирмами сурка происходитъ, главнымъ образомъ, на деньги, хотя, по условіямъ мѣста, имъ приходится закупать ланное серебро и чай для расплаты за товаръ. Само собой разумѣется, что валютныя колебанія имѣютъ такія же отношенія и къ сдѣлкамъ на сурка, какъ и къ сдѣлкамъ на шерсть. Съ монголами иностранныя фирмы почти не имѣютъ никакого дѣла, ихъ сношенія ограничиваются кругомъ русскихъ и китайскихъ купцовъ. При покупкѣ партій обычно пересматриваются всѣ шкурки въ цѣляхъ опредѣленія брака и качества товара. При обиліи сортовъ сурка и при легкихъ торговыхъ правахъ такая осторожность является простой необходимостью. Одинъ русскій торговецъ въ Улясутаѣ купилъ у китайской фирмы большую партію сурка. При переговорахъ о сдѣлкѣ китаецъ сказалъ, что партія подобрана, т. е. въ ней есть товаръ разнообразнаго качества, и что партія имѣетъ „головку", т. е. снабжена должнымъ количествомъ отличнаго товара. Когда сдѣлка была заключена и купецъ принималъ партію въ амбарахъ китайца, то онъ случайно увидалъ въ сторонѣ небольшую партію сурка, который оказался первосортнымъ товаромъ. Это и была „головка", выбранная китайцемъ изъ проданной партіи и отложенная до другого случая. Только энергичный протестъ русскаго купца и угроза не взять всего сурка заставили китайца пристегнуть и „головку" къ проданной партіи.

Не такъ давно практиковался слѣдующій пріемъ покупки партій сурка. Продается, напр., партія сурка въ 1000 штукъ. Покупатель устанавливаетъ цѣну и по этой цѣнѣ отбираетъ лучшіе экземпляры, положимъ—200 штукъ. Затѣмъ, отказавшись отъ остальной партіи, онъ снова ведетъ торгъ на „остатокъ" и предлагаетъ новую цѣну, уже болѣе низкую и, достигнувъ согласія продавца, снова отбираетъ 150—200 штукъ. И путемъ такого пріема къ одной и той же партіи покупатель подходитъ разъ 5 или 6. Но въ настоящее время подобные пріемы уже болѣе не практикуются.

То обстоятельство, что въ настоящее время сурокъ, главнымъ образомъ, сосредоточивается въ рукахъ китайцевъ, имѣетъ огромное значеніе для русско-монгольской торговли. Сурокъ поступаетъ въ руки русскихъ торговцевъ по высокимъ цѣнамъ, эти цѣны

взвинчиваются наличностью спекуляцій на сурковый товаръ и конкурренціи изъ-за обладанія большими массами этого товара. До сихъ поръ, въ періодъ быстро растущихъ цѣнъ на сурка, русскимъ удавалось не только удачно ликвидировать скупленный товаръ, но и наживать большія деньги. Ростъ цѣнъ на монгольскомъ рынкѣ сурка отставалъ отъ роста цѣнъ на европейскомъ рынкѣ пушнины. Это и спасало русскую спекуляцію на монгольскаго сурка. Но съ теченіемъ времени, особенно въ послѣдніе два—три года, старыя благопріятныя условія начали измѣняться. Покупка сурка уже должна была сопровождаться солидной освѣдомленностью покупающихъ. Но этой освѣдомленности и не было въ рукахъ русскихъ, торгующихъ въ Монголіи, вслѣдствіе чего въ 1910 г. закупка сурка для русскихъ вмѣсто ожидаемыхъ прибылей принесла одни только горькія разочарованія. Цѣны реализаціи скупленнаго товара встали ниже покупныхъ цѣнъ. Создался настоящій кризисъ для многихъ русско-монгольскихъ фирмъ. Отъ этого кризиса спастись могли только тѣ немногія фирмы, которыя, обладая большими средствами, могли въ широкихъ размѣрахъ развить систему спекулятивныхъ покупокъ, когда одинъ товаръ покупаютъ дорогой цѣной, чтобы только купить, другой товаръ—дешевой, чтобы ослабить дороговизну первой партіи или перваго товара. Въ сезонъ 1910 года цѣны на сурка, какъ и раньше, были очень пестры: въ городахъ цѣна доходила до 1 руб. 75 коп., спускаясь до 1 руб. 50 коп. и 1 руб. 10 коп. и даже ниже. Въ отдаленныхъ хошунахъ можно было купить по рублю и по 80 коп. Въ районѣ рѣкъ Эдера, Мурина съ весны задавали по 3 сурка на 1 чай, лѣтомъ покупали по 1 сурку на чай (60 коп.) и т. д. Считаютъ, что въ среднемъ покупка сурка обошлась для многихъ фирмъ не ниже 1 руб. 30 коп. Купцы ожидали, что зимнія реализаціонныя цѣны встанутъ не ниже 1 руб. 50 коп., многіе ожидали 2 руб. Реализаціонныя цѣны устанавливаются въ Россіи исключительно подъ вліяніемъ заграничнаго рынка, такъ какъ весь ввезенный сурокъ идетъ за границу. Цѣны опредѣляются зимою въ Бійскѣ и Кяхтѣ, куда ввозится сурокъ, и на Ирбитской ярмаркѣ; и тамъ, и здѣсь скупщиками въ большинствѣ случаевъ являются тѣ иностранныя фирмы, которыя имѣютъ своихъ представителей въ Монголіи. 18 февраля 1911 года на Ирбитской ярмаркѣ состоялась первая сдѣлка съ монгольскимъ суркомъ и вмѣсто ожидавшихся двухъ рублей, или, по меньшей мѣрѣ, 1 руб. 50 коп., партія въ 70.000 штукъ была куплена американцами франко-Москва по 85 коп. Перспективы обрисовывались такимъ образомъ, что ждать повышенія цѣнъ въ близкомъ будущемъ не приходилось, такъ какъ мода стала капризно измѣ-

няться, а съ другой стороны стало извѣстно, что въ Лейпцигѣ имѣются огромные запасы сурковыхъ шкурокъ. Вмѣсто повышенія можно было предполагать дальнѣйшее пониженіе цѣнъ и сокращеніе спроса. Многіе торговцы рѣшили выдержать сурковый товаръ до лучшаго будущаго, такъ какъ для нихъ продажа его по установившейся цѣнѣ означало разореніе. Съ суркомъ отчасти развязалась фирма Бодуновыхъ. Остальной сурокъ остался на рукахъ торговцевъ, которые тѣмъ самымъ оказались поставленными въ самое затруднительное положеніе.

Неудачи съ такимъ виднымъ товаромъ русско-монгольской торговли, какъ сурокъ, съ рѣзкой опредѣленностью подчеркнули одно слабое мѣсто въ русско-монгольской торговлѣ: весьма слабую освѣдомленность русскаго купечества относительно положенія и перспективъ на руководящихъ рынкахъ. Отдѣльныя лица имѣютъ кое-какія связи съ иностранными рынками, получая оттуда извѣстія о возможныхъ условіяхъ сбыта пушного товара. Одинъ торговецъ въ февралѣ 1911 года въ Газетѣ „Алтай“ писалъ, что онъ въ іюлѣ и августѣ 1910 года получалъ изъ-заграницы самыя опредѣленныя предостереженія по поводу сурка. Изъ-заграницы ему не рекомендовали покупать сурка дороже рубля. „Мы тоже имѣли порученіе купить до 300 тысячъ сурка,—разсказываетъ купецъ,—но уже мѣсяцемъ раньше (въ іюлѣ) получили свѣдѣнія изъ Лейпцига, что сурка ни въ какомъ случаѣ дороже рубля покупать не слѣдуетъ. Когда въ августѣ мѣсяцѣ намъ изъ тѣхъ же источниковъ посовѣтовали совершенно прекратить покупку, мы предупреждали въ Улясутаѣ нѣкоторыхъ торговцевъ послѣдовать нашему примѣру, но вѣра въ „друга“ была сильнѣе и спекуляція продолжалась еще усиленнѣе“.—„Другъ“, о которомъ говоритъ авторъ статьи, это тѣ случайныя и, быть можетъ, не особенно объективныя связи, которыя имѣетъ крупный купецъ въ Москвѣ или рѣдко заграницей. Для будущаго сурковой торговли является совершенно необходимымъ, чтобы въ средѣ торгующаго въ Монголіи купечества была достовѣрная освѣдомленность въ положеніи рынка. Можно было обходиться безъ этой освѣдомленности тогда, когда между покупными цѣнами въ Монголіи и цѣнами европейскаго рынка была слишкомъ большая разница, страховавшая торговца отъ всевозможныхъ неожиданностей. Теперь положеніе создается совершенно въ другомъ видѣ: монгольскія цѣны подъ вліяніемъ уже указанныхъ обстоятельствъ и факторовъ растутъ вверхъ, а цѣны реализаціи обнаружили ясную тенденцію къ пониженію.

Другимъ слабымъ и наиболѣе уязвимымъ мѣстомъ торговли суркомъ является то обстоятельство, что русскіе скупаютъ этотъ

товаръ изъ вторыхъ рукъ—отъ китайцевъ и перепродаютъ его опять-таки не прямымъ потребителямъ—въ Лейпцигъ, а коммиссіонерамъ и посредникамъ. Все это обрѣзываетъ съ двухъ сторонъ возможныя прибыли сурковой торговли. Слѣдовательно, и здѣсь повторяется та же исторія, что и съ шерстью. Энергія купцовъ должна быть направлена на устраненіе этихъ коренныхъ дефектовъ русско-монгольскаго торговаго оборота.

Заканчивая вопросъ о суркѣ, замѣтимъ, что этотъ промыселъ можетъ съ теченіемъ времени нѣсколько раздвинуть свои рамки. Дѣло въ томъ, что монголы ежегодно истребляютъ милліоны сурковъ, которые кромѣ шкурки даютъ хорошее сало. Сало это не застываетъ и могло бы быть использовано въ какихъ нибудь техническихъ цѣляхъ, напр., для выработки смазочныхъ веществъ. Въ настоящее время это сало пропадаетъ безъ утилизаціи. Передавали, что лѣтъ 20 тому назадъ подымался вопросъ объ использованіи сурочьяго сала, но вопросъ не былъ изученъ и до сихъ поръ надъ нимъ не задумывались.

Сурокъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ серіи монгольскихъ товаровъ, получающихся въ результатѣ охотничьихъ промысловъ. Но за послѣднее время, особенно съ пріѣздомъ въ Монголію спеціальныхъ скупщиковъ пушнины, выдвигаются и другіе сорта пушнины. Эта пушнина въ большихъ количествахъ добывается, главнымъ образомъ, въ Сойотской землѣ и на сѣверѣ Улясутайскаго округа. Фирма Бедерманъ въ 1909 году вывезла изъ Монголіи пушного товара на 700.000 рублей. Другая фирма, работающая прямо на Лейпцигъ, въ томъ же году изъ Улясутайскаго округа вывезла пушного товара на 40 тыс. руб. Общіе обороты по пушной торговлѣ, какъ будетъ показано въ таблицахъ, годъ отъ году возрастаютъ.

Въ Сойотіи среди пушного товара видное мѣсто занимаетъ бѣлка, которую туземцы, а отчасти и русскіе бьютъ въ своихъ лѣсахъ. Бѣлка играетъ до сихъ поръ во многихъ частяхъ Сойотіи (напр. въ Тоджинскомъ хошунѣ) роль счетной единицы. На нее считаютъ долги сойотовъ, ею опредѣляется алба въ пользу князей и поборы въ пользу китайскихъ чиновниковъ. Насколько значительны сборы бѣлки, видно изъ того, что въ 1909 г. русскіе вывезли изъ Сойотіи бѣлки на 200.000 руб. Впрочемъ, въ послѣдніе годы замѣчается сокращеніе количества добываемой бѣлки вслѣдствіе хищнической охоты.

Послѣ сурка и бѣлки среди пушного товара играетъ роль лисица. Монгольская лисица въ изобиліи населяетъ горы и лѣса Монголіи. На рынкѣ пушнины эта лисица считается низкосортной;

такъ какъ шерсть ея грубовата и цвѣтъ часто бѣлесоватый, то и расцѣнка ея шкуры, по сравненію съ лисицей Сибири, ниже. Желтая лисица въ Монголіи встрѣчается сравнительно рѣдко, хотя изъ массы шкуръ можно отобрать „хорошую головку". Въ оптовой торговлѣ лисьи шкуры подвергаются сортировкѣ по качествамъ, но въ первоначальной монгольской скупкѣ всѣ мѣха обыкновенно идутъ за одинъ сортъ, исключая явнаго брака. Лучшіе сорта монгольской лисицы собираются въ октябрѣ и ноябрѣ и отчасти декабрѣ. Въ январѣ охота даетъ уже бракъ, такъ какъ къ этому времени лисица вытираетъ шерсть зада. Лисица, между прочимъ, водится въ большихъ количествахъ въ горахъ, окружающихъ долину рѣки Тель-гиръ-Мурина. Монголы ловятъ ее собаками или догоняютъ на верховыхъ лошадяхъ. Лисица встрѣчается по всей Монголіи. Небольшія облавы, сдѣланныя на границѣ Монголіи, въ районѣ Кяхты, въ такомъ мѣстѣ, гдѣ охота производится часто, давали въ результатѣ единихъ лисицъ. Цѣны на лисьи шкуры постепенно растутъ: въ наличной покупкѣ въ 1909 году онѣ колебались отъ 4 до 7 руб. Въ 1909 году монгольскую лисицу въ Ирбитѣ продавали по 8 руб. 50 коп.

Почти на одномъ и томъ же уровнѣ съ цѣнами на лису стоятъ въ настоящее время цѣны и на волчьи шкуры. Въ Монголіи волковъ водится очень много. Во время путешествія по Монголіи ночью, при остановкѣ на ночлегъ, особенно въ темныя ночи, лошади почти всегда чуяли близость волковъ, собаки нервничали. Проводники-монголы обыкновенно обращались съ просьбой сдѣлать нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ съ цѣлью напугать волковъ. Монгольское скотоводство терпитъ отъ волковъ значительный уронъ. Волкъ нападаетъ и на овецъ, и на крупный скотъ. Разсказывали, что крупный монгольскій скотъ выработалъ особые пріемы борьбы съ нападающими волками. Лучшіе сорта волковъ сбираются въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ. Монгольскій волкъ по качеству своей шкуры значительно хуже русскаго или сибирскаго: онъ и меньше по размѣру и не такъ пушистъ, какъ русскій его собратъ. Монгольскіе волки, какъ и собаки, отчасти несутъ въ Монголіи санитарную службу, поѣдая покойниковъ, которыхъ монголы выносятъ на пригорки. Наклонностью волковъ къ поѣданію труповъ воспользовались монголы для охоты на нихъ. Охотникъ монголъ выходитъ на пригорокъ ночью съ острымъ ножомъ и ложится, изображая изъ себя покойника. Волкъ крадется къ человѣку и прежде всего начинаетъ рекогносцировку. Онъ со всего разбѣга перепрыгиваетъ черезъ охотника, разъ—другой; волкъ убѣждается въ томъ, что лежащее тѣло совершенно безопасно. И вотъ во время

такихъ прыжковъ монголъ вонзаетъ ему въ животъ большой ножъ и добиваетъ раненнаго волка. Волковъ берутъ собаками, капканами и ружьемъ.

Почетное мѣсто на рынкѣ пушнины въ Монголіи занимаетъ соболь, который почти цѣликомъ добывается въ Сойотіи. Соболиныя шкурки, благодаря высокимъ цѣнамъ на нихъ, расцѣниваются индивидуально. Собственно говоря, имѣется двѣ категоріи соболей: мѣховые и приборные. Одни идутъ въ подѣлки, какъ мѣхъ, другіе разрѣзаются на частички для опушекъ и т. п. Монгольскій соболь не отличается высокими качествами. Преобладающій типъ—свѣтлый соболь. Правда, можно было встрѣтить прекрасные экземпляры темнаго соболя, но это были исключенія. Покупаютъ средняго соболя, за исключеніемъ рѣдкихъ и отборныхъ экземпляровъ, по 35—45 руб. и выше,—до 60—80 руб. Этого благороднаго товара поступаетъ на рынокъ не много. Въ 1911 году на Ирбитской ярмаркѣ было до 10 тыс. соболей, изъ которыхъ 1000 монгольскихъ, средніе свѣтлые продавались отъ 40 до 60 руб., лучшіе отъ 80 до 100 руб., въ то время, какъ якутскіе соболи шли по 200 руб. Среди якутскихъ были экземпляры и по 1500 руб. штука. Такихъ соболей Монголія не знаетъ.

Въ небольшихъ количествахъ поступаетъ на рынокъ рысь, которая добывается въ той же Сойотской землѣ. Рысь дѣлится на двѣ категоріи: моринъ, отъ слова „море"—лошадь, такъ рысь называется потому, что она нападаетъ на лошадей. Это крупные экземпляры. Болѣе мелкая рысь называется „хонинъ", она нападаетъ только на мелкій скотъ, главнымъ образомъ, на барановъ, отъ которыхъ она и получила свое названіе. Мелкая рысь цѣнится на 2—3 руб. дешевле крупной. Въ 1909 году за крупную рысь платили 15 руб., за мелкую—12 руб. Но въ 1910 году цѣны рѣзко поднялись, такъ какъ къ этому товару проявили интересъ китайцы, которые вообще держатъ гегемонію на пушномъ рынкѣ. Цѣна на рысь дошла до 28, до 29 руб., но и по этой цѣнѣ трудно было найти свободный товаръ, трудно было сговорить на сдѣлки, такъ какъ ожидали, что цѣны выростутъ (цѣны приведены для Улясутайскаго рынка на наличный разсчетъ).

Въ Монголіи въ огромныхъ количествахъ водятся горныя козы, лани, горные козлы. Эти животныя носятъ у русскихъ различныя названія: ерени, дзерены, кочкоры, буны. Въ кобдинскомъ округѣ то и дѣло можно видѣть цѣлыя стада этихъ животныхъ. Меньше ихъ въ лѣсистыхъ горахъ района Эдера, Мурина и Орхона, но къ Ургѣ въ степяхъ они снова появляются въ огромныхъ количествахъ. Иногда приходилось видѣть стада ланей въ сто и больше

головъ. На этихъ животныхъ охотятся и изъ-за мяса, и изъ-за шкурокъ, которыя въ большихъ количествахъ экспортируются въ Китай и Россію. На ланей охотятся съ ружьями, загоняя животныхъ на спрятавшихся гдѣ-нибудь за холмомъ охотниковъ. Встрѣчаются въ Монголіи, кромѣ того, косули, медвѣди, зайцы. Русскіе въ значительномъ количествѣ ввозятъ черезъ Монголію въ Китай рога мараловъ или изюбрей, такъ называемые панты. Эти панты считаются въ Китаѣ лекарственными и продаются по весьма высокимъ цѣнамъ. Русскіе на Алтаѣ разводятъ мараловъ, какъ домашнихъ животныхъ, въ особыхъ лѣсныхъ загонахъ. Но маралы водятся въ Монголіи, напр., въ долинахъ системы рѣки Хонгинъ (бассейнъ р. Иро). Изюбри любятъ посѣщать узкія горныя пади, богатыя жирными солончаками. Г-жа Молесонъ, консерваторъ прекраснаго Кяхтинскаго музея, въ одну изъ своихъ поѣздокъ по Монголіи имѣла случай наблюдать охоту за изюбрями. Монголы съѣзжаются на эту охоту за сотни верстъ. Охотятся артелями отъ 4 до 10 человѣкъ, просиживая на солонцахъ до 30—50 ночей. „Большинство охотниковъ увозятъ панты въ Ургу, гдѣ и продаютъ ихъ русскимъ или китайскимъ купцамъ отъ 80 до 200 рублей за пару, смотря по величинѣ, а особенно по мягкости и вѣсу. Убивши изюбря-роглая, охотники прежде всего осторожно отнимаютъ голову звѣря и подвѣшиваютъ ее въ тѣнистомъ мѣстѣ въ опрокинутомъ положеніи, т. е. рогами внизъ, чтбоы возможно больше наполнить ихъ кровью и увеличить вѣсъ. Затѣмъ черезъ 2—3 дня вырубаютъ рога съ лобною частью черепа и, крѣпко привязавши ихъ въ томъ же положеніи къ рѣчному шесту, везутъ ихъ въ такомъ видѣ на продажу, слѣдя дорогой за тѣмъ, чтобы не вылилась изъ нихъ драгоцѣнная кровь. Чѣмъ мягче панты, тѣмъ дороже они цѣнятся; въ маѣ и въ началѣ іюня одинъ фунтъ стоитъ обыкновенно отъ 8 до 12 рублей, спускаясь постепенно до 4 рублей со второй половины іюня до первыхъ чиселъ іюля, когда рога уже вполнѣ окостенѣваютъ и окончательно теряютъ свою цѣнность, какъ цѣлебное средство"[1]).

Среди всѣхъ продуктовъ охотничьяго промысла въ Монголіи, играющихъ роль въ русско-монгольской торговлѣ, первое мѣсто и исключительное занимаетъ только одинъ сурокъ. Остальные продукты занимаютъ сравнительно ничтожное мѣсто въ спискѣ товаровъ, ввозимыхъ въ Россію. Таможенная статистика не даетъ точныхъ и опредѣленныхъ свѣдѣній относительно отдѣльныхъ сор-

---

¹) „Труды Тр.-Кяхтинскаго Отдѣл. П. О. И. Р. Г. О-ва". Т. XI, вып. 1 и 2. ПБ. 1910, стр. 52.

товъ пушного и мѣхового товара. Только за три послѣднихъ года удалось добыть свѣдѣнія Кошъ-Агачской таможни, на основаніи которыхъ ввозъ этихъ товаровъ въ Россію рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

ТОВАРЫ.	1908 г.			1909 г.			1910 г.		
	Вѣсъ.		Рубли.	Вѣсъ.		Рубли.	Вѣсъ.		Рубли.
	пуд.	фун.		пуд.	фун.		пуд.	фун.	
Шкурки сурка . .	8451	16	368.306	8386	20	448.439	7915	—	817.327
„ дик. баран.		-	—	—		—	2705	—	26.608
„ козь . .	4465	16	60.826	3067	10	27.721	2170	—	22.019
„ лисьи . .	—	—	—	—	—	—	277	17	96.263
„ волчьи . .	—	—	—	22	14	993	123	29	9.653
„ барсъ . .	—	—	—	—	—	—	—	5	136
„ дик. кошки	—	—	—	1	—	4	10	7	612
„ рыси . .	—	—	—	31	23	7.332	6	24	1.596
„ соболь . .	1	24	5.132	1	6	5.571	1	30	10.070
„ куница . .	—	—	—	1	8	[illegible]20	1	6	259
„ хорекъ . .	—	—	—	83	19	3.012	76	23	4.412
„ маралъ . .	21	24	305	22	—	388	68	—	611
„ медвѣдь .	41	22	2.623	28	5	2.349	—	25	30
„ бѣлки . .	—	—	—	9	28	1.203	17	7	3.300
„ горностай .	—	—	—	—	1	3	—	7	59
„ барсукъ .		—	—	1	—	21	—	7	14
Рога мараловъ . .	—	—	—	—	17	42	5	5	62
Горныя куры. . .	—	—	—	—	—	—	9	—	40
Хвосты бѣлячьи. .	—	-	—	—	—	—	4	11	1.394
„ лисьи. . .	—	—	—	—	—	—	17	—	2.979
Заяцъ	—	—	—	3	—	—	—	—	—
Итого .			437.192			498 300			1.127.444

Значительныя партіи пушнины отправляются китайцами въ предѣлы внутренняго Китая. Черезъ Монголію въ Китай направляется не только монгольскій пушной и мѣховой товаръ, но иногда через Кяхту и сибирская пушнина. Въ Кяхтинскомъ маймаченѣ можно видѣть черныхъ лисицъ, привезенныхъ изъ Якутской области. По свѣдѣніямъ, которыя уже цитировались въ настоящей главѣ, видно, что изъ Урги стянутый туда пушной и мѣховой товаръ распредѣлялся на Кяхту и Калганъ въ слѣдующихъ количествахъ (1908 г.):

	вывозъ въ Калганъ	вывозъ въ Кяхту.
бѣличьи шкурки штукъ	1.400.000	162,740
лисьи 1 с. „ „	150.000	15.456
лисьи 2 с. „ „	80.000	—
волчьи „ „	120.000	1.314

дикой кошки „	„	50.000	—
сурковыя „	„	500.000	1.556.500
рысьи „	„	3.500	479
барсовыя „	„	80	—
барсучьи „	„	600	13
медвѣжьи	„	200	—
собольи „	„	200	47
куницы „	„	—	28
хорьковыя „	„	—	1.313
хвосты лисьи	„	—	16 494
„ барсучьи	„	—	1.510
„ бѣличьи (кит. ф.)		—	404
волчьи лапы, паръ		—	600

Вѣроятно, аналогичное соотношеніе распредѣленія монгольскаго пушного и мѣхового товара между русскими и китайцами будетъ и въ другихъ центрахъ торговой дѣятельности въ Монголіи. Только за самое послѣднее время въ Монголіи появились спеціальные скупщики пушнины и мѣховъ, представители лейпцигскихъ фирмъ. По всей вѣроятности, эти скупщики значительно видоизмѣнятъ монгольскій рынокъ пушнины какъ въ отношеніи цѣнъ, такъ и въ отношеніи цифръ вывоза черезъ Россію и черезъ Китай.

Глава VI.

Транспортъ и его условія.

До сихъ поръ для русско-монгольской торговли имѣли исключительное значеніе тѣ пути сообщенія, которые связывали Сибирь и Монголію. Для русскихъ торговцевъ, постепенно завязывавшихъ сношенія съ монголами, важны были въѣзды въ Монголію съ караванами и обратные выѣзды съ товарами и скотомъ. Въ самомъ началѣ книги мы уже говорили, что стремленіе русскихъ въ Монголію было результатомъ движенія сибирскаго торговаго капитала на югъ Сибири. Это движеніе и привело русскихъ въ предѣлы Монголіи. Вотъ почему наиболѣе свободные входы въ Монголію, имѣющіеся въ предѣлахъ Забайкалья, использованы менѣе интенсивно, нежели чрезвычайно трудные въѣзды въ предѣлахъ Алтая и верховьевъ Енисея. Здѣсь купцамъ приходилось преодолѣвать весьма сложныя затрудненія и вести непрестанную борьбу съ неприступной природой дикихъ горъ и непроходимыхъ дремучихъ лѣсовъ. Тѣ пути сообщенія, которые въ настоящее время связываютъ Сибирь и Монголію, были выработаны главнымъ образомъ для того, чтобы проникнуть изъ Россіи въ Монголію. Обратнаго стремленія, стремленія монголовъ въ Россію, не наблюдается до сихъ поръ. Поэтому отправные пункты существующихъ русско-монгольскихъ трактовъ привязаны къ мѣстамъ исхода сибирскаго торговаго капитала, искавшаго чужихъ рынковъ. Бійскъ, Минусинскій край, Кяхта, вотъ тѣ пункты, которые явились исходными точками отправленія для налаживанія русско-монгольскихъ путей сообщенія. Сибирскій торговый капиталъ въ самой Сибири не былъ избалованъ хорошими путями сообщенія и до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ обширнаго края пользуется первобытными дорогами. Поэтому становится понятной та изумительная энергія и настойчивость, которыми отмѣчена дѣятельность сибирскихъ купцовъ, проникавшихъ въ Монголію по рѣкѣ Чуѣ или верховьями Енисея: дорожныя препятствія были имъ хорошо извѣстны.

Проникшій въ Монголію сибирскій торговый капиталъ нашелъ тамъ уже сложившіеся центры торговли. Китайцы-торговцы при-

шли въ Монголію значительно раньше русскихъ. Китайцы прежде всего разселились около военныхъ китайскихъ крѣпостей, наблюдавшихъ за движеніями монголовъ. Эти же крѣпости были и до сихъ поръ остаются сосредоточіями китайскаго управленія обширной провинціей. Тяготѣніе китайскихъ торговцевъ къ крѣпостямъ создало немногіе монгольскіе города, монгольскіе потому, что они расположены на монгольской территоріи. На самомъ же дѣлѣ и Кобдо, и Улясутай, и даже въ значительной мѣрѣ Урга являются китайскими городами, такъ какъ то, что придаетъ этимъ поселеніямъ городской характеръ, есть китайская торговля. Наличность въ Монголіи крупныхъ центровъ китайско-монгольской торговли въ моментъ внѣдрѣнія въ Монголію русскихъ торговцевъ обусловило то обстоятельство, что пути сообщенія, имѣвшіе исходнымъ своимъ пунктомъ указанные сибирскіе города, были проложены по направленію къ этимъ китайскимъ центрамъ торговли въ Монголіи Бійскъ соединенъ торговымъ трактомъ съ Кобдо. При самомъ въѣздѣ въ Монголію, около урочища Кошъ-Агачъ, этотъ алтайскій трактъ, вводящій въ Монголію, расчленяется: одна дорога ведетъ къ Кобдо, другая—къ Уланкому, третья—въ Улясутай. Насколько была сильна тенденція русскихъ торговцевъ проложить дорогу только между сибирскими и монгольскими городами, видно изъ того обстоятельства, что трактъ Кошъ-Агачъ-Улясутай проходитъ недалеко отъ города Кобдо и обходитъ его, такъ какъ для купца имѣло значеніе только одно обстоятельство: по прямому направленію пробраться изъ Бійска въ Улясутай и обратно. Тѣ же купцы, которые изъ Бійска ѣхали въ Кобдо, прокладывали свой собственный трактъ. Фактъ связи сибирскихъ путей съ китайскими городами въ Монголіи объясняется тѣмъ, что въ Монголіи административныя и торговыя резиденціи китайцевъ были единственными прочными осѣдлостями. Сами монголы кочуютъ съ мѣста на мѣсто, кочуютъ даже монастыри. Даже ургинскій монастырь далеко не сразу осѣлъ на избранномъ мѣстѣ, долгое время мѣняя свое мѣстоположеніе. Конечно, торговому тракту пришлось прицѣпиться къ устойчивымъ пунктамъ, каковыми и явились китайскіе города въ Монголіи.

Центры исхода сибирскаго капитала и центры сосредоточія китайской торговли въ Монголіи послужили тѣми факторами, которые въ значительной мѣрѣ опредѣлили торговые районы въ предѣлахъ самой Монголіи. Между этими центрами—русскими и китайскими-нѣтъ необходимой экономической связи, здѣсь много случайности, которая сдѣлала то, что и до настоящаго времени основные районы монгольской торговли остаются въ значительной мѣрѣ

неопредѣленными и нераціональными съ точки зрѣнія интересовъ русско-монгольской торговли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Западной Монголіи торговецъ колеблется, везти-ли ему скупленное сырье въ сторону Бійска или въ сторону Кяхты. Съ другой стороны, возможны и такія колебанія, везти-ли монгольскую шерсть, которая по преимуществу находитъ себѣ окончательной сбытъ въ Америкѣ, черезъ Россію, или направить ее черезъ Китай. Эти колебанія уже имѣли мѣсто и весьма скоро, вѣроятно, такія колебанія уступятъ мѣсто твердому рѣшенію, основанному на правильномъ экономическомъ разсчетѣ. Все это обѣщаетъ новое распредѣленіе торговыхъ центровъ и торговыхъ районовъ въ современной Монголіи. Даже въ области вывоза въ Монголію русскихъ товаровъ нельзя считать окончательно разрѣшеннымъ вопросъ о путяхъ сообщенія и торговыхъ центрахъ. Въ настоящее время русскій товаръ проникаетъ въ Монголію старинными торговыми путями черезъ Сибирь. Но въ средѣ купечества зрѣетъ мысль о возможномъ направленіи русскаго товара кружнымъ путемъ, черезъ море и китайскія гавани. Это обстоятельство снова выдвигаетъ на сцену вопросъ о новой перекройкѣ и торговыхъ путей, и торговыхъ центровъ и районовъ.

Съ другой стороны, русскіе, проникая въ Монголію, потому примыкали своими направленіями къ мѣстамъ китайской осѣдлости, что сами русскіе торговцы долгое время были лишены права осѣдлости въ предѣлахъ Монголіи. Волею китайскаго правительства, дальнозорко прозрѣвающаго будущее и ревниво оберегающаго китайскіе интересы, русскіе купцы не имѣли права заводить свои осѣдлыя факторіи, свои русскіе центры. Тѣ слабыя уступки, которыя въ этомъ отношеніи были созданы русско-китайскими торговыми трактатами, не могли помочь русскимъ въ дѣлѣ созданія русскихъ торговыхъ пунктовъ въ Монголіи.

Весьма возможно, что съ теченіемъ времени русскіе не только получатъ голое право повсемѣстнаго жительства и осѣдлости въ Монголіи, но и сдѣлаютъ попытки къ осуществленію этого права. Тогда, если русско-монгольской торговлѣ суждено будетъ развиваться въ количественномъ отношеніи, быть можетъ, русскимъ удастся создать свои центры, подальше отъ китайцевъ и ближе къ монголамъ. Эти новые центры могутъ въ свою очередь повліять на направленіе путей сообщенія и на распредѣленіе торговыхъ районовъ. Въ этомъ же направленіи будетъ дѣйствовать также и то обстоятельство, что въ настоящее время уже дѣлаются попытки связать желѣзнодорожными линіями Монголію и систему сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ. И китайцы мечтаютъ провести желѣзнодорож-

ныя линіи по Монголіи и связать эту провинцію съ метрополіей. Въ случаѣ осуществленія хотя только одной части этихъ проектовъ, напр., въ случаѣ проведенія дороги Мысовая—Кяхта и дороги Урга—Калганъ, въ области распредѣленія торговыхъ трактовъ и центровъ въ Монголіи произойдетъ настоящій переворотъ. Мы уже не говоримъ о томъ, что и экономическій бытъ самихъ монголовъ не представляетъ изъ себя застывшей окаменѣлости; тѣ движенія, которыя въ немъ обнаруживаются, тѣ процессы развитія, которые поддаются наблюденію уже и въ настоящее время, способны оказать могучее вліяніе на внѣшнія условія русско-монгольской и китайско-монгольской торговли.

Всѣ эти соображенія говрятъ за то, что въ настоящее время торговые тракты, имѣющіе значеніе для русско-монгольской торговли и опредѣляющіе торговые центры, районы и сферу торговаго вліянія, являются скорѣе историческими свидѣтелями движенія капитала изъ Сибири въ Монголію, нежели факторами, обусловливающими и на будущее время развитіе русско-монгольскихъ торговыхъ отношеній. Первый паровозъ, который прорѣжетъ себѣ дорогу по Монголіи, перевернетъ тамъ все кверхъ дномъ. Стоитъ вспомнить, какъ повліяла Сибирская желѣзная дорога на сибирскіе товаро-распредѣлительные центры.

Отсюда ясно, что существующіе пути сообщенія, играющіе роль въ русско-монгольской торговлѣ, имѣютъ для ближайшаго будущаго этой торговли условное значеніе и что вообще проблема путей сообщенія имѣетъ для будущности русскихъ связей съ Монголіей выдающееся значеніе.

Въ настоящее время торговый оборотъ въ Монголіи и съ Монголіей обслуживается путями сообщеній трехъ категорій: 1) пути сообщенія Монголіи съ Россіей. 2) пути сообщенія Монголіи съ Китаемъ и 3) пути сообщенія въ самой Монголіи. Общій характеръ этихъ различныхъ по своимъ задачамъ трактовъ на территоріи самой Монголіи выражается въ томъ, что всѣ монгольскія дороги обыкновенно представляютъ изъ себя простыя тропы. Къ монгольскимъ дорогамъ совсѣмъ не приложено ни капитала, ни человѣческаго труда. Въ буквальномъ смыслѣ это—первобытные пути сообщенія. Есть небольшое различіе между дорогами въ Монголіи въ томъ отношеніи, что въ западной Монголіи, наиболѣе гористой, полупустынной и песчаной, дороги по большей части представляютъ изъ себя вьючную тропу. На востокѣ, гдѣ чаще попадаются долины степного характера и гдѣ травяной покровъ способенъ прокормить быковъ, на дорогахъ можно уже встрѣтить тележную колею, такъ какъ въ этихъ районахъ товарное движеніе часто совер-

шается на первобытныхъ двуколкахъ, запряженныхъ быками, рѣже—лошадьми. Характерной чертой монгольскихъ трактовъ является то, что они служатъ почти только для товарнаго движенія, т. е. обслуживаютъ торговые интересы китайцевъ и русскихъ. Сами монголы не нуждаются въ этихъ трактахъ, такъ какъ верховой монголъ можетъ проѣхать, гдѣ угодно, и его разъѣзды, обусловленные, главнымъ образомъ, кочевымъ бытомъ, скотоводческимъ и охотничьимъ промысломъ, совершенно не нуждаются въ тѣхъ трактахъ, которые соединяютъ русскіе и китайскіе торговые центры. Даже монгольскіе оффиціальные почтовые тракты, такъ называемые уртэ и сумоны, существуютъ по преимуществу для китайскихъ потребностей, а не монгольскихъ. И такъ какъ эти уртэ и сумоны обычно обслуживаются верховыми лошадьми и вьючными верблюдами, рѣже телѣгами, то даже въ районахъ усиленной циркуляціи оффиціальныхъ и частныхъ пассажировъ, они обыкновенно не оставляютъ никакихъ слѣдовъ на землѣ: ни тропы, ни колеи. Товарное же движеніе по Монголіи совершается не круглый годъ, а только въ два сезона; поэтому и торговые пути обыкновенно зарастаютъ травой, засыпаются пескомъ и только изрѣдка обрывки тропы свидѣтельствуютъ о наличности здѣсь тракта. Въ современной Монголіи важно знать не дорогу, какъ таковую, а направленіе, въ какомъ нужно ѣхать. Часто проводникъ говоритъ, что данная долина запирается горнымъ хребтомъ, въ которомъ имѣется нѣсколько переваловъ, и предлагаетъ на выборъ любой перевалъ, хотя между отдѣльными перевалами имѣется значительное разстояніе. И почти всегда приходится руководствоваться или соображеніями, что между двумя точками кратчайшимъ разстояніемъ будетъ прямая линія, или тѣмъ, что на данномъ направленіи, по имѣющимся распроснымъ свѣдѣніямъ, встрѣчается трава и вода. Поэтому перемѣна тракта въ Монголіи никогда не составитъ значительнаго затрудненія—это обстоятельство точно также имѣетъ значеніе при оцѣнкѣ возможныхъ въ недалекомъ будущемъ трансформацій въ области внѣшнихъ условій русско-монгольскихъ торговыхъ сношеній. Нашъ обозъ, состоявшій изъ двухъ таратаекъ и телѣжки, при направленіи съ рѣки Тель-гиръ-Мурина на Ургу, все время прокладывалъ почти безъ всякихъ препятствій „новый трактъ". Интересно отмѣтить, что между Улясутаемъ и Муриномъ при нашемъ проѣздѣ въ сырыхъ мѣстахъ можно было видѣть слѣды русской телѣги: встрѣчные монголы почти всѣ знали, кто это и когда проѣхалъ. Такъ рѣдко лѣтомъ движеніе по Монголіи въ колесныхъ экипажахъ, хотя во многихъ мѣстахъ по Монголіи, не смотря на то, что она представляетъ изъ себя плоскогоріе, изрѣзанное горами, можно

свободно проѣхать и на телѣгѣ, и на автомобилѣ. Конечно, встрѣчаются высокія горы, которыя поневолѣ вынуждаютъ сдѣлать обходъ, встрѣчаются такія мѣста, гдѣ по необходимости для телѣжнаго пути нужно сдѣлать кое-какія улучшенія. Но мѣстные жители всегда разскажутъ, гдѣ есть удобные перевалы, гдѣ нужно ѣхать, чтобы миновать пески или каменистыя розсыпи. Единственно, что привязываетъ товарное движеніе къ опредѣленнымъ маршрутамъ, это рѣки, которыя часто бываютъ недоступны для брода, напр., рѣка Кобдо весной и лѣтомъ, рѣка Муринъ, Орхонъ, Селенга и Тоола. О монгольскихъ перевозахъ мы уже подробно говорили въ первой главѣ. Такіе перевозы—истинная мука для людей и животныхъ, довольно значительный накладной расходъ для товарнаго движенія и, кромѣ того, большая трата времени. Обозъ въ пять—шесть таратаекъ простоитъ на перевозѣ по меньшей мѣрѣ два часа. Обозъ въ сто таратаекъ потратитъ на монгольскомъ перевозѣ не менѣе сутокъ. Если товаръ идетъ не на двуколкахъ, а на вьючныхъ верблюдахъ, то и въ этомъ случаѣ перевозъ отниметъ массу времени, такъ какъ животныхъ необходимо развьючить, отдѣльно перегнать лошадей и верблюдовъ и отдѣльно перевезти на колодахъ товаръ. Разъвьючка и навьючка верблюда даже въ искусныхъ рукахъ требуетъ много времени. Но и такіе перевозы далеко не вездѣ можно найти въ неустроенной Монголіи. Монгольскія рѣки очень сильно зависятъ отъ дождей. Въ дождливый мѣсяцъ онѣ неожиданно дѣлаются непереходимыми въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всегда почти существовалъ бродъ и гдѣ поэтому о перевозѣ не заботились. Лѣтомъ 1910 г. на маленькой рѣчкѣ Хануѣ огромный китайскій обозъ простоялъ около мѣсяца. Русскій обозъ, отправленный изъ района монгольской Селенги къ Кяхтѣ, стоялъ на берегу Селенги, уже недалеко отъ русской границы, болѣе мѣсяца и, такъ какъ дождь долгое время лилъ почти безъ перерыва, то положеніе обоза было самое печальное. Сами монголы почти совсѣмъ не заинтересованы въ улучшеніи первозовъ; поэтому ждать какихъ либо шаговъ въ этомъ направленіи съ ихъ стороны довольно безнадежно. Китайское товарное движеніе идетъ въ такую полосу Монголіи, которая совсѣмъ почти лишена значительныхъ рѣкъ. Монгольскія оффиціальныя сношенія и китайскіе казенные разъѣзды мало считаются съ нуждами монголовъ; натуральная повинность которыхъ обслуживаетъ сношенія этой категоріи. Русскіе торговые интересы страдаютъ отъ несовершенства перевозовъ особенно на рѣкѣ Кобдо. Намъ передавали, что отдѣльныя русскія фирмы въ Кобдо предлагали хошуннымъ властямъ устроить на Кобдо настоящій русскій перевозъ съ канатнымъ паромомъ, съ тѣмъ, чтобы послѣ опредѣленнаго сро-

ка эксплоатаціи этого парома отдать хошуну все оборудованіе перевоза. Но подъ вліяніемъ китайскихъ властей хошунныя власти отказали русскимъ въ этой болѣе чѣмъ скромной „концессіи". Правда, въ одномъ мѣстѣ Монголіи имѣется перевозъ по русскому образцу: съ проволочнымъ канатомъ и съ баркой, именно на трактѣ между Ургой и Кяхтой, гдѣ довольно замѣтно русское вліяніе. Тутъ и монголы-перевозчики были въ русскихъ сапогахъ и изъ ихъ устъ сыпались самыя непристойныя русскія ругательства... Въ Монголіи, если монголъ что-либо знаетъ изъ русскаго языка, такъ это, обыкновенно, русскія ругательства. Этотъ фактъ очень характеренъ для нашего купечества, торгующаго въ Монголіи.

Для передвиженія по Монголіи обозовъ и каравановъ огромное значеніе имѣютъ условія прокорма скота. Такъ какъ сѣнокошеніе въ этой странѣ совсѣмъ не развито, то естественно, что караванъ не имѣетъ никакой возможности во время длиннаго пути запастись кормомъ для скота. Верблюды и лошади должны добыть себѣ питаніе подъ ногами. Возможность свободнаго выпаса скота гдѣ угодно является однимъ изъ существенныхъ условій транспорта по Монголіи. Этотъ выпасъ, какъ правило, вездѣ безплатенъ, что, конечно, не можетъ не вліять на сравнительную дешевизну монгольскихъ фрахтовъ. Условія прокорма вліяютъ на транспортъ по Монголіи и въ другихъ направленіяхъ. Огромные переѣзды съ товарами по мѣстностямъ, часто лишеннымъ травяного покрова, по тропамъ пересѣкающимъ безводныя равнины, пески и гальки, доступны только такимъ животнымъ, которыя по своей природѣ отличаются большой выносливостью. Къ такимъ животнымъ, какъ извѣстно, принадлежитъ верблюдъ. Вотъ почему въ Западной Монголіи преобладаетъ караванное движеніе на верблюдахъ, такъ какъ здѣсь естественныя условія почвы и климата порождаютъ скудость травы. На верблюдахъ же совершается перевозка товаровъ по Гоби, раздѣляющей внутренній Китай и Монголію. Гоби обычно причисляютъ къ разряду пустынь, но разсказы объ ней китайщевъ скорѣе подтверждаютъ мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые относятъ Гоби къ разряду степей. Китайскіе караваны по Гоби сопровождаются обыкновенно погонщиками-китайцами, совершающими весь свой путь пѣшкомъ, почему русскіе въ Монголіи такихъ китайцевъ иронически величаютъ „пошехонцами". Длинная цѣпь верблюдовъ сопровождается небольшимъ числомъ пѣшихъ китайцевъ. Къ шеѣ верблюдовъ привязаны колокольчики, дающіе провожатымъ знать о состояніи каравана: прекращеніе мѣрнаго звона заставляетъ погонщиковъ осмотрѣть весь длинный караванъ. Хотя верблюдъ, дѣйствительно, поражаетъ своей выносливостью и крайней неприхотливостью въ вы-

борѣ пищи, тѣмъ не менѣе переходъ по длиннымъ пустыннымъ степямъ, часто совсѣмъ лишеннымъ травы и воды, дорого обходится и этимъ животнымъ. Тракты Западной Монголіи усѣяны костями и остовами павшихъ животныхъ. Иногда приходилось видѣть трупы недавно павшихъ верблюдовъ. Съ другой стороны, о цѣнности верблюда, какъ „корабля пустыни“, сложилось преувеличенное мнѣніе. Верблюдъ, поднимающій до 14—15 пудовъ вьючнаго груза, представляетъ изъ себя весьма полезное животное. Его спорый и мѣрный шагъ выгоденъ для караваннаго движенія. Но за всѣмъ тѣмъ и въ верблюдѣ есть много отрицательныхъ сторонъ. Невольно вспоминается характеристика, данная проф. Поздиѣевымъ, совершившимъ на немъ огромные переѣзды: „На значеніе и достоинство верблюда смотрятъ весьма различно, у насъ же, со временъ Пржевальскаго, многіе превозносятъ этотъ „корабль пустыни“, воспѣвая его, какъ незамѣнимое животное. Дѣйствительно, верблюдъ даже въ концѣ зимы, когда послѣ полугодовой работы силы его уже истощены, все еще можетъ по два, три и даже по четыре дня оставаться безъ воды и пищи, совершая въ то же время свои обычные переходы. Способность эта, незамѣнимая, особливо въ глазахъ лѣниваго, беззаботнаго и никогда не торопящагося съ дѣломъ монгола, заставляетъ цѣнить верблюда очень высоко; но этой одной способностью, можно сказать, и исчерпываются всѣ достоинства верблюда,—далѣе онъ является животнымъ положительно невыносимымъ для европейца. Во-первыхъ, къ работѣ онъ способенъ только зимою, лѣтомъ же верблюдъ дѣлается слабосиленъ и долженъ гулять и откармливаться. Конечно, на отмѣнно хорошемъ верблюдѣ можно ѣхать и лѣтомъ. Но такая поѣздка всегда и непремѣнно оплачивается тройною цѣною, ибо съ одной стороны верблюдъ, работавшій лѣтомъ, дѣлается неспособнымъ къ работѣ зимой, а съ другой—заставить верблюда работать лѣтомъ—громаднѣйшій рискъ для хозяина: лѣтомъ верблюдъ линяетъ, болѣзненъ и легко можетъ издохнуть на работѣ; выдержитъ онъ эту работу лѣтомъ, можетъ издохнуть зимой, ибо не успѣетъ заправиться лѣтомъ. Итакъ необходимо положить, что срокъ работы верблюда только полугодовой. Въ теченіе этого полугодоваго срока работы движеніе его крайне медленно и въ общемъ верблюдъ, слѣдуя въ караванѣ, при самой быстрой ѣздѣ можетъ сдѣлать не свыше $4\frac{1}{2}$ вер. въ часъ. Ѣхать верхомъ на верблюдѣ, въ силу особенности его походки, крайне утомительно: все время приходится раскачиваться взадъ и впередъ, съ каждымъ шагомъ животнаго отвѣшивая поклоны; движеніе рысью на верблюдѣ очень тряско; неудобенъ верблюдъ и для телѣги, ибо каждый шагъ его отзывается подергиваніемъ экипажа. Къ непріятнымъ особен-

ностямъ верблюда нужно отнести его пугливость, и нерѣдко поднявшійся вдругъ съ мѣста воробей заставляетъ верблюда бросаться въ сторону; при движеніи же каравана за однимъ бросившимся верблюдомъ кидаются и всѣ другіе, при чемъ легко портятся и ломаются вьюки и всякаго рода поклажи. Питается верблюдъ только днемъ и ночью пастись не можетъ; оттого монгольскіе извозчики ѣдутъ главнымъ образомъ ночью, а днемъ стоятъ. При сильномъ вѣтрѣ, дождѣ и снѣгѣ, особливо, если они бьютъ въ лицо верблюду, послѣдній отказывается отъ движенія, ложится и караванъ долженъ останавливаться, то же самое случается и при движеніи по пескамъ, когда верблюдъ вспотѣетъ. Переходить вбродъ рѣку на верблюдѣ безопасно лишь при мелкой водѣ; но лишь только вода коснется брюха животнаго, всегда нужно остерегаться и смотрѣть, потому что легко можетъ случиться, что верблютъ ляжетъ и подмочитъ и сѣдока, и вьюки. Бродить рѣку при незначительныхъ заморозкахъ на верблюдѣ невозможно, такъ какъ, проламывая ледъ, онъ рѣжетъ и портитъ свои ступни; въ видахъ этого погонщикамъ всегда приходится прорубать ледъ во всю ширину рѣки и подготовлять верблюду дорогу по дну. Переправляться черезъ рѣку по льду верблюдъ опять не способенъ,—онъ скользитъ и падаетъ, такъ что на сей конецъ приходится усыпать для него дорогу пескомъ или землей. Итти по каменистой и галечной почвѣ съ верблюдомъ также трудно, ибо онъ стираетъ свои ступни и хромаетъ. При таковыхъ качествахъ своего вьючнаго животнаго монгольскій извозчикъ въ самомъ дѣлѣ становится лицомъ совершенно пассивнымъ въ своихъ операціяхъ и о выполненіи ихъ можетъ говорить только: „тэмэ мадэнэ"—т. е. „верблюдъ знаетъ" [1]).

Верблюдъ проходитъ приблизительно 4—5 верстъ въ часъ, но онъ скоро устаетъ и къ длинному путешествію его нужно подготовить. Быкъ или сарлыкъ, на которыхъ держится обозное движеніе сѣверо-восточной Монголіи, дѣлаетъ только четыре версты въ часъ, онъ медленно волочитъ ноги, напрягая свою мощную выю подъ ярмомъ неуклюжей первобытной телѣжки, съ неправильно сложенными изъ чурбашекъ колесами, которыя никогда не подмазываются. Но быкъ поражаетъ своею выносливостью: онъ можетъ идти до 20 часовъ въ сутки и поэтому въ результатѣ опережаетъ мѣрно шагающаго верблюда. Изъ Улясутая мы выѣхали на тройкѣ хорошихъ лошадей, запряженныхъ въ четырехколесную телѣгу, а багажъ пошелъ на сарлыкахъ. Не смотря на то, что лошади все время до рѣки Эдера бѣжали рысцой, сарлыки почти не отставали, такъ

---

[1]) Позднѣевъ «Монголія и монголы» Томъ I, (стр. 587—588).

какъ они шли около 20 часовъ въ сутки, почти безъ отдыха, лошади же бѣжали самое большее 10 часовъ въ сутки. Кромѣ того, вьючная поклажа на верблюдахъ и обозная поклажа на бычьихъ телѣгахъ различаются между собою въ томъ отношеніи, что вторая идетъ съ гораздо большими гарантіями за сохранность транспортируемаго товара, чѣмъ первая. Остановки съ быками не нуждаются въ перегрузкахъ товара, что имѣетъ мѣсто при каждой остановкѣ верблюда. Иногда верблюда приходится перегружать нѣсколько разъ въ теченіе одного перегона, что заставляетъ останавливать весь караванъ.

Лошади въ качествѣ орудіи транспорта въ Монголіи играютъ незначительную роль. Лошадь поднимаетъ вьюкъ съ грузомъ въ 5—6 пудовъ, грузъ таратайки бываетъ отъ 10 до 12 пуд. Вьючная лошадь въ Монголіи пуглива, своенравна, а потому довѣренный такой лошади грузъ всегда находится въ опасности. Такъ какъ монгольскія лошади обыкновенно находятся въ табунахъ, гдѣ онѣ быстро дичаютъ, то весьма рѣдкія изъ нихъ спокойно идутъ въ хомутъ. Даже подъ привычное ей сѣдло она идетъ съ неохотой. Вьючныя и телѣжныя лошади играютъ роль только при уртонныхъ передвиженіяхъ, гдѣ и пассажирская, и вьючная лошадь по монгольскимъ и китайскимъ обычаямъ несется во весь опоръ. Но на уртонахъ для транспорта срочныхъ казенныхъ грузовъ и купеческихъ, подъ видомъ казенныхъ, лошадь имѣетъ то преимущество, что она бѣжитъ всего только одну станцію, т. е. отъ 20 до 30, рѣдко 40 верстъ.

Зависимость транспорта по Монголіи отъ подножнаго корма вызываетъ еще и то послѣдствіе, что необходимость выпаса уставшихъ животныхъ требуетъ длительныхъ остановокъ, во время которыхъ скотъ долженъ сначала отдохнуть, а потомъ накормиться травой, часто очень скупо растущей по долинѣ. Въ Западной Монголіи часто трава бываетъ настолько рѣдка, что животное должно потратитъ на свой „обѣдъ“ вдвое больше времени, нежели въ нормальныхъ условіяхъ. Въ этой Монголіи трава часто бываетъ доступной только для мелкихъ животныхъ, да и они иногда гибнутъ отъ безкормицы. Въ долинахъ между Кошъ-Агачемъ и г. Кобдо можно видѣть большія пространства, усѣянныя рогами и костями павшихъ отъ безкормицы горныхъ козъ и ланей.

Выше было указано, какое огромное значеніе имѣетъ для торговли скотомъ возможность длительныхъ выпасовъ скупленнаго скота на монгольской территоріи. Прокормъ торговыхъ гуртовъ и отаръ обусловливаетъ возможность широкаго развитія скототорговли. Поэтому скотопрогонные тракты отличаются отъ трактовъ товарныхъ. Скотопрогонный трактъ захватываетъ широкія полосы,

въ предѣлахъ которыхъ и происходитъ выпасъ медленно двигающихся стадъ, гуртовъ и отаръ. Здѣсь уже совсѣмъ не можетъ быть рѣчи о какой либо колеѣ или тропѣ. Да и вообще всякіе тракты въ Монголіи, особенно въ Западной, часто идутъ цѣлиной, безъ какихъ либо видимыхъ слѣдовъ.

Русскихъ купцовъ, торгующихъ въ Монголіи, часто называютъ „чуйцами" въ виду того, что большинство разбросанныхъ по различнымъ монгольскимъ хошунамъ торговцевъ въѣзжаетъ въ предѣлы Монголіи по извѣстному Чуйскому тракту. Чуйскій торговый трактъ получилъ свое названіе отъ рѣки Чуи, которая образуетъ узкую долину въ горахъ Алтая. Чуйскимъ трактомъ часто называютъ всю ту дорогу, которая соединяетъ городъ Бійскъ съ урочищемъ Кошъ-Агачемъ, расположеннымъ въ 40—45 верстахъ отъ монгольской границы, въ верховьяхъ рѣки Чуи. Но правильнѣе Чуйскимъ трактомъ называть ту часть этой дороги, которая идетъ отъ алтайскаго селенія Онгудай, расположеннаго въ самомъ центрѣ русскаго Алтая, до Кошъ-Агача. Отъ Онгудая до Бійска считаютъ 255 верстъ, а отъ Онгудая до Кошъ-Агача считаютъ 257 вер , слѣд., общее протяженіе тракта, соединяющаго Бійскъ съ русско-монгольской границей, опредѣляется въ 512 верстъ. Отъ Бійска до села Алтайскаго дорога идетъ ровнымъ мѣстомъ, приблизительно на 80 верстъ , и только послѣ с. Алтайскаго трактъ вступаетъ въ область алтайскихъ горъ. Отъ Бійска до Онгудая имѣется хорошо наѣзженная дорога и только отъ Онгудая дорога вступаетъ въ такія ущелья и узкія долины, проѣздъ по которымъ даже теперь, послѣ устройства Чуйскаго тракта, представляется довольно затруднительнымъ. Отдѣльныя долины и ущелья перерѣзаны цѣлымъ рядомъ горъ, черезъ которыя устроены перевалы, рѣдкіе по красотѣ и живописности, но весьма трудные для товарнаго движенія.

Чуйскій трактъ имѣетъ большое значеніе для русско-монгольской торговли. Онъ соединяетъ огромные районы сѣверо-западной Монголіи съ рынкомъ Сибири и, что еще важнѣе, онъ пріобщаетъ русско-монгольскую торговлю къ всемірному рынку, на который вывозится монгольское сырье. Бійскъ расположенъ на томъ мѣстѣ рѣки Оби, откуда возможно пароходство. Пароходами изъ Бійска по Оби и обозами по тракту Чуйскій трактъ связанъ съ Сибирской желѣзной дорогой. Пунктомъ этого соединенія является г. Ново-Николаевскъ, расположенный на скрещеніи р. Оби и Сибирской магистрали.

Чуйская дорога до недавняго времени была трудною вьючною тропою, доступною только для лошадей и верблюдовъ. Перестройка тропы въ трактъ была произведена въ 1901—1902 гг., когда были отпущены средства на эти работы. Всего было отпущено 110.000 р., которые составились изъ 45 тыс. руб., отпущенныхъ Комитетомъ Сибирской желѣзной дороги, 20 тыс. изъ Кабинета Его Величества и 45 тыс. было отпущено казенныхъ суммъ по дополнительному представленію Томскаго губернатора кн. Вяземскаго. Вся ассигнованная сумма не была израсходована полностью; отъ постройки осталось около 30 тыс. руб., вѣроятно, перечисленныхъ въ общіе рессурсы государственнаго казначейства. Работы были сданы по подряду бійскому жителю А. Смирнову, который въ концѣ концовъ не могъ дополучить около 7 тыс. руб. за сверхсмѣтныя работы по Чуйскому тракту и вынужденъ былъ довести дѣло до сенатскаго разсмотрѣнія (см. сен. указъ отъ 24 сент. 1908 г.). Вообще, въ разсчетахъ по постройкѣ Чуйскаго тракта, судя по содержанію сенатскаго указа и по свѣдѣніямъ, собраннымъ изъ достовѣрныхъ источниковъ, не все обстояло правильно. Пострадавшей стороной остался строитель тракта Смирновъ, который, кажется, и до сихъ поръ не можетъ ликвидировать свои счета съ томскимъ губернскимъ управленіемъ. Но какъ бы то ни было, та скромная сумма, которая была потрачена на превращеніе вьючной тропы въ колесный трактъ, можно сказать, съ избыткомъ оправдана достигнутыми результатами. Вѣроятно, въ Россіи найдется мало такихъ казенныхъ сооруженій, относительно которыхъ можно было бы повторить эти слова. Въ настоящее время, не смотря на то, что съ момента постройки Чуйскаго тракта ни разу не было произведено ни одного основательнаго ремонта, по этому пути могутъ ѣхать экипажи. Обыкновенно, товарное движеніе совершается на двуколкахъ, запряженныхъ въ одну лошадь, но могутъ проѣхать и четырехколесные экипажи, запряженные парой или тройкой. Дефекты тракта въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ существуетъ въ настоящее время сводятся къ двумъ категоріямъ: съ одной стороны, при постройкѣ по необходимости были допущены крутые винтообразные перевалы, которые чрезвычайно изнуряютъ животныхъ и затрудняютъ товарное движеніе. Съ другой стороны, отсутствіе ремонта пути оказало свое дѣйствіе въ томъ отношеніи, что мѣстами полотно дороги засорено камнями, мѣстами размыто водой, мѣстами образовались оползни, часто срублены тѣ столбы, которые ограждаютъ край дороги, спускающійся въ обрывы и къ берегамъ рѣки. Срублены верстовые столбы. Это варварство допущено чуйскими возчиками, раздобывавшими такимъ путемъ топливо для своихъ кост-

ровъ. Въ настоящее время, какъ сообщалось въ газетахъ, правительство рѣшило произвести основательный ремонтъ Чуйскаго тракта, ассигновавъ на это полезное и неотложное дѣло надлежащую сумму. Поэтому нѣтъ нужды детально описывать существующіе дефекты этого тракта, такъ какъ, конечно, дорога будетъ основательно обслѣдована спеціалистами. Ограничимся здѣсь наиболѣе существенными замѣчаніями.

Когда проводили Чуйскій трактъ то многіе поддались невольному обману въ ожиданіи отъ этого дѣла необычайныхъ, особо благопріятныхъ послѣдствій для русско-монгольской торговли и колонизаціи пустынной долины рѣки Чуи. Говорили о новой „эрѣ" въ развитіи русско-монгольскихъ торговыхъ сношеній. Эти чрезмѣрныя ожиданія были основаны на томъ разсчетѣ, что проведеніе вмѣсто тропы тракта, доступнаго экипажамъ, сразу и значительно удешевитъ транспортъ товаровъ. Такое удешевленіе было очень желательно и для товаровъ, вывозимыхъ въ Монголію, такъ какъ это увеличивало ихъ способность къ конкурренціи съ китайскими товарами, а также и для ввозимыхъ монгольскихъ сырьевыхъ товаровъ, что повышало прибыли чуйскаго купечества. Но опытъ показалъ, что значительнаго удешевленія транспорта по Чуйскому тракту не наступило. Все-таки движеніе по этой дорогѣ оказалось очень труднымъ и потому дорогимъ. Весь путь, который товаръ дѣлаетъ между Кошъ-Агачемъ и Бійскомъ, можно раздѣлить, какъ мы уже говорили, на двѣ почти равныя половины. Село Онгудай и будетъ срединнымъ пунктомъ между ними. И въ дѣйствительности Онгудай является крупнымъ перевалочнымъ пунктомъ для русско-монгольскаго товарнаго движенія. Въ Онгудаѣ товары перегружаются съ верблюдовъ на телѣги. Простое сопоставленіе стоимости провоза пуда товара отъ Кошъ-Агача до Онгудая и отъ Онгудая до Кошъ-Агача даетъ полное представленіе о тѣхъ перерасходахъ, которые несетъ на себѣ русско-монгольская торговля вслѣдствіе несовершенства и трудности Чуйскаго тракта. Беремъ данныя относительно перевозки шерсти. Смотря по сезону и по наличности обратнаго груза, о чемъ будетъ сказано ниже, перевозка пуда шерсти отъ Кошъ-Агача до Онгудая обходится отъ 65 коп. до 80 коп., а отъ Онгудая до Бійска—отъ 20 коп. до 35 коп. Слѣдовательно, перевозка по Чуйскому тракту обходится на 45 коп. дороже, чѣмъ на Бійскомъ трактѣ. При ввозѣ въ 1910 г. монгольскихъ товаровъ черезъ Кошъ-Агачъ въ размѣрѣ 140 тыс. пуд. переплаты на Чуйскомъ трактѣ составятъ 63.000 руб. Сюда же нужно прибавить переплаты на вывозѣ въ Монголію. Въ томъ же году было вывезено въ Монголію 24.350 пуд., что дастъ переплату

въ 10.960 руб., а всего 74.000 руб. Выясненіе этой суммы интересно въ томъ отношеніи, что она характеризуетъ переплаты, которыя несетъ на себѣ чуйское купечество по сравненію съ торговцами, импортирующими сырье черезъ Кяхту—Верхнеудинскъ. Съ другой стороны, эта сумма транспортныхъ переплатъ можетъ быть основаніемъ для солидныхъ улучшеній Чуйскаго тракта. Всякое улучшеніе этого тракта, понижающее стоимость фрахтовъ, даетъ право привлечь къ улучшенію дороги и заинтересованное въ этомъ купечество.

Дороговизна фрахтовъ по Чуйскому тракту объясняется не только тѣми трудностями пути, о которыхъ мы только что говорили, но и другими побочными обстоятельствами. Алтайскіе крестьяне говорятъ, что вмѣсто того, чтобы людей на каторгу ссылать, лучше посылать ихъ зимой на Чуйскій трактъ товары возить. Такой „голосъ народа" имѣетъ за собой вѣскія основанія. Трактъ Бійскъ—Онгудай обслуживается и съ большей охотой, и гораздо дешевле. Этотъ трактъ довольно густо заселенъ крестьянами, здѣсь повсюду возчики имѣютъ возможность найти кормъ для лошадей, пріютъ для себя на время зимнихъ ночевокъ и бурановъ. Не говоримъ уже о томъ, что здѣсь дорога сама по себѣ гораздо легче, нежели Чуйскій трактъ. Совершенно иначе обстоитъ дѣло на Чуйскомъ трактѣ. Онъ пролегаетъ по той части Алтая, которая населена крайне рѣдко. Здѣсь русскіе считаются единицами; преобладающимъ населеніемъ являются калмыки, ведущіе кочевой образъ жизни. Вслѣдствіе этого движеніе по Чуйскому тракту во многомъ напоминаетъ движеніе по Монголіи, гдѣ нѣсколько дней подрядъ можно ѣхать, не встрѣчая ни одного человѣка и юрты. Огромное значеніе для передвиженія по Чуйскому тракту имѣетъ кормъ для скота. Весной и лѣтомъ ѣзда по Чуйскому тракту значительно облегчается тѣмъ, что по обочинамъ дороги и по берегамъ рѣкъ можно найти свѣжій подножный кормъ. Правда, и въ этомъ отношеніи не всегда дѣло обстоитъ вполнѣ благополучно. Въ засушливыя весны трава показывается поздно и скотъ остается голоднымъ. Въ маѣ 1910 г. на Чуйскомъ трактѣ мы видѣли порожній русскій обозъ, вернувшійся съ дороги въ Кошъ-Агачъ только потому, что на пути не было травы и лошади могли подохнуть съ голоду. Но лѣтомъ по тракту еще можно проѣхать, немного подкармливая лошадей захваченнымъ изъ дому овсомъ. Товарное же движеніе по Чуйскому тракту происходитъ главнымъ образомъ поздней осенью и зимой. Вотъ, напр., данныя о перевозкѣ товаровъ, вывезенныхъ изъ Монголіи по Чуйскому тракту: съ 1 янв. по 1 іюля 1910 г. шерсти было провезено 170 пуд., а съ 1 іюля по 1

янв.—96.972 пуд. Сурка въ первый періодъ—352 пуд., во второй—7.563 пуд. Данныя относительно другихъ товаровъ рисуются въ томъ же видѣ. Главная масса товаровъ проходитъ по Чуйскому тракту въ 3 мѣсяца, октябрь—декабрь, но въ это время трава на трактѣ или уже вся съѣдена, или вытоптана, а часто все засыпано глубокимъ снѣгомъ, такъ что даже привычный скотъ можетъ съ большими усиліями добыть себѣ скудный кормъ. Такимъ образомъ, русскіе возчики, желающіе взять на себя транспортъ товаровъ по Чуйскому тракту, должны запастись кормомъ для лошадей въ послѣднихъ алтайскихъ селахъ, напр., въ Щебалиной, и везти съ собой лишній грузъ, т. е. гнать лишнихъ лошадей; это не можетъ, конечно, не удорожать фрахтовъ. Если же возчикъ разсчитываетъ запастись сѣномъ и овсомъ на рѣдкихъ и миніатюрныхъ почтовыхъ станціяхъ тракта, то онъ долженъ считаться съ чрезвычайно высокими цѣнами на эти продукты. На Чуйскомъ трактѣ пудъ сѣна не бываетъ дешевле 1 руб.—1 руб. 20 коп., пудъ овса—дешевле 1 руб. 20 коп.—1 руб. 50 коп. Эти цѣны по необходимости должны перелагаться на цѣну фрахтовъ.

Помимо дороговизны фрахтовъ указанныя условія транспорта на Чуйскомъ трактѣ приводятъ къ тому, что доходъ отъ перевозки товаровъ здѣсь попадаетъ не въ руки русскаго населенія, а въ руки монголовъ, такъ какъ монголы съ своими верблюдами берутся доставить товары изъ Кобдо и окрестностей прямо до Онгудая, причемъ обыкновенно монгольскія условія дешевле русскихъ. Монголы, во-первыхъ, разсчитываютъ на выносливость верблюдовъ, умѣющихъ выйти изъ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствъ. Правда, весь Чуйскій трактъ усѣянъ костями павшихъ животныхъ. Во-вторыхъ, монголъ беретъ дешево за переходъ по Чуйскому тракту потому, что условія его подряда часто связаны съ его кредитными обязательствами. Если въ Монголіи сырье получается очень дешево потому, что подъ это сырье торговцы „задаютъ“ на ростовщическихъ условіяхъ, то такой же способъ существуетъ и для обезпеченія транспорта сырья. Торговцы задаютъ монголовъ подъ будущую перевозку товаровъ. Возчиками являются простые монголы, имѣющіе верблюдовъ. Часто эти монголы въ свою очередь являются посредниками между торговцами и богатыми монголами, имѣющими значительныя стада верблюдовъ. Богатый монголъ самъ не отправится въ далекій путь въ качествѣ возчика купеческихъ товаровъ, но онъ не прочь заработать на своемъ стадѣ верблюдовъ, которое въ противномъ случаѣ останется безъ дѣла и будетъ только вывѣской его богатства и масштабомъ для разверстки албы. Задаютъ подъ будущія услуги по перевозкѣ кладей тѣхъ

монголовъ, которые нуждаются въ деньгахъ или товарѣ и не имѣютъ другого обезпеченія своего потребительнаго кредита. Монголъ можетъ подрядиться подъ опредѣленное количество вьючныхъ верблюдовъ, не имѣя въ своемъ хозяйствѣ ни одного верблюда. Исполняя подрядъ, онъ обратится къ тѣмъ монголамъ, у которыхъ имѣются верблюды. Вотъ почему монголъ, если его сразу поторопить скорымъ отправленіемъ съ верблюдами, почти всегда говоритъ, что завтра онъ не можетъ выѣхать, и проситъ отсрочки. Эта отсрочка ему нужна для найма у сосѣдей свободныхъ верблюдовъ. Въ тѣхъ небольшихъ караванахъ, которые были въ распоряженіи нашей экспедиціи всегда находились верблюды, принадлежавшіе разнымъ хозяевамъ.

Монголовъ-возчиковъ заподряжаютъ обыкновенно въ декабрѣ и январѣ мѣсяцѣ для будущей осени. Этотъ девятимѣсячный кредитъ обходится монголу такъ же дорого, какъ и товарный кредитъ. Но купцу онъ выгоденъ не столько въ смыслѣ дешевизны, сколько въ смыслѣ обезпеченія на предстоящій сезонъ возчиками. Правда, и въ лѣтніе мѣсяцы совершаются такія же задачи подъ будущую перевозку. Въ концѣ іюня мы встрѣчали около Улясутая монголовъ, которые торопливо ѣхали въ городъ къ русскимъ купцамъ взять задатки подъ будущую перевозку. Эти монголы ѣхали издалека и зимою они пытались не согласиться на дешевыя цѣны, лѣтомъ же нужда заставила принять какія угодно условія. Монголъ, съ которымъ мы познакомились въ дорогѣ, долго ходилъ по Улясутаю, такъ какъ сразу онъ не могъ найти покупателя его услугъ. Этотъ монголъ былъ представителемъ цѣлой группы туземцевъ, желавшихъ осенью везти грузъ до Онгудая. На Хунгуѣ намъ разсказывали, что выгодно подряжаютъ монголовъ въ то время, когда въ томъ или иномъ хошунѣ китайскія банкирскія фирмы объявятъ сборъ долговъ или процентовъ. За послѣднее время фирма Да-Шенъ-Куй стала часто требовать долги и %%-ты серебромъ. Такими моментами пользуются торговцы, выгодно ссужая нужное серебро и подряжая верблюдовъ. Слѣдовательно, транспортъ русскихъ товаровъ по Монголіи и по Чуйскому тракту рѣдко бываетъ выгоденъ для монголовъ вообще и въ частности для тѣхъ монголовъ, которые перевозятъ русскую кладь на нанятыхъ верблюдахъ.

Конкуррентами монголовъ на Чуйскомъ трактѣ являются алтайскіе крестьяне и калмыки. Купцамъ обходится этотъ транспортъ довольно дорого, но не всѣ деньги, уплаченныя за перевозку, попадаютъ въ карманы возчиковъ. Дѣло въ томъ, что и въ русскихъ предѣлахъ практикуется система кредитованія, доставляющая дешевыхъ возчиковъ. Нужно замѣтить, что, по общимъ отзывамъ,

на Алтаѣ пышно расцвѣла та же кредитная торговля, которая имѣетъ мѣсто въ Монголіи. И на Алтаѣ населеніе, особенно инородческое, находится въ кредитной кабалѣ у торговцевъ, которые часто являются комиссіонерами чуйскихъ купцовъ по перевозкѣ грузовъ. Поэтому выгоды чуйскаго транспорта часто остаются въ карманахъ этихъ посредниковъ, силою кредита выжимающихъ у калмыковъ дешевыхъ лошадей.

Такъ послѣдовательно развертывается система торговаго капитала, орудующаго въ районахъ, экономически не самостоятельныхъ и зависимыхъ. Было бы, конечно, странно ожидать, чтобы торговый капиталъ, такъ характерно проявляющій себя въ области купли-продажи, въ сферѣ транспортныхъ отношеній могъ проявиться въ болѣе мягкихъ формахъ. Кредитная подоплека чуйскаго транспорта понижаетъ фрахты, но это пониженіе идетъ не въ карманъ русско-монгольскихъ купцовъ, а въ карманъ посредниковъ-транспортеровъ. Только немногія русско-монгольскія фирмы имѣютъ въ Кошъ-Агачѣ и Онгудаѣ свои торговыя отдѣленія, одной изъ задачъ которыхъ и является обезпеченіе фирмы дешевыми возчиками.

Изъ сказаннаго ясно, что стоимость транспорта изъ Улясутая и Кобдо по направленію къ Бійску довольно трудно поддается опредѣленію, такъ какъ оплата возчиковъ можетъ происходить троякимъ способомъ: или за наличный разсчетъ, или товарами, часто по завѣдомо повышеннымъ оцѣнкамъ, или „заданіемъ" возчиковъ. Мы установимъ цѣны наличнаго разсчета; отъ нихъ путемъ предположенія объ установленныхъ нормахъ монгольскаго кредита, къ которому приближается и алтайскій кредитъ для калмыковъ, можно догадаться и о цѣнахъ двухъ другихъ категорій. Разнообразіе въ платѣ за перевозку товара зависитъ также и отъ того, что нанятые возчики часто условливаются получить обратный грузъ, что понижаетъ стоимость фрахта туда и обратно. Обратная кладь не представляетъ изъ себя регулярнаго явленія, такъ какъ въ силу соотношенія между ввозомъ и вывозомъ въ общемъ оборотѣ русско-монгольской торговли ввозъ по вѣсу значительно превосходитъ вывозъ. Поэтому возчики въ сторону Россіи часто вынуждены ѣхать обратно въ Монголію пустыми. Обратная кладь достается тѣмъ возчикамъ, которые пользуются у фирмы довѣріемъ и расположеніемъ, являясь постоянными транспортерами одного и того же купца. Это довѣріе поддерживается купцами въ томъ разсчетѣ, что возчикамъ приходится довѣрять часто очень цѣнный грузъ, который негдѣ застраховать. Цѣлость груза всецѣло зависитъ отъ распорядительности и честности возчиковъ.

Г. Кобдо и его округъ по географическому положенію привязанъ къ Чуйскому тракту. Отъ Кобдо до Кошъ-Агача считаютъ около 300 верстъ. Грузъ можно отправить до Кошъ-Агача, если у отправителя есть твердая увѣренность въ томъ, что въ Кошъ-Агачѣ имѣются свободные возчики. Въ Кошъ-Агачѣ у нѣкоторыхъ чуйскихъ купцовъ (напр. у Игнатьева изъ Бійска) есть свои отдѣленія, которыя, конечно, обезпечатъ во-время грузъ своей фирмы нужнымъ количествомъ возчиковъ. Кромѣ того, въ этомъ же урочищѣ имѣются нѣсколько лавокъ, хозяева которыхъ берутъ на себя комиссіонное посредничество. Но какъ мы уже говорили, для купцовъ часто бываетъ выгодно нанять монголовъ до Онгудая. Поэтому въ Онгудаѣ есть отдѣленія русско-монгольскихъ фирмъ и комиссіонныя посредничества. Напр., улясутайская фирма Бодуновыхъ имѣетъ въ Онгудаѣ свое отдѣленіе. По адресу этого отдѣленія отправляютъ грузы и другія фирмы, имѣющія съ Бодуновымъ дѣловыя связи, напр., съ Дзапхына и Хунгуя. Въ томъ же Онгудаѣ имѣется такой крупный комиссіонеръ, какъ Варвинскій, къ услугамъ котораго обращаются многіе чуйцы.

Вьючный верблюдъ, который пойдетъ изъ Кобдо въ Онгудай или до Кошъ-Агача, поднимаетъ грузъ до 12 пудовъ, рѣдко до 13 и больше. Монголы очень осторожно нагружаютъ своихъ верблюдовъ, такъ какъ они хорошо освѣдомлены относительно высокихъ и изнурительныхъ переваловъ Чуйскаго тракта. Отъ Кобдо до Онгудая за вьючнаго верблюда придется заплатить въ сезонъ перевозки 9 лановъ серебра. Чтобы перевести эту цѣну на русскія деньги, необходимо знать курсъ серебра и курсъ лана того момента, когда купецъ закупилъ серебро. Предположимъ, что въ среднемъ ланъ серебра купцу обошелся въ 1 р. 25 коп. Такимъ образомъ, пудъ груза на указанномъ разстояніи будетъ стоить около 90-95 коп. Это-за наличный разсчетъ. Если фирма, заподрядившая монголовъ на такихъ условіяхъ, успѣла къ времени доставки монгольскаго груза въ Онгудай привезти туда русскій товаръ, подлежащій вывозу въ Монголію, то монголы въ качествѣ обратныхъ ямщиковъ могутъ взять доставку отъ Онгудая до Кобдо за 60 коп. съ пуда. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда рано выпадаетъ снѣгъ, превращающій транспортъ товаровъ по Чуйскому тракту въ каторгу, обратная кладь пойдетъ по 70 коп. Кладь, доставленная отъ Кобдо въ Онгудай, будетъ здѣсь дожидаться саннаго пути и съ установкой этого пути она пойдетъ въ Бійскъ на дровняхъ съ платой по 25-30 коп. съ пуда. Такимъ образомъ, пудъ монгольскаго товара отъ Кобдо до Бійска обойдется въ 1 руб. 15 коп.—1 руб. 25 коп. Къ этой цифрѣ нужно будетъ добавить плату комиссіонера и стоимость перевозовъ.

Кладь, которая доставляется въ Онгудай съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы воспользоваться обратными возчиками и отправить ее въ Кобдо, доставляется отъ Бійска до Онгудая въ октябрѣ отъ 50 до 70 коп. за пудъ, слѣд., при этихъ условіяхъ пудъ русскаго товара, предназначеннаго къ вывозу въ Монголію, обойдется отъ Бійска до Кобдо отъ 1 руб. 10 коп. до 1 руб. 40 коп.

Товары съ Дзабхына и Хунгуя идутъ въ сторону Кошъ-Аагача: они выходятъ на тотъ торговый трактъ, который соединяетъ Улясутай и Кошъ-Агачъ-Кобдо и часть тракта Кошъ-Агачъ-Улясутай. Въ условіяхъ транспорта отъ Хунгуя до Онгудая нѣтъ почти разницы отъ приведенныхъ фрахтовъ. За вьючнаго верблюда съ Хунгуя платятъ до 10 лановъ, такъ что въ среднемъ на пудъ приходится около 1 рубля стоимости транспорта. Въ остальномъ условія транспорта аналогичны съ условіями кобдинскихъ грузовъ.

Интереснѣе и сложнѣе обстоитъ дѣло съ транспортомъ изъ Улясутая. Улясутай является крупнымъ центромъ огромнаго округа, но географически онъ занимаетъ такое мѣсто, которое въ отношеніи транспорта ставитъ его на распутьи между двумя направленіями: на сѣверо-западъ, т. е. на Кошъ-Агачъ, и сѣверо-востокъ, т. е. на Ургу или Кяхту. Восточная половина улясутайскаго округа уже прямо тяготѣетъ къ Кяхтѣ и Ургѣ. Колебанія начинаются въ самомъ Улясутаѣ. Такъ какъ русскія фирмы въ Улясутаѣ главнымъ образомъ бійскаго происхожденія и онѣ имѣютъ въ Бійскѣ свои конторы, магазины, дома, хозяйства, такъ какъ съ Бійскомъ онѣ связаны банковыми отношеніями и векселями, то естественно, что русскіе улясутайцы тянутъ въ сторону Бійска. Трактъ Улясутай-Кошъ-Агачъ-привычная дорога, по которой охотно поѣдутъ монголы-возчики. Послѣднее обстоятельство имѣетъ довольно существенное значеніе для русско-монгольскаго транспорта. Монголы охотно подряжаются ѣхать съ русскими товарами только въ тѣхъ случаяхъ, если предлагаемое направленіе хорошо имъ извѣстно. Въ случаѣ новаго направленія монголы колеблются, поднимаютъ цѣну и во всякомъ случаѣ пойдутъ по новому направленію съ неохотой только при повышенной оплатѣ. Бійцы въ Улясутаѣ наладили транспортъ на Кошъ-Агачъ-Онгудай, къ этому тракту привыкли монголы, а потому экономически возможные и полезные другіе тракты-на Ургу или Кяхту-кажутся монголамъ трудными и вызываютъ съ ихъ стороны лишнія надбавки на цѣну. Но тѣмъ не менѣе за послѣднее время изъ Улясутая товары идутъ въ трехъ направленіяхъ. Быть можетъ, новое, сѣверо-восточное направленіе взяло бы верхъ, если бы иногда крупнымъ скупщикамъ не приходилось направлять грузы въ Кошъ-Агачъ по необходимости. Дѣло

въ томъ, что крупный скупщикъ, покупающій партіонную шерсть, иногда вынужденъ взять партію съ тѣми контрактами, которыми первоначальный собиратель партіи сырья связалъ себя съ возчиками-монголами. Покупая такую партію, перекупщикъ беретъ на себя и эти контракты, оправдывая „задатки". Часто первоначальный собственникъ партіи нанялъ монголовъ не въ ту сторону, въ какую хотѣлось бы направить грузъ второму хозяину. Поэтому въ Улясутаѣ возможны такіе случаи: шерсть одного и того же хозяина при перевозкѣ дробится: одна идетъ въ сторону Онгудая, другая-въ сторону Урги или Кяхты. Допустимъ, что вся шерсть даннаго купца должна пойти на Кяхту, но по условіямъ транспорта иногда придется направить на Ургу, такъ какъ монголы болѣе привыкли ѣздить на Ургу и берутъ за этотъ путь дешевле, нежели за трактъ Улясутай-Кяхта. Иногда бываетъ выгоднѣе отправить изъ Улясутая на Ургу, въ Ургѣ товаръ перегрузить и направить его уже въ Кяхту. Правда, не одна привычка монголовъ удешевляетъ трактъ Улясутай-Урга, но и надежды возчиковъ получить въ Ургѣ обратный грузъ, напр., чай. Изъ Кяхты же въ Улясутай везти совсѣмъ почти нечего. Вообще для русско-монгольской торговли сокращеніе русскаго вывоза означаетъ удорожаніе траспорта ввозныхъ монгольскихъ товаровъ. Такимъ образомъ, современное состояніе русско-монгольской торговли ухудшаетъ русскія позиціи въ Монголіи во многихъ отношеніяхъ: главнымъ образомъ, въ отношеніи скупки сырья и въ отношеніи транспорта, т. е. въ самыхъ существенныхъ моментахъ. Это всегда нужно имѣть въ виду при выработкѣ тѣхъ или другихъ мѣропріятій въ цѣляхъ оздоровленія общихъ и спеціальныхъ условій русско-монгольской торговли.

Предположимъ, что изъ Улясутая нужно отправить товаръ на Бійскъ. За послѣднее время фрахты складывались такимъ образомъ: Улясутай-Кошъ-Агачъ 70 коп. съ пуда, Кошъ-Агачъ-Онгудай отъ 65 до 80 коп. и Онгудай-Бійскъ 25-35 коп. Слѣд., пудъ груза отъ Улясутая до Бійска обойдется отъ 1 руб. 55 коп. до 1 руб. 85 коп. Но если удастся подрядить монголовъ прямо до Онгудая, то Улясутай-Онгудай будетъ стоить 1 руб. 20 коп., т. е. на пудѣ можно выгадать отъ 15 до 30 коп. Кромѣ того, если грузъ пойдетъ до того момента, какъ замерзнутъ рѣки, то на пудъ упадетъ около $1\frac{1}{2}$ коп. платы за перевозъ. Не такъ давно въ Онгудаѣ комиссіонеры брали за свои услуги по 10 коп. съ пуда; теперь эта цѣна спустилась до 3 коп., но это сокращеніе цѣликомъ поглощено ростомъ фрахтовыхъ цѣнъ.

Фрахты другого направленія складываются иначе. Отъ Улясутая до Урги за вьючнаго верблюда берутъ въ среднемъ около 6

лановъ. Цѣна колеблется отъ 5 до 8 лановъ, все зависитъ отъ наплыва возчиковъ: тутъ цѣна легко опредѣляется спросомъ и предложеніемъ. Въ 1905 гору возчиковъ было очень мало и фрахты отъ Улясутая на Ургу опредѣлились въ 12 лановъ за 14 пудовъ груза. Такимъ образомъ, пудъ груза въ этомъ направленіи въ послѣднее время стоилъ около 53-55 коп. Трактъ Улясутай-Троицкосавскъ для отправки шерсти былъ года три тому назадъ установленъ довѣреннымъ фирмы Стукенъ и Ко. Здѣсь фрахты стоятъ отъ 8 до 10 лановъ за вьючнаго верблюда съ грузомъ въ 14 пудовъ. Въ среднемъ 9 лановъ за верблюда. Фирма, для которой выгоденъ этотъ трактъ, надѣется, что монголы скоро привыкнутъ къ новому направленію и фрахты понизятся.

Изъ Троицкосавска грузы должны попасть на Сибирскую желѣзную дорогу въ Верхнеудинскѣ. Если грузъ пойдетъ изъ Кяхты или Троицкосавска на лошадяхъ, то придется отдать по 30 коп. съ пуда. Но отъ Усть-Кяхты существуетъ два пароходства по Селенгѣ, одно изъ которыхъ принадлежитъ фирмѣ, имѣющей довольно крупныя дѣла въ Монголіи. Раньше, когда на русской Селенгѣ было одно пароходство, пудъ груза оплачивался 40 коп., а теперь при конкурренціи двухъ небольшихъ пароходствъ фрахты понизились до 20 коп. съ пуда. Но русско-монгольская торговля только отчасти можетъ воспользоваться услугами пароходнаго движенія по Селенгѣ, такъ какъ сырье въ Монголіи собирается довольно поздно и, когда оно подходитъ къ русскимъ предѣламъ, Селенга иногда успѣваетъ замерзнуть. Остается такимъ образомъ обозный путь до Верхнеудинска.

Между Ургой и Кяхтой при отправкѣ кожъ и овчинъ обыкновенно разсчитываются съ возчиками поштучно. Такъ, напр., транспортъ сырыхъ кожъ обходится въ сторону Кяхты по 30—40 цоновъ за штуку (ценъ—одна десятая лана). На бычій возъ укладывается отъ 12 до 15 штукъ, слѣд., возъ обходится отъ 3½ до 4½ лановъ. Зимой отправляютъ мороженую кожу, весною сухую. Такъ какъ сухая, конечно, легче мороженой, то фрахты на сухую понижаются до 20 ценовъ за штуку. Овчины отправляются тюками, при чемъ фрахты ложатся отъ 4 до 6 ценовъ за штуку. Вообще, фрахты отъ Урги до Кяхты съ пуда всякаго товара опредѣляются въ очень различныхъ ставкахъ—отъ 30 до 60—70 коп. Все зависитъ отъ сезона и отъ наплыва возчиковъ.

Кромѣ этихъ основныхъ трактовъ, играющихъ виднѣйшую роль въ русско-монгольской торговлѣ, имѣются и другія дороги, направляющіяся къ Кяхтѣ. Эти дороги идутъ изъ районовъ рѣкъ, составляющихъ систему Селенги. Напр., изъ Дайчинъ-Вана хурэ, распо-

ложенной на притокѣ Ачіуту, гдѣ имѣются русскія фирмы, грузъ направляется въ Ургу или Кяхту, причемъ перевозка пуда обходится въ 30 коп. Въ этихъ довольно глухихъ мѣстахъ приходится „задавать" возчиковъ-монголовъ съ весны. Это и удешевляетъ фрахтъ, и обезпечиваетъ торговца возчиками. Отсюда направляютъ шерсть и сурковыя шкурки. Съ обратными ямщиками направляютъ сюда товары для сбыта; эти товары покупаются или въ Кяхтѣ, или въ Ургѣ. Здѣсь русскіе торгуютъ часто китайскими товарами. Трактъ отъ этой хурэ на Кяхту имѣетъ большое препятствіе въ видѣ брода на Орхонѣ, гдѣ въ періодъ дождей обозы, изъ-за отсутствія перевоза, иногда стоятъ по мѣсяцу и больше. Такъ какъ этимъ трактомъ интересуются только одни русскіе и такъ какъ товарное движеніе здѣсь незначительно, то монголы и китайцы, конечно, перевоза здѣсь не поставятъ.

Съ рѣки Тель-гиръ-Мурина русскій торговецъ отправляетъ скупленное сырье на Кяхту. Отсюда провозъ пуда обходится въ 50 коп., хотя путь до Кяхты и очень великъ, но возчики берутъ такъ дешево потому, что въ Кяхтѣ и Кяхтинскомъ маймаченѣ они имѣютъ возможность заполучить обратный грузъ до Урги, а въ Ургѣ снова найти грузъ на ту же Кяхту или на Муринъ, гдѣ имѣется масса мелкихъ китайскихъ фирмъ, пополняющихъ свои товарные запасы въ Ургѣ, этомъ огромномъ складѣ китайскихъ и вообще привозныхъ товаровъ. Къ этимъ 50 коп., которыя падаютъ на пудъ груза, торговецъ долженъ прибавить въ Кяхтѣ 18 коп. комиссіонныхъ расходовъ съ пуда. Комиссіонеръ прессуетъ шерсть, упаковываетъ и сдаетъ ее въ вагонъ. По словамъ комиссіонера, изъ этихъ 18 коп. 10 коп. уходятъ у него на расходы по уходу за товаромъ и 8 коп. составляютъ вознагражденіе за посредничество. Вообще комиссіонные расходы, связанные съ переотправкой монгольскаго сырья въ Россію черезъ перевалочные пункты, обходятся въ среднемъ около 10 коп. съ пуда. Только немногимъ фирмамъ удалось понизить ихъ до 3—5 коп.

Тѣ русскіе торговцы, которые живутъ въ районѣ, тяготѣющемъ къ Кяхтѣ-Верхнеудинску, платятъ за перевозку груза до Кяхты отъ 30 до 50 коп. съ пуда, слѣдовательно, гораздо дешевле тѣхъ торговцевъ, которые транспортируютъ свои товары по Чуйскому тракту, гдѣ пудъ отъ Кобдо или Улясутая до Бійска обходится въ среднемъ около 2 руб. Но цѣны въ мѣстахъ перепродажи сырья, въ Бійскѣ и Кяхтѣ или Верхнеудинскѣ, складываются внѣ тѣсной зависимости отъ стоимости монгольскихъ фрахтовъ. Эти цѣны главнымъ образомъ опредѣляются состояніемъ общаго шерстяного рынка и количествомъ привезеннаго товара. Слѣдовательно, торговцы

изъ района дешевыхъ фрахтовъ въ силу этого получаютъ болѣе высокую прибыль на сырье, чѣмъ ихъ конкурренты изъ Кобдинскаго и Улясутайскаго района. Если въ этихъ послѣднихъ районахъ торговцы считаютъ въ среднемъ свою прибыль съ пуда шерсти въ 1 рубль, то на Муринѣ ее опредѣляютъ, по меньшей мѣрѣ, въ 2 руб.

Конечно, русско-монгольскіе пути сообщенія имѣютъ значеніе не только для ввоза монгольскаго сырья въ предѣлы Россіи, но и для вывоза въ Монголію русскихъ товаровъ. Для того, чтобы правильнѣе оцѣнить значеніе фрахтовъ для русскаго экспорта, необходимо принять во вниманіе слѣдующее обстоятельство. Въ огромной массѣ случаевъ тѣ русскіе купцы, которые и до сихъ поръ еще продолжаютъ ввозить въ Монголію русскіе товары, покупаютъ эти товары не въ центрахъ ихъ производства и не въ крупныхъ торговыхъ центрахъ или ярмаркахъ, а въ предѣлахъ Сибири, главнымъ образомъ, въ тѣхъ городахъ, которые являются исходными пунктами выѣзда русскихъ въ Монголію, напр., въ Бійскѣ, Троицкосавскѣ. Въ этихъ городахъ имѣются большія оптовыя фирмы, которыя снабжаютъ своими запасами среднюю и мелкую торговлю въ самой Сибири и въ Монголіи. Только тѣ русскіе торговцы, которые въѣзжаютъ въ китайскіе предѣлы черезъ Чугучакъ, имѣютъ возможность закупить мануфактуру въ Омскѣ, въ омскихъ московскихъ торговыхъ рядахъ, гдѣ товаръ продается по фабричнымъ прейсъкурантамъ, обыкновенно даже со скидкою 15%, если сдѣлка совершается на наличный разсчетъ. Чуйскіе же торговцы находятся въ сильнѣйшей зависимости отъ сибирскихъ оптовиковъ. Эта зависимость держится цѣпями кредитной торговли. Вообще, привозная мануфактура играетъ особую роль въ Сибири; она обходится этой окраинѣ очень дорого, что происходитъ не въ силу высокихъ фрахтовъ, а въ силу общаго экономическаго уклада Сибири [1]). Дорогая мануфактура до недавняго времени находилась въ рукахъ монополистовъ-оптовиковъ, и только теперь, когда въ Сибирь хлынули комми-вояжеры, монополія была расшатана. Но она упорно держится тамъ, гдѣ розничный торговецъ связанъ съ оптовикомъ кредитомъ. Поэтому вывозъ въ Монголію русской мануфактуры всегда отражалъ на себѣ это общее состояніе сибирскаго мануфактурнаго рынка. Если бы къ мануфактурѣ, подлежащей вывозу въ Монголію, были примѣнены самые льготные тарифы, то можно опасаться, что эти льготы остались бы въ карманѣ оптовиковъ. Задача момента заключалась въ томъ, чтобы организовать непосредственныя связи

---

[1]) См. объ этомъ ст. М. И. Боголѣпова: «Торговля въ Сибири», въ сборникѣ „Сибирь, ея современное состояніе и ея нужды“, ПБ. 1908

чуйскихъ торговцевъ съ фабрикантами и заводчиками. Но въ этомъ отношеніи ничего не было сдѣлано. Только очень немногія русско-монгольскія фирмы смогли установить эти связи: или прямо въ Москвѣ, или въ Нижнемъ-Новгородѣ, куда время отъ времени попадаетъ и монгольское сырье. Опытъ доставки товаровъ изъ Москвы въ Монголію черезъ Бійскъ далъ слѣдующіе результаты. Приводимъ разсчетъ фрахтовъ на перевозку далембы, закупленной въ Москвѣ для доставки ея въ Кобдо.

Въ настоящее время вывозъ хлопчатобумажныхъ тканей за предѣлы Россіи, согласно ст. 692 устава Таможеннаго (прод. 1908 г.), сопровождается возвратомъ таможенныхъ пошлинъ, уплаченныхъ за необходимыя при производствѣ тканей машины и орудія и за употребленный для выдѣлки матерій хлопокъ, въ слѣдующемъ размѣрѣ: для тканей и т. п. издѣлій суровыхъ и бѣленыхъ 5 руб. 45 коп. съ пуда, для тканей крашеныхъ и набивныхъ, кромѣ окрашенныхъ въ адріанопольскій красный цвѣтъ—5 р. 75 коп. и для тканей, окрашенныхъ въ адріанопольскій красный цвѣтъ—6 руб. 25 коп. съ пуда.

Нужно замѣтить, что эти довольно высокія ставки возвращаемыхъ таможенныхъ пошлинъ были введены съ 1904 года, а до этого времени возвратъ пошлины происходилъ въ меньшихъ размѣрахъ, составляя въ среднемъ около 3 руб. 60 коп. съ пуда. (3 руб. 45 коп., 3 руб. 67 коп. и 4 руб. 20 коп.). Послѣднее обстоятельство необходимо имѣть въ виду, для сужденія о роли возврата таможенныхъ пошлинъ въ тотъ періодъ русско-монгольской торговли, когда русскіе купцы еще энергично занимались вывозомъ русской мануфактуры въ Монголію. Когда были введены повышенныя ставки возвращаемыхъ таможенныхъ пошлинъ, вывозъ русской мануфактуры въ Монголію уже значительно сократился. Во всякомъ случаѣ, оборотъ съ этимъ товаромъ рѣзко сократился, по сравненію съ другими товарами, напр., въ сравненіи съ привозомъ монгольскаго сырья. Поэтому мы приведемъ два разсчета транспорта далембы въ связи съ возвратомъ таможенныхъ пошлинъ: при старыхъ ставкахъ и современныхъ повышенныхъ.

Далемба доставляется въ кипахъ по 120 кусковъ въ каждой, вѣсъ кипы 7 пуд. 30 фунт. Грузъ идетъ отъ Москвы до Ново-Николаевска по желѣзной дорогѣ, а отъ Ново-Николаевска до Бійска гужемъ, изъ Бійска до Кобдо грузъ идетъ осенью:

Изъ Москвы до Бійска по 2 руб.	45	к. пудъ	18	руб.	99	к.
„ Бійска до Онгудая „	50	„ „	3	„	88	„
„ Онгудая до Кобдо „	70	„ „	5	„	43	„
			28	„	30	„

Перекупорка въ Онгудаѣ		2 р. 10 к.
	Итого .	30 „ 40 „

Возвратъ пошлинъ по старому тарифу: по новому тарифу:

по 3 руб. 60 к.—24 руб. 30 к. по 5 р. 75 к.—38 р. 80 к.

Отсюда: при старомъ тарифѣ получалось превышеніе расходовъ по транспорту надъ доходомъ отъ возврата пошлинъ на тюкъ далембы въ 6 руб. 10 коп.

При новомъ тарифѣ возвратъ пошлинъ покрываетъ издержки транспорта и даетъ еще излишекъ въ 8 руб. 40 коп., или по 7 коп. на кусокъ далембы. При старыхъ же порядкахъ на 1 кусокъ далембы (610 : 120—5) приходилось расходовъ 5 коп., т. е. цѣна въ Кобдо на кусокъ далембы разнилась на 5 коп. противъ Москвы, конечно, не считая другихъ расходовъ по веденію дѣла и не опредѣляя прибыли торговца, которая, какъ мы уже и говорили, можетъ достигать солидныхъ размѣровъ.

Возьмемъ другой разсчетъ по тому же маршруту, но при условіи, что отъ Ново-Николаевска далемба пойдетъ до Кобдо осенью (по Оби на пароходѣ):

Москва—Бійскъ	по 1 р. 75 к. пудъ	13 руб.	68 коп.
Бійскъ—Онгудай	„ 50 „ „	3 „	88 „
Онгудай—Кобдо	„ 75 „ „	5 „	43 „
		22 „	99 „
Перекупорка въ Онгудаѣ		2 „	10 „
	Итого	25 „	09 „

Возвратъ пошлинъ по старому тарифу: по новому тарифу:

24 руб. 30 коп. 38 руб. 80 коп.

Отсюда при старомъ тарифѣ возвратъ пошлины при этихъ условіяхъ транспорта почти покрывалъ издержки транспорта (не хватало 79 коп.), иногда же, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ транспорта, отъ возврата пошлины оставались и излишки. По новому-же тарифу, при только-что указанныхъ условіяхъ транспорта, получался излишекъ въ 13 руб. 71 коп. или около 11½ коп. на кусокъ.

Теперь возьмемъ условія транспорта русской мануфактуры до Улясутая.

При доставкѣ изъ Москвы до Ново-Николаевска желѣзной дорогой и отсюда до Бійска гужомъ и при отправкѣ изъ Бійска въ Улясутай весною:

вѣсъ кипы далембы 7 п. 30 ф въ 120 кусковъ.

Москва—Бійскъ за 7 п. 30 ф.	по 2 р. 45 к.	18 р. 88 к.
Бійскъ—Улясутай	„ 2 р. — к.	15 р. 50 к.
		34 р. 49 к.
перекупорка въ Онгудаѣ		2 р. 10 к.
		Всего 36 р. 59 к.

Возвратъ пошлинъ по старому тарифу: по новому тарифу:
24 руб. 30 коп. 38 руб. 80 коп.

Слѣдовательно, при старомъ тарифѣ возвратъ пошлинъ оставлялъ непокрытыми 12 руб. 19 коп., или по 10 коп. за кусокъ далембы. По новому тарифу получался излишекъ возврата въ 2 руб. 21 коп., или 1,7 коп. на кусокъ.

Второй разсчетъ:
доставка отъ Москвы до Бійска желѣзной дорогой и водою, а отъ Бійска до Улясутая весной:

Москва—Бійскъ по 1 руб. 75 коп.	13 руб. 68 к.
Бійскъ—Улясутай	15 „ 50 „
Переукуп. въ Онгудаѣ (2 цыновки и раб. 40 к.)	2 „ 10 „
	Всего 31 „ 28 „

Возвратъ пошлинъ по старому тарифу: по новому тарифу:
24 руб. 30 к. 38 руб. 80 коп.

Такимъ образомъ, при старыхъ ставкахъ возврата пошлинъ превышеніе дохода отъ возвращенныхъ пошлинъ надъ издержками транспорта составляло 6 руб. 98 коп., или по 5¼ коп. на 1 кусокъ. По новому тарифу уже получается превышеніе возврата на 7 руб. 52 коп., или по 6 коп. на кусокъ.

При доставкѣ отъ Москвы до Бійска жел. дорогой и гужомъ, а отъ Бійска до Улясутая осенью:

Москва—Бійскъ по 2 руб. 45 коп.	18 р. 99 к.
Бійскъ—Улясутай по 1 руб. 40 к.	10 р. 93 к.
Переукупорка въ Онгудаѣ	2 р. 10 к.
	Всего 32 р. 02 к.

Возвратъ пошлинъ по старому тарифу: по новому тарифу:
24 руб. 30 коп. 38 руб. 80 коп.

Отсюда: въ первомъ случаѣ превышеніе расходовъ на 7 руб. 72 коп., или по 6½ коп. на кусокъ. Во второмъ случаѣ превышеніе доходовъ на 6 руб. 78 коп., или 5½ коп. на 1 кусокъ.

При доставкѣ далембы изъ Москвы до Ново-Николаевска желѣзной дорогой, далѣе до Бійска водою, и изъ Бійска въ Монголію осенью:

Москва—Бійскъ по 1 руб. 75 коп.	13 руб. 68 к.
Бійскъ—Улясутай по 1 р. 40 коп.	10 руб. 93 к.
Переукупорка въ Онгудаѣ	2 „ 10 к.
	Всего 26 руб. 71 к.

При старыхъ ставкахъ возвращаемыхъ пошлинъ не доставало для покрытія всѣхъ транспортныхъ издержекъ 2 руб. 41 коп., т. е. двухъ копѣекъ на кусокъ далембы. А при дѣйствующихъ ставкахъ возврата экспортеръ получаетъ въ свои руки остатокъ въ 4 руб. 09 коп., или по 3¼ коп. на кусокъ.

Замѣтимъ, что доставка русскаго товара въ Монголію изъ Москвы или изъ Нижняго-Новгорода обыкновенно захватываетъ около шести мѣсяцевъ времени. Это обстоятельство необходимо, конечно, учитывать при оцѣнкѣ транспортныхъ условій и возвращаемыхъ пошлинъ. Русско-монгольскій купецъ въ силу этого обстоятельства не можетъ пользоваться обычнымъ шестимѣсячнымъ кредитомъ у фабриканта, заводчика или у оптовика. Кромѣ того, необходимо учесть еще и слѣдующія обстоятельства.

Нужно замѣтить, что иногда осенью возможно отправить товаръ направленіемъ Бійскъ—Онгудай—Улясутай, т. е. избѣгая перегрузки и перевалки въ Кошъ-Агачѣ. Такая отправка обойдется не свыше 1 руб. 60 коп., но эта отправка съ обратными монгольскими возчиками случайна. Монголы возьмутся за нее только въ томъ случаѣ, если ихъ верблюды не устали, а это бываетъ сравнительно рѣдко. Большею частью и осенью приходится отправлять товары съ перевалкою въ Кошъ-Агачѣ и тогда осенью провозная плата будетъ не ниже весеннихъ фрахтовъ.

Къ фрахтовымъ цѣнамъ неизбѣжно присоединяются расходы по переукупоркѣ товаровъ. Всѣ товары получаются изъ Москвы укупоренными въ ящики съ толстыми стѣнками. Въ такомъ видѣ товарныя мѣста не могутъ быть отправлены дальше въ качествѣ вьюковъ, такъ какъ навьючка верблюдовъ имѣетъ свои особенности и свои требованія относительно формы товарнаго мѣста и его вѣса. Одно товарное мѣсто приходится раздробить на два и на три. А это, конечно, увеличиваетъ вѣсъ тары. Въ особенности вѣсъ тары увеличивается въ томъ случаѣ, если къ перевозкѣ на верблюдахъ назначается такой товаръ, который въ дорогѣ легко можетъ разбиться или поломаться. Такіе товары приходится прокладывать внутри ящика стружками, соломой и т. п. Къ товарамъ, вѣсъ которыхъ увеличивается при переукупоркѣ, принадлежитъ и мануфактура, которая въ Москвѣ укупоривается въ тюки по 7—7½ пуд. Въ Онгудаѣ изъ такихъ тюковъ дѣлаютъ другіе тюки, по возможно-

сти въ три пуда каждый вьюкъ. Увеличеніе вѣса получается отъ мѣшковъ и циновокъ, употребляемыхъ на укупорку. Вотъ приблизительный разсчетъ вѣса тары: на одну вьючную кипу употребляется укупорочнаго матеріала:

1 циновка	....	12	фунтовъ.
1 мѣшокъ	....	3	„
веревокъ	....	3	„
всего	....	18	„

Такъ какъ изъ вагонной кипы выходитъ около 3 вьючныхъ кипъ (вѣсъ-брутто), то, значитъ, переукупорка въ Онгудаѣ дастъ лишней тары 1 п. 14 фунт. Если перевести этотъ вѣсъ на фрахты, то получимъ:

отъ Онгудая до Улясутая

1 п. 14 ф. по 2 р. 10 к. 2 р. 97 к.

прибавить стоимость укупорочнаго матеріала

3 циновки по 80 коп. .... 2 р. 40 к.

9 фунт. веревокъ .... 1 „ 35 „

всего съ фрахтомъ .... 6 р. 72 к.

Цѣнность мѣшка не принимается въ разсчетъ, потому что онъ снова идетъ на службу для укупорки шерсти.

Таковы условія транспорта русской мануфактуры въ Монголію.

Нужно принять во вниманіе также и то обстоятельство, что несовершенство грунтовыхъ дорогъ, ведущихъ въ Монголію, особенно дорогъ въ Минусинскомъ краѣ и Сойотіи, а также Чуйскаго тракта, отзывается на качествахъ транспортируемаго товара. Укупорка товаровъ, какъ мы видѣли, представляющая значительную цѣнность, обыкновенно, сильно страдаетъ отъ вьючной перевозки и изнашивается. Въ особенности страдаетъ сахаръ и мануфактура. Такъ какъ движеніе происходитъ или на открытыхъ таратайкахъ и на спинахъ верблюдовъ, то сахаръ и мануфактура часто сильно подмачиваются дождями и на перевозахъ. Сахаръ трется и распыляется, въ мануфактурный товаръ обильно проникаетъ пыль. Однажды везли въ Кобдо 22 металлическихъ трехпудовыхъ сосуда съ керосиномъ. Отъ Бійска до Кошъ-Агача дошло только 4 пуда керосина. Конечно, отчасти въ этихъ ущербахъ виноваты и сами купцы, которые скупятся на укупорочный матеріалъ или опасаются перегрузить перевозку мертвымъ грузомъ укупорки.

Скотопрогонные тракты въ Монголіи имѣютъ особый характеръ; прежде всего скотопрогонный трактъ долженъ удовлетворять условіямъ хорошаго выпаса для прогоняемаго скота. Поэтому такіе тракты не имѣютъ твердо очерченныхъ границъ; они скорѣе

всего представляютъ изъ себя широкія полосы, по которымъ двигаются гурты скота. Скотопрогонный трактъ изъ Кобдосскаго округа въ сторону Чуйскаго тракта въ общемъ совпадаетъ съ товарнымъ трактомъ, только поиски лучшаго корма заставляютъ погонщиковъ держаться ближе къ долинѣ рѣки Кобдо, какъ счастливому оазису въ бѣдной травами Западной Монголіи. Изъ того же Кобдосскаго округа существуетъ и другое направленіе для выгона скота. Кобдосскій скотъ можетъ быть направленъ въ Сибирь въ сторону Иркутска. Главнѣйшимъ скотопрогоннымъ трактомъ въ Монголіи является это послѣднее направленіе на Косоголъ, Тунку, Иркутскъ, по которому скотопромышленники съ особой охотой гонятъ скотъ въ виду хорошихъ кормовъ. Этотъ трактъ пролегаетъ черезъ районъ озера Очитъ-нуръ и по долинѣ рѣки Тесинъ-голъ, пересѣкаетъ рѣку Тель-гиръ-Муринъ, протекающую по плодородной мѣстности, гдѣ климатъ богатъ значительными атмосферическими осадками. Далѣе трактъ развѣтвляется и огибаетъ озеро Косоголъ съ правой и лѣвой стороны. Здѣсь скотъ и получаетъ самый основательный подкормъ. Иногда гурты скота въ районѣ озера Косогола выдерживаются очень продолжительное время. Отъ озера Косогола скотъ вгоняется черезъ миссіонерскій этапъ Мондо въ верховья рѣки Иркута. На пути лежитъ Хангинскій караулъ съ значительнымъ переваломъ.

Только что указанный скотопрогонный трактъ давно привлекалъ вниманіе русско-монгольскаго купечества, мечтавшаго создать здѣсь товарный трактъ, такъ какъ для сѣверо-западной Монголіи это направленіе будетъ кратчайшимъ выходомъ въ Россію въ сторону желѣзной дороги. Проведеніе Забайкальской желѣзной дороги еще болѣе подогрѣло эти мечты.

Озеро Косоголъ—Хангинскій караулъ—Тунка—Иркутскъ, вотъ то направленіе, которое казалось русскимъ купцамъ въ Монголіи наиболѣе удобнымъ и для вывозной и для ввозной торговли. Еще въ 1905 г. въ запискѣ русскаго торговаго общества въ Улясутаѣ, поданной Улясутайскому консулу, купцы указывали, что они пробовали своими силами установить здѣсь товарный трактъ. Но отъ этихъ попытокъ пришлось отказаться, такъ какъ путь въ данномъ мѣстѣ заваленъ буреломомъ, много на дорогѣ болотъ и топей, на рѣкахъ отсутствуютъ переправы. Бывалые люди разсказывали намъ, что даже въ предѣлахъ Россіи этотъ трактъ устроенъ чрезвычайно странно: мѣстами имѣются прекрасно построенные мосты, а въ двухъ мѣстахъ на рѣкѣ Иркутѣ вмѣсто мостовъ довольствуются простыми бродами, представляющими изъ себя не только большое затрудненіе для движенія, но и заключающими въ

себѣ не малую опасность для путниковъ и скота. Дно Иркута усѣяно огромными камнями, теченіе очень быстрое, такъ что переѣзжать здѣсь Иркутъ „въ десять разъ хуже, чѣмъ на Хануѣ". Такъ говорилъ намъ нашъ кучеръ, съ которымъ пришлось перебрести опасный Хануй и который только-что вернулся изъ путешествія черезъ Иркутъ.

Главными препятствіями для товарнаго движенія по этому наиболѣе короткому тракту, кромѣ вышеуказаннаго, является весьма затруднительный перевалъ отъ Хангинскаго караула. Этотъ перевалъ часто покрывается снѣгомъ, даже верблюды не могутъ найти здѣсь подножнаго корма. Удобнымъ для вьючнаго движенія можно признать только одну часть этого тракта: отъ Улясутая до Хангинскаго перевала, хотя здѣсь дорога нуждается въ нѣкоторыхъ улучшеніяхъ. Когда провели Кругобайкальскую желѣзную дорогу, то оказалось, что Тунка, на которую выходитъ указанный монгольскій трактъ, можетъ быть весьма удобно соединена рельсовымъ путемъ съ станціей Кругобайкальской желѣзной дороги Култукомъ. Русскіе купцы въ Улясутаѣ немедленно возбудили передъ консульствомъ ходатайство по вопросу о постройкѣ желѣзнодорожной вѣтки Култукъ—Тунка—Хангинскій перевалъ, вычисляя, что проведеніе этого тракта и линіи рельсоваго пути создастъ удешевленіе провоза на 50%. Монгольскій рынокъ будетъ пристегнутъ къ сѣти желѣзныхъ дорогъ, что укрѣпитъ позицію русско-монгольской торговли. Но это ходатайство осталось безъ всякихъ послѣдствій. Не было сдѣлано обслѣдованія намѣченнаго тракта, никто не поинтересовался возможностью такого выхода изъ Монголіи въ сторону желѣзныхъ дорогъ. Обсужденіе же этого тракта безъ спеціальнаго обслѣдованія, конечно, будетъ слишкомъ поверхностнымъ и голословнымъ. Указанія купцовъ изъ Улясутая встрѣтились съ конкуррирующимъ проектомъ устройства колесной дороги для отправки грузовъ изъ Улясутая и Кобдо въ Булукъ на Енисеѣ и затѣмъ по Енисею до Красноярска, откуда грузы могутъ пойти уже въ вагонахъ. Этотъ проектъ отвлекъ вниманіе отъ другихъ дорожныхъ вопросовъ, хотя купечество въ Улясутаѣ снова выступило съ мотивированной запиской противъ Булука и доказывало, что оно ничего не получитъ отъ осуществленія этого проекта.

Вопросъ объ использованіи для нуждъ русско-монгольской торговли рѣки Енисея приводитъ насъ къ вопросу о путяхъ сообщенія въ Сойотіи и съ Сойотіей.

Соединеніе путями сообщенія Сойотіи и Усинскаго края съ Россіей представляется самымъ больнымъ и злободневнымъ вопросомъ. Можно сказать, что Усинскій край находится въ состояніи

хроническаго бездорожья. Лѣтомъ сообщеніе съ Россіей возможно или по Енисею на плотахъ, или черезъ Саянскій хребетъ вьючной тропой. Рѣчное путешествіе сопряжено съ опасностями въ виду необходимости проходить рядъ пороговъ. На этихъ послѣднихъ происходятъ нерѣдко несчастія. Такъ, въ 1909 году разбился плотъ съ арестантами, три года назадъ погибло много шерсти и т. д. Движеніе на плотахъ имѣетъ случайный характеръ. Что касается вьючнаго пути отъ Усинскаго черезъ Саяны, то нельзя себѣ представить ничего худшаго. Это 180 верстъ сплошныхъ камней и болотъ. Узенькая тропочка вьется по камнямъ, перемѣшаннымъ съ грязью, и только привычныя мѣстныя лошади способны находить точки опоры для своихъ ногъ. Если нѣтъ камней, то тропа представляетъ изъ себя топь, въ которой нога лошади вязнетъ то на четверть, то на пол-аршина. Кромѣ всего дорога имѣетъ свыше 60 бродовъ черезъ горныя рѣчки, несущіяся порой бурными потоками. Кромѣ того приходится дѣлать цѣлый рядъ крутыхъ и тяжелыхъ перевъловъ. Нигдѣ въ Монголіи мы не встрѣчали такого ужаснаго пути, какъ Усинскій. Осенью и весной, въ общемъ не менѣе какъ на 4 мѣсяца, прекращается всякое сообщеніе съ Усинскимъ краемъ. Въ горахъ выпадаетъ глубокій снѣгъ и наступаетъ полное бездорожье, а по рѣкѣ уже нельзя плавать въ виду льда. Зимой съ грѣхомъ пополамъ путешествуютъ по льду Енисея. Это тоже опасное предпріятіе. Благодаря быстротѣ теченія образуются внезапныя полыньи, въ которыхъ погибаютъ люди, лошади и грузъ. Иногда часть каравана прошла, а другая часть останавливается передъ внезапно образовавшейся полыньей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Енисей совсѣмъ не замерзаетъ. Черезъ тайгу зимой проходятъ на лыжахъ, но этотъ способъ представляетъ большія лишенія и трудности.

Если представить себѣ всю картину путей сообщенія въ Усинскомъ краѣ, то невольно приходится задать вопросъ, какъ могли люди жить въ теченіе десятилѣтій, имѣя такія дороги. А между тѣмъ, люди не только жили, но и создали торговлю въ Сойотіи и вызвали цѣлую колонизацію русскими поселенцами сѣверной Сойотіи.

Не въ лучшемъ положеніи находится вьючная дорога черезъ Саяны отъ рѣки Кемчика на станицу Арбатскую. Она точно также идетъ топями и болотами по глубокой тайгѣ и представляетъ огромныя трудности.

Что касается дорогъ въ самой Сойотіи, то онѣ, какъ мы отчасти уже указывали въ I главѣ, въ общемъ недурны, почти вездѣ пригодны для движенія экипажей и представляютъ собой родъ естественныхъ, хорошо наѣзженныхъ шоссе.

Интересна возможность торговыхъ сообщеній Россіи съ Монголіей черезъ Сойотію. Товары могли бы двигаться по Енисею до Булука въ Сойотіи, откуда имѣется колесный путь на Улясутай. Послѣднимъ трактомъ пользуются китайскіе купцы, торгующіе въ Сойотіи, и тѣ немногочисленные русскіе, которые выѣзжаютъ въ Монголію изъ Усинскаго края. Правда, нѣкоторые бійскіе купцы высказывали сомнѣнія въ возможности использовать этотъ путь для сношеній Россіи съ Монголіей, но не говоритъ ли при этомъ мѣстный бійскій патріотизмъ, опасающійся отлива товарнаго движенія отъ пути на Бійскъ? Во всякомъ случаѣ, эта дорога имѣетъ свои перспективы и шансы при условіи созданія пароходнаго транспорта по Верхнему Енисею.

Транспортъ товаровъ между Россіей и Сойотіей происходитъ четырьмя способами. Наиболѣе дешевый ввозъ товаровъ изъ Сойотіи въ предѣлы Россіи—на плотахъ по Енисею, причемъ съ 1 пуда платится по 25 коп.

Наиболѣе дешевая доставка русскихъ товаровъ въ Сойотію происходитъ зимой льдомъ по Енисею. Пудъ товара отъ Минусинска до Чжакуля обходится отъ 70 коп. до 1 руб. въ одинъ конецъ, а при обратномъ грузѣ—отъ 50 до 60 коп. въ каждый конецъ. Отъ Минусинска до села Усинскаго зимняя доставка обходится при дешевомъ овсѣ 30—40 коп. съ пуда, при дорогомъ овсѣ (какъ въ 1909 и 1910 гг.) по 60—80 коп.

Въ случаѣ крайней необходимости лѣтомъ въ западной части Сойотіи пользуются вьючной тропой съ рѣки Кемчика на Арбатское, причемъ пудъ лошаднаго вьюка обходится по 1 руб.—1 руб. 20 коп. Изъ восточной части Сойотіи , если нельзя воспользоваться плотомъ, приходится транспортировать грузъ вьючными лошадьми по Усинской тропѣ, за что берется отъ 1 р. 50 к. до 2 р. съ пуда.

Китайская торговля въ Монголіи обслуживается своими собственными путями, которые связываютъ китайскіе города въ Монголіи съ городами внутренняго Китая. Отправными пунктами, питающими китайско-монгольскую торговлю, являются два города: Калганъ и Куку-Хото. Калганъ въ свою очередь является перевалочнымъ пунктомъ для Пекина и Тянь-Цзиня. Пекинъ, Калганъ и Куку-Хото представляютъ изъ себя главнѣйшіе отправные пункты, откуда вышелъ въ Монголію китайскій торговый капиталъ. Въ Кобдо и Улясутаѣ китайскія лавки обыкновенно дѣлятся на три разряда: пекинскія, калганскія и куку-хотскія. Калганъ и Куку-Хото представляютъ изъ себя основные центры и для китайскаго вывоза изъ Монголіи, и для отправки товаровъ въ Монголію. Урга, напр., торгуетъ и черезъ Калганъ, и черезъ Куку-Хото. Изъ Урги скотъ и лѣсъ, а также и другое монгольское сырье, идутъ въ

оба эти города, причемъ фрахты въ оба направленія различаются очень немного. Куку-Хото играетъ болѣе значительную роль для Кобдосскаго и Улясутайскаго района. Въ Куку-Хото китайцы направляютъ огромныя стада барановъ и крупнаго скота, такъ что этотъ городъ является виднымъ центромъ скототорговли. Въ Куку-Хото направляется монгольская шерсть, козлины, овчины, маральи рога, кожи, конскій волосъ, козій пухъ и т. д. Изъ этого города Монголія получаетъ чай, табакъ, посуду, домашнія вещи, обувь и т. д. Отчасти отсюда привозятъ и мануфактуру, но этотъ послѣдній товаръ по преимуществу идетъ черезъ морскіе порты и Калганъ. Куку-Хото—монгольское названіе китайскаго города Гуй-хуа-чэна; Калганъ же—русское названіе китайскаго города Чжанъ-Цзя-Коу. Калганъ до недавняго времени игралъ видную роль въ русской чайной торговлѣ. Въ настоящее время—это наиболѣе крупный центръ привоза монгольскаго сырья и вывоза китайскихъ и иностранныхъ товаровъ въ Монголію. Обороты Куку-Хото и Калгана почти цѣликомъ опредѣляютъ обороты китайско-монгольской торговли. Поэтому всѣ торговые пути, при помощи которыхъ совершается товарное движеніе изъ Китая въ Монголію и наоборотъ, привязаны къ этимъ двумъ городамъ. Нужно замѣтить, что сношенія Монголіи и Китая обслуживаются не только торговыми караванными путями, но и оффиціальными почтовыми. Эти пути, несмотря на то, что они соединяютъ однѣ и тѣ же отправныя точки, часто между собою не сходятся, такъ какъ коммерческое движеніе избираетъ по возможности наиболѣе короткую дорогу, а оффиціальное сообщеніе иногда преслѣдуетъ и другія цѣли: соединеніе съ какими-нибудь важными пунктами, заѣзды въ какой-нибудь центръ, сцѣпленіе одного тракта съ другимъ; напр., трактъ Урга—Калганъ въ Саиръ—Усу соединяется съ алтайскимъ трактомъ и поэтому имѣетъ протяженіе около 1300 верстъ, между тѣмъ какъ коммерческій трактъ Урга—Калганъ составляетъ всего около 900 верстъ. Оффиціальные тракты, созданные китайскимъ правительствомъ за счетъ монголовъ, вызваны потребностями въ переѣздахъ чиновниковъ, всякихъ курьеровъ, передвиженіемъ войскъ и т. д. Но эти же оффиціальные пути и станціи съ лошадьми и верблюдами иногда играютъ роль и для коммерческаго движенія, такъ какъ у китайцевъ въ обычаѣ пользоваться монгольскими уртэ для провоза частныхъ грузовъ.

Въ географическомъ изслѣдованіи Матусовскаго перечисляются слѣдующіе китайско-монгольскіе тракты: 1) почтовый трактъ Кяхта—Урга—станція Саиръ-Усу—Калганъ съ протяженіемъ въ 1.770 верстъ, 2) почтовый трактъ Кобдо—Улясутай—Калганъ съ протяженіемъ въ 1.950 верстъ. Изъ этихъ цифръ видно, что

это—кружные пути, которые по существу дѣла не могутъ совпасть съ коммерческими караванными путями. Караванные пути не имѣютъ характера трактовъ въ русскомъ смыслѣ этого слова. Какъ и вездѣ въ Монголіи, караванный путь считается только съ направленіемъ. Иначе обстоитъ дѣло съ почтовой дорогой, которая твердо привязана къ установленнымъ почтовымъ станціямъ. Вотъ почему караванное движеніе изъ Урги въ Калганъ совершается по широкой полосѣ, изборожденной массой дорогъ. Обыкновенно считаютъ три главныхъ караванныхъ тракта между Ургой и Калганомъ: западный трактъ въ 950 верстъ—Гунь-Чжу-Цзамъ, средній трактъ—Джоринская дорога—въ 987 верстъ и восточный трактъ—Аргалинская дорога—въ 990 верстъ. Между Кяхтой—Ургой и Калганомъ существуетъ еще старый наѣзженный русскій чайный трактъ, теперь пришедшій въ значительное запустѣніе. По свидѣтельству проф. Позднѣева, проѣхавшаго караваннымъ путемъ отъ Урги до Калгана, здѣсь имѣется не три и не шесть направленій, какъ объ этомъ пишутъ русскіе путешественники, а около сотни дорогъ, такъ какъ монгольскіе и китайскіе возчики мало считаются съ проложенными путями, и каждая группа возчиковъ прокладываетъ свой собственный путь, иногда дѣлая „крюки“ по 500 верстъ для того, чтобы „по дорогѣ“ заѣхать къ своимъ родственникамъ.

Матусовскій отмѣчаетъ еще слѣдующіе караванные пути: „изъ города Кебдо въ городъ Куку-Хото, вблизи сѣвернаго подножья Южнаго Алтая (1.900 верстъ); изъ Улясутая черезъ Хангай въ Ургу (750 верстъ); отъ Хулусутаевскаго караула черезъ Керулэнъ и городъ Долонъ-норъ въ Калганъ (1.010 верстъ) и, наконецъ, отъ Староцурухайтуевскаго караула черезъ Хайларъ, Долонъ-норъ и Шара-хото къ воротамъ великой стѣны—Губэй-коу (около 1.200 верстъ)“.

Цифры, характеризующія отдаленность Монголіи отъ китайскихъ торговыхъ центровъ, наглядно показываютъ, что Монголія не такъ уже далека отъ Китая и что при добромъ желаніи китайцевъ эти пути могутъ быть легко консолидированы въ одинъ общій путь Урга—Калганъ, съ вѣткой на Куку—Хото. Этотъ путь, конечно, будетъ рельсовымъ, что окончательно припаяетъ Монголію къ ея метрополіи.

Въ книгѣ были уже приведены данныя, характеризующія положеніе монгольскаго рынка съ точки зрѣнія интересовъ русской и китайской торговли. Мы видѣли, что интересы китайцевъ на этомъ рынкѣ базируются на болѣе прочной основѣ, нежели русская торговля. Сырье и фабрикаты только отчасти находятся въ русскихъ рукахъ. Англія и Соединенные Штаты воспользовались мор-

скимъ путемъ и наводнили не только Китай, но черезъ китайцевъ и Монголію своими мануфактурными товарами, которые нанесли тяжелый ударъ русской мануфактурѣ. Китайскіе торговцы, подобно русскимъ, двинулись въ Монголію въ цѣляхъ сбыта привозныхъ товаровъ и по необходимости сдѣлались экспортерами монгольскаго сырья. Въ данное время въ ихъ руки попадаетъ наиболѣе значительная доля монгольскихъ товаровъ. Въ своихъ дѣйствіяхъ по вывозу монгольскаго сырья черезъ Калганъ и Куку-Хото китайцы до сихъ поръ еще очень сильно связаны многими обстоятельствами. Главнымъ образомъ, китайцы пользуются для экспорта обратными возчиками, которые привозятъ фабрикаты и другіе товары въ Монголію изъ Калгана и Куку-Хото. Специальный вывозъ монгольскаго сырья безотносительно къ пользованію обратными возчиками встрѣчаетъ затрудненія въ томъ обстоятельствѣ, что въ Монголіи до сихъ поръ вопросъ о возчикахъ находится въ неопредѣленномъ положеніи. До сихъ поръ отхожіе промыслы у монголовъ представляютъ изъ себя случайность, которой купцы должны искать путемъ кредита и кредитной неволи. Съ другой стороны, какъ мы уже говорили, сами русскіе, своею конкурренціей взбивающіе цѣну на сырье, часто даютъ китайцамъ полную возможность развязаться на выгодныхъ условіяхъ съ скупленнымъ сырьемъ въ самой Монголіи, не испытывая всѣхъ осложненій и всего риска далекаго пути на Калганъ или Куку-Хото. Увеличивающійся сбытъ товаровъ изъ китайскихъ лавокъ создаетъ благопріятныя условія для развитія китайскаго вывоза изъ Монголіи, такъ какъ онъ сопровождается увеличеніемъ обратныхъ возчиковъ. Русскіе въ этомъ отношеніи находятся въ обратномъ положеніи. Китайскіе купцы жаловались намъ, что для развитія китайскаго экспорта изъ Монголіи имъ недостаетъ дешевыхъ возчиковъ. Съ другой стороны, русскіе одно время попытались устроить нѣчто въ родѣ соглашенія, чтобы не покупать у китайцевъ шерсть дороже установленной на соглашеніи цѣны. Китайцы не испугались этого „синдиката“ и энергично стали готовить скупленную шерсть къ отправкѣ въ Китай. Русскіе струсили и сдались на цѣны, предложенныя китайцами. Русскіе совершенно основательно предположили, что тѣ верблюды и монголы, которые везутъ шерсть въ Онгудай, съ одинаковымъ успѣхомъ могутъ повезти ее въ Калганъ или Куку-Хото. Китайцы, какъ это видно изъ другихъ мѣстъ книги, везутъ въ китайскіе города очень значительныя массы сырья. Торговлю сырьемъ они ведутъ съ полнымъ знаніемъ дѣла. Ихъ коммиссіонеры, которые заняты переотправкой скупленнаго монгольскаго сырья въ Калганъ или Куку-Хото, хорошо освѣдомлены о положеніи рынка. Бывали мо-

менты, когда съ шерстью въ Тянь-Цзинѣ происходили заминки и тогда китайцы пріостанавливали экспортъ, сбывая товаръ русскимъ, а русскіе рѣдко бывали освѣдомлены въ положеніи рынка и его ближайшихъ перспективахъ.

Къ сожалѣнію, нашей экспедиціи не удалось собрать подробныхъ свѣдѣній о стоимости китайскихъ фрахтовъ, т. е. фрахтовъ провоза монгольскаго сырья и ввоза фабрикатовъ изъ китайскихъ торговыхъ центровъ до монгольскихъ городовъ. Многія китайскія фирмы имѣютъ собственныхъ верблюдовъ и быковъ; оцѣнка транспорта при этихъ условіяхъ представляетъ значительныя затрудненія. Съ комиссіонными китайскими фирмами, занятыми доставкой грузовъ въ ту и другую сторону, встрѣтиться не пришлось. По свѣдѣніямъ проф. Позднѣева, относящимся къ началу 90-ыхъ годовъ, вьючный верблюдъ отъ Улясутая до Калгана стоилъ до 12 лановъ, т. е. 1 пудъ обходился около 1 руб.; отъ Улясутая до Куку-Хото вьючный верблюдъ стоилъ отъ 7 до 9 лановъ. По показаніямъ китайцевъ, сдѣланнымъ нашей экспедиціи, вьючный верблюдъ изъ Куку-Хото до Кобдо обходится въ 10—12 лановъ, т. е. транспортъ пуда товара стоитъ около 1 руб. 25 коп.—1 руб. 40 коп. Тѣ китайскія фирмы, которыя въ Монголіи получаютъ товаръ изъ вторыхъ рукъ, не могли точно указать, чѣмъ объясняются значительныя колебанія фрахтовъ по одному и тому же направленію въ одинъ и тотъ же сезонъ. Назывались цифры, своимъ различіемъ приводившія въ смущеніе. Колебанія же фрахтовъ сильно отражаются на цѣнѣ товаровъ. Такъ напр., цѣна ящика чая въ 27 кирпичей (средняго сорта) въ Ургѣ колеблется отъ 11 до 14 рублей; это колебаніе китайцы приписываютъ тому обстоятельству, что иногда удается доставить чай дешевымъ фрахтомъ, иногда дорогимъ. Никто въ Монголіи не могъ указать стоимости морскихъ фрахтовъ, которые рѣшаютъ вопросъ о стоимости провоза русской и иностранной мануфактуры. Представитель одной крупной экспортной фирмы въ Ургѣ лѣтомъ 1910 года разрабатывалъ проектъ отправки шерсти не черезъ Сибирь, какъ это обыкновенно происходитъ, а черезъ Китай и моремъ до мѣста назначенія: или въ Россію, или за-границу. Когда мы вели съ этимъ предпріимчивымъ коммерсантомъ бесѣду, то въ его распоряженіи не было еще свѣдѣній о новомъ направленіи товара. Вопросъ былъ только поставленъ на очередь и коммерсантъ ждалъ точныхъ данныхъ о фрахтахъ новаго направленія, предполагая, что ему удастся съэкономить на новомъ направленіи до Москвы около 80 коп. Какъ потомъ сообщалось въ газетахъ, этотъ опытъ отправки былъ налаженъ: шерсть вмѣсто того, чтобы идти по Сибири, была направлена въ Тянь-Цзинъ и тамъ

сдана англійской конторѣ для доставки пробной партіи въ Москву. Свѣдѣнія о китайскихъ фрахтахъ и о всѣхъ условіяхъ транспорта можно собрать только въ Калганѣ и Тянь-Цзинѣ, гдѣ имѣются комиссіонныя конторы и конторы тѣхъ торговыхъ фирмъ, отдѣленіями которыхъ полна вся Монголія. Вѣроятно, эти свѣдѣнія будутъ оглашены московской торговой экспедиціей 1910 г., такъ какъ часть этой экспедиціи направилась изъ Монголіи въ Калганъ и Тянь-Цзинъ. Свѣдѣнія русскихъ о фрахтахъ моремъ и черезъ Китай точно также страдаютъ солидными противорѣчіями. По даннымъ сравнительно компетентныхъ лицъ, получается слѣдующая картина: провозъ мануфактуры изъ Манчестера или Гамбурга въ Ургу обходится въ 1 руб. 60 коп.—1 руб. 70 коп. Эта цѣна слагается изъ слѣдующихъ величинъ: Гамбургъ—Тянь-Цзинъ 60—70 коп., Тянь-Цзинъ—Пекинъ—Калганъ 30 коп. и Калганъ—Урга 70 коп. Доставка же мануфактуры въ Ургу изъ Москвы обходится въ 3 руб. 25 коп. (Москва—Верхнеудинскъ 2 руб. 55 коп., Верхнеудинскъ—Кяхта—Урга 70 коп.). Такимъ образомъ, фрахты китайцевъ дешевле русскихъ. По другимъ свѣдѣніямъ получаемъ слѣдующую картину: отъ Тянь-Цзина до Урумчи пудъ обходится въ 4 лана, т. е. отъ 6 руб. 10 коп. до 6 руб. 20 коп., а фрахтъ отъ Нижняго-Новгорода до Урумчи будетъ отъ 2 руб. 80 коп. до 3 руб. Но въ томъ и другомъ случаѣ фрахты не рѣшаютъ вопроса о способности русской мануфактуры къ конкурренціи съ привозимой китайцами, такъ какъ возвратъ таможенныхъ пошлинъ съ избыткомъ покрываетъ стоимость транспорта русской мануфактуры въ Монголію даже при самыхъ высокихъ ставкахъ. Очевидно, конъюнктура рынка слагается не въ пользу русской мануфактуры въ силу общихъ и спеціальныхъ условій ея производства. Удешевленіе фрахтовъ и улучшеніе условій транспорта въ данное время, съ точки зрѣнія интересовъ русско-монгольской торговли, будетъ имѣть главное значеніе для ввоза монгольскаго сырья, такъ какъ покупныя цѣны на это сырье въ самой Монголіи быстро подходятъ къ уровню цѣнъ на европейскихъ рынкахъ. Вооруженіе русской торговли дешевыми фрахтами дастъ побѣду на сырьевомъ рынкѣ; побѣда же на мануфактурномъ рынкѣ придетъ тогда, когда наше фабричное производство вооружитъ купца дешевой и хорошей тканью.

— —

Глава VII.

Консульства, почта, телеграфъ и др. учрежденія.

Мы уже говорили, что русско-монгольская торговля развивалась почти безъ всякаго участія оффиціальнаго міра и оффиціальныхъ учрежденій. Сибирскіе купцы въ поискахъ рынковъ были всецѣло предоставлены самимъ себѣ; они могли полагаться только на свою иниціативу и свою самодѣятельность. Правда, уже давно въ Ургѣ существуетъ русское генеральское консульство, въ кругъ задачъ котораго, конечно, входитъ забота „о выгодахъ Россійской торговли". Но всѣмъ извѣстно, что русскія консульства вообще организованы такимъ образомъ, что они врядъ ли могутъ быть особенно полезны русской внѣшней торговлѣ. Даже на Западѣ, въ тѣхъ странахъ, гдѣ правительства издавна проявляли особую заботливость по отношенію къ внѣшней торговлѣ, со всѣхъ сторонъ слышатся жалобы на то, что консульскія организаціи не приносятъ той пользы, которую отъ нихъ ожидаютъ. Консульское дѣло, по отзыву извѣстнаго кильскаго экономиста проф. Гармса [1]), плохо поставлено и въ Германіи, въ той Германіи, которая съ такой энергіей развиваетъ свою внѣшнюю торговлю. Проф. Гармсъ предостерегаетъ своихъ соотечественниковъ отъ возможныхъ потерь на міровомъ рынкѣ вслѣдствіе неудовлетворительной организаціи консульской службы. Одной изъ основныхъ причинъ, приводящихъ и въ Россіи къ такимъ нежелательнымъ результатамъ, является неудовлетворительность дѣйствующаго консульскаго устава, который значительно отсталъ отъ жизни. Во-вторыхъ, часть вины падаетъ и на лицъ консульской службы. Русскимъ консуламъ приходится работать въ самыхъ разнообразныхъ условіяхъ и ставить себѣ самыя разнообразныя задачи. Между положеніемъ русскаго консула въ Лондонѣ и Ургѣ, въ Парижѣ и Тегеранѣ почти нѣтъ ничего общаго. Между тѣмъ консульскій уставъ опредѣляетъ ихъ дѣятельность одними и тѣми же устарѣлыми нормами. Правда, въ

---

1) Harms, B. Weltwirtsſchaftliche Aufgaben der deutschen Verwaltungspolitik. Ein Beitrag für die Retorm des Konsulatsweserns. Kiel. 1911.

этомъ уставѣ имѣется „глава третья“ „о россійскихъ консулахъ въ Китаѣ и Кореѣ“, но эта „глава“ состоитъ всего только изъ одной статьи, которая дѣлаетъ простую ссылку на русско-китайскіе договоры. Этого слишкомъ мало для того, чтобы поставить русскаго консула въ Китаѣ въ рамки, подходящія къ оригинальнымъ условіямъ Дальняго Востока. Консульскій уставъ, полный старыхъ, написанныхъ въ срединѣ прошлаго вѣка нормъ, а также полный пропусковъ по важнымъ отдѣламъ консульской дѣятельности, тѣмъ самымъ долженъ предоставить консулу широкое поле самодѣятельности и инниціативы. Самодѣятельность и иниціатива-прекрасныя качества, но онѣ предполагаютъ такой составъ служащихъ, который въ полной мѣрѣ обладаетъ этими полезными свойствами. Но даже въ Германіи, которая вообще можетъ похвалиться интеллигентностью и работоспособностью своего бюрократическаго аппарата, высказываются отрицательныя сужденія относительно консульскаго состава. Быть можетъ, консулы и очень удачно справляются съ своими дипломатическими задачами. Но въ области экономической политики они легко могутъ оказаться безсильными, потому что лишены серьезной подготовки для этого дѣла. Не потому-ли въ данное время развилось цѣлое движеніе въ сторону биржевыхъ комитетовъ, торговыхъ палатъ, экспортныхъ палатъ, коммерческихъ агентовъ? Тѣ экономическія группы, которыя интересуются этимъ движеніемъ, чувствуютъ, что на консульскую организацію возлагать много надеждъ не приходится. Вмѣсто свободной и зрѣлой иниціативы, которая должна предполагаться въ консулѣ, вслѣдствіе несовершенства Консульскаго устава мы наблюдаемъ полное его подчиненіе Императорскимъ миссіямъ. Внѣшняя политика очень быстро выродилась въ дипломатію, которая досталась въ удѣлъ опредѣленному общественному слою, въ общемъ далеко стоящему отъ торговыхъ интересовъ. Въ этомъ особомъ дипломатическомъ мірке царятъ свои интересы, здѣсь прислушиваются къ голосу министерства иностранныхъ дѣлъ, которое не имѣетъ никакого отношенія къ экономической политикѣ страны. Съ другой стороны, это министерство стоитъ особнякомъ отъ дѣятельности „объединеннаго правительства“, такъ какъ Совѣтъ министровъ иногда можетъ узнать только изъ газетъ о дѣйствіяхъ министерства, связанныхъ съ внѣшней политикой. Во всякомъ случаѣ, согласованіе дѣятельности этого министерства въ области русскихъ торговыхъ интересовъ съ общимъ планомъ экономической политики можетъ встрѣтить серьезныя затрудненія.

Въ Монголіи общее положеніе дѣла осложнялось еще тѣмъ обстоятельствомъ, что здѣсь долгое время, до 1905 года, русскій ге-

неральный консулъ, имѣвшій резиденцію въ Ургѣ, долженъ былъ охватывать своими дѣйствіями и вліяніемъ колоссальный районъ. Если представить этотъ районъ въ формѣ круга, то окажется, что ургинскій консулъ живетъ не въ центрѣ круга, а на одной изъ точекъ окружности. Нужно также принять во вниманіе и то, что въ Монголіи отдѣльные торговые пункты раздѣлены огромными разстояніями, торговыя ставки разбросаны по всѣмъ хошунамъ, пути сообщенія находятся въ первобытномъ состояніи и всякіе переѣзды вызываютъ огромныя затраты времени. Все это, конечно, только парализуетъ дѣятельность консула и распыляетъ его вліяніе. Русско-монгольская торговля, можно смѣло сказать, развивалась безъ консульскаго призора. Ургинскій консулъ долженъ былъ смотрѣть за обширнымъ ургинскимъ райономъ, его же вѣдѣнію подлежали районы Улясутая, Кобдо и земля сойотовъ. Стоитъ только взглянуть на карту для того, чтобы убѣдиться въ невозможности побѣдить такія пространства даже сверхъ-человѣческой энергіей. Китайцы при заключеніи русско-китайскихъ торговыхъ договоровъ неохотно шли на учрежденіе въ Монголіи русскихъ консуловъ и въ дѣйствующемъ договорѣ условіемъ открытія консульства поставили развитіе русско-монгольской торговли. Признаніе же развитія этой торговли означало уничтоженіе безпошлинности ея. Вслѣдствіе этого такъ сильно и тормозилось открытіе новыхъ консульствъ въ Монголіи. Договорныя основанія для открытія новыхъ консульствъ въ Монголіи кажутся намъ нераціональными. Быть можетъ, съ дипломатической точки зрѣнія консульства открываются тогда, когда въ данномъ районѣ уже созданы солидные интересы, но съ точки зрѣнія экономической консульства должны учреждаться тамъ, гдѣ еще только желательно созданіе реальныхъ интересовъ. Поэтому открытіе консульства опасно ставить подъ то условіе, которое занесено на страницы русско-китайскаго торговаго договора. Это была большая ошибка, которой китайцы не замедлили, конечно, воспользоваться въ своихъ интересахъ.

Нѣкоторое улучшеніе въ консульскомъ дѣлѣ въ Монголіи наступило въ 1905 г., когда было открыто россійское консульство въ г. Улясутаѣ. Въ районъ новаго консульства вошли округа: улясутайскій, кобдосскій и земля сойотовъ. Собственно говоря, и этотъ районъ еще слишкомъ великъ для одного консула. Улясутай—видный торговый пунктъ, но по отношенію къ Кобдо и къ Сойотіи Улясутай будетъ только далекой окраиной. И въ Сойотіи, и въ Кобдо вліяніе консула можетъ проявиться только случайно. Ургинскій консулъ живетъ въ центрѣ торговыхъ и политическихъ отношеній большого района Монголіи. Кругомъ Урги идетъ усиленная китай-

ская колонизація. Улясутайское консульство находится въ этомъ отношеніи въ болѣе невыгодныхъ условіяхъ. Центръ политическихъ интересовъ въ районѣ вѣдѣнія улясутайскаго консульства складывается въ Сойотіи и въ такъ называемомъ Алтайскомъ китайскомъ генералъ-губернаторствѣ. При существующихъ условіяхъ передвиженія по Монголіи, при отсутствіи регулярной почты и телеграфа это будетъ для улясутайскаго консульства, по-истинѣ, „за тридевять земель". Въ этомъ смыслѣ учрежденіе новаго консульства въ Кобдо было бы очень желательно. Въ маѣ 1911 года это консульство, наконецъ, было открыто.

Колоссальные районы, къ обслуживанію которыхъ призваны ургинское и улясутайское консульства, предполагаютъ значительный составъ этихъ учрежденій, такъ какъ обстоятельства все время вынуждаютъ консульскую власть къ личнымъ осмотрамъ и опросамъ. Но въ дѣйствительности консульства обставлены такимъ образомъ, что силою вещей они превращены въ простыя канцеляріи и живое дѣло замѣнено тамъ бумажнымъ дѣлопроизводствомъ.

Въ Улясутаѣ консульство существуетъ шесть лѣтъ, но до сихъ поръ оно помѣщается въ наемной китайской фанзѣ, ютящейся въ одномъ изъ грязныхъ и узкихъ переулочковъ. По обычаю китайцевъ, фанза обнесена высокимъ частоколомъ, такъ что съ улицы консульства и не замѣтишь. Фанза грязная и старая, съ окнами, заклеенными бумагой. Полъ хуже, чѣмъ въ деревенской избѣ, стѣны тонкія, печей въ русскомъ смыслѣ этого слова совсѣмъ нѣтъ. Поэтому зимой въ такой фанзѣ очень холодно. Первый русскій консулъ изъ-за холода долженъ былъ перебираться зимой въ монгольскую юрту. Обстановка консульства самая мизерная, такъ какъ въ Монголіи нѣтъ готовой мебели, нѣтъ и ремесленниковъ, которые могли бы что нибудь сдѣлать. Въ Улясутаѣ некому сложить печку. Купцы занимаются этимъ дѣломъ сами для себя. Когда лѣтомъ 1910 г. въ помѣщеніи консульства стали ставить печку, такъ какъ въ городѣ оказался случайно русскій печникъ, то неожиданно обрушилась стѣна... Словомъ, помѣщеніе консульства ниже всякой критики. А это обстоятельство имѣетъ, конечно, значеніе и для того, кто вынужденъ отбывать консульскую повинность въ такомъ отрѣзанномъ отъ міра уголкѣ, какъ грязный Улясутай, и для окружающихъ консула русскихъ и монголовъ. Востокъ любитъ, чтобы оффиціальное мѣсто прежде всего импонировало своею внѣшностью. Врядъ ли россійскій генеральный консулъ, спрятавшійся отъ морозовъ въ монгольскую юрту, можетъ разсчитывать на должную честь со стороны монголовъ и китайцевъ, какъ представитель великой державы.

Къ этому домашнему неуюту и, можно сказать, неприличію консульскаго жилища въ Улясутаѣ присоединяется также и другое обстоятельство, которое для дѣла имѣетъ болѣе вредныя послѣдствія. Въ Улясутайскомъ консульствѣ въ 1910 г. личный составъ заключался въ одномъ только консулѣ. Правда, по штатамъ здѣсь полагается секретарь и, вѣроятно, драгоманъ. Но такъ какъ условія жизни въ Улясутаѣ слишкомъ тяжелы даже для самыхъ невзыскательныхъ людей, то, понятно, никому не хочется ѣхать въ это консульство. При консулѣ былъ только одинъ слуга-монголъ и временно-переводчикъ, онъ же и „канцелярія", но и этотъ переводчикъ въ скоромъ времени собирался уѣзжать. Консулъ оставался съ однимъ только монголомъ, который былъ и разсыльнымъ, и поваромъ, и швейцаромъ, и докладчикомъ. В. Ф. Люба, котораго мы застали въ такомъ положеніи, спасался тѣмъ, что онъ владѣетъ китайскимъ, манчжурскимъ и монгольскимъ языками, такъ что онъ могъ обойтись безъ переводчика. По канцеляріи же иногда ему могли оказать помощь русскіе, проживающіе въ Улясутаѣ. Но въ тѣхъ дѣлахъ, которыя требовали выѣзда консула въ хошуны, консулъ, конечно, оставался въ самомъ безпомощномъ положеніи. Какъ разъ при насъ случился казусъ, требовавшій посылки консульскаго чиновника на мѣсто происшествія вдали отъ Улясутая. Китайскія власти назначили своего представителя и просили консула назначить русскаго чиновника. Консулъ могъ назначить въ компанію къ мелкому китайскому чиновнику только себя. Правда, въ данномъ случаѣ выручилъ уѣзжавшій отъ консула переводчикъ, который и былъ посланъ въ качествѣ представителя русской власти.

Китайцы очень внимательно слѣдятъ за всѣмъ тѣмъ, что и какъ дѣлаютъ русскіе въ Монголіи. Подобное положеніе консульства, конечно, не укрывается отъ ихъ взоровъ. Не этимъ ли отчасти объясняется и тотъ фактъ, что китайцы перестаютъ считаться съ дѣйствующимъ договорнымъ правомъ?

Подобное состояніе консульства безусловно парализуетъ всякую энергію и дѣлаетъ невозможнымъ осуществленіе тѣхъ задачъ консульской службы, ради которыхъ консулы пріѣзжаютъ коротать свои дни въ старыхъ и холодныхъ фанзахъ. Ургинское консульство обставлено лучше, но и оно для торговыхъ интересовъ Россіи осталось малодѣятельнымъ.

Дѣятельность консульствъ прежде всего проявляется въ наблюденіи за сохраненіемъ и исполненіемъ тѣхъ нормъ, которыя составляютъ содержаніе торговыхъ трактатовъ. „Дипломатіи" въ такомъ надзорѣ не много; необходимо повсюду твердо отстаивать тѣ права

русскихъ, которыя выговорены въ трактатѣ, т. е. необходимо знать всѣ факты и случаи, которыми характеризуются отношенія мѣстной администраціи къ русскимъ. Консульства при современной ихъ организаціи всегда считаются въ данномъ отношеніи только съ тѣмъ, что уже случилось, на что поступила жалоба отъ русскихъ. Напр., китайскія власти сносятъ русскія постройки, отказываются регистрировать кредитную сдѣлку, останавливаютъ русскій караванъ и требуютъ уплаты пошлины, срываютъ проведенный телефонъ, запрещаютъ пустить въ ходъ автомобиль, сѣнокосилку и т. д. Все это-мелочи обыденной жизни, но изъ нихъ слагается жизнь русскихъ въ Монголіи. Эти случаи доходятъ до свѣдѣнія консула, онъ долженъ разобраться въ нихъ, отстоять то, что защищено торговымъ договоромъ и т. д. Всѣ эти случаи обыкновенно происходятъ вдали отъ консула, тамъ, куда ему врядъ ли приходилось заглядывать. Для такихъ далекихъ разъѣздовъ нѣтъ времени и силъ, нѣтъ и людей. Поэтому русскимъ торговцамъ большею частью приходится опираться не на договорныя права, не на помощь консула, а на свои собственныя силы, на умѣнье жить и приспособляться. Отсюда вытекаютъ сложныя и нежелательныя послѣдствія. Туземныя власти привыкаютъ относиться слегка къ договорнымъ правамъ русскихъ, систематически нарушать эти права. Русскіе же привыкаютъ или къ самоуправству, или вступаютъ на путь взятокъ, при помощи которыхъ въ Монголіи можно сдѣлать очень много. Русскіе же издавна, конечно, привычны къ этимъ обходнымъ движеніямъ.

Только за самое послѣднее время наше правительство обратило серьезное вниманіе на русскіе интересы въ Монголіи и обратилось съ извѣстными нотами къ китайскому правительству. Въ этихъ нотахъ подчеркивалось, что Россія дорожитъ тѣми правами, которыя были выговорены при заключеніи торговыхъ трактатовъ. Невольно возникаетъ вопросъ: была ли бы нужда въ этихъ тревожныхъ нотахъ, которыя могутъ оказаться обоюдоострыми для русскихъ торговыхъ интересовъ въ Монголіи, если бы охрана этихъ интересовъ въ Монголіи была поставлена на надлежащую высоту? Не приучили ли русскіе сами, своимъ пассивнымъ и халатнымъ отношеніемъ къ договору, китайцевъ къ пренебреженію этихъ правъ? Быть можетъ, консульства писали въ Пекинъ посланнику успокоительныя реляціи? Или, быть можетъ, Петербургъ относился къ неспокойнымъ донесеніямъ черезчуръ спокойно?... Не только у насъ, но и заграницей, во внѣшней политикѣ слишкомъ еще много чистой дипломатіи, которая рѣдко обнаруживаетъ склонность интересоваться такими прозаическими вещами, какъ торговля и права тор-

говцевъ. Но вѣдь въ наше время сдѣлалась простой очевидностью та мысль, которая была формулирована Вильгельмомъ II: „міръ въ наше время стоитъ подъ созвѣздіемъ коммерческаго движенія“. Поэтому давно пора перекроить консульскую организацію по новому плану, или создать новую организацію для защиты торговыхъ интересовъ во внѣшнихъ сношеніяхъ народовъ. Эти отношенія прежде всего и больше всего нуждаются въ мирѣ, дипломатическія же ноты часто сѣютъ вѣтеръ....

По закону консулъ не только наблюдаетъ „за сохраненіемъ въ неприкосновенности всѣхъ правъ, присвоенныхъ существующими трактатами россійскому флагу и торговлѣ“, но и обязанъ заботиться о „выгодахъ россійской торговли“. Прежде всего консулъ обязанъ быть освѣдомленнымъ о всѣхъ участникахъ въ торговлѣ и ихъ торговыхъ дѣлахъ. Только такая освѣдомленность дастъ консулу полную возможность планомѣрно и своевременно развивать свою дѣятельность. Русскіе консулы въ Монголіи въ этомъ отношеніи поставлены въ весьма затруднительное положеніе. При крайней обширности территоріи ихъ округовъ, при бѣдности наличнаго состава и при отсутствіи почты и телеграфа весьма трудно быть освѣдомленнымъ о томъ, что дѣлается въ предѣлахъ консульства. У консула въ Западной Европѣ подъ руками имѣются газеты, которыя спѣшно и часто совершенно точно освѣдомляютъ его о жизни района, о нарушенныхъ интересахъ и т. д. У такого консула подъ руками и почта, и телеграфъ, которыми русскіе могутъ воспользоваться въ любой моментъ.Монгольскій консулъ обо всемъ узнаетъ случайно и на этихъ случайностяхъ базируется его дѣятельность. Въ предѣлахъ Алтайскаго генералъ-губернаторства недавно китайскій губернаторъ распорядился снести постройки русскихъ купцовъ. У одного купца домъ разломали до основанія; сосѣдній торговецъ успѣлъ заручиться консульскимъ содѣйствіемъ и постройка осталась въ цѣлости. Тотъ купецъ, у котораго домъ былъ сломанъ, увидавъ, что консульское слово помогло его сосѣду, въ свою очередь обратился къ консулу за содѣйствіемъ, и китайскія власти не удлили возвратить русскому купцу убытки. Эти убытки были взысканы съ монголовъ того хошуна, въ предѣлахъ котораго находилась сломанная постройка. Этотъ случай наглядно показываетъ, какъ все случайно въ организаціи защиты русскихъ интересовъ. Китайцы, которые причинили ущербъ русскимъ интересамъ, вышли сухими изъ воды, монголы поплатились своимъ карманомъ и, конечно, отношенія между монголами и русскимъ торговцемъ не могли быть послѣ этого казуса особенно пріятными. Своевременное же возбужденіе вопроса о правѣ построекъ сдѣлало бы излишнимъ весь

этотъ печальный инцидентъ и избавило бы русскихъ Западной Монголіи отъ той тревоги, которую они испытали, когда начали ломать ихъ жилища.

Для торговца въ Монголіи, часто человѣка совсѣмъ сѣраго и неискушеннаго въ борьбѣ за свои права, были бы особенно цѣнны и полезны совѣты консула, тѣ совѣты, къ которымъ консулъ обязывается дѣйствующимъ закономъ. Но какъ можно получить отъ консула совѣтъ, когда до консульства нужно добираться около мѣсяца? Одинъ изъ консуловъ въ бесѣдѣ съ нами высказалъ сожалѣніе, что сами русскіе въ Монголіи какъ-то мало довѣряютъ консулу и чуждаются его. Конечно, эти странныя отношенія порождены различными причинами. Въ дѣятельности русскихъ торговцевъ въ Монголіи есть много такого, что по понятнымъ соображеніямъ тщательно скрываютъ отъ консула. Торговая среда въ Монголіи въ общемъ очень невысокаго культурнаго уровня; она еще не цѣнитъ общественной организаціи, не привыкла къ сплоченности, консулъ слишкомъ чуждъ ей для того, чтобы стать центромъ русской „колоніи“. Да и этой „колоніи“, какъ таковой, нѣтъ въ Монголіи. Всѣ живутъ крайне разобщенно, на всѣхъ лежитъ русскій отпечатокъ обывательщины. Но съ другой стороны, русскіе и не имѣли особыхъ поводовъ для того, чтобы учесть полезность консульства, такъ какъ при существующихъ условіяхъ консулу довольно трудно быть полезнымъ для русскихъ даже при добромъ желаніи. И въ Западной Европѣ между нашимъ консуломъ и русской колоніей и временно пріѣхавшими русскими связей нѣтъ никакихъ: особнякомъ стоятъ два „міра“.

Освѣдомленность консула о положеніи русской торговли нужна ему не только для того, чтобы защищать русскіе интересы и неприкосновенность трактатовъ, но и для того, чтобы давать центральному правительству періодическіе обзоры о движеніи торговли. Опять и въ данномъ отношеніи консулъ въ Монголіи не въ состояніи сдѣлать многаго. Въ такихъ странахъ, какъ Монголія, всѣ свѣдѣнія можно получить только путемъ опроса участниковъ въ торговыхъ дѣлахъ. А эти участники разсыпаны по всему краю, статистики, на которую можно было бы опереть текущую освѣдомленность, нѣтъ и въ поминѣ. Опросы, оффиціально направленные къ русскимъ купцамъ, весьма легко могутъ привести къ неожиданнымъ результатамъ. Намъ пришлось знакомиться съ тѣми торговыми свѣдѣніями, которыя поступаютъ въ консульство отъ русскихъ торговцевъ. Это—такія деклараціи, которымъ хочешь—вѣрь, не хочешь—не вѣрь. Купцы, авторы этихъ свѣдѣній, говорили намъ, что особенно вѣрить этимъ документамъ нельзя. А это—почти единственный

источникъ консульской освѣдомленности. Но кромѣ русскихъ торговцевъ въ Монголіи имѣется многочисленная группа китайцевъ, захватившая въ свои руки почти всю торговлю. Объ этой китайской торговлѣ консулы совсѣмъ уже не освѣдомлены. Правда, не только наши консулы въ Монголіи и въ другихъ мѣстахъ мало освѣдомлены о положеніи внѣшней торговли, но даже германскіе консулы страдаютъ такими же дефектами. А вѣдь у германскаго консула подъ руками богатѣйшая литература и журналистика по всѣмъ интереснымъ для консула вопросамъ. „Я принадлежу къ тѣмъ немногимъ въ Германіи лицамъ,-писалъ проф. Гармсъ,-которые регулярно слѣдятъ за всѣми консульскими отчетами. Эти отчеты страдаютъ огромнымъ количествомъ цифръ, сопровождаемыхъ весьма скромнымъ или даже безцвѣтнымъ текстомъ. Кромѣ того, эти цифры попадаютъ къ читателю съ сильнымъ запозданіемъ и кишатъ ошибками, что вполнѣ естественно, такъ какъ авторы отчетовъ лишены соотвѣтствующей статистической подготовки". Далѣе Гармсъ жалуется, что нѣмецкія консульства почти лишены библіотекъ, и предлагаетъ внести въ ихъ штаты ассигновки на пріобрѣтеніе книгъ, нужныхъ для полной коммерческой освѣдомленности консула и его сослуживцевъ. Въ лучшемъ ли положеніи находится русскій консулъ, особенно въ Монголіи, и не страдаетъ ли его обзоръ дефектами, указанными проф. Гармсомъ? Двухъ отвѣтовъ на этотъ вопросъ быть не можетъ. Да и какія книги выпишетъ русскій консулъ въ консульскую библіотеку, когда у насъ вопросы торговли и темы о русскихъ интересахъ совсѣмъ почти не имѣютъ литературы?

Русскій консулъ въ Монголіи приходитъ въ соприкосновеніе съ русскимъ торговцемъ по тѣмъ поводамъ, которые создаются самимъ торговцемъ. Подобные поводы бываютъ двухъ категорій: или торговецъ ищетъ у консула защиты своего интереса, или на торговца поступила жалоба отъ соотечественниковъ, чаще отъ монголовъ и отъ китайско-монгольскихъ властей.

Такъ какъ въ Монголіи, какъ уже извѣстно читателю, въ самыхъ широкихъ масштабахъ практикуется кредитная торговля, то естественно, что по многимъ сдѣлкамъ возникаютъ различные конфликты и недоразумѣнія. Такіе конфликты приходится разрѣшать консулу. Кромѣ того, крупныя кредитныя сдѣлки между русскими и монголами, въ особенности монгольскими хошунами, нуждаются въ оффиціальныхъ скрѣпахъ туземныхъ властей. Такъ какъ китайцы очень неохотно идутъ на уступки русскимъ въ сферѣ хошуннаго кредита, то иногда засвидѣтельствованіе кредитной сдѣлки, уже совершенной, происходитъ подъ давленіемъ консула. Содѣй-

ствіе консула при взысканіи русскихъ долговъ съ монголовъ выражается въ томъ, что консулъ дѣлаетъ представленіе о необходимости, на основаніи туземнаго права, взыскать долги несостоятельнаго должника съ хошуна, въ силу круговой отвѣтственности хошуна. Это взысканіе—самое больное мѣсто въ Монголіи и источникъ огорченій для консула и для торговцевъ. Дѣло въ томъ, что кредитныя сдѣлки съ формальной стороны заключаются въ Монголіи такимъ образомъ, что третьему лицу весьма трудно оцѣнить юридическую природу исковыхъ претензій. Не говоримъ уже о томъ, что благодаря фактической обстановкѣ сдѣлки искъ часто превращается въ натискъ торговца на запутавшагося должника. Товарные долги записываются въ книгу личныхъ счетовъ кліента лавки. Эта книга ведется купцомъ на русскомъ языкѣ, монголъ не знаетъ, что́ туда записано. Купецъ не знаетъ монгольскаго языка и потому подозрительно смотритъ на монгольскія долговыя расписки. Поэтому въ кредитныхъ дѣлахъ торговцевъ и монголовъ царитъ путаница, долгъ больше покоится на честности монгола, который рѣдко отказывается отъ своихъ обязательствъ. Взысканіе долга въ значительной мѣрѣ обусловлено честностью купца, который формально будетъ правъ, если одинъ и тотъ же долгъ будетъ взысканъ два и три раза. Кредитныя и разсчетныя сдѣлки не документируются настолько, чтобы все было безспорнымъ. Кромѣ того, русскіе, особенно въ былое время, иногда злоупотребляли правами кредиторовъ. Безотвѣтственность монгола, лишеннаго возможности представить формальныя доказательства неправильности требованія со стороны купца, создавала для такихъ злоупотребленій весьма широкій просторъ. Дѣла о взысканіяхъ долговъ съ монголовъ попадаютъ къ консулу въ тѣхъ случаяхъ, когда на купца жалуется монголъ или когда русскій проситъ консула о возможномъ содѣйствіи взыскать долгъ черезъ монгольскихъ властей. Въ томъ и другомъ случаѣ консулъ долженъ убѣдиться на основаніи личнаго знакомства съ купцомъ въ его правотѣ или въ его недобросовѣстности. Понятно, что такой способъ оцѣнки формально предъявленныхъ гражданскихъ исковъ весьма неудобенъ со всѣхъ сторонъ. Консульскій судъ превращается въ соломоновъ судъ. Гдѣ же консулу знать всѣхъ торговцевъ такъ, чтобы на основаніи такого знанія можно было безошибочно различать, когда купецъ правъ и когда онъ является волкомъ въ овечьей шкурѣ? Другихъ же основаній для провѣрки исковыхъ претензій у консула часто нѣтъ никакихъ, такъ какъ долги обыкновенно записаны только въ торговую книгу купца. А туда можно записать, что́ угодно. Положеніе дѣла ухудшается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что въ Монголіи широко практикуется система

„конверсій“ долговыхъ обязательствъ, о которой мы уже говорили. Эти конверсіи запутываютъ дѣло и могутъ превратить первоначальное обязательство на 1 ланъ въ искъ на 10 лановъ, если не больше. Русскіе консулы въ своей практикѣ по поддержкѣ исковыхъ претензій придерживаются нормъ русскаго закона, запрещающаго брать свыше 12%. Но въ Монголіи купцы рѣдко берутъ проценты открыто; ссуды и долги обыкновенно бываютъ „безпроцентными“, но за то при договорѣ о ссудѣ и особенно при „конверсіяхъ“ и пересрочкахъ долговыхъ обязательствъ практикуется система увеличенія капитала займа и пониженной расцѣнки монгольскаго сырья при повышенной расцѣнкѣ фабриката или лапа серебра. При такихъ сдѣлкахъ 12% легко могутъ превратиться въ 112%. Формально консулъ ничего не можетъ возразить противъ такой сдѣлки, такъ какъ купецъ воленъ продавать свои товары по какой угодно высокой цѣнѣ, а монголъ воленъ продавать свое сырье за безцѣнокъ. Консулъ вынужденъ поддержать ростовщическую сдѣлку. Одинъ изъ монгольскихъ консуловъ разсказывалъ намъ слѣдующій случай: недавно русскій торговецъ предъявилъ искъ къ монголу на весьма оригинальныхъ основаніяхъ. Предположимъ, что монголъ былъ долженъ купцу 100 гиновъ шерсти. Во-время шерсть не была поставлена и купецъ года черезъ три требуетъ деньги въ количествѣ, значительно превышающемъ 100 гиновъ шерсти, доказывая это тѣмъ, что, если бы монголъ во время отдалъ шерсть, то торговецъ продалъ бы ее по такой то цѣнѣ и получилъ бы опредѣленную сумму денегъ. На эти деньги онъ купилъ бы столько то шкурокъ сурка, которыя были бы проданы на такую то сумму. А на эту сумму купецъ пріобрѣлъ бы снова столько-то шерсти и перепродалъ бы ее за такую-то сумму, и такъ далѣе. Купецъ, кажется, былъ совершенно увѣренъ въ своей правотѣ взять за „безпроцентный“ долгъ, по меньшей мѣрѣ, 1.000%. Къ этимъ непріятнымъ „бытовымъ“ элементамъ кредитныхъ сдѣлокъ въ Монголіи присоединяется также и то обстоятельство, что взысканіе частныхъ долговъ съ монгольскихъ хошуновъ, во-первыхъ, по существу является величайшей несправедливостью и приводитъ къ значительнымъ злоупотребленіямъ, а, во-вторыхъ, на должниковъ, допустившихъ такое взысканіе, падаетъ цѣлый рядъ подъ-часъ ужасныхъ уголовныхъ репрессій.

Теперь ясно, почему консулу непріятно входить въ анализъ такихъ исковыхъ претензій: съ одной стороны, нѣтъ возможности придти къ достовѣрному убѣжденію относительно существа дѣла, при чемъ часто формальная правда можетъ прикрывать вопіющую

житейскую неправду; съ другой, обязанность защищать интересы русскихъ и въ то же время пониманіе, къ какимъ послѣдствіямъ для монголовъ можетъ привести подобная защита. Естественно, что консулы съ неохотой соглашаются на поддержку подобныхъ претензій и всячески стараются погасить такія дѣла. Но это вызываетъ или самоуправство купца, или подкупъ монгольскихъ властей и взысканіе долговъ съ хошуна безъ консульскаго содѣйствія. Отказъ консула поддержать, можетъ быть, совершенно правильный искъ вызываетъ также понятное раздраженіе въ торговой средѣ. „Наши консулы, говорили намъ русскіе въ Монголіи, для монголовъ, а не для русскихъ". Весь этотъ сложный вопросъ о монгольскихъ долгахъ требуетъ тщательнаго урегулированія. Но то предложеніе, которое было сдѣлано русскимъ консуламъ въ Монголіи Императорской Пекинской Миссіей относительнаго полнаго прекращенія кредитныхъ сдѣлокъ между русскими и монголами, какъ этого желаетъ китайское правительство, конечно, не будетъ разрѣшеніемъ вопроса. Эта мѣра находится въ полномъ противорѣчіи съ экономическимъ укладомъ быта Монголіи, а экономическіе законы сильнѣе юридическихъ.

Если бы консульство было доступнѣе для русскихъ, т. е. если бы консульскіе районы были меньше и консульскіе чиновники могли чаще выѣзжать въ хошуны, то русскіе и монголы, при сдѣлкахъ съ русскими, могли бы обращаться къ консулу или къ его уполномоченному съ просьбами объ удостовѣреніи заключаемыхъ сдѣлокъ. Это въ значительной мѣрѣ способствовало бы улучшенію дѣловыхъ отношеній между русскими и монголами. Но, во-первыхъ, какъ мы уже и говорили, консулъ безсиленъ въ своемъ стремленіи подойти ближе къ торгующимъ ,а съ другой—услуги консула цѣнятся довольно дорого. Въ Консульскомъ Уставѣ есть такса оплаты услугъ консула, вывѣшенная между прочимъ и въ помѣщеніи консульствъ. Такса безусловно устарѣла и требуетъ пересмотра для устраненія справедливыхъ нареканій. Конечно, эта такса, которая опредѣляетъ ставки налога на обращеніе въ пользу государственнаго казначейства, должна быть согласована съ дѣйствующимъ закономъ о гербовыхъ и иныхъ пошлинахъ. Но, какъ извѣстно, законъ объ этихъ сборахъ внутри Россіи въ свою очередь вызываетъ массу нареканій, такъ что согласованіе консульской таксы съ таксой гербовыхъ и иныхъ сборовъ существа дѣла не улучшитъ. Въ „Тарифѣ консульскихъ пошлинъ" имѣется весьма характерный параграфъ 21-й: „за вызовъ, повѣстку, объявленіе или иное сообщеніе консульства—1 руб. 50 коп." Вѣдь этой статьей на языкъ русскаго за границей наклеивается гербовая марка въ

1 руб. 50 коп. почти при всякомъ сношеніи русскаго съ консульствомъ, даже если надобность въ этомъ идетъ со стороны консульства. За выдачу паспорта консулъ беретъ три рубля, тогда какъ выдача паспорта по паспортному уставу безплатна, за визу 75 коп. и 2 руб. 25 коп., за выдачу русскому временнаго свидѣтельства на Востокѣ—4 руб. 50 коп., за удостовѣреніе перевода, независимо отъ вознагражденія переводчику, съ листа въ 4 страницы по 25 строкъ по 1 руб. 50 коп. За внесеніе въ актовую книгу разныхъ бумагъ по желанію сторонъ, консулъ беретъ по 3 р. за строку. При искахъ всякихъ категорій и при аппеляціонныхъ дѣлахъ—по 1% съ цѣны иска. При искахъ, не поддающихся оцѣнкѣ—отъ 1 р. 50 к. до 75 р. и дальше въ такомъ же духѣ. При выѣздѣ консула изъ города для допросовъ и осмотровъ на мѣстѣ полагается консулу возмѣщеніе дѣйствительныхъ расходовъ по проѣзду и кромѣ того 12 р. суточныхъ, уполномоченному консула—7 руб. 50 коп., консульскому служителю—4 руб. 50 коп. за каждыя начавшіяся сутки. Такія ставки, конечно, мѣшаютъ живымъ связямъ консульства съ населеніемъ, и тотъ доходъ, который получаетъ отъ консуловъ государственное казначейство, врядъ ли окупитъ тѣ ущербы, которые несетъ торговое дѣло, опутанное массой безсистемныхъ сборовъ.

На русскихъ консулахъ въ Монголіи, какъ и вообще во всемъ Китаѣ, кромѣ тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на каждомъ консулѣ въ силу Консульскаго Устава, возложена обязанность уголовнаго судопроизводства по проступкамъ и преступленіямъ, совершеннымъ русскими на территоріи Китая. Эта обязанность формулирована въ соотвѣтствующихъ Русско-китайскихъ трактатахъ, гдѣ выговорена неподсудность русскихъ китайскому суду, до сихъ поръ орудующему съ пытками даже въ гражданскомъ процессѣ.

Примѣчаніе второе къ ст. 175 Уложенія о наказаніяхъ гласитъ слѣдующее: „По Тянь-Цзинскому трактату съ Китаемъ (2 іюля 1859 года) постановлено: разбирательство всякаго дѣла между русскими и китайскими подданными въ мѣстахъ, открытыхъ для торговли, не иначе должно производиться китайскимъ начальствомъ, какъ сообща съ русскимъ консуломъ или лицомъ, представляющимъ власть Россійскаго правительства въ томъ мѣстѣ. Въ случаѣ обвиненія русскихъ въ какомъ либо проступкѣ или преступленіи, виновные судятся по русскимъ законамъ. Русскіе же подданные, проникнувшіе внутрь Китая и учинившіе тамъ какой либо проступокъ или преступленіе, должны быть препровождены, для сужденія ихъ и наказанія по русскимъ законамъ, на границу или въ тотъ изъ открытыхъ портовъ, въ которомъ есть русскій консулъ. Дополнительнымъ же договоромъ къ Тянь-Цзинскому тракта-

ту сверхъ того постановлено: 1) что въ преступленіяхъ важныхъ, какъ то въ убійствѣ, грабежѣ съ нанесеніемъ опасныхъ раненій, покушеніи на жизнь другого, злонамѣренномъ поджогѣ и т. п., виновные русскіе, по произведеніи слѣдствія, отсылаются въ Россію, для поступленія съ ними по русскимъ законамъ; 2) какъ въ преступленіяхъ важныхъ, такъ равно и въ маловажныхъ, консулъ и мѣстное начальство могутъ принимать нужныя мѣры только въ отношеніи виновныхъ своего государства, но никто изъ нихъ не имѣетъ права ни задерживать, ни отдѣльно разбирать, а тѣмъ болѣе наказывать подданнаго не своего государства".

Въ Монголіи намъ не приходилось слышать жалобъ на консульскій судъ въ уголовныхъ дѣлахъ. Такой судъ возникаетъ, конечно, при наличности явныхъ фактовъ, и торговая среда русскихъ изъ Сибири, еще не привыкшая къ суду присяжныхъ, воспитана на убѣжденіи, сложившемся подъ вліяніемъ коронпаго суда: „око за око, зубъ за зубъ". Въ данномъ отношеніи консулъ имѣетъ полную возможность воздать каждому по дѣламъ его, въ особенности если во-время будутъ собраны свѣдѣнія объ обстоятельствахъ дѣла. Уголовныя дѣла среди русскихъ въ Монголіи—исключительные случаи. Консулу больше всего приходится считаться не съ преступленіями, какъ отдѣльными фактами, но съ порочнымъ и позорящимъ русское имя поведеніемъ русскихъ. Такая порочность обыкновенно проявляется въ ростовщичествѣ и обираніи монголовъ, въ предъявленіи ложныхъ или повторныхъ исковъ и т. д. Здѣсь консулу приходится дѣйствовать довольно сурово, дабы другимъ неповадно было. Суровость вызывается особыми условіями торговли въ Монголіи и общимъ культурнымъ уровнемъ торговой среды. Объ этомъ мы уже достаточно говорили. Консулъ обычно пресѣкаетъ зло въ самомъ корнѣ: русскій высылается изъ предѣловъ Монголіи, часто съ запрещеніемъ навсегда въѣзжать въ эту страну. Но эта мѣра въ рукахъ консула, который врядъ ли можетъ знать, что дѣлается въ его обширномъ округѣ, иногда остается бумажной мѣрой: высланный русскій самовольно возвращается въ Монголію, и у консула нѣтъ средствъ привести свою мѣру въ дѣйствительное исполненіе. Когда приходилось говорить съ русскими о случаяхъ подобныхъ высылокъ, то, обыкновенно, разсказывали такія подробности дѣла, что было ясно одно: чаша консульскаго терпѣнія переполнялась и консулъ подписывалъ приказъ о высылкѣ.

Но среди русскихъ приходилось слышать выраженія неудовольствія по поводу консульскихъ рѣшеній по дѣламъ гражданскимъ. И на самомъ дѣлѣ, для рѣшенія сложныхъ гражданскихъ казусовъ требуется соотвѣтствующая подготовка, каковой консулы

въ большинствѣ случаевъ не обладаютъ, такъ какъ они рѣдко имѣютъ юридическое образованіе. Съ другой стороны, консулъ или долженъ выступить въ роли третейскаго судьи, что опять въ гражданскомъ дѣлѣ требуетъ юридической подготовки, или онъ выступаетъ вообще судьей, примѣняющимъ нормы русскаго права. Но природа дѣлъ, родившихся въ особой обстановкѣ Монголіи, не всегда дѣлаетъ цѣлесообразнымъ строгое примѣненіе русскаго закона, выработаннаго въ иныхъ условіяхъ и разсчитаннаго на другую среду. По нашему мнѣнію, русскому консулу въ Монголіи выгоднѣе держаться пріемовъ англійской юстиціи, гдѣ для гражданскихъ дѣлъ допущенъ присяжный судъ, т. е. судъ внутренняго убѣжденія, учитывающаго всѣ мѣстныя и индивидуальныя особенности казуса. Вообще было бы выгоднѣе для дѣла замѣнить единоличный консульскій судъ или единоличнымъ судомъ юриста, прикомандированнаго къ консульству, и что еще лучше, единоличный судъ консула замѣнить судомъ коллегіи изъ консула и выборныхъ изъ среды торговаго общества. Въ обществѣ-оріенталистовъ недавно былъ сдѣланъ докладъ Э. Л. Беренсомъ о нашемъ консульскомъ судѣ на Дальнемъ Востокѣ. Г. Беренсъ пришелъ къ такимъ же отрицательнымъ выводамъ, какъ и мы. Судя по краткому отчету „Торгово-Пром. Газеты“, г. Беренсъ проводилъ въ своемъ докладѣ слѣдующія мысли:

„Дѣятельность русскихъ консуловъ регулируется главнымъ образомъ консульскимъ уставомъ, весьма неполнымъ, содержащимъ много противорѣчій, неточностей, неясностей. Въ виду этого и правильное отправленіе правосудія нашими консулами весьма затруднительно. Положеніе ухудшается тѣмъ, что нуждающійся въ разъясненіяхъ и толкованіи консульскій уставъ разъясняется и толкуется различно. Наши консула получаютъ самыя несогласныя другъ съ другомъ инструкціи отъ часто смѣняющихся начальниковъ Императорской миссіи въ Пекинѣ. При этомъ консуламъ во многихъ случаяхъ предоставлена слишкомъ малая доля самостоятельности. Всѣ эти недостатки тяжело отзываются на развитіи нашей торговли на Дальнемъ Востокѣ, которая необходимо должна опираться на кредитъ. Неудивительно поэтому, что въ погонѣ за преобладаніемъ надъ рынкомъ Дальняго Востока Россія не можетъ занять болѣе выгоднаго положенія сравнительно съ другими державами, юрисдикція консуловъ которыхъ регулируется весьма подробно и точно. Всѣ свои положенія докладчикъ иллюстрировалъ примѣрами изъ собственной консульской практики. Въ заключеніе докладчикъ указалъ на желательность скорѣйшаго созданія особыхъ органовъ въ вѣдомствѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ,

могущихъ удовлетворить запросамъ времени въ сферѣ реформъ въ смыслѣ усиленія гарантій законности и правопорядка въ нашихъ консульскихъ округахъ на Дальнемъ Востокѣ".

Для разбора дѣлъ между русскими и туземцами существуютъ въ Монголіи особые совмѣстные суды русскихъ консуловъ и мѣстныхъ властей, а въ Сойотіи—съѣзды русскихъ чиновниковъ отъ Усинскаго пограничнаго округа и сойотскихъ чиновниковъ.

Въ Монголіи для болѣе важныхъ дѣлъ съѣзжаются консулъ и дзурганъ, для мелкихъ дѣлъ посылаются въ хошунъ переводчикъ консульства и мэринъ. Отвѣтчики и жалобщики обычно вызываются для дачи личныхъ показаній.

Эти учрежденія функціонируютъ въ общемъ неудовлетворительно, но не по винѣ русскихъ. Слишкомъ велика разница въ культурномъ типѣ русскаго, китайца и монгола, слишкомъ противорѣчивы правовые принципы и нормы, которые опредѣляютъ дѣятельность этихъ смѣшанныхъ судебныхъ комиссій. Въ Монголіи до сихъ поръ судъ и расправа являются источникомъ „кормленія" для тамошнихъ „воеводъ"—китайскихъ и монгольскихъ властей. Съ другой стороны, даже гражданскій процессъ въ Монголіи допускаетъ пытку, какъ способъ добиться правды, и уголовную репрессію, какъ возмездіе за сдѣланное правонарушеніе гражданскаго свойства. Судъ для монгола—источникъ обиды, оскорбленій и даже увѣчій; кромѣ того судъ можетъ раззорить монгола до тла. Особенно усердствуютъ въ этомъ отношеніи китайскія власти. Въ смѣшанныя судебныя комиссіи съ участіемъ представителя отъ русскаго консула представитель туземныхъ властей назначается китайскими властями. Обыкновенно консулъ ходатайствуетъ о назначеніи монгольскаго чиновника, но власти командируютъ китайца. Монголъ-чиновникъ все-же ближе стоитъ къ монголу и не допуститъ такого обирательства, которымъ ознаменовывается судебная и административная дѣятельность китайскаго чиновника. Поэтому участіе консула въ такихъ смѣшанныхъ судахъ, предусмотрѣнныхъ трактатами, по необходимости принижаетъ авторитетъ консула и незаслуженно набрасываетъ тѣнь подозрѣній и на консульскій судъ. Плохо поставлено и дѣло исполненія судебныхъ приговоровъ. Китайцы заинтересованы только въ получкѣ „бакшиша" съ правыхъ и виноватыхъ, русскій консулъ обладаетъ минимальной дозой исполнительной власти. Въ особенности плохо поставлено дѣло взысканія по присужденнымъ искамъ. Въ Монголіи и Сойотіи купцы сообщали, что иногда русскіе истцы не могли получить присужденныхъ суммъ по 5—10 лѣтъ.

Въ Сойотіи съѣзды чиновниковъ бываютъ на Чжакулѣ, Хая-Бажи, Туранѣ и за послѣднее время также на Салданѣ. Отъ сойотовъ пріѣзжаютъ: главный мэринъ и отъ каждаго сумона по мэрину, дзалану, дзангѣ и писарю (бечече). Обыкновенно отъ каждаго сумона ставится на время съѣзда по юртѣ для проживанія чиновниковъ. Отъ русскихъ пріѣзжаетъ Усинскій пограничный начальникъ или его помощникъ и переводчикъ. Сойотскіе съѣзды функціонируютъ малоудовлетворительно. Они собираются рѣдко и съ большимъ трудомъ. Въ назначенный срокъ обыкновенно всѣ сойотскіе чиновники не съѣзжаются, пріѣхавшіе ждутъ остальныхъ дни и недѣли, теряютъ терпѣніе и иногда разъѣзжаются. Если большинство съѣхалось, дается знать въ село Усинское и тогда пріѣзжаетъ пограничный начальникъ или его помощникъ. Обычно послѣдній не остается на все время съѣзда, а, разобравъ первыя дѣла, поручаетъ остальныя переводчику.

Русскіе подаютъ жалобы на сойотовъ пограничному начальнику, который и рѣшаетъ, направлять ли дѣло въ съѣздъ или послать его сойотскимъ властямъ. При назначеніи дѣла на съѣздъ вызываются отвѣтчики, истцы и свидѣтели. Исполненіе рѣшеній съѣзда объ уплатѣ долга поручается сойотскимъ чиновникамъ, однако фактически присужденіе истцу уплаты исполняется далеко не всегда, и иногда русскому приходится ждать года, пока, наконецъ, онъ получитъ то, что полагается. Намъ приводили случаи, когда присужденные съѣздомъ долги не уплачивались по 6 лѣтъ. По свидѣтельству Усинскаго начальника, встрѣчаются случаи, когда взысканіе долга тянулось по 10—15 лѣтъ.

При разборѣ дѣлъ на съѣздахъ широко практикуются пытки обвиняемыхъ, доказчиковъ и должниковъ. Истязанія сойотовъ ихъ чиновниками сопровождаются криками и стонами, которыхъ не могутъ выдержать нервы русскихъ. Картина съѣздовъ переноситъ очевидцевъ въ далекія времена средневѣковой инквизиціи.

Оставляя въ сторонѣ судебную организацію, имѣющую прямое отношеніе къ русско-монгольской торговлѣ, мы должны замѣтить, что консульство, какъ таковое, врядъ-ли въ условіяхъ монгольскаго быта и своеобразнаго строя торговыхъ отношеній можетъ быть особенно полезно русскимъ торговцамъ. Консульство въ его современномъ составѣ и при дѣйствующемъ Консульскомъ Уставѣ трудно подвинуть ближе къ торгующему классу, трудно привить дипломатическимъ чиновникамъ живой и дѣятельный интересъ къ торговому дѣлу. А, кромѣ того, забота о „выгодахъ Россійской торговли" предполагаетъ и основательную подготовку для того, чтобы эта забота могла сопровождаться положительными результатами. Агентъ

правительства, надзирающій за торговлей, долженъ все время разъѣзжать по торговымъ ставкамъ, видѣть все и вездѣ и вездѣ быть готовымъ подать полезный совѣтъ и оказать своевременную защиту. Въ цѣляхъ достиженія такихъ необходимыхъ задачъ дипломатическій консулъ долженъ превратиться въ торговаго консула, дѣятельность котораго должна имѣть близкую связь съ тѣми органами, которые вѣдаютъ и создаютъ экономическую политику страны. Дипломатія же должна занять позицію вспомогательной организаціи, выступающей на сцену тогда, когда нарушаются общіе интересы, когда возникаютъ принципіальные вопросы или когда становится яснымъ, что купецъ долженъ уступить на время свое мѣсто солдату.

Въ своей дѣятельности консулъ опирается на самихъ купцовъ. Въ настоящее время, какъ мы уже и замѣтили, между двумя этими элементами нѣтъ необходимой связи. Консулъ лишенъ возможности собрать простыя свѣдѣнія о положеніи торговли во ввѣренномъ ему округѣ. Правда, русско-монгольское купечество имѣетъ кое-какую организацію, стоящую въ прямомъ подчиненіи у консула. Въ Кобдо, Улясутаѣ и Ургѣ торгующіе русскіе организованы въ торговыя общества, имѣющія выборнаго старшину. Но задачи и цѣли этой организаціи неопредѣленны, компетенція общаго собранія и старшины не поддается точному опредѣленію. Обыкновенно, общее собраніе торгующихъ созывается для выборовъ старшины; иногда консулъ собираетъ такое же собраніе для объявленія какого-нибудь общаго дѣла или для выясненія общаго вопроса. Старшина прежде всего является органомъ, передающимъ распоряженія консула, его повѣстки, объявленія. Старшина играетъ роль мирового судьи въ личныхъ пререканіяхъ членовъ русской колоніи, рѣшаетъ въ качествѣ старшаго члена торговой семьи мелкія дѣла, ходитъ по жалобамъ русскихъ въ монгольскія и китайскія полицейскія учрежденія (ямыни) для выясненія тѣхъ недоразумѣній, въ которыхъ замѣшаны русскіе, словомъ—въ идеѣ—это полезный и необходимый органъ торговаго быта и общежитія. Но консульства совсѣмъ не приложили усилій къ тому, чтобы развить эту организацію и укрѣпить ея значеніе. Путемъ воспитанія этой организаціи возможно было бы постепенно привести ее къ типу солидной общественной организаціи, полезной и купечеству, и особенно консульству. Можно было бы, дѣйствительно, насадить въ монгольскихъ городахъ купеческое самоуправленіе, которое обслуживало бы общія нужды колоніи. Кромѣ того, такая организація могла бы постепенно пріобрѣсти значеніе биржевого комитета и спаять разрозненные элементы торгующихъ въ Монголіи, поднять

чувство профессіональной чести и достоинства. Правда, русскіе, торгующіе въ Монголіи, разбросаны по всѣмъ хошунамъ, живутъ вдали другъ отъ друга, но этотъ дефектъ можно было бы устранить тѣмъ, что ячейкой организаціи явились бы городскіе торговцы. Хошунные торговцы то и дѣло наѣзжаютъ въ города по своимъ торговымъ дѣламъ; было бы возможно организовать періодическіе общіе съѣзды. Въ іюнѣ 1910 года въ г. Кобдо былъ такой общій съѣздъ торговцевъ, на которомъ были и хошунные торговцы. Старшина обыкновенно не получаетъ за свою службу никакого вознагражденія и несетъ выборную должность изъ-за почета. Только въ Кобдо недавно сдѣлали попытку положить страшинѣ жалованье въ 600 рублей въ годъ, собравъ эту сумму путемъ самообложенія. Избранный старшина заявилъ собранію купцовъ, что жалованье онъ беретъ не на личные расходы, а на удовлетвореніе общихъ нуждъ русской колоніи. На самомъ дѣлѣ, русскіе въ Монголіи живутъ безъ аптекъ, безъ фельдшера, безъ газетъ, книгъ и журналовъ. Въ этомъ отношеніи для энергичнаго старшины—широкій просторъ для дѣятельности, причемъ такая дѣятельность не можетъ вызвать особенно большихъ хлопотъ. Если впослѣдствіи будутъ организованы торговыя палаты и биржевые комитеты, то купеческія организаціи въ самой Монголіи могутъ сдѣлаться весьма полезными агентами въ смыслѣ проведенія тѣхъ начинаній, которыми будетъ отмѣчена дѣятельность проектируемыхъ палатъ. Слѣдовательно, эти естественныя организаціи русскихъ въ Монголіи, при созданіи для нихъ нормальныхъ условій здороваго роста, будутъ въ высшей степени полезны и для консульства, и для самого купечества, и, наконецъ, для болѣе широкихъ организацій. Кромѣ того, купеческія общества въ Монголіи могли бы шире развить свою дѣятельность въ качествѣ третейскихъ судовъ, въ качествѣ нотаріусовъ для мелкихъ кредитныхъ сдѣлокъ съ монголами и китайцами и вообще могли бы внести болѣе порядка и приличія въ бытовыя отношенія русско-монгольской торговли. Тѣ же самыя организаціи могли бы выступить на путь общественнаго предпринимательства, устроивъ общественныя шерстомойни, салотопенные заводы, маслобойки, завести свои сѣнокосилки, наконецъ, устроить свои библіотеки, клубы, общія бани, такъ какъ сейчасъ каждый купецъ строитъ курную баньку только для себя, и т. д. Словомъ, купеческое общество въ значительной мѣрѣ могло бы скрасить свою жизнь проявленіемъ даже миніатюрной иниціативы. Въ этомъ отношеніи русскіе должны поучиться у китайцевъ, которые живутъ между собою дружно и умѣютъ поддерживать авторитетъ своихъ торговыхъ старшинъ.

Правда, и у русскихъ имѣется успѣшно дѣйствующій институтъ торговаго общества съ выборными торговыми старшинами. Торговая слобода Кяхта на основаніи ст. 944 Устава Таможеннаго организована въ общество, которое избираетъ коллегію старшинъ въ числѣ трехъ и болѣе и двухъ къ нимъ кандидатовъ. Въ сношеніяхъ съ правительственными мѣстами эти старшины пользуются правами городскихъ общественныхъ управленій, имѣютъ право прямыхъ ходатайствъ по дѣламъ торговли съ Китаемъ, разбираютъ и рѣшаютъ споры по торговлѣ, возникающіе между русскими и китайскими купцами въ Кяхтѣ, вѣдаютъ особый сборъ на общественныя потребности, причемъ общее собраніе купцовъ по своей волѣ устанавливаетъ и основаніе сбора, и его раскладку. Кромѣ того, кяхтинское торговое общество выступаетъ въ качествѣ предпринимателя, такъ какъ оно имѣетъ ширельную [1]) и другія артели, занимающіяся въ Кяхтинскомъ гостинномъ дворѣ; у нихъ имѣется противопожарная организація, общественныя зданія, сады, аптека и т. д. Кяхта стоитъ на самой границѣ съ Монголіей и благодаря своимъ старшинамъ выглядитъ очень культурно. Въ Кошъ-Агачѣ мы демонстрируемъ свое убожество, въ Кяхтѣ—мы выглядимъ культурнымъ уголкомъ. Одинъ изящный и прекрасный снаружи и внутри Кяхтинскій соборъ, а также цѣнный во многихъ отношеніяхъ Кяхтинскій музей говорятъ безъ словъ за то, что тамъ, гдѣ люди живутъ въ удачной организаціи, не подавляющей личности, тамъ и общая обстановка жизни дѣлается уютнѣе и приглядиѣе.

Изъ китайскихъ и монгольскихъ учрежденій, имѣющихъ отношеніе къ русско-монгольской торговлѣ, слѣдуетъ отмѣтить хошунныя управленія, монгольскія и китайскія полицейскія учрежденія. Въ этихъ оффиціальныхъ мѣстахъ русскіе иногда свидѣтельствуютъ кредитные документы, обращаются къ нимъ для полученія содѣйствія при взысканіяхъ долговъ, съ жалобами на монголовъ, съ просьбами воспользоваться монгольскими почтовыми лошадьми и т. д. Такъ какъ въ Монголіи большее значеніе до сихъ поръ имѣютъ лица, а не законы и учрежденія, то обыкновенно торговые люди заводятъ въ монгольско-китайской оффиціальной средѣ полезныя знакомства, а затѣмъ при помощи такихъ знакомствъ и вершатъ свои дѣла. Монгольскія же хошунныя управленія время отъ времени, какъ мы уже говорили, вступаютъ съ русскими торговцами въ кредитныя сдѣлки. Торговые трактаты, какъ бы они подробно не регламентировали положеніе русскихъ въ Монголіи, все же не могутъ предусмотрѣть всякую бытовую и торговую деталь.

---

[1]) Артель по переукупоркѣ чаевъ.

Все это приходится улаживать путемъ частныхъ соглашеній, договоровъ и, конечно, взятокъ. Поэтому между русскими торговцами и оффиціальными мѣстами Монголіи всегда идутъ довольно оживленныя сношенія. Конечно, чѣмъ меньше этихъ сношеній, тѣмъ лучше, но для этого необходимо шире и опредѣленнѣе выговаривать права русскихъ въ торговыхъ и политическихъ трактатахъ. Въ будущемъ, когда вопросъ о документированіи кредитныхъ сдѣлокъ встанетъ на очередь и поддастся какому-нибудь регламентированію, китайско-монгольскія организаціи и оффиціальныя учрежденія, по всей вѣроятности, окажутъ большое вліяніе на судьбы русско-монгольской торговли. Замѣтимъ кстати, что монголы очень не любятъ этихъ учрежденій, гдѣ съ нихъ берутъ чуть не послѣднюю рубашку и гдѣ ихъ бьютъ нещадно. Не даромъ противъ каждаго ямыня стоятъ клѣтки для пытокъ, висятъ огромныя нагайки и плети, такъ щедро разгуливающіяся по спинамъ долготерпѣливыхъ монголовъ!

Китайскіе и монгольскіе сборы и налоги не затрогиваютъ русско-монгольской торговли, такъ какъ на основаніи дѣйствующаго договора русская торговля во всей Монголіи свободна отъ пошлинъ. Но китайская торговля и китайскіе торговые караваны облагаются сборами на содержаніе китайскихъ властей и на другія нужды. Эти сборы часто носятъ натуральный характеръ поставокъ товарами во дворъ амбыней и дзянь-дзюня. Нѣкоторые китайцы, разсказывавшіе намъ объ этихъ сборахъ, шепотомъ говорили о томъ, что эти сборы хуже всякихъ поборовъ. Въ Кобдо китайскія торговыя фирмы уплачиваютъ по 1 чаю съ каждаго вьючнаго верблюда, входящаго и выходящаго изъ Кобдо.

По разсказамъ управляющаго одной крупной китайской фирмы, на главныя китайскія предпріятія въ Кобдо тяжелымъ бременемъ ложится содержаніе амбыня; данная фирма содержитъ амбыня въ теченіе мѣсяца, что обходится въ 500 ланов серебра. Амбынь беретъ серебромъ или товаромъ, причемъ товары онъ оцѣниваетъ на 70% ниже ихъ стоимости. Кромѣ того, Кобдоскія фирмы посылаютъ ежегодно въ Пекинъ по 30 лошадей лучшаго качества.

Въ Улясутаѣ съ китайскихъ привозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ взимается по 3 цена 2 фына съ каждаго вьючнаго верблюда.

Слѣдуетъ отмѣтить еще существованіе двухъ китайскихъ маклерскихъ конторъ въ Улясутаѣ. Одна громадная, имѣющая массу служащихъ, большія помѣщенія, занимающія ¼ часть Улясутая. Эти помѣщенія отдаются внаймы китайскимъ купцамъ, по-преимуществу изъ Куху-Хото. Арендная плата за помѣщеніе невысокая;

купцы получають отъ конторы и полный пансіонъ. Имѣются склады для привозимыхъ товаровъ. Служащіе конторы—маклера; ихъ задача узнавать цѣны, устраивать сдѣлки. Со всякой сдѣлки они получаютъ 1%, большею частью 2 фына съ лана. Они зорко слѣдятъ за тѣмъ, чтобы помимо ихъ не заключались сдѣлки, дабы не лишиться своихъ процентовъ. Русскіе стараются по возможности обойтись безъ такихъ посредниковъ, но, если это не удается, то приходится платить куртажъ, причемъ часто маклера берутъ куртажъ съ обѣихъ сторонъ.

Дѣятельность маклеровъ при вызнаваніи цѣнъ часто приноситъ вредъ: они играютъ на повышеніе, сообщая, что такой-то даетъ столько-то, а такой-то—столько. Бо́льшая контора носитъ названіе „Батырь-дянь"; въ ней 2 хозяина и 5 служащихъ. Другая контора „Хайту-дянь", около 6 служащихъ и два хозяина. Недавно открыта третья контора „Шини-дянь" съ однимъ хозяиномъ и 3 служащими. Въ большихъ хурэ роль маклеровъ играютъ ламы, перепродающіе товаръ своихъ родныхъ и знакомыхъ.

Однимъ изъ самыхъ больныхъ мѣстъ русско-монгольской торговли является недостаточное обслуживаніе ея почтово-телеграфными учрежденіями. Китайское центральное правительство ничего не сдѣлало для Монголіи, кромѣ посылки туда арміи чиновниковъ, истощающихъ жизненные соки Монголіи своими поборами. Ту же роль играетъ и хищное хозяйство монгольскихъ властей. Вслѣдствіе этого Монголія лишена въ области необходимыхъ общеполезныхъ предпріятій всѣхъ элементарныхъ аттрибутовъ современнаго культурно-экономическаго обихода.

Въ области почтово-телеграфныхъ сообщеній въ современной Монголіи имѣется слѣдующая организація. Оффиціальныя сношенія китайско-монгольскихъ властей совершаются на такъ называемыхъ уртэ и сумонахъ. Это—курьерская почта. Пользованіе ею для нуждъ коммерческаго оборота доступно только китайскимъ торговцамъ, но и то въ прямое нарушеніе закона. Китайская почта организована между Калганомъ, Ургой и Кяхтинскимъ маймаченомъ. Здѣсь ходитъ китайская почта, открытая для всеобщаго пользованія. Почтовая корреспонденція оплачивается почтовыми марками. Этой почтой пользуются только одни китайцы, такъ какъ русскіе, во-первыхъ, не довѣряютъ китайскимъ учрежденіямъ, а во-вторыхъ, въ томъ же направленіи дѣйствуетъ и русская почта, организованная посольствомъ въ Пекинѣ. На эту посольскую почту изъ русскаго государственнаго казначейства ежегодно ассигнуется 21.000 р. Было время, когда эта почта, дѣйствительно, была необходимой, такъ какъ черезъ нее шли сношенія русскаго правительства съ Ки-

таемъ. Но въ данное время эти сношенія съ бо́льшими удобствами и быстротой идутъ черезъ Манчжурію, такъ что почта отъ Урги до Калгана является роскошью, съ которой давно пора разстаться. И съ точки зрѣнія коммерческихъ интересовъ эта почта является излишней, такъ какъ между Ургой и Калганомъ существуетъ китайская почта, открытая для публичнаго пользованія.

Остальная Монголія остается безъ почты и телеграфа. Послѣдніе телеграфные столбы стоятъ въ Кошъ-Агачѣ и въ Кяхтѣ. Правда, отъ Кяхтинскаго маймачена черезъ Ургу на Калганъ тянется проволока телеграфа, построеннаго по концессіи, данной одной датской компаніи. Но услуги этого телеграфа цѣнятся крайне высоко: телеграмма изъ Урги въ Россію по этому телеграфу стоитъ около рубля за слово, что исключаетъ возможность живого обмѣна депешами русскихъ торговцевъ въ Монголіи съ Россіей и заграницей. Правда, русскіе въ Ургѣ стараются избѣгать этого высокаго международнаго тарифа тѣмъ, что посылаютъ свои депеши по внутреннему тарифу до Кяхтинскаго маймачена по 16 коп. за слово. Телеграмма, назначенная изъ Урги въ Кяхту или вообще въ Россію, изъ Урги направляется въ Кяхтинскій маймаченъ какой-нибудь китайской комиссіонной фирмѣ, а эта послѣдняя отправляетъ ее съ посыльнымъ въ Кяхту на телеграфъ, причемъ за комиссію беретъ обыкновенно 50 коп. Въ концѣ мая 1911 г. въ печати было оглашено извѣстіе о томъ, что пекинское правительство выразило желаніе присоединиться къ почтовому союзу. Быть можетъ, это присоединеніе создастъ въ Китаѣ болѣе нормальныя условія для развитія почтово-телеграфнаго сообщенія.

Открытіе почтово-телеграфной конторы въ Кошъ-Агачѣ, конечно, вызвано соображеніями о нуждахъ русско-монгольскаго торговаго оборота и вообще обусловлено необходимостью имѣть какое-нибудь сообщеніе съ Монголіей. Телеграфъ въ Кошъ-Агачѣ отправляетъ и принимаетъ по двѣ тысячи телеграммъ въ годъ. Мѣстное телеграфное сообщеніе, конечно, совершенно ничтожно; Кошъ-Агачъ—крохотный поселокъ, такъ что почти всѣ телеграммы, которыя посылаются черезъ Кошъ-Агачъ, транзитныя. Но доступъ къ этому телеграфу очень трудный. Если русскій изъ Монголіи хочетъ отправить депешу въ Россію, то ему придется нанять нарочнаго и послать его изъ Кобдо или Улясутая въ Кошъ-Агачъ на телеграфъ. Телеграмма обойдется очень дорого и потребуетъ значительнаго времени на доставку. Точно также и телеграммы въ Монголію черезъ Кошъ-Агачъ доставляются адресатамъ съ нарочнымъ или съ оказіей. А оказія бываетъ сравнительно рѣдко, такъ что иногда телеграмма теряетъ всякій смыслъ. Одному изъ членовъ

нашей экспедиціи была послана телеграмма черезъ Кошъ-Агачъ въ іюнѣ мѣсяцѣ; изъ Кошъ-Агача депеша пошла съ оказіей и была доставлена въ Ургѣ въ самомъ концѣ августа мѣсяца.

Не въ лучшемъ положеніи находится и почтовое сообщеніе съ Монголіей черезъ Кошъ-Агачъ. Почтовая неурядица начинается съ самаго Бійска. Бійскъ—довольно замѣтный торговый городъ южной части Томской губерніи, но почта въ этотъ городъ иногда ходитъ не каждый день, а три раза въ недѣлю. Такъ было, напр., весною 1911 года. Изъ Бійска почта идетъ въ Алтай уже на лошадяхъ, на лошадяхъ же она доставляется и въ Кошъ-Агачъ. Почта здѣсь дѣлится на тяжелую, перевозящую посылки, и легкую. Свои рейсы почта совершаетъ очень рѣдко.

Кромѣ того, тяжелая почта ограничена предѣльнымъ вѣсомъ въ 6 пуд. на пару лошадей. Слѣдовательно, черезъ Кошъ-Агачъ можно доставить весьма ограниченное количество посылокъ. Это обстоятельство имѣетъ существенное значеніе для русско-монгольской торговли Дѣло въ томъ, что эта послѣдняя имѣетъ большую надобность въ почтовыхъ посылкахъ для отправки изъ Монголіи мѣховъ и въ Монголію—серебра. Въ 1910 г. черезъ Кошъ-Агачъ въ Монголію русскіе вывезли только черезъ Сибирскій торговый банкъ и Русско-Китайскій банкъ 700 пудовъ серебра. Почта не въ состояніи доставить срочно и это количество серебра, но по отзывамъ чуйцевъ 700 пудовъ имъ хватаетъ только на три—четыре мѣсяца. Въ остальное же время имъ приходится покупать серебро въ самой Монголіи у китайскихъ купцовъ на русскія бумажныя деньги. При этомъ китайцы продаютъ русскимъ по высокимъ цѣнамъ низкосортное серебро, и русскіе переплачиваютъ на пудѣ китайскаго серебра отъ 20 до 50 руб. Кромѣ того, такое состояніе почты мѣшаетъ купцамъ закупать серебро, пользуясь колебаніями курсовъ. Выгоды на курсахъ и на торговлѣ серебромъ попадаютъ цѣликомъ въ руки китайцевъ, которые къ тому же переплавляютъ наше превосходное „гамбургское" серебро въ „черное" китайское и на этомъ наживаютъ приличную прибыль. Если бы почта отъ Бійска до Кошъ-Агача ходила чаще и принимала посылки безъ ограниченія вѣса, то русскіе въ Западной Монголіи сразу могли бы занять на денежномъ рынкѣ Монголіи прочную и выгодную позицію и освободиться отъ невыгодной зависимости у китайцевъ. Въ настоящее же время русскіе везутъ съ собой серебро, часто мѣсяцами лежащее совершенно безъ дѣла и наносящее убытокъ купцу. Перевозка огромныхъ количествъ серебра вызываетъ большія затрудненія въ смыслѣ риска доставки и найма лошадей для перевозки, такъ какъ Чуйскій трактъ—очень пустынное мѣсто и Чуй-

скіе ямщики—монополисты по перевозкѣ. Приходится гнать своихъ лошадей, которыя въ Монголіи стоятъ безъ дѣла. По поводу пассажирскаго передвиженія по Чуйскому тракту одинъ чуецъ недавно писалъ въ бійской газетѣ „Алтай“ слѣдующее:

„Весьма незавидно бываетъ положеніе проѣзжающаго по Чуйскому тракту. Въ настоящее время у насъ изъ Бійска до Кошъ-Агача ходитъ почта, а также организованы земскія станціи, которыя содержатъ нѣсколько алтайскихъ волостей и дючинъ. При всемъ кажущемся благоустройствѣ тракта, частнымъ проѣзжающимъ нѣтъ никакой возможности проѣхать, нанимая лошадей на станціяхъ за опредѣленную плату у содержателей станцій, ибо правильно-установленной таксы нѣтъ. Помимо содержателей станцій, на сторонѣ лошадей нанять нѣтъ возможности, за отсутствіемъ русскаго населенія, поэтому полнымъ „господиномъ“ надъ проѣзжающимъ является содержатель станціи: проситъ онъ съ него, сколько „Богъ на душу положитъ“. Немало бывало, напр., такихъ случаевъ, что приходилось платить на станкѣ, т. е. за пару лошадей, 25 рублей—по 1 рублю за версту, тѣмъ болѣе, что проѣзжающему приходилось выбирать одно изъ двухъ золъ: или идти пѣшкомъ, или же платить такую бѣшеную цѣну. Въ силу такого неограниченнаго произвола ямщиковъ, всѣмъ частнымъ проѣзжающимъ по Чуйскому тракту, большинство которыхъ русскіе торговцы въ Монголіи, приходится тащиться со своими лошадями изъ Монголіи до Бійска, кормить ихъ тамъ въ теченіе зимы, и опять тащиться на нихъ же обратно“.

На порядки снабженія серебромъ русскихъ въ Монголіи жалуются и скотопромышленники, которымъ приходится выѣзжать для своихъ операцій по скупкѣ съ грузомъ серебра въ 70 и больше пудовъ. Въ Иркутскѣ запасовъ серебра обыкновенно нѣтъ, нѣтъ даже свѣдѣній о курсахъ серебра. Эти свѣдѣнія время отъ времени, съ промежутками, появляются на страницахъ „Торгово-Промышленной Газеты“, хотя для Сибири было бы полезно имѣть эти свѣдѣнія каждый день въ биржевыхъ телеграммахъ Агентства. Иркутскимъ скотопромышленникамъ, выѣзжающимъ въ Монголію такимъ трактомъ, который совершенно лишенъ почтоваго сообщенія, приходится заказывать серебро въ Москвѣ и отправлять его въ Монголію на вьючныхъ лошадяхъ. Торговецъ, намѣренный взять съ собой 70 пудовъ серебра, долженъ взять и 15 вьючныхъ лошадей. Будь почта и банки въ самой Монголіи, торгующіе избавились бы и отъ неудобствъ, и отъ переплатъ.

Регулярное почтовое сообщеніе, какъ мы уже сказали, обрывается въ Кошъ-Агачѣ. Отъ Кошъ-Агача почта доставляется въ

Монголію, главнымъ образомъ, въ Кобдо и Улясутай, съ оказіями. Крупныя русскія фирмы посылаютъ время отъ времени своихъ нарочныхъ въ Кошъ-Агачъ. Такіе же нарочные посылаются и Улясутайскимъ консульствомъ. Въ Кобдо и Улясутаѣ иногда приказчикъ какой-нибудь фирмы обходитъ русскія квартиры и заявляетъ, что въ такой то день поѣдетъ нарочный въ Кошъ-Агачъ. Разумѣется, нарочный беретъ только письма и телеграммы. Въ Улясутаѣ денежные пакеты направляются черезъ консульство. Главное затрудненіе въ этой организаціи заключается въ томъ, что отправка нарочныхъ стоитъ большихъ денегъ, требуетъ значительнаго времени и, что особенно важно для коммерческаго оборота, совершается крайне нерегулярно. Изъ Монголіи еще можно послать нарочнаго тогда, когда этого требуютъ срочныя обстоятельства. Но какъ можетъ узнать русскій въ Монголіи, что въ Кошъ-Агачѣ получена на его имя срочная и важная депеша или заказное письмо? Такъ какъ русскіе въ настоящее время заняты въ Монголіи по преимуществу скупкой сырья, цѣны на которое устанавливаются въ зависимости отъ конъюнктуры міроваго рынка, то понятно, что почтовыя и въ особенности телеграфныя сношенія для русскихъ въ Монголіи имѣютъ выдающееся значеніе. Консульство точно также имѣетъ настоятельную потребность въ такихъ же сообщеніяхъ. Наконецъ, банки врядъ ли могутъ функціонировать въ Монголіи, не имѣя регулярной связи при помощи телеграфа съ міровымъ рынкомъ.

Неудивительно поэтому, что въ Монголіи всѣ только и говорятъ о почтѣ и телеграфѣ и въ первую голову среди тѣхъ мѣръ, которыя будутъ полезны русско-монгольской торговлѣ, ставятъ проведеніе почты и телеграфа. Лѣтомъ 1910 года улясутайское консульство послѣ долгихъ переговоровъ съ русскимъ управленіемъ почтъ и телеграфовъ получило извѣщеніе отъ начальника томскаго почтово-телеграфнаго округа о томъ, что въ распоряженіе консула въ Улясутаѣ ассигновано 7.000 руб. для организаціи почтоваго сообщенія между Кошъ-Агачемъ и Улясутаемъ съ заѣздомъ въ Кобдо. Предполагалось, что въ Улясутаѣ консульство возьметъ на себя обязанности почтово-телеграфной конторы. Попытки консула В. Ф. Люба организовать почтовыя сообщенія за 7 тысячъ руб. въ годъ при помощи монголовъ разбивались о нежеланіе возчиковъ взять на себя это дѣло за такую скромную сумму. Между Кошъ-Агачемъ и Улясутаемъ съ заѣздомъ въ Кобдо можно считать около 800 верстъ, если не больше. Нужно было организовать легкую и тяжелую почту: легкую разъ въ недѣлю, тяжелую, съ предѣльнымъ вѣсомъ, два раза въ мѣсяцъ. Предложеніе консула русскимъ

взяться за это дѣло было отклонено, такъ какъ дѣло явно стоитъ дороже ассигнованныхъ 7 тысячъ руб. Улясутайскій купецъ А. Г. Бодуновъ предлагалъ консульству организовать дѣло на болѣе широкихъ началахъ, поставивъ для сообщенія автомобили между Кошъ-Агачемъ и Кобдо. Но это предложеніе не было принято, такъ какъ по смѣтѣ оно выходило за предѣлы 7.000 руб. Весной 1911 г. сообщалось въ газетахъ, что передъ Улясутайскимъ консульствомъ было возбуждено новое дѣло объ автомобильной почтѣ между тѣми же пунктами за 10 тысячъ руб. въ годъ. Консульство принципіально приняло это предложеніе; теперь дѣло за почтовымъ вѣдомствомъ. За 7 тысячъ руб. дѣйствительно, наладить почтовое сношеніе между Улясутаемъ и Кошъ-Агачемъ трудно. Передавали, что компанія монголовъ согласилась взять этотъ подрядъ, но, такъ какъ всѣмъ была ясна невыгодность подряда, то опасались, что почта съ монголами просуществуетъ не болѣе одного года.

Не лучше обстоитъ почтовое дѣло и въ Сойотіи. Весь Усинскій край связанъ съ Россіей поѣздками почтаря изъ Григорьевки въ село Усинское 18 разъ въ годъ, за что выдается 797 руб. По частному соглашенію съ купцами, доплачивающими 600 руб., число поѣздокъ почтаря увеличено до 25. Когда почтарь пріѣзжаетъ въ Усинское, это составляетъ цѣлый праздникъ для населенія. Весной и осенью, на 4 мѣсяца распутицы, прекращаются всякія почтовыя сношенія. Такое положеніе вещей совершенно нетерпимо. Цѣлый край, имѣющій оживленныя торговыя сношенія съ Сойотіей и Монголіей, лишенъ правильно функціонирующей почты. Ближайшая къ Усинскому краю и Сойотіи телеграфная станція находится въ Минусинскѣ, что лишаетъ торговцевъ всякой возможности получать современныя извѣстія объ измѣненіяхъ на міровомъ рынкѣ.

Итакъ, почтово-телеграфное сообщеніе въ Западной Монголіи до сихъ поръ остается въ первобытныхъ условіяхъ. Вину въ такомъ положеніи дѣла прежде всего и больше всего нужно приписать русскому почтовому вѣдомству, которое никакъ не можетъ отдѣлаться отъ своей меркантильной политики, тормозящей развитіе главнѣйшаго фактора современной культурной жизни. Исторія русской культуры запишетъ русскую почту XIX и XX вѣка на черную доску.

Среди другихъ оффиціальныхъ учрежденій, имѣющихъ отношеніе къ русско-монгольской торговлѣ, видное мѣсто занимаютъ русскія таможни и карантины. О русскихъ таможняхъ, имѣющихъ

болѣе статистическое, нежели фискальное значеніе, говорится въ другомъ мѣстѣ книги. Остановимся на карантинныхъ учрежденіяхъ.

Карантинныя учрежденія, имѣющіяся въ Кошъ-Агачѣ, около Тунки, въ Кяхтѣ и Усть-Усѣ, играютъ видную роль при ввозѣ монгольскаго сырья въ предѣлы Россіи. Такъ какъ въ Монголіи ветеринарный надзоръ и помощь совершенно отсутствуютъ, то предполагается, что Монголія черезъ свое сырье, скотъ и шкуры животныхъ можетъ наградить Сибирь всевозможными эпидемическими заболѣваніями. Больше всего всегда боялись чумы на рогатомъ скотѣ и на суркахъ, предполагая, что сурковая чума передается человѣку. Въ цѣляхъ охраны Сибири отъ возможныхъ несчастныхъ случайностей монгольскій скотъ, какъ мы уже говорили, подвергается карантину въ указанныхъ мѣстахъ. Помимо этого карантинному надзору особыхъ ветеринарныхъ пунктовъ подвергается и монгольское сырье. Карантинная организація состоитъ изъ правительственныхъ ветеринарныхъ врачей и ихъ помощниковъ. Но средства, которыми вооружена эта карантинная организація, совершенно недостаточны для того, чтобы побѣдить и предотвратить въ случаѣ необходимости дѣйствительную опасность. Особенно это замѣчаніе относится къ надзору за сырьемъ, главнымъ образомъ шерстью и сурковыми шкурками. Обрызгиваніе карболовымъ растворомъ болѣе очищаетъ совѣсть начальника карантина, нежели предотвращаетъ опасность заразы. Когда же пускаютъ въ ходъ вымачиваніе шкуръ въ сулемѣ, то этимъ самымъ причиняютъ вредъ и убытки торговлѣ. Повсюду сознана нужда, неотложная и настоятельная, въ дезинфекціонныхъ камерахъ. Вопросъ объ этихъ камерахъ поставленъ въ данное время на очередь и можно надѣяться, что въ самомъ короткомъ времени существующія организаціи карантиннаго надзора отойдутъ въ область преданій. Этого нужно пожелать отъ души по многимъ соображеніямъ. Не говоримъ уже о томъ, что въ настоящее время карантинъ совершенно не достигаетъ цѣли обезопасить Сибирь отъ заноса эпизоотій изъ Монголіи. Впрочемъ, свѣдущіе люди говорятъ о томъ, что пока еще остается открытымъ вопросъ, кому и отъ кого нужно оберегаться: Сибири ли отъ Монголіи, или наоборотъ. Вѣдь Томская губернія, какъ на это указывалось въ оффиціальномъ совѣщаніи по монгольскому вопросу у томскаго губернатора, является хронически неблагополучной или по чумѣ на скотѣ, или по другимъ эпизоотіямъ. Томская правительственная ветеринарная организація остается или безсильной передъ вѣчными эпизоотіями, или малодѣятельной. Монголія же больше служила въ качествѣ громоотвода.

Пограничный ветеринарный надзоръ имѣетъ еще ту слабую сторону, что онъ не является послѣдовательнымъ и однообразнымъ въ различныхъ пунктахъ русско-монгольской границы. Такъ какъ особенно боятся чумной заразы отъ сурковыхъ шкурокъ, которыя будто-бы могутъ передать чуму человѣку, то громы и молніи ветеринарнаго надзора обыкновенно преслѣдуютъ этотъ основной товаръ. Но странно устроенъ этотъ надзоръ: въ одномъ мѣстѣ границы, напр., въ Кошъ-Агачѣ, сурковыя шкурки пропускались свободно, въ другомъ-подвергались карантинному задержанію и даже полному запрету. Русскіе купцы, имѣющіе дѣло съ суркомъ, утверждаютъ, что не могутъ запомнить случая заразы отъ сурковой шкурки за послѣднія 40 лѣтъ. Но иногда по Монголіи проходили весьма тревожные слухи о томъ, что гдѣ нибудь монгольская семья, полакомившись сурочьимъ мясомъ, заболѣвала чумой. Достаточно было родиться такому страшному слуху, какъ на нашей границѣ сурковый товаръ испытывалъ на себѣ всѣ трудности карантина. Напр., въ 1905 г. прошелъ слухъ о случаѣ передачи суркомъ чумы въ окрестностяхъ Урги. Доступъ сурка въ Россію черезъ Кяхтинскій пограничный карантинъ былъ запрещенъ. Одновременно запретили ввозъ сурка и черезъ станцію Манчжурія, но въ то же время сурокъ совершенно свободно провозился черезъ Кошъ-Агачъ, хотя этотъ сурокъ могъ быть и ургинскаго происхожденія, такъ какъ въ районѣ Кобдо сурка почти совсѣмъ нѣтъ. Кобдинскіе купцы получаютъ его изъ болѣе восточныхъ районовъ Монголіи. „Зачумленный“ сурокъ подвозился къ Кяхтѣ и складывался въ Кяхтинскомъ маймаченѣ. Весной на слѣдующій годъ эти шкурки сушились, развертывались около самой Кяхты русскими рабочими и не было ни одного подозрительнаго по чумѣ случая. Конечно, береженаго и Богъ бережетъ, но купцамъ, имѣющимъ связь съ Кяхтой, правда, было обидно, что Кошъ-Агачъ оставался открытымъ для ввоза сурковыхъ шкурокъ. Въ 1906 году забайкальскій губернаторъ открылъ Кяхтинскую границу для ввоза сурка, но съ тѣмъ условіемъ, чтобы импортеръ представлялъ удостовѣреніе отъ Ургинскаго консульства о томъ, что сурокъ идетъ изъ района, благополучнаго по чумѣ. Это было настоящей бумажной мѣрой. На самомъ дѣлѣ, откуда Ургинское консульство могло знать, что сурокъ идетъ изъ благополучныхъ районовъ? На суркѣ вѣдь не написано, гдѣ онъ собранъ, а купецъ, скупая шкурки, могъ добросовѣстно заблуждаться относительно опасности ввозимаго товара. Но какъ бы то ни было, Ургинское консульство взяло на себя трудъ по выдачѣ такихъ сомнительныхъ свидѣтельствъ. Очевидно, сама администрація мало довѣряла этимъ консульскимъ

завѣреніямъ, и въ 1907 году въ Иркутскѣ была заарестована партія сурка, хотя при партіи, привезенной черезъ Ургу, и было означенное свидѣтельство консула.

Въ Монголіи, собственно говоря, никогда не прекращается чума на рогатомъ скотѣ, была чума въ районѣ Орхона и въ 1910 г. Но скотъ и сырье то ввозятся совершенно свободно, то вдругъ подвергаются строгому карантину или даже полному запрещенію. Но запрещенія ввоза бываютъ не только случайны, но и капризны: въ Кяхтѣ запретятъ, въ Кошъ-Агачѣ откроютъ свободный доступъ. Или сначала запретятъ, а потомъ снова откроютъ. Нужно ли говорить о томъ, какъ эта безсистемная и произвольная защита Сибири отъ монгольскихъ эпизоотій вредитъ русскимъ торговымъ интересамъ? Не говоримъ уже о томъ, что одно запрещеніе ввоза или карантинъ врядъ ли представляютъ изъ себя достаточно универсальное средство для защиты отъ печальныхъ явленій. Намъ разсказывали слѣдующій случай: въ виду полученныхъ въ 1892 г. свѣдѣній о чумѣ рогатаго скота въ Монголіи былъ закрытъ ввозъ сурковыхъ шкурокъ черезъ Кошъ-Агачъ. Это было сдѣлано по распоряженію томскаго губернатора. Купцы были въ отчаяніи. Пробовали ходатайствовать, посылать телеграммы, ничего не помогало. Одинъ изъ купцовъ сдѣлалъ въ шутку предложеніе послать министру внутреннихъ дѣлъ телеграмму съ просьбой о пропускѣ сурковыхъ шкуръ на Нижегородскую ярмарку и съ указаніемъ, что въ противномъ случаѣ всѣ купцы окажутся банкротами. Телеграмма была послана и сурокъ получилъ желанный пропускъ. Условіемъ пропуска было поставлено обрызгиваніе тюковъ товара растворомъ карболовой кислоты. Съ того времени въ Кошъ-Агачѣ сурокъ пропускается свободно съ этимъ невиннымъ опрыскиваніемъ, имѣющимъ болѣе символическое, нежели реальное значеніе. Въ Кошъ-Агачѣ намъ передавали, что карболовую кислоту посылаютъ сюда очень скупо и потому иногда приходится производить это обрызгиваніе водою изъ ведра, которое только пахнетъ карболовой кислотой.

Въ то же время, по разсказамъ чуйцевъ, разыгрался и другой инцидентъ около сурка, связанный съ тѣмъ же самымъ запрещеніемъ ввоза. Когда пришло запрещеніе, русскіе купцы въ Монголіи были поставлены въ весьма затруднительное положеніе. Такъ какъ основаніемъ къ запрещенію была чума, которая, по свѣдѣніямъ торгующихъ, никогда не прекращается въ Монголіи, то купцы, понятно, и не знали, до какого же времени правительство сохранитъ въ силѣ сдѣланное запрещеніе. Цѣны на сурка падали съ каждымъ днемъ, купцы прямо разорялись. Только одинъ ку-

пецъ, въ то время торговый старшина въ одномъ изъ монгольскихъ городовъ, дѣятельно, въ видѣ „благодѣянія“, скупалъ за безцѣнокъ партіи сурка и поддерживалъ слухъ о томъ, что врядъ-ли скоро можно надѣяться на пропускъ этого опаснаго товара. Но потомъ, когда въ рукахъ этого „благодѣтеля“ оказался почти весь сурокъ, онъ, въ качествѣ торговаго старшины, объявилъ, что получена бумага о разрѣшеніи пропуска. Бумага была получена давно, старшина задержалъ ее до тѣхъ поръ, пока весь сурокъ не попалъ въ его руки. На этой „операціи“ были нажиты большія деньги.

Въ Кяхтинскомъ карантинѣ были случаи, когда разрѣшенный къ вывозу сурковый товаръ довозили до Байкала, потомъ снова запрещали и отправляли назадъ, снова пускали и снова возвращали, такъ что временами товаръ валялся на льду Байкала. Дѣло объ этомъ случаѣ доходило до министра внутреннихъ дѣлъ. Въ той же Кяхтѣ, на которую русско-монгольскіе купцы особенно жаловались, запрещали къ ввозу безъ дезинфекціи мытую шерсть, которая свободно пропускалась въ Кошъ-Агачѣ. Вымытую въ Монголіи шерсть въ Кяхтѣ заставляли перемывать подъ наблюденіемъ ветеринарнаго врача въ растворѣ сулемы; купецъ съ своимъ товаромъ долженъ былъ проходить массу мытарствъ. А теперь позволяютъ ввозить совершенно грязную шерсть до Усть-Кяхты. Естественно, что купцы сильно озлоблены на такія мѣры, которыя съ внѣшней стороны имъ кажутся простымъ издѣвательствомъ. Одинъ купецъ изъ-за такихъ мытарствъ сталъ отправлять свое сырье не черезъ Россію, а черезъ Китай.

Въ Кошъ-Агачѣ обрызгиваютъ и ввозимыя кожи, конскія и бычьи, хотя всѣмъ хорошо извѣстно, что въ Монголіи на рынокъ попадаютъ кожи животныхъ, павшихъ отъ чумы. Въ Кяхтѣ къ этимъ кожамъ относятся болѣе строго: здѣсь ввозимыя кожи вымачиваются въ сулемѣ, причемъ для этой операціи пользуются сараями Кяхтинскаго торговаго общества. За эту услугу кяхтинцы берутъ деньги съ импортеровъ. До 1904 года брали по 15 копѣекъ съ крупныхъ кожъ и по 2½ к. съ мелкихъ, а въ настоящее время берутъ съ бычьихъ и конскихъ по 17 коп. и съ овечьихъ—по 5 коп. Кромѣ этого сбора приходится еще платить рабочимъ по 10 коп. съ крупной кожи и по 5 коп. съ мелкой (овечьей и козьей). Слѣдовательно, всѣхъ карантинныхъ расходовъ на крупную кожу падаетъ 27 коп., на мелкую—10 коп. По отношенію къ покупнымъ монгольскимъ цѣнамъ этотъ расходъ будетъ падать отъ 10 до 20% на каждую кожу. Нельзя не согласиться, что такой карантинъ является уже бичемъ для русско-монгольской торговли. Вымачиваніе кожъ и

шкуръ въ растворѣ сулемы, кромѣ того, портитъ товаръ, такъ какъ вымочка производится поздней осенью и зимой, вымоченныя кожи замерзаютъ и портятся. Купцы считаютъ, что послѣ этой операціи баранья шкура теряетъ въ своей цѣнѣ около 14 коп.

Въ концѣ 1910 г. большіе убытки были созданы неожиданными стѣсненіями ввоза сурка, вызванными возникновеніемъ чумы въ Манчжуріи. Объ этомъ газета „Алтай" (1911 г. № 38) разсказываетъ слѣдующее:

„Закончивъ годовыя операціи, чуйскіе купцы выѣхали въ Бійскъ для продажи скупленнаго сырья, не имѣя представленія объ эпидеміи. Караваны съ товарами идутъ обыкновенно до Бійска въ продолженіи всей осени и особенно зимою, какъ время для транспорта самое благопріятное и удобное по экономическимъ соображеніямъ. Естественно, что почти никто изъ нихъ не запасался на товаръ никакими консульскими свидѣтельствами,—носящими, къ слову сказать, одинъ формальный характеръ,— ограничиваясь лишь свидѣтельствами ветеринарнаго врача въ Кошъ-Агачѣ. Какъ велось изъ года въ годъ, сурковыя шкурки благополучно и безъ задержки поступали на міровые рынки: Лейпцигъ, Лондонъ. Правда, въ Манчжуріи—грозная эпидемія, но предѣлы, въ которыхъ наши чуйцы ведутъ торговлю въ Монголіи, отстоятъ отъ Манчжуріи на 2—3 мѣсяца труднаго караваннаго пути, предѣлы, въ которыхъ никакихъ эпидемическихъ заболѣваній не было. Затѣмъ, во время сбора товаровъ въ этихъ предѣлахъ и ихъ отправки оттуда, не было эпидеміи даже въ Манчжуріи.

Между тѣмъ сурокъ поступилъ въ Бійскъ, часть его отправлена въ Ново-Николаевскъ, Ирбитъ и Москву, о какихъ либо свидѣтельствахъ на него не могло быть и рѣчи. Но вотъ изъ Москвы получаются срочныя телеграммы, гдѣ грозятъ его сжечь; въ Бійскѣ на пропускъ его требуютъ ветеринарныя свидѣтельства, или заставляютъ подвергать дезинфекціи; ветеринарные врачи и въ томъ и въ другомъ отказываютъ: въ первомъ случаѣ требуютъ консульскихъ удостовѣреній, въ другомъ—дезинфекціонныхъ камеръ; до консула—три года скачи—не доскачешь, а сооруженіе дезинфекціонныхъ камеръ требуютъ капитальнѣйшаго труда, долгаго времени.

А время не ждетъ, рынокъ съ суркомъ и безъ того угнетенъ, цѣны съ каждымъ днемъ падаютъ, задержка его,—задержка чисто формальная—еще больше осложняетъ дѣло. Почему-то въ Бійскѣ, въ этомъ благополучнѣйшемъ по эпидеміи городѣ, сурокъ держать можно, а дальше вывозить безъ ветеринарныхъ свидѣтельствъ нельзя. Согласно поступившимъ распоряженіямъ сурокъ, пришедшій въ Бійскъ осенью, вывозить можно, а пришедшій въ одинъ изъ зим-

 нихъ мѣсяцевъ задерживаютъ, т. е. предъявляютъ къ нему рядъ формальныхъ требованій".

Насколько иногда предпринимаемыя ветеринарнымъ надзоромъ мѣры не сообразуются съ условіями торговли, видно также изъ распоряженія Томской губернской администраціи. Въ 1909 г. Томскій губернаторъ предписалъ Бійскому исправнику слѣдующее:

„1. Принять мѣры къ тому, чтобы шерсть, кожи домашнихъ животныхъ и верблюжьи, слѣдующія изъ Монголіи въ г. Бійскъ, а равно пріобрѣтаемыя торговцами въ предѣлахъ пограничнаго съ Монголіей Кошагачскаго участка, не поступали для храненія во дворы селеній и заимокъ, но складывались бы для этой цѣли въ особыхъ мѣстахъ, которыя должны быть отводимы, по указанію чиновъ ветеринарно-полицейскаго надзора и сельскихъ властей, за селеніями и огорожены плотнымъ высокимъ заборомъ; въ этихъ только мѣстахъ могутъ имѣться и крытыя помѣщенія для склада означенныхъ животныхъ продуктовъ.

2. Строго слѣдить, чтобы и въ г. Бійскѣ выполнялось обязательное постановленіе Бійской Городской Думы, отъ 12 января 1905 г. за № 2, какимъ постановленіемъ воспрещается сушка и храненіе кожъ и шерсти во дворахъ владѣльцевъ домовъ и допускается лишь въ особомъ, спеціально отведенномъ для того городомъ, мѣстѣ. Лицъ, которыя будутъ замѣчены въ невыполненіи этого постановленія, безъ промедленія привлекать къ законной отвѣтственности. Въ отведенномъ городомъ мѣстѣ, для сушки и храненія шерсти и кожъ, должна производиться и разборка—сортировка шерсти, подъ наблюденіемъ ветеринарно-полицейскаго надзора.

3. Сдѣлать распоряженіе чинамъ полиціи и сельскимъ властямъ не допускать, чтобы возчики указанной выше клади уклонялись отъ тракта слѣдованія (изъ Кошъ-Агача на Бійскъ) и заѣзжали къ себѣ въ селенія вмѣстѣ съ кладью, какіе случаи наблюдались иногда до сего времени. Торговцы сырьемъ, со своей стороны, должны знать, что они являются отвѣтственными въ случаѣ уклоненія направляемыхъ ими транспортовъ съ кладью отъ тракта слѣдованія.

4. Привести въ извѣстность и составить подробный списокъ всѣхъ лицъ, занимающихся торговлей сырыми животными продуктами съ Монголіей, съ указаніемъ въ спискѣ: 1) мѣстъ постояннаго проживанія каждаго изъ торговцевъ; 2) приблизительнаго количества и рода ежегодно привозимыхъ ими изъ Монголіи сырыхъ животныхъ продуктовъ; 3) съ какого времени каждый изъ нихъ ведетъ означенную торговлю съ Монголіей и 4) у кого изъ торгов-

цевъ производилось и производится храненіе сырья, привозимаго изъ Монголіи и изъ пограничнаго Кошагачскаго района, гдѣ производилось и производится теперь это храненіе каждымъ изъ торговцевъ и имѣются ли у каждаго изъ послѣднихъ отдѣльные склады за селеніемъ, въ особо отведенномъ для того чинами ветеринарно-полицейскаго надзора и сельскими властями мѣстѣ, или же сырье складывалось и складывается до сего времени въ самыхъ селеніяхъ (какихъ именно) во дворахъ. Такого рода списокъ представить мнѣ въ возможно непродолжительномъ времени.

5. Впредь не допускать храненія сырья (временныхъ складовъ) тѣмъ изъ торговцевъ, которые не будутъ имѣть на то особаго письменнаго разрѣшенія Уѣзднаго Полицейскаго Управленія; самыя же разрѣшенія этого рода выдавать лишь тѣмъ изъ торговцевъ, которыми будетъ представлено Полицейскому Управленію удостовѣреніе Пристава и особо удостовѣреніе соотвѣтствующаго ветеринарнаго врача о томъ, что торговецъ, испрашивающій разрѣшеніе хранить шерсть и кожи, имѣетъ особо отведенное для того, за селеніемъ, сельскими властями и чинами ветеринарно-полицейскаго надзора мѣсто, огороженное высокимъ и плотнымъ заборомъ. О всѣхъ выдаваемыхъ Полицейскимъ Управленіемъ разрѣшеніяхъ на право храненія сырья немедленно дѣлать представленіе въ Ветеринарное Отдѣленіе Губернскаго Управленія и сообщать соотвѣтственному ветеринарному врачу.

6. Въ виду неизбѣжной необходимости возчикамъ клади, при слѣдованіи по тракту, въ холодное время года, дѣлать стоянки для ночлега и въ мѣстахъ такихъ стоянокъ (по пути слѣдованія изъ Кошагача до Бійска) имѣть теплыя помѣщенія, чтобы не заѣзжать съ кладью въ селенія, выяснить черезъ опросы самихъ торговцевъ и сельскихъ властей, въ какихъ именно мѣстахъ для означенной цѣли должны быть устроены за селеніями дворы, огороженные высокимъ плотнымъ заборомъ и при нихъ теплыя избы. По собраніи же такихъ свѣдѣній, немедленно предложить всѣмъ торговцамъ, чтобы они, по взаимному общему соглашенію между собою, приступили безотлагательно къ устройству означенныхъ дворовъ и избъ для стоянокъ въ холодное время года.

7. Предложить чинамъ полиціи и сельскимъ властямъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы тюки съ шерстью не провозились по тракту (Кошагача на Бійскъ) въ порванныхъ мѣшкахъ и задерживать на предметъ починки или (при невозможности послѣдней, въ случаѣ полной негодности всего мѣшка) перекупорки—тѣ тюки, которые окажутся неисправными. Всѣхъ же торговцевъ,—такъ какъ замѣчено, что укупорка тюковъ производится ими большею частью въ

мѣшки, сдѣланные изъ плохого (рѣдкаго и непрочнаго) матеріала,—обязать въ будущемъ производить укупорку шерсти (въ мѣстахъ первоначальнаго ея вывоза) въ мѣшки, сшитые изъ плотнаго и прочнаго матеріала, пріобрѣтеніемъ какого и нужно заблаговременно теперь всѣмъ озаботиться въ достаточномъ количествѣ, какъ для изготовленія мѣшковъ, такъ и для починки ихъ въ пути, если бы случайно произошелъ разрывъ мѣшка. Такъ какъ задержанные чинами ветеринарно-полицейскаго надзора или сельскими властями тюки въ неисправныхъ мѣшкахъ должны быть выпускаемы лишь послѣ исправленія послѣднихъ, то всѣ торговцы должны всегда каждый транспортъ клади снабжать въ запасъ матеріаломъ, годнымъ для починки мѣшковъ, и соотвѣтственными иглами и нитками.

О такихъ моихъ распоряженіяхъ объявить всѣмъ лицамъ, ведущимъ торговлю сырьемъ съ Монголіей, а равно занимающимся скупкою сырья въ предѣлахъ пограничнаго съ Монголіей Кошагачскаго района. Принимая же во вниманіе, что нѣкоторыя изъ требованій, изложенныхъ въ пунктахъ 1, 2, 5, 6 и 7 настоящаго моего предложенія вамъ, могутъ потребовать отъ торговцевъ для своего выполненія нѣкотораго времени, предлагаю вамъ обязать подпиской всѣхъ торговцевъ указаннымъ сырьемъ, что всѣ предъявляемыя имъ настоящимъ распоряженіемъ требованія они должны выполнить не позже 15 мая будущаго года“.

Изложенныя правила были сочинены Томскимъ ветеринарнымъ инспекторомъ и совсѣмъ не считались съ условіями транспорта сырья изъ Монголіи. Вся эта затѣя, по вычисленіямъ бійскихъ купцовъ, должна повести къ огромнымъ расходамъ. „Считая отъ Кошъ-Агача до Бійска около 550 верстъ, писали по этому поводу купцы, полагаемъ, что было бы необходимо устроить, по крайней мѣрѣ, 25 стоянокъ. На каждой стоянкѣ необходимо устройство двора, въ которомъ могло бы помѣститься на ночевку до 500 подводъ; въ такомъ случаѣ дворъ долженъ быть около 2 десятинъ площади. Длина заплота около 300 саженъ. Стоимость сажени въ среднемъ опредѣляется около 5 руб., слѣд., постройка заплота обойдется въ 1.500 р. Постройка избы при разсчетѣ помѣстить до 100 человѣкъ (на каждыя 5 подводъ одинъ возчикъ) обойдется до 500 руб. Итакъ, устройство одного двора будетъ стоить 2.000 руб., всѣхъ 25 дворовъ 50.000 руб. Это единовременная затрата. Содержаніе избушки и двора, считая наемъ особаго дворника, отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ, будетъ стоить до 600 руб., итого для всѣхъ дворовъ 15.000 руб. въ годъ. Кромѣ того для регистраціи проходящихъ грузовъ необходимо на каждой стоянкѣ имѣть особаго приказчика съ жало-

ваніемъ, по крайней мѣрѣ, 600 руб. въ годъ, итого 15.000 руб.; въ трехъ пунктахъ завѣдующіе съ жалованьемъ по 1.200 руб. и разъѣздныхъ имъ по 500 руб., итого 5.100 руб. въ годъ. Слѣдовательно, ежегодное содержаніе дворовъ и надзора за ними обойдется по 35.100 руб. въ годъ. Въ трехъ пунктахъ, а именно: Кошъ-Агачѣ, Онгудаѣ и Бійскѣ необходимо выстроить пакгаузы для храненія шерсти и кожъ. Принимая во вниманіе, что эти пакгаузы должны обслуживать многія фирмы, и, слѣд., должны имѣть много отдѣленій, а также въ виду той поспѣшности, съ какой эти пакгаузы должны быть выстроены, постройка ихъ обойдется весьма дорого. Полагаемъ, что постройка ихъ будетъ стоить до 90.000 рублей. Такимъ образомъ исполненіе распоряженій г. Томскаго Губернатора должно повлечь за собой единовременный расходъ въ 140.000 руб. и ежегодный въ 35.100 руб. Въ эти суммы не вошла еще плата сельскимъ обществамъ за мѣста, отводимыя ими для означенной цѣли, такъ какъ нѣтъ никакой возможности предвидѣть, какъ велика будетъ эта плата. Если судить по приговору Онгудайскаго сельскаго общества, назначившаго въ текущемъ году за отведенное мѣсто 500 руб., то должно предположить, что эта плата будетъ довольно высокой и выразится въ десяткахъ тысячъ ежегодно. Къ этому нужно прибавить, что и сейчасъ торговцы съ Монголіей уплачиваютъ городу Бійску по 2 коп. съ пуда. Такимъ образомъ расходъ, вызванный исполненіемъ распоряженія Г. Томскаго Губернатора, въ нынѣшнемъ году выразится суммою въ 200.000 руб. круглымъ числомъ".

„Вся эта сумма должна быть разложена на товаръ и значительно повысить стоимость его, что можетъ весьма неблагопріятно отразиться на торговлѣ. Кромѣ значительныхъ расходовъ, которые повлечетъ за собою исполненіе требованія Г. Томскаго Губернатора, заставляетъ задуматься еще и тотъ вопросъ, какимъ образомъ провести все это въ жизнь. Во всѣхъ изложенныхъ выше расходахъ должны участвовать всѣ торговцы съ Монголіей, которыхъ насчитывается въ настоящее время до 80 человѣкъ. Какъ всѣхъ ихъ привлечь къ участію въ расходахъ? Намъ кажется, что это положительно невозможно для частныхъ лицъ".

„Пунктомъ 3 упомянутаго выше распоряженія предлагается слѣдить за тѣмъ, чтобы возчики кладей не уклонялись отъ намѣченнаго тракта въ сторону и не заѣзжали къ себѣ въ деревни, при чемъ за неисполненіе этого требованія отвѣтственны опять таки сами торговцы. Не говоря уже о томъ, что въ такомъ случаѣ съ каждымъ транспортомъ придется посылать особаго приказчика, что вызоветъ значительный расходъ, исполненіе этого требованія

невозможно и въ виду того, что въ разныя времена года для проѣзда доступны различные тракты. Затѣмъ, возчиковъ заставляетъ заѣзжать къ себѣ въ селенія необходимость мѣнять лошадей, утомленныхъ труднымъ путемъ, на свѣжихъ и мѣнять экипажи, такъ какъ очень часто приходится кладь вести на телѣгахъ отъ Онгудая до большихъ селеній и на саняхъ дальше—до Бійска. Это вызывается тѣмъ, что мѣстность около Онгудая почти никогда не бываетъ покрыта снѣгомъ въ достаточномъ количествѣ для установленія хорошаго саннаго пути. Отказъ возчикамъ въ правѣ заѣзжать въ свои селенія уже имѣетъ свои послѣдствія: такъ, въ текущемъ операціонномъ году всѣ возчики, живущіе къ западу отъ села Алтайскаго отказались везти кладь. Результатомъ явилось немедленное повышеніе провозной платы. Затѣмъ, установленіе одного тракта слѣдованія клади отразится и на цѣнѣ припасовъ (сѣна, овса и пр.), что опять-таки повліяетъ на стоимость провоза товара".

„Относительно укупорки мы можемъ лишь сказать, что торговцы сами, въ своихъ личныхъ интересахъ, заботятся о тщательной укупоркѣ, но что уберечь мѣшки отъ разрыва нѣтъ возможности, такъ какъ товаръ приходится везти то на верблюдахъ, то на вьючныхъ лошадяхъ, то на телѣгахъ, то на саняхъ. Естественно при этомъ, что при нашихъ дорогахъ мѣшки рвутся. Какая бы укупорка не была, уберечься отъ этого нѣтъ никакой возможности. Что касается починки, то и въ настоящее время она производится при первой возможности".

„Всѣ вышеизложенные мотивы заставляютъ насъ прійти къ заключенію, что точное выполненіе распоряженія Г. Томскаго Губернатора и при томъ въ столь короткій срокъ—къ 15 мая 1910 года—совершенно не возможно и непосильно для торговцевъ съ Монголіей и заставитъ многихъ отказаться отъ торговли".

„Признавая, что такое распоряженіе послѣдовало исключительно изъ желанія предупредить заносъ эпидемій изъ Монголіи въ Россію, мы полагали бы, что тѣхъ же результатовъ можно было бы достичь другимъ путемъ, а именно, устройствомъ въ Кошъ-Агачѣ особой дезинфекціонной камеры. Товары, прошедшіе черезъ такую камеру, были бы обезврежены и могли бы слѣдовать далѣе безъ особыхъ предупредительныхъ мѣръ".

Если даже признать преувеличенными разсчеты бійскихъ купцовъ относительно расходовъ, вызываемыхъ предложенными правилами, то во всякомъ случаѣ правила совершенно не считались съ условіями транспорта сырья изъ Монголіи и требовали большихъ расходовъ на возведеніе дворовъ для стоянокъ, совершенно нецѣлесообразныхъ съ точки зрѣнія обезпеченія Россіи отъ заноса эпизо-

тій. Предложеніе купцовъ устроить въ Кошъ-Агачѣ дезинфекціонную камеру является простымъ и прямымъ рѣшеніемъ вопроса объ обеззараживаніи сырья, ввозимаго въ Россію. Къ этому рѣшенію, повидимому, и склонилось правительство.

Таковы условія карантина. Нельзя не признать, что эти условія какъ можно скорѣе должны быть измѣнены. Необходимо устроить настоящія дезинфекціонныя камеры, которыя прежде всего дадутъ полную гарантію безопасности Сибири отъ монгольскихъ эпизоотій и страшной гостьи—чумы, а, во-вторыхъ, избавятъ купцовъ отъ случайностей карантиннаго надзора и отъ порчи ввозимаго товара. О недостаткахъ карантиновъ купечество доводило до свѣдѣнія подлежащихъ инстанцій. Одинъ изъ энергичныхъ представителей крупной экспортной фирмы С. М. Визигинъ печаталъ по этому вопросу обстоятельныя корреспонденціи, вступалъ въ полемику съ ветеринарнымъ надзоромъ, но „возъ и нынѣ тамъ“. Конечно, не слѣдуетъ забывать того, что министерство внутреннихъ дѣлъ вообще не наладило до сихъ поръ дѣла ветеринаріи такъ, какъ этого требуютъ интересы Россіи и скотоводческаго хозяйства и скототорговли. Вслѣдствіе этого мы и получаемъ такія бѣдствія, какъ эпидемія ящура по всей Россіи и Сибири зимой 1910—1911 гг., когда, напр., въ цѣлыхъ районахъ скотъ свели на нѣтъ, когда вмѣсто большихъ гуртовъ по бійскому тракту весной 1911 г. прогоняли только небольшіе гурты случайно сохранившагося скота. Въ этомъ ящурѣ Монголія совершенно неповинна, да и вообще Монголія мало повинна въ томъ сплошномъ бѣдствіи, которое испытываетъ Томская губернія.

Глава VIII.

Мѣропріятія для развитія русской торговли въ Монголіи.

Остановимся на тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя можно было бы принять для поддержанія и развитія русской торговли въ Монголіи и Сойотіи.

Эти мѣропріятія могутъ быть раздѣлены на мѣропріятія со стороны русскаго правительства и мѣропріятія въ области самодѣятельности русскихъ—торговцевъ, фабрикантовъ и банковыхъ дѣятелей.

I. Мѣропріятія русскаго правительства.

1) Существеннымъ условіемъ развитія русской торговли въ Монголіи является бо́льшая освѣдомленность торгующихъ относительно положенія мірового рынка и цѣнъ на товары. Необходимо создать непрекращающуюся связь купцовъ, находящихся въ Монголіи, съ міровымъ рынкомъ, для чего должна быть организована правильная почта и въ особенности телеграфъ. Необходимо создать правильное почтовое сообщеніе отъ Кошъ-Агача на Кобдо, Улясутай, Ургу, Кяхту. Между этими пунктами должна циркулировать не только легкая почта, но и тяжелая почта, которая возитъ серебро и пушнину болѣе цѣнныхъ сортовъ. Въ настоящее время организація тяжелой почты не удовлетворительна.

Какъ мы указывали, почта отъ Урги на Калганъ, стоющая 21.000 руб., теперь не нужна. Было бы возможно прекратить этотъ трактъ и передать средства на усиленіе почты между указанными пунктами.

Съ 1910 года были впервые ассигнованы Улясутайскому консулу средства для организаціи почтовыхъ сношеній между Кошъ-Агачемъ и Улясутаемъ съ тѣмъ, чтобы отправляемые регулярно почтари заѣзжали по дорогѣ въ Кобдо. Однако средства эти недостаточны. За эти деньги взялись возить почту монголы только на одинъ годъ ,и въ будущемъ они, вѣроятно, откажутся отъ этой обязанности.

Кромѣ того слѣдуетъ учредить почтовыя конторы въ селѣ Усинскомъ и въ одномъ изъ центровъ русской торговли въ Сойотіи, напр., въ селеніи Чжакулѣ. Совершенно ненормально, что весь Усинскій край вмѣстѣ съ Сойотіей обслуживается посылками почтаря изъ Григорьевки два раза въ мѣсяцъ. Усинское общество соглашается вносить ежегодно по 3.000 руб. на содержаніе въ Усинскомъ почтово-телеграфной конторы.

Для того, чтобы держать торговцевъ въ курсѣ міровыхъ цѣнъ, необходимо провести по Монголіи русскій телеграфъ. Казалось бы. основаніемъ для этого можетъ служить телеграфная конвенція 22 декабря 1892 г. съ Китаемъ, предусматривающая возможность проведенія новыхъ линій. Телеграфъ долженъ обслуживать не только нужды купцовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова. Онъ необходимъ и для дипломатическихъ сношеній правительства съ консулами и торговыми агентами, онъ необходимъ и какъ основа дѣятельности предполагаемыхъ къ открытію въ Монголіи банковъ. Телеграфъ долженъ быть проведенъ отъ Кошъ-Агача на Кобдо, Улясутай и Ургу. Точно также необходимо провести телеграфную линію къ селу Усинскому и хотя бы къ указанному выше селенію Чжакулю въ Сойотіи.

2) Другимъ еще болѣе важнымъ факторомъ преуспѣянія русской торговли въ прилегающихъ къ Россіи странахъ являются улучшенные пути сообщенія, удешевляющіе транспортъ товаровъ и, слѣдовательно, продажныя ихъ цѣны въ мѣстахъ сбыта. Россія по своему географическому положенію имѣетъ естественныя преимущества передъ иностранными государствами: она непосредственно примыкаетъ къ Монгольскому рынку, тогда какъ иностранцы должны преодолѣть громадное пространство Гоби прежде, чѣмъ достигнуть того же рынка. Къ тому же недалеко отъ Монгольскаго рынка проходитъ Сибирская желѣзная дорога, а рядъ рѣкъ, идущихъ отъ Сибирской магистрали къ югу, еще болѣе приближаетъ насъ къ нему: Обь, Черный Иртышъ, Енисей, Селенга.

Прежде всего весьма важно по возможности приблизить желѣзнодорожный путь къ границѣ Монголіи. О проведеніи линіи до Кошъ-Агача или еще далѣе пока говорить преждевременно. Со временемъ было бы возможно использовать могучія силы алтайскихъ рѣкъ для полученія электрической энергіи, приводящей въ движеніе горную желѣзную дорогу черезъ Алтай. Въ настоящую минуту своевременно задаться проведеніемъ желѣзной дороги до Бійска именно съ точки зрѣнія интересовъ Монгольской торговли. Важно облегчить движеніе товаровъ какъ можно дальше по желѣзной дорогѣ, что обезпечиваетъ болѣе дешевый диффрен-

ціальный тарифъ. Что же касается дальнѣйшаго пути, то на очереди стоитъ крайне нужный капитальный ремонтъ Чуйскаго тракта, этого единственнаго нашего прохода въ Монголію со стороны Томской губерніи. Въ теченіе 9 лѣтъ со времени проведенія Чуйскій трактъ почти совсѣмъ не ремонтируется. Фактически незначительный ремонтъ этого тракта до сего времени возлагался на мѣстное кочевое населеніе—калмыковъ. Но послѣдніе съ одной стороны сами совершенно не нуждаются въ поддержаніи даннаго колеснаго пути, пользуясь исключительно верховыми лошадьми, а съ другой стороны слишкомъ бѣдны и непривычны къ тяжелому физическому труду для того, чтобы съ успѣхомъ нести натуральную ремонтную повинность.

Трактъ имѣетъ не только торговое, но и государственно-политическое значеніе, а потому справедливо, чтобы въ его ремонтѣ и поддержаніи въ исправности приняло участіе также и государство. Въ отношеніи Чуйскаго тракта необходимо принять двѣ мѣры: необходимъ немедленный капитальный ремонтъ и нужно послѣдующее ежегодное поддержаніе его въ порядкѣ. Дѣло въ томъ, что скромныя суммы, отпущенныя на сооруженіе тракта, не позволили во многихъ мѣстахъ произвести работы въ томъ масштабѣ, какой былъ бы нуженъ. Такъ, во многихъ мѣстахъ полотно дороги проложено только для проѣзда одной телѣги и встрѣчные экипажи не могутъ разъѣхаться. Въ особенности часто эта узость дороги встрѣчается на „бомахъ", на высѣченномъ по краю горъ пути. Во многихъ мѣстахъ остались весьма крутые подъемы, которые затрудняютъ перевозку товаровъ: приходится грузить на одну таратайку меньше товара, чтобы лошадь могла ввезти ее по крутымъ подъемамъ. Переработка этихъ крутыхъ подъемовъ на болѣе отлогіе поведетъ къ значительному облегченію и удешевленію транспорта. Во многихъ мѣстахъ Чуйскаго тракта деревянные барьеры повырублены проѣзжими на топливо. Слѣдуетъ возвести здѣсь каменные барьеры. Въ другихъ мѣстахъ тракта путь усѣянъ сплошными камнями, влекущими за собой частыя поломки экипажей и вредъ для нѣкоторыхъ товаровъ. Нужно очистить путь отъ этихъ камней. Въ концѣ тракта имѣются мѣста весьма топкаго характера, гдѣ нужны работы по осушенію грунта или по укрѣпленію полотна дороги. Слѣдуетъ поставить вопросъ о постройкѣ постоянныхъ мостовъ черезъ Катунь, Бію и Чую вмѣсто существующихъ перевозовъ, которые чрезвычайно задерживаютъ проѣздъ. Любопытно отмѣтить, что Алтайскій волостной сходъ въ декабрѣ 1910 года постановилъ ходатайствовать о постройкѣ моста черезъ Катунь, соглашаясь принять расходы на себя по развёрсткѣ. Наконецъ, не-

редъ самымъ Кошъ-Агачемъ нужно устроить мостъ черезъ рѣчку, такъ какъ въ періодъ высокой воды переѣзжать вбродъ невозможно безъ порчи товара и приходится устраивать паромъ или какія нибудь другія приспособленія. Мостъ можетъ быть деревянный и обойдется въ небольшую сумму.

Капитальный ремонтъ можетъ быть принятъ частью на средства казны въ виду общегосударственнаго значенія Чуйскаго тракта, частью на средства Бійскихъ купцовъ, торгующихъ съ Монголіей, такъ какъ ремонтъ удешевитъ имъ перевозку товаровъ, частью же на счетъ Кабинета, который тоже выигрываетъ отъ развитія торговли Бійска съ Монголіей. Что же касается текущаго ежегоднаго ремонта, то въ виду его сравнительно небольшой стоимости и въ виду сложности разсчетовъ между нѣсколькими участниками можно было бы отнести его всецѣло на счетъ государства. Междувѣдомственная комиссія по монгольскимъ вопросамъ въ началѣ 1911 г. уже признала необходимымъ произвести капитальный ремонтъ всего пути отъ Бійска до Кошъ-Агача, а также исправить дорогу отъ станицы Алтайской до перевала Уланъ-Даба по Усть-Каменогорскому тракту.

Путешествія частныхъ лицъ по Чуйскому тракту представляютъ большія затрудненія. Приходится либо обращаться къ услугамъ почтовыхъ ямщиковъ, либо ѣхать на собственныхъ „долгихъ". При отсутствіи поселковъ далѣе Нии ямщики являются монополистами по перевозкѣ пассажировъ. Къ тому же часто встрѣчаются затрудненія съ кормомъ лошадей, особенно поздней осенью или зимой. Чуйскіе ямщики кромѣ того задавлены частыми перевозками чиновниковъ по подорожнымъ. Въ результатѣ они взимаютъ съ частныхъ лицъ прямо несуразныя цѣны. Бывали случаи, когда купецъ, торопившійся домой и не имѣвшій своихъ лошадей, долженъ былъ уплачивать за каждую станцію по 20—25 руб. за пару лошадей. Нужно улучшить дѣло ямщины по Чуйскому тракту. Сдача подряда на ямщину должна дѣлаться на нѣсколько лѣтъ, а не на одинъ годъ, какъ въ настоящее время. Нужно обезпечить ямщикамъ возможность пользоваться пашнями и сѣнокосами. Необходимо установить нормальную таксу съ лошади и версты, которая была бы обязательна для ямщиковъ. Тогда устранится существующая практика ѣзды на „долгихъ", которая значительно удлинняетъ время проѣзда по Чуйскому тракту.

Крайне настоятельнымъ является скорѣйшее проведеніе хорошаго и удобнаго колеснаго пути отъ села Усинскаго черезъ Саянскій хребетъ до села Григорьевки и оборудованіе рѣки Енисея въ верхнемъ его теченіи для пароходства, такъ какъ Усинскій край

и Сойотія, какъ мы указывали въ VI главѣ, отрѣзаны отъ Россіи хроническимъ бездорожьемъ.

Выработанный инженеромъ Амосовымъ проектъ колесной дороги черезъ Саянскій хребетъ (стоимостью въ 600.000 руб.) встрѣчаетъ одобреніе мѣстныхъ жителей. Онъ искусно пользуется долинами, по которымъ протекаютъ рѣки, и имѣетъ только одинъ большой перевалъ черезъ Араданъ. Намѣченный имъ путь таковъ: по рѣкѣ Кебежу вплоть до перевала на Араданъ, затѣмъ спускъ въ рѣчку Буйбу, Буйбой въ долину рѣки Уса, Усомъ внизъ, не доходя до Усинскаго, переходъ черезъ Хояртъ въ рѣчку Хояртъ, далѣе вверхъ Хояртомъ къ рѣчкѣ Омылъ, этой рѣчкой вверхъ до перевала въ вершину рѣки Иджима и отсюда на Усинскую дорогу. Другой варьянтъ проектируетъ отъ долины рѣки Уса идти сплошь долиной Уса до самаго селенія Усинскаго. Протяженіе этой дороги равняется 155—160 верстамъ.

Несмотря на свои достоинства и на то, что проектъ Амосова былъ выработанъ на основаніи детальнаго мѣстнаго изученія, проектъ былъ забракованъ Иркутскимъ совѣщаніемъ. Послѣднее приняло другой проектъ—инженера Глѣбовича, имѣющій нѣсколько высокихъ переваловъ и представляющій большія техническія трудности по проведенію дороги. По этому проекту, дорога должна идти сначала рѣчкой Кебежемъ до подножья горы Кулумыса, затѣмъ слѣдуетъ перевалъ черезъ Кулумысъ въ долину рѣки Малой Ойи, отсюда перевалъ на Большую Ойю къ вершинѣ рѣчки Большой Ойи, далѣе перевалъ черезъ Араданъ и въ долину рѣчки Буйбы. Къ тому же и стоимость проекта Глѣбовича равняется 1.200.000 руб. Протяженіе этой дороги достигаетъ 185 верстъ, не считая зигзаговъ на перевалахъ.

Уже при осуществленіи перваго участка послѣдняго проекта въ началѣ Саянской тайги отъ села Григорьевки встрѣтились настолько большія затрудненія, что ни одинъ подрядчикъ не согласился взять на себя исполненіе дорожныхъ работъ за предложенную цѣну. Работы были начаты хозяйственнымъ способомъ и, навѣрное, обойдутся много дороже смѣты.

На совѣщаніи междувѣдомственной комиссіи по вопросамъ торговли съ Монголіей въ началѣ 1911 года было между прочимъ постановлено: „улучшить путь отъ села Усинскаго къ границѣ съ Монголіей до Китайской дороги, идущей у подошвы хребта Тануола, отремонтировать Усинскій трактъ, исправить дорогу изъ Минусинска по долинѣ Амылъ, разработать дорогу въ долину рѣки Кемчика“.

Путь отъ Усинскаго къ границѣ Монголіи не требуетъ особенныхъ работъ, потому что вездѣ и сейчасъ онъ доступенъ для экипажей. Этотъ путь можетъ нуждаться только въ незначительныхъ улучшеніяхъ. Наоборотъ, Усинскій трактъ требуетъ не ремонта, какъ сказано въ резолюціи, а капитальныхъ затратъ на его проведеніе, такъ какъ такого тракта совсѣмъ и не существуетъ, а имѣется только Усинская тропа, доступная лишь для вьючныхъ лошадей. Законодательныя учрежденія уже отпустили нужныя средства на проведеніе этой колесной дороги и слѣдуетъ только позаботиться о выборѣ наиболѣе цѣлесообразнаго ея направленія.

Въ будущемъ представляется, дѣйствительно, желательнымъ провести дорогу отъ села Арбатскаго на Кемчикъ. Теперь русскіе, живущіе въ западной части Сойотіи, пользуются вьючной тропой, идущей съ Кемчика на Арбатское. Она очень тяжела, идетъ по топямъ и болотамъ и требуетъ большихъ затратъ для проведенія ея въ приличный видъ. Казалось бы, что съ проведеніемъ колесной дороги на Усинское можно было бы подождать съ этой дорогой, тѣмъ болѣе, что западная часть Сойотіи можетъ пока пользоваться и Усинской дорогой, которая только нѣсколько удлиняетъ путь.

Что касается водныхъ путей въ Усинскомъ краѣ, то упомянутое выше совѣщаніе постановило расчистить пороги и устроить обходную дорогу у Большого порога рѣки Енисея.

Экспедиція инженера Родевича выяснила возможность пароходства по верхнему Енисею, если будутъ уничтожены пороги (кромѣ Большого, который не поддается уничтоженію) и убраны наиболѣе опасные подводные камни. Пароходство проектируется съ перегрузкой на Большомъ порогѣ. Такимъ образомъ явится возможность провоза людей и товаровъ вплоть до селенія Булука, т. е. до центра Сойотіи. Это обстоятельство облегчитъ возможность русской колонизаціи этого края, что является одной изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ для обезпеченія русскаго вліянія въ Сойотіи. Возможно, что пароходство до Булука усилитъ торговыя сношенія Россіи съ Монголіей колеснымъ трактомъ отъ Булука на Улясутай, которымъ нынѣ ѣздятъ немногіе русскіе купцы съ маральими рогами и китайцы, торгующіе въ Сойотіи.

Что касается района Кяхты, то здѣсь имѣется два проекта соединенія Монголіи дорогами съ Сибирской желѣзной дорогой. Одинъ проектъ предлагаетъ провести колесную дорогу черезъ Косоголъ и Хинганскій караулъ на русское село Тунку и отсюда желѣзнодорожную вѣтку на станцію Култукъ Забайкальской дороги. Это—самый краткій путь изъ центра Монголіи. Однако онъ имѣетъ тотъ существенный недостатокъ, что въ районѣ Косогола и Хин-

ганскаго караула выпадаютъ ранніе снѣга, что затрудняетъ отправку главной массы товаровъ на верблюдахъ изъ Монголіи; кромѣ того на этомъ пути мало корма для верблюдовъ. Другой проектъ— провести желѣзнодорожную вѣтку отъ Кяхты до Верхнеудинска или одной изъ ближайшихъ къ нему станцій. Этотъ путь удовлетворитъ Улясутайскихъ купцовъ, которые будутъ имѣть возможность отправлять товары изъ Улясутая на Кяхту—Верхнеудинскъ. При желѣзной дорогѣ отъ Кяхты этотъ путь будетъ стоить на 60—70 коп. дешевле противъ дороги отъ Улясутая до Бійска.

Но мы считали бы весьма желательнымъ добиться отъ Китайскаго правительства разрѣшенія концессіи на постройку желѣзной дороги отъ Кяхты до Урги. Дѣло въ томъ, что проектируемая китайцами линія Пекинъ-Калганъ-Урга (изъ которой уже построена часть линіи Пекинъ-Калганъ) нанесенъ непоправимый ударъ нашей торговлѣ въ Монголіи. По этой дорогѣ двинутся разнообразные товары европейцевъ въ Монголію, которые будутъ конкуррировать съ русскими товарами, и по той же дорогѣ будетъ вывозиться въ Китайскіе порты монгольское сырье, которое до сихъ поръ находилось въ извѣстной мѣрѣ въ рукахъ русскихъ купцовъ. Проведеніе русской дороги отъ Урги на Кяхту сильно ослабитъ ударъ, который можетъ быть нанесенъ указаннымъ проектомъ дороги на Пекинъ, такъ какъ оно дастъ возможность отправлять монгольское сырье по русской дорогѣ на западъ въ Европу или на Владивостокъ съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и по линіи Урга-Калганъ-Пекинъ. Въ то же время дорога отъ Урги на Кяхту захватитъ въ кругъ своего вліянія наиболѣе плодородные и благодатные районы Монголіи.

Слѣдуетъ сказать еще относительно улучшенія путей въ районѣ, прилегающемъ къ Семипалатинской области. Здѣсь можетъ быть введено пароходство отъ Семипалатинска черезъ озеро Норъ-Зайсанъ и далѣе по Черному Иртышу хотя бы до впаденія рѣки Кранъ. Это пароходство значительно удешевило бы транспортъ товаровъ въ западную часть Монголіи и дало бы возможность возить ихъ даже до южныхъ городовъ Монголіи-Урумчи и Турфана.

Междувѣдомственное совѣщаніе о торговлѣ въ Монголіи въ началѣ 1911 года постановило обставить фарватеръ и пріобрѣсти караванъ для рѣки Иртыша, а равно произвести точное изслѣдованіе и съемку карты Чернаго Иртыша отъ границы до истоковъ. Кромѣ того оно признало полезнымъ обставить фарватеръ рѣкъ Селенги и Орхона, поставить землечерпательный караванъ и завести паровые или моторные катера для надзора за судоходствомъ.

3) Третьей мѣрой правительства можетъ быть распространеніе системы возврата акцизовъ и возврата таможенныхъ пошлинъ на нѣкоторые случаи вывоза русскихъ товаровъ. Такой возвратъ осуществленъ на Кошъ-Агачской таможнѣ, но только для сахара, спичекъ, хлопчатобумажныхъ и шерстяныхъ издѣлій, и отсутствуетъ для спирта и керосина; этотъ возвратъ практикуется на Кяхтинской таможнѣ, но совершенно отсутствуетъ для Усинской границы за неимѣніемъ тамъ таможенныхъ учрежденій. Благодаря этому въ Сойотіи продаются русскій сахаръ, спички, хлопчатобумажные товары безъ соотвѣтствующей скидки, что ставитъ русскихъ купцовъ въ невыгодное положеніе по отношенію къ конкуренціи чужихъ товаровъ. Однако практическое осуществленіе этой мѣры на Усинской границѣ встрѣчается съ спорнымъ вопросомъ о мѣстѣ учрежденія таможни въ Усинскомъ краѣ. При невыясненности границы между Китаемъ и Россіей въ Сойотіи помѣщеніе таможни въ болѣе сѣверномъ пунктѣ, чѣмъ хребетъ Тануола, могло бы быть истолковано Китайскимъ правительствомъ, какъ признаніе его правъ на Сойотскую землю. Между тѣмъ помѣщеніе таможни по сѣверному склону Тануолы противъ китайскихъ карауловъ въ данный моментъ могло бы вызвать недоразумѣнія съ Китаемъ и вообще слишкомъ остро поставило бы вопросъ о границѣ Россіи и Китая.

Въ виду этого намъ представляется возможнымъ организовать возвратъ акцизовъ и пошлинъ въ селѣ Усинскомъ черезъ посредство акцизнаго вѣдомства.

Въ частности большимъ неудобствомъ является порядокъ выдачи свидѣтельствъ на возвратъ акцизовъ и пошлинъ на Кошъ-Агачской таможнѣ. Когда въ таможню представляется товаръ, таможня вызываетъ акцизнаго чиновника изъ Бійска для присутствованія при осмотрѣ товара. Этотъ установленный порядокъ только тормозитъ выдачу свидѣтельства и для дѣла не представляется нужнымъ. Постоянныя задержки по выдачѣ свидѣтельствъ вызываютъ жалобы купечества. Можно было бы предоставить право выдачи свидѣтельствъ начальнику таможни.

4) Въ цѣляхъ удешевленія транспорта товаровъ въ Монголію мы считали бы важнымъ создать возможность перевозки товаровъ, закупаемыхъ на фабрикахъ и на Нижегородской и Ирбитской ярмаркахъ, по русскимъ желѣзнымъ дорогамъ до конечнаго желѣзнодорожнаго пункта (предположительно-Бійска и Кяхты, а теперь до Ново-Николаевска, Красноярска и Верхнеудинска) по вывознымъ тарифамъ. Съ этой цѣлью желательно устроить транспортныя конторы Сибирской желѣзной дороги въ Кошъ-Агачѣ и Кяхтѣ.

5) За послѣднее время округъ Кобдо пріобрѣтаетъ все большее и большее политическое значеніе. Между прочимъ въ городѣ Сары-Сюме (Новый городъ) недавно учреждено Китайское генералъ-губернаторство. Въ виду этого желательно учрежденіе въ городѣ Кобдо особаго консульства. Въ настоящее время Улясутайскому консулу удается пріѣзжать въ Кобдо довольно рѣдко, а потому вопросы, требующіе активнаго участія консула, остаются неразрѣшенными въ теченіи долгаго времени или рѣшаются письменнымъ путемъ, что не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ. Пожеланіе о консульствѣ въ Кобдо было осуществлено въ маѣ 1911 года.

Кромѣ того необходимо учредить въ Сойотіи должность консула или торговаго агента или особаго коммисара, который вѣдалъ бы интересы русскаго населенія и разбиралъ бы недоразумѣнія русскихъ съ сойотами.

6) Желательно улучшить судебную часть въ Монголіи. Дѣло въ томъ, что судебныя разбирательства между одними русскими производятся консулами или по ихъ порученію чиновниками консульства, т. е. лицами, не получившими юридическаго образованія, вслѣдствіе чего и судебныя рѣшенія оставляютъ желать многаго въ смыслѣ правильности судебныхъ рѣшеній. Необходимо назначать въ составъ чиновниковъ консульствъ лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ или реорганизовать консульскій судъ на коллегіальныхъ началахъ съ участіемъ представителей отъ русскаго населенія.

7) Проектируемые министерствомъ торговли и промышленности коммерческіе агенты желательны. Консулы въ Монголіи мало занимаются вопросами русской торговли и ея развитія. Такимъ образомъ русская торговля остается безъ желательнаго руководительства и надзора, что особенно важно въ виду низкаго культурнаго уровня русскихъ, торгующихъ въ Монголіи. Въ частности консулы въ Монголіи почти не сообщаютъ свѣдѣній о положеніи русской торговли въ подвѣдомственномъ имъ районѣ. При учрежденіи коммерческихъ агентовъ желательно установить ихъ независимость отъ консуловъ, какъ органовъ скорѣе дипломатическаго характера, но желательно связать ихъ съ купеческими организаціями.

8) Больнымъ вопросомъ является постановка карантиновъ на границѣ Россіи. Конечно, ветеринарный надзоръ нуженъ для предохраненія Россіи отъ занесенія эпизоотій, но онъ не долженъ превращаться въ безцѣльное и безполезное отягощеніе населенія или въ излишнюю формальность. Ветеринарные пункты для над-

зора за провозимымъ сырьемъ и прогоняемымъ скотомъ существуютъ въ Кошъ-Агачѣ, гдѣ имѣется ветеринарный врачъ и фельдшеръ, въ Усть-Усѣ (въ Усинскомъ краѣ), гдѣ живетъ только стражникъ, въ селѣ Усинскомъ, имѣющемъ ветеринарнаго врача и фельдшера, на границѣ Иркутской губерніи по скотопрогонному тракту отъ Улясутая на Иркутскъ и въ Кяхтѣ.

Вездѣ надзоръ имѣетъ почти фиктивный характеръ. Скотъ задерживается на карантинѣ до 21 дня, и торговцы нерѣдко даютъ ветеринарному надзору взятки, чтобы ускорить пропускъ скота или устранить придирки или даже законныя требованія надзора. Для уничтоженія подобнаго рода злоупотребленій желательно повышеніе окладовъ жалованья ветеринарныхъ врачей и фельдшеровъ. Теперь врачъ въ Кошъ-Агачѣ получаетъ 1.500 р., что не можетъ быть признано достаточнымъ въ этомъ чрезвычайно дорогомъ и удаленномъ отъ населенныхъ районовъ мѣстѣ.

Въ частности въ Усть-Усѣ существуетъ неудобный порядокъ, задерживающій движеніе товаровъ: когда приходитъ плотъ въ Усть-Усъ съ сырьемъ, посылается нарочный въ село Усинское (за 80 верстъ) за ветеринарнымъ фельдшеромъ, который и пріѣзжаетъ для исполненія необходимыхъ формальностей. Такимъ образомъ проходитъ отъ 3 до 5 дней, а въ тѣхъ случаяхъ, когда фельдшеръ почему либо задерживается, и болѣе.

Выдача Ургинскимъ консульствомъ свидѣтельствъ о происхожденіи сурка представляется пустой формальностью, ничего не гарантирующей; между тѣмъ она задерживаетъ отправки товара.

Купечество и скотогоны относятся недружелюбно и недовѣрчиво къ существующему ветеринарному надзору. Необходимо создать болѣе довѣрчивыя, искреннія отношенія. Однимъ изъ средствъ въ этомъ направленіи было бы введеніе обязанности ветеринаровъ не только слѣдить за прогоняемымъ скотомъ съ точки зрѣнія опасности заразы, но и лѣчить больной скотъ. Это вызвало бы въ торговцахъ скотомъ интересъ къ ветеринарной организаціи. Въ частности было бы желательно организовать прививки скоту и лѣченіе скота въ предупрежденіе эпизоотій въ самой Монголіи. Это могло бы содѣйствовать русскому вліянію и престижу въ Монголіи.

Въ связи съ этимъ было бы желательно заняться улучшеніемъ породъ монгольскаго скота предоставленіемъ монголамъ породистыхъ производителей. Это принесло бы большую пользу русской торговлѣ, которая могла бы получать болѣе мясной и молочный скотъ и лучшихъ лошадей, а кромѣ того содѣйствовало бы укрѣпленію дружественныхъ отношеній русскихъ и монголовъ.

9) Представляется желательной возможная и не наносящая ущерба Алтайскимъ инородцамъ колонизація земледѣльческими элементами Чуйскаго тракта въ виду почти полнаго безлюдья во второй его половинѣ за Онгудаемъ и въ виду важности обезпеченія проѣзжающихъ съѣстными припасами, кормомъ для скота, пріютомъ, а также обезпеченіемъ лошадьми почтоваго тракта. При этомъ слѣдуетъ однако имѣть въ виду, что все товарное и пассажирское движеніе по Чуйскому тракту зависитъ отъ естественныхъ кормовъ по дорогѣ, а потому при заселеніи слѣдуетъ сохранить достаточныя пастбища для прогоняемаго скота и для ямщиковъ, создавъ нѣчто вродѣ бечевника вдоль тракта.

10) Слѣдуетъ признать ненормальнымъ взиманіе горныхъ налоговъ съ золотопромышленныхъ предпріятій русскихъ въ Сойотіи, такъ какъ эта область пока считается русскимъ правительствомъ спорной. Въ настоящее время отводъ золотопромышленныхъ площадей дѣлается канцеляріей окружного инженера Минусинскаго горнаго округа и за отведенныя площади взимаются всѣ установленные для Россіи налоги и сборы.

Пока въ Сойотіи взимаются съ сойотовъ налоги въ пользу китайцевъ, пока тамъ имѣютъ власть чиновники изъ Улясутая, представляется страннымъ взиманіе различныхъ сборовъ съ русскихъ золотопромышленниковъ со стороны Минусинскаго горнаго округа. Къ тому же отъ русскихъ золотопромышленниковъ отбирается при отводѣ имъ участковъ подписка о неимѣніи съ ихъ стороны претензій къ русскому правительству въ случаѣ, если данная территорія по опредѣленіи границъ будетъ признана принадлежащей Китаю.

11) Недоразумѣнія вызываются въ Бійскѣ обложеніемъ промысловымъ налогомъ торговцевъ, ведущихъ торговлю съ Монголіей. Эта торговля относится къ тому типу, который въ законѣ о промысловомъ налогѣ именуется „скупкой въ видѣ промысла для перепродажи". Согласно приложенію къ ст. 368, къ 3-ему разряду торговыхъ предпріятій относится скупка въ видѣ промысла для перепродажи исключительно внутри имперіи, а для пограничныхъ жителей и заграницу на сумму свыше 10 тысячъ руб. до 50 тысячъ руб. По толкованію податного надзора, Бійскіе торговцы съ Монголіей не относятся къ числу пограничныхъ жителей, а потому и не могутъ быть отнесены къ этой группѣ, хотя бы ихъ обороты и не превышали 50 тысячъ. Всѣ торгующіе съ Монголіей относятся такимъ образомъ ко второму разряду торговыхъ предпріятій (скупка въ видѣ промысла для перепродажи внутри имперіи или для вывоза заграницу на сумму свыше 50 тысячъ до 300 тысячъ руб.).

Въ результатѣ всѣ бійцы вынуждены платить одинаковый окладъ налога съ дополнительными сборами около 105 р.

Строго говоря, Бійскіе купцы должны быть отнесены къ пограничнымъ жителямъ, такъ какъ понятіе пограничности отнюдь не опредѣляется 50-верстной полосой, установленной для безпошлиннаго торга съ монголами. Но для устраненія недоразумѣній слѣдовало бы въ перечисленіи группъ предпріятій, подлежащихъ обложенію по 3-му разряду, просто выбросить слова „ для пограничныхъ жителей“, такъ какъ иначе вообще торговля съ заграницей въ размѣрѣ отъ 10 до 50 тысячъ не находитъ себѣ мѣста въ существующей классификаціи предпріятій. По словамъ купцовъ, въ Зайсанѣ, Иркутскѣ и Троицкосавскѣ такого порядка обложенія не существуетъ, и оно примѣняется только въ Бійскѣ.

12) Весьма существеннымъ является поднятіе культурнаго уровня какъ самихъ купцовъ, торгующихъ въ Монголіи, такъ и ихъ служащихъ. Этотъ уровень, какъ мы указывали въ главѣ III, заставляетъ желать лучшаго.

Въ виду этого устройство коммерческихъ учебныхъ заведеній, въ родѣ вечернихъ курсовъ или классовъ, для подготовки приказщиковъ, съ обученіемъ бухгалтеріи, монгольскому, а, можетъ быть, и китайскому языкамъ, коммерческой географіи Востока и пр., было бы прекраснымъ средствомъ повысить культурность русскихъ дѣятелей въ Монголіи и тѣмъ усилить духовное вліяніе русскихъ въ этой странѣ. Основать такія учебныя заведенія необходимо въ Бійскѣ, Минусинскѣ и Кяхтѣ.

Кромѣ того, слѣдуетъ ввести спеціальный предметъ сибиревѣдѣнія, въ который входитъ также изученіе сопредѣльныхъ намъ странъ Востока, и монгольскій и китайскій языкъ въ существующія въ Сибири коммерческія училища. Это поставитъ передъ кончающими училища молодыми людьми болѣе ясно и сознательно задачи Россіи въ отношеніи нашихъ азіатскихъ сосѣдей.

13) Необходимо обратить вниманіе также и на регулированіе отношеній между работодателями и рабочими на шерстомойкахъ въ Монголіи. Какъ указывалось въ главѣ о шерсти, положеніе рабочихъ на этихъ мойкахъ весьма неудовлетворительно. Ихъ положеніе ухудшается тѣмъ, что рабочіе принадлежатъ къ другой расѣ, къ которой русскіе относятся презрительно. Необходимо ввести хотя нѣкоторую регламентацію условій найма монголовъ на промышленныя работы русскихъ для устраненія возмутительной эксплоатаціи со стороны послѣднихъ. Не говоря уже объ обезпеченіи интересовъ туземнаго населенія въ этомъ вопросѣ, слѣдуетъ ука-

зать, что тяжелыя условія труда въ русскихъ предпріятіяхъ вызываютъ недружелюбное отношеніе туземцевъ къ русскимъ и тѣмъ подрываютъ престижъ Россіи.

II. Мѣропріятія въ области самодѣятельности русскихъ.

А. Самодѣятельность купцовъ.

Переходя къ группѣ мѣръ, которыя связаны съ проявленіемъ самодѣятельности русскихъ, мы должны отмѣтить, что при всей энергіи и смѣлости, проявленныхъ русскими при распространеніи торговыхъ операцій по Монголіи, русскіе купцы все же не отличаются нужной инпціативой и предпріимчивостью. Торговля ведется по выработавшемуся шаблону, рутинными пріемами и мало приспособляется къ измѣняющимся условіямъ мѣстной экономической жизни. Русскіе купцы не съумѣли справиться съ растущимъ вліяніемъ китайскихъ купцовъ, не смогли противодѣйствовать внѣдрѣнію въ Монголію иностранныхъ хлопчатобумажныхъ издѣлій.

Сохранить, а тѣмъ болѣе развить русскую торговлю въ Монголіи можно только энергичной самодѣятельностью и предпріимчивостью.

1) Въ числѣ новыхъ пріемовъ торговли мы позволили бы себѣ указать на возможность для русскихъ купцовъ организовать самостоятельную закупку и даже заготовку въ Китаѣ на мѣстѣ кирпичнаго чая, потребляемаго монголами и сойотами въ огромномъ количествѣ. Мы уже указывали на то, что потребленіе чая въ Сѣверной Монголіи можетъ быть исчислено не менѣе 9—10 мил. кирпичей.

Въ настоящее время русскіе купцы всецѣло зависятъ въ чайной торговлѣ отъ китайцевъ, отъ которыхъ они пріобрѣтаютъ (обыкновенно оптомъ) нужное количество чаевъ.

Китайцы везутъ чай изъ Калгана и Куку-Хото на верблюдахъ черезъ степь Гоби. Представляется вполнѣ возможнымъ для русскихъ купцовъ организовать заготовку чая самостоятельнымъ путемъ. Можно было бы учредить особую компанію, которая закупала бы черезъ своихъ представителей чай во внутреннемъ Китаѣ, а, можетъ быть, даже занялась бы его производствомъ на мѣстѣ. Оттуда чай могъ бы транспортироваться черезъ ту же степь Гоби или морскимъ путемъ до Владивостока, а отсюда по желѣзной дорогѣ до Красноярска и Ново-Николаевска и далѣе въ Монголію при условіи возврата взысканныхъ таможенныхъ пошлинъ. На каждомъ

милліонѣ кирпичей чая русскіе купцы могли бы получить добавочной прибыли свыше 200.000 руб., которые теперь поступаютъ въ карманъ китайцевъ.

Русскіе купцы подъ фирмой „Русско-Монгольское Товарищество“ сдѣлали въ 1905 г. очень интересную попытку заказать русской чайной фабрикѣ въ Ханькоу 200 ящиковъ кирпичнаго чая. Чай былъ доставленъ черезъ Калганъ и Ургу въ Улясутай и оказался настолько хорошимъ по качеству и прессовкѣ, что монголы давали за этотъ чай по 1½ кирпича китайскаго чая. Заказы чая въ Куку-Хото дѣлались Улясутайскимъ отдѣленіемъ Русско-китайскаго банка. Пробовали заказывать чай въ Калганѣ Коковинъ и Басовъ.

2) Ниже мы указываемъ на необходимость и для русскихъ промышленниковъ принять болѣе активное участіе въ обезпеченіи нашихъ естественныхъ восточныхъ рынковъ. Если бы русская промышленность осталась безучастной къ судьбамъ Монгольскаго рынка, то для купцовъ, торгующихъ въ Монголіи, есть другой, правда, мало желательный, но неизбѣжный путь обезпеченія себя мануфактурой на болѣе выгодныхъ условіяхъ. Въ настоящее время русскіе покупаютъ далембу главнымъ образомъ отъ китайцевъ въ самой Монголіи. Выгоднѣе производить эту закупку непосредственно въ китайскихъ портахъ или въ Калганѣ съ самостоятельной доставкой черезъ Гоби караваннымъ путемъ, или черезъ Владивостокъ и Сибирскую желѣзную дорогу при условіи возврата пошлинъ. Въ этомъ случаѣ торговая прибыль отъ продажи тканей оптомъ китайцами русскимъ осталась бы въ рукахъ послѣднихъ. Этотъ пріемъ намъ представляется необходимымъ для сохраненія за русскими монгольскаго рынка, который требуетъ въ лицѣ своего туземнаго населенія снабженія со стороны купцовъ нужными тканями. Многіе русскіе оптовики, прекратившіе продажу товаровъ, продолжаютъ держать извѣстное количество товаровъ „для знакомыхъ“, которые нуждаются въ разныхъ товарахъ и желаютъ получать ихъ отъ своихъ покупателей сырья. Сохраненіе за русскими сбыта хлопчатобумажныхъ издѣлій дастъ въ будущемъ полную возможность перейти къ продажѣ русскихъ фабрикатовъ, когда таковые станутъ вырабатываться достаточно дешево и соотвѣтственно вкусамъ монголовъ.

3) Большимъ зломъ существующей торговли въ Монголіи является неорганизованность и обособленность русскаго купечества. Объединеніе купцовъ должно совершаться въ двоякомъ направленіи: со стороны сословно-профессіональнаго объединенія и объединенія въ торговыя компаніи. Существующіе зачатки сословной ор-

ганизаціи въ видѣ купеческихъ старостъ или старшинъ, избираемыхъ русскими торгующими въ Кобдо, Улясутаѣ, Ургѣ и Кяхтѣ, не могутъ выполнить усложняющихся задачъ завѣдыванія дѣлами русскихъ торговыхъ колоній. Къ тому же эти старосты являются исполнительными органами консуловъ по цѣлому ряду мелкихъ текущихъ дѣлъ. Было бы желательно учредить биржевой комитетъ въ Бійскѣ, какъ центрѣ купечества, торгующаго съ западной Монголіей. Полезной явилась бы и торговая палата, особенно если она будетъ связана съ дѣятельностью будущихъ коммерческихъ агентовъ. Торговая палата можетъ послужить учрежденіемъ, воспитывающимъ торговый классъ, вызывающимъ въ немъ интересы профессіональнаго характера, пробуждающимъ инниціативу и творческую мысль. Наконецъ, необходимо создать опредѣленный уставъ для тѣхъ купеческихъ обществъ, которыя существуютъ въ Кобдо, Улясутаѣ, Ургѣ и въ Сойотіи. Уставъ долженъ опредѣлить права и обязанности членовъ этихъ обществъ, установить органы—общія собранія, старостъ или коллективное управленіе, опредѣлить ихъ функціи. Этими мѣрами были бы созданы центры, объединяющіе купечество въ Монголіи, дающіе толчки къ развитію самодѣятельности, разрабатывающіе вопросы о нуждахъ и интересахъ русской торговли. Эти организаціи должны были бы принять на себя оффиціальныя публикаціи о цѣнахъ на важнѣйшіе товары на рынкахъ Монголіи.

Съ другой стороны русскіе купцы должны объединиться въ коммерческія компаніи, которыя дадутъ возможность легче достигнуть извѣстныхъ экономическихъ цѣлей совокупными усиліями, чѣмъ разрозненно. Среди крупныхъ коммерсантовъ большую пользу сыграло бы учрежденіе торговой компаніи для оптовой закупки монгольскаго сырья и указанныхъ выше китайскихъ товаровъ. Такая компанія устранила бы вредную для купцовъ конкурренцію по скупкѣ сырья, вызывающую искусственное повышеніе цѣнъ. Оно позволило бы организовать заготовку въ крупномъ масштабѣ кирпичнаго чая и закупку англійской далембы. Эта компанія представила бы крупную силу для борьбы съ возможными конкуррентами—китайцами и появляющимися за послѣднее время иностранцами.

Мелкіе русскіе торговцы приносятъ свою большую пользу въ Монголіи. Разсѣянные по всей странѣ, они находятся въ непрерывномъ соприкосновеніи съ мѣстнымъ населеніемъ; они передвигаютъ въ это населеніе русскіе товары и скупаютъ монгольское сырье мелкими партіями. Сохраненіе этой группы очень желательно. Но ихъ положеніе весьма неудовлетворительно въ виду тяжелыхъ усло-

вій кредита, которымъ они пользуются у крупныхъ купцовъ, о чемъ мы говорили выше. Для нихъ было бы существенно важно организовать общество по закупкѣ русскихъ товаровъ изъ первыхъ рукъ. Это общество должно было бы получить облегченный товарный кредитъ въ банкахъ съ удлиненными сроками, соотвѣтственно условіямъ Монголіи (до 12 мѣсяцевъ), должно бы воспользоваться облегченіями транспорта товаровъ изъ промышленныхъ центровъ Россіи. Тогда мелкіе торговцы, совершающіе свое полезное дѣло въ Монголіи, могли бы правильнѣе поставить свою торговлю и развить свои обороты.

4) При возникновеніи споровъ между русскими купцами и монголами часто не имѣется достаточныхъ доказательствъ той или другой сдѣлки. По ст. 11 договора съ Китаемъ 1881 г., „письменныя обязательства, заключаемыя между русскими и китайскими подданными, могутъ быть предъявляемы къ засвидѣтельствованію въ консульства и въ высшія мѣстныя управленія“. Однако, монголы всячески уклоняются отъ явки въ китайскія и монгольскія оффиціальныя учрежденія, такъ какъ это вызываетъ поборы со стороны мѣстныхъ чиновниковъ. Кромѣ того монголы не желаютъ дѣлать извѣстными свои сдѣлки властямъ, скрывая свое имущественное положеніе. Правда, практикѣ письменныхъ документовъ препятствуетъ незнаніе русскими монгольской письменности и безграмотность самихъ монголовъ. Но было бы желательно большее распространеніе письменныхъ формъ сдѣлокъ. Для этого, не дѣлая ихъ обязательными, слѣдуетъ облегчить свидѣтельствованіе документовъ русскими властями, начиная отъ консуловъ и кончая торговыми старостами и торговыми агентами.

5) Въ томъ случаѣ, если бы русскому правительству удалось добиться отъ китайскаго правительства разрѣшенія русскимъ купцамъ устраивать собственныя промышленныя и сельско-хозяйственныя предпріятія въ Монголіи, представляется весьма желательнымъ направленіе предпріимчивости въ эту сторону. Можно устраивать мельницы для перемола хлѣба, собираемаго въ Монголіи, можно завести собственное скотоводство въ болѣе или менѣе крупныхъ размѣрахъ, можно устроить добычу ископаемыхъ богатствъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они имѣются, можно организовать собственное земледѣліе, промышленное рыболовство, рубку лѣса и выдѣлку изъ лѣса строительныхъ матеріаловъ, можно устроить кожевенные, салотопенные, кирпичные заводы, сапожныя и шапочныя мастерскія и т. п.

Б. Самодѣятельность русскихъ фабрикантовъ.

За послѣдніе годы сбытъ русскихъ хлопчатобумажныхъ издѣлій въ Монголіи сильно сократился. Причиной этого явленія оказывается конкурренція болѣе дешевыхъ и болѣе прочныхъ издѣлій, привозимыхъ китайцами изъ внутренняго Китая, а также пренебреженіе качествомъ продаваемыхъ товаровъ и соотвѣтствіемъ ихъ вкусамъ мѣстныхъ жителей.

Когда русскіе торговцы пользовались въ Монголіи почти монопольнымъ положеніемъ, имъ не было особенной нужды смотрѣть за качествомъ товара. Въ Монголіи шло все, что туда ввозилось. Низкосортные и бракованные товары находили тогда въ Монголіи свой сбытъ и давали высокія прибыли. Это, конечно, избаловало торговцевъ и пріучило ихъ къ небрежному отношенію къ монгольскому рынку. Крупныя состоянія наживались на всучиваніи монголамъ всякой дряни. Такъ какъ было время въ Монголіи, когда купецъ пользовался тамъ силою фактическаго принужденія, основаннаго на кредитной зависимости, то удавалось сбывать на ряду съ полезными товарами и всякую заваль.

Еще не такъ давно, при вывозѣ русскихъ товаровъ въ Сибирь сюда направлялась всякая заваль, то, что не шло въ Европейской Россіи. Да и сейчасъ въ Сибири есть еще эта привычка забирать то, что похуже и что имѣетъ мало шансовъ на сбытъ въ Европейской Россіи. Нечего и говорить, что при такомъ положеніи вещей товары, ввозимые въ Монголію, подбирались совершенно случайно, безъ всякаго отношенія къ особенностямъ монгольскаго рынка, и русско-монгольскіе купцы ввозили изъ Сибири въ Монголію то, что не имѣло сбыта въ сибирскихъ городахъ. Въ данномъ случаѣ ими отчасти руководили соображенія быстрой наживы, а отчасти товарная заваль направлялась въ Монголію сибирскими оптовиками, которые, такимъ образомъ, раздѣлывались съ лежалымъ товаромъ и дѣлали такъ потому, что имѣли въ рукахъ товарный кредитъ, ставившій въ полную зависимость сибирскаго экспортера отъ оптовика.

Такому безцеремонному отношенію къ монгольскому рынку долженъ былъ придти конецъ при первыхъ же выступленіяхъ конкуррирующихъ товаровъ, когда для монгола создавалась возможность выбора между различными товарами. Въ это время нужно было русской торговлѣ подтянуться и попытаться приспособиться къ монгольскимъ требованіямъ и вкусамъ. Ничего этого не было сдѣлано. Наоборотъ, происходило дальнѣйшее ухудшеніе ввозимыхъ товаровъ. Напримѣръ, раньше въ большомъ ходу въ Монголіи была рус-

ская эмальированная посуда, а за последнее время съ этимъ товаромъ происходятъ заминки, сбытъ его сокращается. Русскіе купцы говорили намъ, что это сокращеніе зависитъ отъ того, что Монголія уже насыщена эмальированной посудой. Но признаемся, такого насыщенія мы не замѣтили. Сами же монголы по поводу русской эмальированной посуды говорятъ слѣдующее: раньше такая посуда продавалась въ русскихъ лавкахъ хорошаго качества, а теперь продаютъ весьма плохую посуду, быстро изнашивающуюся. И дѣйствительно, при осмотрахъ эмальированной посуды въ русскихъ лавкахъ намъ приходилось убѣждаться въ плохомъ ея качествѣ. Раньше въ Монголіи имѣли большой сбытъ русскіе часы, стѣнные и карманные. Этотъ товаръ шелъ, главнымъ образомъ, для китайцевъ. Въ китайскихъ фанзахъ въ Монголіи можно замѣтить, что на стѣнахъ висятъ нѣсколько часовъ. Но теперь этотъ товаръ совсѣмъ не идетъ и не потому, что Монголія ими уже „насыщена", а потому, что стали вмѣсто хорошихъ часовъ ввозить опять-таки всякую заваль, причемъ цѣны особенно не понижались. При такихъ торговыхъ пріемахъ не трудно упустить какой угодно рынокъ.

Примѣровъ такого безцеремоннаго отношенія русскихъ къ монгольскому рынку можно привести много. А обратныхъ примѣровъ, примѣровъ приспособленія къ этому рынку и стремленія ввести на этотъ рынокъ товаръ лучшаго качества почти нѣтъ.

Для сохраненія монгольскаго рынка русскіе фабриканты должны сдѣлать усилія, чтобы удешевить и улучшить качество товаровъ, въ частности, далембы и дабы. Россія находится въ счастливыхъ, исключительно выгодныхъ условіяхъ по отношенію къ своей сосѣдкѣ—Монголіи. Благодаря своей близости, благодаря воднымъ и желѣзнодорожнымъ путямъ сообщенія, Россія можетъ транспортировать въ Монголію свои издѣлія дешевле, чѣмъ Англія, Германія и Сѣверо-Американскіе Штаты. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ наша мануфактура господствовала на монгольскомъ рынкѣ. Теперь, благодаря непростительной экономической близорукости русскихъ фабрикантовъ, не оцѣнившихъ значенія монгольскаго рынка, сохранить который стоило цѣной даже нѣкоторыхъ матеріальныхъ пожертвованій, мы съ каждымъ годомъ теряемъ нашъ вѣрный рынокъ.

Нечего и думать, конечно, о какихъ либо мѣрахъ поощренія или премированія россійской мануфактурной промышленности въ дѣлѣ сбыта товаровъ въ Монголію, такъ какъ и теперь она пользуется возвратомъ пошлинъ за хлопокъ. Кромѣ того русская промышленность много десятилѣтій пользовалась разнообразными формами покровительства и матеріальной поддержки, которыя даютъ полное пра-

во предъявить и къ ней нѣкоторыя требованія. Русская мануфактурная промышленность должна приложить теперь собственныя силы и средства къ тому, чтобы вернуть и обезпечить за Россіей ея естественный рынокъ въ Монголіи. Если американцы и англичане находятъ возможнымъ сбывать далембу въ Монголіи и Сойотіи при дороговизнѣ вьючнаго транспорта, то при добромъ желаніи и при готовности поступиться обычными громадными прибылями русскіе мануфактуристы могли бы дать Монголіи такой товаръ, который вытѣснилъ бы по своей цѣнѣ и качеству иностранный.

Помимо мануфактуры для русской промышленности открываются перспективы и по другимъ отраслямъ. Правда, обиходъ монголовъ и сойотовъ незамысловатъ, но и онъ вызываетъ потребность въ разнаго рода утвари, орудіяхъ и предметахъ украшеній. Всѣ эти предметы китайскаго производства отличаются плохимъ качествомъ, грубы и непрочны. Безъ всякаго сомнѣнія, русскіе фабриканты и кустари могли бы съ полнымъ успѣхомъ производить подобные товары. Почему не изготовлять въ Россіи металлическихъ пуговицъ, употребляемыхъ монголами для своихъ халатовъ и шубъ? Почему не дѣлать въ Россіи металлическихъ кропильницъ, въ которыхъ хранится освященная вода, почему не дѣлать мѣдныхъ лампадъ, въ которыхъ горитъ сало или жиръ передъ бурханами монгола, почему не производить металлическихъ огнивъ, висящихъ у каждаго монгола за поясомъ? Каждый монголъ имѣетъ сѣдло съ кичимомъ—кусками кожи, спускающимися по обѣ стороны сѣдла, обычно разрисованными и раскрашенными. Китайскіе кичимы сдѣланы изъ очень плохой кожи и весьма непрочны. Тѣмъ не менѣе русскимъ, вывозящимъ изъ Монголіи массу сырыхъ кожъ, до сихъ поръ не пришло въ голову вывозить въ Монголію готовые кичимы, которые, конечно, получили бы сбытъ при лучшихъ качествахъ кожи и лучшихъ рисункахъ. Большой сбытъ имѣетъ въ Монголіи обувь китайскаго производства. Несомнѣнно, Россія могла бы поставлять свою обувь болѣе прочнаго характера, прививъ вкусъ къ валенымъ и кожанымъ сапогамъ, болѣе гигіеничнымъ, чѣмъ китайская обувь. Точно также всякій монголъ имѣетъ при себѣ трубку. Эти трубки китайскаго производства. Несомнѣнно, что эти издѣлія могутъ съ полнымъ успѣхомъ производиться у насъ на Уралѣ и въ другихъ мѣстахъ.

Могутъ найти себѣ сбытъ среди монголовъ спички, къ пользованію которыми они стали уже пріучаться. Покупаются ламами машинки для стрижки и для бритья волосъ, такъ какъ ламы должны носить короткіе волосы на головѣ и брить бороду и усы. Большой сбытъ могли бы найти себѣ табакерки, сдѣланныя согласно

вкусу туземцевъ. Мы могли бы вырабатывать ихъ гораздо дешевле на Уралѣ кустарнымъ способомъ. Точно также можно было бы доставлять на монгольскій рынокъ широкія кольца для ношенія на пальцахъ, которыя служатъ монголамъ для осаживанія табака въ трубкахъ.

По поводу возможнаго расширенія сбыта русскихъ товаровъ Ургинскій консулъ писалъ въ одномъ изъ своихъ отчетовъ: „Для того, чтобы приспособиться къ требованіямъ мѣстнаго рынка, надо внимательно изучать мелочи монгольской жизни и ихъ несложнаго хозяйства. Надо облегчить доступъ въ Монголію получающимъ здѣсь широкій сбытъ нашимъ желѣзнымъ и эмальированнымъ издѣліямъ въ духѣ монгольской домашней утвари и посуды. Кожа, главнымъ образомъ юфть, тоже найдетъ себѣ широкій и выгодный сбытъ въ Монголіи. Кромѣ того, въ Монголіи начинаютъ получать распространеніе наши валенки и вообще катаная обувь, что можетъ, при умѣлой постановкѣ дѣла, обезпечить громадный вывозъ этого товара изъ Россіи въ Монголію. Затѣмъ выдѣлка предметовъ буддійскаго религіознаго культа, главнымъ образомъ, мѣдныхъ бурхановъ, имѣющихъ громадный сбытъ среди монголовъ, бурятъ и калмыковъ, и также различныхъ спеціальныхъ видовъ парчи, вышитаго шелка и пр. принесла бы немалыя выгоды предпринимателямъ. Теперь все это сосредоточено исключительно въ рукахъ китайцевъ, имѣющихъ цѣлыя фабрики для выдѣлки однихъ только мѣдныхъ бурхановъ (напр., въ Долон-Норѣ)“.

Между тѣмъ, дѣлавшіяся со стороны купцовъ, торгующихъ въ Монголіи, попытки заказывать русскимъ фабрикантамъ тѣ или другія издѣлія для сбыта въ Монголіи, терпѣли неудачу вслѣдствіе пренебреженія фабрикантовъ къ небольшимъ заказамъ и вслѣдствіе дороговизны исполненныхъ издѣлій. Такъ, одинъ Кобдинскій торговецъ заказалъ крупной фабрикѣ металлическихъ издѣлій партію мѣдныхъ лампадъ, которыя были доставлены за весьма высокую цѣну и не совсѣмъ того образца, который былъ присланъ. При заказѣ другой фирмой мѣдныхъ кувшиновъ для чая фабрикантъ потребовалъ непремѣнно заказа на большое ихъ количество, такъ какъ для исполненія нужно было ставить особую машину. Такое же требованіе большихъ заказовъ предъявлялось со стороны металлическихъ фабрикантовъ, когда нѣкоторыя фирмы въ Ургѣ пробовали дѣлать заказы металлическихъ вещей для монгольскаго и китайскаго хозяйства. Подобныя требованія показываютъ непониманіе будущихъ интересовъ русской промышленности со стороны фабрикантовъ. Первые шаги при завоеваніи рынка никогда не могутъ давать большихъ прибылей. Нужно пріучить монголовъ

и сойотовъ къ произведеніямъ русской промышленности, и только впослѣдствіи можно разсчитывать на расширеніе сбыта и, слѣдовательно, производства. Фабриканты и заводчики виноваты въ томъ, что они слишкомъ малоподвижны, слишкомъ мало имѣютъ склонности къ разнаго рода опытамъ. Вмѣсто того, чтобы поддержать купцовъ въ ихъ полезныхъ и для промышленности, и для торговли стремленіяхъ, фабриканты окачиваютъ ихъ холодной водой и тѣмъ самымъ губятъ въ зародышѣ необходимыя начинанія. Нѣкоторая доля вины лежитъ и на самихъ купцахъ. Они виноваты въ томъ, что выступали со своими планами заказовъ по монголо-китайскимъ образцамъ разрозненно: вмѣсто того, чтобы подговорить компанію купцовъ къ общему заказу на крупную цифру, купецъ-иниціаторъ выступалъ въ одиночку, часто даже тайно отъ другихъ купцовъ, чтобы одному пожать лавры и прибыли. Съ другой стороны, купецъ виноватъ и въ томъ, что при этихъ заказахъ онъ поступалъ необдуманно: вмѣсто того, чтобы обратиться къ маленькимъ заводамъ и фабрикамъ, которые способны интересоваться всякими заказами, купецъ обращался къ крупнымъ промышленнымъ заведеніямъ. Часто это зависитъ отъ того, что купецъ совершенно не знаетъ, къ кому ему выгоднѣе и лучше обратиться. Большія фабрики извѣстны всѣмъ и каждому, о маленькихъ почти никто и ничего не знаетъ. Тѣмъ менѣе извѣстны русскіе кустари, которые въ особенности были бы полезны для русско-монгольской торговли.

Характеръ нашего товарообмѣна съ Монголіей становится все болѣе пассивнымъ. Русскіе все болѣе вывозятъ въ Монголію деньги, а ввозятъ оттуда сырье и скотъ. Это положеніе не можетъ считаться выгоднымъ для Россіи. Представляется существенно важнымъ усилить движеніе товаровъ изъ Россіи. Для этого слѣдуетъ позаботиться о развитіи переработки монгольскаго сырья въ мѣстностяхъ Сибири, прилегающихъ къ Монголіи. Правда, и въ настоящее время часть привозимаго изъ Монголіи сырья обрабатывается въ Сибири и отправляется назадъ въ выдѣланномъ видѣ. Однако такая переработка производится въ ничтожныхъ размѣрахъ и можетъ быть значительно расширена.

В. Самодѣятельность банковъ.

Важнымъ факторомъ успѣха русской торговли является облегченіе кредита. Недостатокъ, малодоступность и дороговизна кредита для торгующихъ въ Монголіи съуживаетъ размѣръ операцій многихъ изъ нихъ, въ особенности болѣе мелкихъ торговцевъ, ра-

ботающихъ не столько собственнымъ капиталомъ, сколько заемнымъ. Этимъ и объясняется экономическая зависимость мелкихъ торговцевъ отъ крупныхъ оптовиковъ, у которыхъ они забираютъ по повышенной цѣнѣ товары для продажи въ Монголіи и которымъ они обязываются сдавать по пониженной цѣнѣ собираемое ими сырье.

Учрежденіе отдѣленій банковъ въ важнѣйшихъ пунктахъ Монголіи, какъ, напр., въ Улясутаѣ, Ургѣ, было бы весьма благодѣтельно для русской торговли. Многіе торговцы могли бы получить въ банкѣ въ нужный моментъ кредитъ, что облегчило бы имъ оборотъ. Сами банки могли бы развить комиссіонныя операціи по скупкѣ сырья въ Монголіи, могли бы развить кредитъ хошунамъ подъ обезпеченіе поставки сырья. Банки могли бы съ большой выгодой использовать право выпускать банковые билеты и тѣмъ безъ особыхъ затратъ увеличивать свой оборотный капиталъ. Также могли бы русскіе банки регулировать курсы на серебро, колебанія которыхъ приносятъ нерѣдко большіе убытки купцамъ. Конечно, уставы монгольскихъ отдѣленій банковъ должны быть приспособлены къ условіямъ монгольской торговли.

ГЛАВА IX.

Русско-Китайскій договоръ и его пересмотръ.

Первымъ торговымъ договоромъ между Россіей и Китаемъ является Буринскій договоръ, заключенный въ 1728 году. Согласно ему, на русской границѣ была основана Кяхта, а въ ста саженяхъ отъ послѣдней Маймаченъ. Здѣсь должна была происходить мѣновая торговля между обоими государствами, свободная отъ пошлинъ.

Далѣе въ 1851 году былъ заключенъ въ Кульджѣ трактатъ, устанавливавшій права торговли для подданныхъ Россіи и Китая въ Или и Тарбагатаѣ. Тянь-Цзинскій трактатъ 1858 года распространилъ право торговли русскихъ на порты Китая. Пекинскій договоръ 1860 г. предоставилъ русскимъ право торговли въ Ургѣ и Калганѣ, а также въ Кашгарѣ. Правила сухопутной торговли, принятыя въ Пекинѣ въ 1869 г., установили безпошлинную торговлю на разстояніи 100 китайскихъ ли (около 50 верстъ) въ ту и другую сторону границы и опредѣлили порядокъ слѣдованія торговыхъ карavановъ изъ Россіи въ Тянь-Цзинъ.

Наконецъ, въ 1881 году былъ заключенъ съ Китаемъ Петербургскій договоръ, первоначально на 10 лѣтъ. По статьѣ 15, „торговыя постановленія договора и правила, составляющія дополненіе къ нимъ, могутъ быть подвергнуты пересмотру по прошествіи 10 лѣтъ со дня размѣна ратификацій договора; если въ теченіе 6 мѣсяцевъ до окончанія этого срока, ни одна изъ договаривающихся сторонъ не заявитъ желанія приступить къ пересмотру, торговыя постановленія и правила останутся въ силѣ на новый десятилѣтній срокъ“.

Съ того времени ни въ 1891 г., ни въ 1901 г. стороны не заявляли о своемъ желаніи измѣнить содержаніе договора. Въ нынѣшнемъ 1911 году дѣло обстоитъ иначе и Китай уже заявилъ о желаніи пересмотрѣть договоръ.

Въ виду этого представляется особенно важнымъ разсмотрѣть детально содержаніе договора и опредѣлить его значеніе для Россіи.

По договору 1881 года Россія вернула Китаю Илійскій край, временно занятый русскими съ 1871 года, а за это получила отъ Китая рядъ существенныхъ правъ и привилегій въ торговомъ отношеніи. Въ договорѣ опредѣлялся порядокъ возвращенія Китаю Илійскаго края, устанавливались права русскихъ купцовъ, а въ приложенныхъ „Правилахъ для сухопутной торговли“ устанавливался порядокъ торговыхъ сношеній русскихъ при слѣдованіи изъ Россіи грунтовыми трактами.

Однако вводя рядъ новыхъ положеній, договоръ 1881 года сохранялъ въ силѣ всѣ постановленія прежнихъ договоровъ между Россіей и Китаемъ, не измѣненныя настоящимъ договоромъ (статья 19).

Центральнымъ пунктомъ договора является статья 12, гласящая слѣдующее: „Русскимъ подданнымъ предоставляется право по-прежнему торговать безпошлинно въ подвластной Китаю Монголіи, какъ въ мѣстахъ и аймакахъ, въ которыхъ существуетъ китайское управленіе, такъ и въ тѣхъ, гдѣ онаго не имѣется. Правомъ безпошлинной торговли русскіе подданные будутъ равнымъ образомъ пользоваться въ городахъ и прочихъ мѣстахъ Илійскаго, Тарбагатайскаго, Кашгарскаго, Урумційскаго и прочихъ округовъ, лежащихъ по сѣверному и южному склону Тянь-Шаньскаго хребта, до Великой Стѣны. Право это будетъ отмѣнено, когда съ развитіемъ торговли возникнетъ необходимость установить таможенный тарифъ, о чемъ оба правительства войдутъ въ соглашеніе. Русскіе подданные могутъ ввозить въ упомянутыя выше китайскія области и вывозить изъ нихъ всякія произведенія, какого бы происхожденія они ни были. Покупки и продажи они могутъ совершать на деньги или посредствомъ обмѣна товаровъ; уплаты же они имѣютъ право производить товарами всякаго рода“.

Статья 16 гласитъ: „Если бы, съ развитіемъ русской сухопутной торговли, возникла необходимость установить таможенный тарифъ на ввозимые въ Китай и вывозимые оттуда товары, болѣе соотвѣтствующій потребностямъ этой торговли, чѣмъ нынѣ дѣйствующіе тарифы, Россійское и Китайское правительства войдутъ между собой въ соглашеніе по этому предмету, принявъ за основаніе, для опредѣленія ввозныхъ и вывозныхъ пошлинъ, пятипроцентное со стоимости товаровъ обложеніе. До установленія же этого тарифа, вывозныя пошлины, взимаемыя нынѣ съ нѣкоторыхъ сортовъ чая низшаго качества, въ размѣрѣ, одинаковомъ съ пошлинами на чай высшаго достоинства, будутъ уменьшены соразмѣрно со стоимостью этихъ низшихъ сортовъ чая. Опредѣленіе этихъ пошлинъ на каждый сортъ чая послѣдуетъ по соглашенію Китайскаго

правительства съ Россійскимъ посланникомъ въ Пекинѣ, не позже одного года со дня размѣна ратификацій настоящаго договора".

Повидимому, 12-ый пунктъ договора составитъ предметъ большихъ споровъ со стороны Китая. Однако, нельзя не признать въ этомъ недоразумѣнія. Дѣло въ томъ, что введеніе таможенныхъ пошлинъ имѣетъ неодинаковое значеніе для Россіи и для Китая. Взаимный товарообмѣнъ этихъ двухъ странъ имѣетъ гораздо большее значеніе для Китая, чѣмъ для Россіи. Въ то время, какъ вывозъ Россіи въ Китай составлялъ въ 1908 г. 23 мил. руб., вывозъ Китая въ Россію опредѣлялся суммой въ 93 мил. руб. Поэтому разстройство существующихъ торговыхъ отношеній между обоими государствами нанесетъ Китаю значительно большій экономическій ущербъ, чѣмъ Россіи.

На совѣщаніи бійскихъ купцовъ въ 1911 году было правильно отмѣчено, что „русская торговля даетъ серьезный заработокъ населенію Монголіи въ видѣ высокой платы за провозъ сырья до границъ Россіи въ размѣрѣ до 40.000 лановъ, не говоря уже о томъ заработкѣ, который дается туземному населенію на многочисленныхъ мойкахъ и факторіяхъ русскихъ купцовъ въ Монголіи и милліонныхъ доходахъ отъ продажи русскимъ сырья, пушнины и шерсти".

Китайское правительство, домогаясь установленія пошлинъ на русскіе товары, ссылается на слова договора о введеніи таможеннаго тарифа съ развитіемъ торговли. Однако, какъ мы видѣли, если торговля съ Монголіей и развивается, то односторонне—въ смыслѣ увеличенія ввоза въ Россію монгольскаго сырья. Эта же торговля имѣетъ наибольшее значеніе для монголовъ и китайцевъ, а не для русскихъ. Китай стремится въ своей торговой политикѣ къ усиленію вывоза и созданію такъ называемаго благопріятнаго торговаго баланса. Въ этомъ отношеніи для него существенно важно не только сохранить вывозъ изъ Монголіи въ Россію, но даже усилить его. Учрежденіе новыхъ консульствъ, на которое ссылается китайское правительство, какъ на доказательство развившейся торговли, объясняется вовсе не ростомъ торговли, а цѣлями улучшенія политическихъ сношеній съ Китаемъ и стремленіемъ еще только содѣйствовать росту русской торговли.

Наложеніе пошлинъ на русскіе товары было бы сдѣлано въ размѣрѣ 5% къ цѣнности. Конечно, это обстоятельство удорожило бы русскіе товары въ Монголіи или, при существованіи конкуррирующихъ товаровъ, заставило бы русскихъ купцовъ поступиться небольшой частью своей прибыли. Въ случаѣ полнѣйшей невозможности избѣгнуть обложенія русскихъ товаровъ можно было бы до-

пустить его при условіи сохраненія исключительнаго права русскихъ на торговлю въ Монголіи. Кромѣ того при введеніи китайскихъ пошлинъ необходимо провести различіе между тѣми русскими товарами, которые испытываютъ конкурренцію въ Монголіи съ иностранными издѣліями, и тѣми товарами, которые не имѣютъ конкурренціи. Первые должны быть обложены легче вторыхъ.

Ни для Китая, ни для Россіи невыгодно наложеніе со стороны Россіи пошлинъ на привозимое изъ Монголіи сырье.

Китай съ введеніемъ такихъ пошлинъ пострадаетъ отъ сокращенія своего вывоза въ Россію.

Съ другой стороны, обложеніе монгольскаго сырья русскими пошлинами прекратило бы ввозъ его въ Россію и черезъ Россію заграницу. Такъ какъ русскіе купцы занимаются теперь главнымъ образомъ скупкой сырья для его выгодной перепродажи, то наложеніе пошлинъ, уничтожая выгодность ввоза, поведетъ къ тому, что купцы начнутъ экспортировать это сырье заграницу черезъ китайскіе порты. Интересы Россіи пострадаютъ отъ этого весьма чувствительно. Въ особенности пострадаютъ интересы тѣхъ районовъ и городовъ Сибири, которые участвуютъ въ торговомъ оборотѣ съ Монголіей, какъ Бійскъ, Минусинскій уѣздъ, Усинскій край, Кяхта, Троицкосавскъ. Россія лишится дохода отъ транспортировки грузовъ и отъ торговаго оборота ими и не будетъ имѣть возможности перерабатывать хотя часть сырья въ издѣлія для обратнаго ввоза въ Монголію. На обложеніе Китаемъ русскихъ товаровъ пошлинами можно бы отвѣтить другими мѣрами, затрогивающими интересы Китая, а не введеніемъ пошлинъ со стороны Россіи.

Намъ представляется большой ошибкой установленіе пошлинъ по закону 16 января 1909 года. Эта реформа имѣетъ ничтожное значеніе для промышленности Европейской Россіи, которая слишкомъ удалена отъ рынковъ Восточной Сибири. Кромѣ того введеніе пошлинъ чрезвычайно удорожило жизнь населенія въ Восточной Сибири. Наконецъ, для сухопутной границы Сибири таможенная реформа не можетъ имѣть значенія покровительственной мѣры по отношенію къ русской промышленности, такъ какъ черезъ границы Монголіи почти не провозится въ Россію промышленныхъ издѣлій. Исключеніемъ является че-су-ча, которая ввозилась раньше безпошлинно въ большомъ количествѣ и являлась предметомъ потребленія даже небогатыхъ классовъ въ Россіи. Теперь она обложена по 12 руб. 60 коп. за фунтъ, въ результатѣ чего по Кяхтинской таможнѣ сразу прекратился ввозъ че-су-чи, нѣсколько китайскихъ торговыхъ и промышленныхъ фирмъ раззори-

лись, а возбужденіе китайцевъ противъ русскихъ сильно обострилось. Наоборотъ въ Берлинѣ открываются теперь новыя торговыя предпріятія для сбыта китайской че-су-чи. Конкурренція этой ткани русскимъ шелковымъ тканямъ несущественна, и потому обложеніе ея пошлиной безъ всякой пользы для Россіи только ухудшило наши отношенія къ Китаю. Извѣстно, что нѣсколько Ургинскихъ китайскихъ купцовъ обратилось по этому поводу съ жалобами Пекинскому правительству на Россію.

Ради сохраненія безпошлиннаго ввоза русскихъ товаровъ въ Монголію мы горячо рекомендовали бы пересмотръ закона 16 января 1909 года и полагали бы возможнымъ отмѣну его, какъ компенсацію для Китая въ сохраненіи безпошлинной русской торговли въ Монголіи.

Въ связи съ сказаннымъ слѣдуетъ остановиться на существующей безпошлинной торговлѣ русскихъ и китайскихъ подданныхъ въ пограничной стоверстной полосѣ. Согласно статьѣ I „Правилъ для сухопутной торговли“, „въ границѣ обоихъ государствъ, на разстояніи пятидесяти верстъ (100 китайскихъ ли) въ ту и другую сторону, дозволяется свободная и безпошлинная торговля между русскими и китайскими подданными. Въ надзорѣ за этой торговлей каждое правительство будетъ слѣдовать своимъ пограничнымъ постановленіямъ“.

Эта пограничная полоса имѣла значеніе для русской торговли въ прежнія времена, когда русскіе купцы не имѣли права въѣзжать внутрь Монголіи и когда они отправлялись къ границѣ для торговли съ монголами. Теперь въ предѣлахъ пограничной полосы не совершается почти никакихъ торговыхъ сдѣлокъ. Наоборотъ, существованіе безпошлинной полосы облегчаетъ, по свидѣтельству таможенныхъ чиновъ, контрабанду пошлинными товарами, напр., зеленымъ кирпичнымъ чаемъ. Но за то эта полоса имѣетъ положительное значеніе для приграничнаго русскаго населенія тамъ, гдѣ она даетъ траву, хорошій выпасъ для скота, лѣсъ, особенно въ Забайкальѣ, населеніе котораго имѣетъ въ монгольскихъ степяхъ существенное подспорье для своего хозяйства. Кромѣ того пограничная полоса обезпечиваетъ пастбища для прогоняемаго скота (напр., около селенія Тунки). Она удобна для русскихъ и въ виду существующей неточности и неопредѣленности границы, особенно въ Сойотіи, гдѣ благодаря полосѣ значительная часть края можетъ разсматриваться, какъ льготный районъ безпошлинной торговли.

По поводу этой полосы возникаетъ рядъ недоразумѣній съ Китайскимъ правительствомъ. Послѣднее указываетъ, что учрежде-

ніе на самой границѣ, въ предѣлахъ безпошлинной полосы, Кяхтинской таможни является нарушеніемъ установленнаго правила. Въ первой половинѣ XIX вѣка, по словамъ Попова, таможенныя заставы были поставлены не между Кяхтой и Маймаченомъ , а между Кяхтой и Троицкосавскомъ. По Пекинскому договору 1860 года 50-верстная полоса въ Восточной части Сибири была объявлена свободной отъ пошлинъ. Таможня въ Кяхтѣ была переведена въ Иркутскъ, а застава была поставлена въ Култукѣ, на границѣ Иркутской губерніи. Въ Забайкальѣ и Пріамурьѣ было установлено порто-франко. Послѣ проведенія Сибирской желѣзной дороги возникъ вопросъ объ уничтоженіи свободной торговли на Востокѣ. Въ 1901 г. порто-франко на Амурѣ и въ Забайкальѣ было уничтожено, а вмѣстѣ съ тѣмъ вернули таможню въ Кяхту и установили таможенную заставу между Кяхтой и Маймаченомъ. Это возстановленіе Кяхтинской таможни идетъ въ разрѣзъ какъ съ Буринскимъ договоромъ 1728 года, установившимъ на вѣчныя времена безпошлинную торговлю въ Кяхтѣ и Маймаченѣ, такъ и съ договоромъ 1881 года, подтвердившимъ существованіе безпошлинной торговли въ предѣлахъ 50-верстной полосы русской границы.

Кромѣ того слѣдуетъ указать на злоупотребленія, практикуемыя торговцами на Кяхтинской таможнѣ. Много русскихъ издѣлій идетъ черезъ эту таможню со сложеніемъ пошлинъ и акцизовъ, напр., хлопчатобумажныя ткани, спички и пр. Вывезя для виду эти льготные товары изъ Кяхтинской таможни въ Маймаченъ, торговцы затѣмъ ввозятъ ихъ обратно контрабанднымъ путемъ. Бороться съ этимъ зломъ таможня не имѣетъ достаточно силъ и средствъ, и въ результатѣ терпитъ казна и русскій плательщикъ налоговъ, а россійская промышленность ничего не выигрываетъ.

Другая жалоба, возбуждавшаяся китайцами, касается взиманія русскими властями съ китайцевъ, торгующихъ въ предѣлахъ льготной пограничной полосы, промысловаго налога. Именно Омская казенная палата распорядилась въ 1910 году взимать промысловый налогъ съ китайцевъ, торгующихъ въ пограничномъ мѣстечкѣ Бахтѣ. Вопросъ заключается, конечно, въ томъ, какъ толковать выраженіе „свободная и безпошлинная торговля“. Можно признать, что здѣсь идетъ дѣло вообще о торговлѣ, свободной отъ какого бы то ни было обложенія со стороны того или другого государства. И мы поддержали бы такое толкованіе просто по соображеніямъ цѣлесообразности. Взиманіе промысловаго налога съ китайскихъ подданныхъ дало бы такую ничтожную сумм, о которой не стоитъ и говорить. Между тѣмъ самый процессъ обложенія и

связанныя съ нимъ недоразумѣнія вызываютъ раздраженіе и недружелюбіе, ради устраненія которыхъ можно свободно пожертвовать ничтожными фискальными результатами разбираемой мѣры.

Было бы весьма важно сохранить за русскими то исключительное право на безпошлинную торговлю, какое установлено договоромъ 1881 года. По газетнымъ сообщеніямъ, японцы, напр., домогаются признанія за ними тождественныхъ съ русскими правъ въ Монголіи. Надо признать, что допущеніе иностранцевъ въ предѣлы Монголіи на одинаковыхъ правахъ съ русскими подорветъ положеніе русскихъ. Уже и теперь встрѣчаются среди торгующихъ въ Монголіи фирмъ нѣмецкія фирмы, дѣйствующія, правда, черезъ довѣренныхъ русскаго пр оисхожденія, но тѣмъ не менѣе дѣйствующія открыто отъ своего имени и на иностранные капиталы. Такая торговля должна разсматриваться, какъ нарушеніе существующихъ правъ русскихъ.

Въ настоящее время китайское правительство стремится всѣми силами къ уничтоженію кредитной торговли съ монголами. При насъ въ Кобдо обсуждалась на собраніи мѣстнаго купечества бумага русскаго посланника въ Пекинѣ, въ которой указывалось, что пекинское правительство относится отрицательно къ торговлѣ русскихъ въ кредитъ и требуетъ ея уничтоженія. Посланникъ, признавая невозможнымъ полное прекращеніе этой торговли, предлагалъ позаботиться о возможномъ ея сокращеніи. Намъ представляется подобное требованіе не вытекающимъ изъ договора 1881 года. Статья 12 гласитъ: „Покупки и продажи русскіе могутъ совершать на деньги, или посредствомъ обмѣна товаровъ, уплаты же они имѣютъ право производить товарами всякаго рода“. Въ статьѣ не говорится, что обмѣнъ товаровъ долженъ быть непремѣнно наличный. А договоръ 1860 года, поскольку онъ не отмѣненъ послѣдующимъ, прямо допускаетъ кредитныя сдѣлки: „Какъ русскіе въ Китаѣ, такъ и Китайскіе подданные въ Россіи могутъ...... продавать и покупать разные товары оптомъ или въ розницу, на деньги или посредствомъ мѣны, давать и брать въ долгъ по взаимному довѣрію“ (ст. 7).

Независимо отъ этого уничтоженіе кредитной торговли невозможно въ Монголіи по условіямъ ея хозяйственнаго быта. Этотъ бытъ, какъ мы указывали выше (гл. III, отд. IV), создаетъ безусловную экономическую необходимость въ заборѣ монголами и сойотами всѣхъ нужныхъ товаровъ въ кредитъ съ обязательствомъ уплаты за нихъ въ тѣ сроки, когда поспѣетъ сырье ихъ хозяйства.

Стремленіе китайскаго правительства уничтожить кредитную торговлю русскихъ можетъ быть объяснено желаніемъ вытѣснить

русскихъ купцовъ съ монгольскаго рынка для того, чтобы обезпечить его за китайскими купцами, которые не только не стѣсняются подобными требованіями, но наоборотъ энергично поддерживаются въ ихъ взысканіяхъ по кредитнымъ сдѣлкамъ съ монголовъ.

Въ виду этого необходимо настоять на открытомъ признаніи права русскихъ торговцевъ кредитовать какъ отдѣльныхъ монголовъ и сойотовъ, такъ и цѣлые хошуны. Кредитованіе хошуновъ имѣло бы и политическое значеніе, такъ какъ усилило бы вліяніе русскихъ среди монголовъ и содѣйствовало бы престижу русскаго имени.

За послѣднее время Китайскія власти въ Западной Монголіи, принимая негласное участіе въ чайной торговлѣ и заинтересованныя въ отстраненіи отъ нея иностранцевъ, начали запрещать русскимъ торговцамъ продавать китайскій кирпичный чай въ Или, Тарбагатаѣ и Синузянской провинціи. Въ апрѣлѣ же 1910 года было оффиціально опубликовано объ учрежденіи въ Или и Таргабатаѣ китайской акціонерной компаніи для монопольной торговли чаемъ.

Это стѣсненіе русскихъ въ торговлѣ чаемъ противорѣчитъ пункту 12 договора, по которому русскіе могутъ „ввозить и вывозить въ китайскія области произведенія, какого бы происхожденія они ни были". Другими словами, русскіе совершенно безпрепятственно могутъ торговать и китайскими товарами.

Существующій договоръ предоставляетъ русскимъ право собственности на дома въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ есть русскія консульства. Статья 13 договора гласитъ: „Въ мѣстахъ, гдѣ Россійское правительство будетъ имѣть право учредить консульства, а равно и въ городѣ Калганѣ, русскіе подданные могутъ строить собственные дома, лавки, амбары и другія зданія на участкахъ, которые будутъ пріобрѣтаться ими, или же отводиться имъ мѣстными властями, согласно съ тѣмъ, что постановлено въ 13-й статьѣ договора, заключеннаго въ Кульджѣ въ 1851 г., для Или и Тарбагатая [1]. Преимущества, предоставленныя русскимъ подданнымъ въ Калганѣ, гдѣ консульство не будетъ учреждено, составляютъ не-

[1]) Ст. 13 Кульджинскаго договора говоритъ: „Такъ какъ русскіе купцы пріѣзжающіе въ Китай для торговли, непремѣнно должны имѣть мѣсто для факторій, то Китайское правительство въ обоихъ торговыхъ городахъ, Или и Тарбагатаѣ, отводитъ, близъ торговыхъ дворовъ, мѣста, на которыхъ бы русскіе подданные могли построить на свой счетъ дома для жительства и складочные магазины для товаровъ".

ключеніе, которое не можетъ быть распространено на какое либо другое мѣсто во внутреннихъ областяхъ".

Надо замѣтить, что, несмотря на разрѣшеніе договора, въ Улясутаѣ уже 5 лѣтъ какъ существуетъ русское консульство, однако русскимъ все еще не предоставлено право недвижимой собственности. Даже само консульство помѣщается въ неважномъ зданіи. Это упущеніе должно быть по возможности скорѣе исправлено.

Весьма сложенъ и затруднителенъ порядокъ отвода земли подъ постройки русскихъ. Онъ требуетъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ сложной консульской процедуры. Вслѣдствіе этого количество земли, отведенной русскимъ, искуственно ограничено и дѣлается предметомъ спекуляціи.

Съ образованіемъ консульства въ Кобдо на очереди стоитъ предоставленіе русскимъ права пріобрѣтать собственные дома и въ этомъ городѣ.

Однако этимъ не исчерпывается вопросъ о правѣ недвижимой собственности для русскихъ. Въ настоящее время масса русскихъ, находящихся въ предѣлахъ хошуновъ, живетъ тамъ по большей части во временныхъ юртахъ и только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, съ особаго разрѣшенія мѣстныхъ князей, они выстраиваютъ на отведенныхъ мѣстахъ глинобитные домики, иногда даже оффиціально на имя самого князя или какого-нибудь китайца. Такимъ образомъ возможность для русскихъ порядочно устроиться въ хошунахъ всецѣло зависитъ отъ доброй воли и расположенія мѣстныхъ властей. Въ 1908 г. вновь назначенный амбынь Алтайскаго округа въ Западной Монголіи приказалъ снести всѣ возведенныя постройки русскихъ, что и было исполнено. Уцѣлѣлъ одинъ домъ купца Попова. Экспедиція видѣла остатки разрушенныхъ стѣнъ такихъ русскихъ домовъ. Правда, послѣ этого возникъ вопросъ о вознагражденіи русскихъ за понесенные убытки и, по монгольскимъ обычаямъ, плоды фантазіи амбыня должны были пасть на плечи ничѣмъ неповинныхъ монголовъ. Хошуны были вынуждены заплатить эти убытки.

Существенно важно для развитія русской торговли получить для русскихъ право имѣть недвижимую собственность не только въ городахъ, гдѣ существуютъ консульства, но и вообще вездѣ по Монголіи. Самый простой и желательный способъ рѣшенія этого вопроса—это предоставленіе русскимъ права пріобрѣтать недвижимую собственность на одинаковыхъ съ китайцами основаніяхъ.

Вмѣстѣ съ развитіемъ экономическихъ связей Россіи и Монголіи выдвигается естественно другой важный вопросъ—о предоставленіи русскимъ права заниматься въ Монголіи не только тор-

ловлей, но и промышленностью. Объ этомъ правѣ договоръ не говоритъ ни слова. Между тѣмъ сама жизнь съ необходимостью толкаетъ русскихъ къ промышленнымъ занятіямъ. Уже и сейчась многія русскія фирмы устроили шерстомойки для того, чтобы вывозить изъ Монголіи шерсть въ чистомъ видѣ, что дастъ значительную экономію на провозѣ.

Сѣверо-западная Монголія и въ особенности Сойотія заключаютъ въ себѣ большія рудныя богатства, разработка которыхъ до сихъ поръ отсутствуетъ, за исключеніемъ зачатковъ золотопромышленности. Между тѣмъ правильно поставленная разработка этихъ богатствъ открыла бы новую область предпріимчивости для русскихъ и новый источникъ заработковъ для туземнаго населенія.

Весьма желательно было бы получить для русскихъ право заняться рыбной ловлей въ многочисленныхъ озерахъ и рѣкахъ Монголіи, изобилующихъ рыбой благодаря тому, что сами монголы не употребляютъ рыбы въ пищу и не занимаются рыболовствомъ.

Право заниматься разными промыслами особенно важно для русскихъ въ районѣ Монголіи, прилегающей къ Забайкалью. Здѣсь имѣются богатые луга, пастбища, превосходные лѣса, залежи ископаемыхъ и пр. Узаконенное право использованія этихъ естественныхъ богатствъ устранитъ хищническіе и неправомѣрные пріемы пользованія угодьями, о чемъ мы говорили на стр. 158.

До сихъ поръ попытки устройства промышленныхъ предпріятій встрѣчаютъ со стороны мѣстныхъ властей отрицательное отношеніе. Напр., около Уланкома одинъ русскій вздумалъ выстроить водяную мельницу, потребность въ которой въ этомъ районѣ вызывается существующимъ земледѣліемъ. Однако мѣстное начальство, по настояніямъ китайцевъ, занимающихся помоломъ зерна, потребовало сломки мельницы.

Въ Монголіи можно было бы не только организовать промышленное скотоводство, рыболовство, лѣсоводство, но и завести мѣстную обработку кожъ, которыя для этой цѣли везутся теперь въ Россію, выдѣлку овчинъ, выдѣлку деревянныхъ издѣлій и пр. Въ частности среди русскаго купечества возникла мысль организовать автомобильное сообщеніе по Монголіи. Для этого нужно выговорить право на устройство таковаго. Кромѣ того необходимо получить право ставить телефоны мѣстнаго сообщенія (напр., между конторой и шерстомойкой), такъ какъ до сихъ поръ постановка такихъ телефоновъ запрещалась.

Развитіе промышленныхъ предпріятій не только дало бы новыя приложенія русскому капиталу, но и создало бы новые источники дохода для самихъ монголовъ, дало бы толчекъ развитію

производительныхъ силъ Монголіи, усилило бы покупательныя средства населенія, вызвало бы развитіе земледѣлія, вообще явилось бы могучимъ факторомъ экономическаго прогресса страны.

Особая статья договора разрѣшаетъ вопросъ объ учрежденіи русскихъ консульствъ. Именно 10-ая статья говоритъ: „Принадлежащее Россійскому правительству по договорамъ право назначать консуловъ въ Или, Тарбагатаѣ и Ургѣ распространяется отнынѣ на города Су-Чжеу (Цзя-Юй-Гуань) и Турфанъ. Въ городахъ Кобдо, Улясутаѣ, Хами, Урумци и Гученѣ Россійское правительство будетъ учреждать консульства по мѣрѣ развитія торговли и по соглашенію съ Китайскимъ правительствомъ. Консулы въ Су-Чжеу и Турфанѣ будутъ исполнять консульскія обязанности въ сосѣднихъ округахъ, въ которыхъ интересы русскихъ подданныхъ будутъ требовать присутствія ихъ“.

Согласно статьѣ, безусловное право учреждать консульства предоставлено Россіи только для первыхъ 5 перечисленныхъ городовъ. Въ остальныхъ 5 городахъ это право поставлено въ зависимость отъ развитія торговли и согласія Китайскаго правительства. Слѣдуетъ получить болѣе широкое право учреждать консульства вообще въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это вызывается потребностями русской торговли и пріѣзжихъ русскихъ. Развитая торговля отнюдь не должна служить основаніемъ къ открытію консульства. Наоборотъ, консульство учреждается для содѣйствія развитію торговли.

На этомъ пунктѣ какъ разъ возникли пререканія между русскимъ и китайскимъ правительствомъ. Первое настаивало на учрежденіи консульства въ Кобдо, а второе, ссылаясь на текстъ статьи, говорило, что, разъ Россія находитъ нужнымъ съ развитіемъ торговли учредить консульство въ Кобдо, это указываетъ на необходимость введенія таможеннаго тарифа согласно статьѣ 16. Однако справедливо, что эти двѣ статьи не связаны между собой причинностью, и развитіе торговли, ведущее къ открытію консульства, еще не есть то развитіе торговли, которое должно повести за собой введеніе таможеннаго тарифа. Въ цѣляхъ большей точности и ясности слѣдуетъ формулировать этотъ пунктъ безъ тѣхъ условій, какія существуютъ теперь.

О правахъ консуловъ говоритъ та же 10 статья договора: „Постановленія 5-ой и 6-ой статей договора, заключеннаго въ Пекинѣ въ 1860 году [1]), относительно отвода участковъ земли подъ зданія

---

[1]) Въ статьѣ 5 говорится: „Въ Ургѣ Русскому правительству предоставляется право имѣть консула, съ нѣсколькими при немъ людьми и на свой счетъ выстроить для него помѣщеніе. Касательно отвода земли подъ зданіе, величины постройки сего послѣдняго, равно и отвода мѣста подъ пастбище, предоставляется войти въ соглашеніе съ Ургинскими правителями“.

консульства и подъ кладбища, будутъ относиться также къ городамъ Су-Чжеу и Турфану. До постройки зданій для консульствъ мѣстныя власти будутъ оказывать консуламъ содѣйствіе къ прінсканію необходимыхъ для нихъ временныхъ помѣщеній. Россійскіе консулы въ Монголіи и въ округахъ, лежащихъ по обоимъ склонамъ Тянь-шаня, будутъ пользоваться, для переѣздовъ своихъ и пересылки корреспонденціи, правительственными почтовыми учрежденіями, согласно съ тѣмъ, что постановлено въ 11-ой статьѣ Тяньцзинскаго договора и въ 12-ой статьѣ Пекинскаго договора [1]). Китайскія власти, къ которымъ они будутъ обращаться съ этой цѣлью, будутъ оказывать имъ содѣйствіе".

Въ послѣднее время и по этому поводу происходили между Россіей и Китаемъ недоразумѣнія. Амбынь Алтайскаго округа, Си-Хэнъ, когда русскій консулъ въ Улясутаѣ прибылъ въ его округъ для выясненія нѣкоторыхъ недоразумѣній, отказалъ предоставить, согласно договору, для консула монгольскую почту и требовалъ, чтобы онъ нанималъ для своихъ переѣздовъ и для посылки дѣловой корреспонденціи лошадей и верблюдовъ частнымъ образомъ.

Слѣдуетъ выработать болѣе цѣлесообразный судебный порядокъ разбора споровъ между русскими и туземнымъ населеніемъ. Сейчасъ этотъ вопросъ регулируется статьей 11 договора. „Всѣ дѣла, которыя будутъ возникать между подданными обоихъ государствъ, въ китайскихъ предѣлахъ, по поводу торговыхъ и другого рода сдѣлокъ, будутъ разбираться и рѣшаться консулами и китайскими властями по взаимному соглашенію. Въ тяжбахъ по торговымъ дѣламъ обѣимъ сторонамъ предоставляется окончить дѣло полюбовно, при содѣйствіи посредниковъ, выбранныхъ каждой стороной. Если бы соглашеніе не было достигнуто этимъ путемъ, дѣло разбирается и рѣшается властями обоихъ государствъ".

Выше указывалось, что споры русскихъ и туземнаго населенія разрѣшаются особыми судами, состоящими изъ русскихъ и китайскихъ, отчасти мѣстныхъ (монгольскихъ и сойотскихъ), властей. Эти суды функціонируютъ весьма неудовлетворительно, и потому слѣдовало бы въ новомъ договорѣ болѣе подробно установить правила о составѣ судовъ, о порядкѣ разбирательства дѣлъ, о спосо-

---

Въ ст. 6 говорится: „Въ Кашгарѣ Китайское правительство отводитъ въ достаточномъ количествѣ землю для постройки факторіи, со всѣми нужными при ней зданіями для жилища и склада товаровъ, церкви и т. п., а также мѣсто для кладбища. Объ отводѣ мѣстъ для вышеозначенныхъ надобностей будетъ сообщено теперь же управляющему Кашгарскимъ краемъ".

[1]) Въ этихъ статьяхъ подробно опредѣляется число и порядокъ посылки почтъ для нуждъ русскихъ консульствъ.

бахъ приведенія рѣшеній въ исполненіе. Однако и при существующемъ порядкѣ за послѣднее время были недоразумѣнія съ Китаемъ. Упомянутый уже амбынь Алтайскаго округа отказался разбирать съ русскимъ чиновникомъ дѣла, въ которыхъ истцами являлись русскіе, а отвѣтчиками китайскіе подданные, ссылаясь на неполученіе инструкцій изъ Пекина.

Вопросъ о пограничныхъ караулахъ и о порядкѣ перехода русскихъ черезъ границу регламентированъ статьей 2 „Правилъ для сухопутной торговли": „Русскіе подданные, отправляющіеся для торговли въ Монголію и въ округи, лежащіе по сѣверному и южному склону Тянь-Шаня, могутъ переходить границу только въ извѣстныхъ пунктахъ, исчисленныхъ въ спискѣ, приложенномъ къ настоящимъ Правиламъ. Они должны быть снабжены билетами отъ русскаго начальства, на русскомъ и китайскомъ языкахъ, съ монгольскимъ или татарскимъ переводомъ. Билетъ долженъ предъявляться, при вступленіи въ китайскіе предѣлы, въ ближайшемъ къ границѣ китайскомъ караулѣ, гдѣ, по провѣркѣ, караульное начальство должно сдѣлать на немъ надлежащую замѣтку. Китайскія власти имѣютъ право задерживать купцовъ, перешедшихъ границу безъ билетовъ и препровождать ихъ къ ближайшему русскому пограничному начальству или подлежащему консулу, для строгаго наказанія ихъ".

Въ приложеніи приведенъ списокъ пограничныхъ пунктовъ, черезъ которые русскіе могутъ переѣзжать въ предѣлы Китайской имперіи. Согласно примѣчанію, „этотъ списокъ можетъ быть измѣняемъ по соглашенію между Россійскимъ посланникомъ въ Пекинѣ и Китайскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, на основаніи данныхъ, которыя будутъ имъ доставлены россійскими консулами и китайскими пограничными начальниками относительно удобствъ этихъ пунктовъ. Измѣненія могутъ состоять въ исключеніи нѣкоторыхъ пунктовъ, могущихъ оказаться лишними, или въ замѣнѣ ихъ другими, болѣе необходимыми для торговаго движенія".

Надо замѣтить, что нѣкоторые изъ указанныхъ пунктовъ перестали играть роль въ качествѣ мѣстъ переѣзда черезъ границу. Слѣдовало бы чаще пересматривать этотъ списокъ для включенія въ него новыхъ пунктовъ перехода.

Важнѣе однако тѣ непорядки, которые имѣютъ мѣсто на существующихъ китайскихъ караулахъ. Русскіе купцы жалуются на притѣсненія и взяточничество со стороны китайскихъ карауловъ, стоящихъ на границѣ между Россіей и Монголіей. Обычно эти караулы состоятъ изъ нѣсколькихъ солдатъ и караульнаго началь-

ника, причемъ нѣсколько карауловъ объединяются подъ властью одного китайскаго офицера. При пропускѣ русскихъ купцовъ и при отмѣткахъ караульнаго начальства на ихъ паспортахъ взимаются неузаконенные и произвольные поборы. Объ этомъ мы уже говорили.

Весьма желательно добиться отъ китайскаго правительства разрѣшенія устроить русскіе перевозы на важнѣйшихъ рѣчныхъ переправахъ въ Монголіи, напр., на рѣкѣ Кобдо. Монгольскіе перевощики берутъ произвольную и весьма высокую плату. Если невозможно добиться русскихъ перевозовъ, то, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ выхлопотать установленія обязательной, болѣе умѣренной таксы.

Слѣдуетъ рекомендовать китайскому правительству введеніе правильной денежной системы, такъ какъ не только существующій безпорядокъ въ этомъ дѣлѣ, но и проектируемая реформа совершенно не удовлетворяютъ развивающемуся хозяйству монголовъ.

Накопившіяся недоразумѣнія, примѣры которыхъ были указаны выше, привели къ тому, что Русское правительство обратилось 3 февраля 1911 года съ весьма рѣшительной нотой къ Китайскому правительству. Нота гласила слѣдующее:

„Переговоры, происходившіе въ послѣднее время, убѣдили Императорское правительство въ нежеланіи китайскаго правительства считаться съ постановленіями торговаго договора 1881 года. Одни изъ этихъ постановленій игнорировались китайскимъ правительствомъ и его мѣстными агентами, другіе истолковывались въ смыслѣ, не отвѣчающемъ духу и буквѣ договора. Императорское правительство пришло къ заключенію, что продолженіе издавна существующихъ дружескихъ связей между Россіей и Китаемъ невозможно при такомъ отношеніи китайскаго правительства къ договору 1881 года, и, озабоченное поддержаніемъ и укрѣпленіемъ этихъ связей, считаетъ необходимымъ нынѣ же заявить о вышесказанномъ и просить китайское правительство безотлагательно подтвердить свое согласіе соблюдать слѣдующіе пункты, изложенные въ строгомъ соотвѣтствіи съ постановленіями трактата 1881 года и положенными въ основаніе договорныхъ русско-китайскихъ отношеній принципами: 1) Ни договоръ 1881 г., ни какіе либо иные международные акты не ограничиваютъ права россійскаго правительства устанавливать самостоятельно ввозные и вывозные тарифы на границѣ съ Китаемъ, исключая пятидесяти-верстной полосы вдоль этой границы. Въ предѣлахъ же полосы сказанной ширины по ту и другую сторону всей сухопутной границы между Россіей и Китаемъ взаимно установленъ безпошлинный ввозъ и вывозъ про-

изведеній почвъ и промышленности всей территоріи другой договорившейся стороны. 2) Русскіе подданные на всей территоріи Китайской имперіи пользуются правами административно-судебной внѣземельности, потому въ административномъ и судебномъ отношеніи подлежатъ исключительно юрисдикціи россійскихъ властей. Сообразно этому всѣ гражданскія дѣла, въ которыхъ тяжущимися сторонами являются русскіе и китайкіе подданные, разбираются смѣшанными судами русскихъ и китайскихъ судей. 3) Въ Монголіи и областяхъ застѣннаго Китая, лежащихъ по обѣ стороны Тяньшаньскаго хребта, русскіе подданные имѣютъ право свободнаго передвиженія и проживанія, безпошлинной торговли товарами всякаго происхожденія безъ обложенія въ явномъ и скрытомъ видѣ, безъ стѣсненія монополіями и иными запретительными мѣрами. 4) Кромѣ уже имѣющихся консуловъ россійское правительство имѣетъ право назначить своихъ консуловъ въ Кобдо, Хами и Гученѣ. Хотя осуществленіе этого права зависитъ отъ соглашенія съ китайскимъ правительствомъ, но возникновеніе ряда тяжебныхъ дѣлъ между русскими и китайскими торговцами въ округахъ названныхъ городовъ должно служить достаточнымъ доказательствомъ невозможности откладывать осуществленіе этого права. 5) Россійскіе консулы должны быть признаваемы въ своемъ оффиціальномъ качествѣ въ предѣлахъ своего консульскаго округа китайскими властями, которыя не могутъ отказываться отъ совмѣстнаго съ ними разбора тяжебныхъ дѣлъ между русскими и китайскими подданными. 6) Въ городахъ Монголіи и застѣннаго Китая, гдѣ россійское правительство имѣетъ право учредить свои консульства, то-есть: въ Кульджѣ, Чугучакѣ, Ургѣ, Улясутаѣ, Кашгарѣ, Урумчи, Кобдо, Хами, Гученѣ, а также въ Калганѣ, русскіе подданные могутъ пріобрѣтать землю и возводить постройки. Императорское правительство считаетъ долгомъ предупредить китайское правительство, что оно будетъ разсматривать отказъ подтвердить перечисленныя въ изложенныхъ шести пунктахъ или хотя бы въ одномъ изъ нихъ обязательства, какъ доказательство нежеланія поддерживать съ Россіей добрососѣдскія, основанныя на договорахъ, отношенія. Въ такомъ случаѣ императорское правительство предоставитъ себѣ свободу принять для возстановленія попираемыхъ Китаемъ договорныхъ правъ россійскаго правительства и русскихъ подданныхъ тѣ мѣры, которыя оно признаетъ для себя нужными".

На эту ноту былъ полученъ отвѣтъ главноуправляющаго Вайву-бу князя Цина, переданный россійскому посланнику въ Пекинѣ 7 февраля 1911 г. „Я имѣлъ честь ознакомиться съ содержаніемъ

сообщенія вашего превосходительства отъ 3 февраля с. г. и считаю долгомъ своимъ представить ниже отвѣты свои по всѣмъ изложеннымъ въ ономъ пунктамъ: 1) въ предѣлахъ 50-ти-верстной полосы по ту и другую стороны границы обоихъ государствъ взаимно установленъ безпошлинный ввозъ произведеній всей территоріи другой договорившейся стороны. Постановленіе это согласно договорамъ соблюдалось въ теченіе многихъ лѣтъ. Что же касается до заявленія объ ограниченіи правъ россійскаго правительства самостоятельно устанавливать тарифы по границѣ съ Китаемъ, исключая 50-верстной полосы, то я не могу уяснить себѣ, на что именно указывалось этимъ заявленіемъ, и позволяю себѣ думать, что дѣло касается сообщенія ввѣреннаго мнѣ министерства отъ 22 декабря 1909 г., въ которомъ я, на основаніи петиціи китайскихъ купцовъ, ходатайствовалъ передъ россійскимъ правительствомъ о томъ, чтобы оно приняло во вниманіе торговые интересы и отсрочило взиманіе пошлинъ въ знакъ дружественныхъ отношеній. Ходатайство это было удовлетворено россійскимъ правительствомъ и не должно быть ошибочно толкуемо въ смыслѣ ограниченія правъ. 2) Порядокъ разбора смѣшанныхъ дѣлъ между китайскими и россійскими подданными установленъ статьей 11 договора 1881 г. и примѣнялся въ теченіе многихъ лѣтъ, причемъ ввѣренное мнѣ министерство никогда не протестовало противъ этого. 3) Согласно статьѣ 12 договора, россійскіе подданные имѣютъ временное право безпошлинной торговли какъ во всѣхъ пунктахъ Монголіи, такъ и въ Или, Тарбагатаѣ, Кашгарѣ, Урумци и вообще въ областяхъ Застѣннаго Китая, лежащихъ по обѣ стороны Тяньшаньскаго хребта. Право это будетъ отмѣнено, когда съ развитіемъ торговли возникнетъ необходимость установить таможенный тарифъ, о чемъ оба правительства войдутъ въ соглашеніе. Постановленія договора о томъ, что россійскіе подданные получаютъ во всѣхъ перечисленныхъ пунктахъ Китая право ввоза и вывоза для торговли, изложенныя въ ясныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ, Китаемъ всегда строго соблюдались. 4) Статья 10 договора предусматриваетъ учрежденіе россійскихъ консульствъ въ Кобдо, Хами и Гученѣ по мѣрѣ развитія торговли и по соглашенію съ китайскимъ правительствомъ. Внимательное изученіе современныхъ условій названныхъ пунктовъ свидѣтельствуетъ о дѣйствительномъ развитіи въ нихъ торговли, и китайское правительство охотно выражаетъ свое согласіе на назначеніе въ означенные три пункта россійскихъ консуловъ при условіи, однако, соблюденія постановленій статьи 12 относительно развитія торговли, т. е. введенія таможеннаго тарифа. 5) Согласно статьѣ 11 договора 1881 года, порядокъ, который долженъ соблюдаться при

свиданіяхъ и вообще сношеніяхъ китайскихъ мѣстныхъ властей съ россійскими консулами, имѣетъ быть основанъ на вниманіи, которое обязаны оказывать другъ другу должностныя лица дружественныхъ державъ. Въ виду выраженнаго желанія о признаніи россійскихъ консуловъ въ ихъ оффиціальномъ качествѣ, я не встрѣчаю препятствій къ тому, чтобы на основаніи существующихъ общихъ положеній былъ взаимно выработанъ порядокъ сношеній между ними. Совмѣстный разборъ русскими и китайскими властями тяжебныхъ дѣлъ имѣетъ производиться всецѣло на основаніи постановленій 11 статьи договора 1881 года, и мѣстнымъ властямъ вновь преподаны будутъ указанія о необходимости обратить особое вниманіе на этотъ пунктъ. 6) Россійское правительство имѣетъ право руководствоваться постановленіями 13 статьи договора въ отношеніи какъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ имѣютъ быть учреждены консульства, такъ и Калгана.

Китайское правительство никогда не возражало противъ привилегій, предоставленныхъ Россіи договорными постановленіями и изложенныхъ въ приведенныхъ выше шести пунктахъ; во всѣхъ случаяхъ, когда мѣстныя китайскія власти не могли столковаться съ русскими представителями, ввѣренное мнѣ министерство всегда предписывало справедливый образъ дѣйствій и никогда не позволяло себѣ игнорированія договорныхъ постановленій; если же вслѣдствіе разнорѣчивости донесеній мѣстныхъ агентовъ и происходили взаимныя пререканія, то явленіе это принадлежитъ къ числу обычныхъ въ международной практикѣ и не можетъ быть разсматриваемо „какъ толкованіе въ смыслѣ, не отвѣчающемъ духу договора“. Подобнаго рода вопросы могутъ быть вполнѣ улажены путемъ искреннихъ взаимныхъ переговоровъ и своевременнаго разрѣшенія въ духѣ справедливости. Мнѣ совершенно непонятны ваши указанія на то, будто бы китайское правительство не желаетъ поддерживать съ Россіей добрососѣдскихъ, основанныхъ на договорахъ, отношеній. Заявленіе же о томъ, что Россія предоставляетъ себѣ свободу избрать всѣ доступныя мѣры, далеко не соотвѣтствуетъ идеѣ о дружбѣ между двумя государствами, и мнѣ крайне прискорбно, что россійское правительство совершенно неожиданно усвоило себѣ подобную точку зрѣнія.

Доводя о вышеизложенномъ до свѣдѣнія вашего превосходительства, считаю долгомъ своимъ убѣдительно просить завѣрить россійское правительство о томъ, что правительство Китая постоянно поддерживало принципъ договорныхъ постановленій и выражаетъ свою готовность разрѣшать всѣ вопросы въ полномъ соотвѣтствіи съ трактатами и въ миролюбивомъ духѣ, дабы охранить взаим-

ныя выгоды и поддержать издавна существующія дружественныя отношенія обѣихъ державъ".

Обмѣнъ приведенными нотами вызвалъ огромную сенсацію въ Европѣ и Россіи. Воинствующая русская пресса стала говорить о необходимости показать Китаю его мѣсто, заговорили о войнѣ.

Однако русская дипломатія признала объясненія Китая удовлетворительными и исчерпывающими вопросъ. По существу, Китайскій отвѣтъ былъ простой отпиской, къ какимъ привыкло Китайское министерство иностранныхъ дѣлъ. Въ этомъ отвѣтѣ нѣтъ никакихъ опредѣленныхъ отвѣтовъ на заявленія, сдѣланныя русскимъ правительствомъ. Тѣмъ не менѣе можно было быть довольнымъ, что угрозы, высказанныя Россіей, не приведены въ исполненіе и что призракъ войны какъ будто исчезаетъ.

Но черезъ мѣсяцъ русскій посланникъ въ Пекинѣ передалъ китайскому правительству 11-го марта новую ноту слѣдующаго содержанія:

„Происходившіе въ теченіе послѣдняго мѣсяца переговоры убѣдили Императорское правительство, что китайское правительство, путемъ умолчаній и уклончивыхъ отвѣтовъ, стремится отвергнуть положенія, изложенныя въ русской нотѣ 3 февраля. Такъ, въ памятной запискѣ, переданной Императорскому посланнику 6-го марта, китайское правительство, уступая, съ одной стороны, нашимъ повторнымъ настояніямъ и соглашаясь съ тѣмъ, что учрежденіе россійскаго консульства въ округѣ Кобдо не должно быть поставлено въ зависимость отъ введенія таможенныхъ пошлинъ, съ другой стороны, умалчиваетъ о другихъ консульствахъ, учрежденіе которыхъ предусмотрѣно 10-ой статьей С.-Петербургскаго договора, и о монополіяхъ, которыя вводятся въ Синцзянской провинціи, вопреки трактатамъ съ Державами, и говоритъ, что въ дѣлѣ торговли мѣстными произведеніями русскіе торговцы будутъ поставлены въ одинаковыя условія съ китайскими, причемъ оставляетъ безъ вниманія договорное право русскихъ торговать въ Монголіи и Западномъ Китаѣ, безъ уплаты какихъ-либо пошлинъ или налоговъ.

Сознавая всю безплодность такого рода переговоровъ, въ которыхъ китайское правительство ищетъ лишь поводовъ ограничить русскія договорныя права путемъ доводовъ, отъ которыхъ оно само принуждено затѣмъ отказаться, Императорское правительство видитъ себя вынужденнымъ нынѣ положить конецъ этимъ ничѣмъ не оправдываемымъ затяжкамъ и проситъ китайское правительство формально подтвердить правильность и согласованность съ договорами всѣхъ положеній русской ноты 3 февраля. Только послѣ та-

кого подтвержденія, Императорское правительство можетъ согласиться войти въ обсужденіе вопросовъ о введеніи пошлиннаго обложенія, о созданіи особаго режима для торговли чаемъ или какихъ-либо иныхъ частичныхъ измѣненій договора 1881 года.

Императорское правительство согласно ждать отвѣта на настоящую ноту до 15 марта ст. стиля, но предупреждаетъ, что, въ случаѣ неполученія къ этому сроку исчерпывающаго удовлетворительнаго отвѣта по всѣмъ шести пунктамъ ноты 3 февраля, оно вернетъ себѣ свободу дѣйствій и возлагаетъ на китайское правительство отвѣтственность за проявляемое послѣднимъ упорство".

На это главноуправляющій Вай-ву-бу прислалъ 14 марта 1911 года такой отвѣтъ:

„Я имѣлъ честь получить сообщеніе Ваше отъ 11 марта с. г., въ коемъ значилось, что отвѣтъ ввѣреннаго мнѣ министерства отъ 5 сего марта умалчиваетъ объ учрежденіи другихъ россійскихъ консульствъ, предусмотрѣнныхъ петербургскимъ договоромъ 1881 года, и о монополіяхъ, которыя вводятся въ Син-Цзянской провинціи вопреки трактатамъ съ державами, и оставляетъ безъ всякаго вниманія договорныя права русскихъ подданныхъ торговать безъ уплаты какихъ-либо пошлинъ или налоговъ". „Только послѣ формальнаго подтвержденія", значится далѣе въ сообщеніи, „Россійское Правительство можетъ войти въ обсужденіе вопроса о введеніи пошлиннаго обложенія и другихъ". Ввѣренное мнѣ министерство считаетъ долгомъ въ отвѣтъ на вышеизложенное заявить, что оно уже подробно высказало свою точку зрѣнія на затронутые нынѣ вопросы въ сообщеніяхъ своихъ отъ 6 февраля и 5 марта сего года, каковые, въ сущности говоря, не требуютъ какихъ-либо подтвержденій. Нынѣ, въ виду требованія Вашего Превосходительства, министерство приступитъ къ желаемому подтвержденію, дабы удалить искусственныя недоразумѣнія. Касательно учрежденія консульствъ въ Кобдо, Хами и Гученѣ ввѣренное мнѣ министерство въ первомъ отвѣтѣ своемъ, ссылаясь на статью 10 договора, выразило свое полное желаніе на посылку консуловъ въ указанные пункты. Во второмъ отвѣтѣ своемъ оно соглашалось на учрежденіе консульства въ Кобдо, имѣя въ виду Ваши заявленія, изложенныя во второй нотѣ, касавшейся исключительно Кобдо, и отнюдь не отрицало права учреждать консульства въ другихъ, помимо Кобдо, пунктахъ, предусмотрѣнныхъ договоромъ. По вопросу о монополіяхъ въ Син-Цзянской провинціи ввѣренное мнѣ министерство имѣло честь объяснить во второмъ отвѣтѣ своемъ, что русско-подданные, торгующіе во всѣхъ пунктахъ, расположенныхъ къ югу и къ сѣверу отъ Тянь-Шаньскаго хребта въ застѣнномъ Китаѣ, бу-

дугъ поставлены въ одинаковыя безъ всякихъ дальнѣйшихъ ограниченій условія съ китайцами; причемъ заявленіе „одинаковыя условія безъ дальнѣйшихъ ограниченій“ свидѣтельствуетъ о томъ, что Китай не стремится къ какимъ-либо монополіямъ. Разсматривая въ первомъ своемъ отвѣтномъ сообщеніи вопросъ о безпошлинной торговлѣ русско-подданныхъ въ Монголіи и въ западномъ Китаѣ, ввѣренное мнѣ министерство заявляло, что Китай строго руководствуется постановленіемъ статьи 12-ой договора 1881 года, чѣмъ и ясно признало права временной безпошлинной торговли русскихъ подданныхъ въ Монголіи и западномъ Китаѣ; таковое признаніе отнюдь не можетъ быть названо „оставленіемъ безъ вниманія договорныхъ правъ“. Въ общемъ дружескія отношенія между Китаемъ и Россіей установились съ давнихъ поръ; во всѣхъ дѣлахъ, возникающихъ на границѣ, обѣ стороны всецѣло руководствуются договорными постановленіями и скрѣпляютъ взаимную дружбу. Исходя изъ этой точки зрѣнія, китайское правительство и не выставило никакихъ возраженій противъ всѣхъ пунктовъ, изложенныхъ въ русской нотѣ 3 февраля сего года, желая согласоваться съ дѣйствіями Россійскаго Правительства, основанными на договорныхъ статьяхъ. Подтверждая, такимъ образомъ, формально правильность и согласованность русскихъ требованій съ договоромъ, я имѣю честь просить Ваше Превосходительство о вышеизложенномъ довести до свѣдѣнія Россійскаго Правительства“.

Ознакомившись съ содержаніемъ изложенной ноты, министерство иностранныхъ дѣлъ отправило посланнику въ Пекинѣ нижеслѣдующую телеграмму:

„Его Императорское Величество выражаетъ Вамъ Высочайшее благоволеніе за благополучное завершеніе настоящихъ переговоровъ и изъявляетъ удовольствіе по поводу принятаго Богдыханскимъ правительствомъ мудраго рѣшенія подтвердить правильность и согласованность съ договорными постановленіями положеній нашей ноты 3 февраля.

Передавая о вышеизложенномъ китайскимъ министрамъ, благоволите отъ имени Императорскаго Правительства высказать убѣжденіе, что Богдыханское правительство будетъ свято блюсти эти договорныя постановленія и что сказанное рѣшеніе послужитъ, такимъ образомъ, залогомъ дальнѣйшаго укрѣпленія искони существующихъ между Россіей и Китаемъ дружескихъ связей“.

Несомнѣнно, что предъявленныя Россіей Китаю ноты значительно ухудшили и обострили наши отношенія съ этимъ государствомъ. Однако слѣдуетъ признать, что ухудшеніе этихъ отношеній началось съ поворота нашей политики на Дальнемъ Востокѣ въ

пользу союза съ Японіей. Когда русское правительство отказалось отъ предложенія Соединенныхъ Штатовъ нейтрализовать Манчжурскія желѣзныя дороги, оно логически должно было искать союза съ Японіей и вмѣстѣ съ тѣмъ признать аннексію Кореи и выступить вмѣстѣ съ Японіей противъ Китая.

Возбужденіе внутри Китая противъ Россіи ростетъ съ каждымъ днемъ. Газеты полны сообщеніями о подготовкѣ Китая къ войнѣ. Китайское населеніе объявляетъ бойкотъ русскимъ товарамъ. Если въ тотъ моментъ, когда мы пишемъ эти строки, Китай и не дѣлаетъ еще активныхъ выступленій, то это не можетъ служить доказательствомъ его мирнаго настроенія даже въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

Глава X.

Общія заключенія.

Подводя итогъ сдѣланнымъ наблюденіямъ надъ современнымъ положеніемъ русско-монгольской торговли, мы должны признать, что въ данное время эта торговля переживаетъ серьезный кризисъ съ весьма неопредѣленными перспективами въ ближайшемъ будущемъ. Правда, въ данное время обороты русско-монгольской торговли въ абсолютныхъ цифрахъ какъ будто-бы не создаютъ впечатлѣнія серьезнаго кризиса. Общій оборотъ по русскому вывозу и ввозу годъ отъ году увеличивается. Но и эти цифры говорятъ о томъ, что торговля Россіи съ Монголіей давно сдѣлалась пассивной. А это означаетъ, что русскіе торговцы окончательно сдали свои позиціи въ Монголіи въ области сбыта привозныхъ товаровъ. Основнымъ товаромъ русскаго вывоза въ Монголію была мануфактура, такъ какъ другой крупный привозный въ Монголіи товаръ—чай, по существу, не можетъ быть русскаго происхожденія. И вотъ, при настоящихъ условіяхъ, мы можемъ констатировать не только сокращеніе сбыта русской мануфактуры въ Монголіи, но и прямое паденіе этого сбыта. За нами сейчасъ остается сукно, кожа, желѣзо, хотя и здѣсь позиція русскихъ не можетъ считаться непоколебимой. Съ другой стороны, нужно признать непрочность русской позиціи и въ области скупки монгольскаго сырья. Сейчасъ эта скупка растетъ изъ года въ годъ, но, какъ мы уже показали, серьезныя измѣненія въ области цѣнъ на сырьевомъ рынкѣ съ достаточной опредѣленностью обрисовали угрозы русскому торговому капиталу и на этомъ поприщѣ его дѣятельности въ Монголіи. Кромѣ того, основныя условія монгольскаго хозяйственнаго быта приводятъ къ тому, что масса сырья и главныя выгоды сырьевой торговли достаются тѣмъ, кто занятъ въ Монголіи сбытомъ привозныхъ фабрикатовъ. Слѣдовательно, сдача позицій въ области сбыта въ Монголіи логически и неизбѣжно приводитъ къ ослабленію позиціи торговцевъ и въ области скупки сырья. Въ недалекомъ будущемъ обрисовывается и другая опасность для русско-монгольской торговли. Дѣло въ томъ, что китайцы, побѣдившіе русскихъ на мон-

гольскомъ рынкѣ, до сихъ поръ еще не использовали въ полной мѣрѣ своего выгоднаго положенія. У китайцевъ пока слабымъ мѣстомъ является неустроенность путей сообщенія и отсутствіе хорошо налаженнаго транспорта. Первые же серьезные шаги въ этомъ направленіи могутъ радикально перевернуть все дѣло. Желѣзная дорога отъ Урги до Калгана легко можетъ имѣть катастрофическое значеніе для русско-монгольской торговли. Эта дорога въ Китаѣ уже поставлена на ближайшую очередь. Весной 1911 года сообщалось, что въ ожиданіи этой дороги Китай рѣшилъ пока организовать товарное движеніе между Калганомъ, уже соединеннымъ съ моремъ желѣзной дорогой, и Ургой на автомобиляхъ.

Естественно, что участники русско-монгольской торговли вполнѣ опредѣленно почувствовали слабость своего положенія въ Монголіи; у нихъ нѣтъ увѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Такое настроеніе опасно во многихъ отношеніяхъ. Оно парализуетъ энергію, оно останавливаетъ приливъ въ Монголію новыхъ капиталовъ, грозитъ даже сократить и тотъ капиталъ, который издавна завязанъ въ торговыя сношенія съ монголами. Дѣйствующій русско-китайскій договоръ даетъ значительныя преимущества русскому торговому капиталу въ Монголіи, но договорное право можетъ быть измѣнено въ неблагопріятную для русскихъ сторону. Кромѣ того, китайцы за послѣднее время не всегда считаются съ дѣйствующимъ договоромъ, а обмѣнъ тревожными дипломатическими нотами значительно обострилъ ненормальныя и безъ того отношенія и въ Китаѣ, и въ Монголіи.

Дѣйствующій договоръ, представляющій, съ русской точки зрѣнія, опредѣленную цѣнность, умалять которую мы совершенно не склонны, все-же, какъ показалъ опытъ, не можетъ считаться прочной гарантіей сохраненія и укрѣпленія русской торговли въ Монголіи. Даже при сохраненіи общихъ положеній дѣйствующаго договора и при неизмѣнившихся другихъ условіяхъ русско-монгольской торговли можно съ полной опредѣленностью предвидѣть конечную побѣду китайцевъ на монгольскомъ рынкѣ. Русскія позиціи, поколебленныя въ самомъ основаніи, неминуемо будутъ сданы окончательно. Монгольскій рынокъ окажется потеряннымъ для русскихъ даже при сохраненіи существующихъ въ дѣйствующемъ договорѣ привилегій для русскихъ торговцевъ.

Если русская экономическая политика усвоитъ и проведетъ въ жизнь тѣ мѣры, которыя предложены въ этой книгѣ, которыя выработаны въ оффиціальномъ совѣщаніи по монгольскимъ дѣламъ въ Петербургѣ, на оффиціальныхъ совѣщаніяхъ въ Томскѣ и Бійскѣ, наконецъ, тѣ мѣры, которыя, вѣроятно, были или будутъ пред-

ложены московской торговой экспедиціей, консулами и торгующими въ Монголіи, то, по нашему мнѣнію, и при такихъ условіяхъ лучшее, что можетъ быть достигнуто, это—ослабленіе кризиса, порожденнаго органическими пороками русско-монгольской торговли. На полную побѣду надъ этимъ кризисомъ надежды мало. Проведеніе предложенныхъ со всѣхъ сторонъ мѣръ, правда, будетъ имѣть и то еще значеніе, что русская экономическая политика, быть можетъ, привьетъ себѣ благодѣтельную привычку къ планомѣрной заботливости о русскихъ экономическихъ интересахъ и къ энергичной борьбѣ на рынкахъ. Въ такомъ воспитаніи сильно нуждаются въ Россіи и тѣ правительственные и общественные органы, которые опредѣляютъ общій ходъ и направленіе экономической политики, и тѣ непосредственные участники во внѣшнихъ торговыхъ сношеніяхъ, которые до сихъ поръ были слишкомъ инертны, малокультурны и недальновидны. Быть можетъ, принятіе этихъ мѣръ и частичное достиженіе съ ихъ помощью поставленныхъ задачъ окончательно убѣдитъ всѣхъ, что наша промышленность прежде всего должна найти себѣ точки опоры въ самой себѣ, а не въ возвратѣ пошлинъ, не въ подачкахъ отъ казны и другихъ благахъ, которыя сыпались на нее ради ея прекраснаго будущаго. Въ дѣтскихъ башмакахъ нельзя ходить на такой рынокъ, гдѣ другіе давно уже переобулись въ рабочіе сапоги.

Побѣду китайцевъ надъ русскими на монгольскомъ рынкѣ нужно понимать условно. Самъ Китай въ экономическомъ отношеніи не является еще силой, которая можетъ побороть хотя бы русскую промышленность, имѣющую все-таки за собой двухвѣковую исторію и опытъ. Китайскій купецъ идетъ въ Монголію съ товаромъ, который выработанъ на фабрикахъ Великобританіи и Соединенныхъ Штатовъ. Мы побѣждены конкуррентами первоклассной величины. Они сами не могли явиться на закрытый для нихъ рынокъ, но послали свои товары съ весьма искусными и сильными коммиссіонерами—китайцами. Побѣда американской и англійской мануфактуры надъ русской прежде всего и больше всего означаетъ побѣду культуры высшаго порядка надъ низшей культурой. Это, къ сожалѣнію, наша экономическая расплата за отсталость страны, отсталость, съ которой за послѣднее время совсѣмъ перестали бороться.

Китайцы побѣждали не только тѣмъ, что они пришли въ Монголію съ товаромъ, на которомъ стояли англійскія и американскія торговыя марки, но и тѣмъ, что они въ Монголіи—хозяева положенія. Здѣсь за ними сила политическаго характера; имъ служитъ правительственная организація. Китайскій купецъ прежде всего

проводникъ китайской колонизаціонной и колоніальной политики. Китай, опираясь на узкія начала нетерпимаго и зоологическаго національзма, истребляетъ Монголію для того, чтобы сюда устремилась переселенческая волна. Волны „желтаго моря“ уже и сейчасъ заливаютъ измождениую Монголію. Дѣятельность китайскаго торговаго капитала, выполняющаго между прочимъ политическую миссію, въ грубыхъ и жестокихъ чертахъ воскрешаетъ тѣ ужасы, которыми ознаменовывалъ себя европейскій капиталъ въ 17 и 18 столѣтіяхъ.

Кромѣ того, китайцы показали себя весьма искусными коммерсантами; это искусство вызываетъ справедливое изумленіе со стороны русскихъ торговцевъ въ Монголіи. У китайцевъ есть своя самобытная культура, которая и сказывается въ томъ, что китайскій коммерсантъ вездѣ удивительно приспособляется къ обстоятельствамъ, вездѣ налаживаетъ удачную организацію дѣла, вездѣ умѣетъ противостать конкуррентамъ въ видѣ сплоченной массы, отчетливо сознающей свои общіе интересы. Поэтому русскій товаръ уступаетъ въ Монголіи свое мѣсто не только такому товару, на которомъ имѣется англійская надпись, но и такому, который несетъ на себѣ нацарапанную помѣтку китайскими іероглифами.

Развитіе русско-монгольской торговли является лишней иллюстраціей къ общему положенію, что и отдѣльному человѣку, и цѣлому народу необходимо искать свою силу, свою крѣпость внутри себя. О натискѣ нашей обрабатывающей промышленности на Западъ мы, конечно, и не могли думать. Россія тянулась на Востокъ въ надеждѣ, что превосходство русской культуры надъ культурой Дальняго Востока откроетъ рынокъ нашей обрабатывающей промышленности. Но и на этомъ Востокѣ русскіе всегда выступали такъ, какъ выступаетъ внутри Россіи русская промышленность: подъ сильнымъ прикрытіемъ. Внутри Россіи промышленность прикрыта таможенными пошлинами, льготными тарифами, ссудами и пособіями. На Дальнемъ Востокѣ купеческому аршину всегда предшествовали солдатскій штыкъ, концессіи, привилегіи, особые договоры, расточительная трата казеннаго золота. Только въ Монголіи Россія впервые вышла на внѣшній рынокъ безъ этого внушительнаго прикрытія. Здѣсь впервые можно было наблюдать чисто экономическое выступленіе Россіи. Предоставленіе Россіи по договору безпошлинной торговли въ Монголіи компенсировалось тѣмъ, что здѣсь она встрѣтилась съ товаромъ изъ Англіи и Америки, и тѣмъ, что торговля до сихъ поръ должна была считаться съ значительными трудностями первобытныхъ путей сообщенія и всей первобытной обстановки жизни въ Монголіи.

Опредѣлившіеся результаты этой попытки свободной конкурренціи на внѣшнемъ рынкѣ, къ глубокому сожалѣнію, обнаружили, что мы еще не въ силахъ выдерживать чисто экономическую позицію. Или Россія еще не доросла до этого, или ослаблены ея силы, которыя такъ ярко иногда проявлялись въ нѣкоторые моменты тысячелѣтней русской исторіи. Вѣрнѣе, думаемъ мы, будетъ предположеніе, что Россія ослабла и отстала вслѣдствіе отсутствія творческой работы ея живыхъ силъ, скованныхъ злосчастнымъ безвременьемъ.

Къ сожалѣнію, этого не могутъ или не желаютъ понять тѣ слои общества, которые непосредственно связаны своими интересами съ экономической политикой страны. Примѣръ такого непониманія можно найти хотя бы въ тѣхъ сужденіяхъ нашихъ промышленниковъ, которыя были высказаны по поводу кризиса русской торговли въ Монголіи. Московскіе промышленники организовали свою экспедицію въ Монголію. Эта экспедиція должна дать наиболѣе интересный отвѣтъ по вопросу о сбытѣ русскихъ товаровъ въ Монголіи. Какой же отвѣтъ получило русское общество изъ этихъ сферъ? По передачѣ телеграфнаго агентства этотъ отвѣтъ заключается въ слѣдующемъ:

„Состоялось въ Москвѣ совѣщаніе московскихъ промышленниковъ по вопросу о торговлѣ въ Монголіи. Присутствовалъ членъ совѣта министерства Лангевой. Выслушанъ докладъ объ экспедиціи полковника Попова, посланной московскими промышленниками. По изслѣдованіи Монголіи экспедиція нашла, что Монголія не можетъ служить рынкомъ для нашей обрабатывающей промышленности, ибо кочевники Монголіи слишкомъ бѣдны, мало потребляютъ, пользуются дешевыми англійскими, японскими и американскими товарами. Гораздо важнѣе для насъ Монголія, какъ поставщикъ намъ всякаго сырья. Однако, сейчасъ насъ изъ этого рынка вытѣсняютъ иностранцы, проникающіе въ Монголію по нашей же Восточно-Китайской дорогѣ съ юга. Благодаря имъ русскіе товары совершенно вытѣснены изъ Монголіи. Если при предстоящемъ въ 1911 г. заключеніи русско-китайскаго торговаго договора не будутъ приняты во вниманіе указанія московскихъ промышленниковъ, то русскимъ придется совершенно уйти изъ Монголіи. Кромѣ того, дешевые иностранные товары проникнутъ изъ Монголіи въ Сибирь, гдѣ представятъ уже настоящую государственную опасность. Совѣщаніе, происходившее у Рябушинскаго, просило представителя министерства торговли доложить объ этомъ правительству, чтобы при заключеніи договора были спрошены представи-

тели торговли и промышленности и пожеланія ихъ были приняты во вниманіе".

Дѣйствительно, монголы такъ бѣдны, что они предпочитаютъ покупать дешевую англійскую и американскую мануфактуру и отворачиваются отъ дорогой русской. Дѣйствительно, если не закрыть высокими пошлинами рынка Сибири, то эти товары могутъ, пожалуй, проникнуть въ Сибирь, гдѣ создастся, если не „государственная опасность", то, по крайней мѣрѣ, конкурренція для Московской мануфактуры. Вѣдь и сибирскій крестьянинъ не такъ уже богатъ, чтобы изъ-за одного московскаго „патріотизма" избѣгать дешевыхъ англійскихъ тканей и покупать дорогія московскія издѣлія!

Выводъ москвичей: спросите насъ, что нужно дѣлать. Очевидно, что отвѣтомъ на вопросъ, обращенный къ организаціи, укоряющей монголовъ за то, что они по бѣдности предпочитаютъ дешевую мануфактуру, будетъ требованіе защиты отъ дорогого товара и отъ „государственной опасности", заключающейся въ дешевыхъ иностранныхъ тканяхъ.

Но теперь, кажется, съ каждымъ днемъ все съ болѣе отчетливой опредѣленностью выясняется другое положеніе, что „государственная опасность" лежитъ не въ дешевыхъ иностранныхъ тканяхъ, побѣждающихъ весь міръ, а въ дорогихъ отечественныхъ издѣліяхъ, теряющихъ и тѣ крохотные рынки, которые имъ были посланы судьбой. Пора оглянуться на себя и въ условіяхъ русскаго производства и русской торговли, въ полномъ неустройствѣ нашего экспорта поискать причинъ, объясняющихъ наши экономическія и, конечно, политическія пораженія. Не лишнее будетъ найти нѣкоторыя причины нашихъ пораженій и въ общихъ условіяхъ нашей русской жизни. И только по устраненіи этихъ причинъ не только Монголія, но весь огромный и необъятный Востокъ, казалось бы, самый естественный нашъ рынокъ, будетъ покупать русскую мануфактуру и вообще русскія издѣлія. Быть можетъ, тогда и русскій крестьянинъ съ удовольствіемъ будетъ одѣваться въ дабу и далембу по цѣнамъ, по которымъ сейчасъ покупаетъ ихъ у китайцевъ бѣдный монголъ.

Не смотря на то, что въ настоящее время русско-монгольская торговля переживаетъ серьезный кризисъ, который легко можетъ осложниться подъ вліяніемъ назрѣвающаго политическаго кризиса или даже конфликта, Монголія, какъ таковая, все-же является величиной, которая, какъ рынокъ, можетъ быть только полезна Россіи. Необходимо, конечно, принять всѣ мѣры къ тому, чтобы укрѣпиться на этомъ рынкѣ. Монголія, какъ мы уже и показали, явля-

ется весьма крупной потребительной единицей. Монголія—поставщица сырья, нужнаго для Россіи. Монголія, наконецъ, можетъ дать Россіи транзитный товаръ, который такъ полезенъ нашимъ убыточнымъ желѣзнымъ дорогамъ. Цѣлый рядъ южно-сибирскихъ городовъ опираетъ свое экономическое благополучіе на русско-монгольскую торговлю. Вообще, Дальній Востокъ въ концѣ концовъ является для будущаго русской промышленности единственнымъ рынкомъ сбыта на заграницу. Уже и теперь совершенно ясно опредѣлились основныя теченія мірового рынка и міровыхъ событій. Центръ міровыхъ движеній, міровой торговли и всеобщихъ интересовъ передвигается на Дальній Востокъ. Оцѣнивая это общее развитіе, нельзя не признать, что растериваніе нашихъ позицій на Востокѣ является величайшимъ преступленіемъ передъ будущей Россіей. Для этихъ, быть можетъ, не такъ уже отдаленныхъ перспективъ необходимо учесть цѣлый рядъ благопріятствующихъ Россіи факторовъ, которыми не смогла воспользоваться современная Россія. Наше близкое сосѣдство съ Монголіей, Манчжуріей и вообще съ Китаемъ, наша позиція у береговъ Тихаго Океана, который съ каждымъ днемъ пріобрѣтаетъ все большую цѣнность въ глазахъ всѣхъ соперничающихъ народовъ—все это говоритъ за то, что мы, современники провала Россіи на этомъ драгоцѣнномъ Востокѣ, должны употребить величайшія усилія къ сохраненію возможныхъ остатковъ нашихъ позицій, которые могутъ быть опорными базами для будущей Россіи, которая сниметъ же когда-нибудь дѣтскіе башмаки и освободится отъ ослабляющей ее опеки.

Проведеніе по Сибири проектируемыхъ путей сообщенія еще ближе подвинетъ къ намъ и Монголію, и другія области Востока. Нѣтъ причины отчаиваться и въ томъ, что возможенъ когда-нибудь дѣйствительный прогрессъ нашей промышленности, которая заполнитъ внутренній рынокъ дешевыми товарами и мощно польетъ потоки дешевыхъ издѣлій на внѣшніе рынки. Возможенъ, наконецъ, прогрессъ промышленности въ самой Сибири, что еще болѣе улучшитъ перспективы нашего экспорта на Востокъ, такъ какъ сократитъ издержки транспорта. Та эволюція, которая замѣчается въ данное время въ русскомъ производствѣ шерсти, соединеніе Сибири съ центрами средне-азіатскаго хлопководства, близость восточныхъ рынковъ сырья, наконецъ, переселенческая волна, уплотняющая съ каждымъ годомъ населеніе Сибири, все это такіе факторы, которые могутъ создать въ Сибири промышленность, работающую на огромную сибирскую территорію и на необъятный Востокъ. Эти историческіе факторы проявятъ свое дѣйствіе, несмотря на жестокую оппозицію московскаго района. До сихъ поръ Сибирь

тянулась къ океану чрезъ Европейскую Россію; настаетъ время, когда Европейская Россія потянется къ новому океану черезъ Сибирь.

Наша торговля до сихъ поръ была и находится въ хаотическомъ состояніи. Ей не достаетъ культурныхъ силъ, въ ней нѣтъ правильной организаціи, которая побѣждаетъ самыя большія затрудненія. И внѣшняя, и внутренняя торговля до сихъ поръ поражаютъ наблюдателя своимъ неустройствомъ. У насъ скрипятъ даже „казенные синдикаты“ и проваливается экспортъ, истощающій государственное казначейство. Наши банки, биржи, биржевые комитеты еще не успѣли вооружить себя знаніями и организованностью своихъ выступленій. Движеніе въ сторону экспортныхъ палатъ и обществъ до сихъ поръ является продуктомъ кабинетной мысли чиновниковъ министерства финансовъ и министерства торговли. Но можно думать, что все это минетъ, и торговля получитъ культурныя силы и должную организацію.

Затѣмъ, въ Монголіи наша торговля, къ счастью, можетъ считаться съ политическими симпатіями монголовъ къ Россіи. Въ укрѣпленіи торговыхъ позицій эти симпатіи—хорошій фундаментъ. Правильная торговля, дающая странѣ нужные и выгодные ей товары, будетъ цементомъ, который скрѣпитъ старинныя связи, грозящія сейчасъ исчезновеніемъ.

Тѣ измѣненія, которыя и сейчасъ уже замѣчаются на общемъ рынкѣ сырыхъ продуктовъ, создаютъ выгодныя перспективы въ области скупки монгольскаго сырья. Уплотненіе населенія Монголіи, въ силу ли простого прироста монгольскаго народонаселенія или въ силу китайской колонизаціи, углубляетъ емкость монгольскаго рынка. Необходимо имѣть въ виду эти перспективы для того, чтобы правильнѣе учесть значеніе Монголіи, если не для даннаго момента, то для будущаго. Эти же перспективы и факторы, проявляющіе свое дѣйствіе и въ настоящее время, должны послужить оправданіемъ той натуги, которую придется допустить для борьбы съ кризисомъ, поразившимъ такое вполнѣ естественное и неизбѣжное явленіе, какъ русско-монгольская торговля.

Отстаивая свою позицію въ Монголіи и опредѣляя свое отношеніе къ этому рынку не только для завтрашняго дня, но и для болѣе счастливыхъ временъ, необходимо теперь же выработать твердыя основы своего поведенія, своей общей и торговой политики по отношенію къ Востоку и въ частности Монголіи.

Монголія—китайская провинція, которая до сихъ поръ еще довольно механически приклеена къ огромному тѣлу Поднебесной имперіи. Китай чувствуетъ эту хрупкую ость своихъ связей съ Мон-

голіей и дѣлаетъ напряженныя попытки къ органической сплоченности обширныхъ „окраинъ". Эти попытки вырождаются въ двустороннюю борьбу, которую ведетъ Китай въ данное время. Китай стремится побѣдить и поглотить инородные элементы своего обширнаго тѣла. Упорной и безжалостной политикой онъ очищаетъ Монголію отъ монголовъ. Такъ какъ экономическія условія въ Китаѣ не только не создаютъ общности интересовъ отдѣльныхъ частей имперіи, но наоборотъ подчеркиваютъ хозяйственную обособленность ихъ, то Китай всѣми мѣрами насаждаетъ свою китайскую культуру въ тѣ части государства, экономическій бытъ которыхъ отличается оригинальными чертами. Вотъ почему китайская пашня въ скотоводческой Монголіи выглядитъ, какъ дессантъ войска или какъ крѣпость въ оккупированной странѣ. Китайцы упорно и настойчиво ломаютъ бытъ Монголіи.

Съ другой стороны, Китай дорогимъ опытомъ купилъ себѣ убѣжденіе въ томъ, что цѣлость имперіи только формально связана съ наличностью манчжурской династіи, которая къ тому же пользуется общей ненавистью китайцевъ. Цѣлость Китая, какъ огромной имперіи, обусловлена наличностью противорѣчивыхъ интересовъ къ Китаю со стороны европейскаго капитала. „Неприкосновенность Китая", „открытыя двери", „раздѣлъ Китая", все это— краткія, но весьма выразительныя формулы различныхъ комбинацій европейскихъ интересовъ.

Все это вмѣстѣ взятое хорошо объясняетъ тотъ фактъ, почему въ современномъ Китаѣ конституціонное движеніе вылилось въ форму антидинастическаго движенія, принявъ въ то же время самую яркую националистическую окраску. Пробужденіе націонализма обѣщаетъ монголамъ усиленіе безпощадной колонизаціи ея китайцами. Этотъ націонализмъ сотретъ Монголію съ лица земли и превратитъ ее въ страну сельскихъ хозяевъ и овцеводовъ-китайцевъ, дѣйствующихъ при помощи монгольскихъ рабочихъ. Но этотъ же націонализмъ обращенъ и противъ бѣлыхъ, принявъ рѣзко выраженную форму антиевропейскаго движенія, которое грозитъ и русскимъ въ Монголіи. Газеты передаютъ, что это антиевропейское настроеніе сквозитъ въ Китаѣ повсюду, во всѣхъ газетахъ и журналахъ, въ брошюрахъ и книгахъ, въ цѣляхъ и задачахъ новыхъ общественныхъ организацій: „общества улучшенія и укрѣпленія національной торговли", „общества развитія національной промышленности", „общества изученія желѣзнодорожнаго дѣла и развитія національнаго желѣзнодорожнаго строительства въ Китаѣ", „общества погашенія внѣшнихъ займовъ", „общества поднятія престижа Китая и защиты его верховныхъ правъ въ запя-

тыхъ иностранцами земляхъ", „общества единаго и нераздѣльнаго Китая". Китайскіе студенты основали „общество спасенія китайскаго народа", пропаганда котораго приняла опасный для европейцевъ характеръ. Окончательная побѣда этого націонализма въ предѣлахъ Монголіи будетъ означать рабство для монголовъ и очищеніе Монголіи отъ русскихъ. Не приходится сомнѣваться въ этомъ потому, что и сейчасъ отношенія между русскими и китайцами въ Монголіи не предвѣщаютъ ничего хорошаго. Торговая конкурренція только обостряетъ и питаетъ національную рознь.

Пламенный и узкій національзмъ, которымъ живетъ и дышетъ современный Китай, проявляется въ области торговой политики въ томъ, что Китай на нашихъ глазахъ воскрешаетъ принципы стараго меркантилизма. Очевидно, въ этомъ движеніи есть что-то, что въ разныя эпохи и у разныхъ народовъ находитъ почву для своего развитія. Китай уже сильно задолженъ Европѣ, что приводитъ его прежде всего къ прямой зависимости отъ западныхъ державъ, такъ какъ европейскіе кредиторы даютъ деньги Китаю на условіяхъ особыхъ гарантій, при наличности которыхъ легче и удобнѣе всего проводить систему придирчиваго контроля надъ внутренними дѣлами страны. Во-вторыхъ, занятый капиталъ, затраченный большею частью непроизводительно, лежитъ тяжелымъ бременемъ на хозяйствѣ государства и народа, истощаетъ жизненныя силы страны и создаетъ Китаю пассивный разсчетный балансъ. Государство съ такимъ балансомъ, находясь въ политической зависимости отъ комбинацій властныхъ чужихъ интересовъ, стоитъ на пути усиливающейся зависимости во всѣхъ дѣлахъ—внутреннихъ и внѣшнихъ. Меркантилистическими принципами думаютъ заткнуть течь въ китайскомъ народномъ хозяйствѣ, которая явилась результатомъ внѣшней задолженности и пассивнаго баланса. Но въ то же время эти принципы означаютъ для сосѣднихъ странъ исключительно неблагопріятныя тенденціи китайской торговой и внѣшней политики. Послѣдовательное проведеніе принциповъ меркантилизма, которое такъ тревожитъ дѣловую печать Англіи, для русскихъ въ Монголіи не можетъ предвѣщать ничего добраго. Съ этимъ придется серьезно считаться въ недалекомъ будущемъ при возобновленіи русско-китайскаго торговаго договора.

Таковы въ общихъ чертахъ ближайшія перспективы русскихъ въ Монголіи подъ угломъ зрѣнія китайско-русскихъ отношеній.

Интересно, конечно, оцѣнить эти перспективы съ точки зрѣнія китайско-монгольскихъ отношеній. Въ данное время Монголія даетъ впечатлѣніе обреченной страны. Китаю слишкомъ тѣсно внутри коренныхъ своихъ предѣловъ онъ неудержимо стремится

разлиться по восточной половинѣ Азіи. Китайцы идутъ въ Россію, въ Японію, противъ ихъ нашествія борются въ Америкѣ, на Филиппинахъ, въ Австраліи и Новой Зеландіи. Натискъ китайцевъ слишкомъ энергиченъ и—что особенно важно—массивенъ для того, чтобы обойти мимо такихъ незащищенныхъ странъ, какъ Монголія съ ея крайне разрѣженнымъ населеніемъ. Монголія въ качествѣ китайской провинціи и взятаго за горло китайскаго рынка является самой непосредственной жертвой китайской колонизаціи. Монголія гибнетъ подъ этимъ натискомъ. Особенно замѣтно это въ тѣхъ мѣстахъ Монголіи, которыя самой природой предназначены не для экстенсивнаго скотоводства, а для хлѣбопашества. Напоръ китайской колонизаціи вдохновляется пылающимъ ненавистью національнымомъ. Китайцы презираютъ монголовъ, монголы платятъ плохо скрываемой ненавистью. При встрѣчахъ монголовъ и китайцевъ въ тихихъ и уединенныхъ горныхъ долинахъ Монголіи всегда можно было наблюдать эти плохо скрываемыя чувства. Въ ургинской Монголіи намъ съ трудомъ удалось однажды удержать уртонныхъ монголовъ, везшихъ насъ въ Кяхту, отъ столкновенія съ группой китайцевъ. Страсти вспыхнули отъ одного слова, брошеннаго по адресу китайцевъ монголомъ.

Китай несетъ въ Монголію экономическое рабство, разрушаетъ основные устои монгольскаго экономическаго быта и вмѣстѣ съ тѣмъ не только выкачиваетъ изъ Монголіи весь ея годовой доходъ, но съ каждымъ годомъ урѣзываетъ и капиталъ ея народнаго хозяйства. Монголія стонетъ подъ игомъ китайскаго режима. Вмѣстѣ съ экономическимъ рабствомъ Китай внесъ въ Монголію глубоко внѣдрившійся политическій развратъ. Китай вытравилъ мечты монголовъ о возстановленіи политической самостоятельности, онъ взялъ на содержаніе монгольскихъ князей, приблизивъ ихъ къ Пекину и превративъ въ враговъ своего народа. Монгольскимъ князьямъ дали въ руки все, что только способно отравить жизнь ихъ подчиненныхъ. Произволъ и обирательство китайскихъ и монгольскихъ чиновниковъ—двѣ силы, которыя способствуютъ достиженію основной задачи китайской политики: подготовки Монголіи для китайской колонизаціи. Китайцы искусно превратили Монголію въ страну монаховъ. Тибетскій языкъ, на которомъ молятся монгольскіе ламы, обособилъ ихъ отъ народа. Непонятныя народу молитвы, извращенный буддизмъ, обиліе храмовъ, обрядовъ и жертвъ усыпили сознаніе монголовъ и понизили ихъ жизненный тонусъ. Потомки страшнаго Чингисъ-хана превратились въ послушниковъ и библейскихъ пастуховъ. Съ такимъ народомъ Китай, въ сердцѣ котораго сейчасъ живутъ хунхузы, конечно, справится быстро и

безповоротно. Экономическое рабство Монголіи обезцѣниваетъ для Россіи Монголію, какъ рынокъ. Правда, на мѣсто монголовъ сядутъ китайцы, но этотъ будущій рынокъ—журавль въ небѣ.

Если теперь учесть отношенія русскихъ и монголовъ, какъ факторъ будущихъ отношеній между двумя сосѣдними странами, то нужно признать, что здѣсь имѣется много благопріятныхъ моментовъ. Старыя симпатіи питаютъ и сейчасъ еще эти отношенія. Правда, русскіе торговцы, часто не стѣснявшіеся поступать съ монголами по-китайски, въ значительной мѣрѣ ослабили пылъ и идеализмъ этихъ симпатій, но окончательно ихъ еще не вытравили. Гнетъ китайцевъ поддерживаетъ эти симпатіи; неприглядная дѣйствительность питаетъ старыя надежды. „Мы смотримъ на сѣверъ", говорили намъ монголы. „Опушка нашей шапки на головѣ имѣетъ разрѣзъ на затылкѣ, это значитъ-у насъ нѣтъ враговъ на сѣверѣ, враги передъ лицомъ нашимъ", такъ символизируютъ монголы свое политическое міровоззрѣніе. Одинъ видный политическій дѣятель Монголіи-тамъ есть и такіе-говорилъ намъ: „мы сами ничего не можетъ сдѣлать, мы ждемъ помощи сильныхъ и указаній опытныхъ", и настойчиво спрашивалъ, какъ другіе выходятъ изъ невозможнаго положенія.

Подобныя мысли въ головахъ монголовъ зародились, какъ результатъ невозможнаго положенія вещей въ настоящее время. Эти мысли, не находя резонанса въ широкой монгольской массѣ, питаютъ политическое суевѣріе и авантюризмъ. Надеждамъ „на сѣверъ" былъ нанесенъ ущербъ русско-японской войной, во время которой русскіе боялись выходить въ Монголіи на улицы, а китайцы жадно ловили каждую вѣсть, распространяя чудовищные слухи. Политическія идеи, живущія въ головахъ интеллигентныхъ монголовъ, толкаютъ ихъ на путь смуты и борьбы съ китайцами, какъ это было въ послѣднее время. Эти же идеи опредѣлили отношеніе монголовъ къ конституціонному движенію въ Китаѣ: Монголія „не хочетъ" играть роли въ представительной палатѣ. Она либо посылаетъ въ палаты самыхъ молчаливыхъ своихъ сыновъ, либо взятками старается откупиться отъ назначенія депутатовъ. Монголы говорятъ, что когда нужно поймать стадо, прежде всего ловятъ козла. Монголія поэтому бережетъ своихъ „козловъ" или посылаетъ такихъ, которые не могутъ увлечь стада. Монголія учитываетъ и тотъ фактъ, что конституціонно-націоналистическое движеніе непріятно манчжурамъ, и на различіи интересовъ китайцевъ и правящихъ манчжуровъ хочетъ построить свое благополучіе. Отъ „сѣвера" къ манчжурамъ покорителямъ—такъ мечется неискусная, наивная политическая мысль современной Монголіи.

Китайцы ревниво и подозрительно слѣдятъ за этимъ броженiемъ немногихъ умовъ Монголiи, уцѣлѣвшихъ отъ буддiйскаго одурѣнiя и политическаго разврата. Китайцы разрабатываютъ законопроектъ объ иностранныхъ экспедицiяхъ въ Монголiю, прiѣзжающихъ съ трубами, картами и аппаратами. Китайскiе чиновники доносятъ изъ Монголiи въ Пекинъ „страшныя вещи". Китайцы недовольны и монголами, и русскими. Одинъ китайскiй чиновникъ Ванъ-Си-Чженъ доноситъ въ Пекинъ:

„Главнымъ чиновникомъ въ хошунѣ является тусалакчи, въ рукахъ котораго сосредоточена почти вся власть; если къ нему въ хошунъ прiѣзжаютъ китайскiе чиновники, то монгольскiя власти начинаютъ искать разныхъ поводовъ, чтобы затянуть или затормозить дѣло. Иногда они ссылаются на то, что ихъ князь въ Пкинѣ и что безъ него они ничего не знаютъ и не могутъ дѣлать распоряженiй. На предписанiя китайскихъ властей они не обращаютъ почти никакого вниманiя, смотрятъ на нихъ, какъ на ничего не значащую бумагу, и вообще принимаютъ всѣ мѣры для того, чтобы препятствовать китайскимъ властямъ въ монгольскихъ дѣлахъ".

„Жители хошуна Дурбетъ-Бейсэ, пишетъ другой китайскiй чиновникъ, пока еще почти въ дикомъ состоянiи и не признаютъ китайскихъ чиновниковъ". „Монголы сѣвернаго Хорлосскаго хошуна, сообщаетъ докладчикъ Ванъ-Ци- Юань, не симпатизируютъ китайцамъ".

Очень характерны росказни, сообщаемыя въ донесенiи китайскаго чиновника Чжанъ-Бина о сношенiяхъ князя Цзасакту-вана съ русскими. Русскiй комиссаръ въ Цицикарѣ, по словамъ донесенiя, прислалъ въ хошунъ Цзасакту-вана болѣе 1.000 берданокъ и много патроновъ. Князь взималъ при выдачѣ берданокъ монголамъ по 22 лана за каждую. Затѣмъ князь командировалъ отъ себя людей въ хошуны Восточной Монголiи съ казенными бумагами о томъ, чтобы переходить на сторону русскихъ. Донесенiе разсказываетъ басню о томъ, что Цзасакту-ванъ ѣздилъ въ Харбинъ съ главнымъ ламой кумирни Гегэнъ-Мяо и съ большой свитой, въ Харбинѣ онъ видѣлся со всѣми русскими властями, въ частности съ главнокомандующимъ Куропаткинымъ, которому онъ де и сообщилъ о посланныхъ всѣмъ князьямъ бумагахъ о переходѣ монголовъ на сторону русскихъ. Куропаткинъ телеграфировалъ объ этомъ будто бы въ Петербургъ, а оттуда телеграммой была пожалована князю русская оффицiальная одежда. Князь сообщилъ Куропаткину, что онъ предполагаетъ пригласить въ хошунъ изъ Урги Далай ламу, который издастъ приказъ по всей Монголiи о переходѣ монголовъ на русскую сторону. За это Цзасакту-ванъ получилъ въ Харбинѣ круп-

ную сумму денегъ. По возвращеніи домой князь командировалъ въ хошунъ Ара-Хор-Чинъ своего помощника для покупки рогатаго скота русскимъ. Попытки его пригласить Далай-Ламу не удались, такъ какъ послѣдній выѣхалъ на западъ.

Все это очень характерно для настроенія въ современной Монголіи.

Движеніе и броженіе умовъ въ Монголіи находитъ себѣ пищу не только въ томъ, что Китай даетъ монголамъ слишкомъ много горючаго матеріала, но и въ томъ, что экономическій бытъ Монголіи претерпѣваетъ, правда, медленную, но неуклонную эволюцію. Объ этомъ мы уже говорили въ главѣ II и III. Положеніе дѣлъ въ Монголіи стало невыгоднымъ не только оттого, что тамъ слишкомъ распоясался торговый капиталъ и усилился политическій гнетъ, но и оттого, что народно-хозяйственные устои монгольскаго народнаго быта стали сдаваться. Ни передъ глазами, ни впереди у монголовъ нѣтъ твердыхъ точекъ опоры. Монгольскій „феодализмъ", воплощенный въ формѣ изнурительной албы, не даетъ отдыху индивидуальнымъ монгольскимъ хозяйствамъ; въ то же время хошунныя хозяйства слишкомъ много берутъ и ровно ничего не даютъ Монголіи. Ламы поѣдаютъ Монголію, какъ саранча молодыя листья. Китайское управленіе унижаетъ, оскорбляетъ и истощаетъ. Торговля даетъ дорогой фабрикатъ, беретъ дешевое сырье и финансируетъ албу. Если Россія заключитъ дружескій союзъ съ Китаемъ, это будетъ означать продолженіе существующихъ отношеній, которыя уже сдѣлались невозможными. Если Монголія будетъ тянуться на „сѣверъ", китайцы зальютъ ее потоками крови и репрессій.

Гдѣ же выходъ? Гдѣ выходъ, полезный и для монголовъ, и для Россіи?

Слишкомъ велика противоположность между Монголіей и Китаемъ для того, чтобы можно было питать надежду на то, что обновленный Китай создастъ нормальныя условія для мирнаго сожительства и сотрудничества Монголіи и Китая. И національныя особенности, и языкъ, и вѣра, и исторія, все это такъ различно въ этихъ двухъ сосѣднихъ странахъ. Народное хозяйство въ нихъ построено на совершенно противоположныхъ основаніяхъ. А кромѣ того—Китаю слишкомъ нужны монгольскія долины, монгольскія горы, полныя различныхъ богатствъ.

Россія и Монголія.... Тѣ же различія, а кромѣ того русская окраинная политика, раздражающая инородные элементы имперіи. Нѣтъ, русскіе слишкомъ плохіе колоніальные политики. Нашъ становой приставъ и земскій начальникъ въ роли колонизаторовъ не выдержатъ экзамена передъ исторіей.

Монголія для монголовъ... Объ этомъ мечтаютъ лучшіе сыны этой обиженной и угнетенной страны. Правда, эти мечты не имѣютъ пока точекъ соприкосновенія съ печальной дѣйствительностью. Монголія для монголовъ осуществима, какъ историческая случайность, какъ результатъ борьбы сильныхъ интересовъ, одинаково чуждыхъ и Китаю, и Монголіи. Бытіе Китая, какъ имперіи, до сихъ поръ находится въ рукахъ европейскаго капитала, который исключительно въ своихъ интересахъ устами дипломатіи объявляетъ „неприкосновенность Китая“ и „открываетъ тамъ двери“. Будущее Китая, по нашему мнѣнію, связано съ интересами, лежащими въ Европѣ и Новомъ Свѣтѣ. Ни „сѣверъ“, ни манчжуры не могутъ принести монголамъ счастья. Игра конкуррирующихъ интересовъ и ихъ борьба можетъ случайно подарить Монголіи то, что живетъ въ ея сокровенныхъ мечтахъ.

Идеи, брошенныя американцемъ Ноксомъ о нейтрализаціи Манчжуріи, попадаютъ на воспріимчивую почву. Японская пресса дебатируетъ вопросъ о разграниченіи сферы вліяпія въ Китаѣ, отдавая Монголію Россіи, а себѣ предоставляя—южную Манчжурію, которую она не прочь нейтрализовать въ „японско-корейскомъ“ стилѣ. Идея нейтрализаціи Монголіи, которая, по нашему мнѣнію, является единственнымъ выходомъ въ интересахъ Монголіи и Россіи, можетъ со временемъ получить полное признаніе. Мелкія нейтральныя государства въ Западной Европѣ—очень полезные органы политическаго тѣла Европы. Почему не учредить во имя русскихъ интересовъ, во имя интересовъ Монголіи, наконецъ, во имя интересовъ общаго мира такіе же государства—буферы и въ Азіи? Китай „проснулся“ и сразу показалъ зубы на Западъ. Сразу обнажились тысячи верстъ русско-китайской границы, доселѣ охранявшіяся только самой природой. Государство—буферъ, подъ покровительствомъ сильнаго союза европейскихъ державъ, снова прикроетъ обнаженныя границы. Иначе военныя тяготы Россіи возрастутъ до невыносимыхъ предѣловъ.

Нейтрализація Монголіи сама по себѣ еще не дастъ Монголіи всего того, что нужно для ея укрѣпленія въ качествѣ защитнаго органа. Она истощена не только китайскими дѣйствіями, но и внутри ея есть незаживающія язвы. Монгольскій феодализмъ будетъ всегда препятствіемъ къ оживленію производительныхъ силъ Монголіи. Когда Японія въ 1866 году свергла старый режимъ, то первымъ ея шагомъ было уничтоженіе феодальныхъ отношеній. Феодалы продали свои права новому государству, которое даже въ періодъ напряженнѣйшаго состоянія своихъ финансовъ не потѣснилось произвести этотъ выкупъ по дорогой оцѣнкѣ. Т оже необходимо сдѣлать

и въ Монголіи. И тѣ державы, которыя подадутъ Монголіи руку помощи въ ея тяжкой долѣ, быть можетъ, откроютъ новую эру въ ея исторіи. Они должны будутъ выкупить феодальныя права монгольскихъ родовыхъ властителей, заплатить имъ деньги изъ займа, который въ свою очередь создастъ почву для международнаго контроля за страной, живущей слишкомъ близко къ голодному землей Китаю. Китай уже и сейчасъ куетъ въ новой формѣ старыя цѣпи. Не даромъ, какъ сообщали иностраннымъ газетамъ изъ Пекина, тамъ было совѣщаніе китайскихъ принцевъ, монгольскихъ князей и китайскихъ капиталистовъ о способахъ освобожденія монгольскихъ князей, задолжавшихъ Россіи, и о способахъ раціональной эксплоатаціи природныхъ богатствъ Монголіи. Совѣщаніе имѣло аудіенцію у регента.

Быть можетъ, эти мысли покажутся слишкомъ утопичными и несбыточными, но гдѣ же другой выходъ изъ создавшагося положенія вещей? Не говоримъ уже о Монголіи. Она при сохраненіи существующихъ условій обречена на печальную долю. Но за наши утопичныя мысли говорятъ правильно понятые—смѣемъ это думать,—интересы Россіи.Въ перекройкѣ политической карты даже въ предѣлахъ старой Европы XIX вѣкъ показалъ осуществимость такихъ „утопій“, которыя наканунѣ были бы названы бредомъ нездоровой мысли. А вѣдь Востокъ только еще начинаетъ втягиваться въ общій круговоротъ міровыхъ событій. Передъ лицомъ грядущихъ событій мы, русскіе, должны всегда стоять съ ясно сознанными интересами и готовыми планами и требованіями.

Оздоровленіе политическихъ условій въ Монголіи быстро залечитъ ея народно-хозяйственныя раны. Монгольское народное богатство—всего менѣе продуктъ примѣненія человѣческаго труда, оно даръ природы. Если не трогать капитала этого хозяйства и не расхищать дохода, то Монголія весьма скоро экономически окрѣпнетъ. Съ другой стороны, та эволюція экономическаго быта Монголіи, о которой мы уже отчасти говорили, обѣщаетъ Монголіи другой источникъ оживленія. Торговый капиталъ является самымъ истощающимъ факторомъ въ развитіи всѣхъ колоній. Поэтому нужно дать толчокъ къ развитію собственныхъ производительныхъ силъ страны, поощрить различные виды добывающей и обрабатывающей промышленности, для чего въ Монголіи такъ много естественныхъ рессурсовъ и условій. Промышленный капиталъ внесетъ новыя силы въ экономическую и соціальную среду Монголіи и укрѣпитъ ея позицію, ослабивъ цѣпи зависимости отъ иностраннаго торговаго капитала.

Все это, конечно, дастъ въ результатѣ рядъ политическихъ выгодъ Россіи и создастъ ей емкій рынокъ. Отсюда можетъ пойти дальнѣйшее завоеваніе рынковъ, которые и теперь уже нужны нашей промышленности. Но торговый капиталъ, который пойдетъ въ обновленную Монголію, потребуетъ, чтобы и русскіе товары были такъ же дешевы, какъ тѣ, которыми теперь китайцы торгуютъ въ Монголіи. А для этого нужна огромная созидательная и культурная работа внутри самой Россіи. Въ противномъ случаѣ всякое выступленіе па внѣшнемъ рынкѣ будетъ или заканчиваться проваломъ, или затяжнымъ кризисомъ, подобнымъ тому, который въ данное время разъѣдаетъ русско-монгольскую торговлю.

Краткая замѣтка къ картѣ Монголіи.

Прилагаемая карта торговыхъ путей и русскихъ факторій въ Монголіи составлена исключительно по русскимъ даннымъ. Въ основу карты физической поверхности Монголіи положена русская карта генеральнаго штаба, въ масштабѣ 40 верстъ въ англійскомъ дюймѣ. Къ сожалѣнію, эта карта не отличается большой точностью, но въ виду того, что главное вниманіе было обращено на спеціальныя задачи карты, точностью послѣдней въ данной области пришлось нѣсколько поступиться; но нѣкоторыя, особенно крупныя погрѣшности, замѣченныя мною при посѣщеніи въ 1905, 1908 и 1909 г.г. Зап. Джунгаріи, Тарбагатайской области, Монгольскаго Алтая, С.-З. Монголіи и Сойотіи, были исправлены и поправки внесены по составленной мною картѣ С.-З. Монголіи [1]).

Такъ какъ для компактности карты пришлось ее уменьшить до масштаба 60 верстъ въ дюймѣ, то нѣкоторыя не имѣющія существеннаго значенія детали были опущены.

При нанесеніи на полученное основаніе карты линій торговыхъ путей я пользовался какъ указаніями участниковъ экспедиціи, такъ и данными, имѣющимися въ литературѣ о Монголіи.

Русскія факторіи въ Монголіи нанесены по даннымъ проф. М. Н. Соболева, инженера Родевича [2]) и А. Н. Петрова [3]). Первые два дали свѣдѣнія о Сойотскомъ краѣ, послѣдній—объ остальной Монголіи.

Для облегченія пользованія картой къ ней приложены два указателя. Первый, въ порядкѣ номеровъ факторій на картѣ, даетъ возможность опредѣлить фамилію владѣльца данной факторіи на картѣ; второй, алфавитный указатель фамилій факторіевладѣльцевъ, позволяетъ найти факторію даннаго лица на картѣ.

Конечно, данная карта является только первымъ опытомъ по составленію карты подобнаго рода для Монголіи.

---

[1]) См. книгу проф. В. В. Сапожникова «Монгольскій Алтай въ истокахъ Иртыша и Кобдо. Томскъ, 1911».

[2]) Родевичъ, Очеркъ Урянхайскаго края.

[3]) А. Петровъ: Опытъ карты мѣстоположеній русскихъ торговыхъ предпріятій въ Монголіи.

В. В. Обручевъ.

Списокъ

русскихъ селеній и русскихъ фирмъ въ Монголіи и Сойотіи.

№№ на картѣ.	ФАМИЛІИ.	№№ на картѣ.	ФАМИЛІИ.
1	Монастыршинъ.	38	Спиринъ
2	Валеевъ Гали.	39	Себи (селеніе).
3	Тагиръ.	40	Отрываловка (селеніе).
4	Брюхановъ.	41	Карагашъ (селеніе).
5	Леоновъ.	42	Скобѣевъ.
6	Ивановъ Захаръ.	43	Крыловъ.
7	Тухотуллинъ.	44	Чистяковъ.
8	Булгаковъ.	45	Самойловъ.
9	Мясинъ.	46	Мозгалевскій.
10	Широковъ.	47	Садовскій.
11	Сабитовъ.	48	Пустоваловъ.
12	Яковлевъ.	49	Никифоровъ Иванъ Константиновичъ.
13	Никулинъ 1-й.		
14	Никулинъ 2-й.	50	Поповъ Алексѣй Степановичъ.
15	Бяковъ Максимъ Ивановичъ.	51	Мальцевъ Михаилъ Алексѣевичъ.
16	Медвѣдевъ.		
17	Вавилинъ.	52	Грѣховъ.
18	Пѣстуновъ.	53	Дробининъ.
19	Вильнеръ.	54	Поповъ Иванъ Степановичъ.
20	Князевъ.		
21	Артамоновъ.	55	Корольковъ Семенъ Григорьевичъ.
22	Тарховъ.		
23	Сафьяновъ Георгій Павловичъ.	56	Петровъ Михаилъ Ивановичъ.
24	Урзубай.	57	Рогалевъ Семенъ Петровичъ.
25	Черневичъ.		
26	Ведерниковъ.	58	Кутергинъ и Лебедевъ.
27	Шепелинъ.	59	Мокинъ.
28	Медвѣдево (селеніе)	60	Колотиловъ.
29	Шершневка (селеніе).	61	Стародубовъ Степанъ Николаевичъ.
30	Потылицинъ.		
31	Скрыгинъ.	62	Кузнецовъ Разумникъ Ивановичъ.
32	Бегреда (селеніе).		
33	Сафьяновъ Андрей Павловичъ.	63	Кричевцевъ.
		64	Ассановъ Николай Ивановичъ.
34	Уюкъ (селеніе).		
35	Чирковъ.	65	Щепкинъ.
36	Хабаровъ.	66	Кряжевъ Павелъ Илларіоновичъ.
37	Туранъ (селеніе).		

№№ на картѣ.	ФАМИЛІИ.	№№ на картѣ.	ФАМИЛІИ.
67	Кряжевы.	105	Чендековъ В. С.
68	Стафуртскій.	106	Шебалинъ М. П.
69	Чумановъ Михаилъ Исаковичъ.	107	Шипицинъ Н. П.
		108	Толмачевъ.
70	Захаровъ.	109	Шевяковъ.
71	Гутбецаль Бр.	110	Зайцевъ
72	Андреевъ.	111	Юшинъ.
73	Булгаковъ А. И.	112	Шаповъ.
74	Копыловъ Павелъ Андреевичъ.	113	Шефтель.
		114	Рихенштейнъ.
75	Бобровъ Трифонъ Григорьевичъ	115	Серебряковъ.
		116	Игнатьевъ.
76	Бодуновъ Андрей Григорьевичъ.	117	Васеневъ Андрей Даниловичъ
77	Бусыгинъ А. С.	118	Барановъ.
78	Потанинъ А. П.	119	Разгильдяевъ.
79	Киряковъ В. Ф.	120	Шишмаковъ.
80	Котельниковъ А. Н.	121	Шильниковъ.
81	Мининъ М. О.	122	Скобевинъ.
82	Хакинъ.	123	Молчановы Бр.
83	Стукенъ и К-о.	124	Прокинъ.
84	Игнатьевъ Іона Григорьевичъ	125	Урмачеевъ.
		126	„Монголоръ“.
85	Коршуновъ А. П.	127	Петровъ.
86	Бидерманъ.	128	Карнаковъ.
87	Коковинъ и Басовъ.	129	Шильниковъ.
88	Рѣшетниковъ Ф. П.	130	Шишмаковъ.
89	Смирновъ Я. Л.	131	Коркинъ.
90	Мальцевы Бр.	132	Лушниковъ.
91	Борисовъ Н. К.	133	„Второвъ А. Ф. Т-во“.
92	Матвѣевъ С. М.	134	Голиковъ И. П.
93	Ортюгинъ.	135	Бобровъ И. Г.
94	Еринъ Я. П.	136	Жарковъ.
95	Игнатьевъ Ф. П.	137	Гуляевъ И. Д.
96	Коршуновъ Д. З.	138	Нѣичиновъ.
97	Устиновъ К. М.	139	Афанасьевъ А. С.
98	Побѣдинскій.	140	Козловскій М. А.
99	Козаковъ П. В.	141	Ловчановъ А. Ф.
100	Ивановы Бр.	142	Рыбаково (селеніе).
101	Конининъ С. А.	143	Грязнухинъ.
102	Хмелевъ А.	144	Пашковъ А. П.
103	Кузнецовъ К. Д.	145	Тимановичъ.
104	Котельниковъ М. Н.		

Алфавитный списокъ

русскихъ фирмъ, торгующихъ въ Монголіи и Сойотіи съ указаніемъ мѣстонахожденія ихъ факторій на картѣ.

(Латинскія буквы означаютъ вертикальные столбы, римскія цифры— горизонтальныя, арабскія цифры слѣдующія непосредственно за сочитаніемъ латинской буквы и римской цифры, означаютъ число факторій въ данномъ квадратѣ).

ФАМИЛІИ.	№№	Мѣста факторій на картѣ.	Общее число факторій.
Андреевъ.	72	CIV	1
Артамоновъ.	21	ДIII	1
Ассановъ Н. И.	64	CIV CIV-V, FV	3
Афанасьевъ А. С.	139	BIII-IV	1
Барановъ.	118	LIV-V	1
Басовъ и Коковинъ.	87	FV2, LIV-V	3
Бидерманъ.	86	FV	1
Бобровъ И. Г.	135	JIV	1
Бобровъ Т. Г.	75	EIV3	3
Бодуновъ А. Г.	76	EIV, EV, FIV2, FV2	6
Борисовъ Н. К.	91	FIV2	2
Брюхановъ.	4	CIII	1
Булгаковъ А. И.	73	BIV	1
Булгаковъ.	8	CIII	1
Бусыгинъ А. С.	77	EV	1
Бяковъ М. И.	15	CIII	1
Вавилинъ	17	ДIII, ДII	2
Валеевъ Г.	2	CIII, ДIII	2
Васеневъ А. Д.	117	LIV	1
Ведерниковъ.	26	ДII-III, EIII	2
Вильнеръ.	19	CIV, ДIII	2
„Второвъ и С-ья".	133	LIII	1
Голиковъ И. П.	134	LIII	1
Грѣховъ.	152	BIV, ДIV-V	2
Грязнухинъ.	43	LV	1
Гутбецаль.	71	BIV, CIV, FV, HV, LV	5
Гуляевъ И. Д.	137	CV	1
Дробининъ.	53	CIV2	2
Еринъ Я. П.	94	FV	1
Жарковъ.	136	FV	1
Зайцевъ.	110	LIV-V	1
Захаровъ.	70	CIV	1
Ивановъ З.	6	CIII	1

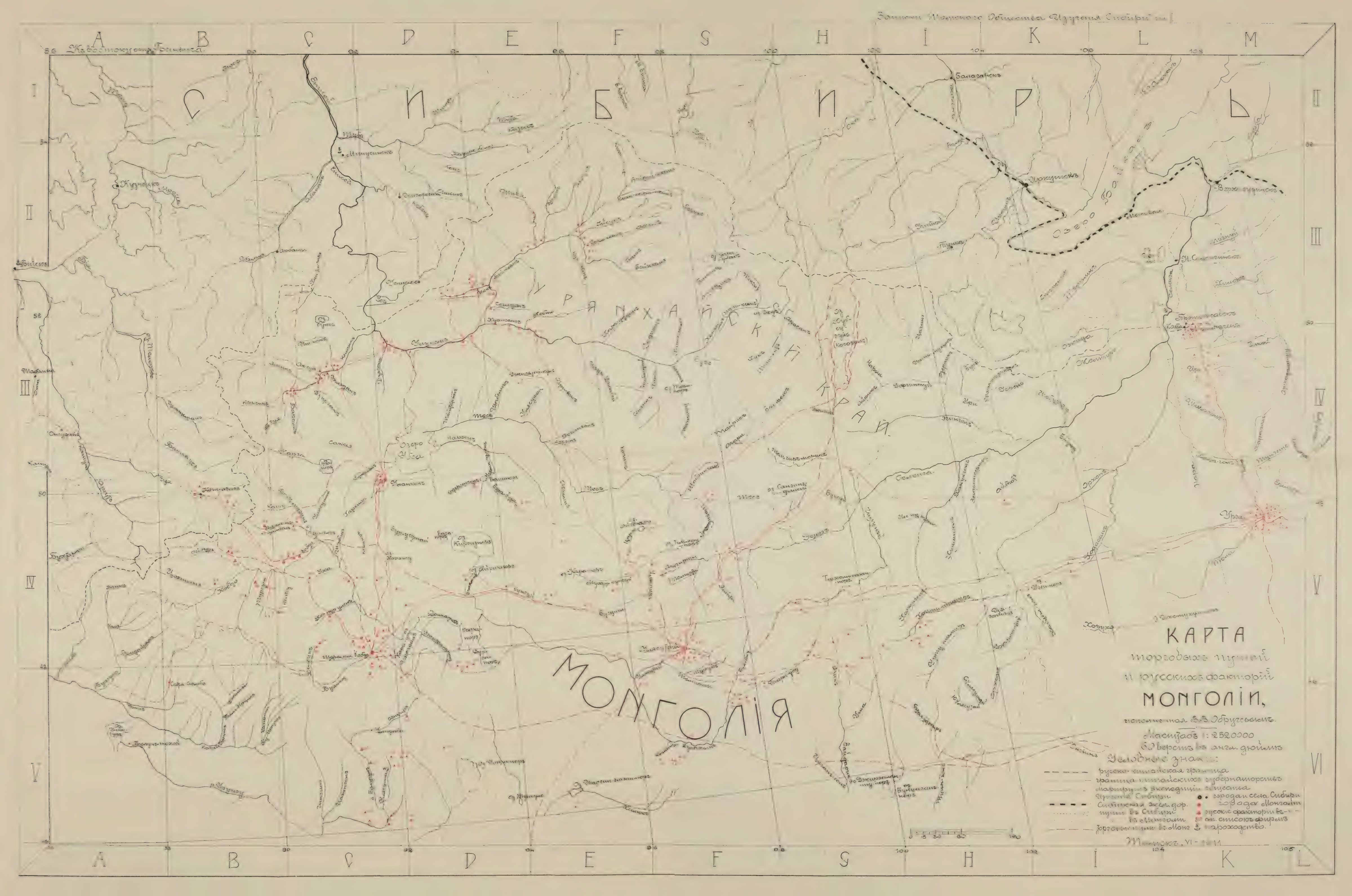
ФАМИЛІИ.	№№	Мѣста факторій на картѣ.	Общее число факторій.
Ивановы.	100	GV2, HV	3
Игнатьевъ.	116	LIV	1
Игнатьевъ І. Г.	84	FV	1
Игнатьевъ Ф. П.	95	FV	1
Карнаковъ.	128	LIV-2	2
Киряковъ В. Ф.	79	FIV2	2
Князевъ.	20	ДIII	1
Козаковъ П. В.	99	FV	1
Козловскій М. А.	140	BIV	1
Коковинъ и Басовъ.	87	FV2, LIV-V	3
Колотиловъ.	60	ДIV, EIV, FIV	3
Конинпнъ С. А.	101	GV	1
Копыловъ П. А.	74	CIV, BIII	2
Коркинъ.	131	LIII	1
Корольковъ С. Г.	55	CIV2, CV, ДIV, ДV2	6
Коршуновъ А. П.	85	FV	1
Коршуновъ Д. З.	96	FV	1
Котельниковъ А. Н.	80	FIV-4	4
Котельниковъ М. Н.	104	GV, HV	2
Кричевцевъ.	63	CIV	1
Крыловъ.	43	EII	1
Кряжевъ П. И.	66	CV2, ДV	3
Кряжевы.	67	CV2	2
Кузнецовъ К. Д.	103	GV	1
Кузнецовъ Р. И.	62	CV2	2
Кутергинъ и Лебедевъ.	58	CIII-IV	1
Лебедевъ и Кутергинъ.	58	CIII-IV	
Ловчановъ А. Ф.	141	BIV	1
Леоновъ.	5	CIII	1
Лушниковъ.	132	LIII	1
Мальцевъ М. А.	51	CIV3	1
Мальцевы.	90	FIV FV	3
Матвѣевъ С. М.	92	F-GIV	2
Медвѣдевъ.	16	ДII, ДIII	1
Мининъ М. О.	87	FIV4	2
Мозгалевскій.	46	EII, FII	4
Мокинъ.	59	CIII, ДIV, EIV, FIV3, FV	2
Молчановы.	123	LIII, LV	7
Монастыршинъ.	1	CIII	2
„Монголоръ“	126	LIV	1
Мясинъ.	9	CIII	1
Никифоровъ И. К.	49	BIV3	1
			3

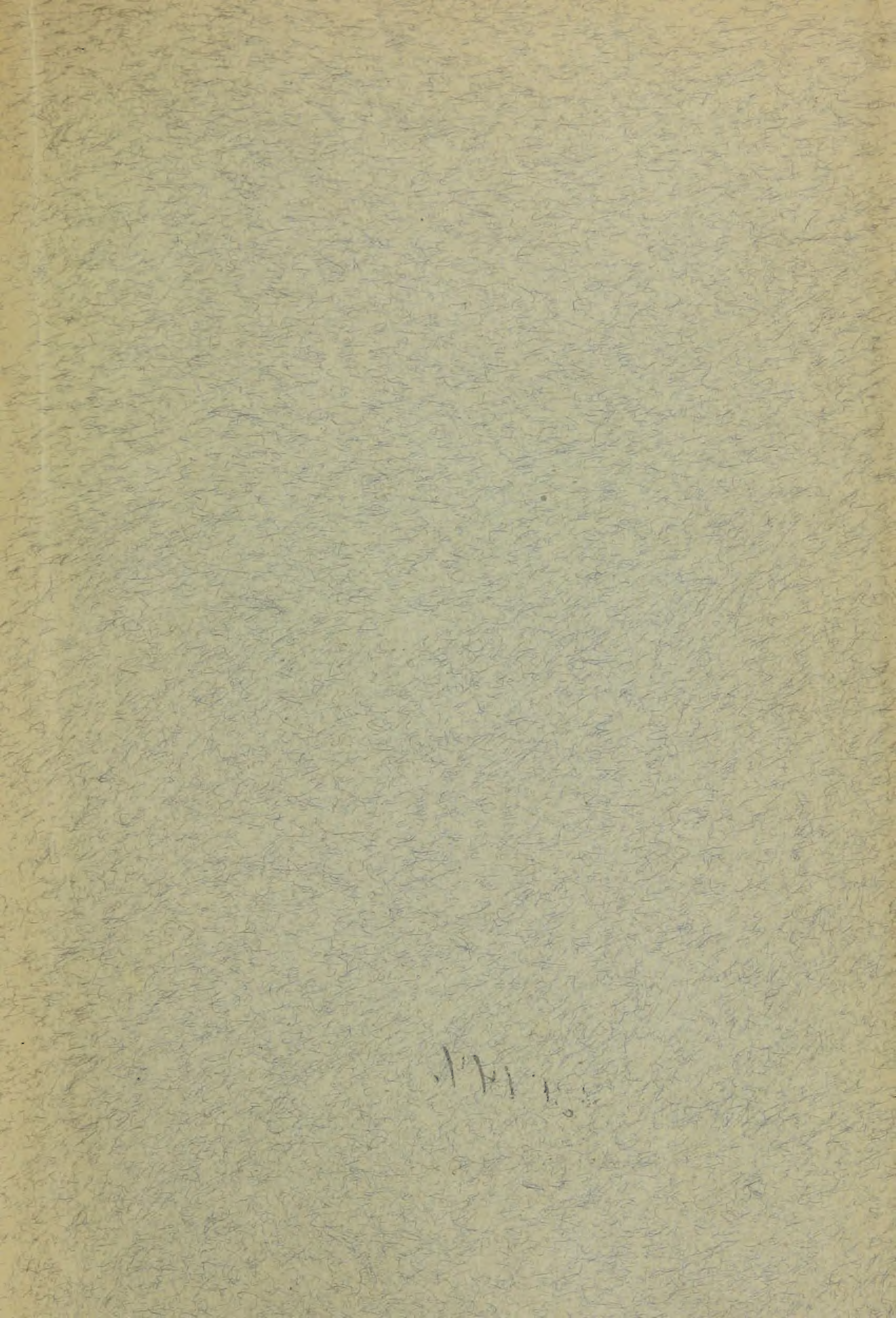
ФАМИЛІИ.	№№	Мѣста факторій на картѣ.	Общее число факторій.
Никулинъ I.	13	CIII	1
Никулинъ II.	14	CIII	1
Нѣмчиновъ.	138	LIII	1
Ортюгинъ.	93	FV, GIV	2
Пашковъ А. П.	144	FV	1
Петровъ.	127	LIV	1
Петровъ М. И.	56	CIV2	2
Побѣдинскій.	98	GV	1
Поповъ А. С.	50	BIV, CV3, ДV6, EIV	11
Поповъ И. С.	54	CIV2	2
Потанинъ А. П.	78	EV	1
Потылицинъ.	30	EIII	1
Прокинъ.	124	LV	1
Пустоваловъ.	48	BIV3	3
Пѣстуновъ.	18	ДIII	1
Разгильдяевъ.	119	LV	1
Рихенштейнъ	114	LV	1
Рогалевъ.	57	CIV2, ДIV	3
Рѣшетниковъ Ф. П.	88	FV, GV	2
Сабитовъ.	11	CIII	1
Садовскій.	47	FII	1
Самойловъ.	45	EII	1
Сафьяновъ А. П.	33	EII	1
Сафьяновъ Г. П.	23	ДIII, EIII, FII	3
Серебряковъ.	115	LIV	1
Скобевинъ.	122	LIV	1
Скобѣевъ.	42	EII2, FII	3
Скрыгинъ.	31	EIII	1
Смирновъ Я. Я.	89	FIV	1
Спиринъ.	38	EII	1
Стародубовъ. С. Н.	61	CIV	1
Стафуртскій.	68	BIV,CV,ДIV,FIV,FV2	6
Стукенъ.	83	FV, LV	2
Тагиръ.	3	CIII	1
Тарфовъ.	22	ДIII	1
Тимановичъ.	145	LV	1
Толмачевъ.	108	HV-VI, JV	2
Тухотуллинъ.	7	CIII	1
Урзубай.	24	ДIII	1
Урмачеевъ.	125	LV, LIV6	7
Устиновъ К. М.	97	FV	1
Хабаровъ.	36	ДII2	2
Хакинъ.	82	FV, GV, HV	3

ФАМИЛІИ.	№№	Мѣста факторій на картѣ.	Общее число факторій.
Хмелевъ А.	102	GV	1
Чендековъ В. С.	105	HV	1
Черневичъ.	25	EIII	1
Чирковъ.	35	ДII	1
Чистяковъ.	44	EII	1
Чумачовъ М. И.	69	CIV	1
Шаповъ.	112	LIV	1
Шебалинъ М. П.	106	HV	1
Шевяковъ.	109	JV	1
Шепелинъ.	27	ДII-III, EIII	2
Шефтель.	113	LIV	1
Шильниковъ.	121	LV	1
Шильниковъ.	129	LIII	1
Шипицынъ.	107	HIV	1
Широковъ.	10	CIII	1
Шишмаковъ.	120	LV	1
Шишмаковъ.	130	LIII	1
Щепкинъ.	65	CV, ДV	2
Юшинъ.	111	LV	1
Яковлевъ.	12	CIII	1
		Всего факторій . . .	244

Русскія поселенія въ Сойотіи.

Бегреда	32	EIII	
Карагашъ.	41	EII	
Медвѣдево.	28	EIII	
Отрываловка.	40	EII	
Рыбаково.	142	HIII	
Себи.	39	EII	
Туранъ.	37	ДII	
Уюкъ.	34	ДII	
Шершневка.	29	EIII	


Записки Томского Общества Изучения Сибири т. I
СИБИРЬ
УРЯНХАЙСКІЙ КРАЙ
МОНГОЛІЯ
Озеро Байкалъ
Иркутскъ
Урга
КАРТА
торговыхъ путей
и русскихъ факторій
МОНГОЛІИ,
исполненная В. В. Обручевымъ.
Масштабъ 1: 2520000
60 верстъ въ англ. дюймѣ
Условные знаки:
русско-китайская граница
граница китайскихъ губернаторствъ
маршруты экспедиціи общества
города и села Сибири
города Монголіи
русскія факторіи
пароходство.
Томскъ, VI - 1911
A B C D E F G H I K L M



Цѣна 4 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ

Въ Тип. Сиб. Т-ва П. Д. Томскъ, уг. Дворянск. и Ямск. п. с д.

Выписывающіе изъ склада за пересылку не платятъ.